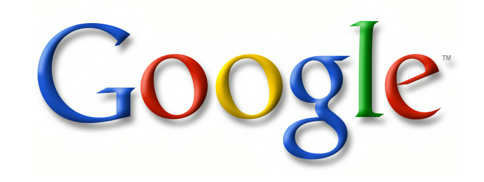
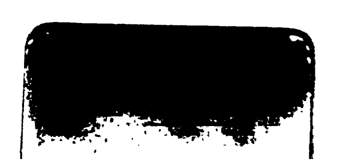

Google

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

II.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ЗА ИСТЕКАЮЩЕЕ СТОЛѢТІЕ,

СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ЯНВАРЯ 12-ГО 1755 ГОДА,

ПО ДЕНЬ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ЯНВАРЯ 12-ГО 1855 ГОДА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ТРУДАМИ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ,

ЗАНИМАВШИХЪ КАѲЕДРЫ ВЪ 1854 ГОДУ,

И РАСПОЛОЖЕННЫЙ ПО АЗБУЧНОМУ ПОРЯДКУ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1855.

Печатать позволяется.

Ректоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета,

Аркадій Альфонскій.

Москва. Января 2-го дня. 1855 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БІОГРАФІЙ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

содержащихся во второмъ томѣ словаря,

съ обозначеніемъ годовъ ихъ служенія въ Московскомъ Университетѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

М.

Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ, Ординарный Профессоръ Ботаники, бывшій Ректоромъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, Статскій Совѣтникъ, родился 1804 года 3-го Сентября, въ Украинской степи на Востокъ отъ Золотоноши, въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ, въ дому бабки своей Анны Савичны Тимковской. Тамъ проживалъ мужъ святой жизни—Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, по смерти брата своего, воспитавшій и передавшій Москвѣ пятерыхъ племянниковъ своихъ, которые всѣ были писателями, и два изъ нихъ Профессорами. — Меньшая сестра ихъ, Гликерія Ѳедоровна, родившаяся 1788 г., была матерью Максимовича. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, оставилъ, въ 1803 году, по волѣ отцовской, едва начатую службу въ Кіевѣ и, женясь на 21-мъ году отъ роду, жилъ подъ Переяславомъ, въ хуторѣ Староселье, надъ рѣчкою Караныо, гдѣ Максим. и пробылъ до трехлѣтняго возраста. Послѣ того около году семья жила въ Приднѣпровскомъ селѣ Прохоровкѣ, Золотоношскаго уѣзда, у дѣда *Ивана Ивановича*, любившаго суровую, старосвѣтскую простоту жизни, и въ народѣ извѣстнаго подъ именемъ «стараго майора.» Прадѣдъ же служилъ сотникомъ, «Бубновской сотни»; а въ 80-хъ годахъ, по преобразованіи Малороссіи, служилъ по выборамъ, сперва Судьею, а потомъ Предводителемъ Золотоношскаго дворянства. Въ этомъ званіи находился онъ, въ числѣ провожавшихъ Екатерину Вторую Днѣпромъ, отъ Кіева до Кременчуга, въ Апрѣлѣ 1787 года. Послѣ того, оставаясь въ чинѣ бунчуковаго товарища, дожилъ онъ вѣкъ свой въ Кіевѣ (гдѣ нѣкогда жилъ и служилъ его прадѣдъ, родоначальникъ Максимовичей, *Максимъ Печерскій*), и въ концѣ 1801 года погребенъ на горѣ Щековицѣ.

Пятый годъ жизни прошелъ въ Тимковщинѣ. Отсюда М. отданъ былъ въ Благовѣщенскій женскій монастырь, бывшій въ Золотоношѣ, въ которомъ учились грамотѣ и мать Максимовича и всѣ дяди его, Тимковскіе. Тамъ у черницы Варсонофіи, сестры Генерала Голёнки, прошелъ онъ *грамматику*, *часословецъ и псалтырь*, (монастырскій курсъ наукъ, установленный еще Св. Кирилломъ-Философомъ, первоучителемъ Славянскимъ). Между тѣмъ отецъ его перемѣстился на должность въ Черниговскую губернію. Въ туже пору и старшій дядя его, Илья Өедоровичь Тимковскій, — Докторъ обоихъ Правъ и Философіи, бывшій Профессоромъ Русскаго Законовѣдѣнія въ Харьковскомъ Университетѣ, — оставивъ по болѣзни службу, поселился въ Турановкѣ на р. Шосткѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Глухова (въ имѣніи жены своей Софьи Ивановны, урожденной Халанской). Туда взялъ Максимовича И. Ө. къ себѣ, въ 1811 году, и училъ началамъ разныхъ наукъ и по Латыни. Подъ конецъ достопамятнаго 1812 года отданъ былъ въ Новгородскую Гимназію, которая въ 1808 г. открыта была Ильею же Өедоровичемъ (какъ Визитаторомъ Харьковскаго Округа съ 1803 года) и въ которой Директоромъ былъ тесть его, Статскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичь Халанскій.

Въ Гимназіи семь лѣтъ прошли для Максимовича какъ семь мѣсяцевъ. Живописное положеніе Новгорода-Сѣверскаго надъ Десною, съ его древнимъ Спасскимъ монастыремъ на каменистой горѣ, давали душѣ поэтическое настроеніе. Учили всему по-верхамъ: Г. П. Македонскій, назидая въ Русской Словесности, декламируя Ломоносова и Державина, поучалъ и Эстетикѣ, и Психологіи, и даже Политической Экономіи. Молодой учитель Затеплинскій (впослѣдствіи бывшій въ Харьковѣ Профессоромъ Астрономіи) преподавалъ Физику, а послѣ уроковъ ея декламировалъ Людмилу и другія, одно за однимъ появлявшіяся, стихотворенія Жуковскаго. Учитель Сухомлиновъ преподавалъ Естественную Исторію, называя Латинскими именами разныя растенія: ему-то обязанъ Максимовичь своимъ первоначальнымъ знаніемъ Ботаники. Онъ такъ пристрастился къ ней тогда, что для собиранія Новгородсѣверской флоры, то и дѣло бывало бродилъ,

въ Троицкомъ монастырскомъ саду, или въ Цуприцкомъ рву, или въ гаю Полковницкомъ. Знакомство съ аптекаремъ Н. О. Кампіони, бывшимъ послѣ Смотрителемъ Новгородсѣверскаго училища, доставило Максимовичу случай узнать въ натурѣ и въ Латинскихъ названіяхъ «врачебное веществословіе.» — Ботаникѣ онъ пожертвовалъ успѣхами въ другихъ наукахъ, которыя спустились съ прежней превосходной степени на очень хорошую и даже просто хорошую! Въ Іюнѣ 1819 г., проговоривъ рѣчь «Объ истинномъ просвѣщеніи» на публичномъ экзаменѣ, Максимовичъ получилъ аттестатъ. Учитель Зәтеплинскій на прощаньѣ желалъ ему исполненія гимназической мечты: быть Московскимъ Профессоромъ Ботаники. — Побывавъ на родинѣ, 15-ти лѣтъ, простился съ нею. Около 25-го Сентября, съ сердечнымъ трепетомъ, увидѣлъ *Бѣлокаменную.* Къ вечеру того же дня былъ уже въ Университетскомъ домѣ у дяди своего, Романа Өедоровича Тимковскаго, который былъ первымъ путеводителемъ его по Кремлю. Записавъ его въ Студенты Словеснаго отдѣленія, онъ (по праву Директора Педагогическаго Института) помѣстилъ его въ одинъ изъ Кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую, въ верхнемъ этажѣ. Объ опредѣленіи на казенный коштъ и слышать не хотѣлъ онъ... Но Максимовичъ не долго пользовался его руководствомъ: онъ скончался 15-го Января 1820 года. Дѣдовскихъ денегъ едва стало до Января; и для него глубокій тогда смыслъ имѣлъ Мерзляковскій стихъ:

«Повѣрь, Діафанъ, мнѣ, лишь бѣдность раждаетъ искусство.»

Проѣздъ через Москву въ Китай младшаго дяди Егора Өедоровича Тимковскаго, памятенъ былъ ему опредѣленіемъ въ казеннокоштные Студенты. Въ томъ же 1820 году, въ Августѣ, увидѣлъ онъ въ Москвѣ и Василія Өедоровича Тимковскаго, запечатлѣннаго геніальною силою ума и слова. Его проѣзды чрезъ Москву изъ Оренбурга въ Грузію и обратно не разъ воодушевляли Студента новою силою. Онъ строго слѣдовалъ совѣту его не пускаться въ ремесло уроковъ и не тратить на то золотаго времени студентства. Весь досугъ отъ лекцій посвящаемъ былъ любимой наукѣ. Неутомимо обходилъ Максимовичъ Воробьевы горы и другія окрестности

Москвы, собирая себѣ Московскую флору. Первымъ наставникомъ и помощникомъ его въ Ботаникѣ былъ Адъюнктъ Левъ Ѳедоровичь Гольдбахъ. Ему обязанъ и поѣздкою въ Горенки, весною 1821 года, и первымъ знакомствомъ съ Ботаникомъ Фишеромъ.

Два года пробылъ Максимовичь въ Словесномъ отдѣленіи, гдѣ всего болѣе плѣнялся обаятельнымъ краснорѣчіемъ Мерзлякова, о которомъ и нынче восклицаетъ какъ о древнемъ Баянѣ: «о соловію стараго времени!»

Въ Августѣ 1821 года, имѣвъ право пробыть еще два года на казенномъ коштѣ, перешелъ въ отдѣленіе Физико-Математическое. Тутъ сблизился съ Профессоромъ Ботаники Гофманомъ. Но звѣздою сего отдѣленія въ Университетѣ заблестѣлъ тогда, прибывшій изъ-за границы Профессоръ, Минералогіи и Сельскаго Хозяйства Павловъ. Его лекціи о природѣ, въ духѣ Натуральной Философіи, строго-логическія и художественно-округленныя, питали новою жизнію молодые умы студентовъ.

Пробывъ два года въ Физико-Математическомъ отдѣленіи, Максимовичь удостоенъ былъ, 30-го Іюня 1823 года, степени Кандидата «за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе.»

Дипломъ Кандидата былъ двойною радостью для Студента, потому что осчастливилъ его мать, когда она получила его. Вотъ что писала она тогда къ нему: «Благодарю Творца Небеснаго, что онъ насъ не оставляетъ, и да ниспошлетъ Онъ на тебя благодать Свою на всю твою жизнь!... Старайся, другъ мой, чтобы я наслѣдила бабушку твою, Тимковскую: ибо я очень помню, какъ бывало она часто плачетъ отъ радости за твоихъ дядей....» Сладкимъ отдыхомъ послѣ 4-лѣтняго студентства была вакація, проведенная въ ботаническомъ саду за Сухаревою башнею, у Профессора Гофмана.

Съ кандидатства началась служба М. при Университетѣ. Въ Іюлѣ 1823 г., онъ назначенъ былъ въ библіотеку, заниматься разборкою и приведеніемъ въ порядокъ книгъ, для систематическаго каталога, подъ руководствомъ библіотекаря Профессора Рейса; а черезъ годъ поручено было заниматься разборкою Университетскихъ гербаріевъ, у Профессора Гофмана. Кромѣ того поручено было отъ Университета, въ лѣт-

ніе мѣсяцы 1824 года, обозрѣть Московскую губернію относительно естественныхъ ея произведеній и преимущественно растеній. Подъ непрерывными дождями, въ продолженіе Іюня и Іюля, Максимовичь успѣлъ обозрѣть только южную половину губерніи и, добравшись до ботаника Адамса, жившаго въ Можайскомъ уѣздѣ, отложилъ, по совѣту его, путешествіе на лѣто 1825 года. Собранные въ эти два лѣта растенія и минералы представилъ Университету; путевыя записки его помѣщались 1825 года въ *Новомъ Магазинѣ*, издававшемся отъ Университета Проф. Двигубскимъ; а *Списокъ растеній Московской флоры* напечатанъ въ 1826 году.

Тутъ съ благодарностью вспоминаетъ Максимовичь о Ректорѣ Университета А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ. Имѣя на примѣтѣ постоянную любовь его къ Естествознанію (котораго нѣкогда былъ онъ Профессоромъ) и предназначая его въ преемники Професс. Гофману, онъ устроилъ ему это путешествіе по Московской губерніи. Его же участіемъ началось и авторство Максимовича, еще въ студентствѣ.

Былъ тогда обычай, что кончающіе курсъ студенты подавали разсужденія возможно-большему числу Профессоровъ своего отдѣленія. Максимовичь подалъ Профессору Фишеру цѣлую *Мастогнозію*; Профессору Гофману монографію de Cynarocephalis, въ которой былъ и новосоставленный имъ родъ (изъ одной Кавказской Центавреи или Волошки), названный Lampolepis; Профессору Павлову, прежде всѣхъ, сочиненіе *О системѣ растительнаго царства*. Павловъ былъ вполнѣ доволенъ сочиненіемъ, какъ «первымъ плодомъ его ученія о природѣ.» Но Проф. Двигубскій выразилъ неудовольствіе за излишество философскаго элемента въ диссертаціи. Ректоръ Антонскій былъ того же мнѣнія.— Статья, съ нѣкоторыми измѣненіями, была тогда же напечатана, въ *Новомъ Магазинѣ*, въ Маѣ 1823 года. Студентъ, котораго сочиненіе было напечатано, уже смѣло поднесъ Двигубскому, въ полномъ собраніи отдѣленія, какъ начался экзаменъ, разсужденіе свое по предмету Физики: *О постоянной пребываемости атмосфернаго воздуха*, съ нарочитымъ эпиграфомъ изъ Шпренгеля: «я охотно послѣдую *новѣйшимъ* авторамъ, которые полагаютъ, что воздухъ для сохраненія своего вида, по-

добно органическимъ тѣламъ, превращаетъ въ себя непрерывно всѣ чуждыя вещества.» Эта статья, по полученіи диплома Кандидатскаго, прочтена была Максимовичемъ въ первомъ собраніи Педагогическаго Института, въ присутствіи тогдашняго Директора его Мерзлякова и Ректора Антонскаго,— и по ихъ одобренію и желанію была напечатана также въ *Магазинѣ*.

Кандидату слѣдовало бы торопиться въ Магистры, чтобы не пропустить и мѣсяца въ дозволенномъ срокѣ. Но, въ Августѣ 1823 года, онъ записался въ Медицинское отдѣленіе, на лекціи Лодера, Мухина, и прочихъ преподавателей, находя это необходимымъ для полноты Естествознанія; посѣщалъ еще и лекціи Профессора Давыдова, ставшаго тогда оракуломъ въ отдѣленіи Словесномъ. На этихъ лекціяхъ онъ познакомился и потомъ сблизился съ В. П. Титовымъ и С. П. Шевыревымъ. Было далѣе въ предметѣ получить степень Доктора по Медицинскому отдѣленію; ибо надъ Математическими науками, въ степени необходимой для докторства, не хотѣлось трудить головы, вопреки склонности.

Записавшись въ Медики, Максимовичь согласился съ Адъюнктомъ Гольдбахомъ издать вмѣстѣ Естественную Исторію для его слушателей Медицинскихъ Студентовъ. Онъ взялъ на себя написать Ботанику по руководству Нейса-фонъ-Эзенбека; а Максимовичь взялся написать Зоологію, по руководству Океновой Натуральной Исторіи, и его же «Эскиза» изданнаго въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ и подареннаго ему Професс. Павловымъ. Но добрый Гольдбахъ умеръ въ Мартѣ 1824 года; и Максимовичь помянулъ его тогда *біографическимъ извѣстіемъ*, напечатаннымъ въ Сынѣ Отечества.

Главныя основанія Зоологіи, уже были изданы подъ цензурою Проф. Павлова, въ Маѣ 1824 года. Когда Максимовичь воротился на осень въ Москву, его Зоологія была уже въ ходу: Князь В. Ѳ. Одоевскій, написавъ объ ней похвальный отзывъ, отыскалъ Максимовича въ кандидатскихъ нумерахъ, пригласилъ его въ кругъ, собиравшихся у него литераторовъ, и съ того времени началось его сближеніе съ литературнымъ міромъ, богатое воспоминаніями, начиная съ той первой поры и до послѣдняго возвращенія изъ Москвы въ Малороссію,

въ Іюнѣ 1850 года, вмѣстѣ съ незабвеннымъ Гоголемъ. Въ этомъ пути, Гоголь былъ его новымъ и послѣднимъ ученикомъ въ Ботаникѣ. Максимовичь простился съ нимъ 18-го Августа, прогостивъ у него 10 дней, на его родинѣ. А за 25 лѣтъ, докончивъ свое ботаническое странствіе по Московской губерніи, провелъ Августъ мѣсяцъ въ кругу своей семьи, посѣтивъ и Новгородъ-Сѣверскъ.

Воротясь въ Москву, сталъ, въ Ноябрѣ 1825 года, преподавателемъ Хозяйственной Ботаники и Садоводства въ Земледѣльческой школѣ, по приглашенію Директора ея, незабвеннаго наставника и товарища своего Павлова; преподаваніе продолжалъ 4 года. Въ Февралѣ 1826 года, началъ преподаваніе Естественной Исторіи, въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и преподавалъ ее 7 лѣтъ.

Два раза по году преподавалъ Ботанику въ Московской Коммерческой Практической Академіи. Въ то же время, т. е. въ Февралѣ 1826 года, назначенъ былъ, по предложенію Попечителя А. А. Писарева, къ завѣдыванію Университетскимъ ботаническимъ садомъ, въ помощь къ болѣвшему Профессору Ботаники Гофману. Онъ скончался Марта 5-го; Максимовичу предписано было занять его мѣсто въ ботаническомъ саду, куда и перемѣстился тогда изъ Университетскаго дома. Въ то время напечаталъ онъ въ *Новомъ Магазинѣ*: *Жизнь Московскаго Профессора Ботаники Гофмана.*

Съ начатіемъ новаго академическаго года, т. е. въ Августѣ 1826 года, преподаваніе Ботаники поручено было временно старшему товарищу Максимовича Алекс. Гр. Фишеру Доктору Медицины, бывшему Адъюнктомъ при отцѣ своемъ, въ Медико-Хирургической Академіи Московской; а Максимовичу, остававшемуся начальникомъ сада и гербарія Университетскаго, поручено было въ томъ году преподавать въ Университетѣ общій курсъ *Естественной Исторіи*, слушателямъ же Ботаники показывать и объяснять живыя растенія. Для занятія каѳедры Ботаники послѣ Гофмана, надобно было, по тогдашнему положенію, получить степень Магистра. Въ Январѣ 1827 года, Максимовичь выдержалъ Магистерскій экзаменъ. Утомленный этимъ экзаменомъ,

отдохнулъ на родинѣ во время краткаго отпуска и воротился въ Москву, съ богатою жатвою Малороссійскихъ пѣсенъ. Въ продолженіе великаго поста написалъ Магистерское разсужденіе *О системахъ растительнаго царства*, и напечатавъ оное, публично защищалъ 30-го Іюня. Между тѣмъ уже печаталъ и *Малороссійскія пѣсни*, на иждивеніи С. А. Соболевскаго, съ объясненіями и сравнительнымъ словаремъ, для котораго въ продолженіе вакаціи, Максимовичь прочелъ и Славянскую грамматику Добровскаго, и Сербскій Словарь Вука-Стефановича.

Въ продолженіе сего времени Профессоръ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ предлагалъ Максимовичу быть Адъюнктомъ Зоологіи при немъ; но Максимовичь, хотя и занимался Зоологіей, не рѣшился однако отречься отъ науки, которой посвятилъ себя. Каѳедра Ботаники досталась И. А. Двигубскому, ставшему Ректоромъ послѣ Антонскаго, и по каталогу лекцій на 1827—28 годъ объявлена за нимъ. Тутъ же сказано, что вспомоществовать ему будетъ Кандидатъ Физико-Мат. Отд. Михаилъ Максимовичь, и что Ботаническимъ садомъ завѣдываетъ тотъ же Кандидатъ Максимовичь, который въ лѣтнее время будетъ изъяснять свѣжія растенія; онъ же показываетъ и Университетскій *Травникъ* (т. е. гербарій).

Кандидатъ Максимовичь былъ утвержденъ въ степени Магистра Физ. Мат. Наукъ, 28-го Ноября 1827 года. Въ теченіи 4-хъ лѣтъ и 5-ти мѣсяцевъ, отрекшись отъ предлагаемаго ему путешествія вокругъ свѣта, довольный надеждою на близкое Профессорство, и пребываніе въ ботаническомъ саду, онъ работалъ въ немъ и на каѳедрѣ усердно. Успѣхъ его лекцій въ Университетѣ, его писаній въ литературномъ мірѣ, окрылялъ его въ трудахъ. Много потрудился онъ безмездно и въ журналѣ своего Профессора и въ другихъ его изданіяхъ.

Въ Маѣ 1828 года, оканчивая первый курсъ своихъ ботаническихъ лекцій, Максимовичь началъ печатать 1-ю часть *Основаній Ботаники*, содержащую *Органологію растеній*. Книга заслужила похвалу спеціалистовъ. Профессоръ Черняевъ тогда же принялъ ее за руководство; Берлинскій Профессоръ

Линкъ, привелъ изъ нея опредѣленіе растенія, въ своихъ Elementa Philosophiae Botanicae, 1837 г.

Докончивъ второй годъ преподаванія Ботаники, М. ѣздилъ въ Петербургъ, въ Августѣ 1829 г., и тамъ въ Императорскомъ саду и въ бесѣдахъ Директора его Фишера повѣрилъ и пополнилъ свои ботаническія знанія. Въ то же время былъ представленъ отъ Университета въ Адъюнкты, и утвержденъ Министромъ, 28-го Октяб.—Въ началѣ 1830 г., когда кончилось 75-лѣтіе Московск. Университ., въ собраніи 12-го Января говорилъ *Рѣчь объ участіи Московск. Универс. въ просвѣщеніи Россіи*. Въ 1832 г., то же въ Университетскомъ собраніи 12-го Января, сказалъ другую рѣчь *О Русскомъ просвѣщеніи*. — Университетъ Московскій и просвѣщеніе Русское были предметы близкіе душѣ его, и потому Максимовичь добровольно вызвался на эти двѣ рѣчи. — Отдѣленіе Физико-Математическихъ Наукъ, 26-го Января 1832 года, представило Совѣту о возвышеніи Максимовича, почти 5 лѣтъ безмездно преподававшаго Ботанику, въ Экстраординарные Профессоры сверхъ комплекта. Съ разрѣшенія Попечителя происходило балотированіе въ Совѣтѣ: избраніе послѣдовало; но Министръ Кн. Ливенъ не утвердилъ Максимовича, поелику штатное число Э. П. было наполнено. Между тѣмъ Ректоръ вошелъ съ представленіемъ о посылкѣ Максимовича въ Кавказскую область для собиранія растеній, и для поправленія минеральными водами разстроеннаго здоровья. Попечитель Князь С. М. Голицынъ утвердилъ это, 23-го Марта, съ назначеніемъ Максимовичу на путешествіе двухъ тысячъ р. асс. изъ хозяйственныхъ суммъ Университета.

Съ Мая по Сентябрь пробылъ Максимовичь въ Кавказской области; эта поѣздка была для него не трудомъ, а благотворнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ. — Когда онъ вернулся въ Москву, Помощникъ Попечителя, Д. П. Голохвастовъ того же дня представилъ его Товарищу Министра С. С. Уварову, обозрѣвавшему тогда Университетъ.... «Я завтра слушаю вашу лекцію!» сказалъ ему Сергій Семеновичь.

Лекцій Максимовичь не писалъ: ибо написанная лекція связывала его и сбивала. Онъ приготовлялъ даже только содержаніе лекціи, а обдумывалъ ея изложеніе, ѣдучи отъ Суха-

ревой башни на Моховую. Лекція, оживленная свѣжими впечатлѣніями Кавказа, прочтена была удачно. Видно было, что краснорѣчивый Президентъ Академіи Наукъ не ожидалъ такой Ботаники отъ Московскаго Адъюнкта. Когда Максимов. пріѣхалъ въ назначенный день, къ нему на обѣдъ,—его окружали у камина, А. С. Пушкинъ, и И. И. Давыдовъ; С. С. началъ хвалить лекцію и ея литературное выраженіе. На это заговорилъ Пушкинъ: «да мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литтераторомъ; онъ подарилъ насъ Малороссійскими пѣснями.»

Въ Августѣ 1833 года, Двигубскій уволенъ былъ отъ Университета съ пенсіей; каѳедра Ботаники, оставшаяся вакантною, поручена была Максимовичу — и 22-го Августа онъ выбранъ былъ въ Совѣтѣ въ Ординарные Профессоры Ботаники, и утвержденъ 27-го Сентября.

Желаніе исполнилось наконецъ, но силы здоровья были истощены трудами. Тоска по любимой матери, которой Максимовичь не задолго лишился, обратилась въ томительную тоску по родинѣ. Учрежденіе Университ. Св. Владиміра въ Кіевѣ, послѣдовавшее 8-го Ноября 1833 г., въ день Св. Архистратига Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, повлекло его туда неодолимою силою. Туда же съ нимъ согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его, Гоголь; но ему не удалось этого; Максимовичь также, вмѣсто Ботаники, долженъ былъ взять каѳедру Русской Словесности.—Мая 4-го, 1834 года назначенъ онъ былъ Ординарнымъ Профессоромъ Русской Словесности, въ Университетъ Св. Владиміра, и вмѣстѣ Деканомъ I-го отдѣленія Философскаго Факультета.

Готовясь къ новому поприщу, Максимовичь докачивалъ въ Московскомъ Университетѣ преподаваніе Ботаники, которое кончилъ 30-го Іюня, пробывъ только 9 мѣсяцовъ, въ званіи Профессора, послѣ 4-хъ лѣтняго Адъюнктства. Всего же прослужилъ онъ въ Московскомъ Университетѣ 11 лѣтъ, въ томъ числѣ преподавателемъ 8 лѣтъ. Ему предписано было отъ Министра поспѣшить въ Кіевъ и явиться прежде 15-го Іюля, въ которое предположено открытіе Университета. Максимовичь выѣхалъ изъ Москвы 5-го Іюля, послѣ Университетскаго акта, гдѣ въ «Исторической Запискѣ» прочтена была

лестная для него аттестація о трудахъ его въ Университетѣ, въ которомъ прошло второе, лучшее 15-тилѣтіе его жизни.

Поспѣшая въ Кіевъ, мимоѣздомъ побывалъ у отца и на могилѣ матери, и 13-го Іюля увидѣлъ Кіевъ, невидѣнный съ младенчества. Того же дня былъ уже въ Университетскомъ засѣданіи; и того же дня Попечитель Кіевскаго Округа Фонъ-Брадке возложилъ на него исправленіе должности Ректора. Іюля 15-го, онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія Университета Св. Владиміра. Въ Сентябрѣ началъ онъ преподаваніе Русской Словесности; а Октября 16-го, того же 1834 года, по положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше утвержденъ Ректоромъ Университета Св. Владиміра.

Многотрудныя занятія по устройству новаго Университета (въ которомъ тогда былъ и Училищный Комитетъ для управленія Округомъ),—и въ то же время занятія по новой каѳедрѣ, еще сильнѣе изнурили его здоровье. Надобно было, или оставить преподаваніе, или сложить съ себя Ректорство. Наступившая болѣзнь заставила Максимовича подать Попечителю прошеніе объ увольненіи его, за болѣзнію, отъ должности Ректора, и, 11-го Декабря 1835 г., послѣдовало на то Высочайшее соизволеніе. Декабря 21-го, въ засѣданіи Совѣта, прочтено было объ этомъ предложеніе Попечителя и его письмо къ Максимовичу, выражавшее благодарность за управленіе Университетомъ; послѣ чего Максимовичъ сказалъ слѣдующее *Прощальное слово* къ Членамъ Университета:

«*Прощальное Слово*, къ Членамъ Императорскаго Университета Св. Владиміра отъ Ректора *Максимовича*, по прочтеніи предложенія объ увольненіи его отъ сей должности, въ засѣданіи Совѣта, 21-го Декабря 1835 г.

«Изъ предложенія сего видите, любезные товарищи, причину моего преждевременнаго увольненія отъ Ректорства. При всей слабости моего здоровья, я старался сколько могъ исполнять сію должность, и тогда только пожелалъ освобожденія отъ оной, когда сталъ чувствовать, что не въ силахъ уже продолжать ее такъ, какъ бы желалъ, и какъ должно. Никакая другая причина не дала бы мнѣ права, оставаясь здѣсь, оставить должность ввѣренную мнѣ Правительствомъ, и притомъ столь важную и для меня лестную: ибо каково бы

ни было еще мое служебное поприще, но я конечно никогда уже не могъ бы сказать себѣ ничего лучшаго какъ то, что я былъ первымъ Ректоромъ Университета Св. Владиміра. Самымъ лучшимъ воспоминаніемъ моей гражданской жизни будутъ мнѣ эти три полугодія, когда я вмѣстѣ съ Вами принималъ столь близкое участіе въ образованіи новаго Университета, когда я имѣлъ честь быть Предсѣдателемъ Сословія, состоящаго изъ Членовъ столь достойныхъ. Да! я почитаю обязанностію сказать теперь открыто, какъ результатъ моего наблюденія, что въ нашемъ Сословіи, при такой готовности и безкорыстномъ усердіи къ труду, при такомъ общемъ стремленіи къ точному исполненію своихъ обязанностей, было рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе.

«Сему-то единодушію и согласію мы обязаны за успѣхъ нашихъ первыхъ трудовъ,—за эту простоту и легкость, съ которою трудныя дѣла мы рѣшали какъ самыя обыкновенныя и ежедневныя,—за то вниманіе, которое такъ постоянно сохраняетъ къ намъ нашъ Попечитель, служащій намъ образцемъ службы и дѣятельности, и нашъ просвѣщеннѣйшій Министръ,—и наконецъ за благосклонность къ намъ нашего Возлюбленнаго Государя!

«Несомнѣнны наши и будущіе успѣхи, если въ Сословіи нашемъ сохранится то братское согласіе и та общая забота о своемъ долгѣ, которыми отличалось оно доселѣ; если мы всѣ, стремясь къ пользамъ просвѣщенія, заботясь о благѣ, чести и славѣ Университета нашего, будемъ дорожить добрымъ именемъ каждаго нашего товарища.

«Благодарю васъ, любезные товарищи и сотрудники, за ваше вниманіе ко мнѣ и содѣйствіе! Если я былъ полезенъ Университету, то этимъ я обязанъ вамъ; и если въ комъ либо изъ васъ произвелъ собою непріятное впечатлѣніе, прошу великодушно простить, ибо то было безнамѣренно. Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости; и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего Университета, руководиться искренностью и прямотою мнѣнія, и

вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія Совѣта были исполнимыя на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ Вы лучшіе судіи мои. Я же теперь, оставляя можетъ быть навсегда мое Ректорство, буду съ благодарностью къ вамъ вспоминать объ немъ, какъ объ лучшемъ времени моей гражданской жизни. Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами.»

Этимъ словомъ, и прощальнымъ обѣдомъ ему отъ Университета и Попечителя, покончилось его Ректорство, въ продолженіе котораго онъ трижды исправлялъ должность Попечителя (на основаніи § 6 Проэкта устава Университета Св. Владиміра).

Занявшись тогда привольно своею каѳедрою и наукою, Максимовичь отказывался и былъ увольняемъ отъ Университетскихъ выборовъ; и только разъ, по просьбѣ новоизбраннаго Ректора К. А. Неволина, согласился на выборъ въ Деканы на одинъ годъ, и былъ утвержденъ Министромъ, 12-го Августа 1837 года.

Въ томъ же году два раза въ Кіевѣ былъ ораторомъ. Въ первый разъ, 10-го Апрѣля, сказалъ *Рѣчь надъ гробомъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Ф. В. Фонъ деръ-Остенъ-Сакена* (бывшаго въ 1814 году Генералъ-Губернаторомъ города Парижа).—Въ другой разъ, 2-го Октября, въ торжественномъ собраніи Университета, бывшемъ въ присутствіи Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова, произнесъ рѣчь: *Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи.*

Памятно это торжество оратору. С. С. такъ былъ одушевленъ, что когда Максимовичь кончилъ рѣчь, словами: «Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!» онъ былъ уже у каѳедры, и привѣтствовалъ его одобрительными рукожатіями. Митрополитъ сказалъ ему: «никогда васъ и рѣчи вашей не забуду!» Златоустый витія Кіевскій назвалъ ее *бриллiантовою*—и этимъ названіемъ напророчилъ ему большой бриллiантовый перстень, который Максимовичь имѣлъ счастіе получить 7-го Октяб. отъ Государя Наслѣдника, за поднесеніе Его Императорскому Высочеству рѣчи, тогда уже напечатанной, *Записки о Кіевѣ* и нѣкоторыхъ другихъ его Кіевскихъ сочиненій. Сергій С.

прислалъ Максимовичу этотъ перстень съ своимъ, тогда еще юнымъ, сыномъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, которому Максимовичь былъ путеводителемъ по Кіеву.

Лекціею, которая случилась тогда—о народныхъ пѣсняхъ Великорусскихъ—С. С. то же былъ совершенно доволенъ, и сказалъ: «Почему вы не печатаете этого?» А при первомъ представленіи Членовъ Университета ему въ Пансіонскомъ домѣ, онъ спросивъ о здоровьѣ Максимовича, сказалъ: »Я только для этого и согласился отпустить его въ Кіевъ; онъ былъ нуженъ мнѣ для Москвы!» Къ довершенію удовольствія въ то время, прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ В. А. Жуковскій (къ сожалѣнію послѣ 2-го Октября). Три памятныхъ дня провелъ Максимовичь съ нимъ, обозрѣвая и обходя всѣ примѣчательныя мѣста Кіева до тѣсной пещеры Варяжской, гдѣ онъ на стѣнѣ начертилъ свое имя. Въ пещерахъ провожалъ его и Преосвященный Иннокентій, поздно вечеромъ, когда былъ фейерверкъ въ Дворцовомъ саду для Великаго Князя.

Съ 1838 года стала усиливаться болѣзнь Максимовича. Подъ конецъ 1840 года, онъ не въ силахъ былъ уже и лекцій читать, и принужденъ былъ подать въ отставку, по совершенно-разстроенному здоровью; Университетъ и Попечитель Князь С. И. Давыдовъ представили его къ полной пенсіи. Въ началѣ 1841 года, 36-ти лѣтъ отъ роду, получилъ онъ отставку, съ выдачею единовременно годоваго оклада жалованья, изъ Государственнаго Казначейства и съ производствомъ въ пожизненную пенсію двухъ третей оклада жалованья Ординарнаго Профессора, т. е. по 762 р. 45 к. сер. въ годъ. Получивъ аттестатъ отъ Университета 26-го Апрѣля, онъ черезъ три дни выѣхалъ изъ Кіева, принявъ прощальное благословеніе Преосвященнаго Иннокентія, отправлявшагося тогда въ Вологду на епархію.

Двухъ-лѣтній отдыхъ оживилъ силы. Между тѣмъ въ Университетѣ, на оставленную каѳедру не могли найти Профессора, и Князь С. И. Давыдовъ просилъ Максимовича письмомъ, а потомъ и оффиціальнымъ приглашеніемъ, занять хотя временно каѳедру, до пріисканія Профессора. По этому случаю Максимовичъ опять преподавалъ въ Университетѣ Рус-

скую Словесность поурочно,—съ Сентября 1843 года, и отъ занятія сего уволенъ 12-го Іюля 1845 года, съ объявленіемъ ему «признательности Министерства Народнаго Просвѣщенія за труды по преподаванію.» На каѳедру же опредѣленъ былъ Кандидатъ Московскаго Университета А. И. Селинъ.

При этихъ запятіяхъ, въ Ноябрѣ 1843 года, Максимовичъ приглашенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ, въ учрежденную при немъ по Высочайшему повелѣнію Временную Коммиссію для разбора древнихъ актовъ, и, будучи членомъ ея, при самомъ ея началѣ, Максимовичъ былъ редакторомъ и 1-го отдѣленія въ первомъ томѣ Памятниковъ, изданныхъ 1845 года.

Возобновленіе пристальныхъ трудовъ возвратило было и прежнюю болѣзнь Максимовича, и потому онъ долженъ былъ уже навсегда оставить преподаваніе.

Изданія Максимовича слѣдующія.

Авторство его, какъ сказано, началось въ Маѣ 1823 г.— напечатанною въ Новомъ Магазинѣ статьею: *О системѣ растительнаго царства.* Была еще, въ Магазинѣ и 1821 года статья: «*Къ чему служатъ листья на растеніяхъ*» подъ буквами М. М.-чь; но это былъ переводъ *изъ Мирбеля.—Система* была любимымъ предметомъ его, въ занятіи Ботаникою и Естествознаніемъ. Въ Сентябрѣ 1825 г. напечаталъ онъ (въ Нов.Магаз.): *О Естественной системѣ растительнаго царства аналитической* (по поводу книги Касселя).

Въ Іюнѣ 1827 г. издалъ разсужденіе (на степень Магистра): *О системахъ растительнаго царства.* Представленное тамъ критико-историческое показаніе развитія системы р. ц., въ системахъ разныхъ ботаниковъ,—изложено гораздо лучше, въ краткомъ выводѣ—1833 года (въ 1 кн. Ученыхъ Записокъ Моск. Унив.), подъ названіемъ: *Историческое изложеніе системы растительнаго царства.* — Теорія системы занимаетъ *Систематику растеній.* М. 1831 г. Этою 2-ю частію «Основаній Ботаники» онъ наиболѣе остался доволенъ.

Обозрѣніе растительнаго царства по Естественной системѣ, надъ которымъ онъ постоянно трудился, осталось не конченнымъ и уничтожено. Отрывки изъ сего обозрѣнія написаннаго первоначально, напримѣръ: *Обозрѣніе поростовъ*, *мховъ*,

папоротниковъ; *сравненіе грибовъ и поростовъ*, печатались въ Новомъ Магазинѣ. Изъ *обозрѣнія*, вторично напечатаннаго, вспомянуть можно: *Явноцвѣтныя и Тайноцвѣтныя растенія* (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1834 г.)

Означеніе *системы растеній и системы животныхъ* находится въ *письмѣ къ Шведскому ботанику Иліи Фрису*, которое написалъ Максимовичь въ Февралѣ 1834 года, по случаю столѣтія Линнеевой системы, и въ заключеніе всего, написаннаго имъ по части Естествознанія (напечатано въ Телескопѣ, 1834 года).

Органологія растеній, составляющая 1-ю часть «Основаній Ботаники» напечатана въ М. 1828 г.; къ ней принадлежитъ и *Обозрѣніе органологіи растеній*, изданное «для своихъ слушателей». М. 1833 г.—Къ числу ботаническихъ изданій принадлежатъ: *Списокъ растеній Московской флоры*, М. 1826 г.; — *Списокъ оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній Ботаническаго сада при Московскомъ Университетѣ*. М. 1828 г.

Первая книга, изданная Максимовичемъ, была *Главныя основанія Зоологіи*, М. 1824 г.—Проф. Ловецкій, въ своей Зоологіи, приводитъ зоологическую систему его, изъ книги «Сокращенная система животнаго царства.» Этой книжки было уже напечатано 1831 года полтораста страницъ (онъ предполагалъ ее издать для слушателей въ Благородномъ Пансіонѣ); но по особенному случаю, изданіе не было докончено. Зоологической системѣ Максимовича слѣдовалъ Пр. *Щуровскій*, въ своей «Органологіи животныхъ.»

Мелкія статьи, по предмету Естествознанія, въ разныхъ журналахъ разсѣянныя, слѣдующія: 1) *О раздѣленіи Естествознанія на вѣтви или особыя науки*, въ Нов. М. 1827 г.— *Микроскопъ* (помѣщавшійся въ *Телескопѣ*, издаваемомъ Проф. Надеждинымъ), это разныя замѣтки и наблюденія, между прочимъ и о *козлѣ съ молокомъ*, видѣнномъ въ Москвѣ. (Этотъ Московскій козелъ съ молокомъ былъ первый послѣ описаннаго Аристотелемъ; видѣнный въ Парижѣ и описанный Сентъ-Илеромъ, долженъ занять *третье* мѣсто).

Разборы книгъ помѣщаемы были съ 1825 года въ разныхъ журналахъ, начиная съ «Московскаго Телеграфа.» Тамъ находятся подробные разборы: *Земледѣльческой Химіи Павло-*

ва, *Основаній Земледѣлія Шелехова*, *Физики Щеглова*, *Ботаническаго Словаря Мартынова*, *Химіи Іовскаго*, *Врачебныхъ Записокъ Маркуса*, и пр. — Въ Телескопѣ помѣщена статья: *О Зоологіи Ловецкаго* (гдѣ подробно разобрана Зоологическая система *Готгельфа Фишера*), и другая о сочиненіяхъ *Лодера* и *Рейса*—о холерѣ. Разборъ Физики *Павлова* помѣщенъ въ Сѣверной Пчелѣ.

Размышленія о природѣ—съ 1827 года печатались въ Московскомъ Вѣстникѣ, Сѣверныхъ цвѣтахъ, Литературной газетѣ, Телескопѣ и наконецъ въ первыхъ нумерахъ Библіотеки для Чтенія. Отличались они отъ прочихъ сочиненій Максимовича о природѣ литературнымъ изложеніемъ: это были цвѣтки науки, поэзія Естествознанія! Отдѣльною книжечкою изданы они въ Москвѣ 1833 года, а вторымъ пополненнымъ изданіемъ въ Кіевѣ, 1847 г.

Имѣя въ виду распространеніе Естествознанія въ народѣ, Максимовичь напечаталъ въ 1833 году «*Книгу Наума о Великомъ Божіемъ мірѣ.*» Книга эта имѣла большой успѣхъ; ея разошлось уже 12,000 экземпляровъ. *Шестое* изданіе напечатано было въ Спб. 1851 года. Денисъ Васильевичь Давыдовъ писалъ къ нему: «Книга Наума заслужила отъ меня большое уваженіе; она не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, а смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселянина.»

Перемѣнивъ Словесное отдѣленіе въ Университетѣ на Физико-Математическое и Медицинское, Максимовичь не покинулъ Словесности, — и послужилъ ей прежде всего пѣснями своей родины, издавши въ 1827 г. *Малороссійскія пѣсни*, съ достаточнымъ ихъ объясненіемъ. Черезъ семь лѣтъ послѣ того, когда его собраніе пѣсень стало уже большое, онъ началъ было новое изданіе, подъ названіемъ *Украинскія народныя пѣсни*, ч. 1 М. 1834 года. Тогда же издалъ и *Голоса Украинскихъ пѣсень*, М. 1834 г. (25 напѣвовъ, положенныхъ ему на ноты А. А. Алябьевымъ, въ бытность его на Кавказѣ 1832 г.) Въ послѣднее пребываніе въ Кіевѣ, въ 1848 году, Максимовичь началъ было новое изданіе подъ именемъ *Сборника Украинскихъ пѣсень.* К. 1849 г. Но все таки его собраніе остается еще до сихъ поръ не вполнѣ напечатаннымъ.

Такъ остается неизданнымъ и Малороссійскій Словарь, приготовленный имъ для А. С. Шишкова.

Сдѣлавшись Профессоромъ Русской Словесности въ Кіевѣ, Максимовичь написалъ и прочелъ въ Сентябрѣ 1834 г. вступительную лекцію: *О значеніи и происхожденіи слова* (напечатанную въ Ж. М. Н. Пр.). Преподававши въ Университетѣ два полныхъ курса Исторіи Русской Словесности, сопровождаемой чтеніемъ и разборомъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ, Максим. успѣлъ обработать и издать только 1 ч. *Исторіи древней Русской Словесности.* К. 1839 г. (Къ этой книгѣ относится и *отвѣтъ* его безъимянному критику Отеч. Зап., напечатанный въ Сѣверной Пчелѣ 1840 г.)—Изъ памятниковъ древней Русской Словесности, прежде всего заняла его *Пѣснь о полку Игоревѣ*, которую напечаталъ онъ для своихъ слушателей, съ переводомъ, въ К. 1837 г. А изъ его лекцій объ ней, читанныхъ 1835 года, обработалъ подробный *Критическій разборъ пѣсни о П. И.* (въ трехъ статьяхъ, напечат. въ Жур. М. Нар. Пр. 1836—37 г.). Онъ объяснялъ ее, въ связи съ народными пѣснями Южной и Сѣверной Руси и Западныхъ Славянъ и съ письменными памятниками Словесности Древне-Русской. Сюда же относятся и *два письма* его къ М. П. Погодину *объ исторической Русской поэзіи* (въ Москвитянинѣ 1845 года). Эразмъ Воцелъ (въ Журналѣ Чешскаго Музея, 1847 г.) сталъ на его сторонѣ, относительно мнѣнія, что въ пѣсни о полку Игоревѣ, нѣтъ и слѣда саги Скандинавской.

Еще въ Москвѣ, когда съ появленіемъ *Полтавы* Пушкина возникли журнальные толки объ ея историческомъ свойствѣ, Максимовичь написалъ (въ Атенеѣ, 1829 г.)—*о поэмѣ Пушкина «Полтава»* статью критико-историческую.

Потрудившись не мало надъ изученіемъ Русской рѣчи, въ связи и въ сравненіи съ Западнославянскою, Максимовичь напечаталъ 1838 г. (въ Журн. М. Н. Пр.) *Критико-Историческое изслѣдованіе о Русскомъ языкѣ.* Обработывая Русскую Филологію, какъ науку, онъ началъ было издавать ее въ 1845 г. — подъ названіемъ *Русская рѣчь въ сравненіи съ Западно-славянскою*; но тогда, за болѣзнію, прервалось это изданіе на 46 страницѣ. Черезъ два года, будучи въ Кіевѣ

успѣлъ онъ напечатать 1 ч. труда своего, подъ названіемъ: *Начатки Руской филологіи*, въ К. 1847 г.

Къ Руской филологіи принадлежитъ и его статья *Объ имени человѣка* (въ Москов. Сборникѣ 1846 г.), и *разборъ* книги г. Новикова «о Лужицкихъ нарѣчіяхъ» (въ Москвит. 1850 г.).

Къ Исторіи Руской Словесности и къ Руской филологіи примыкаютъ статьи, относящіяся къ книгопечатанію и къ Южной Руси, какъ-то: *Книжная старина Южнорусская* (которой 4 главы напечатаны во Временникѣ Моск. Общ. Исторіи 1849 г., а 5 и 6 главы въ Кіевлянинѣ, 1850 г.); *о Червонорусскихъ стихотвореніяхъ* (въ Кіевл. 1841 года); письмо къ Основьяненку *о правописаніи Малороссійскаго языка* (тамъ же); *о проповѣдяхъ Гречулевича* (въ Москвит., 1850 г.); *объ именахъ Южнорусскихъ городовъ* (въ Москвит., 1843 года, статья полемическая).

Въ 1834 г., когда свирѣпствовали толки о вліяніи *Скандинавства* на Русскій языкъ и на всю древнюю жизнь Руси, а также разнообразныя ученія о происхожденіи Руси, Максимовичь изслѣдовалъ этотъ вопросъ и остановился на старомъ Русскомъ мнѣніи о Руси Варяжской, что она была не изъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ, но изъ Прибалтійскихъ Славянъ, и всего вѣроятнѣе изъ *Славянъ Ружскихъ* или *Руйскихъ*. Объ этомъ напечаталъ онъ въ Кіевѣ 1837 г. книгу, посвященную памяти Ломоносова: «*Откуда идетъ Русская земля?*» и письмо къ М. П. Погодину *о Кіевской Руси* (въ Моск. 1841 г.).

Книга о *Русской землѣ* (именемъ которой въ древности звалась собственно земля Кіевская) была предисловіемъ къ трудамъ надъ *стариною Кіева и всей южной Руси*, въ которые вдался онъ, сходя съ поприща Профессорскаго. Для того собственно и предпринялъ онъ, въ 1840 г., изданіе *Кіевлянина*, съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу!»

Стихотворенія и повѣсти приняты были въ Кіевлянинъ болѣе какъ паруса, для легчайшаго ходу тягостямъ историческимъ. Но Максимовичь успѣлъ только издать *двѣ* книги въ Кіевѣ, 1840—41 г.; а, зимовавши въ Москвѣ, въ 1850 г., из-

далъ *третью* книгу. — Вотъ то, что написано и напечатано имъ, въ Кіевлянинѣ и др. изданіяхъ, *о Кіевѣ и Южной Руси*: 1) *Рѣчь объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи*, К. 1837 г. (и въ Журн. Мин. Н. Пр.); 2) *Обозрѣніе стараго Кіева* (въ 1 кн. Кіевл.) съ чертежомъ древняго Кіева, составленнымъ для В. А. Жуковскаго; 3) *О построеніи и освященіи Георгіевской церкви* (въ 3 кн. Кіевл.); 4) *О святыхъ вратахъ Печерской Лавры* (въ Москвит. 1845 г.); 5) *О надгробіяхъ въ Печерской Лаврѣ* (въ 1 кн. Кіевл.); 6) *О Лаврской Могилинской школѣ* (въ Чтеніяхъ 1847 года); 7) *Выдубицкій монастырь* (во 2-й кн. Кіевл.); 8) *О древнемъ монастырѣ Гнилецкомъ*, бывшемъ подъ Кіевомъ (во 2-й кн. Кіевл.); 9) *Топографическія замѣтки о Кіевѣ* (во 2-й кн. К.); 10) *Очеркъ Кіева*, 1847 г. (въ Обозрѣніи Кіева, изд. И. И. Фундуклеемъ); 11) *Волынь до XI вѣка* (во 2-й кн. Кіевл.); 12) *Родословныя записки Кіевлянина* (во 2-й кн. Кіевл.); 13) *О городахъ Пересопницѣ и Дубровицѣ* (въ 1-й кн. Кіевлян.); 14) *О городѣ Степани и Степанскомъ монастырѣ* (въ 3-й кн. Кіевл.); 15) *О памятникахъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства* (1841 г. во 2-й кн. Кіевл.), а самые памятники изданы имъ 1845 г. въ 1-мъ томѣ *Памятниковъ* Кіевской Временной Коммиссіи; 16) *Сказаніе о городѣ Переяславлѣ въ первоначальныя времена* (1850 года, въ 3-й кн. Кіевл.); 17) *Сказаніе о праздникѣ Св. Бориса подъ Переяславомъ*, Кіевъ, 1848 г. (и въ 3-й кн. Кіевл.); 18) *Воспоминаніе о городѣ Золотоношѣ* (1848 г. въ Ж. М. Вн. Дѣлъ); 19) *Бубновская Сотня* (въ трехъ кн. Ж. М. Вн. Д. 1848—49 г.); 20) *Изслѣдованіе о Гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ* (въ Москвит. 1843 г.); 21) *Сказаніе о Гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ* (1850 г., въ 3-й кн. Кіевлян.); 22) *О первыхъ Гетманахъ и о Полковникахъ Прилуцкихъ*—письмо къ Маркевичу (въ Москвит. 1848 г.); 23) *О Гайдамакахъ* по поводу книги г. Скальковскаго,—въ Москвит. 1845 г. (а *сказаніе о Колѣевщинѣ*, о которомъ говоритъ Маркевичь въ своей Исторіи Малороссіи, написанное 1839 года, осталось ненапечатаннымъ); 24) *О лубочныхъ изображеніяхъ Малороссійскихъ городовъ* (1850 г., въ 3-й кн. Кіевл.).—Не писавши послѣ того ничего, до конца прошлаго 1853 г., Максимовичь написалъ двѣ статейки, напечатанныя въ 1-й кн. Москвитян.

сего 1854 г.: 25) *О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Руси* (письмо къ Погодину) и 26) *Родина Гоголя.*

Въ Москвѣ, когда были въ ходу альманахи, Максимовичъ издалъ три книжки *Денницы.* (Во 2-й изъ нихъ былъ его обзоръ Словесности Русской, по поводу котораго былъ и *отвѣтъ Н. А. Полевому*, напечатанный въ Молвѣ). Въ Денницѣ были и сказки имъ пересказанныя; онѣ изданы для дѣтей отдѣльною книжечкою въ Кіевѣ, 1845 года, подъ названіемъ: *Три сказки и одна побасенка.*

Въ Москвѣ главнымъ дѣломъ Максимовича было *Естествознаніе*, которому неотлучною спутницею и вѣрною неизмѣнною помощницей была *Философія*; а въ Кіевѣ онъ преданъ былъ Словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ Исторіи, которая подъ конецъ взяла верхъ.

Профессоръ Максимовичъ, за выслугу лѣтъ, произведенъ былъ 3-го Іюля 1843 года въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 27-го Сентября 1840 г. — На десятомъ году Московской службы своей, Всемилостивѣйше пожалованъ за нее, 1833 года 24-го Февраля, подаркомъ. Во время Кіевской службы, былъ онъ награжденъ, 1835 г. 16-го Апрѣля, по удостоенію Комитета Министровъ, 2,000 р. асс.;—1837 г. 16-го Ноября, за отлично-усердную службу и особенные труды, засвидѣтельствованные Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й ст.; за 15-лѣтнюю безпорочную службу награжденъ знакомъ отличія, 22-го Августа 1840 г.; а 10-го Сентября 1840 г. за отлично-усердную службу, засвидѣтельствованную Начальствомъ, получилъ Высочайшее благоволеніе. Кромѣ того получалъ онъ Высочайшія благоволенія: 1833 г. 5-го Іюля, за книгу Наума о Великомъ Божіемъ мірѣ, и 6-го Сент. 1834 г. за участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета, а 1840 г. 23-го Апрѣля Всемилостивѣйше пожалованъ ему бриллiантовый перстень, за изданный имъ Кіевлянинъ на 1840 г. За сочиненія же его, поднесенныя въ Кіевѣ Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, удостоился получить бриллiантовый перстень, Октября 7-го 1847 года. За дѣятельное участіе въ трудахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія двукратно получалъ онъ благодарность

отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, 1835—36 г. Разныя ученыя общества почтили его избраніемъ въ свои Дѣйствительные Члены, какъ-то: 1) Императорское Московское Испытателей Природы, въ 1829 г.; 2) Московское Любителей Россійской Словесности, въ 1833 г.; 3) Императорское Московское Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 1834 году; 4) Одесское Любителей Исторіи и Древностей, въ 1839 г.; 5) Русское Географическое, въ 1847 года; 6) Коммисссія для разбора древнихъ актовъ, въ Кіевѣ, въ 1843 г.; 7) Коммиссія при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа; 8) былъ также Членомъ Комитета изысканія и сохраненія древностей въ городѣ Кіевѣ, съ 1835 г. Въ Члены-Корреспонденты избранъ 9) Статистическимъ отдѣленіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1835 г., и 10) Московскимъ Обществомъ Любителей Садоводства, 1835 года.—Сего послѣдняго общества, еще при первомъ основаніи его, въ Маѣ 1834 года, былъ онъ временно въ должности Секретаря, и написалъ тогда *проэктъ устава*, для разсмотрѣнія котораго былъ Комитетъ, состоявшій изъ И. П. Бекетова, М. А. Салтыкова, Н. Н. Раевскаго и М. А. Максимовича, подъ предсѣдательствомъ перваго. Главною основательницею и подвижницею сего общества была Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, которая черезъ С. П. Шевырева и пригласила Профессора Максимовича занять мѣсто Секретаря: *проэктъ устава* Общества Садоводства былъ послѣднимъ его жертвоприношеніемъ флорѣ.

МАЛОВЪ, Михаилъ Яковлевичь, Экстраординарный Профессоръ, Магистръ Этико-Политическаго отдѣленія, сынъ Коллежскаго Регистр., родился 1790 г. Августа 30-го, вступилъ сначала, въ 1799 г., въ Университетскую, а потомъ переведенъ, въ 1804 г. въ Губернскую Моск. Гимназію, на казенное содержаніе, гдѣ ежегодно получалъ награды за прилежаніе и поведеніе. Въ 1808 г. произведенъ въ Студенты Университета по Нравственно-Политическому Отдѣленію. Въ Іюлѣ 1811 г., по выдержаніи установленнаго экзамена, получилъ степень Кандидата, и, по предписанію Униврс. Совѣта, началъ преподавать Всеобщую Исторію въ Академической, или Университ. Гим-

назіи. Въ томъ же году поручена ему должность Секретаря при Нравственно-Политическомъ Отдѣленіи. По законномъ испытаніи, 1815 года, утвержденъ въ степени Магистра. Съ 1816 г. по 1819 г., служилъ Помощникомъ Инспектора Студентовъ; въ 1817 г. опредѣленъ Синдикомъ. Въ 1819 г. произведенъ въ Адъюнкты и получилъ порученіе читать о Частномъ Гражданскомъ Правѣ и объ Уголовномъ вообще и въ особенности о Россійскомъ. Въ 1823 г., по предписанію Совѣта, въ помощь Профессору, читавшему о Правахъ знатнѣйшихъ народовъ древнихъ и новыхъ, Маловъ читалъ Исторію Римскаго Законодательства; при чемъ, съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія, исправлялъ должность Секретаря во временномъ Комитетѣ, учрежденномъ для повѣрки всѣхъ вещей при Университетѣ. Наконецъ, 1828 г., былъ утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ.

Впрочемъ дѣятельность Малова преимущественно была посвящена Воспитательному Дому и другимъ воспитательно-учебнымъ заведеніямъ, гдѣ онъ училъ Всеобщей Исторіи. За эту службу былъ онъ Всемилостивѣйше пожалованъ, 1819 года Апрѣля 20-го, Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й степени. Въ 1823 г. Февраля 9-го, Государыня Императрица Марія Θеодоровна соизволила пожаловать Малову, при Рескриптѣ, бриліантовый перстень. Въ 1824 г. Декабря 11-го, онъ былъ награжденъ за усердную и ревностную службу при Воспитательномъ Домѣ орденомъ св. Владим. 4-й степени. Въ 1825 г. Апр. 13, указомъ Правительствующаго Сената, пожалованъ въ Надворные Совѣтники. Въ 1831 г., награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Въ 1828 г. уволенъ отъ должности Секретаря Нравственно-Политическаго Отдѣленія, потомъ отъ должности Синдика Университетскаго Правленія; въ 1829 отъ должности Учителя, при Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины; а въ 1831 г., отъ должности при Университетѣ, впрочемъ по разрѣшенію Г. Министра, съ правомъ на пенсію въ 400 р. ас.

Плодомъ дѣятельности своей при Университетѣ Маловъ оставилъ: *Слово о благотворномъ вліяніи истинной нравственности на образованіе юношества, сочиненное и произнесенное въ торжественномъ Собраніи Университета въ воспоминаніе незаб-*

веннаго дня учрежденія Университета, 12-ю Января 1831 г. Ораторъ упоминаетъ сначала о семидесяти-пятилѣтіи, протекшемъ съ основанія Университета, и потомъ переходитъ къ главному вопросу, показывая важность нравственнаго воспитанія для воина, судьи, воспитателя и т. д. Маловъ скончался въ 1849 году, Ноября 25-го.

МАТТЕИ, Христіанъ Фридрихъ, Ординарный Профессоръ Греческой и Латинской Словесности въ Московскомъ Университетѣ, Надворный Совѣтникъ, сынъ Саксонскаго гражданина, родился въ тамошнемъ городкѣ Грёстѣ, не подалеку отъ Мерзебурга, 4-го Марта 1744 г. Первыя начала своего образованія получилъ въ Дрезденской школѣ при церкви Св. Креста, а послѣ, въ 1763 году, поступилъ въ Лейпцигскій Университетъ, славившійся тогда болѣе прочихъ, преимущественно въ наукахъ филологическихъ. Здѣсь, подъ руководствомъ знаменитыхъ Профессоровъ, изучалъ Древнюю Филологію въ связи ея съ Философіею и Богословіемъ, по тогдашнему направленію, и познакомился съ нѣкоторыми частями Юриспруденціи и Медицины. По окончаніи академическаго образованія, онъ преимущественно посвятилъ себя Филологіи,— и въ томъ же Университетѣ получилъ степень Доктора Философіи и Магистра Словесныхъ Наукъ, 1769 года. Въ слѣдующемъ году Марта 17-го, для полученія профессуры, выдержалъ установленный для этого публичный диспутъ и защитилъ написанную по этому случаю диссертацію: Disputatio de Aeschine oratore, которая вскорѣ послѣ того и напечатана была у Рейске, въ собраніи Греческихъ Ораторовъ (въ 4 томѣ, стр. 1245 и слѣд.). Послѣ этого онъ открылъ свои лекціи въ Лейпцигскомъ Университетѣ, 1771 года. Но въ слѣдующемъ же году, по одобренію знаменитаго учителя своего, Іоан. Августа Эрнести, получилъ приглашеніе въ Московскій Университетъ, для занятія должности Ректора обѣихъ Университетскихъ Гимназій. По прибытіи своемъ въ Москву, Маттеи, 2-го Авг. 1772 года, принялъ упомянутую должность Ректора отъ Шадена, который, бывши до него Ректоромъ Московскихъ Гимназій, получилъ тогда каѳедру Профессора практической Философіи. При этомъ случаѣ, тѣмъ и другимъ

ученымъ произнесены были публично рѣчи, касающіяся новаго ихъ званія и обязанностей съ нимъ соединенныхъ; Профессоръ Шаденъ говорилъ: De Haeresibus Criticorum, а Ректоръ Маттеи: *De interpretandi facultate ejusque praestantia et difficultate.*— Въ 1776 г. Апрѣля 13-го, Маттеи опредѣленъ былъ въ Московскомъ Университетѣ Экстраординарнымъ Профессоромъ словесныхъ наукъ, а чрезъ два года— Ординарнымъ, 23-го Января 1778 г. Спустя четыре года, по указу Ея Императорскаго Величества Екатерины II, пожалованъ Коллежскимъ Ассессоромъ, 1782 г. Февр. 28-го дня, а въ 1784 году Надворнымъ Совѣтникомъ. Но въ томъ же году Іюня 21-го, по причинѣ ослабѣвшаго своего здоровья и по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы съ надлежащимъ свидѣтельствомъ и съ сохраненіемъ званія Члена-корресподента Московскаго Университета. Возвратившись въ свое отечество, онъ нѣсколько времени жилъ, не вступая ни въ какую должность, сперва въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Дрезденѣ, и посвящалъ труды свои наукамъ. Въ это время, когда Екатерина II возъимѣла мысль основать въ Екатеринославлѣ Университетъ, Князь Потемкинъ, по повелѣнію Ея Величества, чрезъ Россійскаго при Дрезденскомъ Дворѣ Посланника, Князя Бѣлосельскаго, предложилъ Христіану Фр. Маттеи опять пріѣхать въ Россію для занятія здѣсь каѳедры по Древней Филологіи, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Однакожъ разстроенное его здоровье не позволило ему тогда принять это предложеніе и покинуть отечественный свой климатъ.—Оставаясь въ Саксоніи, Маттеи, въ 1785 году съ Октября, вступилъ въ должность Ректора славной Мейссенской провинціальной школы; а въ 1789 году 9-го Іюля, произведенъ былъ въ Ординарные Профессоры въ Виттенбергскомъ Университетѣ. Здѣсь онъ былъ дважды Деканомъ, и однажды Вице-Деканомъ Философскаго Факультета, и наконецъ, въ 1792 г., Ректоромъ Университета.—Въ 1803 году 6-го Іюля, онъ снова вызванъ былъ покойнымъ Кураторомъ Московскаго Университета, Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, для занятія каѳедры Греческой и Римской Словесности, въ званіи Ординарнаго Профессора. По прибытіи своемъ въ Москву, Маттеи опять вступилъ въ прежнюю свою должность, въ 1804 году, и оста-

вался въ ней до конца своей жизни; умеръ въ Москвѣ 1811 года, 14-го Сентября, на 68 году отъ роду.

Христіанъ Фридрихъ Маттеи былъ истинно ученый и просвѣщенный мужъ, пользовавшійся величайшимъ уваженіемъ не только при Московскомъ Университетѣ и вообще въ Россіи, но и во всемъ ученомъ Европейскомъ мірѣ. Онъ обладалъ обширными и разносторонними познаніями по различнымъ отраслямъ наукъ, какъ это видно и изъ предварительнаго его ученаго образованія, и изъ послѣдующихъ его занятій по званію Профессора и преподавателя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ особенности изъ множества его изданій и объясненій древнихъ писателей по разнымъ предметамъ наукъ и искусствъ.—Разработываніе, изданіе, критическое изслѣдованіе и изъясненіе памятниковъ древней словесности, въ особенности Греческой, составляло главный предметъ его ученой дѣятельности, которымъ онъ съ величайшею любовію, рѣдкимъ усердіемъ и пожертвованіемъ своихъ силъ, постоянно занимался въ продолженіе слишкомъ 40 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи два наши древнія книгохранилища: Библіотека Святѣйшаго Сvнода и Библіотека Сvнодальной Типографіи, представляли обильный и драгоцѣнный матеріалъ для искуснаго дѣлателя на поприщѣ классической Древности; а покровительство и щедроты Россійскихъ Монарховъ, содѣйствіе высшихъ и просвѣщенныхъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ, служили подкрѣпленіемъ въ предпріятіи и исполненіи великихъ трудовъ на этомъ поприщѣ. Эти-то важныя побужденія и средства, безъ сомнѣнія, и заставляли преданнаго до страсти своему занятію Профессора Маттеи двукратно покидать любезное свое отечество и большую часть жизни своей оставаться въ нашемъ сѣверномъ краю. По прибытіи своемъ въ Москву, кромѣ ревностнаго всегда отправленія своихъ должностей по званію Ректора и преподавателя Моск. Гимназій, Маттеи вскорѣ началъ знакомиться и знакомить другихъ съ богатыми сокровищами древнихъ классическихъ произведеній, хранившихся въ помянутыхъ двухъ Мос. библіотекахъ, и по Указу Императрицы Екатерины II, въ слѣдствіе предложенія Князя Потемкина, приступилъ къ описанію всѣхъ рукописей и сочиненій древнихъ, находившихся въ той и другой библіотекѣ. Каталогъ рукописей

этихъ библіотекъ былъ и прежде; именно въ первый разъ онъ составленъ былъ еще, по повелѣнію Императора Петра Великаго, Профессоромъ Греческаго языка, Аѳанасіемъ Скіадою, уроженцемъ съ острова Кефалоніи, и отпечатанъ въ 1723 году; но этотъ каталогъ сдѣланъ былъ на скоро, а потому весьма недостаточно и неполно, какъ говоритъ объ этомъ самъ Скіада въ своемъ предисловіи къ читателю, выражая вмѣстѣ желаніе и надежду имѣть впослѣдствіи болѣе подробное и отчетливое описаніе этихъ сокровищъ Греческой древности. И вотъ, спустя болѣе 50 лѣтъ, является знаменитый Эллинистъ и филологъ, который совершенно могъ удовлетворить такому желанію просвѣщенныхъ мужей и выполнить намѣренія мудраго Правительства.—Маттеи съ обширнымъ и глубокимъ познаніемъ Греческаго языка и Словесности соединялъ рѣдкія свѣдѣнія палеографическія; онъ свободно могъ читать Греческія рукописи всѣхъ временъ, написанныя на различныхъ діалектахъ, разными почерками и съ разными аббревіатурами,—что дѣлало его между современниками едвали не единственнымъ въ цѣлой Европѣ. Разбирая эти древніе памятники, онъ описывалъ ихъ со всею подробностію, съ тонкостію остроумнаго критика и опытностію искуснаго палеографа. Этотъ важный трудъ описанія Греческихъ манускриптовъ двухъ Московскихъ библіотекъ занималъ ученаго Профессора около 12 лѣтъ, и въ продолженіе этого времени издаваемъ былъ нѣсколько разъ, въ различныхъ видахъ. Сперва сдѣлано было подробное описаніе всѣхъ рукописей, равно какъ авторовъ и сочиненій, въ нихъ находящихся, съ означеніемъ ихъ названія, содержанія и достоинства и съ присовокупленіемъ выписокъ изъ важнѣйшихъ манускриптовъ, образчиковъ ихъ шрифта и съ пространнымъ указателемъ. Первый отдѣлъ этого описанія, подъ названіемъ: Notitia codicum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae, cum variis anecdotis, tabulis aeneis et indicibus locupletissimis, напечатанъ въ Москвѣ, 1776 г., въ листъ. Здѣсь означены были: матеріалъ, на которомъ каждая рукопись была написана, число листовъ ея, вѣкъ, переписчики, прежніе владѣтели, творенія, въ ней заключающіяся, начальныя слова ихъ и окончанія, имена сочинителей и т. п.—

Прочія части этого описанія, хотя и приготовлены были къ напечатанію, но не изданы въ свѣтъ потому, что Князь Потемкинъ, на счетъ котораго предполагалось сдѣлать полное изданіе этого каталога, будучи тогда озабоченъ важнѣйшими дѣлами государственными, не успѣлъ заняться этимъ ученымъ трудомъ знаменитаго Археолога.—Послѣ того, по предложенію Князя Юсупова, Маттеи сдѣлалъ извлеченіе изъ предъидущаго подробнаго описанія рукописей и издалъ оное въ возможной краткости подъ заглавіемъ: Index codicum manuscriptorum Graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae. Petropoli, 1780, in 4. Каталогъ этотъ расположенъ въ четыре столбца, изъ коихъ въ 1-мъ означается номеръ манускрипта, во 2-мъ матеріалъ, на которомъ онъ написанъ, въ 3-мъ время или вѣкъ, въ 4-мъ имена авторовъ и названія сочиненій. — Наконецъ, по образцу Монфоконова описанія библіотеки Койслиніанской, Маттеи съ большою отчетливостію и основательностію описалъ обѣ наши Московскія библіотеки и издалъ это описаніе въ 1805 г., въ Лейпцигѣ, въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio.—Этимъ описаніемъ Маттеи познакомилъ ученую Европу съ сокровищами (κειμήλια) Московскихъ библіотекъ, находящихся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Сѵнода. Въ числѣ Греческихъ рукописей оказалось весьма много важныхъ или по своей древности, или по содержанію, или по исправности текста, которыми ученый Профессоръ не преминулъ вскорѣ воспользоваться самъ и доставить способы пользоваться другимъ. Многія изъ нихъ, въ особенности такія, которыя до него не были извѣстны ученой публикѣ, или казались ему болѣе другихъ важными, или были нужны для его Университетскихъ лекцій, Маттеи частію по порученію и на счетъ Правительства, частію по предложенію нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей Древности, частію для своихъ собственныхъ цѣлей, во все время ученой своей дѣятельности и въ разныхъ мѣстахъ своего пребыванія, неутомимо старался издавать вполнѣ или въ отрывкахъ. Изъ другихъ отмѣчалъ и выписывалъ, по разнымъ случаямъ, нѣкоторыя мѣста, подвергалъ ихъ критикѣ и исправлялъ, или

просто замѣчалъ варіанты въ текстѣ, сравнивалъ ихъ съ другими манускриптами или древними изданіями, и сообщалъ ихъ для соображенія Европейскимъ ученымъ, частію по ихъ предложенію, частію по интересамъ собственнымъ и для пользы науки.—Такъ какъ большая часть рукописей, находящихся въ помянутыхъ библіотекахъ, относится преимущественно къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ и заключаетъ въ себѣ или текстъ Св. Писанія и толкованія на оное, или бесѣды и поученія Отцевъ Церкви, житія Святыхъ и т. п., то и филологическая дѣятельность знаменитаго Профессора обращена была особенно на эти духовные памятники Греческой словесности. И въ этомъ отношеніи Маттеи для нашихъ Московскихъ библіотекъ былъ, можно сказать, единственнымъ человѣкомъ, который совершенно могъ исполнить возложенную на него обязанность: разобрать, упорядочить и оцѣнить хранившіяся въ нихъ сокровища. Воспитавшись въ гуманистическо-богословской школѣ Іо. Авг. Эрнести въ Лейпцигѣ, Маттеи могъ легко понимать творенія духовныя и свободно обращаться съ древними памятниками всякаго рода, прилагая филологическую критику въ изъясненіи и исправленіи Греческаго текста Священныхъ Книгъ съ такою же основательностію и ученостію, какъ и въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ. Нашедши большой и разнообразный запасъ рукописныхъ сочиненій, относящихся къ предметамъ вѣры и нравственности, онъ, сколько по возложенной на него обязанности, столько же по любви къ истинѣ и къ своимъ занятіямъ, старался изслѣдовать, объяснить и сдѣлать доступными для употребленія важнѣйшія творенія Святыхъ Отцевъ и Учителей православной Греческой церкви. Любимѣйшимъ его занятіемъ было обработываніе критической части Новаго Завѣта и толкованій Отцевъ. Съ 1782 по 1788 г., онъ сдѣлалъ полное изданіе Новаго Завѣта на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, со 100 Московскихъ Греческихъ рукописей, никѣмъ еще дотолѣ не изслѣдованныхъ, и съ Греческими примѣчаніями по большой части также до него неизданными, присовокупивъ къ тому 29 вырѣзанныхъ на мѣди рисунковъ и нѣкоторыя критическія свои замѣчанія. Все это изданіе вышло въ Ригѣ, подъ заглавіемъ: Novum Testamentum. Graece et Latine.

Cum animadversionibus criticis. Editum ex centum codicibus Graecis, nunquam antea a quopiam examinatis. Accedunt scholia Graeca, maximam partem inedita. Cum tabulis aeneis XXIX. Въ концѣ Евангелія Матѳеева и Апокалипсиса присоединена роспись рукописей, коими издатель пользовался, съ краткими о нихъ замѣчаніями, которыхъ также много разсѣяно по разнымъ мѣстамъ всего изданія, особенно въ примѣчаніяхъ къ тексту. Латинскій переводъ, помѣщенный рядомъ съ Греческимъ текстомъ, взятъ изъ Демидовской рукописи, и хотя въ основаніи своемъ есть ни что иное, какъ переводъ, такъ называемый Vulgata, но имѣетъ много перемѣнъ и отступленій отъ обыкновенныхъ его изданій. Ко всѣмъ томамъ сдѣланы особыя предисловія, въ которыхъ между прочимъ много есть критическихъ и историческихъ замѣчаній о рукописяхъ Сvнодальной библіотеки вообще. Особенными отъ прочихъ мнѣніями издателя были слѣдующія: извѣстнѣйшія въ его время изданія Новаго Завѣта Землера и Гризбаха во многихъ мѣстахъ не вѣрны и не точны; Оригенъ, котораго обыкновенно держались въ критикѣ и объясненіи трудныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, былъ плохой толкователь, или лучше сказать, исказитель Греческаго текста Новаго Завѣта; Кембриджскій списокъ Новаго Завѣта, весьма уважаемый другими, совсѣмъ не заслуживаетъ этого уваженія; всѣ списки Новаго Завѣта надобно раздѣлять на три главныхъ разряда: 1) на такіе, которые имѣютъ сплошной текстъ безъ всякихъ постороннихъ вставокъ и толкованій; 2) на тѣ, которые заключаются въ Евангеліяхъ и Апостолахъ, употребляемыхъ въ православной Греческой Церкви при служеніи съ означеніемъ Церковныхъ зачалъ; 3) на такіе, кои при текстѣ на поляхъ имѣютъ толкованія. Эти-то послѣдніе списки почиталъ онъ наиболѣе искаженными.

Въ 1791 году, онъ снова издалъ въ Мейссенѣ посланія Св. Апостола Павла, съ Греко-Латинской Бёрнеровой рукописи, съ двумя рисунками, подъ заглавіемъ: Epistolarum St. Pauli codex Boernerianus Graeco-Latinus ad exemplar acuratissime expressum. Cum duabus tabulis aeneis. Misenae, in 4. Въ томъ же году сдѣлалъ еще изданіе Греческаго Евангелія по чину Констатинопольской Церкви, подъ слѣдующимъ загла-

віемъ: Evangeliarium Graecum Gothanum secundum ritum Constantinopolitanum. Lipsiae. 1791. in 8. Послѣ того, въ 1803, 1804 и 1807 годахъ, въ Виттенбергѣ, Готѣ и Роннебургѣ, вторично издалъ онъ критически Новый Завѣтъ съ сокращеннѣйшими, но исправнѣйшими примѣчаніями на одномъ Греческомъ языкѣ, въ трехъ томахъ,—съ раздѣленіемъ онаго на Церковныя зачала по чину Восточныхъ Церквей и съ прибавленіемъ такъ называемыхъ Евангельскихъ и Апостольскихъ Синаксарей, подъ такимъ заглавіемъ: Novum Testamentum Graecum. Secunda editio critica. In hac editione, prima omnino omnium, per totum librum notatae sunt lectiones ecclesiasticae ex ritu ecclesiarum orientalium, addita quoque sunt sic dicta synaxaria evangelii et praxapostoli. voll. III. За предъидущія изданія Евангелія и Апостольскихъ посланій онъ навлекъ на себя сильные упреки и жаркія выходки въ строгихъ замѣчаніяхъ и рецензіяхъ на оныя со стороны Гризбаха, Бенгеля и Землера, на которыя и самъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, съ такими же остротами и порицаніями, даже съ нѣкоторою грубостію, въ примѣчаніяхъ къ своимъ изданіямъ. Пространный отвѣтъ его вышеупомянутымъ своимъ несправедливымъ критикамъ припечатанъ у него при третьемъ томѣ втораго его изданія Новаго Завѣта. Полемика его съ показанными своими противниками изложена и отпечатана также отдѣльно въ критическо-богословскомъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: Ueber die sogenannten Recensionen, welche der Herr Abt Bengel, der Herr Doctor Semler und der Herr Geheime Kirchenrath Griesbach in dem griechischen Texte des Neuen Testaments wollen entdeckt haben. Ronneburg und Leipzig. 1804.—О послѣднемъ изданіи Новаго Завѣта, и вообще объ изданіяхъ, сдѣланныхъ Профессоромъ Маттеи, другой знаменитый его современникъ и Профессоръ Московскаго Университета, Буле, въ Ученыхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1805 году № 7, напечаталъ очень любопытную рецензію, почерпнутую изъ Маттеевыхъ же предисловій.—Кромѣ этихъ изданій книгъ Новаго Завѣта Маттеи издалъ нѣсколько толкованій и объясненій на оный Св. Отцевъ, бесѣдъ, поученій, писемъ и другихъ сочиненій религіозно-нравственныхъ, которыя имъ отысканы были въ Московской Сvнодальной библіотекѣ; сюда принадлежатъ его изданія: Іоанна

Ксифилина и Василія Великаго нѣсколько рѣчей, дотолѣ неизданныхъ; Григорія Богослова (Назіанзина), Іоанна Златоустаго, Григорія (Паламы) Солунскаго, Амфилохія Иконійскаго—рѣчи, бесѣды и поученія, съ замѣчаніями и объясненіями издателя; Виктора Антіохійскаго—толкованія (catena) на Евангеліе Св. Марка; Евѳимія (Zigabeni)—объясненія на четыре Евангелія, дотолѣ не изданныя; Немесія, Епископа Эдесскаго—о природѣ человѣка, и др. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, въ которыхъ выходили эти духовныя сочиненія, есть много небольшихъ твореній и отрывковъ изъ Отцевъ Церкви, помѣщенныхъ въ Хрестоматіяхъ и другихъ сборникахъ, которые издавались въ разныя времена Профессоромъ Маттеи. Къ сборникамъ такого рода принадлежатъ: 1) Lectiones Mosquenses, s. varia inedita et discrepantes lectiones ad nobiliores scriptores tam Graecos, quam Latinos. 2 voll. 2) Glossaria graeca minora et alia anecdota. 2 voll. 3) Eclogae ex variis scriptoribus Graecis. 2. voll. 4) Varia Graeca, и нѣкоторые другіе. — Не менѣе того Маттеи старался распространить свѣтъ и на многія творенія древнихъ Греческихъ поэтовъ, ораторовъ, эпистолографовъ, грамматиковъ, философовъ и даже медиковъ.—Сюда относятся изданія его и объясненія нѣкоторыхъ сочиненій Эсхина и Демосѳена, Діона Хрисостома; нѣсколько писемъ Исократа, Димитрія Кидонскаго и Михаила Глика; Плутарха—о ложномъ стыдѣ и о счастіи; его же—о суевѣріи; Синтипы (Персидскаго) философа басни, дотолѣ неизданныя; Порфирія схоліи на XXIV книгу Гомеровой Иліады; отрывокъ изъ Софокловой (какъ думалъ почтенный издатель) трагедіи «Клитемнестра»; Руфа Эфесскаго, знаменитаго Греческаго врача — небольшія творенія и отрывки; наконецъ, такого же рода творенія и отрывки 21 Греческаго врача,—дотолѣ не изданныя.

Въ качествѣ Ректора Гимназій и Преподавателя, Маттеи издалъ для воспитанниковъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, нѣсколько хорошихъ учебниковъ, Хрестоматій и т. п. Такъ въ 1780 году, онъ напечаталъ *Синтаксисъ Латинскій для употребленія Россійскаго юношества*, по правиламъ большой Мархической Грамматики; а въ Виттенбергѣ и Цербстѣ издалъ Греческій учебникъ на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: Griechisches Lesebuch für Anfänger, mit deutschen An-

merkungen. 1791 (8). Для Универсиеской Московской Гимназіи составилъ и напечаталъ *Греческую Хрестоматію*, въ одной книжкѣ, 1773 года, которая потомъ переведена была и на Русскій языкъ; а въ 1805 году, издалъ другую, полнѣйшую съ примѣчаніями, въ двухъ томахъ; въ 1806 году, по порученію начальства, издалъ для Университета Теренціевы комедіи, а въ слѣдующемъ году: Conciones et orationes ex Historicis Latinis. voll. II. Евтропій, Исторія Юстинова и нѣкоторыя другія сочиненія Латинскія также были имъ пересмотрѣны и перепечатаны съ лучшихъ въ то время изданій.—Наконецъ нельзя не упомянуть о его рѣчахъ, которыя были написаны лучшимъ Латинскимъ языкомъ и произнесены, по разнымъ случаямъ, въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго Университета. Такъ, кромѣ первой его рѣчи: De interpretandi facultate etc., о которой сказано прежде, въ 1777 г. Апрѣля 22-го дня, въ день рожденія Императрицы Екатерины II, Маттеи говорилъ рѣчь, съ примѣненіемъ къ Плутархову сочиненію: περὶ δυσωπίας s. de vitiosa verecundia; а въ 1782 г., при обновленіи Университетскаго дома произнесена имъ была въ день тезоименитства Ея Величества, рѣчь, въ которой ораторъ прославляетъ просвѣщенный умъ и щедроты Великой Монархини. — Изъ предъидущихъ изданій многія посвящены были Высочайшему имени царствовавшихъ Государей Россійскихъ и иностранныхъ и Августѣйшимъ Членамъ Ихъ Фамилій, въ знакъ истинной и глубокой благодарности за ихъ мудрое покровительство наукамъ и Высокое вниманіе къ трудамъ издателя. Такъ семь Соборныхъ Посланій Святыхъ Апостоловъ посвящены были Императрицѣ Екатеринѣ II, которыя и приняты Ея Величествомъ съ особеннымъ благоволеніемъ; блаженной памяти Императору Павлу I, бывшему еще Великимъ Княземъ, посвящено посланіе Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ; Государю Императору Александру I, сдѣлано было нѣсколько такихъ всеподданнѣйшихъ приношеній: 1) посвящено изданіе Новаго Завѣта, за которое издатель получилъ, 1803 года Августа 1-го дня, брилліантовый перстень, вмѣстѣ съ Всемилостивѣйшимъ Его Императорскаго Величества благоволеніемъ, изъявленнымъ ему, находившемуся тогда въ Саксоніи,—въ письмѣ Посланника Ханыкова; 2) подробное описаніе

Греческихъ рукописей, находящихся въ Московской Сvнодальной библіотекѣ,—для напечатанія котораго пожалована ему, въ 1804 году 25-го Мая, тысяча талеровъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества; 3) отрывокъ Софокловой Клитемнестры, за посвященіе котораго издатель награжденъ былъ Всемилостивѣйше брилліантовымъ перстнемъ, 1805 г. 17-го Іюня, полученнымъ при письмѣ бывшаго Попечителя Университета, покойнаго М. Н. Муравьева; 4) сочиненіе Руфа Эфесскаго, знаменитаго Греческаго врача,—за приношеніе котораго онъ также былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, 1806 г. 20-го Сентября, полученнымъ при письмѣ того же Попечителя Университета; 5) небольшія сочиненія и отрывки 21 славнѣйшаго Греческаго врача; въ знакъ Монаршаго благоволенія издатель и за эту книгу пожалованъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, 1808 г. 2-го Сентября, полученнымъ изъ рукъ бывшаго Попечителя Университета, Графа А. К. Разумовскаго. — Римскому Императору посвящено изданіе Дѣяній Апостольскихъ; Курфирсту Саксонскому — Посланія Св. Апостола Павла къ Римлянамъ, къ Титу, къ Филимону.—Многія другія изданія посвящены были различнымъ лицамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, отличавшимся любовію къ наукамъ и имѣвшимъ благотворное вліяніе на распространеніе классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Творенія Св. Отцевъ преимущественно посвящены знаменитымъ тогда духовнымъ особамъ: Гаврiилу, Архіепископу Новгородскому и С.-Петербургскому, Евгенію Булгару, Самуилу, Епископу Крутицкому и Можайскому; въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ сочиненіямъ съ величайшею похвалою и уваженіемъ отзывается Маттеи о ревностномъ содѣйствіи просвѣщенію и изслѣдованію Древности Платона, Архіепископа Московскаго и Калужскаго, Самуила, Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго, Иннокентія и другихъ Членовъ Святѣйшаго Сvнода. Другія сочиненія и изданія украшаются именами свѣтскихъ лицъ, просвѣщенныхъ Начальниковъ и Кураторовъ Университета и вообще любителей и покровителей истиннаго образованія: Шувалова, Мелиссино, Хераскова, Домашнева, бывшаго Президентомъ Академіи Наукъ, Графа Разумовскаго, Исторіографа Миллера, С. С. Уварова, и др.

Кромѣ многочисленныхъ изданій, сдѣланныхъ самимъ Профессоромъ Маттеи съ кодексовъ Московской Синодальной библіотеки, нѣкоторые небольшіе творенія и отрывки, найденные имъ въ оной, доставлены были иностраннымъ ученымъ для изданія, сличенія съ другими рукописями и исправленія текста ихъ. Сюда относятся: 1) *Гомерическій Гимнъ Деметрѣ* (Церерѣ), посланный имъ въ копіи къ знаменитому тогда Голландскому Профессору Д. Рункенію, который исправилъ его по возможности и вмѣстѣ съ Латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ І. Г. Фоссомъ, издалъ въ первый разъ, въ Лейденѣ, 1780 г.; а спустя два года, свѣривъ его съ другимъ, лучшимъ спискомъ, сдѣлалъ другое изданіе, исправнѣйшее, въ Лейденѣ: 2) *Отрывокъ гимна Бахусу;* 3) Нѣсколько анекдотовъ и другихъ мелкихъ сочиненій, изъ коихъ нѣкоторыя и доселѣ остались неизданными. — Изъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ Московскихъ кодексовъ Маттеи выписывалъ варіанты (lectiones discrepantes) и также сообщалъ ихъ ученымъ иностранцамъ для соображенія при новыхъ изданіяхъ Греческихъ авторовъ, частію по ихъ просьбѣ, частію по одной любви къ своей наукѣ. Въ концѣ его книги: Varia Graeca, самъ онъ говоритъ о такихъ варіантахъ, выписанныхъ имъ изъ разныхъ кодексовъ, къ сочиненіямъ Страбона, Ѳукидида, Павзанія, Плутарха, Гезіода, Гомера, Пиндара, Ѳеокрита, Эсхила, Арата, Клеомеда, Эврипида, Софокла и другихъ. Сверхъ того, какъ объ этомъ тутъ же говорится, у него оставалось еще много изданій Греческихъ писателей, въ которыхъ на поляхъ выписаны были подобные варіанты изъ разныхъ рукописей. Много и неизданныхъ списковъ приготовлено было имъ къ изданію, заключавшихъ въ себѣ сочиненія какъ языческихъ, такъ и Христіанскихъ писателей. Въ Оксфордъ послано было имъ большое количество такихъ варіантовъ на книги Ветхаго Завѣта, выписанныхъ изъ кодексовъ различныхъ странъ и библіотекъ, къ знаменитому Роберту Гольму, который тогда предпринималъ новое изданіе Греческаго текста перевода LXX толковниковъ, также нѣсколько чтеній и выписокъ изъ твореній Кирилла Александрійскаго, Іоанна Златоуста, Аѳанасія, Григорія Нисскаго, Евсевія, Исидора Пелусіотскаго. Въ 1808 г., по порученію Куратора

Московскаго Университета Графа А. К. Разумовскаго, Маттеи перевелъ на Латинскій языкъ уставъ, заключающій въ себѣ правила и постановленія трехъ нашихъ Университетовъ: Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго, присоединивъ къ этому изданію Index rerum singularium et notabilium. Къ неизданнымъ остаткамъ его пера относятся: переписка его съ бывшимъ кураторомъ Московскаго Университета М. Н. Муравьевымъ, касающаяся изданія нѣкоторыхъ книгъ и обозрѣнія библіотекъ (8 писемъ),—и одна эпиграмма, на рожденіе Великой Княжны Елисаветы Александровны, на Нѣмец. языкѣ.

Въ продолженіе всей своей жизни почтенный Профессоръ Маттеи постоянно и неутомимо трудился на поприщѣ науки, съ рѣдкимъ терпѣніемъ, самопожертвованіемъ, любовію къ своему дѣлу и добросовѣстностію. За то до самой смерти пользовался величайшимъ уваженіемъ между просвѣщенными людьми всѣхъ состояній въ нашемъ отечествѣ и за границею. Сколь высоко цѣнили его наши высшія особы, духовныя и свѣтскія, это видно изъ постояннаго ихъ вниманія и благоволенія къ знаменитому Профессору и его ученой дѣятельности, изъ частыхъ сношеній и совѣщаній съ нимъ по разнымъ предметамъ, касающимся науки и образованія.* Европейскіе ученые всѣхъ странъ: Эрнести, Виттенбахъ, Гольмъ, Виллуазонъ, Гейне, Вольфъ, Саксіусъ и другіе при всякомъ случаѣ отзывались о немъ съ отличною похвалою и величайшимъ уваженіемъ. Послѣдній въ своемъ Onomasticon такъ написалъ о немъ: Vir non adumbrata, sed solida laudis gloria, ingenio sollertiaque praestabilis, nullum paene ad hunc temporis articulum praetermisit annum, quo non variis librorum monumentis civitati litterariae prodesset. — Стоитъ только взглянуть на каталогъ многочисленныхъ его изданій, чтобы убѣдиться въ справедливости этого похвальнаго отзыва о знаменитомъ Московскомъ Профессорѣ. Каталогъ изданныхъ имъ книгъ неоднократно припечатывалъ онъ самъ къ раз-

---

* Впослѣдствія Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ Свѣтскихъ Писателей» посвятилъ ему довольно пространную статью, откуда и взято много свѣдѣній въ эту біографію.

личныйъ своимъ изданіямъ; послѣдній и полнѣйшій напечатанъ имъ въ концѣ книги, изданной въ Москвѣ, 1811 года, подъ названіемъ: *Ποίκιλα Ἑλληνικὰ* seu Varia Graeca; въ немъ исчислено 55 изданныхъ имъ книгъ; но еще не упомянуто о его рѣчахъ, о нѣкоторыхъ изданіяхъ Римскихъ писателей, учебникахъ и другихъ мелкихъ сочиненіяхъ и отрывкахъ.

Здѣсь, въ заключеніи его біографіи, не излишне будетъ присоединить полный списокъ сочиненій и изданій, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе своей жизни, въ томъ порядкѣ времени, въ какомъ они выходили, какъ для точнаго означенія самыхъ книгъ, имъ изданныхъ, такъ и для очевиднѣйшаго изображенія неутомимой и многотрудной дѣятельности этого подвижника науки.

Каталогъ сочиненій и книгъ, изданныхъ Христіаномъ Фридрихомъ Маттеи, съ 1770 по 1811 годъ. 1) Disputatio de Aeschine Oratore. Lipsiae. 1770, (4); снова отпечатано у Рейске въ изданіи Греческихъ ораторовъ. Vol. IV. p. 1245 sqq.; 2) Chrestomathia graeca s. Delectus ex aliquot scriptoribus Graecis. In usum Gymnasiorum Universitatis Mosquensis collegit et animadversionibus illustravit Ch. F. Matthaei. Accedit specimen Lexici inediti, ex codicibus manuscriptis. Mosquae. 1773. (8); 3) Glossaria Graeca minora et alia anecdota Graeca. Ex variis codicibus edidit et animadversionibus illustravit Ch. F. Matthaei. Mosquae. 1774. 1775 (4) 2 voll.; 4) Ioannis Xiphilini et Basilii Magni aliquot orationes antea ineditae ex codicibus Mosquensibus. Mosquae, 1775 (4); 5) Victoris Antiocheni catena in Marcum, ex codicibus Mosquensibus, cum animadversionibus criticis. Mosquae. 1775 (8) 2 Voll. Adjecta est huic editioni (Vol. II) praeter recensionem codicum et varias lectiones brevis commentatio Anonymi in Apocalypsin; 6) Isocratis, Demetrii Cydonensis et Michaëlis Glycae aliquot epistolae, nec non Dionis Chrysostomi oratio *περὶ λόγου ἀσκήσεως*. Partim ex codice Helmstadiensi, partim ex codicibus Mosquensibus edidit et animadversiones adjecit. Mosquae. 1776. (8); 7) Gregorii Thessalonicensis X orationes cum singulis Ioannis Chrysostomi et Amphilochii Iconensis. Accessit quoque fragmentum Ioannis Damasceni. Ex 5 codicibus Mosquensibus, cum notis criticis nunc primum edidit. Ibid. 1776 (8);

8) Notitia codicum Mosquensium bibliothecarum Sanctissimae Synodi. Insunt varia inedita. Ibid. 1776 (fol); 9) Plutarchus περὶ δυσωπίας καὶ περὶ τύχης, Graece et Latine nunc primum separatim prodiit cum animadversionibus Reiskii, Salmasii et Xylandri. Varias lectiones duorum codicum manuscriptorum Mosquensium et suas animadversiones adjecit Matthaei. Accedunt Plutarchi fragmenta quaedam. Mosquae, Lipsiae et Amstelodami. 1777 (12); 10) In Plutarchi libellum περὶ δυσωπίας commentatio, in festo natali Catharinae Magnae omnium Rossiarum Imperatricis Augustissimae, in solemni conventu Universitatis Caesareae Mosquensis, die XXII. April. 1777 recitata; 11) Plutarchus de superstitione, et Demosthenis oratio funebris. Graece et Latine. Ex codicibus et cum animadversionibus. Mosquae. 1778 (12); 12) Lectiones Mosquenses, seu varia inedita et discrepantes lectiones ad nobiliores scriptores, tam Graecos, quam Latinos. Omnia ex codicibus. Lipsiae. 1779. 2 voll; 13) Sancti Gregorii Nazianzeni binae orationes. Graece et Latine. Varias lectiones, commentarium duplicem et scholia nunquam antea edita, ex codicibus manuscriptis bibliothecarum Ss. Synodi Mosquensis adjecit M. Accessit XXIV codd. MSS. Gregorii recensio, ejusque carmen de libris canonicis cum interpretatione duplici. Mosquae. 1780 (4); 14) *Синтаксисъ Латинскій, изданный для употребленія Россійскаго юношества, по правиламъ большой Мархической Грамматики.* Москва, 1800; 15) Index codicum manuscriptorum Graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae. Petropoli. 1780 (4); 16) Syntipae, philosophi Persae, fabulae LXII. Graece et Latine. Ex duobus codicibus Mosquensibus primum edidit et animadversiones adjecit M. Accesserunt Scholia inedita Porphyrii aliorumque ad Iliados Homeri Ω. et notitia variorum codicum manuscriptorum. Lipsiae. 1781 (8); 17) Novum Testamentum. Graece et Latine. Cum animadversionibus criticis. Editum ex centum codicibus Graecis, nunquam antea a quopiam examinatis. Accedunt scholia Graeca maximam partem inedita. Cum tabulis aeneis XXIX. Rigae et Lipsiae. 1782—1788 (8); 18) Oratio die onomastico Augustissimae Imperatricis Catharinae Magnae, in conventu Universitatis Mosquensis, cum novum aedificium

dedicaretur, habita. 1782; 19) Epistolarum Pauli Codex Baernerianus Graeco-Latinus ad exemplar accuratissime expressum. Cum duabus tabulis aeneis. Misenae. 1791 (4); 20) Ioh. Chrysostomi homiliae quatuor Graece et Latine, cum commentario amplissimo et indice vocabulorum locupletissimo. Ibid. 1792. (8) 2 voll; 21) Euthymii Zigabeni commentarius in quatuor Evangelia nunc primum Graece editus ex duobus codicibus Mosquensibus. Graece et Latine. Cum animadversionibus et aliis dissertationibus. Lipsiae. 1792 (8). 4 voll; 22) Griechisches Lesebuch für Anfänger, mit deutschen Anmerkungen. Wittenberg und Zerbst. 1791 (8); 23) Animadversiones ad quatuor homilias Chrysostomi Wittenbergae. 1795 (8); 24) Chrysostomi homiliae XII. Accedit XIII pro Rufino. Omnes ab ipso editore Latine redditae, additis animadversionibus. Augustae Windelicorum. 1799 (8); 25) Evangeliarium Graecum Gothanum, secundum ritum Constantinopolitanum. Lipsiae. 1791 (8); 26) Nemesius Emessenus de natura hominis. Graece et Latine. Nunc primum ad septem codices Graecos et ad duas veteres interpretationes Latinas, Cononis et Wallae, examinatus. Accedunt animadversiones philologico-criticae. Repetitae sunt omnes observationes editoris Oxoniensis et interpretatio Nicasii Ellebodii ab editore subinde emendata. Halae Magdeburgicae. 1802 (8); 27) Novum Testamentum Graecum. Secunda editio critica. In hac editione prima omnino omnium, per totum librum notatae sunt lectiones ecclesiaticae ex ritu ecclesiarum orientalium, addita quoque sunt sic dicta synaxaria Evangeliarii et Praxapostoli. Tomus I. Wittembergae et Curiae Wariscorum. 1803. Tomus II. Curiae Wariscorum. 1804. Tomus. III. Ibid. 1806 (8). 3 voll.; 28) Accurata Codicum Graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio. Lipsiae. 1805. Duo Tomi. (8); 29) Clytemnestrae Sophoclis fragmentum. Graece et Latine. Ex codice Augustano et apographo Alexandrino, additis animadversionibus et interpretatione latina primum edidit M. Mosquae. 1805 (4).—Отрывокъ этотъ, состоящій изъ 340 стиховъ, переведенъ на Русскій языкъ Тимковскимъ. Впрочемъ Струве, Вольфъ и другіе вскорѣ потомъ доказали, что этотъ отрывокъ не можетъ при-

надлежать знаменитому Греческому трагику, а есть произведеніе времень позднѣйшихъ, какъ это видно изъ испорченности языка, незнанія метрическихъ законовъ и другихъ грубыхъ ошибокъ противъ искусства драматическаго. Сравн. Struwe: Sophoclis, ut volunt, Clytemnestrae fragmentum. Rigae, 1807. 30) Eclogae ex variis scriptoribus Graecis cum locupletissimis animadversionibus. Mosquae. 1805 (8) 2 voll.; 31) Ueber die sogenannten Recensionen in dem Griechischen Texte des Neuen Testaments. Ronneburg und Leipzig. 1804 (8); 32) Lectiones Graecae, seu excerpta ex variis scriptoribus Graecis in usum juventutis. Graece et Latine. Cum animadversionibus. Mosquae. 1806 (8); 33) Publii Terentii Comoediae sex. Mosquae. 1806 (8); 34) Eutropii breviarium Romanae historiae. Ibid. 1807 (8); 35) Conciones et Orationes ex Historicis Latinis, publico mandato ex praestantissimis editionibus in usum juventutis Rossicae editae. Ibid. 1807 (8). 2 voll.; 36) Animadversiones ad duas homilias Chrysostomi. Witembergae. 1801 (8); 37) Rufi Ephesii, clarissimi medici Graeci, opuscula et fragmenta cum animadversionibus. Multo haec nunc auctiora edita sunt ex codice Mosquensi et Augustano. Accesserunt quaedam ex Galeno et Dioclis Carystii epistola. Mosquae. 1806 (8); 38) Unius et viginti medicorum Graecorum opuscula et fragmenta cum animadversionibus et vocabulorum indice. Graece et Latine. Nunc primo graece edita ex Codice Mosquensi Oribasii. Nomina istorum medicorum sunt: Agathinus, Antyllus, Apollonius, Archigenes, Athenaeus, Ctesias, Dieuches, Diocles, Herodotus, Justus, Lycus, Menemachus, Mnesitheus Atheniensis, Mnesitheus Cyzicenus, Oribasius, Philagrius, Philotimus, Philumenus, Sabinus, Xenocrates et Zopyrus. Cum tabula aenea. Mosquae. 1808 (4); 39) Novae eclogae ex scriptis Chrysostomi. Graece. Cum commentario critico-philologico copiosissimo et indice vocabulorum locupletissimo. Mosquae et Lipsiae. 1808 (8); 40) Varia Graeca. Ex octo codicibus Graecis diversarum bibliothecarum nunc primum edita. Mosqu. 1811 (8); 41) Alexandri I. Imperatoris et Autocratoris Rossorum omnium Constitutiones et Confirmationes trium Universitatum Rossicarum: Mosquensis, Casanensis et Charcowiensis. Ex mandato Cura-

toris Universitatis Mosquensis, A. C. Rasumowsky, lingua latina redditae et editae. Mosquae. 1808.

По должности Профессора Московскаго Университета и принадлежавшихъ къ нему Гимназій, Маттеи, соображаясь съ возрастомъ и потребностями своихъ слушателей, читалъ и объяснялъ, прекраснымъ Латинскимъ языкомъ, почти всѣхъ Греческихъ и Римскихъ писателей, языческихъ и Христіанскихъ, принадлежавшихъ къ разнымъ эпохамъ времени и различнымъ родамъ литературы,—какъ это видно изъ каждогодныхъ росписаній и каталоговъ Университетскихъ лекцій и извѣстно изъ живыхъ преданій, сообщаемыхъ оставшимися послѣ него учениками. Кромѣ критическаго и экзегетическаго объясненія древнихъ писателей, Профессоръ Маттеи излагалъ также предметы реальные, въ особенности Исторію литературы и Древности Грековъ и Римлянъ. Въ преподаваніи онъ старался не о наружномъ блескѣ и увлекательности лекцій, но о ихъ существенной пользѣ и достоинствѣ науки. Избранные имъ предметы для чтенія онъ самъ заблаговременно обсуживалъ со всею основательностію и подробностію, выписывалъ замѣчанія и объясненія на оные изъ другихъ писателей, и съ благоразумною критикою передавалъ ихъ своимъ слушателямъ.— Въ учрежденномъ тогда при Университетѣ Семинаріи Педагогическомъ и Философскомъ, онъ руководилъ студентовъ въ ихъ собственныхъ занятіяхъ, и особенно упражнялъ ихъ въ Латинскомъ стилѣ.

Вообще Х. Ф. Маттеи былъ одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, которые вполнѣ оправдали свое призваніе и сдѣлались достойными уваженія и благодарности при жизни и по смерти.

МАТЮШЕНКОВЪ, Иванъ Петровичь, Адъюнктъ-Профессоръ по каѳедрѣ Практической Хирургіи, изъ Дворянъ Тульской губерніи, родился въ Тулѣ, 1813 г. Сентября 26-го; обученный Русской грамотѣ въ семействѣ, поступилъ въ Тульское Уѣздное Училище, а потомъ въ Губернскую Гимназію. Здѣсь, подъ непосредственнымъ надзоромъ родителя своего, служившаго учителемъ въ Губернской Гимназіи и Тульскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, прошелъ полный гимназическій курсъ.

Получивъ аттестатъ изъ Гимназіи, по выдержаніи экзамена, въ 1831-мъ году, поступилъ Студентомъ Медицинскаго Факультета въ Императорскій Московскій Университетъ. Во время прохожденія курса Медицинскихъ наукъ, подъ руководствомъ бывшихъ въ то время, ученыхъ и извѣстныхъ Профессоровъ, молодой Студентъ особенно увлеченъ былъ лекціями славнаго въ то время Профессора, Ю. Е. Дядьковскаго. Необъятная энергія свѣтлаго и логическаго ума покойнаго Профессора, съ его крѣпкою и сжатою рѣчью съ каѳедры, съ его подробнымъ, раціональнымъ толкованіемъ припадковъ болѣзни при постелѣ больныхъ, въ Клиникѣ, имѣли особенное вліяніе на развитіе въ слушателяхъ мышленія и логическаго, правильнаго обсуживанія предметовъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ, пробудившихъ въ молодомъ слушателѣ желаніе раціональнаго изученія Медицины.

Преобразованіе Московскаго Университета и въ особенности Медицинскаго Факультета, въ 1835 году, застало Матюшенкова на послѣднемъ курсѣ и имѣло особенное вліяніе на дальнѣйшее направленіе и развитіе въ его Медицинскомъ образованіи. Вновь учрежденная отдѣльная каѳедра Практической Хирургіи, вмѣщавшей въ себѣ, кромѣ Хирургической Клиники, отдѣльныя каѳедры Теоретической, Оперативной Хирургіи съ Хирургическою Анатоміею и практическими упражненіями слушателей на трупѣ въ техническомъ искусствѣ производства операцій, была поручена Проф. Иноземцеву. Современное, обширное знаніе многихъ предметовъ, дотолѣ у насъ неизвѣстныхъ, пересаженное Профессоромъ и въ Московскій Университетъ, имѣло неотразимое вліяніе на всѣхъ слушателей. Матюшенковъ и товарищи его по курсу, съ жаднымъ рвеніемъ, принялись работать даже внѣ положенныхъ часовъ для преподаванія. Руководимые неутомимыми трудами молодаго Профессора, они спѣшили вознаградить малое время оставшагося курса. Слѣдствіемъ этихъ, такъ сказать, исключительныхъ занятій было то, что когда Матюшенковъ на лѣкарскомъ экзаменѣ, по тогдашнимъ правиламъ, прочиталъ Хирургическую демонстрацію о строеніи perinaei и раціональномъ производствѣ литотоміи, потомъ произвелъ эту операцію на трупѣ,—Профессоръ былъ такъ имъ доволенъ, что разцѣловалъ

его и благодарилъ при слушателяхъ. Это обстоятельство составило важнѣйшій моментъ научно - нравственнаго сближенія ученика съ учителемъ, въ послѣдствіи постепенно возраставшаго на учебномъ, ученомъ и служебномъ поприщахъ Матюшенкова.

Въ 1836 г. Матюшенковъ выпущенъ изъ Универс. Лѣкаремъ перваго отдѣленія съ отличіемъ. По окончаніи курса, поступилъ въ частную должность домашняго врача въ Москвѣ. Лѣтомъ, проводя вакаціонное время въ деревнѣ близь Москвы, занимался устройствомъ домашней больницы и аптеки, при заводахъ и фабрикахъ помѣщика, а равно и частною практикою; въ зимнее время, живучи въ Москвѣ, посѣщалъ Клиники Университета и другіе Госпитали, гдѣ допускаемъ былъ въ присутствіи Профессора или Главнаго Доктора къ производству нѣсколькихъ важныхъ операцій, за что, по выдержаніи надлежащаго испытанія, въ Университетѣ, удостоенъ въ 1838 г., степ. Медико-Хирурга. Въ 1840 г. Пр. Иноземцевъ, возвратившись въ Москву изъ вторичнаго путешествія за границу, пригласилъ Матюшенкова жить съ нимъ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы дѣлить съ нимъ ученые и практическіе свои труды.—Съ этого времени, для Матюшенкова начинаются обширныя, немногимъ счастливцамъ доступныя средства къ дальнѣйшему развитію Медицинскаго своего образованія. Окруженный отеческою заботою и совѣтами ученѣйшаго и талантливаго Профессора, пользуясь огромною и рѣдкою библіотекой его,—Матюшенковъ вдругъ получилъ всѣ средства къ дальнѣйшему теоретическому своему образованію. Въ тоже самое время, раздѣляя практическіе труды Профессора, въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ его обширной частной практики, присутствуя и ассистируя ему во всѣхъ операціяхъ производимыхъ имъ, какъ въ Клиникѣ, такъ и въ частной практикѣ, Матюшенковъ имѣлъ истинное счастіе въ молодыхъ, еще первыхъ годахъ практики своей наблюдать и дѣйствовать на обширнѣйшемъ Медицинскомъ поприщѣ столь славнаго Профессора, столь извѣстнаго Практика. Въ это время у Проф. Иноземцева родилась мысль образовать домашнюю поликлинику, для бѣдныхъ больныхъ съ двоякою цѣлію: 1) чтобы дать возможность всякому пользоваться его совѣтами и 2) кажется, главное, дать средство молодымъ врачамъ начать

практическую свою дѣятельность подъ руководствомъ опытнаго врача. Эту домашнюю поликлинику началъ онъ съ Матюшенковымъ. Впослѣдствіи присоединились къ нимъ весьма многіе молодые врачи изъ учениковъ Московскаго Университета. Образовавшаяся такимъ образомъ домашняя поликлиника давала возможность, въ теченіи года, многимъ тысячамъ бѣдныхъ больныхъ пользоваться совѣтами и пособіями врачей и въ тоже время служила молодымъ практикамъ вѣрнымъ и доступнымъ средствомъ изучить и практически повѣрить многостороннюю опытность и глубокія знанія своего учителя. Во время этихъ утреннихъ, каждодневныхъ занятій, Матюшенковъ, наблюдая, какъ старшій ассистентъ Профессора, за порядкомъ, и точнымъ выполненіемъ заведеннаго учебно-практическаго порядка, имѣлъ особенную обязанность слѣдить за больными съ хирургическими формами болѣзней и производить тѣ операціи, кои можно было произвести приходящимъ больнымъ. Непрерывное исполненіе этихъ обязанностей въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ, подъ надзоромъ славнаго ихъ руководителя, — все болѣе и болѣе развивали въ Матюшенковѣ практическую самостоятельность. Кромѣ того, пристрастясь къ изученію прикладной Анатоміи, Матюшенковъ свободное отъ другихъ занятій время проводилъ въ анатомическомъ театрѣ, стараясь на трупѣ подробнѣе изучить топографическую Анатомію и въ то же время помогалъ Профессору въ приготовленіи препаратовъ къ его лекціямъ въ Университетѣ. И въ этихъ анатомическихъ трудахъ онъ имѣлъ рѣдкій случай быть руководимымъ однимъ изъ первыхъ и славныхъ нашихъ Анатомовъ-Хирурговъ. — Совокупность всѣхъ сказанныхъ обстоятельствъ жизни Матюшенкова имѣла прямымъ слѣдствіемъ, что Пр. Иноземцевъ, нуждавшійся тогда въ Адъюнктѣ, просилъ Начальство о назначеніи Матюшенкова себѣ помощникомъ въ преподаваніи. Въ 1843 году, по полученіи согласія Начальства, Матюшенковъ вступилъ въ исполненіе обязанностей Адъюнкта при каѳедрѣ Практической Хирургіи. Съ этого времени ко всѣмъ прочимъ занятіямъ его присоединилась новая обязанность преподавателя. Въ Клиникѣ помогалъ онъ Профессору преимущественно по административной, исполнительной части; слѣдилъ и велъ назначенное Профессоромъ лѣченіе больныхъ; руководствовалъ

Студентовъ въ діаріяхъ и изслѣдованіи больныхъ, и, въ тоже время, по порученію или за отсутствіемъ Профессора, производилъ въ Клиникѣ самыя важныя и трудныя операціи. Въ началѣ подъ руководствомъ Профессора, впослѣдствіи же самостоятельно, держалъ поликлинику Факультетской Хирургической Клиники. Читалъ съ каѳедры часть, поручаемую ему Профессоромъ Теоретической оперативной Хирургіи, въ соединеніи съ Хирургическою Анатоміею; дѣлилъ труды Профессора при упражненіи слушателей въ технической части оперативнаго искусства на трупѣ и преподавалъ практическое изученіе Десмургіи. Въ 1847 году, по случаю холерной эпидеміи въ Москвѣ, кромѣ исполненія прежнихъ занятій по Университету, занималъ должность старшаго врача при временно-устроенной больницѣ на Смоленскомъ рынкѣ, подъ начальствомъ главнаго Доктора Пр. Иноземцева. Въ 1848 году, выдержавъ словесный и письменный экзамены на степень Доктора Медицины и Хирургіи, написалъ и подалъ въ Факультетъ разсужденіе на Рускомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Мягкій остовъ тѣла человѣческаго или общая система волокнисто-клѣтчатыхъ тканей* (въ смыслѣ Гистологическомъ и Физіологическомъ), которое одобрено Факультетомъ. За тѣмъ въ 1850 году написалъ, напечаталъ и публично защищалъ другую диссертацію на Латинскомъ языкѣ: de partis prostaticae urethrae in Lithotomia adultorum perinaeali cruenta dilatatione, послѣ чего, удостоенный степени Доктора Медицины и Хирургіи, въ томъ же году утвержденъ въ званіи Адъюнкта каѳедры практической Хирургіи въ Московскомъ Университетѣ. Кромѣ сказанныхъ двухъ диссертацій, Матюшенковъ написалъ и читалъ многія практическія статьи въ Медицинскихъ обществахъ, за что избранъ Дѣйств. Член. Физико-Медицинскаго Общества въ Москвѣ и Общества Рускихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, а именно: 1) *Описаніе нѣсколькихъ случаевъ успѣшно произведеннаго камнераздробленія въ мочевомъ пузырѣ, у больныхъ, приходящихъ въ Клинику Московскаго Университета* (помѣщена въ Другѣ Здравія); 2) *О лѣченіи травматическихъ аневризмъ давленіемъ* (въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ, изд. П. Полунинымъ; 3) *О Хирургическомъ лѣченіи выпаденія матки и вла-*

калица (напечатано въ Трудахъ Общества Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ.).

Мелльманнъ, Іоаннъ Вильгельмъ Людовикъ, Ректоръ Академической Гимназіи при Московскомъ Университетѣ, Экстраординарный Профессоръ Древней Словесности, вызванъ былъ изъ Геттингена на особыхъ правахъ, по одобренію извѣстнѣйшаго тамошняго Филолога и Профессора Гейне, въ 1786 году, въ тотъ промежутокъ времени, когда бывшій прежде Ректоромъ Профессоръ Х. Ф. Маттеи, по болѣзни и по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить наше отечество, и, не смотря на вторичное приглашеніе, сдѣланное ему вскорѣ потомъ по предложенію Князя Потемкина, не могъ еще тогда опять возвратиться на сѣверъ по причинѣ не совсѣмъ поправившагося здоровья. — Мелльманнъ въ Гимназіи преподаваніе началъ съ 1786 г., а въ Университетѣ собственно съ 179$\frac{2}{3}$ Академ. года, продолжалъ въ 179$\frac{3}{4}$, а въ 179$\frac{5}{6}$ уже не упоминается. По отзывамъ знавшихъ его лицъ, Мелльманнъ былъ настоящій Нѣмецкій молодой ученый, преданный своимъ занятіямъ;. жилъ одиноко, большею частію былъ молчаливъ и углубленъ въ себя, зналъ свой кабинетъ, конференцію и классы; другихъ развлеченій не искалъ и не любилъ.—Кромѣ Филологіи, онъ знакомъ былъ съ Кантовою Критическою Философіею, и первый принесъ съ собою свѣжія о ней понятія въ Московскій ученый кругъ; по новости ея и занимательности, часто разсуждалъ о ней охотно и свободно съ своими собесѣдниками, знакомя ихъ такимъ образомъ съ важнѣйшими ея началами.—Въ предметѣ своемъ считался знатокомъ и хорошимъ преподавателемъ.—За многостороннюю свою ученость, простоту и справедливость, Мелльманнъ любимъ былъ и уважаемъ въ кругу своихъ товарищей. Русскіе сверхъ того цѣнили въ немъ и то, что онъ, живя въ нашемъ отечествѣ, всячески старался изучить Русскій языкъ по правиламъ Грамматики, какъ для практическаго его употребленія, особенно въ дѣлѣ преподаванія, такъ и для цѣлей филологическихъ, — что рѣдко бываетъ у насъ съ учеными иностранцами. Но не смотря на свою ученость и другія хорошія стороны, Мелльманнъ не рѣдко, увлекаясь новою Философіею,

слишкомъ свободно и неосторожно высказывалъ односторонція и ложныя свои убѣжденія относительно предметовъ религіозныхъ, за что по опредѣленію Университетскаго Начальства, въ Январѣ 1795 г., отрѣшенъ отъ своей должности и долженъ былъ покинуть наше отечество.

Изъ сочиненій Мелльманна, изданныхъ имъ въ Москвѣ, извѣстны: 1) Commentatio de causis et auctoribus narrationum de mutatis formis, ad illustrandum maxime et dijudicandum opus metamorphosium Ovidianarum. Auctore Joh. Lud. Mellmann A. M. Classium graecarum et latinarum in gymnasiis Academiae Imperialis Moscoviensis Rectore designato. Lipsiae. 1786. 8. Сочиненіе это посвящено бывшимъ тогда Кураторамъ Московскаго Университета И. И. Шувалову, И. И. Мелиссино, и М. М. Хераскову; 2) Lectiones Latinae in usum classium etymologicarum in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Curavit J. S. L. Mellmann, Lector. Mosquae. 1789. — Это есть учебникъ Латинскаго языка для первоначальныхъ классовъ, выбранный и составленный изъ другихъ подобнаго рода сочиненій Нѣмецкихъ, по методѣ практической, въ избѣжаніе обременительнаго и по его мнѣнію, безполезнаго труда для дѣтей при заучиваніи однихъ только этимологическихъ правилъ, безъ оживленія ихъ въ то же время Латинскою рѣчью. Въ предисловіи къ этой книгѣ и замѣчаніяхъ къ оному, написанныхъ на Латинскомъ языкѣ, говорится о свойствѣ этого учебника и его составѣ, исчисляются Нѣмецкія сочиненія, Грамматики и Хрестоматіи, изъ коихъ онъ выбранъ, выставляются преимущества практическаго метода, къ нему приложеннаго, передъ другими, и наконецъ излагаются нѣкоторыя объясненія и наставленія относительно употребленія этого метода и самой книги, по оному составленной. — Учебникъ начинается статьею: Regularum Syntaxeos praecipuarum exempla; потомъ слѣдуютъ разговоры (colloquia) и басни (fabulae), выбранныя изъ разныхъ Нѣмецкихъ Хрестоматій; послѣ того помѣщенъ Латинско - Русскій словарь (vocabularium) для этой книги, составленный при содѣйствіи Сохацкаго; въ концѣ же, въ видѣ прибавленія (appendix), поставлены таблицы склоненій и спряженій, съ замѣчательнѣйшими исключеніями и неправильностями этимологи-

ческихъ формъ. — *Для* объясненія этихъ таблицъ Мелльманъ предполагалъ издать особенное сочиненіе подъ заглавіемъ: Commentatio de initiis institutionis grammaticae regendis, — о которомъ впрочемъ послѣ того ничего неизвѣстно. 3) Lectiones Latinae in usum classis Syntacticae in Gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis. Mosquae. 1791 (8). Эта книга состоитъ изъ двухъ частей; первую составляютъ названныя въ заглавіи книги Lectiones Latinae, а вторую Specimen Syntaxeos practicae. И это сочиненіе составлено по Нѣмецкому руководству: Lateinisches Lesebuch für die ersten Anfänger. Herausgegeben von Friederich Gedike. Berol. 1787. Edit. 4. Примѣры для практическаго Синтаксиса взяты изъ практической Грамматики Латинскаго языка, издан. К. Г. Брёдеромъ,— какъ объ этомъ говорится въ краткомъ предисловіи къ книгѣ Мелльмана, написанномъ на Латинскомъ языкѣ; 4) Oratio de communi omnis educationis et institutionis consilio, in solemnibus anniversariis Imperii ab Augustissima et potentissima totius Rossiae Autocratore Catharina II, ante annum XXVIII suscepti ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebrandis, d. XXVIII Iunii, anni MDCCXC habita a. J. S. L. Mellmann.

МЕНЬШИКОВЪ, Арсеній Ивановичь, Ординарный Профессоръ Греческаго языка и Древностей, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, сынъ Священника Тверской губ., родился въ 1807 году Октября 26-го. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Духовномъ Училищѣ и въ Семинаріи упомянутой губерніи, подъ руководствомъ многихъ опытныхъ наставниковъ и бдительнымъ надзоромъ Духовныхъ Начальствъ, въ особенности Преосвященныхъ Филарета (нынѣ Митрополита Московскаго) и Амвросія-Протасова, бывшихъ тогда въ Тверской Епархіи Архіепископами. — Началами въ познаніи Греческаго языка и направленіемъ къ преимущественному его изученію, вмѣстѣ съ Латинскимъ, прежде всего обязанъ уважаемому тогда всѣми наставнику своему О. Макарію, бывшему впослѣдствіи Архимандритомъ Старицкимъ и отличавшемуся рѣдкою способностію въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія, равно какъ и достойному его племяннику М. Р. Голосову (нынѣ Протоіерею Муроносицкія церкви въ Твери). Послѣ того изученіе Грече-

скаго языка и чтеніе древнихъ писателей сдѣлалось исключительнымъ его занятіемъ, какъ въ продолженіе училищнаго образованія, такъ и послѣ. — Изъ училища перешедши въ Тверскую Семинарію и занимаясь всѣми предметами, положенными въ этомъ духовномъ заведеніи, Меншиковъ особенно изыскивалъ средства къ точному и болѣе подробному изученію Греческихъ писателей, преимущественно Отцевъ Церкви. Въ слѣдствіе этого, по усмотрѣнію Начальства, бывши еще ученикомъ высшаго отдѣленія, опредѣленъ Лекторомъ Греческаго языка въ нисшемъ отдѣленіи помянутой Семинаріи,— каковую должность и исправлялъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, до конца пребыванія своего въ Семинаріи.

Отсюда, по окончаніи курса богословскихъ наукъ, по распоряженію Начальства и собственному желанію, въ 1829 году отправленъ былъ въ С.Петербургъ для поступленія въ Главный Педагогическій Институтъ, гдѣ и продолжалъ свое образованіе, въ продолженіе 6 лѣтъ. Здѣсь, находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ непосредственнаго Начальника Института и ученаго покровителя Древности, Графа Уварова, бывшаго въ то время Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и подъ наблюденіемъ неусыпнаго и опытнаго въ дѣлѣ воспитанія Директора (нынѣ Тайнаго Совѣтника) Ѳ. И. Миддендорфа, во все время пользовался наставленіями извѣстнѣйшихъ Профессоровъ по разнымъ отраслямъ наукъ филологическихъ, историческихъ и философскихъ, слушая лекціи М. И. Талызина, П. А. Плетнева (нынѣ Ректора С.Петербурскаго Университета), М. М. Тимаева, Н. Г. Устрялова, Ф. Ѳ. Лоренца, А. А. Фишера, А. И. Гримма и др., въ особенности же упражняясь въ чтеніи и изъясненіи древнихъ писателей (Греческихъ и Римскихъ) подъ руководствомъ и при содѣйствіи знаменитаго эллиниста и ученаго Ѳ. Б. Грефе, бывшаго тогда Профессоромъ Института и покровительствовавшаго признательному его ученику въ познаніи Древности. По окончаніи курса наукъ въ Институтѣ, на публичномъ актѣ удостоенъ серебряной медали, и по Высочайшему повелѣнію посланъ для усовершенствованія въ древней Филологіи, за границу, въ 1836 году Января 20-го дня. Прибывъ въ Берлинъ и находясь два года съ половиною при тамошнемъ Университетѣ, все время

посвящалъ специальному изученію классической Древности, въ томъ объемѣ, въ какомъ она преподается въ этомъ знаменитомъ Университетѣ, участвуя въ семинаріяхъ, при немъ находящихся, и стараясь постигнуть духъ и современное направленіе Филологіи. Подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ Профессоровъ: А. Бёка, І. Беккера, К. Лахмана, К. Г. Цумпта, Ф. Боппа, Е. Г. Тёлькена, І. Г. Дройзена, К. Гейзе, К. Е. Гепперта, и нѣкоторыхъ другихъ, познакомился съ системами Энциклопедіи и Методологіи Древней Филологіи, общей и частной Грамматики, Метрики Грековъ и Римлянъ, Исторіи Литературы, Археологіи и Древностей того и другаго народа— съ экзегетикою и критикою древнихъ писателей во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы. — Проѣздомъ въ Берлинъ и на возвратномъ пути въ Россію, останавливался нѣсколько времени въ Кенигсбергѣ, Галле, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Бреславлѣ и другихъ городахъ, съ цѣлію пріобрѣсть нѣкоторыя свѣдѣнія объ общемъ образованіи, и въ частности о движеніи наукъ филологическихъ въ этихъ важныхъ мѣстахъ ученой Германіи,— а также познакомиться съ памятниками Древности въ различныхъ собраніяхъ и музеяхъ.

По возвращеніи изъ-за границы, въ 1839 г. опредѣленъ былъ въ Главный Педагогическій Институтъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Древней Филологіи; но въ томъ же году, по предложенію Графа С. Г. Строганова, просвѣщеннаго любителя Древности, бывшаго тогда Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, и по собственному желанію, перемѣщенъ въ Императорскій Московскій Университетъ на каѳедру Греческаго языка. Здѣсь, занимаясь преподаваніемъ и изслѣдованіемъ древности, въ 1842 г., по экзамену получилъ степень Доктора Философіи; въ 1848 г. избранъ Совѣтомъ Университета и утвержденъ Министромъ Народн. Просв. въ званіи Экстраординарн. Профессора; въ 1850 г., утвержденъ Профессоромъ Педагогическаго Института Московскаго Университета, по предмету древней Филологіи, и находился въ этомъ званіи до учрежденія особой каѳедры Педагогіи; въ томъ же году, согласно избранію Совѣта Московскаго Университета, утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора.

Около 15 лѣтъ занимаясь въ Московскомъ Университетѣ,

Профессоръ Меншиковъ старается ознакомить своихъ слушателей съ полнымъ объемомъ наукъ филологическихъ, — и съ этою цѣлію излагаетъ попеременно въ различныхъ курсахъ Энциклопедію и Методологію Древней Филологіи, Метрику Грековъ и Римлянъ, Исторію Греческой литературы въ важнѣйшихъ ея отрасляхъ и Греческія Древности. Параллельно съ изложеніемъ реальныхъ наукъ филологическихъ, преимущественно занимаетъ Студентовъ чтеніемъ, критическимъ и экзегетическимъ разборомъ лучшихъ и труднѣйшихъ писателей Греческихъ, въ особенности тѣхъ, кои служатъ представителями важнѣйшихъ родовъ Греческой поэзіи и прозы,— указывая притомъ на лучшія изданія, переводы и другія замѣчательнѣйшія пособія при ихъ изученіи. На ряду съ изъясненіемъ Греческихъ авторовъ классической Древности, Профессоръ, по одобренію Факультета, ввелъ чтеніе Византійскихъ писателей, въ особенности Св. Отцевъ Церкви. Вмѣстѣ съ теоретическимъ преподаваніемъ, Проф. М. въ Греко-Латинскомъ семинаріи руководствуетъ Студентовъ въ ихъ занятіяхъ практическихъ, по разнымъ предметамъ Древней Филологіи, преимущественно на Латинскомъ языкѣ.

Кромѣ должности Профессора въ Московскомъ Университетѣ, Меншиковъ, съ 1842 по 1849 г., былъ Секретаремъ Цензурнаго Комитета, состоящаго въ вѣдѣніи Московскаго Учебнаго Округа, и Преподавателемъ Латинскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ. За успѣшное прохожденіе своей должности, по представленію Начальства Института Восточныхъ языковъ Гг. Лазаревыхъ и согласно удостоенію Кавказскаго Комитета, Всемилостивѣйше пожалованъ Орд. Св. Анны 3-й ст.; а въ Университетѣ, вскорѣ послѣ того, Министр. Народнаго Просвѣщенія объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность за отличный порядокъ по учебной части. Изъ сочиненій Профессора Меншикова изданы въ свѣтъ: 1) диссертація, написанная для полученія степени Доктора: In Platonis dialogum, qui inscribitur Cratylus, commentatio, 1842; 2) рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета въ 1849 году: De eruditione et re litteraria Graecorum aetatis Byzantinae, — написанная съ цѣлью уяснить мысль о необходимости и пользѣ

чтенія Византійскихъ историковъ и Св. Отцевъ Церкви въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) *Филебъ, діалогъ Платоновъ*, статья напечатанная въ 4-мъ томѣ Пропилеевъ. — Въ настоящее время Профессоръ Меншиковъ занимается изложеніемъ и переводомъ важнѣйшихъ Платоновыхъ діалоговъ и приготовленіемъ ихъ къ напечатанію.

МЕРЗЛЯКОВЪ, Алексѣй Ѳедоровичь, Ординарный Профессоръ Поэзіи и Краснорѣчія, Статскій Совѣтникъ, родился въ 1778 г., Пермской губерніи въ городѣ Далматовѣ. Отецъ его, Ѳедоръ Алексѣевичь Мерзляковъ, былъ весьма небогатый купецъ сего города: по отдаленности мѣста и по совершенному недостатку въ способахъ, онъ могъ только научить сына своего читать и писать. Необыкновенную охоту къ ученію и дарованія Алексѣя Ѳедоровича первый замѣтилъ родной его дядя, Алексѣй Алексѣевичь Мерзляковъ, служившій правителемъ канцеляріи при бывшемъ тогда Генералъ-Губернаторѣ Пермской и Тобольской губерніи А. А. Волковѣ. Онъ уговорилъ, хотя и съ трудомъ, брата своего отпустить сына въ Пермь. Начальныя основанія въ наукахъ получилъ молодой Мерзляковъ въ Пермскомъ главномъ народномъ училищѣ при Директорѣ онаго Иванѣ Ивановичѣ Панаевѣ, который былъ и первымъ его покровителемъ на поприщѣ Словесности. Изъ воспоминаній о первоначальномъ ученіи Мерзлякова можемъ привести преданіе, имъ сообщенное въ одномъ изъ его позднѣйшихъ разсужденій: «Учитель мой твердилъ мнѣ всегда: если что хочешь понять хорошо, читай громко.» По ходатайству Панаева было представлено Алексѣю Андреевичу Волкову первое сочиненіе тринадцатилѣтняго ученика Мерзлякова въ стихахъ: *Ода на заключеніе мира со Шведами.* Генералъ-Губернаторъ, ревностно распространявшій просвѣщеніе въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, отправилъ оду къ Главному Начальнику народныхъ училищъ, Графу Петру Васильевичу Завадовскому, который поднесъ ее Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Въ собственноручной запискѣ* Мерзлякова, предлагающей

---

* Эта автобіографическая записка принадлежала Погодинскому древлехранилищу.

матеріалы для біографіи его школьныхъ лѣтъ, сказано, что «благодѣтельная Государыня приказала напечатать сіе сочиненіе въ издаваемомъ тогда при Академіи журналѣ и сверхъ того нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя*.» Они были присланы въ Пермь, при Высочайшемъ Рескриптѣ, къ Директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, былъ Мерзляковъ отправленъ на казенный коштъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 году Мерзляковъ прибылъ въ Москву и препорученъ Куратору Университета, Михаилу Матвѣевичу Хераскову. Не такъ давно еще скончался одинъ изъ старѣйшихъ Студентовъ Университета, П. С. Полуденскій, помнившій прибытіе Мерзлякова и разсказывавшій о томъ, какъ вниманіе Студентовъ было обращено на прибывшаго, который довольно сурово и важно стоялъ въ аудиторіи. Въ томъ же 1793 г. Декабря 20-го, какъ сказано въ послужномъ спискѣ, Мерзляковъ былъ принятъ въ Гимназію на казенный счетъ и поступилъ въ классъ Латинской грамматики. Въ печатныхъ спискахъ Гимназическихъ учениковъ, награжденныхъ книгами, имя Мерзлякова встрѣчается въ первый разъ въ 1795 г. Онъ получилъ награды изъ Латинскаго Синтаксическаго и Греческаго Этимологическаго классовъ, изъ этимологическихъ Нѣмецкихъ, и былъ переведенъ изъ первыхъ отъ Бѣлюстина къ Попову, а изъ Нѣмецкаго отъ учителя Некрасова къ Лектору Гейму. Тѣ же награды и отличія продолжаются въ 1796 и 1797 годахъ, и въ семъ послѣднемъ году изъ учениковъ, обучающихся въ Гимназіяхъ на казенномъ содержаніи, Мерзляковъ вторымъ произведенъ въ Студенты. Въ 1798 году, въ числѣ казеннокоштныхъ Студентовъ, переведенныхъ изъ высшаго Латинскаго и Греческаго классовъ отъ Профессора Сохацкаго въ Университетъ, Мерзляковъ является первымъ.

По каталогу гимназическаго ученія въ 179$\frac{6}{7}$ академическомъ году видно, что Законъ Божій преподавали тогда Протопресвитеръ Архангельскаго собора и Членъ Императорской

---

* Не смотря на поиски, сдѣланные нами, мы не могли отъискать въ современныхъ тому изданіяхъ Академіи оды Мерзлякова.

Россійской Академіи, авторъ извѣстнаго Церковно-Славянскаго Словаря, Петръ Алексѣевъ и при немъ Іеродіаконъ Θеофанъ; Ордин. Проф. Синковскій Философію Умственную и Нравственную по Гейнекцію; Экстраорд. Профес. Антонскій Натуральную Исторію въ связи съ Энциклопедіею наукъ и ихъ исторіею; Экстраорд. Профес., Инспекторъ учительскаго Института и Ректоръ Греческихъ и Латинскихъ классовъ Сохацкій, замѣстившій выбывшаго Мелльмана, проходилъ Филологію, Риторику, Миθологію и Древности; изъ Римскихъ авторовъ объяснялъ рѣчи Цицерона, отборныя мѣста Ливія, особливо для изъясненія древностей Римскихъ, Виргиліеву Энеиду, Гораціевы оды и эпистолы; изъ Греческихъ произведеній Гомерову Одиссею, Эсхилова прикованнаго Прометея, отборныя мѣста изъ Лукіана, Платоновъ разговоръ Менонъ, при объясненіи котораго особенною цѣлью поставлялъ напечатлѣть слушателямъ логическія правила. Сохацкій же упражнялъ въ Латинскихъ переводахъ и сочиненіяхъ. Учитель Николай Поповъ преподавалъ Риторическія начала и Латинскую Просодію, объясняя Юстина, Ливія, Цицерона и Овидіевы превращенія. Магистръ Философіи и свободныхъ искусствъ, Мих. Матв. Снегиревъ, упражнялъ слушателей въ переводахъ съ Латинскаго и Французскаго языковъ на Русскій и показывалъ *различные роды стиховъ и слога Россійскаго*, приводя образцы изъ лучшихъ Россійскихъ писателей, также задавалъ ученикамъ разныя сочиненія, особенно въ родѣ писемъ, и преподавалъ начала Логики на Русскомъ языкѣ. Экстраорд. Проф. Геймъ училъ Нѣмецкому языку и Словесности и толковалъ Аделунгову книгу о Нѣмецкомъ слогѣ. Ему помогали многіе Русскіе для нисшихъ классовъ и въ ихъ числѣ Матвѣй Гавр. Гавриловъ. Экстраорд. Профессоръ Бодуэнъ переводилъ на Французскій языкъ похвальныя слова Ломоносова, толковалъ и заставлялъ учить наизусть оды Жанъ Батиста Руссо. Ему помогали многіе Французы и Русскій учитель Тимоθей Перелоговъ. Англійскому языку училъ Лекторъ Бели — и имѣлъ себѣ помощникомъ того же Перелогова. Всеобщую Исторію по Шрекку и Географію по Бауманнову сокращенію проходилъ Михайло Падеринъ, и ему былъ помощникомъ Никифоръ Черепановъ, впослѣдствіи Профессоръ.

Таково было ученіе Академической Гимназіи Университета, когда она имѣла въ числѣ учениковъ своихъ Мерзлякова.

Въ 1798 году Мерзляковъ изъ Студентовъ переименованъ былъ въ Баккалавры; въ 1799 г. онъ первенствуетъ въ печатномъ спискѣ казеннокоштныхъ Студентовъ, отличившихся въ похвальномъ поведеніи, и получилъ золотую медаль. Въ Философскомъ Факультетѣ, гдѣ проходилъ онъ Университетскій курсъ наукъ, О. Проф. Х. А. Чеботаревъ «занималъ учащихся упражненіями *въ разныхъ сочиненіяхъ*, стараясь, чтобъ они о всякой, познанной ими матеріи, могли писать чистымъ, приличнымъ, яснымъ и красивымъ *Латинскимъ* и *Россійскимъ слогомъ*; а дабы его слушатели тѣмъ удобнѣе достигли сего, сперва толковалъ *основанія Риторики по Эрнесту* и другимъ наилучшимъ Риторамъ, потомъ предлагалъ имъ примѣры подражанія въ слогѣ изъ *Латинскихъ и Россійскихъ* писателей, разбирая ихъ по правиламъ *Критики.*» Чеботаревъ же преподавалъ и Россійскую Исторію; Экстраорд. Профес. Брянцевъ Логику и Метафизику по руководству Федера. Въ 1799 году читалъ еще и Шаденъ въ Юридическомъ Факультетѣ Нравственную Философію; Баузе, кромѣ Римскаго права, Общую Энциклопедію наукъ по Эшенбургу; Бодуэнь занималъ каѳедру Французской Словесности и здѣсь знакомилъ своихъ слушателей съ сатирами и эпистолами Буало. Геймъ читалъ Всеобщую Исторію съ ея вспомогательными науками и Нѣмецкую Словесность, но не восходилъ выше Нѣмецкой Хрестоматіи.

Къ этому времени Университетскихъ занятій относятся первые опыты стихотвореній Мерзлякова, которые онъ печаталъ въ изданіи Подшивалова: *Пріятное и полезное препровожденіе времени.* Здѣсь въ 1796 году (ч. 10 и 12) напечатаны его: *Ночь*, *Истинный герой*, *Ратное поле*; въ 1797 г. (ч. 13 и 14): *Россъ*, *Вечеръ*, *Къ протекшему 1796 году*, *Милонъ*, *Гроза*; въ 1798 г. (ч. 17 и 18): *Старецъ во гробѣ*, *Мое утѣшеніе*, *къ Уралу*, *Невинность*, *Утѣшеніе въ печали*, *Лаура и Сельмаръ*, *Ракетка*, *Человѣкъ*, *удовольствіе и печаль*, *Больному другу І. А. Л....у*, *Стихотворецъ.* Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній означены полными буквами, другія буквами А. М.; но по единству слога и тона можно отгадать автора. Въ нѣко-

торыхъ піесахъ замѣтно подражаніе Ломоносову и Державину въ ихъ восторженномъ патріотическомъ и религіозно-философскомъ настроеніи; въ другихъ же Дмитріеву и Карамзину, послѣднему въ изліяніи личнаго чувства. Многія изъ этихъ стихотвореній драгоцѣнны для біографіи юношества поэта. Мысли о родинѣ и родныхъ даютъ богатую пищу для изліянія искренняго душевнаго чувства. Меланхолія, природное расположеніе поэта, слышна сильно въ этихъ первыхъ сердечныхъ изліяніяхъ его музы.

Съ тѣхъ поръ какъ Мерзляковъ сдѣлался Баккалавромъ, по опредѣленію конференціи Университетской препоручаемо было ему неоднократно исправленіе учительской должности въ классахъ Россійской Грамматики при Академической Гимназіи. Въ продолженіи своего школьнаго ученья и послѣ онъ съ охотою занимался древними и новыми языками: изъ новыхъ особенно любилъ Италіянскій, съ котораго переводилъ очень много; Тассъ, Метастазій и Альфіери были всегда любимѣйшими его писателями. Товарищами его Университетскихъ занятій, какъ Баккалавра, были Г. М. Яценко, Л. А. Цвѣтаевъ, впослѣдствіи Профес. Римскаго права, и И. Е. Срезневскій, бывшій послѣ Проф. Харьковск. Университета.

Въ 1801 году, по восшествіи на престолъ Императора Александра, когда Его Величество на поздравительные отъ Университета стихи изволилъ отвѣчать милостивыми рескриптами на имя Куратора Князя Голицына и Директорà Тургенева, въ которыхъ, изъявляя признательность Московскому Университету, благоволилъ такъ выразиться объ немъ: «Всегда Я уважалъ мѣсто сіе, какъ одинъ изъ первѣйшихъ источниковъ просвѣщенія благороднаго юношества,» — Университетъ Московскій праздновалъ милость Государеву торжественнымъ собраніемъ. Тогда, въ числѣ другихъ изъявленій радости ученаго сословія, и Баккалавръ Мерзляковъ читалъ оду.

Въ томъ же 1801 году напечаталъ онъ лирическое стихотвореніе: *Слава.* Оно своею формою напоминаетъ Шиллеровъ гимнъ къ Радости. Здѣсь замѣтно зрѣетъ поэтическое дарованіе Мерзлякова. Мысль о славѣ взята не отъ одной земной славы, но почерпнута глубже изъ религіознаго источника. Нѣкоторыя строфы вылились превосходно изъ души,

исполненной восторга неподдѣльнаго. Но просодія Державинская еще преобладаетъ въ недостаткѣ благозвучной риѳмы.

Къ этому времени относится сближеніе Мерзлякова съ Жуковскимъ. Мерзляковъ принималъ участіе въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. По выходѣ Жуковскаго изъ Пансіона, учреждено было товарищами новое дружеское литературное общество. Законы его подписаны основателями 1801 года Января 12-го: здѣсь съ именами М. Кайсарова,-В. Жуковскаго, Андрея Тургенева, Александра Воейкова, Александра Тургенева, Семена Родзянки, А. Кайсарова, А. Офросимова находится на седьмомъ мѣстѣ и имя А. Мерзлякова. Предметомъ общества было «очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно,» — а средствами для того занятія теоріею изящныхъ наукъ, критическіе разборы переводовъ и сочиненій на Русскомъ языкѣ, чтеніе полезныхъ книгъ и произнесеніе объ нихъ своего сужденія, наконецъ трудъ надъ собственными своими произведеніями и рачительная ихъ обработка. Члены общества сходились еженедѣльно, по большей части въ домѣ Воейкова.

Вотъ какъ позднѣе, въ 1815 году, Мерзляковъ выражался объ этомъ обществѣ, въ письмѣ къ другу своему, В. А. Жуковскому, разбирая Россіаду Хераскова (Амфіонъ, книжка первая, стр. 50): «Другъ мой! теперь видишь ты, сколько причинъ заставляло меня обращать вниманіе на сочиненія нашихъ писателей! И совѣты одного изъ нихъ, знаменитѣйшаго, блистающаго и теперь на горизонтѣ Словесности Россійской съ такимъ отличіемъ (И. И. Дмитріева),—и желаніе научиться, и желаніе быть по возможности полезнымъ, и правила, которыя пріобрѣлъ я *въ незабвенномъ, — можетъ быть, уже невозвратномъ для насъ, любознательномъ обществѣ Словесности, гдѣ мы, по истинѣ управляемые благороднѣйшею цѣлію, всѣ въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодатнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія, — учили и судили другъ друга въ первыхъ нашихъ занятіяхъ; и жертвуя по видимому своимъ удовольствіямъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно,*

исполненные патріотизма и любви къ изящному, приготовляли себя на будущее наше служеніе. — Гдѣ ты, драгоцѣнное время? гдѣ вы, друзья моей юности? — Они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и путямъ службы!... Но утѣшимся въ разлукѣ съ ними! Они не измѣнили своимъ обѣтамъ; они помнятъ, помнятъ дружественную нашу школу, наши правила и цѣль: она сіяетъ въ ихъ поступкахъ и въ ихъ сочиненіяхъ, пріобрѣтшихъ уже лестное благоволеніе публики. — Я хочу быть вѣренъ этимъ правиламъ; я воспоминаю все то, чѣмъ занимались мы тогда, какъ друзья, чуждые предразсудковъ, вредныхъ успѣхамъ нашей Словесности; я намѣренъ изобразить здѣсь тогдашнія наши размышленія о Россіядѣ, о семъ первомъ и важнѣйшемъ предметѣ во множествѣ хорошихъ сочиненій стихотворныхъ, какъ безпристрастный наблюдатель; я постараюсь представить мнѣніе свое о важности, единствѣ содержанія, объ ходѣ дѣйствія, о чудесномъ, о характерахъ; однимъ словомъ, о всемъ томъ, что составляетъ существенное достоинство сей эпической поэмы, если не въ пользу другихъ (ибо боюсь мечтать объ этомъ), то по крайней мѣрѣ въ пользу свою, *и въ память безцѣнныхъ бесѣдъ нашихъ.*»

Память этой дружеской связи; крѣпко соединявшей товарищей во имя любви къ словесности и наукамъ, видна еще изъ письма*, которое Мерзляковъ писалъ къ Жуковскому вскорѣ послѣ смерти Андрея Тургенева, когда Жуковскій былъ въ Петербургѣ. Мы помѣщаемъ его здѣсь, потому что содержаніе его важно не только въ біографическомъ, но и въ эстетическомъ отношеніи.

«Нѣтъ! я не могу мстить тебѣ, милый мой другъ за то, что ты забылъ меня въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ! Добрый другъ нашъ, разставаясь съ свѣтомъ, приказалъ жить намъ дружно и мирно. Онъ любилъ насъ обоихъ: будто это не можетъ заставить насъ любить другъ друга?

«Третьяго дня пріѣхалъ я изъ деревни. Тамъ жилъ я весело; но это веселье случилось такъ нечаянно, что я теперь не могу воспоминать объ немъ съ удовольствіемъ.—Воейковъ тебѣ кланяется. — По сію пору я не являлся еще къ Ивану

* Оно было намъ доставлено П. И. Бартеневымъ.

Петровичу.—Боюсь ему показаться.—Скажи пожалуй, для чего ты не пріѣдешь утѣшить почтеннаго старика и бѣдныхъ друзей своихъ?—Мнѣ очень тяжело; потому что не съ кѣмъ плакать.

«Я слышалъ, что въ Вѣстникъ посланы какіе-то стихи на мое имя.—Ради Бога, пощади (есть ли это въ твоихъ силахъ) покойника отъ грубаго лепетанья нашихъ стиходѣевъ.—Я не вѣрю, чтобъ истинная горесть могла писать акростихи: но одинъ изъ чудотворцевъ написалъ ихъ и послалъ къ Николаю Михайловичу.—Еще прошу тебя, постарайся, чтобъ не были напечатаны эти стихи и не пиши ничего *теперь* самъ, *теперь*, когда горесть твоя больше твоей поэзіи.

«Я желалъ бы сердечно тебя увидѣть.—Должность, обстоятельства и можетъ быть счастіе волокутъ меня въ Петербургъ. Покрайней мѣрѣ я могу сходить на могилу моего безцѣннаго, ничѣмъ не замѣняемаго друга.

«Прости, милый мой Василій Андреевичь.—Сегодня получилъ я письмо твое къ Кайсарову; постараюсь поскорѣе отправить его.—Что ты дѣлаешь? Что твоя Поэзія? Можно ли знать объ этомъ твоему Мерзлякову.»*

Еще въ своемъ *Воспоминаніи о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ* Мерзляковъ говоритъ объ этихъ дружескихъ обществахъ, соединявшихъ тогда юношество Университета и Пансіона. Время жизни своей, когда онъ въ нихъ участвовалъ, называлъ Мерзляковъ «самымъ счастливѣйшимъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ его жизни.» Среди этихъ собраній познакомился онъ и съ Ивановымъ, въ которомъ «любилъ искренняго, постояннаго друга и которому обязанъ былъ много и словомъ и дѣломъ.»

Въ трудахъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, выходившихъ подъ именемъ *Утренней Зари* съ 1800 года по 1808 г., напечатаны слѣдующія стихотворенія Мерзлякова: *Непостижимому* (кн. 2, стр. 1), *Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря* (кн. 3, стр. 223), *Благость* (кн. 4, стр. 1), *Тѣнь Кукова на островѣ Овги-Ги* (стр. 254), *Безсмертіе* (стр. 264), *Утро* (*для дѣтей*) (стр. 295), *Наука стихотворная. Къ Пизонамъ.* Подъ симъ послѣднимъ пере-

* 3-го числа 1803 года. Приписано: «На слѣдующей почтѣ напишу къ Александру Ивановичу!—Что и писать къ нему!...»

водомъ въ примѣчаніи сказано: «Переведенная съ подлинника обучающимъ въ Университ. Благородн. Пансіонѣ Русскому слогу, Профессоромъ Алексѣемъ Мерзляковымъ.» Всѣ эти стихотворенія были перепечатаны въ *Избранныхъ сочиненіяхъ изъ Утренней Зари*, вышедшихъ въ 1809 году. Изъ нихъ особенную извѣстность дали Мерзлякову Преложеніе Моисеевой пѣсни, Тѣнь Кукова, Утро для дѣтей и переводъ Эпистолы Горація къ Пизонамъ. Формы стиха и отчетливость въ риѳмѣ замѣтнымъ образомъ совершенствуются, чѣмъ обязанъ онъ былъ, конечно, доброму вліянію Карамзина, подчеркивавшему слабыя риѳмы въ стихотвореніяхъ поэтовъ новаго поколѣнія, которыя печаталъ онъ у себя въ Вѣстникѣ Европы 1803 года. *Тѣнь Кукова* на островѣ Овги-ги, написанная 7-го Іюня 1804 г., уже отличается отъ прежнихъ стиховъ гораздо большею точностію Русской просодіи.

По новому образованію Университета въ царствованіе Императора Александра, Мерзляковъ былъ переименованъ изъ Баккалавровъ въ Кандидаты, а въ 1804 году Февраля 10-го произведенъ въ Магистры.

Когда Профессоръ Чеботаревъ, по преобразованіи Университета въ 1804 году, избранъ былъ Ректоромъ, Мерзляковъ занялъ въ Университетѣ каѳедру Россійскаго Краснорѣчія и Поэзіи. Въ 1805 году, Попечитель Университета, М. Н. Муравьевъ вызвалъ его въ Петербургъ. Мерзляковъ называлъ это время также драгоцѣннѣйшимъ въ своей жизни и всегда воспоминалъ объ немъ съ умиленіемъ и благодарностію. Домъ и общество Муравьева, конечно, открывали Мерзлякову богатое окруженіе для развитія его дарованій. По возвращеніи въ Москву, онъ, по предложенію Попечителя, получилъ степень Доктора и званіе Адъюнкта въ одно и тоже время, въ 1805 г. Въ 1807 г. Января 23-го избранъ въ Экстраординарные Профессоры, а Министромъ утвержденъ въ этомъ званіи Февраля 3-го; Ординарнымъ же Профессоромъ *Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго*, согласно Уставу Университета 1804 года, утвержденъ 1810 г., Октября 30-го.

Вотъ очеркъ служебныхъ занятій Мерзлякова съ того времени и Высочайшихъ наградъ имъ полученныхъ.

По назначенію Совѣта, осматривалъ училища Московской, Костромской и Ярославской губерній; четыре года былъ членомъ Училищнаго Комитета; также членомъ испытательнаго Комитета со времени его открытія, учрежденнаго по указу 6-го Августа 1809 года для испытанія служащихъ и ищущихъ 8-го класса чиновниковъ; два года преподавалъ для нихъ лекціи въ Университетѣ. 1817 года, Ноября 24-го, пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени; въ Коллежскіе Совѣтники въ 1819 году, въ Статскіе со старшинствомъ съ 1822 года Ноября 26 го. 1820 года утвержденъ Директоромъ Педагогическаго Института. Былъ Деканомъ Словеснаго Отдѣленія въ 1817—18 годахъ, и потомъ постоянно съ 1821 года по 1828.

Мерзляковъ былъ Дѣйствительнымъ и самымъ дѣятельнымъ Членомъ Общества любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ и временнымъ его Предсѣдателемъ отъ самаго его основанія. Не проходило ни одного собранія, въ которомъ бы онъ не читалъ стиховъ своихъ или прозы. Въ протоколахъ видна лѣтопись его безпрерывной дѣятельности. Кромѣ того въ бумагахъ его осталась записка о трудахъ, которые онъ назначалъ для младшаго поколѣнія, для Сотрудниковъ Общества, которыхъ хотѣлъ занять переводами изъ Библіи, образцовъ Греческихъ и Латинскихъ, и новѣйшихъ сочиненій, Французскихъ и Нѣмецкихъ, по части критики и теоріи изящнаго. Мерзляковъ былъ также Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Казанскаго и Ярославскаго Обществъ Любителей Россійской Словесности. Виленскій Университетъ въ Ноябрѣ 1828 года избралъ его въ свои Почетные Члены.

За два года до нашествія непріятеля, Князь Борисъ Владиміровичь Голицынъ, соединявшій просвѣщеніе Европейское съ любовью къ отечественной Словесности, предложилъ Мерзлякову въ домѣ его, что былъ на старой Басманной, открыть публичный курсъ Словесности. Князь назначилъ для этихъ бесѣдъ большую и прекрасную залу. Бесѣды начались въ 1812 году и продолжались весь великій постъ по два раза въ недѣлю, по середамъ и субботамъ. Знаменитѣйшія особы столицы, первые литераторы, дамы посѣщали эти лекціи. Въ

десять собраній прочтена была вся Теорія изящныхъ наукъ. Содержаніе всѣхъ десяти чтеній было вкратцѣ изложено въ «Московскихъ Запискахъ» Вѣстника Европы (1812 г. Т. 2, 228 и Т. 3, 59). Первыя четыре бесѣды напечатаны въ томъ же журналѣ, въ концѣ 1813 года.

Нашествіе непріятеля и смерть Князя Б. В. Голицына, послѣдовавшая въ 1813 году 6-го Января отъ ранъ, полученныхъ имъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію этихъ чтеній.

Въ 1815 году Мерзляковъ вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Ивановымъ и С. В. Смирновымъ предпринялъ изданіе *Амфіона*, котораго вышло 12 книжекъ. Здѣсь напечаталъ онъ многія свои стихотворенія и переводы изъ древнихъ, также изъ Тасса; здѣсь издалъ вновь переводъ посланія къ Пизонамъ со многими исправленіями. Здѣсь напечатано пятое чтеніе изъ его публичныхъ бесѣдъ. Разборъ Россіады Хераскова выходилъ почти въ теченіи года. Онъ писанъ въ видѣ письма къ другу: этотъ другъ былъ Жуковскій, судя по словамъ: «такъ наконецъ, и ты, почтенный другъ мой, Ж...., прекрасными своими балладами пораждаешь многочисленное племя Балладниковъ...» Въ Амфіонѣ многіе наши писатели принимали участіе: Жуковскій, Батюшковъ, Кн. Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Ивановъ, рано умершій для Словесности, одинъ изъ короткихъ друзей Мерзлякова. Жуковскій напечаталъ здѣсь въ первый разъ нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ балладъ, какъ напримѣръ: Эолову арфу, Варвикъ, Алина и Альсимъ, Эльвина и Эдвинъ.

Въ слѣдующемъ году Мерзляковъ прекратилъ изданіе Амфіона съ тѣмъ, чтобы возобновить *публичныя чтенія о Словесности,* начатыя въ 12-мъ году, какъ онъ самъ и объявилъ о томъ въ передпослѣдней книжкѣ Амфіона. Чтенія возобновились въ домѣ Аграфены Ѳедоровны Кокошкиной, бывшемъ прежде Графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глѣба. Курсъ состоялъ изъ 24 чтеній и обнималъ сначала «сокращенно общія правила о Краснорѣчіи и Поэзіи,» потомъ «изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій» и наконецъ «чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ писателей.» Второй курсъ отличался отъ перваго болѣе критическимъ ха-

рактеромъ. Какъ въ первой изложена была полная теорія красноречія и поэзіи, такъ во второмъ, по краткомъ изложеніи того что содержалъ въ себѣ предъидущій курсъ, представлены «практическіе разборы знаменитѣйшихъ Россійскихъ стихотворцевъ во всѣхъ родахъ сочиненій, въ которыхъ наиболѣе наша Поэзія успѣла.»

Мерзляковъ является намъ, какъ Профессоръ Университета, какъ поэтъ оригинальный и переводчикъ, какъ ораторъ и критикъ. Разсмотримъ его дѣятельность въ этихъ трехъ отношеніяхъ.

Еще будучи Магистромъ, Мерзляковъ началъ преподаваніе Словесности съ Теоріи Поэзіи въ $180\frac{4}{5}$ академическомъ году и непрерывно продолжалъ его по $18\frac{29}{30}$ академическій годъ включительно, до самой своей кончины, которая послѣдовала вскорѣ послѣ Университетскаго акта. Науку свою онъ дѣлилъ на двѣ части: на Теорію Поэзіи, которая обнимала правила всѣхъ родовъ поэзіи, и на Риторику, которую называлъ онъ второю частью своего курса и въ которой излагалъ правила для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій. Теоріи поэзіи предпосылалъ иногда введеніе, состоявшее въ изложеніи общихъ эстетическихъ началъ науки. Къ Теоріи присоединялъ, какъ видно изъ каталоговъ, критическіе разборы произведеній знаменитѣйшихъ Русскихъ писателей. Занималъ слушателей и разборомъ ихъ собственныхъ упражненій. Эшенбургъ показанъ постояннымъ руководителемъ Профессора. Съ 1817 года упоминается и книга Мерзлякова, переводъ Эшенбурговой. Въ послѣдніе три года Профессоръ читалъ по утвержденному конспекту.

Существенное отличіе Мерзлякова отъ предшественниковъ его, Чеботарева, Барсова и Поповскаго, состоитъ въ томъ, что онъ отдѣлилъ преподаваніе Русской Словесности отъ древней Греческо-Латинской и далъ каѳедрѣ болѣе самостоятельное и народное значеніе. Чеботаревъ, наставникъ его, и Барсовъ, наставникъ Чеботарева, учили Студентовъ выражать мысли свои равно на языкѣ Латинскомъ и Русскомъ, и разбирали образцы, данные Ломоносовымъ, параллельно съ образцами Греческими и Латинскими. Касательно руководствъ, Латинскія Риторики Гейнекція и особенно Эрнести служили

до него образцами. Мерзляковъ послѣдовалъ болѣе новымъ теоретикамъ, освободившимъ науку Словесности изъ подъ исключительнаго Латинскаго вліянія; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ еще заключить, чтобы Мерзляковъ удалилъ отъ себя изученіе образцевъ древнихъ. Напротивъ, онъ окружалъ изученіе отечественныхъ образцевъ всѣми избранными произведеніями древняго и новаго міра. Какъ онъ понималъ сіи послѣднія, это другое дѣло; но важно то, что онъ сознавалъ вполнѣ необходимость изучать изящныя произведенія Русскаго слова въ связи и сравнительно со всемірными.

Главнымъ руководствомъ въ наукѣ для Мерзлякова служило сочиненіе Эшенбурга, вышедшее въ Германіи во многихъ изданіяхъ: Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften. Слѣдуя этой книгѣ въ основныхъ правилахъ и почти слово въ слово переводя ее, онъ самъ издалъ слѣдующія теоретическія сочиненія: 1) *Краткая Риторика, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ.* (Изданная для Благородныхъ воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Пансіона). Изд. 2-е 1817 и 3-е 1821 г.— 2) *Краткое начертаніе Теоріи изящной Словесности*, въ двухъ частяхъ 1822 г.—Кромѣ того онъ издалъ 3) *Краткое руководство къ Эстетикѣ.* Переводъ изъ Эшенбурга 1829 года. Въ 1827 году, въ числѣ конспектовъ отдѣленія Словесныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Мерзляковъ напечаталъ 4) *Конспектъ лекцій Россійскаго краснорѣчія и поэзіи.* — Въ заключеніе конспекта Профессоръ самъ сознается, что его *Краткое начертаніе Теоріи изящной Словесности* есть переводъ изъ Эшенбурга. То же слѣдуетъ сказать и о Риторикѣ. Приведемъ его слова: «Лекціи Россійскаго Краснорѣчія и Поэзіи расположены такимъ образомъ, что каждую недѣлю двѣ изъ нихъ предназначены истолкованію теоріи или правилъ Риторики и Піитики, а третья исключительно — разбору сочиненій знаменитѣйшихъ Россійскихъ писателей во всѣхъ родахъ, и потомъ критикѣ собственныхъ переводовъ и сочиненій слушателей; для сего предлагаются имъ темы или изъ самой науки, или изъ другихъ нравственныхъ и умственныхъ предметовъ. Профессоръ, руководствуясь *краткимъ начертаніемъ Теоріи изящной Словесности* издан-

ной г. Эшенбургомъ, и переведенной имъ на Русскій языкъ, пользуется многими другими лучшими писателями по учебной части краснорѣчія, какъ древними, такъ и новѣйшими.»

Переводчикъ не усовершенствовалъ своего оригинала; напротивъ онъ его ослабилъ, совершенно удаливъ многочисленную библіографію, которая придаетъ ученое достоинство учебнику Эшенбурга. Къ именамъ иностранныхъ образцовыхъ писателей, приводимыхъ у Эшенбурга, Мерзляковъ прибавилъ весьма кратко имена Русскихъ. Тамъ, гдѣ Нѣмецъ, говоря о размѣрахъ, отдаетъ преимущество Нѣмецкому языку передъ другими новѣйшими языками въ возможности его подражать размѣрамъ древней поэзіи и въ употребленіи бѣлыхъ ямбовъ, Мерзляковъ то же самое справедливо примѣняетъ вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ и къ языку Русскому. Мѣстами, однако, въ основныхъ мысляхъ, Мерзляковъ отступалъ отъ своего руководителя. Эшенбургъ признаетъ начало, которое Баттё полагалъ для изящныхъ искусствъ въ подражаніи изящной природѣ, за недостаточное, потому что оно не примѣняется ко всѣмъ отдѣльнымъ родамъ искусства и все еще нерѣшеннымъ оставляетъ вопросъ: какія же средства употребляетъ сама природа, чтобы удовлетворить нашему вкусу къ красотѣ?—Эшенбургъ, вмѣстѣ съ Баумгартеномъ, ставитъ высшимъ началомъ для изящныхъ искусствъ *чувственное совершенство*, представленное искусствомъ и напечатлѣнное на предметахъ нашего ощущенія. Мерзляковъ приводитъ оба мнѣнія, и Баттё и Эшенбурга, но остается при мнѣніи перваго и говоритъ: «подражаніе природѣ *эстетическое*, въ полномъ смыслѣ сего слова, можетъ быть также принято за начало всѣхъ искусствъ.»—Эшенбургъ цѣлью всякаго искусственнаго представленія полагаетъ очарованіе, но такое, посредствомъ котораго идеальное получаетъ напечатлѣніе дѣйствительности такъ, что представленіе черезъ то является вмѣстѣ и чувственнымъ и совершеннымъ. Мерзляковъ признаетъ очарованіе точно въ томъ же ложномъ значеніи, какъ признавало его ученіе Баттё и всей лжеклассической Французской школы. Вотъ его слова: «Цѣль каждаго искусственнаго представленія есть *очарованіе*, или умышленно произведенный обманъ въ наружныхъ и внутреннихъ чувствахъ наблюдателя, по которому искусственное подражаніе

принимается за существенность и за непосредственное созерцаніе.»

Мерзляковъ, какъ теоретикъ, оставаясь при руководствѣ Эшенбурга, не слѣдилъ нисколько за успѣхами своей науки на западѣ и не воспользовался даже тѣмъ, что̀ она совершила въ лицѣ славныхъ предшественниковъ его въ Германіи. Къ Нѣмцамъ, какъ видно, онъ не питалъ сочувствія въ ихъ эстетическомъ ученіи, а Эшенбурга держался только потому, что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ находилъ отголосокъ Французской теоріи, но и тутъ измѣнялъ въ немъ, какъ мы видѣли, то, что съ нею не согласовалось.

Главнымъ стремленіемъ теоріи Эшенбурга, равно какъ и его послѣдователя, было не столько сознать законы красоты въ явленіяхъ изящнаго, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, сколько предписать *общія правила* для художниковъ. Такъ излагаетъ эти правила теоретикъ въ своей краткой Эстетикѣ: «должно познакомиться съ натурою и сущностію своего искусства, обнять всю связь онаго съ другими вспомогательными искусствами; обратить особенное вниманіе на чувственно-совершенное представленіе; описанію предмета доставить живость, правдоподобіе и силу; поддержать, сколько возможно, память и воображеніе; изобрѣтенію своему дать всю возможную вѣроятность, приличіе и прочность (consistence); *во время упражненія искусствомъ возбудить въ себѣ восторгъ или вдохновеніе....»* и такъ далѣе. Нельзя не сказать, что это стремленіе предписывать подобныя правила произвело много бездарныхъ писателей, которые, возбуждая въ себѣ поддѣльный восторгъ, воображали себя художниками. Нельзя не замѣтить, что такое стремленіе теоретика вредило и ему самому иногда, какъ поэту.

Но и самое убѣжденіе въ прочности этихъ правилъ не было въ Мерзляковѣ твердо. При вступленіи въ науку, онъ уже сомнѣвается въ возможности ея самостоятельнаго существованія и говоритъ: «Впрочемъ произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ, которое послѣ мы объяснимъ, чуждо всякихъ зако-

новъ.» Это говоритъ не Эшенбургъ, а Мерзляковъ. Такъ шатки были начала его теоріи. Но гдѣ же почерпнетъ онъ жизнь и содержаніе для своей науки? — «Только *Критика вкуса* имѣетъ здѣсь свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный,» отвѣчаетъ намъ Мерзляковъ и повторяетъ тоже самое въ своемъ конспектѣ: «Врожденная и совершенствуемая разумомъ чувственная способность, *вкусъ*, вмѣстѣ съ *критикой*, основанной на сравненіи, доводитъ насъ до опредѣленія, сколько возможно, точнѣйшихъ границъ *Изящной природы*, изъ которой почерпаютъ свои матеріалы всѣ искусства.» И въ самомъ дѣлѣ, если слабъ былъ въ Мерзляковѣ теоретикъ, то весьма замѣчателенъ и даровитъ критикъ, не смотря на ложную теорію и Французскіе образцы, ему вредившіе въ истинномъ пониманіи изящнаго. Будучи рожденъ поэтомъ и одаренъ необыкновеннымъ чувствомъ красоты, онъ развилъ въ себѣ это чувство наблюденіемъ произведеній изящныхъ и въ немъ почерпалъ силу для своей критики. Поэтъ и критикъ въ немъ были нераздѣльны: какъ и тотъ и другой въ немъ обнаружились, будетъ сказано ниже.

Историческое изученіе Словесности осталось совершенно чуждо Мерзлякову. Хотя въ своемъ конспектѣ, эпизодомъ во введеніи къ Риторикѣ, онъ упоминаетъ объ Исторіи Словесности; но изъ самыхъ словъ его видно, какъ онъ слабо сознаетъ необходимость историческаго изученія. Мерзлякова нельзя въ томъ обвинять: хотя въ его время и приготовлено было много матеріаловъ для Исторіи Словесности, но въ общей системѣ науки ея вліяніе еще не такъ сильно обнаружилось. Этотъ недостатокъ очевиденъ особенно въ спискѣ родовъ и видовъ Поэзіи и Краснорѣчія. Мерзляковъ списалъ это раздѣленіе съ Эшенбургова. Принявъ два главные рода: эпическій и драматическій, на основаніи, данномъ Гораціемъ, что поэтъ или отъ себя говоритъ, или заставляетъ говорить другихъ, Мерзляковъ даже лирическую поэзію включилъ въ число видовъ эпической, не давъ самостоятельнаго значенія тому роду, котораго самъ въ Русской поэзіи былъ однимъ изъ даровитыхъ представителей. — Сущность поэмы и драмы у Мерзлякова одна и таже — дѣйствіе, съ тою разницею однако, что въ Поэмѣ оно уже совершилось, а въ Драмѣ видимо

совершается.—Теорію романа съ повѣстью и сказкою Эшенбургъ помѣстилъ въ своей Риторикѣ. Мерзляковъ въ изданіи Риторики 1817 года здѣсь ее и оставилъ. Но въ изданіи Начертанія Теоріи Изящной Словесности 1822 года перенесъ теорію романа въ Піитику. Въ конспектѣ же своемъ 1827 г. вновь включилъ ее подъ именемъ *вымышленныхъ повѣствованій* въ теорію Краснорѣчія. Вѣрна одна изъ основныхъ мыслей Мерзлякова въ теоріи Краснорѣчія, что оно должно быть соединеннымъ языкомъ разума и чувства и что отсюда извлекается полное его опредѣленіе. Но какъ съ такою вѣрною мыслію согласить правило, которое онъ преподаетъ въ Риторикѣ, переведенной изъ Эшенбурга, что «самое важное дѣло оратора, желающаго обладать сердцами своихъ слушателей, есть *возбужденіе* страстей?» Какъ же краснорѣчіе будетъ языкомъ разума, если оно положитъ себѣ главною цѣлію возведеніе чувства на степень страсти?

Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова въ Теоріи Словесности обнаруживаются въ его отдѣльныхъ статьяхъ, къ которымъ относятся слѣдующія разсужденія его или правильнѣе лекціи, читанныя имъ въ 1812 году: 1) *О талантахъ стихотворца* (Вѣстн. Евр. 1812 г. Т. 5. 204). Здѣсь разобраны способности поэта, примѣнительно къ поэтамъ отечественнымъ. 2) *О геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ.* (Тамъ же, Т. 6. 24 и 199). — Это разсужденіе изобилуетъ множествомъ примѣровъ, со вкусомъ выбранныхъ въ природѣ, исторіи и искусствѣ: геній олицетворенъ въ образѣ Ломоносова, высокое въ глаголахъ Священнаго Писанія и въ примѣрахъ Исторіи, прекрасное въ женщинѣ какъ вѣнцѣ созданія. Теоретикъ обращается въ поэта, когда говоритъ о природѣ, гдѣ, по словамъ его, «всякой предметъ есть вашъ учитель, Экклезіастъ, проповѣдникъ о Богѣ васъ сотворшемъ, васъ сохраняющемъ, о должностяхъ вашихъ, о средствахъ къ истинному вашему благополучію.» 3) *Объ Изящной Словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ.* (В. Евр. 1813 г. Т. 2. 210). Это чтеніе есть вступленіе въ курсъ, который располагался на двѣ половины: первая должна была содержать правила искусства, вторая приложеніе правилъ къ славнымъ писателямъ. Правила списаны съ вѣковыхъ образцовъ и образовали науку, приго-

товляющую искусство.—Первыя искусства, механическія, имѣли въ виду пользу; вторыя, изящныя, удовольствіе. Нужда изобрѣла искусство, вкусъ привелъ въ совершенство.—Поэзія заключаетъ въ себѣ музыку и живопись, отличаясь отъ той и другой, и, въ смыслѣ искусства, «творитъ души точно также какъ живопись творитъ тѣла.» — «Даръ вымышлять долженъ быть талантомъ поэта; потому что ему надобно иногда украшать предметъ свой: но вымыслъ не есть существенное свойство поэзіи, потому что предметъ, живописуемый ею, можетъ быть прекрасенъ по себѣ и не имѣть нужды въ украшеніяхъ.» 4) *Объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи.* (В. Е. 1813 г. Т. 3. 190). «*Поэзія есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ, иногда вѣрное, иногда украшенное — всему тому, что Природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго, подражаніе сообразное съ намѣреніемъ поэта, съ его талантами и чувствами.*» «Изобрѣтать въ искусствахъ не значитъ давать существо предмету, но открывать этотъ предметъ въ видѣ разительнѣйшемъ, узнавать новыя въ немъ черты, замѣчая, какое можетъ онъ на людей производить дѣйствіе.»—«Геній—земля, которая не производитъ ничего, если не приметъ сѣмянъ.»—«Природа стихотворцевъ весьма обширна; она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ существующій или дѣйствительный, т. е. физическій, нравственный и гражданскій; потомъ міръ историческій; далѣе міръ миѳологическій; наконецъ міръ идеальный или возможный.»—«По какимъ признакамъ узнавать прекрасное, или изящное?—Кажется, напрасно будемъ искать ихъ въ предметахъ, насъ окружающихъ. Если бы хотя на одно мгновеніе вдохновенный стихотворецъ, который у древнихъ именовался великимъ именемъ vates, могъ вознестись до такой высоты, чтобы взирать на всю вселенную и обнимать ее единымъ взглядомъ, тогда бы онъ увидѣлъ нѣчто превышающее все его воображеніе, увидѣлъ бы стройность, порядокъ, совершенство, благость Зиждителя въ цѣломъ необъятномъ и въ частяхъ,—отъ твореній безконечно великихъ до твореній безконечно малыхъ, отъ видимыхъ простымъ глазомъ до едва зримыхъ окомъ вооруженнымъ, и возгласилъ бы въ сердечномъ, святомъ восторгѣ: все совершенно, все прекрасно, *велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя!...* Но поэтъ,

ограниченный языкомъ своимъ, нравами, обычаями, образомъ правленія, вѣкомъ и мѣстомъ, которыя стѣсняютъ кругъ его дѣятельности, смотритъ на предметы тѣми же глазами какъ и прочіе, для которыхъ онъ пишетъ, и въ томъ только пространствѣ, которое имъ извѣстно. Единъ Богъ, какъ Творецъ безконечныя вселенныя, какъ Хозяинъ въ своемъ домѣ, съ Божественнымъ спокойствіемъ созерцаетъ ее, обнимаетъ мѣсто, пространство, время, отношенія и предназначенія каждой, неизмѣримо великой и неизмѣримо малой вещи,—единъ Онъ речетъ устами Моисея: *Се добро! и бысть утро, и бысть вечеръ!*—Со всѣми нашими умствованіями, со всѣмъ тщеславіемъ нашего мудрованія унизимся и вмѣстимся въ средѣ своей. Единъ Богъ читаетъ вселенную, какъ гимнъ, какъ нѣкую поэму совершенную.... Предъ Нимъ разогнута сія книга; предъ Нимъ единымъ открыта сія картина, составляющая единое цѣлое, совершенное въ себѣ, совершенное въ непостижимыхъ своихъ подробностяхъ и отношеніяхъ. — Успокоимся и признáемъ, что все совершенное и прекрасное въ природѣ, по ограниченности нашего разума не есть для насъ совершенное, прекрасное, ибо можемъ ли наслаждаться тѣмъ, чего не понимаемъ? можемъ ли наслаждаться, когда не въ силахъ постигнуть сей всеобщей связи, сихъ всеобщихъ отношеній, стройности, гармоніи! Многія вещи ослѣпленному уму нашему кажутся неправильными, безнужными, излишними, многое кажется не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ, не въ своемъ порядкѣ; — только око мудреца вдохновеннаго проникаетъ иногда за сію таинственную завѣсу; а мы стѣсненные предразсудками, мы наложили сами на себя тягостныя оковы, называемыя модою, обычаями, приличіями, обстоятельствами. — Теперь спрашивается, тотъ ли міръ мы имѣемъ, на который смотрятъ чистые, просвѣщенные духи? — То ли у насъ почитается красотою, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть красота? — Нѣтъ! при всемъ и самомъ великомъ своемъ образованіи, человѣкъ и гражданинъ видитъ и понимаетъ только часть этого огромнаго храма изящности Творчей, только уголокъ предметовъ, которые къ нему близки или ему знакомы, только одинъ листокъ великой книги, которую читаетъ Предвѣчный, ее создавшій.»—«Предметы тѣмъ болѣе нравятся, чѣмъ

болѣе заключаютъ *совершенствъ относительныхъ къ своей природѣ и къ нашей.»* — «Занимательность» или *«отношеніе* предметовъ къ намъ самимъ есть начало изящной поэзіи.» — Выбирайте для подражанія только такіе предметы, которые ближайшее имѣютъ вліяніе на человѣка, на благо его, на его несчастія.»—5) *Чтеніе пятое въ Бесѣдахъ Любителей Словесности въ Москвѣ*, съ объяснительнымъ примѣчаніемъ о происхожденіи этихъ чтеній. (Амфіонъ, кн. 7. 72). Въ этомъ чтеніи теоретикъ прилагаетъ найденныя имъ основанія изящнаго къ родамъ и видамъ Поэзіи; настаиваетъ на необходимости науки для художника, безъ которой не можетъ быть совершенствованія въ искусствѣ, и разбираетъ оду Державина на взятіе Варшавы въ отношеніи къ плану и ходу. Вотъ мысль его при этомъ разборѣ: «Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это несправедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? — Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: ее-то долженъ открыть и исполнить стихотворецъ.»—6) *О томъ, что называется дѣйствіе драмы* (басня, содержаніе) *и объ его главныхъ свойствахъ.* (Чтеніе 10-е. В. Евр. 1817 г. 3, 105 и 172). Здѣсь излагаются правила драматическаго дѣйствія, «которое составляетъ душу драмы,» съ примѣненіемъ къ образцамъ отечественныхъ писателей. Главное вниманіе сосредоточено на вѣроятіи и необходимости дѣйствія, согласно съ правиломъ Аристотеля, что всѣ вообще въ поэзіи драматической происшествія должны быть представляемы какъ онѣ могли, или какъ онѣ должны случиться. Въ заключеніе предлагаются правила для единства дѣйствія, времени и мѣста. 7) *Разсужденіе о Драмѣ вообще.* (Тр. Общ. 1820 г. Ч. 17. 62). Здѣсь сначала находимъ общее обозрѣніе родовъ и видовъ поэзіи, а потомъ на извѣстныхъ началахъ излагается общая теорія драмы; предложены съ особенною подробностію правила монолога.

Изъ приведеннаго содержанія разсужденій мы можемъ ясно видѣть, что Мерзляковъ тогда обнаруживалъ самостоятельныя

и глубокія воззрѣнія въ своей наукѣ, когда покидалъ своихъ учителей и предавался внутреннему своему источнику, прирожденному чувству красоты, и своимъ добросовѣстнымъ наблюденіямъ природы и искусства. Таковы мысли его о безусловной красотѣ міра, созерцаемой съ высшей точки неба, недоступной человѣку, и о красотѣ относительной, которую видимъ мы въ своей ограниченной сферѣ. Такова мысль его въ письмѣ къ Жуковскому, что поэтъ не можетъ пѣть о своей грусти въ ту минуту, когда она въ немъ еще свѣжа,—мысль, совершенно противная теоріи фальшиваго подражанія природѣ. — Мерзляковъ не любилъ Нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на однихъ умозрительныхъ построеніяхъ. «Вотъ гдѣ система!» говаривалъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце*. Но это показалось бы въ немъ нелѣпостью или противорѣчіемъ, если бы не подкрѣплялось убѣжденіемъ, которое видѣли мы изъ его же словъ, приведенныхъ выше, что и въ самыхъ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная. Если Мерзляковъ признавалъ это справедливымъ для лирическаго поэта въ минуту его восторга, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ принять это за истину для наблюдателя произведеній изящныхъ.

Предметовъ для Словесныхъ наукъ Профессоръ принималъ два: *языкъ* и *Словесность*, разумѣя подъ сею послѣднею два словесныя искусства: *Поэзію* и *Краснорѣчіе*. Главнымъ предметомъ его собственныхъ занятій была Словесность. Языкомъ онъ занимался эстетически, въ формѣ слога. Языку же въ смыслѣ теоретическомъ онъ посвятилъ немногіе труды. Когда Общество Любителей Россійской Словесности предприняло составленіе производнаго Словаря, Мерзляковъ, какъ временный Предсѣдатель Общества, былъ присоединенъ къ собирателямъ Словаря и по этому случаю въ 44-мъ засѣданіи Общества, 1819 года Мая 31-го, представилъ краткую о томъ записку (Т. О. ч. 16. 234), въ которой сказалъ: «Хорошій

---

* Это приведено въ рецензіи его Пѣсень и Романсовъ, помѣщенной въ Телескопѣ 1831 года, № 5. Здѣсь сказано много вѣрнаго и дѣльнаго о Мерзляковѣ.

Словарь въ глазахъ обыкновенныхъ людей есть обыкновенное собраніе реченій; но въ глазахъ истиннаго философа это есть дѣло великое, требующее предварительныхъ, глубокихъ познаній во всѣхъ наукахъ; ибо разбирать слова по ихъ началамъ, производству, измѣненіямъ и взаимному отношенію, есть тоже, что разсматривать всю Природу въ ея частяхъ, связяхъ и дѣйствіяхъ, непостижимо безчисленныхъ. Языкъ есть изображеніе всего, что существовало, существуетъ и будетъ существовать—всего, что только можетъ обнять и постигнуть мысленное око человѣка. Потому-то хорошій Словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже Грамматики и здравой Логики.»—Во 2-мъ томѣ Сочиненій Общества (1822 г. стран. 302) напечатанъ производный Словарь буквы В, подъ которымъ подписано его имя и которому далъ отчасти канву Словарь Академіи Россійской.

Мерзляковъ въ числѣ Русскихъ поэтовъ занимаетъ мѣсто Лирика, довольно полно обнявшаго разнообразную сферу этого рода Поэзіи, котораго «границы, говоря словами его же конспекта Словесности, простираются отъ божественнаго *Гимна* и выспренней *Оды* до простой *сельской Пѣсни.*» Лира его переходила въ сосѣднюю ей дидактическую сферу: это объясняется въ Мерзляковѣ званіемъ Профессора. Лирическія оригинальныя произведенія Мерзлякова никогда не были еще напечатаны въ одномъ полномъ собраніи, за исключеніемъ его Пѣсенъ и Романсовъ, вышедшихъ въ самый годъ его смерти подъ заглавіемъ: *Пѣсни и Романсы А. Мерзлякова.* Москва 1830 г. Прочія до сихъ поръ разсѣяны по журналамъ. О произведеніяхъ его, напечатанныхъ въ Пріятномъ и Полезномъ препровожденіи времени и Утренней зарѣ, мы уже упоминали. Кромѣ того многія появились въ Вѣстникѣ Европы, начиная съ 1805 года по 1830 г., въ Трудахъ и Сочиненіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности (27 томовъ, съ 1812 по 1828 годъ), въ Амфіонѣ (собственномъ его журналѣ 1815 года), въ Ураніи (Альманахѣ Погодина на 1826 годъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ; разсѣяны также по актамъ Московскаго Университета. Многія изъ нихъ перепечатаны въ Собраніи образцовыхъ Русскихъ сочиненій и

переводовъ въ стихахъ (1821 г. изд. 2-е 6 томовъ) и въ Новомъ Собраніи того же года, 2 части.

Лирика Мерзлякова обнимаетъ сферы религіозную, государственную, общественную, частную, личную и народную. Въ первыхъ двухъ видахъ Лирики поэтъ является достойнымъ отголоскомъ своихъ наставниковъ и образцовъ въ этомъ родѣ, Ломоносова и Державина. Онъ принадлежитъ еще къ поколѣнію восторженныхъ пѣвцовъ перваго періода Русской поэзіи. Онъ вкушалъ отъ ихъ чаши, онъ согрѣвался ихъ жаромъ. По слѣдамъ ихъ, для религіозной лиры онъ черпалъ вдохновеніе въ Поэзіи священной. Сюда принадлежатъ: 1) *Ода на разрушеніе Вавилона*, выбранная изъ Пророка Исаіи. Глава 14 ст. 5—28. (Напечатана въ В. Евр. 1805 г. Т. 3. 171, подъ буквами А. А. А. и перепечатана въ лекціяхъ *О геніи*, *объ изученіи поэта*, *о высокомъ и прекрасномъ*, В. Евр. 1812 г. Т. 6. стр. 24, какъ примѣръ высокаго). 2) *Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря*, въ первый разъ напечатанная въ Утренней Зарѣ (ч. 3) 1805 года, а во второй съ поправками въ В. Евр. 1811 г. Т. 5, стр. 173. Эти два преложенія были постоянно изучаемы, какъ образцовыя произведенія Русской религіозной Лирики. Сюда же принадлежатъ: 3) *Пѣснь Деворы и Варака* (Тр. Общ. Люб. Росс. Слов. 1817 г. Т. 9, стр. 29), 4) *Пѣснь Моисея, предъ его кончиною, собравшемуся Израилю.* (Тамъ же, Т. 10). 5) *Гласъ Божій въ громѣ*, Псал. 28. (Тамъ же, Т. 11). Къ этому же виду Лирики принадлежатъ оригинальныя стихотворенія: 6) *Непостижимому*, гимнъ, напечатанный во 2-й кн. Утренней Зари 1803 г. и перепечатанный съ измѣненіями въ Вѣстн. Евр. 1805 г. Т. 5. 273. 7) *Пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя* въ Москвѣ, на горахъ Воробьевыхъ. (Т. О. Т. 9).—Нельзя не замѣтить, что въ послѣднихъ произведеніяхъ Мерзлякова въ этомъ родѣ Славянская стихія начинала рѣзко вторгаться въ Русскую.

Къ Лирикѣ государственной, одушевленной патріотическими чувствами, относятся: 1) *Мячковскій курганъ* (В. Е. 1805 г. Т. 4. 56). 2) *Стихи на побѣду Русскихъ надъ Французами при Кремсѣ*, сочиненные по полученіи перваго извѣстія въ Москвѣ (Тамъ же, Т. 6. 239). 3) *Обѣты Россіянъ или храмъ*

Россійской славы (Т. О. 1812 года, ч. 1). Это стихотвореніе, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, передѣлано изъ извѣстнаго намъ уже: *Слава.* 1801 г. 4) *Россъ или обновленіе Европы.* Лирическая пѣснь. Амфіонъ, кн. 1. 5) *Гласъ народа отсутствующему Отцу Отечества.* (Амфіонъ, кн. 3). 6) *Гласъ радованія восхищенныхъ Музъ,* по случаю вожделѣннѣйшаго прибытія въ первопрестольный градъ Москву Всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра Перваго, въ первый разъ по ея возобновленіи. М. 1816 года. 7) Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Государю Императору Александру I-му, на всевожделѣнное Его прибытіе въ первопрестольный градъ Москву, отъ Императорскаго Московскаго Университета всеподданнѣйшее приношеніе. М. 1823 года. 8) *Ода* на всерадостнѣйшій день священнѣйшаго вѣнчанія и мѵропомазанія Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя Императора Николая I-го. М. 1826 года. 9) *Благотворителю Московскихъ музъ, Демидову.* 1803 года. (Стихи перепечатаны въ В. Евр. 1812 г. Т. 2, 161). 8) *Къ Князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну, основателю и учредителю Голицынской больницы.* (Т. О. ч. 3).—Основная мысль всѣхъ этихъ стихотвореній выражена Поэтомъ въ лиродидактическомъ его стихотвореніи: *Любовь къ отечеству* (Амфіонъ, кн. 4).

Подъ именемъ Лирики общественной мы разумѣемъ тѣ произведенія поэта, въ которыхъ онъ выражаетъ мысли и чувства, связующія его съ обществомъ, середи коего онъ дѣйствуетъ въ государствѣ. Въ этомъ видѣ Лирики, Мерзляковъ, какъ членъ Университета и какъ литераторъ, членъ Общества Любителей Россійской Словесности, былъ самостоятельнымъ, вдохновеннымъ и краснорѣчивымъ глашатаемъ прекрасныхъ истинъ, во имя просвѣщенія человѣческаго и отечественнаго. Въ этихъ произведеніяхъ лира его естественнымъ образомъ принимала дидактическій тонъ. На торжественныхъ собраніяхъ Университета, отъ 30-го Іюня 1805 года, когда на полувѣковомъ его юбилеѣ Мерзляковъ воспѣвалъ торжество его Одою къ Премудрости и Хоромъ въ честь юбилея, до Іюня 26-го 1830 года, когда на празднествѣ 75-лѣтняго Университета, онъ, уже больной и слабый, пропѣлъ послѣднюю лебединую,

прекрасную пѣсню свою: *Юбилей*,—Мерзляковъ, въ теченіи четверти вѣка, былъ вдохновеннымъ органомъ возвышенныхъ чувствъ и мыслей ученаго сословія. Сюда относятся прекрасные: 1) *Стихи*, произнесенные въ торжественномъ собраніи Университета, при открытіи новой большой его аудиторіи 5-го Іюля 1819 года:

Гдѣ *я*, питомецъ Музъ, воспитанныхъ Москвой?

2) *Къ Миру* (1822 г.), 3) *Трудъ* (1825 г.), 4) *Полтава* (1827 г., читано 27-го Іюня въ день побѣды подъ Полтавою), 5) *Шуваловъ и Ломоносовъ*, Лирико-Драматическое стихотвореніе (1827 г.), 6) *Юбилей* (1830 г.), и многіе *Хоры*, которые Кашинъ полагалъ на музыку. Къ стихотвореніямъ сего же рода слѣдуетъ прибавить: 7) *Стихи на возобновленіе Благороднаго Пансіона*, *Апрѣля 14-го 1814 года* (*къ товарищамъ*).

Пламенная любовь къ мѣсту своего воспитанія и къ поприщу науки, и твердая вѣра въ высокое призваніе этого святилища ученія, постоянно одушевляли лиру Мерзлякова. Вдохновеніе его на торжественной каѳедрѣ Университета не уступало ни времени, ни слабѣющимъ силамъ тѣла. Предпослѣднее его лирическое произведеніе: *Шуваловъ и Ломоносовъ*, и самое послѣднее: *Юбилей*, высшія въ этомъ родѣ. Здѣсь сила слова постоянно равна силѣ вдохновенной мысли. Послѣдняя мысль, послѣднее желаніе, послѣдній вздохъ души его и съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдній звукъ его лиры выражены въ этихъ словахъ:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный,
Крѣпися въ силахъ, зрѣй въ плодахъ;
Какъ былъ, пребуди неизмѣнный
Общественныхъ источникъ благъ!
Подъ Николаевымъ покровомъ
Явись въ обильи, въ блескѣ новомъ! —
Да будетъ сей нашъ Юбилей —
Залогъ твоихъ усилій, рвенья,
Любви къ добру, благодаренья,
Залогъ успѣховъ и честей.

Общество Любителей Россійской Словесности было второю сферою для общественной лирики Мерзлякова. Сюда принад-

лежатъ стихотворенія: 1) *Ходъ и успѣхи изящныхъ наукъ. Членамъ Общества Любителей Россійской Словесности* (Т. О. ч. 3), 2) *Кантата: Аполлонъ у Адмета*, слова которой положены на музыку Давыдовымъ (Т. О. ч. 8), 3) *Гармонія.* (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Ч. 1, 1822 г.).

Подъ именемъ частной Лирики разумѣемъ тѣ лирическія изліянія мыслей и чувствованій поэта, которыя опредѣляются его отношеніемъ къ кругу ближайшихъ къ нему людей, каковы бываютъ для насъ кругъ семейный и дружескій.

Мерзляковъ былъ веселый, остроумный и вдохновенный собесѣдникъ. Нерѣдко оживлялъ онъ общество стихотворною импровизаціей. Мы слыхали, что онъ въ этомъ состязался съ даровитымъ музыкантомъ Давыдовымъ: кто скорѣе напишетъ? онъ ли стихи, или Давыдовъ потомъ положитъ ихъ на музыку?—«Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку,» говоритъ о Мерзляковѣ авторъ Дневника Студента. Въ бесѣдѣ дружеской и семейной высказывалась, кромѣ ума, веселая и добрая душа Мерзлякова, ибо по его же словамъ: «Десятокъ умныхъ головъ не стоитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны *по своему.*» Въ 1811 году бывали такіе литературные вечера у Ѳ. Ѳ. Иванова, куда съѣзжались Мерзляковъ, Кокошкинъ, Воейковъ, Батюшковъ и Смирновъ. Мерзляковъ съ Воейковымъ игралъ въ карты, не на деньги, а на стихи, которые М. переводилъ изъ Садовъ Делиля. До 1812 года М. бывалъ часто въ сельцѣ Жодочахъ, въ просвѣщенномъ семействѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, онъ написалъ большую часть своихъ Романсовъ и Пѣсень.

Къ произведеніямъ частной Лирики относятся: 1) *Къ друзьямъ* (1803 г.); 2) *Что есть жизнь?* Пѣснь въ кругу друзей (В. Е. 1808 г. № 9); 3) *Пиръ*, застольная, шутливая пѣсня; 4) *Къ добродѣтели*, застольная пѣсня. Подражаніе Аристотелю. (три послѣднія напечатаны въ собраніи Пѣсень и Романсовъ); 5) *Надгробная пѣснь З.... А....чу Буринскому*, сочиненная въ день его погребенія и пѣтая въ собраніи друзей его (Вѣст. Европы 1808 г. № 13); 6) *Въ Альбомъ противъ Альбомовъ* (Амфіонъ кн. 7, 65). — Сюда же относимъ и прекрасныя стихотворенія дѣтскія, которыя внушены были Мерзлякову

простодушнымъ чувствомъ его ребяческаго сердца, любившаго дѣтей: 1) *Хоръ дѣтей маленькой Наташѣ* (Вѣст. Евр. 1811 г. Т. 4, стр. 11), 2) *Отъ Аннушки Машинькѣ при подаркѣ Альбома* (Амфіонъ кн. 4, 72), 3) *Утро* (для дѣтей). (Перечатано изъ Утр. Зари въ Амфіонѣ, кн. 10 и 11, 130).

Личной лирикѣ западная поэзія нашла форму въ Романсѣ, какъ изъявленіи личной любви, дружбы и преданности. Мерзляковъ написалъ много Романсовъ, положенныхъ на музыку и имѣвшихъ большой успѣхъ. Изъ нихъ наибольшею извѣстностію пользовались: *Дуэтъ — Въ часъ разлуки пастушокъ*, (В. Евр. 1806 г. № 15). на голосъ Малороссійской пѣсни: *Ихавъ козакъ за Дунай*, и еще: *Велизарій* (В. Евр. 1806 г. № 14). Голосъ мальчика, посвятившаго себя великому слѣпцу и просящаго для него милостыни, возбуждалъ всегда живое сочувствіе.

Для выраженія личнаго чувства любящей души, Мерзляковъ, какъ поэтъ Русскій съ чувствомъ неподдѣльнымъ, нашелъ форму выше чѣмъ романсъ, созданный феодализмомъ запада: онъ нашелъ эту форму въ Русской народной пѣсни. Онъ ввелъ ее тогда еще въ кругъ лирической поэзіи, когда у насъ не сознавали художественной красоты нашей народной пѣсни. Для этой формы теорія поэзіи, принятая Мерзляковымъ, не заготовила рубрики, потому что учебникъ Эшенбурга подъименемъ народныхъ пѣсень разумѣетъ тѣ, «которыя возбуждаютъ и живописуютъ любовь къ отечеству, прославляютъ благонамѣренное единодушіе добрыхъ гражданъ, или воспоминаютъ предъ потомствомъ важныя происшествія изъ отечественной Исторіи.» Но не въ учебникѣ, а въ одной изъ своихъ бесѣдъ (*Разсужденіе о драмѣ вообще*) Мерзляковъ такъ выразилъ свое личное мнѣніе о пѣсни: «Сильная страсть, сильная радость, отчаяніе не поютъ пѣсней; пѣсня есть собственно плодъ унынія, сладкаго сѣтованія, страсти тихой и нѣжной.—Таковъ характеръ нашихъ народныхъ пѣсней, ознаменованныхъ истинною печатію природы; ибо ихъ произвело не искусство, но чувство простое, чуждое слишкомъ утонченнаго образованія.» Странно только, что Мерзляковъ тутъ же сближаетъ народныя пѣсни съ пѣснями Дмитріева, Капниста и др. Въ 1805 году напечатаны были первые опыты Мер-

злякова въ этомъ родѣ. Одна изъ пѣсень: «*Что мнѣ дѣлать въ тяжкой участи моей?*» подъ именемъ *Сельской Элегіи* явилась въ Вѣстникѣ Европы (1805 г. Т. 2, 130. Мартъ, подъ буквами А. А. А...!) и перепечатана въ томъ же году, въ Сентябрѣ, въ журналѣ Россійской Словесности, издаваемомъ Николаемъ Брусиловымъ, подъ заглавіемъ болѣе точнымъ *Пѣсни*, присланной отъ неизвѣстнаго. Мерзляковъ, не смотря на то, что самъ былъ закованъ въ вериги ложнаго Французскаго классицизма съ его теоріею, возсоздалъ красоту Русской пѣсни. Въ немногихъ обмолвился онъ противъ ея народнаго характера. Но вообще этими пѣснями сказался въ немъ Русскій, проснулся Пермякъ, отозвалось чувство отдаленной родины, которой онъ всегда оставался вѣренъ, сказался наконецъ поэтъ съ истиннымъ призваніемъ. Русскій народъ призналъ свое въ Мерзляковѣ. Большая часть этихъ пѣсень, сложенныхъ Профессоромъ Университета, сдѣлались народными, но особенно слѣдующія: *Среди долины ровныя*, (*Одиночество*, В. Е. 1811 г. № 2.); *Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить*; *Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь?* и *Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый*.

Замѣчательно, что отрицательная сторона лирической поэзіи, Сатира, не была въ духѣ Мерзлякова. Онъ написалъ только одно сатирическое произведеніе: *Разговоръ въ таможнѣ* (Амфіонъ кн. 10 и 11, 133), гдѣ весьма остроумно, въ рѣзкихъ чертахъ Француза-учителя, обозначилъ односторонность пустаго воспитанія, основаннаго на одномъ Французскомъ языкѣ.

Перейдемъ къ переводамъ Мерзлякова. Воспитанный Академическою Гимназіею Университета на изученіи языковъ Греческаго и Латинскаго, Мерзляковъ преимущественно переводилъ древнихъ поэтовъ или подражалъ имъ. Попечитель Университета, Михаилъ Никитичь Муравьевъ, страстный приверженецъ древней филологіи, много ободрялъ Мерзлякова въ этихъ занятіяхъ. Переводчикъ самъ это свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи къ первому изданію Виргиліевыхъ Эклогъ: «Милостивое ободреніе покойнаго моего благодѣтеля, Михаила Никитича Муравьева, подкрѣпило меня въ семъ трудѣ. — Ему обязаны мои Эклоги бытіемъ своимъ точно также, какъ я обязанъ ему всѣмъ своимъ счастіемъ, и даже чув-

ствами сердечной моей привязанности къ пользамъ языка отечественнаго.» Первые опыты переводовъ Мерзлякова изъ древнихъ: *Сцены изъ Эврипидовой Алцесты* и *первая Пиндарова Олимпійская ода Гіерону Сиракузскому*, были напечатаны въ Эфемеридахъ или Трудахъ Любителей Россійской Словесности 1804 года, служащихъ продолженіемъ Опыта Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, въ 1771 году учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Изданіе предпринято было подъ покровительствомъ Муравьева съ цѣлію распространенія вкуса къ древней филологіи, но ограничилось только первою книжкою. Эклоги Виргилія стали являться въ Вѣстникѣ Европы съ 1805 года, а потомъ подъ заглавіемъ: *Эклоги Виргилія Марона*, съ предисловіемъ объ Эклогѣ, съ переводами нѣкоторыхъ Эклогъ Феокрита, Біона и Мосха, съ прекраснымъ посвященіемъ Императору Александру, вышли въ концѣ 1807 года. *Наука стихотворная* (Ars poëtica), посланіе Гораціево къ Пизонамъ, напечатано было въ первый разъ, въ VI книжкѣ Утренней Зари, 1808 года; послѣ перепечатано съ перемѣнами въ послѣднихъ 10-й, 11 и 12 книжкахъ Амфіона, въ 1815 году; наконецъ вышло во 2-мъ томѣ Собранія подражаній и переводовъ изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ въ 1826 г. Кромѣ Гораціевой Піитики, Мерзляковъ еще въ 1807 году перевелъ Піитику Аристотеля, какъ о томъ объявлено было тогда въ Вѣстникѣ Европы (№ 14). Не задолго до нашествія непріятеля онъ началъ ее печатать съ примѣчаніями; но какъ оригиналъ, такъ и большая часть печатныхъ листовъ погибли. Мерзляковъ перевелъ ее вновь, но переводъ не вышелъ въ печати. Тогда же до непріятеля издавалъ онъ особенно Піитику Горація, напечаталъ 10 лист. съ примѣчаніями, но и этотъ трудъ погибъ въ то же время. Другіе переводы изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эсхила, Софокла, Эврипида, Каллимаха, Клеанта Стоика, изъ Энеиды Виргилія, Одъ Горація, изъ Тибулла, Проперція и Овидія, печатаемы были въ В. Евр., Амфіонѣ, Трудахъ Общества, Ураніи, Альманахѣ Погодина, и потомъ въ 1825—26 годахъ явились въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ.* Оба тома удостоены посвященія на Высочайшее имя:

первый, вышедшій въ 1825 году, посвященъ Императору Александру I; второй, вышедшій въ 1826 году, Императору Николаю I. Въ предисловіи ко второму тому обѣщанъ и третій, который однако не вышелъ.

Въ томъ же предисловіи издатель говоритъ, что цѣлью его было «представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащійся могъ ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ Піитики.» Въ третьей части переводчикъ хотѣлъ пополнить недостатокъ тѣхъ родовъ и видовъ древней поэзіи, какихъ недоставало въ первыхъ двухъ томахъ. — Вотъ какъ онъ выражается о способѣ своего перевода, особенно трагиковъ Греческихъ. «Смѣло могу сказать, что почти всѣ представляемые здѣсь отрывки весьма *близко* преложены, но не *переводы* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ сего слова; ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ Греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что̀ мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ, или неотносительнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное перестанавливалъ и соединялъ первой актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ того нѣчто цѣлое драматическое» и проч.

Разсужденіе Мерзлякова: *«О началѣ и духѣ древней Трагедіи, и о характерахъ трехъ Греческихъ Трагиковъ*,» напечатанное въ видѣ предисловія къ первому тому Подражаній и Переводовъ, вызвало рецензію, которая появилась въ Сынѣ Отеч. (1825 г. Т. 3. 359). Она написана была весьма дѣльно и благородно Дм. Вл. Веневитиновымъ, молодымъ даровитымъ писателемъ, который въ свои критическія воззрѣнія на Поэзію народовъ древнихъ и новыхъ вносилъ плодъ изученія науки въ ея современномъ состояніи.

Главный недостатокъ преложеній Мерзлякова изъ древнихъ состоялъ во Французскомъ способѣ воззрѣнія на это художественное занятіе, особенно при переводѣ Трагиковъ. Французы не умѣли въ то время вникать въ духъ подлинника и не понимали художественнаго смысла древнихъ созданій. Къ лучшимъ переводамъ Мерзлякова должно отнести Эклоги Виргилія и Греческія Идилліи. Изъ нихъ же Рыбаки Ѳеокрита, Титиръ и Мелибей, первая Эклога Виргиліева, могутъ почесть-

ся совершеннѣйшими по простотѣ и изяществу выраженія. Сельская поэзія древнихъ и новыхъ возбуждала особенное сочувствіе въ Мерзляковѣ: отдаленные отголоски жизни селѣ просыпались въ немъ. Есть соотношеніе между сельскою поэзіею древнихъ и Русскою пѣснію. Это же самое влеченіе Мерзлякова къ сельской поэзіи побудило его перевести *Идилліи Г-жи Дезульеръ* (М. 1807 г.*), хотя онѣ простотою далеко отходятъ отъ простоты типовъ древнихъ и еще далѣе отъ Русской пѣсни. Есть объясненіе этому влеченію поэта въ его же словахъ изъ пятаго чтенія: «Сколь бы далеко ни увлечены мы были вихремъ страстей и нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то *родное* наше: на поля и на лѣса смотримъ какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества.»

Тиртеевы оды, Гораціева Піитика и нѣкоторые гимны древнихъ занимаютъ второе мѣсто по достоинству. Піитикѣ Горація посчастливилось въ Московскомъ Университетѣ. Переведенная Поповскимъ, она переведена была во второй разъ Мерзляковымъ, и въ третій также питомцемъ Университета, М. А. Дмитріевымъ. Хотя переводъ Мерзлякова не отличается близостью, хотя вы встрѣтите въ Русскомъ Гораціѣ и бархатные луга, не смотря на то что древніе бархату не знали; но поэтическій строй языка и складъ Русской рѣчи такъ пришлись къ Горацію, что многіе стихи оставались долго въ памяти современниковъ.

Касательно лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ образцевъ древней Поэзіи, переведенныхъ Мерзляковымъ, должно замѣтить, что излишнее употребленіе Славянской стихіи въ Русскомъ языкѣ много нарушало здѣсь поэтическую его гармонію. Мерзляковъ, по ученію своему принадлежавшій школѣ Ломоносова и Державина, не могъ еще перенять того изящнаго равновѣсія двухъ стихій: Славянской и Русской, котораго тайна такъ счастлива въ его же время разрѣшена была у насъ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Невольно припомнишь здѣсь кстати слова его изъ записки о составленіи Русскаго Словаря, напечатанной въ 16-й ч. Тр. Об.

---

* Переводъ первой Идилліи: *Ручей*, напечатанъ въ В. Е. 1806 г. № 1.

«Гдѣ положить предѣлы употребленію словъ древнихъ Славянскихъ?» Но касательно значенія языка его для науки мы должны сказать, что произведенія стихотворныя Мерзлякова, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, могутъ служить постоянною сокровищницею для изученія выраженій и оборотовъ языка отечественнаго. Возвращеніе дательнаго самостоятельнаго принадлежитъ ему; Жуковскій въ томъ только ему послѣдовалъ. Но встрѣчаются иногда у Мерзлякова и коренные Русскіе обороты поэтическаго языка, какъ напр. эпитетъ въ видѣ имени существительнаго, оборотъ, взятый изъ древнихъ Русскихъ пѣсень:

Красуйся, ты—черныя брови, ты сладкія рѣчи, —
Богиня!...

Къ переводамъ Мерзлякова должно отнести еще *Освобожденный Іерусалимъ*, Тасса. М. 1828. 2 части (начатъ въ 1808 году). Изученіе эпическихъ твореній Хераскова положило сильный отпечатокъ на этомъ трудѣ Мерзлякова. Александрійскій стихъ перевода разрушилъ все очарованіе гармонической Италіянской октавы. Вмѣсто предисловія Мерзляковъ приложилъ къ поэмѣ: *Изображеніе жизни и характера Тасса.*—Къ числу переводовъ его изъ новыхъ поэтовъ относятся также: *Лаура за клависиномъ изъ Шиллера* (В. Е. 1806 г. № 2)*; *Торжество Александрово или сила музыки*, кантата Драйдена въ честь Св. Циципіи, переложенная съ наблюденіемъ мѣры подлинника (В. Евр. 1806 г. № 4); *Элегія*, изъ Парни (В. Евр. 1806 г. № 9); *Селадонъ и Амелія* изъ Томсоновой поэмы: Четыре времени г. (В. Е. 1810 г. № 24).

Отъ Поэта перейдемъ къ Оратору. Ораторомъ Мерзляковъ является на каѳедрѣ въ торжественные дни Московскаго Университета и въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности. Въ 1808 году, Іюня 30-го, онъ произнесъ на актѣ слово: *О духѣ, отличительныхъ свойствахъ Поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благо-*

* Замѣчательно, что въ томъ же 1806 году В. Евр. въ № 7 напечатанъ былъ переводъ Державина этой же Шиллеровой піесы подъ заглавіемъ: *Дѣва за клависиномъ*.

состояніе народовъ. Въ этомъ словѣ, замѣчательномъ силою и картинностію выраженія, Ораторъ вдохновенно говорилъ о священной Еврейской поэзіи и отдалъ ей преимущество передъ всѣми другими. При разборѣ первобытной поэзіи у всѣхъ народовъ, которой формою признаетъ онъ пѣсню, весьма замѣчательны слѣдующія слова Профессора о Русскихъ пѣсняхъ: «О! какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ! — Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши!—Въ Русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли Русскіе нравы и чувства, Русскую правду, Русскую доблесть!—Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства.—Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются, и наконецъ совсѣмъ уступятъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ Трубадуровъ.—Не ужели не увидимъ ничего болѣе, подобнаго несравненной пѣсни Игорю!...» Сравнивая поэзію древнихъ Грековъ и Римлянъ, Мерзляковъ отдаетъ преимущество первой относительно генія, силы творческой, изобрѣтательной. Въ теоретическихъ воззрѣніяхъ и во многихъ мѣстахъ Рѣчи замѣтно вліяніе Блера.

Въ 1814 году, Іюля 10-го, Мерзляковъ говорилъ *Слово похвальное Императору Александру Первому, Августѣйшему Избавителю и Миротворцу Европы*, тогда же и напечатанное. Образцы похвальныхъ словъ Ломоносова, бывшіе въ мысли Оратора, положили замѣтный отпечатокъ на этомъ словѣ. Задачею онъ себѣ задалъ «описать ходъ и дѣйствія Великаго нашего Государя токмо въ прошедшей вѣчнопамятной брани.» Мыслію всѣхъ дѣйствій Благословеннаго было, по выраженію Мерзлякова: *жертвовать Собою, чтобъ искупить спасеніе и независимость человѣчества*. Очевидцы помнятъ дѣйствіе, произведенное словомъ на слушателей: это были единодушныя, искреннія слезы.

Къ ораторскимъ же сочиненіямъ Мерзлякова относятся рѣчи и нѣкоторыя разсужденія, читанныя имъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности: 1) *Рѣчь, произнесенная въ первое засѣданіе Общества послѣ изгнанія непріятелей*. Чувства патріотическія, сознаніе народныхъ достоинствъ одушевляютъ эту рѣчь. Она содержитъ также обозрѣніе всего сдѣ-

даннаго Чтенiя Общества на пользу Русскаго языка и Словесности. 2) *Воспоминанiе о Θедорѣ Θедоровичѣ Ивановѣ.* (Т. О. 1817 г. ч. 7, 94). Это воспоминанiе написано согласно обычаю Общества рѣчами чтить память умершихъ своихъ членовъ. Оно содержитъ многiя занимательныя подробности объ Ивановѣ, питомцѣ Академической Гимназiи, морякѣ, авторѣ драмы: Семейство Старичковыхъ и многихъ другихъ пiесъ. Общество поручило Мерзлякову собрать и издать Сочиненiя и переводы Иванова, которые и были напечатаны въ 4-хъ частяхъ въ 1824 году. 3) *О вкусѣ и его измѣненiяхъ.* Рѣчь, говоренная въ торжественномъ собранiи Общества Любителей Россiйской Словесности 1817 года. (Т. О. 1817 г. ч. 10, 3). Послѣ ораторскаго вступленiя, заключающаго благодарныя чувствованiя къ высокимъ покровителямъ и самимъ дѣятелямъ Словесности, авторъ говоритъ о вкусѣ. Вкусъ есть чувство красоты, врожденное всѣмъ людямъ и народамъ безъ исключенiя. Совершенствуется онъ частымъ упражненiемъ и наблюденiемъ, принаровленiемъ разума къ его дѣятельности. Опредѣленiе красоты заимствовано въ заключенiи изъ Чтенiя объ изящномъ. 4) *Рѣчь о началѣ, ходѣ и успѣхахъ Словесности* (Т. О. 1819 г. ч. 13, 19). Во вступленiи выражена высокая цѣль занятiй Общества: эта цѣль—«Слово, безсмертное знаменiе величiя народнаго, главная сила ума, органъ наукъ, орудiе поученiя и нравовъ, порядка и устройства гражданскаго, проповѣданiе истины, свѣта и Бога.» Въ самой Рѣчи повторены основанiя науки, принятыя Профессоромъ, касательно происхожденiя искусствъ изящныхъ, ихъ Критики, какъ предшественницы Науки, и самой Науки, имѣющей цѣлью опредѣлить изящное. Любимая мысль Мерзлякова о различiи между неограниченнымъ божественнымъ созерцанiемъ вселенной, принадлежащимъ духамъ чистымъ, и нашимъ ограниченнымъ и узкимъ, приковывающимъ насъ къ извѣстному мѣсту и времени, является здѣсь въ новомъ видѣ. Свое неблаговоленiе къ системамъ Мерзляковъ выразилъ здѣсь словами: «Оставимъ системы, которыя всѣ почтенны, и знать ихъ конечно должно.»—«Причина, почему одинъ предметъ вещественный или нравственный плѣняетъ насъ болѣе, не заключается въ немъ самомъ, но въ насъ самихъ.» 5) *Разсуж-*

деніе объ истинныхъ качествахъ Поэта и Оратора. (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Тр. О. Л. Р. С. 1824 г. ч. 4, 172). Здѣсь представленъ идеалъ писателя въ отношеніи къ его способностямъ, къ его внѣшнимъ пособіямъ, къ его нравственной цѣли. Въ семъ послѣднемъ отношеніи Ораторъ, съ особеннымъ одушевленіемъ, выразилъ пространнѣе то, что кратко и сильно сказано имъ было въ слѣдующихъ стихахъ о Русскомъ писателѣ:

Да будетъ онъ органъ отечественной славы!
И разливая свѣтъ народовъ и вѣковъ,
Златые опыты, познанья, наблюденья,
Да зерна онъ дѣлитъ отъ пагубныхъ волчцовъ,
Прямыя истины отъ злаго заблужденья!

Къ критическимъ сочиненіямъ Мерзлякова относятся слѣдующія: 1) *Разсужденіе о Россійской Словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи* (Т. О. ч. I. 53.). Основная мысль разсужденія есть та, что Словесность наша, изобильная произведеніями поэзіи и воображенія, еще нуждается въ произведеніяхъ мысли и науки; что языкъ нашъ изъ періода обогащенія долженъ вступить въ періодъ опредѣленности. Многія характеристики Русскихъ писателей, хотя краткія, здѣсь весьма замѣчательны. 2) *Россіяда, Поэма Эпическая Г-на Хераскова.* (*Письмо къ другу.*) (Амфіонъ. 1815. Кн. 1, 32; Кн. 2. 36; Кн. 3, 94; Кн. 5, 81; Кн. 6, 2; Кн. 8, 86; Кн. 9, 49.)—Въ видѣ письма къ Жуковскому Мерзляковъ представилъ въ семи статьяхъ полный разборъ Россіяды на основаніи началъ своей теоріи. Въ первой, послѣ общихъ похвалъ поэмѣ Хераскова, излагается ея содержаніе по пѣснямъ и рѣшается задача о томъ, что предметъ, избранный Херасковымъ, достоинъ безсмертной Эпопеи. Во второй статьѣ показаны недостатки въ изобрѣтеніи содержанія и въ расположеніи поэмы; въ третьей отсутствіе чудеснаго такого, какого требуется отъ эпической поэмы, но съ тѣмъ вмѣстѣ Россіяда сравнивается съ великолѣпнымъ храмомъ Св. Петра, и «какъ громада неподвижная, и въ буряхъ времени, и въ буряхъ мнѣній, стоитъ огражденная неизмѣняемымъ своимъ величіемъ.« Въ четвертой представлены недостатки главныхъ характеровъ: «многіе герои

Хераскова суть эфемеры, или лучше, блестящія пылинки Санхоніатона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и родятся; но чрезъ это ни мало не показываютъ намъ ни начала своего, ни сущности, ни качества.» — Въ пятой продолжается тотъ же приговоръ характерамъ, но сдѣлано изъятіе въ пользу Адашева, Гирея и Курбскаго. Шестая и седьмая статьи посвящены разбору слога. — Критика Мерзлякова возбудила противорѣчіе въ молодомъ тогда писателѣ, которой былъ еще Студентомъ Университета и издавалъ журналъ: этотъ студентъ былъ П. М. Строевъ. Онъ въ своемъ Современномъ Наблюдателѣ осмѣлился тогда выразить публично свое противорѣчіе Мерзлякову. Въ послѣдней статьѣ Профессоръ открыто возражаетъ Наблюдателю и въ заключеніи письма подозрѣваетъ Жуковскаго въ томъ, что и онъ находится въ числѣ противниковъ Хераскова. «Признаюсь тебѣ, что первое письмо твое ко мнѣ о разборѣ Поэмы Херасковой показалось подозрительнымъ: я подумалъ, что и ты держишься ихъ мнѣнія». — 3) *Разборъ осьмой оды Ломоносова*: Царей и царствъ земныхъ отрада. (Т. О. 1817. ч. 7. 28.) Сначала критикъ указываетъ на постепенное совершенствованіе Ломоносова въ Одахъ его, по мѣрѣ того какъ онъ отступалъ отъ первоначальнаго Нѣмецкаго образца своего, Гинтера. *Миръ и безцѣнныя блага его* — содержаніе 8-й Оды. Въ числѣ этихъ благъ главное — распространеніе просвѣщенія посредствомъ наукъ. Спокойный и естественный ходъ Оды совершенно отвѣчаетъ ея содержанію. Замѣчательно прозаическое изложеніе порядка всѣхъ мыслей Оды, которое можетъ служить образчикомъ для упражненій подобнаго рода въ приготовительныхъ учебныхъ заведеніяхъ. — 4) *Разборъ трагедіи Поликсены Господина Озерова.* (Чтеніе XV е). (В. Евр. 1817. Т. 1, 269. Т. 2, 17.) Этотъ разборъ Мерзлякова, равно какъ и послѣдующіе, входитъ во вторую половину его публичнаго курса, въ которой онъ прилагалъ изложенную въ десяти первыхъ чтеніяхъ теорію къ образцамъ Русской Словесности. Здѣсь кстати замѣтить, что Мерзляковъ намѣревался издать всѣ свои чтенія о Словесности, «заключающія полную теорію изящныхъ наукъ и разборы знаменитѣйшихъ Россійскихъ писателей: Сумарокова, Ломоносова, Державина, Озе-

рова и другихъ, въ 4-хъ томахъ.» (Его слова изъ записки.) Критикъ сравниваетъ Поликсену съ трагедіями подобнаго содержанія Эврипида, Сенеки и Шатобрюна, указываетъ на заимствованія и отдаетъ преимущество Озерову передъ ними въ томъ, что онъ умѣлъ сосредоточить единство содержанія около одной Поликсены; но порицаетъ за то Русскаго трагика, что онъ, удаливъ идею судьбы, участвовавшей въ гибели Поликсены по понятіямъ древнихъ, причину оной заключилъ въ мщеніи ненавистнаго Пирра и въ корыстолюбіи Улисса. М. негодуетъ на Озерова за эти характеры, говоря, что «авторъ обязанъ непремѣнно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, сближать ихъ, сколько можно, съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно и поступали Корнели, Расины, Вольтеры, и всѣ поставившіе трагедію на нынѣшнюю степень совершенства.» Мечтательное изступленіе Поликсены, влюбленной въ тѣнь Ахиллову, кажется ему неестественнымъ. Мерзляковъ отдаетъ преимущество Эврипидовымъ Троянкамъ въ отношеніи къ простотѣ и натуральности и приводитъ изъ нихъ отрывокъ въ своемъ стихотворномъ переводѣ. По слогу критикъ ставитъ эту трагедію ниже другихъ трагедій Озерова. — 5) *Разборъ оперы Мельника.* (Отрывокъ изъ чтенія XX-го.) (В. Евр. Т. 2. 113.) Критикъ рѣшаетъ вопросъ ему заданный: «*Отъ чего такъ долго и постоянно опера Мельникъ удерживается на нашемъ театрѣ?*» Причину полагаетъ онъ не въ томъ, что піеса написана въ Русскихъ нравахъ, потому что многія піесы, въ этихъ же нравахъ написанныя, не удержались на нашей сценѣ, но въ томъ, что опера удовлетворяетъ правиламъ вкуса: въ ней «всѣ лица прекрасны; дѣйствіе просто и натурально; представлено въ нравахъ и обычаяхъ общихъ, а не частныхъ; въ слабостяхъ также общихъ.» — 6) *Разборъ трагедіи: Эдипъ въ Аѳинахъ, Господина Озерова.* (Чтеніе XVI-е.) (В. Евр. 1817. Т. 2. 267. Т. 3. 25.) Отдавая должныя похвалы многимъ сценамъ, монологамъ, слогу трагедіи, Мерзляковъ порицаетъ Озерова за то, «что онъ поступалъ съ баснею своей насильственно, какъ съ мраморной древней статуей поступаетъ новѣйшій художникъ, смѣло обрубая ее по своему плану, безъ всякаго уваженія ко вкусу древности. . .» «Симъ

образомъ потеряно истинное величіе трагедіи древней: очарованіе исчезло! я не вижу здѣсь ни одного Грека, ни Греціи,» говоритъ Мерзляковъ. Онъ отдаетъ совершенное преимущество простотѣ содержанія трагедіи Софокла и приводитъ изъ нея отрывокъ въ своемъ переводѣ: разсказъ о чудесной кончинѣ Эдипа. — Укоряя Озерова въ томъ, что онъ увлекался Дюсисомъ, Мерзляковъ, касательно перемѣны въ развязкѣ басни, такъ выражается о Французахъ: «можетъ быть, онъ слѣдовалъ въ этомъ Французамъ, которые часто бываютъ слишкомъ нѣжны: они, боясь разстроить нервную систему своихъ соотечественниковъ, не смѣютъ показать на театрѣ страдальческую смерть мужа добродѣтельнаго. — Такая нѣжность часто бываетъ притворное, или слишкомъ утонченное жеманство, плодъ испорченнаго вкуса, — жеманство, которое доставило вялость многимъ хорошимъ Французскимъ трагедіямъ. Во всемъ должна быть мѣра». — Здѣсь же находится и разборъ Фингала (Т. 3. стран. 35). Въ отношеніи къ заимствованію содержанія изъ поэмы Оссіановой, М. называетъ эту трагедію новымъ шагомъ въ нашей словесности; но онъ совершенно порицаетъ самое содержаніе, какъ недостаточное для дѣйствія драматическаго, и охуждаетъ характеры, особенно Старна. — 7) *Сумароковъ*. (В. Евр. 1817. Т. 3. 257. Т. 4. 26 и 106.) Сумарокова М. называетъ отцомъ нашей драмы: ему, по словамъ критика, «принадлежитъ справедливое титло установителя Россійской драмы, трагедіи и комедіи.» Немилосердо выводя наружу недостатки Сумарокова, М. разбираетъ его драмы съ уваженіемъ къ знаменитому писателю и съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ немъ или удачныя черты или даже цѣлые характеры. «За это, можетъ быть, говоритъ М., покажусь я неугоднымъ нынѣшнимъ нашимъ молодымъ авторамъ, для которыхъ только то и хорошо, что̀ пишутъ друзья ихъ и современники, а все худо, что̀ писано прежде. Нужды нѣтъ». — Касательно устарѣлости языка въ піесахъ Сумарокова, вотъ замѣчательныя слова Мерзлякова: «Языкъ нашъ, недостигшій еще надлежащей своей опредѣленности, образуется безпрерывно вмѣстѣ съ нашимъ вкусомъ. Почему знать, можетъ быть, и нынѣшніе, такъ называемые лучшіе писатели, чрезъ 30 лѣтъ будутъ также не-

милосердо забыты, какъ теперь отъ многихъ полуученыхъ забыты почтенные наши Ломоносовъ и Сумароковъ!» Критикъ разсматриваетъ всѣ девять трагедій по порядку ихъ выхода; но не только не находитъ никакого постепеннаго совершенствованія въ трагикѣ, а напротивъ скорѣе упадокъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Причину такому явленію М. полагаетъ въ отсутствіи Критики. Совершенно противоположное явленіе представляетъ Расинъ, котораго подкрѣплялъ общій вкусъ, стоявшій тогда на высшей степени образованности. Нашего же трагика сопровождали, или слѣпое суевѣрное удивленіе — убійца талантовъ, или невѣжественная холодность, которая, по его собственнымъ словамъ, во время представленія съ безпечною наглостію грызла орѣхи въ партерахъ и ложахъ. Довольно насмѣшливо, не смотря на уваженіе къ старому писателю, критикъ излагаетъ содержаніе Хорева, Гамлета, Артистоны, Ярополка и Димизы, Вышеслава и Мстислава. Лучшими трагедіями Сумарокова признаетъ онъ Синава и Трувора, равно и Семиру. Первую разбираетъ весьма подробно: первую сцену втораго акта между Синавомъ и Труворомъ находитъ превосходною, всѣ первые три акта совершенными относительно правильнаго дѣйствія, а ошибку полагаетъ въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, чему и приписываетъ недостатокъ дѣйствія въ заключеніи. Выражая сочувствіе прекраснымъ чувствамъ и мыслямъ этой трагедіи, критикъ приглашаетъ охотника перевести ее на нынѣшній Русской языкъ. Весьма замѣчателенъ разборъ Димитрія Самозванца. Извѣстенъ всѣмъ огромный успѣхъ этой трагедіи, которая числомъ представленій превзошла не только всѣ трагедіи Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей. Не смотря на то, Мерзляковъ говоритъ «прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора.»—«Во всѣхъ пяти актахъ никакого дѣйствія.» — «Содержаніе трагедіи: *тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя.*» На это *потрачено не болѣе одного дня.* Единство мѣста верхъ нелѣпости, ибо все происходитъ въ одной и той же залѣ. Всѣ лица похожи на Китайскія тѣни. Главный герой есть чудовище, исполненное несообразностей. Любовь Ксеніи и Георгія Мерзляковъ па-

родируетъ, говоря, что Сумароковъ заимствовалъ ее изъ какой нибудь оперы. Остается за трагедіею одно только стихотворство, болѣе обработанное нежели въ прочихъ драмахъ.— 8) *Державинъ* (Т. О. 1820. ч. 18, 5.) Мерзляковъ зналъ Державина, какъ видимъ изъ его же словъ: «Покойный Гавріилъ Романовичъ, котораго благосклонностію имѣлъ я честь пользоваться, самъ неоднократно мнѣ говаривалъ: *природу наблюдалъ я у себя, а человѣка я узналъ въ Эрмитажѣ*». Здѣсь критикъ представилъ характеристику Державина, какъ Лирика. «Наша Лирическая поэзія, по словамъ его, при вступленіи Державина на поле Словесности, состояла почти изъ однихъ похвальныхъ Одъ и дурныхъ пѣсенъ, не имѣя свойственнаго ей разнообразія и прелестей.—И сіи Оды и Гимны были почти всѣ рабскія подражанія Ломоносову и Сумарокову, а пѣсни—искаженныя копіи сочиненій сего послѣдняго.— Державинъ первый далъ Одѣ нашей видъ Горацiанскій, то есть: исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ сочиненій, наполняемыхъ общими риторическими мѣстами и располагаемыхъ единственно по обыкновеннымъ формамъ: — сей недостатокъ замѣтенъ и въ великомъ Ломоносовѣ, а въ послѣдователяхъ его несравненно болѣе. — Державинъ даровалъ Одѣ истинное движеніе чувства восторженнаго и воображенія воспламененнаго. . . . Ода Ломоносова, при всемъ своемъ величіи, носила еще оковы школы; Ода Державина въ первый разъ съ распутанными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ.»— Въ сочиненіяхъ Державина находится много современныхъ отношеній, безъ объясненія которыхъ нельзя понимать его, а потому необходимо издать къ нимъ историческій комментарій. И въ этомъ Державинъ сходенъ съ Пиндаромъ.. — Державинъ писалъ чрезвычайно трудно, и каждое сочиненіе стоило ему многаго тщанія въ обработаніи слога. — Господствующая способность его Генія была воображеніе пламенное и богатое: ему всѣмъ онъ жертвовалъ. Отсюда и достоинства и недостатки его произведеній.— Первое отличіе слога Державина есть живопись, состоящая болѣе въ цвѣтѣ и яркости красокъ, нежели въ достоинствѣ рисунка.—«Истинная характеристика Державина заключается въ его духѣ, котораго не могъ присвоить себѣ ни одинъ изъ

самыхъ страстныхъ подражателей его слога. Духъ сей составляютъ твердость рѣшительная, благородное самочувствіе и непринужденная, но всегда затѣйливая веселость. По всѣмъ чувствамъ образовался въ немъ особенный взглядъ или способъ смотрѣть на природу и людей, и сей способъ не измѣнялся во все продолженіе жизни никакими обстоятельствами. Онъ ощутителенъ въ каждомъ его твореніи, какого бы оно роду ни было: по первымъ стихамъ тотчасъ уже узнаешь Державина, какъ узнаютъ перваго музыканта или живописца по одному движенію смычка, или по чертѣ проведенной.» — Далѣе М. предлагаетъ разборъ нѣкоторыхъ духовныхъ, героическихъ и философскихъ одъ Державина. — Соглашаясь со всеобщимъ мнѣніемъ, что Ода Богъ есть единственное, превосходное твореніе нашего пѣснопѣвца, М. находитъ въ ней одинъ недостатокъ, что поэтъ, воспѣвая свойства Предвѣчнаго Существа, много говоритъ о пространствѣ, блескѣ или свѣтѣ, о мѣрѣ и числѣ, а очень мало о всемогуществѣ, премудрости и благости, которыя ближе къ сердцу человѣка. Нельзя не замѣтить, что въ своей Одѣ *къ Непостижимому* М. воспѣлъ особенно эти свойства Божіи. Лучшими строфами въ одѣ Богъ онъ признаетъ три послѣднія. Въ преложеніяхъ Псалмовъ Державинъ уступитъ Ломоносову въ важности, чистотѣ и ровномъ благородствѣ слога. Изъ героическихъ одъ превосходнѣйшая по плану есть ода на покореніе Варшавы. Въ одахъ героическихъ Державинъ имѣетъ въ Ломоносовѣ опаснаго соперника. Ломоносовъ поэтъ сѣвера, Державинъ поэтъ великолѣпнаго востока. Ломоносовъ, кажется, всегда обладалъ предметомъ своимъ; Державинъ напротивъ того былъ всегда обладаемъ и увлекаемъ предметомъ. Ломоносовъ домовитый хозяинъ, дѣйствующій во всемъ по предначертанному плану; Державинъ роскошный сатрапъ Персидскій, всегда являющійся въ нѣгѣ, обиліи, посреди великолѣпія и красотъ безчисленныхъ. — Самое драгоцѣннѣйшее, нетлѣнное сокровище нашей словесности, безъ сомнѣнія, составляютъ философскія Оды Державина. Кажется, это собственный родъ нашего безсмертнаго Пѣснопѣвца. — Здѣсь Державинъ не подражатель Горація, а соперникъ его сильный и блистательный. — На лекціяхъ

своихъ Мерзляковъ называлъ послѣднія драматическія произведенія Лирика развалинами Державина. — 9) *О вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя по ихъ существеннымъ достоинствамъ.* (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Т. О. Л. Р. С. 1822. Ч. 2. 5.) Въ этомъ разсужденіи Профессоръ объясняетъ необходимость и высокое значеніе Критики и указываетъ ей на правила ея и обязанности. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого разсужденія замѣтны современныя отношенія автора, такъ, гдѣ говоритъ онъ, что достоинство произведенія поэзіи заключается не въ одной красотѣ внѣшнихъ формъ, а въ сущности, мысли и чувствѣ, и въ ихъ взаимномъ согласіи; тамъ еще, гдѣ онъ нападаетъ на мечтательныя созданія романтическаго вкуса, противорѣчащія основному правилу изящнаго, состоящему въ стройномъ цѣломъ. Нападая на исключительность необузданной фантазіи, Мерзляковъ приводитъ противъ нея слова Профессора Ѳохацкаго, своего незабвеннаго наставника, какъ онъ его называетъ, и въ руководство для Критика положенія изъ 24-й главы Аристотелевой Піитики. Въ заключеніе собраны въ одно черты идеальнаго Критика, какъ Мерзляковъ его представлялъ себѣ и старался проявить въ своей личности.— 10) *О характерахъ трехъ Греческихъ Трагиковъ.* (Тамъ же. 1826. Ч. 6. 22.) Это есть съ нѣкоторыми маловажными перемѣнами перепечатанное предисловіе къ первой части Подражаній и Переводовъ. Мерзляковъ, въ отношеніи къ обладанію силами трагическими, ставитъ Эврипида выше Эсхила и Софокла. Такое мнѣніе не было современно послѣ разбора трехъ трагиковъ, предложеннаго Августомъ Шлегелемъ, разбора, въ которомъ ясно показано, какъ Эврипидъ уступаетъ мѣсто и Софоклу и Эсхилу. — Для полноты приведемъ остальныя небольшія критическія статьи Мерзлякова въ тѣхъ же Трудахъ Общества. — 11) *Разборъ Оды Капниста: къ Несчастному.* (Т. 15.) — 12) *О сочиненіяхъ Г-жи Наумовой.* (Т. 20. 66.) — 13.) *О Сокольскомъ и его сочиненіяхъ.* (Т. О. Т. 16. 116. Въ приложеніяхъ къ протоколу 43-го засѣданія Общества приложеніе В.) Сокольскій былъ Кандидатъ Московскаго Университета и одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Мерзлякова. Его переводы изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ,

народныя пѣсни въ стилѣ учителя, и другія произведенія печатались въ Вѣстникѣ Европы, Амфіонѣ и въ Петербургскихъ журналахъ, особенно въ Сынѣ Отечества. Онъ умеръ рано, не давъ совершиться прекраснымъ надеждамъ, которыя подавалъ о себѣ. Мерзляковъ трогательно воспоминаетъ объ утраченномъ ученикѣ. Изъ подробностей этого воспоминанія узнаемъ, что Сокольскій жилъ у него около двухъ лѣтъ. По случаю кончины его, Мерзляковъ читалъ въ засѣданіи Общества, котораго Сокольскій былъ Сотрудникомъ, послѣдніе стихи его: переводъ Гораціевой оды, Предсказаніе Нерея. Такъ выражается Мерзляковъ о сочувствіи Сокольскаго къ Нѣмецкой литературѣ: «Сокольскій болѣе всего привязанъ былъ къ Нѣмецкой Литературѣ, хотя онъ очень хорошо зналъ и понималъ въ подлинникахъ Греческую, Латинскую и Французскую Словесность: *это припадокъ времени.*» Замѣчательны эти слова Мерзлякова: въ нихъ выражается антипатія его къ новой школѣ, которой главою былъ другъ его Жуковскій. Хотя Мерзляковъ прелагалъ самъ нѣкоторыя піесы Шиллера, какъ на примѣръ *къ Лаурѣ за клависиномъ* (Вѣс. Евр. 1806. № 2); но эти подражанія Шиллеру принимали у него другой характеръ. Читая въ частныхъ засѣданіяхъ Общества стихотворенія младшихъ его товарищей – сотрудниковъ, какъ на примѣръ Саларева, Профессоръ дѣлалъ на нихъ критическія замѣчанія.

Какъ въ лиро-дидактической поэзіи Мерзляковъ былъ неспособенъ къ Сатирѣ, такъ точно въ критикѣ онъ чуждъ былъ полемики. Въ семъ послѣднемъ родѣ напечаталъ онъ только одно сочиненіе, подъ именемъ неизвѣстнаго, въ XI части Трудовъ Общества, въ 1818 году: *Письмо изъ Сибири.* Предметъ этого письма: Гексаметры и Баллады. Споръ о гексаметрѣ былъ тогда вопросомъ современнымъ. Мерзляковъ, вопреки мнѣнію С.Петербургскаго Журнала: Conservateur Impartial, доказываетъ, что не Востоковъ открылъ гексаметры; что открыты они еще Ломоносовымъ, отцомъ Русской Поэзіи; что извѣстны были Тредьяковскому и другимъ писателямъ; что у насъ не можетъ быть ни Греческихъ, ни Латинскихъ гексаметровъ, въ настоящемъ и подлинномъ смыслѣ сего слова, какъ были они у древнихъ, потому что языки

Греческій и *Латинскій* «были языки пѣвучіе, такіе, которые, сообразно съ намѣреніемъ и искусствомъ писателя, позволяли переносить удареніе съ одного слога на другой по произволу, а у насъ къ каждому слову приковано гвоздемъ *удареніе*, и его уже перенести никуда не возможно.» — Въ способѣ приложенія этого размѣра къ переводу древняго эпоса отдаютъ Мерзлякову пальму первенства передъ Гнѣдичемъ; но это едва *ли* справедливо, потому что первый опытъ перевода Мерзлякова: *Улиссъ у Алкиноя* изъ Одиссеи (В. Евр. 1808 г. № 7.) писанъ амфибрахіемъ. Другіе же опыты его гекзаметромъ явились позднѣе. — Второй предметъ письма: Баллады — видъ поэзіи, распространенный въ то время Жуковскимъ. Еще въ разборѣ Россіяды, назвавъ баллады Жуковскаго прекрасными, М. указалъ на неловкое племя его подражателей. Здѣсь онъ явно вооружается противъ самой Баллады, какъ злоупотребленія, нарушающаго правила поэзіи и законы изящнаго, и возвышаетъ надъ Балладою Басню, которая такъ процвѣла въ Руской поэзіи. М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Мерзляковѣ* говоритъ, что это письмо, прочтенное публично Мерзляковымъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Л. Р. С., въ присутствіи самаго Жуковскаго, содержало въ себѣ выходки противъ поэтическихъ разсказовъ его и балладъ, какъ злоупотребленія поэзіи и гексаметра. Антонскій совершилъ примиреніе между двумя друзьями, которыхъ разводили противоположныя понятія о литературѣ. Въ печатномъ изданіи Сибирскаго письма эти выходки были, вѣроятно, уничтожены.

Мерзляковъ въ наукѣ Словесности и въ литературѣ Русской представляетъ у насъ перваго Критика, который вполнѣ сознавалъ высокость и благородство своего званія. Постоянно возставалъ онъ противъ эфемерныхъ и поверхностныхъ занятій Словесностію; постоянно призывалъ Русскихъ писателей къ занятіямъ ея наукою и вѣрилъ въ силу и необходимость сей послѣдней для полнаго успѣха Русскаго слова. «Уважимъ самихъ себя, *уважимъ науку*, говорилъ Профессоръ, и талантъ стихотворца изъ любви къ самимъ себѣ, и очистимъ чрезъ то собственныя наши удовольствія!» Такая за-

* Москвитянинъ, 1854. № 12. Мелочи изъ запаса моей памяти.

слуга покажется намъ еще важнѣе, когда перенесемся въ эпоху дѣятельности Мерзлякова и представимъ себѣ то невѣжество, которымъ онъ былъ окруженъ. Хотя ложная теорія затмѣвала истину его взгляда, за то чувство изящнаго, неизмѣнный его руководитель, многолѣтняя опытность и прозорливая наблюдательность внушали ему часто мысли вѣрныя и глубокія.

Мерзляковъ былъ теоретикомъ и критикомъ перваго періода Русской Словесности, Ломоносовскаго, въ ея новомъ образованіи. Школа, основанная Карамзинымъ и Жуковскимъ, не входила въ область его критическаго сознанія, тѣмъ еще менѣе поэзія Пушкина. Чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина выражалось только слезами. Читая Кавказскаго Плѣнника, онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ — и безмолвствовалъ.

Послѣднія лекціи Мерзлякова состояли, по большей части, въ критическихъ импровизаціяхъ. Онъ къ нимъ не готовился. Приносилъ на каѳедру Ломоносова или Державина, развертывалъ. Случай открывалъ Оду. Рѣчь свободно и роскошно лилась изъ устъ импровизатора. Все зависѣло отъ настроенія минуты. Въ Критикѣ и Профессорѣ сказывался Поэтъ по призванію. Эти импровизаціи, приводившія иногда въ восторгъ его слушателей, напечатлѣвались въ ихъ памяти. Свѣтлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторію. Въ послѣднее время эти вдохновенныя минуты бывали рѣже.

Въ остальные годы жизни своей Мерзляковъ нерѣдко подвергался изнурительнымъ болѣзнямъ. 1830 года, Іюня 26-го, на празднествѣ 75-тилѣтняго юбилея Московскаго Университета, уже больной и слабый, онъ читалъ стихи свои: *Юбилей*. Здѣсь вложилъ онъ въ уста Истинѣ мысли въ честь и славу науки; здѣсь вдохновенно говорилъ онъ:

Безъ духа вѣдѣнія хилы
И плугъ, и серпъ, и мечь, и лукъ;
Броня и щитъ и стѣны гнилы,
И конь и всадникъ — браней тукъ.
Кровь силы — злато — дѣйствій сѣмя,
Хребту невѣжды — мертво бремя;

Его гнетутъ и свѣтъ и тьма;
Онъ гладенъ на груди природы;
Ему враги — огнь, воздухъ, воды,
Рабы могучаго ума!

Въ восторженномъ лирическомъ видѣніи такъ представлялъ себѣ Мерзляковъ будущее нашего Университета:

Я зрѣлъ, (или мечты мной горнія играли?)....
Елисаветы храмъ чудесно обрастали
Лавровые и пальмовы лѣса;
Межъ тѣмъ, на высотахъ эѳира
Хоругви Отчества, Закона, Вѣры, Мира
Съ знаменами искусствъ, торговли и труда,
Совокупясь въ шатеръ огромной, разноцвѣтной,
Склонились надъ его главою многолѣтной,
И загорѣла выспрь безсмертія звѣзда!....

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого вдохновеннаго чтенія, 26-го Іюля, скончался Алексѣй Ѳедоровичь, на своей Сокольницкой дачѣ, гдѣ жилъ съ семействомъ для поддержанія своего разстроеннаго здоровья. Іюля 29-го, отданъ послѣдній священный долгъ покойному Преосвященными: Викаріемъ Московской Митрополіи Иннокентіемъ и Епископомъ Діонисіемъ, съ Архимандритами Виталіемъ и Арсеніемъ, и Протоіереемъ Василіемъ Богдановымъ. Гробъ Мерзлякова былъ орошенъ слезами и родныхъ и чужихъ. Товарищи и ученики несли его на себѣ изъ слободки до церкви Тихвинской Богоматери, что̀ въ Красномъ селѣ, гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь, а послѣ отпѣванія отъ церкви до Ваганьковскаго кладбища, гдѣ тѣло его и предано землѣ. Многія знаменитыя особы присутствовали при погребеніи. Признательные ученики соорудили надъ могилою Мерзлякова памятникъ.

Мерзляковъ женился въ 1815 году на Любови Васильевнѣ Смирновой, съ братомъ которой, Семеномъ Васильевичемъ, былъ связанъ узами родственной и литературной пріязни. По смерти онъ оставилъ четверыхъ дѣтей: двухъ сыновей, старшаго Семена 14 лѣтъ, младшаго Александра по полутору году, и двухъ дочерей: Софію 4-хъ и Любовь 2-хъ лѣтъ. Любовь его къ супругѣ запечатлѣна въ одномъ стихотворе-

ніи: *Къ моей Л. В—нѣ*, которое было напечатано въ Амфіонѣ, въ 1815 году. Въ семействѣ онъ былъ самымъ нѣжнымъ супругомъ и отцомъ. Въ часы, свободные отъ занятій, ребячился, игралъ и веселился съ дѣтьми, самъ превращаясь въ простодушнаго ребенка.

Въ семействѣ сохранился его портретъ, хотя писанный грубою живописью, но замѣчательный по сходству. Съ него есть гравюра, сдѣланная Фроловымъ. Еще съ мертваго, заботою М. П. Погодина, снята была маска славнымъ ваятелемъ Витали и по ней исполненъ бюстъ, отличающійся и сходствомъ и мастерствомъ художественнаго исполненія. Древняя тога, накинутая на плечо, выражаетъ мысль оратора и поэта, устремлявшую его въ міръ древній. Въ волосахъ, не прибранныхъ по сельски, замѣтенъ характеръ Русскаго селянина, напоминающій и пѣсню Мерзлякова, и его происхожденіе.

Мерзляковъ былъ мущина не высокаго роста, широкоплечій и плотный; грудь имѣлъ широкую, голову большую. Волосы на ней были обстрижены почти въ кружало. Изъ подъ густыхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ свѣтились сѣрые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклыя, ротъ широкій; нижняя губа нѣсколько выдавалась, особливо во время чтенія. Органъ голоса его былъ густъ, громокъ, но не совсѣмъ явственъ. Стихи читалъ онъ нараспѣвъ, иногда усиливая, иногда умягчая звуки голоса. Въ молодыхъ лѣтахъ бывалъ онъ душою бесѣды товарищей. Мы же видали его уже почетнымъ гостемъ на большихъ обѣдахъ, ораторомъ за столомъ и въ гостиной, котораго какъ авторитетъ, собесѣдники слушали съ уваженіемъ. Душа его была простая, незлобивая, мягкосердечная, но пылкая. Зла, конечно, онъ никогда никому въ жизни не сдѣлалъ, и только удалялся отъ тѣхъ, которые его замышляли. Студенты его любили, и какъ Профессора, и какъ человѣка, потому что онъ входилъ въ ихъ нужды — и самъ, будучи воспитанъ нуждою, понималъ и уважалъ бѣдность, какъ возбудительницу дарованія.

Повѣрь, Діафанъ, мнѣ — лишь бѣдность раждаетъ искусство;
Вина трудолюбья, лишь бѣдность — прямой нашъ учитель!

Эти стихи, Мерзляковымъ переведенные изъ Өеокрита, вылились какъ будто изъ собственной души его и истиною своею отзывались въ душѣ и въ силѣ труда не одного любознательнаго юноши.

Нравственный образъ Мерзлякова мы заключимъ его словами въ прозѣ и въ стихахъ, въ которыхъ выражаются любимыя его мысли. Слова въ прозѣ взяты изъ бесѣды, переданной его ученикомъ и младшимъ товарищемъ въ Дневникѣ Студента.

«Десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души, подхватилъ Мерзляковъ: всѣ умны *по своему*. — Я желалъ бы быть умнымъ *по вашему*, сказалъ Өедоръ Павловичь, и какъ бы я былъ счастливъ! — За доброе слово спасибо, Ө. П., мы старые пріятели: но предположеніе твое ошибочно. — Какъ ошибочно? а талантъ, а слава? — Твое восклицаніе годилось бы въ заказную рѣчь для пансіонскаго акта, а за пріятельскимъ ужиномъ оно не у мѣста; талантъ, любезный, не проложитъ пути къ счастію, а славу надобно выстрадать. — Не всегда, Алексѣй Өедоровичь, возразилъ дотолѣ молчавшій, скромный Василій Ивановичь,—не всегда: большею частію талантъ сопровождается общимъ уваженіемъ, и рано или поздно зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться передъ нимъ. — А до тѣхъ поръ, почтеннѣйшій отче, можно десять разъ умереть съ голоду; но впрочемъ, говоря о счастьѣ, я понималъ его такъ, какъ привыкли понимать его въ свѣтѣ, и повторяю, что счастіе и талантъ — несогласимыя противорѣчія; дѣло другое въ отношеніи духовномъ, и я постигаю, что настоящее счастіе состоитъ въ одномъ только исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, какихъ бы оно самопожертвованій ни требовало. — Но другаго счастія на землѣ и нѣтъ, любезнѣйшій Алексѣй Өедоровичь; все прочее, что̀ называютъ счастіемъ, есть не что иное, какъ только удовлетвореніе страстей. — Согласенъ, Василій Ивановичь, очень согласенъ съ вами; но для того, чтобы находить счастіе въ самопожертвованіи, надобно возродиться духовно, а покамѣстъ мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни, и безъ нихъ она будетъ безвкусна.»

Другія слова, живописующія внутренній образъ Мерзлякова, мы заимствуемъ изъ его стихотворенія: *къ Несчастію* (В. Евр. 1806. № 5.). Это строфы вторая и послѣдняя.

Когда судилъ Творецъ вселенны
Къ намъ добродѣтель ниспослать,
Тебѣ сей плодъ небесъ священный,
Тебѣ велѣлъ Онъ воспитать, —
Облечь духъ — въ крѣпость, сердце — въ нѣжность!....
Учитель грозный!.... горесть, бѣдность
Назначилъ ты друзьями къ ней; —
Ей пища — слезы, долгъ — терпѣнье;
Ты рекъ ей: часть твоя — смиренье:
Знавъ скорбь, о всѣхъ скорбѣть умѣй!

—

Явись, какъ Ангелъ умиленный,
И миръ небесной возвѣсти!
Терпѣньемъ, мудростью священной
Мое ты сердце освяти;
Влей въ чашу золъ мнѣ утѣшенье,
Возжги во мнѣ къ добру стремленье,
Учи любить, прощать въ свой вѣкъ;
Да о другихъ всегда болѣю;
Смирюсь въ душѣ — уразумѣю,
Что я такой же человѣкъ.

МИЛЬГАУЗЕНЪ, Ѳедоръ Богдановичь, Адъюнктъ по каѳедрѣ Законовъ о финансахъ, родился въ 1820 году, въ Москвѣ. Отецъ его, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Богданъ Карловичь Мильгаузенъ, находился слишкомъ сорокъ лѣтъ на государственной службѣ; онъ занималъ сначала каѳедру Сравнительной Анатоміи и Физіологіи въ Московской Медико-Хирургической Академіи, потомъ былъ Главнымъ Докторомъ при Странноприимномъ Домѣ Графа Шереметева. Первое свое воспитаніе Ѳедоръ Богдановичь получилъ въ домѣ родителей, а на девятомъ году поступилъ въ одинъ изъ Московскихъ частныхъ пансіоновъ, гдѣ и оставался около шести лѣтъ. Посвятивъ еще одинъ годъ на окончательное приготовленіе

къ Университетскому экзамену, онъ поступилъ, въ 1836 году, въ Московскій Университетъ, въ Филологическое отдѣленіе, но черезъ нѣсколько времени перешелъ на Юридическій Факультетъ. При выпускѣ, въ 1840 г., онъ былъ удостоенъ степени Кандидата. Желая посвятить себя ученой службѣ, онъ выдержалъ въ 1842 году испытаніе на степень Магистра, а въ слѣдующемъ 1843 г. былъ посланъ на счетъ Университета за границу для усовершенствованія себя въ Юридическихъ наукахъ и для приготовленія къ занятію каѳедры Законовъ о повинностяхъ и финансахъ государственныхъ. За границею Мильгаузенъ, согласно данной ему инструкціи, провелъ первый годъ въ Германіи (преимущественно въ Берлинѣ), второй во Франціи, третій въ Англіи, вакаціонные же мѣсяцы употреблялъ для поѣздокъ въ Белгію, Голландію, Швейцарію и Италію. Въ Берлинскомъ Университетѣ онъ посѣщалъ лекціи всѣхъ Профессоровъ, извѣстныхъ въ Германіи своими заслугами въ области Политической Экономіи и Науки Финансовъ, не теряя впрочемъ изъ вида собственно Юридическихъ наукъ, особенно Государственнаго Права. Въ Парижѣ онъ слушалъ въ Collège de France и Conservatoire des Arts et Métiers знаменитыхъ Французскихъ Политико-Экономовъ Мишеля Шевалье, Бланки и Карла Дюпеня, извѣстнаго своими статистическими трудами; что же касается до Англіи, то онъ не ограничился пребываніемъ въ Лондонѣ, гдѣ Британскій Музей представляетъ богатые матеріалы для ученыхъ занятій, но объѣхалъ также сѣверныя графства, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивается мануфактурная промышленность Англіи. — По возвращеніи въ Россію послѣ трехлѣтняго отсутствія, Мильгаузенъ занялъ въ Московскомъ Университетѣ каѳедру Законовъ о повинностяхъ и Финансахъ, которая въ это самое время сдѣлалась праздною. Онъ преподаетъ эту науку четвертому курсу Юридическаго Факультета, по шести часовъ въ недѣлю. Обращая главное вниманіе на дѣйствующее Русское законодательство и историческое развитіе его, онъ удѣляетъ однако же нѣкоторое мѣсто въ своихъ лекціяхъ самой теоріи финансовъ, которая необходима для уясненія предмета слушателямъ.

МЛОДЗІЕВСКІЙ, Корнелій Яковлевичъ, Адъюнктъ при Терапевтическомъ Отдѣленіи Факультетокой Клиники, Докторъ Медицины, Надворный Совѣтникъ, родился Подольской губерніи Брацлавскаго уѣзда въ городѣ Тульчинѣ, въ 1818 году, отъ родителей дворянъ. — Первоначальное образованіе получилъ Подольской губерніи въ Винницкой Гимназіи, гдѣ, въ 1837 году, окончилъ курсъ ученія, съ правомъ на чинъ 14-го класса и золотою медалью. — Высшее (спеціально-медицинское) образованіе получилъ сначала въ Императорской Виленской Медико-Хирургической Академіи (первые два курса), а потомъ (послѣдніе 3 курса) въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, гдѣ и удостоенъ въ 1843 году званія Лѣкаря 1-й степени. — По окончаніи курса наукъ въ Университетѣ, опредѣленъ при Терапевтической Клиникѣ Ординаторомъ, потомъ переименованъ въ Ассистенты, и эту должность исполнялъ въ продолженіе 5 лѣтъ (съ 1843—1848).— Во время холерной эпидеміи 1847—48 года, по званію Ассистента Терапевтической Клиники, занимался въ холерномъ отдѣленіи Клиники лѣченіемъ больныхъ, одержимыхъ эпидемическою болѣзнію.—Въ 1848 году удостоенъ степени Доктора Медицины, по защищеніи диссертаціи: *о желтухѣ* (de ictero). Въ 1848 году опредѣленъ Адъюнктомъ Университета по каѳедрѣ Терапевтической Факультетской Клиники. — Въ 1850 году, въ воздаяніе отлично-ревностной службы и особыхъ трудовъ при лѣченіи холерныхъ больныхъ, объявлена ему съ Высочайшаго соизволенія признательность Начальства.—Въ 1853 году произведенъ въ Надворные Совѣтники.— Какъ Помощникъ Директора Терапевтической Клиники, пользовалъ больныхъ, одержимыхъ холерою, находившихся въ холерномъ отдѣленіи Клиники въ весеннюю холерную эпидемію 1853 года.—Въ семъ же году, съ Высочайшаго разрѣшенія, уволенъ былъ въ отпускъ за границу (въ Германію и Францію) на четыре лѣтніе мѣсяца, для осмотра тамошнихъ медицинскихъ и преимущественно больничныхъ заведеній.

МОНАСТЬЕ, Петръ Людовикъ Антонъ, второй Лекторъ Французскаго языка въ Физико-Математическомъ Факультетѣ,

родился 23-го Апрѣля (н. с.) 1808 г. въ Лозаннѣ. Отецъ его, Иванъ Монастье, родомъ изъ Піемонта, Протестантъ по исповѣданію, былъ въ военной службѣ и, прослуживъ подъ знаменами своего Короля въ Италіянскихъ походахъ, удалился въ Швейцарію послѣ присоединенія Піемонта къ Франціи, въ 1798 г. Антонъ Монастье получилъ первоначальное образованіе въ домѣ и подъ руководствомъ своего дяди (по отцѣ) и крестнаго отца, Антона Монастье, Пастора Евангелической церкви и Профессора Греческаго и Латинскаго языковъ въ Лозанской Коллегіи. Послѣ того онъ поступилъ въ Коллегію, гдѣ и занимался преимущественно изученіемъ языковъ и Исторіи.— По окончаніи курса словесныхъ наукъ, онъ оставилъ родительскій домъ и отправился въ Нѣмецкую Швейцарію, гдѣ познакомился съ знаменитымъ Тоблеромъ, который былъ другомъ и товарищемъ безсмертнаго Песталоцци. Знаменитому педагогу и писателю легко было убѣдить его остаться въ Сентъ-Галлѣ, и онъ остался тамъ не столько для того, чтобы преподавать Французскій языкъ въ пансіонѣ Тоблера, сколько для своего усовершенствованія подъ его надзоромъ и руководствомъ въ наукѣ преподаванія и въ трудномъ искусствѣ воспитанія юношества.—Пробывъ два года въ заведеніи Тоблера, онъ отправился въ Россію и пріѣхалъ въ С. Петербургъ въ 1830 году, съ намѣреніемъ посвятить себя домашнему воспитанію. Скоро судьба привела его во внутреннія губерніи, гдѣ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, посвящая досуги литературнымъ занятіямъ. Въ 1834 г., во время краткаго пребыванія своего въ Москвѣ, онъ издалъ сначала небольшую поэму: *La Colonne Alexandrine*, потомъ собраніе стихотвореній подъ названіемъ: *Loisirs Champêtres*, плодъ своихъ деревенскихъ досуговъ.

Но женившись въ 1836 г., и чувствуя необходимость доставить своему семейству постоянное мѣсто жительства, онъ получилъ въ 1843 г. мѣсто учителя Французскаго языка въ Калужской Гимназіи. Тогда предметъ его занятій измѣнился: замѣтивъ ощутительный недостатокъ въ учебныхъ книгахъ для Французскаго языка и ошибки вкоренившейся съ годами рутины, онъ рѣшился испытать свои силы на этомъ поприщѣ. Тогда-то особенно послужили ему въ пользу впечатлѣнія педагогическихъ его занятій въ заведеніи Тоблера. Бывъ пере-

мѣщенъ въ Москву, сначала въ 3-й Гимназіи и вскорѣ потомъ въ Дворянскомъ Институтѣ, онъ въ теченіи трехъ лѣтъ убѣдился опытомъ въ успѣхѣ своей методы и рѣшился издать, въ 1846 г., первую часть своего: *Легкаго способа для изученія Французскаго языка* (Simple Méthode questionnaire pour apprendre le francais). Вторая часть этого сочиненія вышла въ 1848 г., и второе изданіе, въ 2500 экз. (1851), которое почти все разошлось (въ Декабрѣ 1851 г.), вознаградило уже труды автора, а опредѣленіе его въ Московскій Университетъ, въ званіи Лектора (въ Январѣ 1849), послужило новымъ для него поощреніемъ. Преподавая Француз. языкъ Студентамъ, Монастье имѣлъ двоякую цѣль: 1) упрочить практическое знаніе языка въ тѣхъ своихъ слушателяхъ, которые менѣе знакомы съ Французскимъ языкомъ, посредствомъ упражненій въ разговорѣ, переводовъ съ Русскаго, изустныхъ и письменныхъ; 2) сообщить слушателямъ болѣе свѣдущимъ познаніе о Французскихъ классическихъ писателяхъ посредствомъ краткаго курса исторіи литературы и усовершенствовать ихъ въ сочиненіяхъ на этомъ языкѣ, посредствомъ письменныхъ упражненій. Монастье выбылъ изъ Университета за границу, въ свое отечество, по собственному желанію, въ 1851 году.

МОРОШКИНЪ, Θедоръ Лукичь, Ординарный Профессоръ Гражданскихъ Законовъ, Статскій Совѣтникъ, родился въ 1804 году, Тверской губерніи Калязинскаго уѣзда въ селѣ Васисинѣ, лежащемъ на правомъ берегу Волги, по теченію въ шести верстахъ отъ Калязина, отъ родителей духовнаго званія. Берега Волги, изобильныя впечатлѣніями природы, занятіями рыболововъ, древними преданіями, переходящими изъ устъ въ уста, были колыбелью и первоначальною школою въ ребячествѣ его до семи лѣтъ. Онъ родился не въ богатствѣ и не въ бѣдности, и потому родителямъ его легче было передать ему любовь къ труду и желаніе искать чего нибудь лучшаго. Отецъ его священникъ, Лука Андреевичь, бывшій нѣкогда учителемъ Латинскаго языка, предназначая сына къ духовному званію, предполагалъ сперва дать ему полное первоначальное образованіе дома, подъ своимъ надзоромъ; но, потомъ, недосуги по службѣ и домашнимъ дѣламъ заставили его отдать сына для образованія въ Кашинское училище. —

Здѣсь на зарѣ учебной жизни онъ встрѣтилъ великое событіе отечества, 1812 годъ. Эти впечатлѣнія нравственно были еще сильнѣе первыхъ впечатлѣній Волжскихъ. Въ Іюлѣ 1812 года началось великое движеніе Русскаго народа.—Въ концѣ Августа и въ началѣ Сентября каждый день встрѣчали плѣнныхъ Наполеоновыхъ гренадеръ въ медвѣжьихъ шапкахъ, съ страшными лицами. На поле крови и чести шли сыны Россіи спасать престолъ, Царя и Вѣру, съ лицами, выражающими глубокую скорбь, мужество и самоотверженіе. Гренадеры, гусары, козаки, ополченія сѣверной земли, съ знаменіемъ креста на шапкахъ, проходили мимо селъ, денно и нощно. Духовенство молилось; купцы у запертыхъ лавокъ слушали страшныя вѣсти изъ Смоленска, Бородина и Москвы. Поселяне тянули безконечные военные обозы, или съ дрекольемъ провожали партіи плѣнныхъ Французовъ. При въѣздѣ въ каждое селеніе ночною порою слышны были оклики деревенскаго рунда: «кто идетъ? говори, убью»! — Мальчишки всю ночь били въ сковороды и въ разбитые чугуны. Каждый шорохъ грозилъ приближеніемъ Бонапарта. Въ это страшное время Музамъ было не до наукъ и искусствъ, школьникамъ не до ученья. Всё дышало войною; повсюду пахло порохомъ. Императоръ возвѣстилъ Манифестомъ, что отечество въ опасности: всё пылало гнѣвомъ, мщеніемъ. Народъ былъ такъ раздраженъ, что, еслибъ Императору Александру угодно было покорить весь шаръ земной, то этотъ подвигъ въ тѣ времена показался бы дѣломъ очень возможнымъ.

Въ это время, нѣкогда было мечтать о духовномъ званіи. Юноши и старцы стремились стать подъ знамя креста и Россіи; мальчикамъ нравились мундиры, громъ барабановъ, строй и движеніе войскъ. Все становилось въ военное положеніе, — и осьмилѣтнему школьнику запала мысль сдѣлаться солдатомъ, офицеромъ и такъ далѣе. Впослѣдствіи было неудобно осуществить это желаніе; призваніе оказалось другое, когда наступило время, и на одинадцатомъ году возраста М. составилъ планъ сдѣлаться учителемъ. Въ это время за исключеніемъ Генераловъ и Архіерея, онъ ничего не зналъ выше учителя. Съ такими мыслями онъ перешелъ въ Тверскую Семинарію для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ.

Здѣсь рѣшительно полюбилъ науки, а въ напутствіе жизни принялъ спасительное ученіе о Богѣ. Слава Московскаго Университета гремѣла во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Въ Сентябрѣ 1823 года, безъ компаса и [illegible], съ капиталомъ изъ шестнадцати рублей ассигнаціями, онъ отправился въ Московскій Университетъ искать просвѣщенія, и вступилъ въ это святилище наукъ своекоштнымъ Студентомъ, съ чистою вѣрою въ право труда и таланта. Сколько ни склоняли его Тверитяне—докторанты вступить въ Медицинскій Факультетъ, но онъ никакъ не рѣшился на это: ему всегда нравился человѣкъ живой и здоровый, а не мертвый и не хворый. Къ Математическому Факультету онъ имѣлъ сильную наклонность; но мысль, что этотъ Факультетъ требуетъ геніальныхъ способностей, остановила его, и онъ, послѣ долгаго размышленія, рѣшился вступить въ Факультетъ Этико-Политическій, который, казалось ему, для всѣхъ степеней разумѣнія давалъ приличныя мѣста и открывалъ службу.

Въ то время Студенту предоставлена была свобода самому назначать себѣ Профессоровъ къ слушанію: раздѣленія на курсы не было. Однакожъ Ректоръ, А. А. Антонскій, по своему усмотрѣнію, вычеркивалъ или вставлялъ Профессоровъ въ табеляхъ Студентовъ. Морошкину выпалъ жребій на первый годъ слушать Профессоровъ: Сандунова, Цвѣтаева, Христіана Шлецера, Василевскаго, Малова, Каченовскаго, Мерзлякова, Давыдова и Гаврилова.

Сильно врѣзалось въ памяти его первое впечатлѣніе, произведенное на него Московскимъ Университетомъ. Лекціи были уже къ концу Сентября; а въ это время, обыкновенно, Профессоры, оживленные вакаціею и встрѣчая новыхъ слушателей, бывали восторженнѣе и краснорѣчивѣе. Первая лекція была Мерзлякова, а содержаніе ея критическій разборъ оды Державина: *Богъ*. Чистосердечно говоря, онъ отроду не слыхалъ такой величественной декламаціи и такого могущественнаго дара импровизировать. Голосъ у Мерзлякова былъ теноръ-басъ, глуховатый, гибкій и благородно-унылый; искусство управлять голосомъ было чрезвычайное. Этотъ голосъ произвелъ на слушателя дѣйствіе, подобное раскатамъ грома, теряющагося въ горизонтѣ. Всѣ сочиненія Мерзлякова

ничего не значатъ въ сравненіи съ его живою, изустною рѣчью. Вдохновеніе было выше теоріи Эшенбурга и Баттё. Ораторъ выходилъ изъ аудиторіи, сопровождаемый единодушнымъ сознаніемъ слушателей: какой прекрасный человѣкъ, какая чистая душа Алексѣй Θедоровичь!

Надобно было идти на лекцію къ Сандунову. Слыхалъ объ немъ М., что онъ Профессоръ крутаго ума и сердитаго нрава. На первый разъ пришелъ поздно; лекція уже давно началась: по этому онъ сталъ у щелочки дверей, чтобъ выбрать благопріятнѣйшую минуту для входа въ аудиторію; по голосу Профессора, который раздавался рѣзко и громко, представлялось, что Сандуновъ, до потолка ростомъ и съ большими огненными глазами. Старый Студентъ, подобно ему опоздавшій, смѣло отворилъ дверь, и, безъ приглашенія, провелъ его на амфитеатръ аудиторіи. Тутъ онъ увидѣлъ за профессорскимъ столомъ едва замѣтную фигуру, въ гладкомъ парикѣ, съ потухшими, но строгими глазами. Дисциплина аудиторіи была поразительна. Студенты едва переводили духъ: Профессоръ былъ сердитъ. Лекція была практическая, и, кажется, о развозкѣ соли и о порядкѣ аппеляціоннаго производства дѣлъ. Сандуновъ дѣлалъ вопросы Студентамъ, и, какъ щеголеватые юноши передней лавки не понимали вопросовъ, то онъ поражалъ ихъ безпощадно стрѣлами своего художественнаго злорѣчія. За симъ вопросы предлагались старымъ Студентамъ и Кандидатамъ. Отвѣты были удовлетворительны; Сандуновъ сильно ударялъ по столу табакеркой, и съ обыкновенною своею львиною улыбкою говорилъ: «дѣло;» а щеголеватымъ юношамъ замѣчалъ тоже съ особенной улыбкой: «Вы Еруславны Лазаревичи. Гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало. — Передъ карназинный, а задъ крашенинный, — далѣе.»

Цвѣтаевъ пользовался отличнымъ уваженіемъ у Профессоровъ и Студентовъ, былъ систематически ученъ, и, хотя имѣлъ направленіе Французской школы начала XIX столѣтія, однакожъ понималъ и оцѣнивалъ Нѣмецкое историческое направленіе Юриспруденціи. Онъ болѣе всѣхъ развилъ въ Студентахъ потребность въ систематическомъ сводѣ законовъ и, въ Московскомъ Университетѣ, былъ первымъ поклонникомъ сего исполинскаго труда, по его обнародованіи. Профессор-

ское направленіе Цвѣтаева было совершенно противуположно направленію Сандунова. Цвѣтаевъ былъ почитателемъ науки, Сандуновъ здраваго смысла, или, говоря его словами, *природной смекалки.*

Въ Словесномъ Факультетѣ, сверхъ каѳедры Мерзлякова, въ то время рѣзко выступали впередъ каѳедры Каченовскаго и Давыдова. — Съ перваго раза Давыдовъ поражалъ умозрительною отвлеченностію своего ученія, живымъ сознаніемъ суеты однихъ фактическихъ познаній, стремленіемъ къ выспреннимъ началамъ вѣдѣнія.—Морошкину нравился въ немъ даръ слова, сильный ораторскій голосъ и атлетическій жестъ, при его отличной декламаціи. Профессоръ Каченовскій, въ противуположность Давыдову, стремился къ частностямъ науки. Занимательность его лекцій заключалась не столько въ рѣзкихъ положеніяхъ науки, сколько въ самомъ процессѣ мышленія, въ его критико-историческихъ пріемахъ, которые поражали слушателей своею необыкновенною наивностію, чуждой впрочемъ всего грубаго, неклассическаго.

Въ теченіе перваго академическаго года, казалось, онъ успѣлъ ознакомиться съ духомъ и составомъ Московскаго Университета. Студенты были крайне неровны въ степеняхъ познаній. Одни были вовсе невинны предъ зерцаломъ науки, а другіе годились въ помощники Профессорамъ. Тогда Университетъ заманивалъ въ Студенты; а впрочемъ были и такіе мужи, которые учились по 8-ми лѣтъ, знали много, и не хотѣли подвергаться испытанію. Жизнь студенческая казалась восхитительною. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи въ Университетъ, Студента со всѣхъ сторонъ охватила нужда, нужда великая.—Не было ни хлѣба, ни даже крѣпкихъ сапогъ. Никто изъ Студентовъ, однако, не позволялъ себѣ улыбнуться надъ признакомъ бѣдности; напротивъ, всѣ заботились о томъ, какъ бы помочь товарищу. И М. былъ тогда не единственный въ своемъ родѣ. Многіе своекоштные Студенты имѣли одну шинель и одинъ праздничный фракъ на пятерыхъ.

Мерзляковъ восхищалъ Студента, Цвѣтаевъ просвѣщалъ его; но настоящее юридическое его образованіе началось съ того времени, какъ попалась ему въ руки книга Монтескьё: «О духѣ законовъ.» Это твореніе разомъ освѣтило для него

всѣ области Юриспруденціи и двинуло его къ новой учебной дѣятельности. Монтескьё, этотъ гигантъ мысли въ эмпирическомъ XVIII вѣкѣ, первый возбудилъ въ немъ мысль и желаніе сдѣлаться Профессоромъ. — Ему казалось блаженнѣе всего парить мыслію надъ протекшими тысящелѣтіями и вѣками всемірной исторіи, судить народы судомъ вѣчной правды и успокоиваться въ вѣрованіи, что всѣ народы живутъ, движутся и преходятъ по непреложнымъ законамъ Творца вселенной. Книга великая!.... Въ немъ пробудилась жажда къ чтенію.—Онъ пресыщался книгами юридическаго содержанія. Чтеніе Нѣмецкой юридической литературы познакомило его съ Оберъ-Прокуроромъ, Докторомъ Правъ, Павломъ Ивановичемъ Дегаемъ, который еще болѣе расширилъ область его юридическаго чтенія. Онъ познакомилъ Морошкина съ современными писателями Французской юридической школы, и въ личныхъ бесѣдахъ сообщалъ ему свои теоретическіе взгляды на Русское Законодательство. По сему предмету, до изданія Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи, въ особенности занимало его чтеніе законовъ, собранныхъ П. В. Хавскимъ. Здѣсь онъ совершенно ознакомился съ особенностями указнаго Русскаго штиля. Между тѣмъ ему казалось недостаточнымъ современное Русское юридическое образованіе. Будучи еще Студентомъ, онъ былъ убѣжденъ, что, безъ предварительнаго изученія Исторіи философскихъ системъ, невозможно Русскому Юристу возвести Русское Законовѣдѣніе на степень науки; и потому, приготовляясь къ Профессорскому званію, онъ посвятилъ много времени на изученіе Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и другихъ классическихъ Философовъ древности. Въ этомъ много содѣйствовалъ ему Московскій Эллинистъ, В. И. Оболенскій. Высочайшее исскуство Платона, Аристотеля и Демосѳена въ расположеніи и изложеніи мыслей представлялось ему недоступнымъ для подражанія. Ему казалось, что кто не читалъ этихъ великихъ творцовъ, тотъ не имѣетъ понятія ни объ Логикѣ, ни о краснорѣчіи. — Въ изученіи философскихъ системъ среднихъ и новыхъ вѣковъ онъ руководствовался сочиненіями Теннемана, Буле и Кузеня; а въ пониманіи туманныхъ системъ Канта, Шеллинга и Гегеля, бесѣдами Профессоровъ: Павлова, Дядьков-

скаго и Надеждина, которые были столько сильны въ Философіи, что могли критически смотрѣть на положенія сихъ мыслителей. Впрочемъ М. старался понять ученіе сихъ корифеевъ современной Европейской Философіи собственно не для содержанія, а для методы научной архитектоники. Нельзя отказать имъ въ достоинствѣ великихъ гимназіарховъ Европейскаго мышленія. Догматическій же взглядъ на Философію онъ старался почерпать изъ лекцій знаменитыхъ философовъ Троицкой Сергіевой Лавры. Эти философскія занятія убѣдили Морошкина, что онъ не рожденъ для чистой Философіи. Онъ не могъ держаться долго въ области чистаго мышленія, къ которому столь способны древніе Греки и нынѣшніе Нѣмцы. А впрочемъ онъ объ этомъ и не сокрушался: ибо хотѣлъ быть юристомъ историческаго направленія, а не чистымъ мыслителемъ, и это избраніе не было дѣломъ произвола, а слѣдствіемъ данной ему отъ природы конструкціи ума. Слѣдственно отъ чистыхъ Философовъ ему надобно было перейти къ Философамъ-историкамъ и юристамъ. Макіавелли казался ему великъ Римскою силою и изобразительностію мысли. Въ Гердерѣ Нѣмецкій умъ и воображеніе выразились существеннѣйшимъ образомъ. Это—великая, не сформировавшаяся, неотвердѣвшая планета, въ безмѣрномъ пространствѣ небесъ плавающая. Какъ бы въ дополненіе, или лучше, въ отвержденіе системы Нѣмецкаго мышленія, Италіянская земля произвела на свѣтъ Жанъ-Батиста Вико, великаго мыслителя, Философа-историка и Филолога XVIII вѣка. Онъ напоминаетъ собою Платона, переведеннаго на дидактическій языкъ Европейскихъ ученій. Всѣ сіи писатели, вмѣстѣ взятые, основали въ Морошкинѣ свойственныя его личности формы и категоріи юридическаго мышленія. Разумѣется, здѣсь упомянуто о писателяхъ, которые произвели на него вліяніе: всѣ же прочіе служили ему, или для развитія означенныхъ системъ, или просто отрицательными показателями философско-юридическихъ истинъ.

Призваніе къ Профессорству было въ Морошкинѣ сознано Профессорами и Начальствомъ Московскаго Университета, съ свойственною имъ снисходительностію. Попечитель Московскаго Университета, А. А. Писаревъ, сдѣлавшій ему много

добра, приглашалъ его въ Профессорскій Институтъ для дальнѣйшаго образованія за границею; но М. отказался отъ этой чести, изъ особенной привязанности къ Москвѣ и къ Московскому Университету. Вскорѣ за тѣмъ онъ подвергался испытанію на степень Магистра, и на Магистерскомъ диспутѣ (1833 г.) имѣлъ честь отвѣчать на возраженія Господина Товарища Министра Н. П. Сергія Семеновича Уварова. Этотъ знаменитый Государственный мужъ и Европейскій ученый — повторилъ Морошкину приглашеніе Попечителя Писарева — ѣхать за границу для дальнѣйшаго образованія въ Юриспруденціи. Но и на этотъ разъ приглашеніе не имѣло послѣдствій. Къ счастію Морошкина, въ 1832 году, Московскій Университетъ публиковалъ программу задачѣ для желающихъ занять каѳедру правъ знатнѣйшихъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ. Сочиненіе, по сему предмету имъ представленное, было одобрено Совѣтомъ, и дана ему каѳедра съ званіемъ Адъюнктъ-Профессора. Въ слѣдствіе воззрѣнія на предметъ, образовавшагося изъ чтенія Философовъ-Юристовъ, Морошкинъ предположилъ дать наукѣ своей форму Исторіи законодательствъ, обращая преимущественное вниманіе на Римское Право, которое время отъ времени увлекало его все далѣе и далѣе въ глубину Римскаго юридическаго мышленія. Въ самое время такого историко-юридическаго направленія въ М-нѣ, 1835 г. обнародованъ былъ новый Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ. Въ слѣдствіе совершеннаго преобразованія юридическихъ каѳедръ по новому Уставу, Попечитель Университета Графъ С. Г. Строгановъ, вмѣсто каѳедры правъ знатнѣйшихъ народовъ, поручилъ ему каѳедру Россійскихъ Гражданскихъ законовъ общихъ, особенныхъ и мѣстныхъ, которую онъ съ тѣхъ поръ и занимаетъ. Къ счастію юристовъ, Правительство въ это время уже обнародовало Полное Собраніе законовъ и Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Дѣло наукотворенія сдѣлалось возможнымъ. Къ сему же сильно содѣйствовали правительственныя и частныя изданія памятниковъ Русской Исторіи вообще и Законодательства въ особенности. Профессорамъ Русскаго Права недоставало одной практики: по этому согласились они просить Попечителя Графа С. Г. Строганова, чтобъ онъ исходата-

тайствовалъ имъ право заниматься дѣлами въ Правительствующемъ Сенатѣ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ. Графъ Строгановъ дѣйствительно ходатайствовалъ; но предположеніе оказалось неудобоисполнимымъ. Надобно было отъискать другое средство, чтобы познакомиться съ практикой. Самымъ лучшимъ средствомъ представилась печатная Сенатская докладная записка. Прочитавъ великое собраніе сихъ записокъ, Профессоръ удостовѣрился, что истинный руководитель правосудія для Губернскихъ мѣстъ есть юстиція Правительствующаго Сената и что Губернскія мѣста состоятъ подъ такимъ же вліяніемъ Сената, подъ какимъ находятся Гимназіи у Русскихъ Университетовъ. Записки содержатъ множество казусовъ, или совсѣмъ неразрѣшенныхъ Сводомъ, или разрѣшенныхъ, но непрямо и неясно. Юриспруденція Сената превосходна: она отлично уясняетъ Сводъ Законовъ, и даже развиваетъ его; но жаль, что это сокровище пропадаетъ для науки и для будущихъ законодательныхъ работъ. Если возможенъ Донатъ Россійскихъ Гражданскихъ законовъ, то эта возможность осуществиться можетъ не иначе, какъ посредствомъ ученой обработки Сенатскихъ казусовъ.

Вмѣстѣ съ чисто-юридическими трудами, Морошкинъ занимался и занимается обще-историческими разысканіями, касающимися Русскаго народа. Онъ никогда не оставлялъ убѣжденія, что Нѣмецкіе историческіе критики слишкомъ обрѣзали Русскую Исторію; что Россійское государство вызвано изъ ничтожества Православною Грекокаѳолическою (Христіанскою) Вѣрою, ею поддерживалось и возвеличилось. На семъ краеугольномъ камнѣ оно можетъ утвердить свою власть надъ полвселенной. На скрижаляхъ вѣчнаго разума написано: Имперія Карла Великаго преходитъ; на Востокѣ зажглась звѣзда Святаго Владиміра. На семъ остановилось убѣжденіе и вѣрованіе Профессора. Жизнь Профессора впрочемъ не обильна дѣяніями; она есть потокъ мышленія, жизнь въ области отвлеченной, куда не проникаютъ ни перевороты, ни дрязги жизни дольней.

Онъ всегда благодаритъ Святое Провидѣніе, что оно призвало его къ жизни среди мужественнаго и славнаго Русскаго народа, — просвѣтило его Христіанскою Вѣрою и на-

укою на служеніе Церкви, Престолу и Отечеству: Онъ свидѣтельствуетъ предъ потомствомъ, что имѣлъ счастіе видѣть въ Профессорахъ Московскаго Университета просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей нашего отечества, и считаетъ счастливымъ того, кто родился для сообщества съ подобными людьми. Профессоръ никому не можетъ завидовать—жизнь и смерть красна на такихъ людяхъ.

Прохожденіе службы Морошкина, кромѣ того, что упомянуто выше, было слѣдующее:

Утвержденъ Синдикомъ Правленія, 1834 г. Января 3.—Съ утвержденія Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія поручено преподаваніе для Студентовъ 1-го курса Россійскаго Законодательства и состава судебныхъ мѣстъ, 1834 г. Марта 7.—Поручено преподаваніе для чиновниковъ, службою обязанныхъ, Права Частнаго съ приложеніемъ къ Русскому и Римскому, Уголовнаго Права и началъ Политической Экономіи, 1834 г. Мая 6-го. — За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ объявлено Его Императорскаго Величества Высочайшее благоволеніе, 1834 г. Августа 6-го. — Поручено преподаваніе Права Римскаго Студентамъ втораго и третьяго курсовъ, 1835 г. Марта 31-го.—Утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора, 1835 г. Мар. 31.— При введеніи въ дѣйствіе новаго Устава, назначенъ для преподаванія Гражданскихъ Законовъ, 1835 г. Декабря 31.— Избранъ Секретаремъ Юридическаго Факультета, 1837 г. Ноября 10.—Утвержденъ въ степени Доктора Правъ, 1837 г. Ноября 13.—Утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ, 1838 г. Ноября 18. — Произведенъ въ Надворные Совѣтники, 1838 г. Марта 29-го дня, со старшинствомъ съ 1836 г. Августа 22.—Произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники, 1841 года Февраля 28 дня, со старшинствомъ со дня узаконенной выслуги въ прежнемъ чинѣ.—Всемилостивѣйше пожалованъ, за отличіе по службѣ, Орденомъ Св. Анны 3-й степени, 1841 г Декабря 22.—Опредѣленъ въ должность Инспектора въ Институтъ Восточныхъ языковъ Гг. Лазаревыхъ, 1842 г. Августа 8.—Произведенъ въ Статскіе Совѣтники, 1844 года Ноября 17 дня, со старшинствомъ съ 1843 г. Августа 22. — Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Стани-

слава 2-й степени, 1845 г. Іюня 24.—Избранъ Членомъ Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, 1845 г. Августа 27. — Отъ должности Инспектора Института Восточныхъ языковъ уволенъ, согласно его прошенію, 1848 г. Іюня 1. — Опредѣленъ Главнымъ Смотрителемъ Московской Практической Коммерческой Академіи, 1848 г. Августа 24.—Пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени, 1848 г. Декабря 18. — Опредѣленъ Старшимъ Учителемъ Законовѣдѣнія при Институтѣ Восточныхъ языковъ Гг. Лазаревыхъ, 1849 г. Окт. 8. — Отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщ. объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность Его Сіятельства за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ, 1850 г. Августа 20.—Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, 1850 г. Августа 22.—Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Вѣдомству назначенъ Инспекторомъ Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 1852 г. Августа 2.—Сочиненія и переводы Профессора Морошкина слѣдующіе: 1) *О постепенномъ образованіи законодательствъ.* Разсужденіе для полученія степени Магистра Правъ, 1832. Москва. — 2) *Каѳолическій духъ Римскаго права.* Статья въ ученыхъ запискахъ И. М. Университета 1834 года.—3) *Исторія Россійскихъ Государственныхъ Гражданскихъ Законовъ, сочиненіе Профессора Александра Рейца.* Переводъ съ Нѣмецкаго, съ приложеніемъ литературы науки и примѣчаніями на различные предметы Исторіи Русскаго Законодательства, составленными издателемъ, 1836 г. М. — 4) *О владѣніи по началамъ Россійскаго Законодательства.* Юридическое разсужденіе, для полученія степени Доктора Правъ, 1837 г. Москва. — 5) *Рѣчь объ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи, говоренная на публичномъ актѣ* И. М. Университета 1839 года. — 6) *Рецензія на книгу подъячаго Котошихина, «Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича,»* въ журналѣ «Москвитянинъ» 1841 года. — 7) *О значеніи имени Руславъ и Семьянъ*, историко-критическая статья, въ журналѣ «Маякъ» 1841 года.

МУДРОВЪ, Матвѣй Яковлевичь, Докторъ Медицины, Ординарный Профессоръ Патологіи, Терапіи и Клиники, Дѣйствит.

Статскій Совѣтникъ и Орденовъ Св. Анны 2-й степ. съ алмазными украшеніями и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степ. кавалеръ, происходилъ изъ духовнаго званія, отъ бѣдныхъ родителей, и собственными своими дарованіями, прилежаніемъ и усердіемъ къ службѣ Государямъ возвысился до той степени почестей и славы, на которой судьбамъ угодно было на вѣки остановить его;—своими же добродѣтелями, привѣтливостію и честностію привлекъ уваженіе и любовь, которыя даже и по смерти его, до сей поры, черезъ двадцать лѣтъ, нисколько не умалились въ памяти всѣхъ, много или мало знавшихъ его лично. Онъ родился въ Вологдѣ, 1772 года, *въ канунъ кануна Благовѣщенія*, или 23 числа Марта. Родитель его, священникъ Дѣвичьяго монастыря въ городѣ, Іаковъ Іоанновичь Мудровъ, былъ, по тогдашнему времени, мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій языки древніе—Латинскій, Греческій и Еврейскій; онъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать творенія Гиппократа и Цельса; осмѣливался давать врачебные совѣты бѣднымъ людямъ, на исцѣленіе простыми средствами, и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми тамошними врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердецъ, онъ былъ вовсе не любостяжателенъ, но весь преданъ дѣламъ милосердія, всегда готовъ былъ отдать послѣднюю сорочку, послѣднюю корку хлѣба голодной, бѣдной нуждѣ. Бывало, возвращаясь отъ дѣлъ служенія домой, никакъ не умѣлъ онъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ на Вологдѣ всегда великое множество:—это прохожіе на поклоненіе къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, бѣдные, недужные и увѣчные богомольцы, чающіе Божественной помощи въ ихъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ. Раздавши все изъ своего кармана, онъ приводилъ къ себѣ домой тѣхъ, которымъ не могъ сдѣлать подаянія, и раздѣлялъ съ ними весьма неприхотливую трапезу свою. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, онъ претерпѣвалъ крайніе недостатки, такъ что въ праздничные великіе дни сплошь да рядомъ въ семействѣ его не находилось и одной горсти пшеничной муки на пирожокъ либо лепешку, а въ темное зимнее время почтеннѣйшая супруга его Надежда Ивановна должна была заниматься домашними дѣлами и рукодѣльями при свѣтѣ

лучины. Изъ четырехъ сыновей своихъ почтеннѣйшій отецъ оставилъ въ духовномъ званіи самаго старшаго Іоанна, троихъ же Алексѣя, Кира и Матвѣя, послѣдняго въ дѣтяхъ, благословилъ въ мірское званіе на службу Царскую.

Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ свое первое образованіе началъ подъ руководствомъ родителя, продолжалъ въ Духовной Семинаріи и потомъ въ Народномъ Училищѣ, тогда лишь вновь открытомъ. При великихъ нуждахъ и бѣдности, безъ средствъ пріобрѣтать учебныя книги, Семинарское ученіе для молодаго Мудрова было весьма трудно; ибо надобно было печатныя книги списывать на тетради, да и бумаги-то необходимой на то было нелегко промышлять. Вотъ какъ онъ воспоминалъ про свое дѣтство: «Когда я былъ еще мальчишкой,—почасту «на улицѣ игрывалъ съ дѣтьми городскаго переплетчика, сдру«жился съ ними, хаживалъ къ нимъ въ домъ и съ любопыт«ствомъ, бывало, смотривалъ на переплетную работу, даже и «самъ нѣсколько перенялъ изъ этого мастерства. Поступивши «въ Семинарію, началъ я порядкомъ переплетать тетради, сперва «себѣ, послѣ и товарищамъ, и до того наторѣлъ въ этомъ дѣлѣ, «что иногда помогалъ самому переплетчику. За такія послуги «мнѣ плачивали товарищи, одни бумагою писчею, а другіе и «переплетчикъ давали мнѣ малую толику деньжонокъ, которыя «въ тѣ поры были мнѣ очень дороги; я прикапливалъ ихъ на «крайнія свои надобности, особливо же на сальныя свѣчи. Вотъ, «бывало, зажгу свѣчу, сяду писать вечеромъ, а матушка и «подсядетъ ко мнѣ съ работою; я-то, бывало, и скуплюся свѣ«томъ и застѣняю ей, а она голубушка сперва покричитъ на «меня, потомъ примется упрашивать, и обѣщаетъ мнѣ испечь «при хлѣбахъ ржаную лепешку съ толченымъ конопляным «сѣменемъ, и вотъ у насъ и лады съ нею; сидимъ, бывало, «молча и дѣлаемъ каждый свое».—У тамошняго Штабъ-Лекаря Осипа Ивановича Кирдана подростали два сынка, Илья и Аполлонъ, и молодой Мудровъ былъ приглашенъ учить ихъ началамъ Русскаго и Латинскаго языковъ, за что, кромѣ весьма умѣренной платы, по рублю въ мѣсяцъ, онъ получалъ иногда и подарки, кой-какое поношенное платье съ плечей самаго Кирдана. Въ 1794 году, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ собрался въ Московскій Университетъ.—«Будь прилеженъ къ

добрымъ дѣламъ, служи Государынѣ вѣрою и правдою, и Господь Богъ не оставитъ призрѣть на тебя многощедротнымъ окомъ, такъ и будешь человѣкъ»,—сказалъ такъ ему родитель, благословляя небольшимъ мѣднымъ крестомъ, каковымъ осѣняютъ при духовныхъ службахъ и который къ сему дѣйствію уже не былъ годенъ по ветхости и особенно потому, что рукоятка была отломлена и затеряна, да подарилъ еще старую чайную фаянсовую чашку и тоже съ отшибенною ручкою; это на случай испить воды изъ ручья дорогою; и наградивъ двадцатью пятью копѣйками мѣдныхъ денегъ, примолвилъ такъ: «Вотъ другъ мой, все, что могу тебѣ удѣлить. «Ступай, учись, служи, сохраняй во всемъ порядокъ, quoniam «ordo est cardo omnium rerum; помни бѣдность и бѣдныхъ, «такъ не позабудешь насъ, отца съ матерью, и утѣшишь какъ «въ сей, такъ и въ будущей жизни.» — Такъ напутствовалъ престарѣлый добродѣтельный отецъ молодаго добраго сына, который, простившись въ послѣдній разъ съ родителями, и закинувъ за плечи кошель съ поклажей, пошелъ къ Москвѣ пѣшъ. Дорогою забрелъ проститься къ знакомому своему Кирдану, которому, при этомъ послѣднемъ свиданіи съ добрымъ учителемъ дѣтей своихъ, вспала на умъ благая мысль отослать ихъ подъ надзоромъ благонравнаго и надежнаго Мудрова въ Москву для образованія въ Гимназіи Университета. Вздумано и сдѣлано: въ тотъ же день мальчиковъ собрали въ дорогу, впрягли пару лошадей въ повозку, Мудрову подарены: шелковая пара платья, шелковые чулки, козловые башмаки съ серебряными пряжками, суконный сюртукъ, такая же шинель, треугольная пуховая шляпа и шелковый французскій, черный, съ большимъ бантомъ, кошелекъ для пучка; дано также рекомендательное и вмѣстѣ просительное письмо къ Профессору Университета Францу Францовичу Керестури, старинному съ Кирданомъ пріятелю и сослуживцу во время свирѣпствовавшей по Москвѣ заразы чумной въ 1771 году,— и къ вечеру всѣ отправлены въ путь-дорогу.—«Я считалъ себя тогда великимъ богачемъ, говорилъ Мудровъ, и явился къ Францу Францовичу щеголемъ.»—Добрый Керестури всѣхъ троихъ путешественниковъ привезъ съ собою въ Университетъ, представилъ ихъ сперва Директору Павлу Ивановичу

Фонъ-Визину, а потомъ Инспектору, Профессору Петру Ивановичу Страхову, и въ тотъ же день всѣ трое сидѣли на скамьяхъ въ классахъ Гимназіи, обѣдали въ столовой съ казенными воспитанниками и спали ночь въ казеннокоштныхъ камерахъ, на дворянской половинѣ. По тогдашнему порядку, никто не могъ поступать прямо въ Университетъ, но всякій долженъ былъ напередъ побыть въ Гимназіи опаго, дабы высказать свои способности и благонравное поведеніе, и Мудровъ былъ принятъ въ ректорскій, т. е. самый верхній классъ древнихъ языковъ; въ 1795 г. произведенъ въ званіе Студента и на публичномъ торжественномъ собраніи получилъ изъ рукъ Куратора, Михаила Матвѣевича Хераскова, шпагу. Въ 1796 году, какъ способный и благонравный Студентъ, переведенъ изъ гимназическаго ректорскаго класса въ Университетъ. Тогда онъ предался изученію врачебныхъ наукъ съ такою горячностію и прилежаніемъ, что себѣ отказывалъ даже въ самыхъ невинныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ. Вотъ что по смерти Мудрова сказывалъ товарищъ его молодости, покойный же Профессоръ Левъ Алексѣевичь Цвѣтаевъ, сынъ священника въ богатомъ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ. «Я пришелъ въ Университетъ въ одно время съ «Мудровымъ и довольно дружески сблизился съ нимъ; и вотъ «какъ-то разъ, по окончаніи лекцій, я вздумалъ было пригла«сить его къ себѣ въ домъ, къ родителю моему, отобѣдать, «но Мудровъ отвѣчалъ мнѣ на это такъ: извините, я пришелъ «сюда учиться, а не веселиться; побывавъ у васъ, я долженъ «бывать и у другихъ пріятелей, ихъ же много, то много же «придется даромъ тратить и золотаго времени.» Окончивъ курсъ теоретическихъ наукъ въ Университетѣ, Мудровъ долженъ былъ, по тогдашнимъ учрежденіямъ, окончить курсъ практическихъ занятій въ Московской Военной Госпитали, и это исполнилъ онъ съ такимъ же усердіемъ и прилежаніемъ. Онъ былъ всегда набоженъ, и никогда не пропускалъ божественной службы въ церкви Университета, почти всегда тутъ справлялъ чтеніе, напримѣръ шестопсалмія, часовъ, апостола, и читывалъ отмѣнно хорошо. Заступившій мѣсто Фонъ-Визина, новый Директоръ Иванъ Петровичь Тургеневъ, великій охотникъ самъ пѣть и читать въ церкви, и супруга его Прасковья

Семеновна, весьма богомольная барыня, полюбили Мудрова, какъ за чтеніе, такъ и за его благонравіе, соединявшееся съ благообразіемъ наружнымъ: ибо Мудровъ былъ хорошъ, даже красивъ собою, хорошаго стройнаго роста, волосы имѣлъ черные, отъ природы кудрявые, глаза большіе, черные, лицо чистое, бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ, взглядъ откровенный, благородный. На первой и на Страстной недѣляхъ Великаго поста, когда семейство Директора говѣло, постная молитвенная служба справлялась въ ихъ покояхъ, и Мудрова приглашали къ чтенію; въ это время онъ подружился со старшимъ сыномъ Директора Андреемъ Ивановичемъ, и въ цѣломъ семействѣ былъ очень обласканъ. Въ 1797 году отчаянно занемогла оспою одиннадцатилѣтняя дочь Профессора и библіотекаря въ Университетѣ Харитона Андреевича Чеботарева, Софья Харитоновна; Докторъ, пріятель и товарищъ Чеботареву, Профессоръ Университета Ѳедоръ Герасимовичь Политковскій призналъ за необходимое, для строжайшаго наблюденія болѣзни препоручить больную въ неотлучный надзоръ кому-либо изъ Студентовъ Медицинскаго Факультета, и въ этомъ случаѣ выборъ его палъ на Студента Мудрова. Оспа была сплошная и сливная, и когда назрѣла, тогда Студентъ-наблюдатель открылъ каждую оспину ланцетомъ и гноевидную матерію снялъ мокрою въ парномъ молокѣ губкою; болѣзнь протекла благополучно почти безъ примѣтныхъ слѣдовъ; обрадованный отецъ обнялъ Студента и сказалъ ему: «Ты хлопоталъ о дѣвочкѣ больной, какъ лучшій другъ нашъ, какъ родной братъ ей, такъ будь же ей, теперь твоими же попеченіями исцѣленной, женихомъ, а мнѣ роднымъ сыномъ».— Мудровъ не отказался отъ предложенія. Тургеневъ и Чеботаревъ познакомили его со многими важными лицами, каковы напримѣръ были извѣстный любитель и соревнователь русскаго просвѣщенія Николай Ивановичь Новиковъ, Сенаторъ Иванъ Владимiровичь Лопухинъ, Почтъ-Директоръ въ Москвѣ Ѳедоръ Петровичь Ключаревъ и многіе другіе. Новыя знакомства открыли ему входъ въ лучшіе Московскіе дома и образованнѣйшій кругъ, и здѣсь для него было, такъ сказать, практическое училище свѣтскаго обращенія и благоприличій. Въ 1798 году Мудровъ отъ Конференціи Университета удо-

стоенъ награды золотою медалью за лучшее рѣшеніе задачи, предложенной Студентамъ. Въ 1800 году награжденъ золотою же медалью за примѣрно-похвальное поведеніе. Въ томъ же 1800 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ лучшихъ Студентовъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, и Мудровъ въ званіи Кандидата Медицины былъ избранъ въ это путешествіе для образованія по части Хирургіи; въ первыхъ числахъ Марта 1801 года онъ выѣхалъ въ С. Петербургъ, гдѣ засталъ роднаго брата своего, чиновника Алексѣя Яковлевича Мудрова на одрѣ болѣзни, въ предсмертной тоскѣ; смерть не замедлила къ страдальцу, послѣ котораго остались дочь и младенецъ, безъ средствъ обезпеченія. Мудровъ съ письмомъ отъ Чеботарева явился къ Конференцъ-Секретарю Академіи Художествъ, Александру Ѳедоровичу Лабзину, и не только былъ принятъ и обласканъ какъ родственникъ истиннаго, лучшаго друга, но и облагодѣтельствованъ тѣмъ, что въ этомъ бездѣтномъ семействѣ приняли его сироту-племянницу на воспитаніе, какъ свою родную дочь. Какъ въ самое это время послѣдовала кончина Государя Императора Павла Петровича, и потому отъѣздъ за границу долженъ былъ пріостановиться; то Мудровъ, по желанію своему, былъ временно прикомандированъ при морской госпитали въ качествѣ ординатора, и получилъ на руки скорбутную палату. Онъ очень удивился, когда при осмотрѣ первыхъ, вновь приведенныхъ при немъ, больныхъ увидѣлъ у нѣкоторыхъ всѣ признаки воспалительной горячки, съ мѣстными страданіями, у кого въ легкихъ, у кого въ печени, а между тѣмъ на скорбныхъ листахъ, въ приводномъ покоѣ, болѣзни сіи названы просто скорбутомъ. По его соображеніямъ, слѣдовало бы положить больныхъ въ отдѣленіе съ горячками, и поспѣшнѣе умѣрить кровопусканіемъ и противовоспалительными средствами чрезмѣрное напряженіе силъ; почему и почелъ за необходимое представить это все на уваженіе Главному Доктору, который, посмотрѣвъ на больныхъ, сказалъ ему: «Да, это подлинно горячка, только не воспалительная, а скорбутная или просто скорбутъ въ самомъ первомъ своемъ приступѣ; не совѣтую употреблять противовоспалительныя средства; лучше продолжайте противоскорбутныя». Время по-

казало, что и дежурный ординаторъ по приводному покою и главный Докторъ судили вѣрно. «Подобныхъ случаевъ, говорилъ Мудровъ, я никогда не видывалъ въ Московской Военной Госпиталѣ, и вотъ былъ мнѣ первый урокъ, доказавшій, «что между изученіемъ болѣзней книжнымъ или теоретическимъ и распознаваніемъ или взглядомъ практическимъ есть «пространный промежутокъ, который успѣшно и благотворно «восполняется долговременнымъ, разсудительнымъ наблюденіемъ и долготерпѣливою и осмотрительною опытностію, что «постигается лишь собственными глазами непосредственно, и «чего заглазно нельзя ни словами пересказать, ни перомъ «описать.»—Между тѣмъ, въ 1802 году, воспослѣдовало Высочайшее Государя Императора Александра Павловича подтвержденіе дозволенію отправить за границу молодыхъ людей Университета; и всѣ назначенные Кандидаты собрались въ С.-Петербургѣ, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ предназначенный путь, въ Іюлѣ того же 1802 года. Въ Берлинѣ Мудровъ снискалъ особенную благосклонность Лейбъ-Медика и Профессора Гуфеланда. Тогда, по всей Германіи, въ Медицинск. Факультетахъ господствовала почти надъ всѣми умами Браунова система, и Гуфеландъ въ такомъ же воззрѣніи написалъ и напечаталъ тогда первый томъ своей системы практической медицины; въ томъ же духѣ преподавалъ лекціи съ каѳедры, но въ клиникѣ, при постеляхъ больныхъ, онъ же слѣдовалъ одной лишь опытности и почти вопреки своимъ лекціямъ. Мудровъ не вытерпѣлъ и спросилъ у знаменитаго Профессора, почему это онъ съ каѳедры говоритъ такъ, а при больныхъ дѣйствуетъ иначе? — Гуфеландъ отвѣчалъ: «Въ больницѣ я «обязанъ поступать, какъ велитъ мнѣ совѣсть; а на каѳедрѣ я «принужденъ говорить то, чего всѣ требуютъ; и если бы сталъ «говорить по совѣсти, то никто бы не захотѣлъ меня слушать, «и моя бы аудиторія опустѣла».—Правдивость словъ сихъ подтвердилась п едъ Мудровымъ на самомъ дѣлѣ въ Бамбергѣ, у Профессора Рёшлауба, самаго жаркаго послѣдователя Брауновой системы, у котораго аудиторія была всегда переполнена слушателями, въ числѣ коихъ были даже и почтеннѣйшіе Профессоры другихъ Университетовъ; такъ напримѣръ сидѣли тутъ съ Мудровымъ на одной лавкѣ Зибольдъ, Озіандеръ и

другіе; но въ клиникѣ Рёшлаубовой, весьма опрятной и даже нарядной, Мудровъ не видалъ ни одного больнаго: жители Бамберга и окрестностей его боялись клиники лѣченія Рёшлауба; молва народная была, что больные, какими бы легкими недугами ни были одержимы, въ этой клиникѣ почти всегда разнемогались отчаянно и умирали, потому что Рёшлаубъ при постеляхъ больныхъ дѣйствовалъ также, какъ говорилъ и на каѳедрѣ.—Въ Гёттингенѣ Мудровъ усердно учился у знаменитаго Августа Готлиба Рихтера, Директора и Профессора клиники, и пользовался его отмѣнною благосклонностію; тамъ же онъ особенно подружился съ Профессоромъ Бальдингеромъ. Въ Вѣнѣ Мудровъ преимущественно изучалъ болѣзни глазъ подъ руководствомъ Профессора Беера и пріобрѣлъ его особенное и даже самое дружеское расположеніе. Въ Парижѣ Мудровъ прожилъ четыре года, бывъ тамъ задержанъ военными обстоятельствами, и во все это время прилежно слушалъ лекціи публичныя и приватныя у именитѣйшихъ Профессоровъ Порталя, Пинеля, Бойе и другихъ. Обучая Князей Голицыныхъ Русскому языку и живя у нихъ въ домѣ, онъ всегда былъ въ кругу лучшаго Парижскаго общества, гдѣ встрѣчался и знакомился съ важными лицами тогдашней Франціи. За границею Мудровъ написалъ разсужденіе на Латинскомъ языкѣ: De spontanea placentae solutione, и прислалъ въ Совѣтъ Университета; здѣсь оно одобрено, однакоже не напечатано, и Мудровъ 1804 года, Марта 7-го числа, удостоенъ степени Доктора Медицины, а 1805 года, Августа 2-го дня, повышенъ въ званіе Экстраординарнаго Профессора. Въ 1807 году, на возвратномъ пути въ Москву, онъ былъ, по распоряженію Правительства, задержанъ въ Вильнѣ, гдѣ въ то время была расположена главная военная госпиталь всей арміи, въ которой тогда свирѣпствовала эпидемія заразительныхъ кровавыхъ поносовъ. Тутъ препоручено было ему одно изъ отдѣленій съ 1,200 больными. Мудровъ началъ свои дѣйствія съ того, что первыхъ умершихъ вскрылъ и увидѣлъ всю мокротную оболочку въ тонкихъ кишкахъ, источенную разными безобразными язвинами, которыя были не влажны и какъ будто припорошены тонкою, желтою пыльцой; судя по симъ поврежденіямъ, онъ употребилъ особый способъ лѣченія, ко-

торый по его дозволенію, обстоятельно описанъ въ разсужденіи Доктора П. Л. Страхова: De Dysenteria, dissertatio inauguralis pro gradu doctoris medicinae, Mosquae, 1821. Съ легкой руки, и даже съ перваго разу, смертность уменьшилась и вскорѣ совсѣмъ прекратилась въ его отдѣленіи, а потомъ и во всей госпитали: за этотъ подвигъ Мудровъ награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника и единовременно изъ Кабинета Императора выдачею 2,000 рублей, на что воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе 1809 года, Октября 2-го дня. Мудровъ тамъ сдружился съ Профессоромъ Виленскаго Университета, славнымъ Іосифомъ Франкомъ; тамъ же подружился и съ именитымъ литотомистомъ Пайоло, который былъ вызванъ изъ чужихъ краевъ для операціи весьма богатому Польскому помѣщику. Пайоло столько полюбилъ Мудрова, что всегда приглашалъ его бывать ассистентомъ при операціяхъ, которыя онъ въ Вильнѣ часто производилъ, и наконецъ даже показалъ ему на трупахъ всѣ подробности и тонкости своего искусства, доставившаго мастеру такую громкую славу и большое, можно сказать, огромное состояніе.

Въ Іюнѣ 1803 года, Мудровъ возвратился изъ путешествія въ Москву, прямо въ семейство заслуженнаго Профессора Чеботарева, и первымъ долгомъ поставилъ себѣ явиться къ начальникамъ своимъ, учителямъ и лучшимъ знакомымъ. И одинъ изъ прежнихъ знакомцевъ, Сенаторъ Иванъ Вл. Лопухинъ поспѣшилъ новопріѣзжаго путешественника представить лучшимъ и важнѣйшимъ особамъ Московскимъ. Тогда же началась и въ Университетѣ Профессорская дѣятельность Мудрова; отъ 17-го числа Августа того же 1808 года по 28 Іюня 1809 г., въ продолженіе академическаго курса, онъ преподавалъ (по руководству Дональда Монро: Des maladies qui s'observent dans les hôpitaux militaires) науку о Гигіенѣ и болѣзняхъ, обыкновенныхъ въ дѣйствующихъ войскахъ; а въ публичномъ торжественномъ собраніи Университета, 5 Іюля тогожъ 1809 г., произнесъ рѣчь: *О пользѣ и предметахъ военной Гигіены или науки сохранять здравіе военнослужащихъ*. Еще въ началѣ года сего, Професс. Патологіи и Терапіи и Директоръ Клиническаго Института Политковскій, за выслугою болѣе 25 лѣтъ и по разстроенному здоровью своему, просилъ объ увольненіи отъ служ-

бы. Просьба его уважена, и онъ, на основаніи Высочайше дарованной тогда утвердительной грамоты Университету, наименованъ Заслуженнымъ Профессоромъ и награжденъ полнымъ окладомъ жалованья въ пенсію; Мудровъ былъ на его мѣсто избранъ и Апрѣля 15-го числа того же года утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора и Директора Клиническаго Института. Здѣсь онъ учредилъ новый порядокъ составленію и веденію скорбныхъ листовъ, или исторій болѣзней; для образца написалъ исторіи двухъ больныхъ и собственною рукою вписалъ въ красную, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями, сафьянную книгу, назначенную имъ для исторій болѣе замѣчательныхъ болѣзней. За усердную и ревностную службу пожалованъ Орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени, 1811 года Декабря 23-го дня. Въ Сентябрѣ 1812, при нашествіи полчищъ Западныхъ народовъ, Мудровъ, тогда Деканъ врачебнаго отдѣленія, слѣдовалъ вмѣстѣ съ Ректоромъ и другими членами Университета, въ Нижній Новгородъ, гдѣ не оставлялъ подавать дѣятельную помощь больнымъ. По очищеніи Москвы отъ непріятельскихъ войскъ, Мудровъ въ 1813 году, какъ Деканъ Медицинскаго Факультета, прилагалъ особенное усердіе при возобновленіи прежней анатомической аудиторіи, для преподаванія всѣхъ вообще предметовъ Медицины, и 13 Октября собственнымъ иждивеніемъ торжественно открылъ Медицинскій Факультетъ, при чемъ произнесъ: *Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача*, которое тогда же и напечатано. Въ семъ же Октябрѣ, 8 дня, принялъ должность Ординарнаго Профессора Патологіи, Терапіи и Клиники въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ немедленно устроилъ и открылъ Клиническій Институтъ; но за нездоровьемъ и многими занятіями по службѣ Университетской испросилъ увольненіе отъ сей должности, отъ которой и уволенъ, 1817 года Ноября 8 дня, и, на основаніи положенія Комитета Господъ Министровъ, признанъ непремѣннымъ Членомъ оной Академіи. Того же Ноября 10-го числа произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. Въ 1818г., по порученію Попечителя Университета Князя Андрея Петровича Оболенскаго, составилъ два проэкта Медицинскому Институту на 100 воспитанниковъ,

и Клиническому Институту на 50 больныхъ, которые одобрены Начальствомъ и удостоены Высочайшаго утвержденія Апрѣля въ 19-й день, 1819 г., и въ тотъ же самый годъ и день Мудровъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники. Этотъ вновь-учрежденный при Университетѣ Медицинскій Институтъ и возобновленный и распространенный Клиническій Институтъ были, Сентября 25 дня 1820 года, торжественно открыты, и Мудровъ назначенъ, и 13-го числа Октября Начальствомъ утвержденъ, въ званіи Директора оныхъ Институтовъ. Но 1828 года, Августа 18-го дня, отъ Директорства надъ Медицинскимъ Институтомъ освобожденъ, оставаясь всегда Директоромъ Клиники. За особенное усердіе къ службѣ пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 класса въ 1824 году, Февраля 3-го дня, и по прошествіи 4-хъ лѣтъ, именно же Апрѣля 16 дня 1828 года, награжденъ того же ордена алмазными знаками. Пять разъ былъ избираемъ въ Деканы Медицинскаго Факультета; а именно, въ 1812, 1813, 1819, 1825 и 1828 годахъ. Кромѣ того, за свои ученые труды, былъ принятъ Членомъ въ ученыхъ обществахъ: въ Парижскихъ Академическомъ и Галваническомъ, въ Парижской Медицинской Академіи, въ Геттингенскомъ Повивальномъ, въ Московскомъ Физико-Медицинскомъ, Испытателей Природы, Исторіи и Древностей Россійскихъ и Корресподентомъ С.-Петербургскаго отдѣленія Медико-Хирургической Академіи. При вышеупомянутомъ открытіи Институтовъ Медицинскаго и Клиническаго, Матвѣй Яковлевичь сказалъ рѣчь о способѣ учить и учиться практической Медицинѣ, и въ этомъ сочиненіи своемъ онъ въ сильныхъ и даже въ рѣзкихъ чертахъ правдиво изобразилъ трудность изученія врачебной науки, тягостное бремя обязанностей добросовѣстнаго врача и вообще все то, что двадцатипятилѣтняя опытность открыла ему, прежде какъ ученику, а потомъ какъ учителю. Тутъ онъ себя показалъ прямымъ послѣдователемъ Медицины Гиппократовской, непричастнымъ никакой теоріи или системѣ. Съ начала своего профессорства онъ всегда руководствовался славнымъ сочиненіемъ знаменитаго врача-учителя Іоанна Петра Франка: De curandis hominum morbis epitome; а въ клиникѣ анализировалъ болѣзни и назначалъ порядки лѣченій по натурамъ или діатезамъ, слѣдуя сочиненію своего пріятеля Іосифа Франка: Pra-

xeos medicae universae praecepta. Но съ 1824 года нѣсколько началъ склоняться къ теоретическому воззрѣнію новой, образовавшейся во Франціи, медицины физіологической; стали ему нравиться сочиненія, въ коихъ излагалось ученіе Парижскаго Профессора Бруссе, нѣкоторымъ образомъ подходившее къ его практическимъ наблюденіямъ; вслѣдствіе чего онъ съ каѳедры началъ преподавать лекціи въ особомъ порядкѣ, и въ 1826 году напечаталъ конспектъ, подъ заглавіемъ: Nosographia physiologica ad leges et extispicia anatomiae generalis et pathologicae delineata. Мудровъ и въ клиникѣ началъ было слѣдовать тому же воззрѣнію, однако же опыты показали, что теорія Бруссе тоже, что и теорія Брауна, вывороченная наизнанку, не оправдала тѣхъ великихъ успѣховъ, которые провозглашались въ книгахъ, и нѣсколько болѣзненныхъ случаевъ, вопреки благимъ ожиданіямъ, исходъ имѣли неблагопріятный, между тѣмъ какъ таковые же случаи прежде оканчивались благополучно; почему Профессоръ Мудровъ въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ не измѣнилъ прежней преданности и покорности опыту и наблюденіямъ, и ежели что оставалось при немъ изъ новой системы, то развѣ одно лишь очень большое, чуть чуть не излишнее пристрастіе къ употребленію піявокъ, которыхъ впрочемъ онъ всегда очень любилъ, и даже въ 1815 году вырѣзалъ на прекрасномъ сердоликовомъ перстнѣ печать съ изображеніемъ піявицы; эта печатка всегда была у него самая любимая и самая употребительная. Всегда также любилъ кровопусканіе, и нерѣдко производилъ эту малецькую операцію собственными руками, особливо же у бѣдныхъ больныхъ; достаточнымъ и богатымъ всегда рекомендовалъ для оной почтеннѣйшаго, стариннаго врача Университетской больницы, Ивана Христіановича Цемша, котораго почиталъ за великаго и первѣйшаго въ Москвѣ искусника въ этой, повидимому, очень легкой, однако же почасту весьма не безопасной операціи. Въ клиникѣ Мудровъ ни мало не оскорблялся, когда медикъ, помощникъ его, отмѣнялъ назначенныя имъ предписанія кому-либо изъ больныхъ, но всегда притомъ говаривалъ своимъ слушателямъ: «На то мнѣ и помощникъ надобенъ, чтобы подмѣчалъ то, чего я не подглядѣлъ, и поправлялъ бы мои ошибки; errare humanum est, и на старуху бываетъ проруха.» Когда

же кто изъ слушателей сообщалъ при постели больнаго свое мнѣніе, Профессоръ ласково принималъ въ соображеніе къ своимъ объясненіямъ, и ежели замѣчаніе Студента ему казалось умѣстнымъ, то хвалилъ, приговаривая: «хорошо, душа, очень хорошо, и я и всѣ мы тебѣ спасибо, что надоумилъ». Какъ богобоязливый Христіанинъ, какъ добрый и воздержный семьянинъ, какъ чиновникъ, преданный долгу службы, какъ вѣрноподданный, благоговѣйно чтившій и любившій Государя и весь Царственный Домъ, Мудровъ, разставаясь съ молодыми врачами, при отпускѣ ихъ на службу, преподавалъ имъ самыя искреннія афористически-краткія поученія: «Ступай, душа, будь скроменъ, не объѣдайся мясищемъ, не пей винища и пивища, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби свое дѣло, свою науку, люби службу «Государеву, и будешь счастливъ и почтенъ; Galenus dat opes, «Justinianus honores.» Въ городской практикѣ своей онъ весьма дорожилъ совѣтами старшихъ предъ нимъ врачей, особливо же своихъ прежнихъ учителей; такъ напримѣръ, по возвратѣ изъ чужихъ краевъ, Мудровъ явился засвидѣтельствовать почтительное уваженіе бывшимъ Профессорамъ Московской Военной Госпитали и своимъ практическимъ наставникамъ доктору и оператору Ивану Дороѳеевичу Гильтебрандту и доктору же Матвѣю Христіановичу Пекену, и весьма былъ опечаленъ ихъ нездоровьемъ. Гильтебрандтъ почти совсѣмъ оглохъ, а Пекенъ совершенно ослѣпъ отъ темной воды, совершенно же былъ и позабытъ въ Москвѣ. Не взирая на сіи недостатки и высоко оцѣнивая практическую опытность просвѣщеннѣйшихъ своихъ учителей, молодой практикъ ни мало не усомнился приглашать ихъ обоихъ на консиліумы. Самъ же онъ, призыванный на консиліумы, никогда горячо не спорилъ, не порицалъ мнѣній и дѣйствій врачей, но изъяснялъ свои мнѣнія или возражалъ тихо, вразумительно, безъ надменности, безъ насмѣшекъ; предъ больнымъ и домашними его членами никогда не поносилъ и не чернилъ поступковъ обыкновеннаго, пользовавшаго въ домѣ врача; ибо охуждать врача предъ неврачами онъ почиталъ за одно и тоже, что поносить самую науку врачебную; но если подлинно усматривалъ неправильныя дѣйствія какого врача, то наединѣ дѣлалъ ему замѣча-

нія, даже и выговоръ, но дѣльный, ясный, безъ грубости и оскорбленія, и при всемъ томъ старался всячески оправдать врача предъ больнымъ; если совѣтовалъ совершенную перемѣну лѣченія, то хлопоталъ всегда о томъ, чтобы новыя лѣкарства по вкусу и виду были, сколько можно, схожи съ прежними. Съ больными своими обходился по наставленіямъ Гиппократа: онъ почиталъ весьма недобрымъ дѣломъ покидать болящаго потому лишь, что скупо заплатилъ за первое посѣщеніе; особливо же въ болѣзняхъ скоротечныхъ онъ не оставлялъ и богатаго, но скупаго больнаго, безъ помощи; и только по миновапіи болѣзни дѣлалъ ему пристойное замѣчаніе о его слишкомъ-разсчетливой благодарности.

Всѣ чиновники Университета и вообще всѣ изъ ученаго сословія, люди военнаго и духовнаго чина, заѣзжіе чужестранцы и всѣ, всѣ недостаточные и бѣдные люди имѣли къ нему свободный доступъ, пользовались его совѣтами, безъ всякой тѣни возмездія; онъ былъ не лѣнивъ посѣщать и бѣдняковъ, и сплошь да рядомъ, вмѣсто полученія платы за визитъ, самъ ссужалъ больныхъ деньгами на чай, вино и лѣкарства. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ, благороденъ въ своей практикѣ, и не только не обижался, не досадовалъ, когда больные оставляли его и призывали къ себѣ иныхъ медиковъ, но, бывало, радовался тому, говоря, что самъ Богъ отводилъ его отъ хлопотъ и печалей. Одинъ только разъ Матвѣй Яковлевичъ былъ очень сильно растревоженъ и огорченъ тѣмъ, что его оставилъ и ввѣрился другимъ, не больно свѣдущимъ докторамъ, одинъ изъ его больныхъ, Преосвященный Августинъ, Архіепископъ Московскій, страдавшій ипохондріею, бывшій одиннадцать лѣтъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Мудровымъ.

Всегда почтительный предъ начальствомъ, Мудровъ былъ снисходителенъ, кротокъ, привѣтливъ съ подчиненными своими, не терпѣлъ напраслины и лишней строгости, готовъ былъ всегда каждому на помощь и добрымъ совѣтомъ и ходатайствомъ и вещественнымъ пособіемъ; молодые врачи и Студенты медицинскіе Университета всегда могли въ своихъ нуждахъ прибѣгать къ нему и не выходили безъ пособія. Онъ любилъ науку, любилъ книги, даже съ пристрастіемъ, и собралъ обширную библіотеку; все читалъ

самъ и все помнилъ; время чтенія было у него въ каретѣ; любилъ всѣхъ тѣхъ, которые любили учиться, и библіотека его была для нихъ открыта: великое благодѣяніе молодымъ людямъ, искавшимъ получить высшія ученыя степени и писавшимъ необходимыя притомъ разсужденія.—Когда бравшіе у него книги возвращали ихъ назадъ, благодарили его, хвалили книги и библіотеку, тогда онъ радовался, что удалось ему пособить молодымъ людямъ. И подлинно правда, его библіотека и его столь радушная сообщительность были истиннымъ, лучшимъ прибѣжищемъ для искателей прочныхъ познаній въ Медицинѣ. Университетская библіотека не была еще открыта, потому что не была приведена въ порядокъ. Мудровъ не жалѣлъ книгъ, лишь бы только читали ихъ. Онъ принималъ на себя хлопоты выписывать Студентамъ книги изъ чужихъ краевъ: каждый вписывалъ въ тетрадку свое имя и титулъ книгъ, ему надобныхъ; по этой тетрадкѣ Мудро̀въ, чрезъ Московскую книжную лавку Готье, выписывалъ ихъ изъ чужихъ краевъ на свои собственныя деньги съ платою за коммиссію по 5 процентовъ съ рубля, и получивъ, раздавалъ Студентамъ-выписчикамъ, которые платили по разсчету — достаточные немедленно при полученіи, малоимущные въ разные сроки, а многіе и многіе навсегда остались ему должными, думаю, не меньше двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, и отъ Мудрова никогда о томъ не было слышно никакого помину.

Покойный высоко чтилъ память родителей своихъ и жениныхъ, и весьма дорожилъ вещами, послѣ нихъ ему доставшимися: чайная старая чашка, принятая имъ изъ рукъ отца при послѣднихъ розстаняхъ, всегда была священна для него; каждое утро и вечеръ, помолясь Богу, онъ цѣловалъ ее, вмѣсто руки родительской; съ этою драгоцѣнностію Мудровъ странствовалъ по чужимъ краямъ и какъ-то дорогою расшибъ ее: великая печаль овладѣла имъ тогда; онъ старательно собралъ ея всѣ разбитые верешечки, всѣ крупинки, и сохранилъ до пріѣзда въ Парижъ; тамъ одинъ изъ бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ утѣшилъ его, собралъ въ свои мѣста всѣ верешки и склеилъ ихъ; подъ возобновленную такимъ образомъ чашку поддѣлалъ красивый четыреножникъ и накрылъ бронзовою крышкою; все это вмѣстѣ представляло очень красивый на-

ленькій памятникъ, который у почтительнаго сына всегда занималъ первое почетнѣйшее мѣсто между всѣми другими вещами въ домѣ *. Такое весьма похвальное чувство благоговѣйнаго почтенія дѣтей къ памяти покойныхъ родителей, столько, по милосердію Творца небеснаго, сродное, столько обыкновенное Русскому народу, показалось Французамъ весьма удивительною, диковинною рѣдкостію; изъ разсказовъ бронзовщика о его работѣ для Мудрова составился анекдотъ, который не только разсказывали по цѣлому Парижу, но даже припечатали и въ журналахъ. Года за два съ чѣмъ-нибудь до разоренія Москвы, Докторъ Мудровъ вышелъ изъ дома больнаго на подъѣздъ, бывшій на улицѣ, и хотѣлъ садиться въ карету; какая-то женщина, бѣдненько одѣтая, съ большою толстою книгою въ рукахъ, перешла ему дорогу.—«Не продаешь ли, голубка, эту книгу?» спросилъ онъ у женщины.—Продаю-съ. «Покажи-ка, а что цѣна»? Десять-съ рублевъ-съ. Мудровъ посмотрѣлъ на заглавный листъ, и увидѣлъ, что это рукописный переводъ Латинскаго Калепинова Лексикона на Русскій языкъ.—«На тебѣ, голубушка, деньги», сказалъ онъ женщинѣ, подавъ ей въ руку 15 рублей, и сѣлъ съ покупкою въ карету; но какъ же онъ изумился, когда, разсматривая дорогою книгу, увидѣлъ приписку: «переведено съ Латинскаго на Сло-«венорусскій языкъ трудами и начисто переписано рукою «недостойнаго во Іереяхъ Іакова Іоаннова Мудрова». Эта женщина, удивленная щедростію покупателя, успѣла спросить у лакея, кто этотъ господинъ? «Докторъ Мудровъ,» сказалъ ей человѣкъ и вскочилъ за карету, которая поскакала къ дру-

---

* Видъ сей вещицы представленъ на верхней доскѣ переплета у книжки: Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача. Москва 1814 г. На исподней доскѣ того же переплета изображенъ краеугольный (кубическій) камень, какъ эмблема земли; на немъ горящая лампада;—это огонь; на лампадѣ ползетъ піявица и сидитъ бабочка; это будто бы вода и воздухъ; мысль такой эмблемы четырехъ стихій принадлежала Мудрову отцу, а Мудровъ сынъ исполнилъ ее на печати. Къ сожалѣнію, рѣзчикъ слишкомъ пересолилъ свою стряпню, придѣлавъ піявицѣ усики и какую-то щетинку по спинѣ.

гимъ больнымъ. Стоило бѣдной женщинѣ лишь у перваго прохожаго спросить, гдѣ живетъ Докторъ Мудровъ, и тотъ прямо ей могъ отвѣтить: «ступай въ Университетъ.» Такъ и случилось: она пришла, узнала, что Докторъ еще не воротился, дождалась его на дворѣ у крыльца, и прямо упала ему въ ноги. «Ахъ батюшка, Матвѣй Яковлевичъ», вскричала она, «вѣдь я несчастная тебѣ не совсѣмъ чужая, я золовка твоей покойной сестрицы».—«Богъ тебя послалъ ко мнѣ, дорогая родная моя», сказалъ Мудровъ, поцѣловалъ и обнялъ ее, и, взявъ подъ руку, привелъ въ покои, представилъ почтеннѣйшимъ своимъ тестю и тещѣ, препоручилъ женѣ позаботиться поспѣшнѣе о всемъ для родственницы своей, которую оставилъ у себя, присовѣтовалъ ей выучиться повивальному искусству, въ чемъ она и успѣла,—и въ его домѣ, въ семействѣ, жила, какъ близкая родственница, до самой кончины ея, лѣтъ черезъ пять послѣдовавшей отъ внутренняго рака. Трудъ любезнѣйшаго родителя—книгу въ кожаномъ ветхомъ переплетѣ—Мудровъ завернулъ въ дорогой, шелковый, большой платокъ и хранилъ пуще своихъ глазъ. Во дни кручины и горести, онъ вынималъ эту драгоцѣнность свою, раскрывалъ, цѣловалъ, пересматривалъ, дивился уму, учености, трудолюбію отца своего; печали исчезали, радость и удовольствіе заступали ихъ мѣсто въ добродѣтельномъ сердцѣ почтительнѣйшаго сына.— Въ 1819 году эта подлинно дорогая книга была, по совѣту и подъ непосредственнымъ надсмотромъ Профессора П. Л. Страхова, переплетена въ алый сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, а незадолго предъ кончиною своею, Мудровъ помышлялъ было снять съ этого лексикона вѣрный списокъ для печатанія; къ сожалѣнію, это не исполнилось. Во время пребыванія своего въ Нижнемъ Новгородѣ, зимою 1812 года, Матвѣй Яковлевичъ случайно увидѣлъ двухъ сиротъ, дочерей своего учителя Профессора Ѳомы Ивановича Барсукъ-Моисеева; тутъ же взялъ ихъ къ себѣ въ семью, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сиротъ, сына и дочь своего товарища по Студенчеству, Профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича, и всѣхъ онъ любилъ какъ своихъ родныхъ дѣтей. Въ его семействѣ дожила вѣкъ свой теща его, вдова Профессора, Статская Со-

вѣтница Софья Ивановна Чеботарева, которую онъ до конца ея жизни столько любилъ и почиталъ, сколько должно и можно любить и уважать добрѣйшую родную мать самому добродѣтельному сыну. И если не больше, то ужь никакъ не меньше пользовалась его преданностію и почтительностію добрая, благоразумнѣйшая особа, вдова, Дѣйствительная Статская Совѣтница, Анна Евдокимовна Лабзина, которая обрѣла въ его домѣ спокойствіе и утѣшеніе до своей смерти, послѣдовавшей въ Октябрѣ 1827 года. Милосердо, попечительно обходился онъ съ людьми и крестьянами своими, и былъ ими любимъ сердечно, уважаемъ подобострастно; столько былъ онъ жалостливъ и сострадателенъ ко всѣмъ и ко всему, что въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшей жестокости; никто не смѣлъ въ глазахъ его ударить собаку, даже забѣглую, чужую; напротивъ того, всегда ихъ называлъ гостьями, и приказывалъ накормить всѣхъ, сколько бы ихъ ни забѣжало на дворъ, и ничуть не обижать; даже не смѣлъ никто въ домѣ поставить мышамъ ловушку, или подложить отраву; если это иногда и дѣлалось по приказу госпожи, то съ величайшею осторожностію, чтобы онъ не провѣдалъ про то. «И онѣ твореніе рукъ Божіихъ, помѣстьевъ не имѣютъ, жалованья не получаютъ, надо же имъ питаться; насъ не объѣдятъ; будемъ сыты всѣ, не изводя ихъ такими жестокими средствами», — такъ онъ говаривалъ, однако же терпѣлъ въ домѣ и даже ласкалъ кошекъ, разсуждая, что «природа сама указала имъ ловить мышей и питаться ими, и мы не должны вмѣшиваться въ ея распоряженія».—Ему никогда не готовили и не подавали на столъ кушанья изъ домашнихъ птицъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ видѣлъ у себя на дворѣ живыхъ; одинъ видъ такихъ снѣдей возбуждалъ въ немъ тоску, даже до тошноты. Былъ во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянныя съ конопаткою стѣны были ничѣмъ не закрыты, ни обоями, ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко; все это было ему по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, напо-

минало прежній быть его дѣтства и молодости, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было переводу: бѣдные больные ими отплачивали за его пособія и посѣщенія. За тѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ-хлѣбосолъ, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и скучалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство. Не смотря на этотъ скромный, воздержный порядокъ жизни, людское злорѣчіе приписывало ему пороки пьянства, обжорства, корыстолюбія. Такія клеветы выдумывали и взносили на него люди, не знавшіе ни самаго Мудрова, ни обстоятельствъ его домашнихъ, или злобные его завистники.

Если можно было считать въ Мудровѣ слабостію, то развѣ одно лишь то, что былъ немного тщеславенъ и пристрастенъ къ своимъ сочиненіямъ; съ примѣтною кручиною выслушивалъ онъ сужденія тѣхъ, предъ которыми читывалъ какую-либо свою рукопись; по-долгу не рѣшался дѣлать въ своихъ выраженіяхъ поправки по предложеннымъ ему замѣчаніямъ, которыхъ самъ же онъ требовалъ. Особенно любилъ онъ и уважалъ языкъ Славянскій и дорожилъ старинными рукописями и старопечатными книгами и вообще всякою стариною. Молитвенное слово, сочиненное имъ и читанное Іюля 5-го дня 1819 года, при освященіи основанія подъ пристройку къ зданію клиническаго института, также переведенное имъ съ Нѣмецкаго языка *духовное врачевство, или священныя размышленія о болѣзняхъ тѣла человѣческаго*, остались неизданными въ свѣтъ лишь потому, что не успѣлъ онъ испросить дозволенія къ напечатанію ихъ буквами Славянскими. Кромѣ сихъ и вышеупомянутыхъ торжественныхъ рѣчей и разсужденія, онъ еще написалъ слѣдующія: 1) Principes de la pathologie militaire concernant la guérison des plaies d'armes à feu et l'amputation des membres sur le champ de la bataille, ou à la suite du traitement developpés auprés des lits des blessés, à Vilna, 1808; 2) *Разсужденіе о средствахъ, вездѣ находящихся, которыми въ трудныхъ обстоятельствахъ, при недостаткѣ апте-*

карскихъ лѣкарствъ и лѣкарей, должно помогать больному солдату. Это разсужденіе читано въ Медико-Физическомъ обществѣ, Мая 4-го 1812 г., но за тревожнымъ состояніемъ Москвы не напечатано и съ пожаромъ Университетскихъ зданій истребилось. 3) *Рѣчь благодарственная къ посѣтителямъ,* говоренная 1819 года Ноября 10-го дня при освященіи и открытіи возобновленнаго анатомическаго зданія въ Университетѣ, осталась не напечатана. — 4) *Гиппократа афоризмы,* въ Русскомъ переводѣ, съ Греческимъ оригинальнымъ текстомъ, печатаніе коихъ началось было въ 1821 году, но по случаю вышеобъясненной долговременной болѣзни прекратилось. — 5) *Краткое наставленіе о холерѣ и способъ, какъ предохранять себя отъ оной, какъ излѣчивать ее и какъ останавливать распространеніе оной.* Первое изданіе сей книжки вышло въ Сентябрѣ 1830 года во Владимірѣ, а второе въ Январѣ 1831 года въ Москвѣ.—Самое же лучшее и любопытнѣйшее произведеніе ума его и пера заключалось въ огромномъ собраніи исторій болѣзней всѣхъ до единаго изъ больныхъ, которыхъ онъ пользовалъ въ продолженіе своей 22-лѣтней Московской практики; такихъ исторій сокращенно и какъ бы гіероглифическими знаками писанныхъ, на листикахъ золотообрѣзной бумаги, съ небольшимъ по 3 вершка длины и безъ малаго по 2 вершка ширины, собрано было у него болѣе 40 томовъ, изъ коихъ многіе имѣли толщину добраго лексикона.—Всегда помнивъ отцовское послѣднее слово: ordo est cardo omnium rerum, Мудровъ съ самаго начала своей медицинской практики установилъ для своихъ дѣйствій особый порядокъ, отъ котораго ни на волосъ не отступалъ до конца своей жизни,—порядокъ весьма недурной и очень бы не лишній всякому практику, и вотъ въ чемъ онъ состоялъ. Мудровъ имѣлъ всегда при себѣ два бумажника, одинъ годовой съ календаремъ для двѣнадцатимѣсячныхъ тетрадокъ, а другой всегдашній для скорбныхъ листиковъ или исторій больныхъ. Въ годовой записной книжкѣ вплеталась часть С.-Петербургскаго Академическаго мѣсяцослова, а именно мѣсяцы, о затмѣніяхъ, роспись табельнымъ днямъ и роспись отхода и прихода Московскихъ почтъ, и кромѣ того была шелковая изъ крѣпкаго шнура закладка, за которую закладывалась мѣсячная, чистая тетрадка въ 24

листика; каждый мѣсяцъ тетрадка смѣнялась новою, такою же, чистою, а прежняя, исписанная, откладывалась къ своему мѣсту, въ шкапъ. Первые листочки, числомъ 16, въ тетрадкѣ назначались днямъ мѣсяца, а именно, самый первый весь подъ первое число, за тѣмъ, для каждаго числа, по страничкѣ; поля или края сихъ листочковъ подрѣзывались убѣгами, или уступами, на которыхъ выставлялись цифры четныхъ числъ мѣсяца: 2, 4, 6 и проч. На каждой страничкѣ записывались имена тѣхъ больныхъ, которыхъ надобно было посѣщать въ то число мѣсяца, и тѣ дѣла, которыя должно было исполнить. Имена больныхъ трудныхъ подчеркивались одною, либо двумя, либо и тремя линейками, смотря по необходимости непремѣнно быть у нихъ прежде другихъ. У кого успѣвалъ побывать, противъ тѣхъ оставалась буква б. На остальныхъ 8 листкахъ тетрадки записывалось разное, не принадлежащее прямо къ практикѣ, напримѣръ пословицы, свѣдѣнія о простонародныхъ лѣкарствахъ, любопытные и поучительные анекдоты и тому подобное; съ перемѣною мѣсяца изъ прежней тетрадки переписывалось въ другую, по своимъ мѣстамъ, все, что не исполнено въ минувшемъ, и что слѣдовало кончить въ новомъ мѣсяцѣ. По истеченіи года, котораго число печаталось золотомъ на переплетѣ бумажника, такая записная книжка со всею дюжиною исписанныхъ мѣсячныхъ тетрадокъ, связывалась шелковымъ шнуркомъ и ставилась въ шкапъ. Для новаго года уже была готова новая, такая же записная книжка. Другой бумажникъ, длинный, съ шестью тафтяными сумочками, содержалъ скорбные листочки больныхъ, которыхъ Мудровъ продолжалъ еще навѣщать.—Посѣтивъ больнаго въ первый разъ и изслѣдовавъ его болѣзнь, какъ бы она ни была маловажна, онъ непремѣнно записывалъ ее на своемъ чистомъ листочкѣ, въ началѣ котораго ставилъ имя, отчество, прозваніе, чинъ, занятіе больнаго, годъ, число и недѣльный знакъ для посѣщенія; вносилъ туда опредѣлительные признаки болѣзни и все достойное замѣчанія, назначенныя имъ діэту и врачебныя средства; тутъ же писалъ, такъ сказать, черновый рецептъ, съ котораго потомъ списывалъ начисто другой рецептъ въ обыкновенномъ видѣ, для аптеки.—По его замѣчаніямъ не хорошо, когда врачь, прописывая рецептъ, ошибается, поправляетъ,

перемарываетъ и принимается писать другой рецептъ; это очень пугаетъ больныхъ, либо его приближенныхъ, первое потому, что возбуждаетъ подозрѣніе о нерѣшимости, либо о неопытности самаго врача, либо о трудности и опасности болѣзни; второе, съ перваго разу, изъ такой неудачи рецепта, суевѣрные люди, а ихъ превеликое множество, выводятъ разныя нелѣпыя предзнаменованія несчастій; въ своей же скорбной запискѣ онъ полную имѣлъ свободу переправлять и перемарывать сочиняемый рецептъ, какъ хотѣлось, а съ листка переписать рецептъ начисто и безъ ошибки не мудрено. Когда одинъ листикъ весь исписывался, тогда прилагался другой съ надписью: продолженіе болѣзни такого-то; по окончаніи же лѣченія, всѣ листики этой болѣзни выкладывались изъ бумажника въ томъ той буквы, которою начиналось прозваніе больнаго, и помѣщались въ своемъ мѣстѣ между другими, а самое прозваніе съ именемъ больнаго вписывалось въ реэстръ, при этомъ томѣ приложенный. Умершаго всѣ скорбные листики выкладывались въ особый томъ, надписанный: *Mortui*; имя покойника вписывалось въ реэстръ этого тома. Почти при всякомъ свиданіи Проф. Страхова съ Мудровымъ, еще были порученія порыться въ этихъ томахъ практики и отъискать прежніе рецепты на удовлетвореніе требованій такого содержанія: «Батюшка, Матвѣй Яковлевичь, пришли мнѣ рецептъ зеленой мази (или краснаго спирта, или темной микстуры и т. п.), что мнѣ ты давалъ, какъ я у тебя была, очень помогла и теперь ужасъ какъ надобна.» Случалось по такимъ запискамъ выдать рецепты, прописанные въ первый разъ лѣтъ за 10, за 15, и всегда удовлетворительно; больные узнавали прежнее лѣкарство и благодарили Мудрова. Немногіе врачи въ Москвѣ обладали такимъ богатымъ собраніемъ практическихъ наблюденій, и покойный чрезвычайно дорожилъ и пуще глазу берегъ это безцѣнное сокровище свое, собирался составить изъ него надлежащій сводъ, подъ заглавіемъ praxis medica, пригласилъ было и Страхова въ сотрудники себѣ, и увидѣвъ у него собраніе записокъ изъ его лекцій объ изслѣдованіи болѣзней и разспросахъ больнымъ, или объ экзаменѣ болѣзни, требовалъ, чтобы онъ занялся такимъ добрымъ дѣломъ, брался и напечатать, для чего отдалъ ему и свой конспектъ, по ко-

торону самъ преподавалъ этотъ предметъ съ каѳедры. Это составляетъ теперь драгоцѣнность, принадлежащую Страхову. И все это превосходное и преполезное предпріятіе рушено Индѣйскою холерою, ворвавшеюся въ наше отечество, въ 1830 году!

Сентября 4-го числа, въ 5 часовъ по полудни, Мудровъ получилъ строгое предписаніе Университетскаго Начальства, чтобы чрезъ 24 часа по полученіи сего, отправился въ Саратовъ, въ учрежденную тамъ временную центральную коммиссію для прекращенія болѣзни холеры, и на другой день, 5-го числа, въ самую грязную и ненастную погоду, и въ опредѣленный срокъ, онъ выѣхалъ изъ своего дома; родной братъ его жены, отставной Коллежскій Совѣтникъ Чеботаревъ, вызвался провожать его въ дорогѣ, а барыня уговорила Мудрова ѣхать съ нимъ. Проѣздомъ чрезъ губернскій городъ Владиміръ, по желанію тамошняго Гражданскаго Губернатора, Матвѣй Яковлевичь написалъ краткое наставленіе о холерѣ, о которомъ упомянуто выше. Въ концѣ Декабря того же 1830 года центральная коммиссія для уничтоженія холеры прибыла въ Москву, а съ нею воротился и Мудровъ. Бывшій при оной комитетъ изъ 4 членовъ, Докторовъ Медицины и Секретаря неврача (и всѣ-то они теперь покойники) каждый день собирался въ домѣ Матвѣя Яковлевича, какъ предсѣдателя; каждый день читали входящія бумаги, говорили, спорили, а дѣло впередъ мало двигалось. Не припомню въ какой день, Мудровъ пріѣхалъ, къ Проф. Страхову, очень растревоженный, и сказалъ: «Г-нъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ очень недоволенъ «бездѣйствіемъ нашего Комитета; ну, бѣда мнѣ съ Членами «и съ Андреемъ Харитоновичемъ (Чеботаревымъ, его шурином, который былъ Секретаремъ Комитета); ужъ никакъ не придумаю, что мнѣ дѣлать.» Наконецъ было написано: *Наставленіе простому народу, какъ предохранять себя отъ холеры и лѣчить занемогшихъ сею болѣзнію въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни лѣкарей, ни аптекъ*. Это наставленіе, по разсмотрѣніи въ Комитетѣ, пущено въ ходъ отъ имени Комитета, немедленно напечатано, и послѣ внесено въ XIII томъ Свода Закон. издан. 1842 г. Хотя теперь нѣсколько поуспокоился Мудровъ, однакоже очень тревожился тѣмъ, что, за разного-

лосицей господъ Членовъ Комитета, не могъ привести всѣ дѣла къ концу и начисто раздѣлаться съ нимъ и Центральною Коммиссіею. За свои въ оной труды тогда же Мудровъ награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Чтобы сколько нибудь поспѣшнѣе достигнуть окончанія дѣлъ, Матвѣй Яковлевичь пригласилъ лучшихъ троихъ Студентовъ для исправленія письмоводства. Однакожъ въ началѣ Мая мѣсяца Комитетъ былъ отозванъ въ С.-Петербургъ, и Мая 12-го числа, въ 4 часа по полудни, мы простились съ Мудровымъ въ послѣдній разъ, за Прѣсненскою заставою; онъ съ собою туда же увезъ и вышеупомянутыхъ троихъ студентовъ, изъ коихъ одинъ, Степанъ Алексѣевичъ Ивановскій, теперь Докторъ Медицины и Экстраординарный Профессоръ въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи.

Съ великою грустію онъ оставилъ Москву, съ такою же грустію пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, и эта печаль до чрезвычайности умножилась въ немъ, когда, вопреки его желанію, настоянію и запрещенію, туда пріѣхала за нимъ въ слѣдъ и супруга его вмѣстѣ съ дочерью; да и Комитетъ продолжалъ свои дѣйствія ровнехонько также, какъ и въ Москвѣ. Въ половинѣ Іюня холера явилась въ Петербургѣ; противъ нея предприняты всѣ возможныя мѣры, въ разныхъ частяхъ города учреждены временныя больницы; изъ нихъ въ Рождественской части двѣ, одна на Пескахъ, а другая у Калашниковой пристани, препоручены попеченію Мудрова. Здѣсь онъ доказалъ свою великую практическую опытность и отмѣнную вѣрность медицинскаго взгляда въ скоромъ познаніи силъ больнаго и степени болѣзни. Іюля 7-го, Мудровъ съ родными, т. е. съ дочерью, женою и съ ея братомъ, Секретаремъ Комитета, были приглашены къ знакомому Сенатору, на обѣдъ; въ тоже время у него дома, къ обѣду, заказаны были пробныя кушанья, кашица и каша, въ такомъ навѣсѣ крупы овсяной, мяса, масла и соли, въ какомъ готовилось это все въ подвѣдомыхъ ему холерныхъ больницахъ. Матвѣй Яковлевичь, послѣ домашняго огорченія, не успѣвъ хлебнуть и шести или семи ложекъ пробной овсяной кашицы, всталъ изъ за стола, ушелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Въ эту минуту злая холера овладѣла своимъ великимъ противникомъ; боль-

ной не хотѣлъ принимать ни лѣкарствъ, ни совѣтовъ, никакихъ другихъ пособій, требовалъ священника, но этотъ опоздалъ за множествомъ требъ въ тогдашнее время.—Іюля 8-го дня, при первомъ ударѣ благовѣста къ ранней обѣднѣ въ большомъ Казанскомъ Соборѣ, Мудровъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, имѣвъ отъ роду 59 лѣтъ 3 мѣсяца и 14 дней. Бренные останки его погребены за Невою, на Выборгской сторонѣ, на холерномъ новомъ кладбищѣ, что за церковію Св. Сампсона. На могилѣ его стоитъ темный гранитовый памятникъ. Въ началѣ того же 1831 года, въ Вологдѣ, преставился отъ холеры старшій родной братъ его, протопресвитеръ Іоаннъ Яковлевичь Мудровъ, а въ концѣ года, въ Вологдѣ же, умеръ холерою его родной племянникъ Титулярный Сов. Александръ Кириловичь Мудровъ; ни тотъ, ни другой не оставили дѣтей, и весь родъ Мудровыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся въ одинъ и тотъ же годъ отъ одной и той же болѣзни.

МУХИНЪ, Ефремъ Осиповичь, Докторъ Медицины и Хирургіи, Анатоміи, Физіологіи, Судебной Медицины и Медицинской Полиціи Заслуженный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, изъ Украинскихъ дворянъ, родился въ Чугуевѣ, 28-го Января 1766 года. Рано полюбилъ онъ Медицину, и рано было ему суждено явиться дѣятелемъ на практическомъ поприщѣ врачебнаго искусства. Едва успѣлъ онъ пробыть восемь мѣсяцевъ Студентомъ Харьковскаго Коллегіума (съ 1-го Сентября 1786 г.), какъ уже былъ откомандированъ въ Елисаветградскій госпиталь (1-го Мая 1787 г.) для хожденія за больными, а оттуда, по прошествіи года (6-го Мая 1788 г.), посланъ въ главную квартиру Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина и причисленъ къ главному госпиталю. Массотъ, Докторъ Фельдмаршала, замѣтилъ дарованіе молодаго Студента и ободрялъ первые опыты его въ хирургической практикѣ. Ревностно продолжалъ онъ изучать свое искусство не въ одномъ лазаретѣ, но и на полѣ битвы; подъ огнемъ непріятельскаго оружія, былъ очевидцемъ славныхъ дѣлъ нашего войска на Березанскомъ островѣ и подъ Очаковымъ, и въ Сентябрѣ 1788 г., получивъ окладъ годоваго жалованья въ награду за усердіе свое къ службѣ, возвра-

тился въ Елисаветградскій госпиталь. Будучи обязанъ проходить лѣствицу медицинскихъ чиновъ съ самой нижней ступени, онъ по экзамену пріобрѣлъ званіе Подлѣкаря въ существовавшей тогда при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ Хирургической школѣ (29-го Ноября 1789 г.) и въ то же время поступилъ въ должность Прозектора: такъ коротко успѣлъ уже онъ ознакомиться съ Анатоміею человѣческаго тѣла, которая, вмѣстѣ съ Хирургіею, навсегда осталась однимъ изъ любимыхъ его предметовъ. Въ 1791 году (Января 11-го) получилъ онъ степень Лѣкаря; въ 1795 году, занялъ мѣсто Адъюнктъ-Профессора Патологіи и Терапіи (Декабря 7-го), при чемъ, въ теченіи года, исправлялъ и Прозекторскую должность; а 20-го Апрѣля 1800 г. поступилъ въ Голицынскую больницу съ титуломъ первенствующаго Доктора. Высшей академической степени Доктора Медицины и Хирургіи былъ онъ удостоенъ, по испытаніи на сіе званіе и публичномъ защищеніи сочиненной имъ диссертаціи, 5-го Октября 1800 г.; съ 10-го Октября 1802 г. по 20-е Іюля 1807 г. преподавалъ Медико-Хирургическія лекціи въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи; съ 30-го Декабря 1808 г. по 7-е Февраля 1818 г., былъ Профессоромъ Анатоміи и Физіологіи, а съ 5-го Августа 1812 г. по 14-е Апрѣля 1814 г., также Ученымъ Секретаремъ въ Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи. Съ соизволенія благословенныя памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ онъ опредѣленъ (8-го Апрѣля 1813 г.) Старшимъ Докторомъ въ Московскій Воспитательный Домъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Коммерческое Училище, съ наименованіемъ Главнымъ Докторомъ, для совѣщанія при тяжкихъ болѣзняхъ воспитанниковъ, и продолжалъ ту и другую службу до 23-го Августа 1817 г.—3-го Сентября 1813 г. вступилъ онъ Ординарнымъ Профессоромъ въ Московскій Университетъ, гдѣ въ разное время преподавалъ различнѣйшіе предметы: Анатомію, Физіологію, Токсикологію, Судебную Медицину и Медицинскую Полицію; 18-го Апрѣля 1816 г., былъ назначенъ Членомъ Совѣта по Медицинской части при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а 19-го Іюля того же года Предсѣдателемъ Комитета, составленнаго изъ членовъ Университета и Академіи для изслѣдо-

нанія явленій животнаго магнетизма. Должность Декана въ отдѣленіи врачебныхъ наукъ отправлялъ онъ въ 1816—17 годахъ, а въ послѣдствіи времени пять лѣтъ сряду, отъ 1821 по 1826 г.; сверхъ того былъ онъ членомъ Правленія состоявшаго при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ съ 18-го Ноября 1825 г., завѣдывалъ Университетскою Аптекою съ 17-го Декабря того же года, и служилъ безсмѣннымъ Засѣдателемъ Университетскаго Правленія отъ 25-го Ноября 1826 г. по 16-е Іюня 1830 г. Во время эпидемической холеры, посѣтившей Москву въ 1830 году, онъ каждодневно присутствовалъ (съ 18-го Сентября) въ учрежденномъ, по распоряженію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, временномъ Медицинскомъ Совѣтѣ; былъ членомъ Комитета, охранявшаго живущихъ въ Университетѣ и въ заведеніяхъ ему подвѣдомственныхъ (съ 19-го Сентября), членомъ Комитета для очищенія товаровъ (съ 1-го Ноября) и Инспекторомъ временной холерной больницы въ Таганской части. Въ 1835 году, Мая 29-го, оставилъ онъ Университетъ, и службу вообще, съ почетнымъ званіемъ Заслуженнаго Профессора и съ пенсіею годоваго оклада жалованья; практическою медициною не переставалъ заниматься до 80-го года своей жизни; а послѣдніе три или четыре года, разставшись съ практикою, но не разставаясь съ наукою, провелъ въ Смоленскомъ своемъ имѣніи, гдѣ и скончался, послѣ кратковременной болѣзни, въ Январѣ 1850 года.

Если этотъ краткій обзоръ многоразличныхъ должностей, которыя выполнялъ покойный Мухинъ въ продолженіи своей замѣчательной службы, даетъ уже довольно ясное понятіе о необыкновенной его дѣятельности, то еще яснѣе и сильнѣе доказываетъ ее самый образъ выполненія. Для Мухина не существовало ничего маловажнаго, ничего второстепеннаго ни въ службѣ, ни въ наукѣ: за что ни брался онъ, все становилось въ его глазахъ предметомъ первой важности; все дѣлалъ онъ съ жаромъ, съ усердіемъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости своего дѣла. Отъ возлагаемыхъ на него обязанностей не уклонялся онъ никогда, напротивъ, во многихъ случаяхъ принималъ на себя лишнія, добровольно и безвозмездно. Даже въ званіи первен-

таетъ себя за отличнаго практика: онъ гордился и утѣшался мыслью, что была ему дана болѣе чѣмъ обыкновенная способность къ Медицинѣ, и что присутствіе этого дара подтверждалось общимъ признаніемъ. Но никогда не желалъ онъ владѣть имъ какъ своею исключительною собственностью, напротивъ, отъ души ненавидя всякую идею о какой-либо монополіи, о какихъ-либо секретахъ и арканахъ въ области науки, онъ ревностно старался передать своимъ слушателямъ все свое любознаніе, всю свою страсть къ Медицинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать и на средства къ утоленію этой духовной жажды. Каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ спѣшилъ онъ подѣлиться со своею аудиторіею, употребляя на то минутъ десятокъ въ началѣ или въ концѣ своей лекціи; и рѣдко проходила лекція безъ подобнаго прибавленія: это была какая-либо новая мысль, поразившая Профессора своею вѣрностью или своею оригинальностью; какое-либо открытіе, не дошедшее еще до большинства слушателей; какой-либо фактъ изъ его собственной практики; какой-либо анатомико-практическій препаратъ, анатомическій или хирургическій инструментъ, снарядъ для опытовъ Физическихъ или Химическихъ, какое-либо, интересное для Медика, животное или растеніе; какая-либо библіографическая рѣдкость или каталогъ новѣйшихъ сочиненій по той или другой части Медицины. Будучи Профессоромъ Анатоміи, онъ постоянно заботился о доставленіи анатомическому театру такого количества труповъ и анатомическихъ инструментовъ, чтобы каждый студентъ имѣлъ полную возможность упражняться въ практикѣ трупоразсѣченія. Управляя Университетскою аптекою, онъ старался сдѣлать изъ нея настоящую практическую школу Фармаціи. Обративъ особенное вниманіе на недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобъ извѣстнѣйшія иностранныя сочиненія на Латинскомъ языкѣ, доходившія до Москвы въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и продававшіяся дорогою цѣною, были перепечатаны на счетъ Университета и уступались воспитанникамъ по цѣнѣ, которая дѣлала бы ихъ доступными для каждаго; а слушателей своихъ побуждалъ къ переводамъ съ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ на Русскій: такимъ образомъ, въ непродолжительный

рядъ годовъ, были перепечатаны и переведены разныя сочиненія Шпренгеля, Ипея, Ленгоссека, Шнейдера, Генке и другихъ писателей и изданы подъ непосредственнымъ надзоромъ Мухина, который просматривалъ каждый корректурный листъ и, гдѣ казалось ему нужнымъ, прибавлялъ свои замѣчанія и дополненія. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ представилъ онъ своимъ слушателямъ, какъ полезно было бы для казеннокоштныхъ воспитанниковъ Медицинскаго Института завести, независимо отъ большой Университетской библіотеки, свою собственную, какъ много выгодъ доставила бы она и своекоштнымъ Студентамъ, и какъ легко можно бы положить ей основаніе малыми добровольными приношеніями. Отъ слова до дѣла было не далеко; самъ Профессоръ предложилъ Институту первый даръ книгами и деньгами; его примѣру послѣдовало множество учениковъ, по мѣрѣ силъ и средствъ; каждая лепта принималась съ равною благодарностью,—и нынѣ эта библіотека, начавшаяся немногими десятками книгъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 8000 томовъ. — Умножать число поклонниковъ и служителей Медицины было всегда однимъ изъ ревностнѣйшихъ желаній покойнаго Мухина. Онъ сердился не на шутку, иногда и вовсе по-напрасну, когда молодой человѣкъ изъ его слушателей, по какой бы то ни было причинѣ, оставлялъ Медицинскій Факультетъ; напротивъ, съ живѣйшею радостью принималъ каждаго даровитаго Студента, который изъ отдѣленія Словесныхъ, или Этико-Политическихъ, или Физико-Математическихъ наукъ (по тогдашнему раздѣленію и названію Факультетовъ) просился въ отдѣленіе врачебныхъ: если бы то зависѣло отъ него одного, онъ почти былъ бы готовъ всѣ четыре Факультета обратить въ одинъ Медицинскій.

Съ этою любовью къ труду и съ этою любовью къ наукѣ равнялось въ немъ одно только чувство, любовь къ отчизнѣ. Мухинъ былъ Русскимъ въ душѣ, точно такъ какъ былъ онъ въ душѣ врачемъ: все, что только составляетъ принадлежность Русскаго человѣка,—все, что отзывается роднымъ духомъ—отъ важнѣйшихъ началъ жизни нашего народа до послѣднихъ его привычекъ, преданій, повѣрій, пословицъ и поговорокъ—все было ему дорого, все близко къ его сердцу. Эта привязанность ко всему отечественному, которую выра-

жалъ онъ, при каждомъ случаѣ, съ обычнымъ своимъ жаромъ и увлеченіемъ, нерѣдко подавала поводъ подозрѣвать и даже гласно обвинять его въ невниманіи или нерасположеніи ко всему чужому. Не вдаваясь въ подробныя разсужденія для опроверженія этихъ обвиненій, ограничиваемся однимъ вопросомъ: какъ согласовать съ ними ту справедливость, которую отдавалъ Мухинъ дарованію и прилежанію каждаго Студента и каждаго молодаго врача, безъ всякаго различія его націи и вѣроисповѣданія; то усердіе и постоянство, съ которымъ онъ, слѣдуя любимой своей пословицѣ, весь вѣкъ учился у современныхъ ему иностранныхъ писателей; то благоговѣйное уваженіе, съ которымъ произносилъ онъ имена Линнея, Галлера, Блуменбаха и другихъ героевъ науки? Все дѣло въ томъ, что Мухинъ, непритворно радуясь каждой встрѣчѣ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, радовался вдвойнѣ, если это дарованіе принадлежало его соотечественнику; что онъ не могъ дождаться той минуты, когда наши Факультеты со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ выровняются съ лучшими изъ иностранныхъ и замѣстятъ свои каѳедры Профессорами изъ среды собственныхъ своихъ питомцевъ; что для ускоренія этой минуты онъ былъ готовъ на всякую возможную для него жертву. Въ 1804 и 1805 годахъ, узнавъ о стѣсненномъ положеніи нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ, находившихся за границею для усовершенствованія себя въ наукахъ, онъ оказывалъ имъ услуги, которыя, по обстоятельствамъ, можно было назвать истиннымъ благодѣяніемъ; въ 1812 году отказался онъ отъ своего Профессорскаго жалованья въ пользу четырехъ семейныхъ лѣкарей, не имѣвшихъ средствъ приготовиться къ экзамену на степень Доктора и къ занятію Адъюнктскихъ мѣстъ, и въ [illegible] случаяхъ ожиданія его не были обмануты: ободренные и поддержанные имъ молодые люди съ честью пріобрѣли [illegible] дипломы и вскорѣ потомъ поступили въ число Академическихъ преподавателей.

[illegible] служба Мухина была [illegible] достоинствамъ и [illegible]. Первый чинъ [illegible] 11-го Марта [illegible]; за отличное усердіе въ службѣ при Голицынской больницѣ былъ чинъ Коллежскаго Ассессора; въ [illegible] былъ [illegible] произведенъ 10-го

Мая 1804 г.; въ Коллежскіе Сов. 18-го Апрѣля 1816 г., со старшинствомъ; въ Статск. Сов. 10-го Ноября 1817 г.; въ Дѣйствительные Статскіе Сов. 24-го Января 1826 г.; Орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. награжденъ 15-го Марта 1807 г.; Орденомъ Св. Анны 2-й ст., 3-го Февраля 1824 г.; тѣмъ же Орденомъ, украшеннымъ Императорскою короною, 22-го Мая 1831 г.; Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени 12-го Апрѣля 1835 г.; знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ получилъ 22-го Августа 1834 г.; Высочайшаго благоволенія удостоенъ 27-го Апрѣля 1809 г., 14-го Апрѣля 1812 г., 19-го Марта и 21-го Авг. 1831 г.; брилліантовыми перстнями отъ Государя Императора пожалованъ 15-го Февраля и 31-го Дек. 1806 и 27-го Апр. 1811 г.; Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны былъ осчастливленъ 8-го Августа 1813 г. (за прекращеніе болѣзней въ Коммерческомъ Училищѣ), 20-го Мая 1814 г. (за прекращеніе цынготной эпидеміи), 4-го Сентября 1814 г. (за прекращеніе желчныхъ горячекъ съ нервическими припадками), 20-го Мая 1815 г. (за усердіе къ службѣ), 20-го Августа 1815 г. (за прекращеніе кори); 15-го Августа 1817 и 15-го Іюня 1818 г. это выраженіе Всемилостивѣйшаго благоволенія за ревностную при Воспитательномъ Домѣ службу сопровождалось драгоцѣнными подарками, а 13-го Февраля 1815 г. удостоился онъ получить изъ рукъ Ея Императорскаго Величества, кромѣ богатаго брилліантоваго перстня, превосходный карманный приборъ хирургическихъ инструментовъ. Отъ Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора получилъ онъ благодарность за ревностное содѣйствіе къ пособію страждущимъ во ввѣренной ему, во время холеры, Таганской части, 10-го Марта 1831 г.; отъ мѣстнаго Начальства была ему объявлена признательность 16-го Іюня 1830 г. (при увольненіи его отъ должности безсмѣннаго засѣдателя Правленія Университета); 11-го Ноября 1832 г. (за пожертвованіе 1000 р. асс. для устроенія при Университетской Астрономической Обсерваторіи громоваго отвода съ воздушнымъ электрометромъ и вѣтропоказателемъ) и 31-го Декабря 1832 г. (за пожертвованіе Московскому Коммерческому Училищу минеральнаго кабинета, стоившаго болѣе 2000 рублей).

Не менѣе признательны къ заслугамъ Мухина были, съ своей стороны, разныя ученыя и филантропическія Общества. 3-го Октября 1804 г. былъ онъ избранъ Корреспондентомъ Парижскаго Гальваническаго Общества; 23-го Марта 1805 г., Членомъ Гёттингенскаго Повивальнаго; 27-го Мая 1805 г., Ординарнымъ Членомъ Московскаго Физико-Медицинскаго; 16-го Мая 1806 г. Почетнымъ Членомъ Санктпетербургскаго Медико-Филантропическаго; 15-го Января 1807 г. Почетнымъ Членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы; 3-го Августа 1812 г., Почетнымъ Членомъ Харьковскаго Университета; 27-го Ноября 1817 г., Корреспондентомъ, по части ученой, Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Тѣ, которые знали Мухина въ частной жизни, любили въ немъ умнаго, пріятнаго собесѣдника и хвалили его занимательную, живую, веселую рѣчь: вѣримъ тѣмъ охотнѣе, что этими качествами отличалось и преподаваніе его съ каѳедры. Письменный его языкъ былъ нечистъ, отрывистъ и небреженъ до крайности: въ сочиненіяхъ его вездѣ виденъ человѣкъ, торопящійся высказать свою мысль и мало заботящійся о систематическомъ ея округленіи, весь занятый содержаніемъ излагаемаго и совершенно равнодушный къ формѣ изложенія. И самыя лекціи его, если разсматривать ихъ со стороны расположенія, отнюдь не отличались строгимъ порядкомъ и точною послѣдовательностью, и гораздо болѣе походили на свободную бесѣду о различнѣйшихъ медицинскихъ предметахъ, чѣмъ на систематическое изложеніе какого-либо одного: за ними необходимо было слѣдить внимательнымъ слухомъ, ибо записывать ихъ не было возможности. Но всегда были онѣ излагаемы живою, обильною, непринужденною рѣчью, часто приправлены краснымъ словцомъ и обыкновенно украшены любопытными анекдотами изъ сферы собственныхъ опытовъ и наблюденій преподавателя. Во всѣхъ этихъ анекдотическихъ фактахъ высказывался человѣкъ бывалый, много видѣвшій собственными глазами, много работавшій собственною рукою, много извѣдавшій въ поучительной, но строгой и суровой школѣ практической жизни. И надобно помнить объ этой школѣ, которую немногимъ дано пройти и выдержать съ успѣхомъ, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить покойнаго Мухина,

отдать достоинствамъ его всю должную честь и простить его недостатки, которые по преимуществу были недостатками системы и формъ. Надобно помнить, какъ неполны и несовершенны были средства къ изученію Медицины вообще за семьдесять предъ симъ лѣтъ; какъ тяжелы методы преподаванія въ сравненіи съ нынѣшними; какъ трудно было неопытному и неприготовленному воспитаннику Харьковскаго Коллегіума соединить необходимыя теоретическія занятія съ тѣми обязанностями, которыя возложила на него преждевременная его практика; какъ часто былъ онъ припужденъ снова открывать и изобрѣтать, что давно уже было найдено,—разгадывать, что давно было разъяснено въ извѣстныхъ и ходячихъ, но для него еще недоступныхъ, учебникахъ,— предлагать самой натурѣ вопросы, на которые давно уже былъ данъ отвѣтъ скрытою для него наукою; какую твердость духа, какую силу воли нужно было имѣть, чтобы отъ состоянія бѣднаго Студента, для котораго степень Подлѣкаря составляла еще далеко недостигнутую степень, самимъ собою подняться до высшей степени Академической,—чтобы изъ неизвѣстнаго Лѣкарскаго помощника въ отдаленномъ углу Россіи, безъ денежныхъ средствъ, безъ покровителей, безъ настоящихъ учебныхъ пособій, сдѣлаться знаменитѣйшимъ столичнымъ врачемъ, смѣлымъ и счастливымъ операторомъ, Профессоромъ Академіи и Университета. Сколько хорошихъ, но обыкновенныхъ, дарованій погибло бы невозвратно при этой невозможности послѣдовательнаго, методическаго развитія! Сколько доброй, но не желѣзной, воли было бы преломлено и сокрушено подъ давленіемъ столь тяжелыхъ обстоятельствъ! Но это самое давленіе, дѣйствуя на натуру энергическую и своебытную, вызываетъ ее только на усиленное противодѣйствіе, заставляетъ ее познать весь объемъ своихъ силъ и внутреннимъ своимъ богатствомъ восполнить недостатокъ внѣшнихъ пособій, и такимъ образомъ производитъ того самостоятельнаго, оригинальнаго человѣка, которымъ вышелъ Мухинъ изъ своей борьбы съ нуждою, съ лишеніями, съ препятствіями всякаго рода, и которымъ, можетъ быть, не вышелъ бы онъ никогда при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Сочиненія его: 1) De stimulis corpus humanum vivum affi-

cientibus. Gotting. 1804. — 2) *Разговоръ о пользѣ прививанія коровьей оспы,* съ 16-ю чертеж. Москва, 1804 г.—3) *Разсужденіе о средствахъ и способахъ оживотворять утопшихъ, удавленныхъ и задохшихся.* М. 1805.—4) *Первыя начала костоправной науки,* съ 37-ю чертежами. М. 1806 г. — 5) *Сокращеніе, извлеченное изъ наблюденій надъ прививаніемъ коровьей оспы,* съ чертеж. М. 1807.—6) *Прибавленіе къ разговору о пользѣ прививанія коровьей оспы,* съ 16-ю чертежами. М. 1807 г.—7) *Описаніе хирургическихъ операцій.* 2 части, съ 12-ю чертеж. М. 1807. — 8) *Разсужденіе о желтой Американской горячкѣ,* соч. Дедьера. Перев. съ Лат. 1806 г.— 9) *Краткое наставленіе простому народу о пользѣ прививанія коровьей оспы,* съ чертеж. М. 1811.—10) *Врачебное наблюденіе о дѣйствіи мухоморовъ на людей и надежнѣйшемъ способѣ лѣчить отъ онаго.* М. 1811 г. — 11) *Анатомико-патологическое наблюденіе о мышечной водяной болѣзни яичниковъ.* М. 1811 г.—12) *Связесловіе и мышцесловіе.* М. 1812 г.—13) *Курсъ Анатоміи для воспитанниковъ, обучающихся Медико-хирургической наукѣ.* 7 частей. М. 1815 г.; 2-е изд., 8 частей. М. 1818 г.—14) *Наука о мокротныхъ сумочкахъ тѣла человѣческаго.* М. 1815 г.; 2-е изд. 1816 г.—15) De sensibilitatis sede et actione oratio. М. 1817.—15) *Способъ печь хлѣбы изъ многопитательнаго пороста (Исландскаго моху,* Cetraria polytropha) *и мѣра противъ черныхъ рожковъ.* М. 1823 г.— 17) *Краткое обозрѣніе наносной холеры; о паровыхъ ваннахъ и самоварѣ; о постной и рыбной пищѣ.* М. 1830 г.—18) *Краткое наставленіе о составленіи, свойствѣ и употребленіи хлоровой извести противу гнилыхъ, заразительныхъ болѣзней, при вскрытіи труповъ и въ Анатоміи.* М. 1830 г.—19) *Краткое наставленіе врачевать отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ.* М. 1831. — 20) *Способъ печь хлѣбы изъ обыкновенной всякой муки хлѣбныхъ зеренъ, съ прибавленіемъ муки изъ смолотой соломы.* М. 1834 г. — 20) *Вопросы изъ Физіологіи, Судебной Медицины и Медицинской Полиціи, предлагаемые на частныхъ и публичныхъ испытаніяхъ.* М. 1833 г.—22) *Дополнительные вопросы.* М. 1834 г. — Въ Вѣстникѣ Европы 1804 г. (Т. 3. 214.), 1806 г. (Т. 5. 47.), 1807 г. (Т. 2. 117, 211.), Мухинъ печаталъ отчеты о пользованіи больныхъ въ

Голицынской больницѣ, равно и о хирургическихъ операціяхъ, имъ и другими хирургами произведенныхъ въ самой больницѣ и внѣ оной.

Мягковъ, Гавріилъ Ивановичь, Экстраординарный Профессоръ Военныхъ Наукъ, Коллежскій Совѣтникъ, изъ дворянъ, 1785 года Августа 8-го записанъ былъ въ Павловскій Благородный Кадетскій Корпусъ, откуда уволенъ съ аттестатомъ, по которому принятъ былъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ Учителемъ Геометріи, Фортификаціи и Артиллеріи, 1796 г. Іюня 17-го.—1799 г. Декабря 31-го произведенъ въ Коллежскіе Регистраторы;—1805 г. Сент. 8-го въ Магистры Военныхъ Наукъ и допущенъ къ преподаванію въ Университетѣ лекцій Военныхъ Наукъ. — За сочиненіе Всемилостивѣйше награжденъ отъ Государя Императора бриліантовымъ перстнемъ, 1808 г. Августа 22-го. — Въ пользу Россійскаго благороднаго юношества издалъ курсъ Военной Архитектуры, состоящій изъ пяти частей, за что вторично отъ Государя Императора былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ и выдачею на напечатаніе этого курса особливой суммы. Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Завадовскимъ утвержденъ, по избранію Университета, въ званіи Адъюктъ-Профессора военныхъ наукъ, 1808 г. Августа 13-го. Кромѣ Каѳедры военныхъ наукъ, занималъ, по препорученію, каѳедру чистой Математики и читалъ лекціи для должностныхъ чиновниковъ въ теченіи 1810 и 1811 годовъ.— Въ Октябрѣ 1813 г. поступилъ въ Архитекторскую школу Кремлевской Экспедиціи, гдѣ занималъ высшій классъ. — 1817 г. Августа 13-го произведенъ въ Надворные Совѣтники со старшинствомъ съ 1815 г. Декабря 31-го; Февр. 3-го 1824 г. награжденъ Орденомъ Св. Анны 3-й степени; Іюня 28-го того же года Всемилостивѣйше пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, со старшинствомъ со времени выслуги въ прежнемъ чинѣ установленнаго срока. — 1826 г. Апрѣля 17-го опредѣленъ въ Кадетскій Корпусъ. — Декабря 8-го того же года утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ.— 1831 г. награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

По каталогамъ Университетскихъ лекцій преподаваніе Г. И. Мягкова началось съ 180$\frac{6}{7}$ академическаго года. Тогда объявлено, что онъ будетъ читать военныя науки. Въ 180$\frac{7}{8}$ году онъ читалъ Артиллерію по руководству Робенса и Теорію о бросаніи бомбъ; въ 180$\frac{8}{9}$ году Фортификацію по курсу Военной Архитектуры, имъ самимъ изданному; въ 180$\frac{9}{10}$ году Артиллерію по руководству Шеля, Баллистику, по руководству Белидора и о построеніи подземныхъ укрѣпленій по своему изданному курсу. — Далѣе въ 18$\frac{13}{14}$ читалъ Теорію разныхъ укрѣпленій по своей книгѣ и показывалъ употребленіе сей Теоріи какъ при осадахъ, такъ и при защищеніяхъ крѣпостей; въ 18$\frac{14}{15}$ Теорію неправильныхъ, долговременныхъ и полевыхъ укрѣпленій, по руководству Бусмара и Сенполя и показывалъ новѣйшій способъ атаки и обороны крѣпостей. Въ слѣдующихъ годахъ продолжалъ тоже. Въ 182$\frac{0}{1}$ читалъ Теорію полевыхъ укрѣпленій по руководству Беллавеня. Съ 182$\frac{1}{2}$ года, при чтеніи Артиллеріи, руководствовался Артиллеріею, изданною Артиллерійскимъ С. Петербургскимъ Комитетомъ.—Съ 182$\frac{4}{5}$ года преподавалъ Теорію военнаго искусства по Жомини и Временную Фортификацію по руководству Дювернуа и собственному своему сочиненію. — Въ 182$\frac{7}{8}$ году для Теоріи Артиллерійской науки присоединена Артиллерія Генералъ-Майора Гогеля—и прибавлено, что составлять и объяснять фортификаціонные и артиллерійскіе чертежи будетъ Адъюнктъ Гавріилъ Галлеръ, который продолжалъ это занятіе до 183$\frac{0}{1}$ года. — Далѣе въ 183$\frac{0}{1}$ году показано для полевой Фортификаціи сочиненіе Девернона; въ 183$\frac{1}{2}$ году прибавлено для Артиллеріи руководство Маркевича. Этимъ годомъ прекратились лекціи Профессора Мягкова.

Имъ изданы: 1) *Краткое руководство къ Военной Архитектурѣ, или Фортификаціи.* М. 1805 г. — 2) *Полный и новый курсъ Военной Архитектуры, или Фортификаціи*, 5 ч. М. 1808 — 1812. — 3) *Опытъ Артиллерійской Тактики, изданный въ пользу воспитанниковъ высшаго класса Университетскаго Благороднаго Пансіона.* М. 1824 г. — 4) *Теорія о механизмѣ сводовъ.* М. 1825 г.

Вотъ содержаніе вкратцѣ главной книги Мягкова: *Полнаго*

курса военной Архитектуры, по объявленію, современному выходу ея въ свѣтъ: «Весь курсъ состоитъ изъ пяти частей, напечатанныхъ въ четвертку. Первая трактуетъ о долговременныхъ правильныхъ и неправильныхъ бастіонныхъ укрѣпленіяхъ и оканчивается новою системою *Тенальной*, или *Перпендикулярной Фортификаціи* извѣстнаго свѣту своими сочиненіями славнаго Монталамберта; вторая о полевыхъ или временныхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ помѣщено все, чѣмъ только долженъ руководствоваться офицеръ въ полевой войнѣ; третія о способахъ *атаки* и *обороны* крѣпостей, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ, съ критическими замѣчаніями о методѣ атаки и обороны господина Вобана; четвертая о подземныхъ укрѣпленіяхъ или минахъ, гдѣ, сравнивая лучшихъ авторовъ различныя теоріи о изрытіяхъ, воспламененіемъ пороха въ землѣ производимыхъ, показывается новѣйшая теорія, основанная на физико-математическихъ законахъ, и достовѣрными опытами подтвержденная, со всѣми притомъ подробностями до практики касающимися. Въ концѣ сей части помѣщенъ словарь инженерныхъ терминовъ съ полнымъ оныхъ изъясненіемъ во всѣхъ надлежащихъ по ихъ зависимости отношеніяхъ, и потомъ краткое описаніе плановъ, коихъ числомъ простираться будетъ до осьмидесяти и которые составятъ особенно пятую часть».

Н.

НАДЕЖДИНЪ, Николай Ивановичь, Ординарный Профессоръ Теоріи изящныхъ искусствъ и Археологіи, Этико-Филологическихъ наукъ Докторъ и Магистръ Богословія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, изъ духовнаго званія, родился въ Рязанской губ. въ 1804 году; съ 1815 года обучался въ Рязанской Семинаріи разнымъ языкамъ и наукамъ, а въ 1820 г., по предписанію Коммиссіи духовныхъ училищъ, для высшаго образованія поступилъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ въ продолженіе четырехъ-годичнаго курса, обучался также разнымъ языкамъ и наукамъ; съ утвержденія Коммиссіи духовныхъ училищъ, Академическою Конференціею возведенъ на степень Магистра и опредѣленъ въ Рязанскую

Духовную Семинарію Профессоромъ Словесности и Нѣмецкаго языка, 1824 г. Октября 20-го; Семинарскимъ Правленіемъ препоручена ему при Семинаріи должность Библіотекаря, и въ сей должности утвержденъ 1825 г. Февраля 14-го; отъ означенныхъ должностей вмѣстѣ и изъ духовнаго званія, по опредѣленію Коммиссіи духовныхъ училищъ, согласно его прошенію, по причинѣ болѣзни, уволенъ для поступленія въ гражданскую службу, 1826 г. Октября 9-го.

Въ 1830 году Надеждинъ выдержалъ въ Словесномъ Отдѣленіи Московскаго Университета экзаменъ на степень Доктора Этико-Филологическихъ наукъ и по этому случаю напечаталъ разсужденіе на Латинскомъ языкѣ: De origine, natura et fatis Poëseos, quae Romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Mosquae. 1830. Тезисы диссертаціи онъ защищалъ публично на Латинскомъ языкѣ и утвержденъ въ степени Доктора 1830 года, Сентября 24-го. — По приглашенію дирекціи Императорскихъ Московскихъ Театровъ, съ утвержденія Г. Министра Высочайшаго Двора, преподавалъ въ Московской театральной школѣ Логику, Россійскую Словесность и Миѳологію съ 1831 года Декабря 5-го. Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора Теоріи изящныхъ искусствъ и Археологіи въ Московскомъ Университетѣ, 1831 г. Декабря 26-го. — Избранъ былъ Членомъ училищнаго комитета и Членомъ Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, три раза, въ 1832, 3 и 4 годахъ. Былъ Секретаремъ Совѣта съ 1833 года до преобразованія Университета. — Былъ визитаторомъ въ Московской и Тверской Гимназіяхъ, въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ: Тверскомъ, Новоторжскомъ, Вышневолцкомъ и Клинскомъ, въ Рязанской и Тульской дирекціяхъ. За визитацію два раза получилъ признательность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. — За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ М. У. объявлено ему Его Императорскаго Величества Высочайшее благоволеніе, 1834 года Августа 6-го. Былъ, по Высочайшему повелѣнію, единовременно награжденъ тысячью р. изъ хозяйственныхъ суммъ Университета. 29-го Мая 1835 года уволенъ, по прошенію, отъ службы при Университетѣ.

Въ 183$\frac{2}{3}$ Академическомъ году Н. И. Надеждинъ читалъ Теорію изящныхъ искусствъ по собственному конспекту; въ 183$\frac{3}{4}$ Археологію или Исторію изящныхъ искусствъ по памятникамъ, слѣдуя также своему конспекту; въ 184$\frac{4}{5}$ снова Теорію из. иск. и Логику для Студентовъ перваго курса всѣхъ отдѣленій. Въ слѣдующемъ году, по случаю введенія новаго Устава, каѳедра Эстетики и Археологіи была упразднена.

Въ 1833 году, на актѣ Іюля 6-го дня произнесъ слово: *О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ*. Въ 1832 году поручено ему было завѣдываніе Минцъ-кабинетомъ.

Въ 1828 году печаталъ свои статьи въ Вѣстникѣ Европы подъ псевдонимомъ Недоумко; въ 1830 году въ Московскомъ Вѣстникѣ.—Съ 1831 года по 1836 году издавалъ журналъ: *Телескопъ* — и при немъ *Молву*, листокъ, выходившій то ежедневно, то еженедѣльно. Критическія статьи обоихъ изданій принадлежали по преимуществу самому Издателю.

По выбытіи изъ Университета, Надеждинъ печаталъ многія ученыя статьи въ Отечественныхъ Запискахъ; участвовалъ дѣятельно въ трудахъ Одесскаго Археологическаго Общества. Служеніе свое продолжалъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящее время завѣдываетъ редакціею Журнала сего Министерства и принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ Императорскаго Географическаго Общества.

НЕМИРОВЪ, Сергѣй Александровичъ, Экстраординарный Профессоръ Патологіи и Общей Терапіи, Докторъ Медицины, 1799 года произведенъ въ Студенты И. М. У.; въ 1800 году получилъ серебряную медаль, въ 1801 году значится вторымъ между отличными, въ 1804 году 17 Марта получилъ степень Доктора Медицины въ одно время съ Котельницкимъ. Въ томъ же году опредѣленъ Адъюнктомъ и читалъ поочередно годъ общую Терапію по руководству Гуфеланда, Геккера и другихъ, годъ общую Патологію по собственному учебнику; съ 1808 года былъ Секретаремъ Медицинскаго Факультета; утвержденъ Экстраординарнымъ Про-

фессоромъ и скончался въ 1810 году отъ чахотки.—Сочиненія его: 1) Dissertatio inauguralis sistens physiologiam et pathologiam ventriculi. Mosquae, 1804.—2) Primae lineae pathologiae generalis. Mosquae 1806.—Кромѣ того перевелъ сочиненіе Сегюра: *О женщинахъ, ихъ состояніи у различныхъ народовъ и вліяніи на общественный порядокъ*, въ 3-хъ частяхъ 1805—1806, и *Письма, мысли и избранныя творенія Принца де Линя*, въ 10 частяхъ, 1809—1810, въ соучастіи съ Профессоромъ И. М. Снегиревымъ.

НИКОЛАЕВЪ, Николай Петровичь, Адъюнктъ Акушерскаго Отдѣленія Факультетской Клиники, Докторъ Медицины, изъ мѣщанскаго званія, родился въ 1818 году Января 20-го дня, Рязанской губерніи, въ г. Зарайскѣ. Выучившись дома читать и писать по Русски, 8-ми лѣтъ поступилъ въ Рязанское Уѣздное училище, пробылъ въ немъ два года, переведенъ въ Рязанскую Гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ съ правомъ поступленія на службу 14 классомъ. Потомъ нѣсколько времени занималъ должность домашняго учителя. Въ 1837 году, вступилъ по экзамену своекоштнымъ слушателемъ въ Медицинскій Факультетъ И. М. У.; перешедши на 2-й курсъ, былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ Студентовъ и по окончаніи курса, удостоенъ степени Лѣкаря 1-го отдѣленія съ отличіемъ. Въ 1843 году Января 9-го дня, вступилъ въ службу Помощникомъ Ординатора Терапевтической Клиники Московскаго Университета.—Въ 1846 году Сентября 1-го дня, перемѣщенъ Ассистентомъ Акушерской Факультетской Клиники.—Въ 1849 году, Января 27-го дня, по экзамену утвержденъ въ званіи Акушера какъ Члена Врачебной Управы.—По выслугѣ въ должности Ассистента установленнаго двухлѣтняго срока, оставленъ былъ въ сей должноссти, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ дѣйствительной службѣ до 9 Января 1849 г., т. е. до дня окончанія шестилѣтняго срока, который обязанъ былъ прослужить по назначенію Начальства, какъ казеннокоштный Студентъ, и сей срокъ на службѣ выполнилъ.—Въ 1849 году Мая 16-го дня, вступилъ Преподавателемъ Анатоміи и Хирургіи питомцамъ Фельдшерской школы при Императорскомъ Москов-

скомъ Воспитательномъ Домѣ и, по собственному желанію, 1-го Сентября 1850 года уволенъ. За время служенія изъявлена ему признательность Опекунскаго Совѣта. — Въ 1849 году Іюня 4-го, по назначенію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, поступилъ врачемъ при Канцеляріи Генералъ-Губернатора и занимаемомъ имъ домѣ; сверхъ того исполнялъ разныя возлагаемыя на него служебныя командировки и порученія. — Въ 1849 году Іюля 7 дня Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ сверхъ-штатнымъ Городовымъ Акушеромъ въ Москвѣ.—Въ 1850 году Іюня 7-го дня, утвержденъ въ степени Доктора Медицины. — Въ 1850 году въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ помѣстилъ статью: *Біеніе сердца младенца, какъ вѣрное показаніе Акушеру, для его дѣйствій въ извѣстныхъ случаяхъ, стоянія головки младенца въ полости таза*, и два перевода: 1) *Болѣзни отдѣлительнаго аппарата женскихъ наружныхъ половыхъ частей*; 2) *Омертвѣніе легкаго въ слѣдствіе хроническаго катарра дыхательныхъ вѣтвей.*—Въ 1852 году Сентября 12-го дня, переведенъ Адъюнктомъ Императорскаго Московскаго Университета по каѳедрѣ Акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.— Въ 1853 году Декабря 23-го дня, Высочайше награжденъ 500 руб. серебромъ. — Въ 1854 году Января 3-го дня произведенъ въ Надворные Совѣтники.

О.

Оболенскій, Василій Ивановичъ, Адъюнктъ Греческаго языка и Словесности, Магистръ Словесныхъ наукъ, Надворный Совѣтникъ, сынъ Священника, Орловской губерніи, первоначально обучался въ домѣ родителя, потомъ въ Сѣвской Семинаріи; окончивъ въ ней курсъ ученія, пришелъ въ Москву, гдѣ далъ ему пристанище Священникъ Пятницкой церкви. Вскорѣ по прибытіи въ Москву, 1809 г. Дек. 10-го, поступилъ на службу въ Московское Губернское Правленіе канцеляристомъ. Но призваніе влекло его опять къ ученью—и онъ поступилъ въ число Студентовъ Московскаго Университета по Словесному отдѣленію, 1810 г. Мая 1-го. Во время нашествія непріятеля, Оболенскій пѣшкомъ отправился въ Яро-

славъ съ однимъ Греко-Латинскимъ Лексикономъ. По изгнаніи Французовъ изъ Москвы, онъ окончилъ курсъ Кандидатомъ и опредѣлился, 1816 г. Янв. 15-го, Старшимъ Учителемъ Латинскаго языка въ Тверскую Гимназію. Изъ усердія къ пользѣ Гимназіи, принялъ на себя обязанность обучать безъ жалованья Греческому языку и исполнялъ ее съ Сент. 1-го 1819 г. по Марта 15-е 1820 г. Изъ Тверской Гимназіи уволенъ, 1820 г. Февр. 15-го, для продолженія наукъ въ Московскомъ Университетѣ. Съ 1821 года Янв. 20-го по 20-го Дек. 1823 г. былъ учителемъ и надзирателемъ въ Университетскомъ пансіонѣ; здѣсь своимъ образованіемъ, трудолюбіемъ, ученою бесѣдою, любезнымъ характеромъ принесъ много умственной и нравственной пользы старшимъ питомцамъ Пансіона этого времени. 1824 г. Янв. 10-го утвержденъ Магистромъ Словесныхъ Наукъ, по защищеніи диссертаціи: De discrimine et ingenio litterarum Graecarum et Romanarum nec non de utilitate ac praestantia studiorum humanitatis. 1827 г. Окт. 19-го опредѣленъ Старшимъ Учителемъ въ Московскую Губернскую Гимназію. Тогда же перевелъ съ Эллино-Греческаго и издалъ *Разговоры Платона о законахъ.* 1828 г. избранъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Въ томъ же году отправленъ былъ въ С. Петербургъ для практическаго изученія методы взаимнаго обученія, и возвратясь передавалъ эту методу въ Университетѣ Студентамъ, а въ 1829 году Янв. 21-го открылъ школу взаимнаго обученія при Никитскомъ училищѣ, съ пожертвованіемъ всѣхъ принадлежностей, цѣною на 300 руб. за что и получилъ 1829 г. Іюля 8-го благодарность отъ Его Свѣтлости Г. Министра. Въ томъ же году перевелъ съ Греческаго *Геродіанову Исторію.* 1833 года Совѣтомъ Университета поручено было ему читать лекціи Греческаго языка для первогодичныхъ Студентовъ. При введеніи въ дѣйствіе новаго устава, утвержденъ (1835 г. Дек. 31) Адъюнктомъ для преподаванія Греческаго языка. Правилъ должность Секретаря 1-го отдѣленія Философскаго Факультета съ 25-го Января 1839 года по 29-го Апрѣля 1842. По порученію Начальства, завѣдывалъ изданіемъ нѣкоторыхъ классиковъ Греческихъ, въ пользу Студентовъ-Филологовъ, также изданіемъ нѣсколь-

кихъ листовъ Греческо-Рускаго Словаря Профессора Иванковскаго; напечаталъ Иліаду въ Греческомъ подлинникѣ. Преподавалъ Латинскій языкъ въ Институтѣ Оберъ-Офицерскихъ сиротъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Всемилостивѣйше пожалованъ, 1841 г. Авг. 22-го знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.—10-го Іюля 1843 года вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и скончался въ Маѣ 1847 года. Жизнь Василія Ивановича была открыта и ясна всѣмъ, его знавшимъ. Онъ былъ набоженъ, особенно впослѣдствіи и соблюдалъ всѣ уставы Церкви, которую тщательно и усердно посѣщалъ. Дома читалъ всякій день молитвы и нѣкоторыя главы изъ Библіи на Греческомъ языкѣ. Имѣлъ сердце чистѣйшее и добрѣйшее, совѣсть неукоризненную; скоро прощалъ и забывалъ обиды; былъ великодушенъ, щедръ, простъ душою, не зная никакой скрытности или притворства; въ самой высшей степени независтливъ; всегда, съ особеннымъ наслажденіемъ, говорилъ объ успѣхахъ хорошихъ людей въ наукахъ или на службѣ. При миролюбивомъ характерѣ, имѣлъ природную вспыльчивость, которая, однако, отъ одного слова погасала и превращалась или въ извиненіе, или въ раскаяніе, или въ простодушный смѣхъ. До того былъ младенецъ душою, что даже не имѣлъ способности примѣтить иногда явную ложь, ибо самъ никогда не говорилъ неправды. Данное слово помнилъ и держалъ, хотя бы въ опрометчивости имъ сказанное; всегда былъ расположенъ и готовъ дѣлать добро, и дѣлалъ его даже не въ соразмѣрности съ своими средствами. Студентовъ даровитыхъ, но бѣдныхъ, приглашалъ къ себѣ жить, доставлялъ имъ столъ и все нужное даромъ; сверхъ того училъ ихъ и давалъ имъ пользоваться своею библіотекою. Въ домашней жизни довольствовался малымъ, съ прислугою обращался кротко и ею всегда былъ любимъ искренно.—Любилъ рано вставать, иногда ходилъ прогуливаться за городъ съ книгою. Много занимался и по временамъ предавался чтенію то философскихъ, то историческихъ, то богословскихъ, то педагогическихъ и другихъ сочиненій. Былъ любознателенъ, до того, что имѣя слишкомъ 40 лѣтъ отъ роду, началъ учиться и выучился Англійскому языку, съ котораго перевелъ нѣсколько книгъ нравственнаго содержа-

нія. Кромѣ того изъ новѣйшихъ языковъ зналъ весьма хорошо Нѣмецкій и Французскій языки. Любилъ бесѣдовать и и говорить, и въ разговорѣ обнаруживалъ необыкновенную начитанность. Внезапно высказывалъ мысли оригинальныя, въ которыхъ виднѣлись высокій умъ и благородная душа. Въ преподаваніи его съ каѳедры видны были тѣже свойства ума и души. Онъ говорилъ много дѣльнаго и прекраснаго, безъ всякаго приготовленія и обдуманнаго заранѣе плана.

ОВЕРЪ, Александръ Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Терапевтической Клиники и Директоръ Терапевтическаго Отдѣленія Факультетской Клиники, Докторъ Медицины и Хирургіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, родился въ Россіи, 18-го Сентября 1804 года.—Родители его были Французскіе эмигранты. Отецъ, Докторъ правъ и Королевскій Адвокатъ при Парламентѣ въ Нанси, за свою преданность законной власти, былъ принужденъ искать убѣжища въ Россіи, гдѣ и умеръ въ 1809 году.—Оставшись сиротою по 5-му году, А. И. провелъ первую половину своей юности при матери, лишенной почти всѣхъ матеріяльныхъ средствъ къ жизни и избравшей для него коммерческое поприще.—Съ этою цѣлію на 10-мъ году онъ поступилъ въ Московскую практическую Коммерческую Академію. Но вскорѣ отвращеніе отъ коммерческихъ наукъ взяло перевѣсъ и, благодаря счастливому для него стеченію обстоятельствъ, сблизившись съ семействомъ Профессора Московскаго Университета Готгельфа Фишера фонъ Вальдгеймъ, котораго сыновья готовились быть врачами, Оверъ подружился съ ними и рѣшился проходить избранное ими поприще.

На 11-мъ году жизни поступилъ въ Московскую Гимназію, гдѣ, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, окончилъ курсъ приготовительныхъ наукъ, при чемъ, благодаря незабвеннымъ своимъ благодѣтелямъ, Іоанну Розенштрауху, бывшему потомъ Консисторіяльнымъ Совѣтникомъ и Пасторомъ въ Харьковѣ, и Вильгельму Шмицу де Пре, одному изъ знаменитѣйшихъ въ то время практическихъ врачей въ Москвѣ, пользовался съ ихъ помощію и частными уроками.

На 15 году жизни, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ

1-й классъ Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи и черезъ годъ перешелъ во второй.—Въ это время Профессоръ Лодеръ, который начиналъ свой курсъ Анатоміи въ Университетѣ, убѣдилъ мать Овера перевести его изъ Академіи въ Университетъ, для продолженія курса наукъ. Ему было 16 лѣтъ, когда, по экзамену, онъ перешелъ изъ вольныхъ слушателей Академіи въ Студенты Университета. Здѣсь, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, слушалъ лекціи по Медицинскому Факультету, и въ теченіе этого времени Физико-Математическій Факультетъ удостоилъ его золотой медали за диссертацію, написанную на предложенную имъ тему: Historia animalium aspondyloideorum.

Университетскій курсъ ученія приближался къ концу, когда, по обстоятельствамъ, отъ Овера независѣвшимъ, онъ долженъ былъ опять перейти въ Академію, въ которой началъ ученіе.—Здѣсь, въ 1823 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, выдержалъ, въ присутствіи Конференціи, экзаменъ, по которому удостоился степени Доктора Медицины, съ обязанностію представить диссертацію: de incisione ductus aërei.

Въ Октябрѣ того же года отправился за границу и остановился сначала въ Страсбургѣ, для свиданія съ родственниками матери и слушанія курсовъ при тамошней Медицинской школѣ.—Здѣсь встрѣтилъ Іоанна Фридриха Лобштейна, бывшаго въ то время Профессоромъ Клиники и Патологической Анатоміи, и имѣлъ счастіе заслужить его дружбу и особенную благосклонность. — Въ это же время подружился съ товарищами Маршалемъ и Штольцомъ (нынѣ Профессорами Медицины въ Страсбургѣ), которые, по своему положенію при Страсбургскомъ Медицинскомъ Факультетѣ, не мало облегчили Оверу доступъ ко всѣмъ источникамъ медицинскаго образованія и исходатайствовали ему свободный входъ въ Страсбургскую городскую Больницу, гдѣ представилось ему богатѣйшее поприще для практическаго развитія.

Въ 1825 году, узнавъ о болѣзни матери, Оверъ возвратился въ Россію. — Въ томъ же году, представивъ диссертацію: de incisione ductus aërei въ Конференцію Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи, былъ окончательно удостоенъ степени Доктора Медицины, и снова отправился за

границу, проводилъ больную свою мать до Страсбурга и, оставивъ ее тамъ на рукахъ ближайшихъ ея родственниковъ, продолжалъ путь до самаго Парижа, вмѣстѣ съ ученымъ и скромнымъ товарищемъ Ѳедоромъ Рихтеромъ, похищеннымъ преждевременно смертію у друзей науки и человѣчества.

Въ это время въ Парижѣ Дюпюйтренъ и Лисфранкъ — по Хирургіи, Бруссе—по Медицинской Клиникѣ, Лейнэкъ— по Патологической Анатоміи слыли свѣтилами науки.—Особенное невольное влеченіе къ Хирургіи вдругъ пробудилось въ Оверѣ. Онъ посвятилъ 2 года изученію этой отрасли Медицины, подъ руководствомъ Дюпюйтрена въ Hôtel-Dieu, Лисфранка въ Pitié, Бойе и Ру въ Charité; потомъ посѣтилъ Лондонъ, Монпелье, Италію, Германію и возвратился въ Страсбургъ для того, чтобы провести еще нѣсколько мѣсяцевъ при своей матери. — Здѣсь опять нашелъ Профессора Лобштейна, который, питая къ нему особенное расположеніе, снабжалъ его мудрыми своими наставленіями, какъ лице, уже испытавшее все то, что молодаго врача ожидало еще впереди на предстоявшемъ ему практическомъ поприщѣ. Наконецъ, поручивъ мать свою дружескому попеченію неоцѣненныхъ своихъ товарищей, Маршаля и Штольца, Оверъ возвратился въ 1829 г. въ Маѣ мѣсяцѣ въ Москву, которую избралъ мѣстомъ своей медицинской дѣятельности.

Но вскорѣ горькая дѣйствительность уничтожила мечты, которыми по неопытности молодой человѣкъ до сихъ поръ украшалъ свое первое вступленіе на сцену самостоятельной жизни. — Вильгельмъ Шмицъ де Пре, уважаемый покровитель его юности и первый путеводитель въ жизни, умеръ, не оставивъ никого, кто бы, подобно ему, съ отеческою любовію напутствовалъ его своими совѣтами. — Къ счастью, онъ нашелъ въ лицѣ Готгельфа Фишера, бывшаго тогда Президентомъ Академіи, и Ѳедора Рихтера, истинныхъ друзей, которые поддерживали его среди обмановъ и разочарованій, встрѣчающихъ всякаго, выступающаго на поприще жизни.— Онъ засталъ еще незабвеннаго наставника своего, Профессора Мудрова, который, оставивъ ученіе Брауна и раздѣляя тогдашній взглядъ на Медицину Французскихъ врачей, преподавалъ ученіе о внутреннихъ болѣзняхъ, принимая въ осно-

ваніе теорію Бруссе, и показалъ всю важность анатомико-патологическихъ изслѣдованій.—Желая знать о плодахъ трудовъ Овера за границею и особенно интересуясь успѣхами Патологической Анатоміи во Франціи, Мудровъ разсмотрѣлъ лекціи Лейнэка и Андраля, записанныя Оверомъ особенно тщательно съ изустнаго ихъ преподаванія, былъ весьма доволенъ этимъ трудомъ его за границею и обѣщалъ употребить всѣ усилія для того чтобъ, пристроивъ Овера при Университетѣ, дать ему полную возможность продолжать ученыя занятія.—Но не такъ рѣшила судьба. Въ эпидемію холеры 1830 года, Мудровъ долженъ былъ, по порученію Правительства объѣзжать Губерніи, гдѣ свирѣпствовала эта болѣзнь, и въ 1831 г. самъ палъ жертвою ея въ С. Петербургѣ.

Въ Октябрѣ 1830 года холера постигла Москву. Оверъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ Басманной временной холерной больницы и когда главный врачь оной, Карлъ Рамихъ, самъ заболѣлъ холерой, Оверъ занялъ мѣсто его по службѣ и вмѣстѣ пользовалъ его, какъ больнаго. Рамихъ выздоровѣлъ; бывшій начальникъ сдѣлался подчиненному другомъ и, благодаря его представленію, Оверъ получилъ въ 1831 году, въ награжденіе за службу при холерной больницѣ въ 1830 году, орденъ св. Анны 3-й степени.

Такъ какъ кругъ его практической дѣятельности былъ весьма ограниченъ, то онъ находилъ довольно свободнаго времени для занятій въ Военномъ Госпиталѣ Патологическою Анатоміею и для упражненія на трупахъ въ производствѣ болѣе трудныхъ операцій. — Съ другой стороны, товарищъ его, Ѳ. Рихтеръ, будучи Ординаторомъ при Екатерининской Больницѣ, получилъ отъ главнаго ея врача Андрея Ивановича Поля для Овера позволеніе посѣщать палаты и доставилъ ему такимъ образомъ удобнѣйшій случай при постели больныхъ изучать самыя трудныя болѣзни, а въ случаѣ ихъ смерти повѣрять вскрытіемъ труповъ сдѣланную діагностику.

Посѣщая часто Екатерининскую Больницу, Оверъ успѣлъ обратить на себя благосклонное вниманіе ея Начальника, Доктора Поля, который, узнавъ, что онъ много работалъ надъ усовершенствованіемъ себя въ Практической Хирургіи, и будучи доволенъ его производствомъ операцій на трупахъ, до-

ставилъ ему случай производить оныя на живыхъ. — Такимъ образомъ, съ его согласія, была произведена Оверомъ въ Екатерининской больницѣ первая операція на живомъ: отнятіе бедра (amputatio femoris).—Среди этихъ-то обстоятельствъ, сблизившихъ Овера съ Докторомъ Полемъ, родилась, основанная на чувствахъ благодарности и уваженія взаимная ихъ дружба, которую ни продолженіе времени, ни разнообразныя обстоятельства жизни, не успѣли поколебать ни мало, но напротивъ того скрѣпляли все болѣе и болѣе.

Сынъ знаменитаго Профессора Хирургіи, Ѳ. А. Гильдебрандта, И. Ѳ. Гильдебрандтъ (нынѣшній главный Врачь резервовъ дѣйствующей арміи) занималъ въ это время мѣсто помощника при Профессорѣ Хирургической Клиники Московскаго Университета, нынѣ Ректорѣ онаго, А. А. Альфонскомъ.—Имѣя необходимость отправиться за границу и не желая лишиться мѣста при Университетѣ, И. Ѳ. предложилъ Оверу занять оное временно (ad interim). Факультетъ съ своей стороны изъявилъ на это свое согласіе, и Оверъ былъ въ продолженіе академическаго 183$\frac{1}{2}$ года помощникомъ Профессора Альфонскаго по каѳедрѣ Хирургической Клиники. — Такъ какъ въ это время камнесѣченіе (lithotomia) считалось одною изъ самыхъ трудныхъ операцій и Профессоръ Альфонскій производилъ ее чаще прочихъ съ особеннымъ свойственнымъ ему искусствомъ, то Оверъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усовершенствоваться въ производствѣ ея подъ руководствомъ опытнаго наставника, которому исключительно и обязанъ своими удачами въ этой, у насъ особенно важной области Практической Хирургіи.

Въ теченіи сего же академическаго года, по порученію своего Профессора, Оверъ читалъ курсъ Оперативной Хирургіи, по методу наставника своего Лисфранка, основывая всѣ хирургическія дѣйствія на данныхъ, почерпаемыхъ изъ Хирургической Анатоміи.

Въ 1833 году былъ назначенъ старшимъ врачемъ Московской Градской Больницы. Это обстоятельство чрезвычайно расширило кругъ его дѣйствій, равно въ отношеніи къ производству операцій, какъ и къ анатомико-патологическимъ изслѣдованіямъ.

Всегда благопріятствовавшая судьба дала Оверу въ ближайшемъ его начальникѣ, главномъ Врачѣ Больницы, Докторѣ Эвеніусѣ, человѣка, преданнаго наукѣ, который, нисколько не стѣсняя его въ трудахъ и занятіяхъ, предоставлялъ ему напротивъ полную свободу, при всѣхъ встрѣчавшихся оперативныхъ случаяхъ, прилагать къ дѣлу, столько лѣтъ собираемыя учено-техническія хирургическія познанія и развить новѣйшую Хирургію.

Такимъ образомъ, первый разъ въ Москвѣ, произведены были Оверомъ нѣсколько разъ: перевязка подключичной артеріи, до и послѣ прохожденія ея inter scalenos, перевязка сонной артеріи, полное и частное отнятіе верхней и нижней челюсти, отсѣченіе маточной шейки и разныя пластическія операціи.

Кромѣ того, каждый больной, котораго болѣзнь въ діагностическомъ отношеніи казалась сомнительною, былъ наблюдаемъ съ особенною точностью; когда лѣченіе не могло спасти больнаго, вскрытіе трупа его, производимое съ возможною отчетливостію, служило напередъ объясненіемъ подобныхъ, могущихъ встрѣтиться случаевъ. — Все замѣчательное, по отдѣленію, какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ болѣзней, случающееся въ больницѣ, было наблюдаемо, записываемо и, нѣсколько это позволяли ограниченныя средства Овера, срисовываемо опытною рукою подъ его руководствомъ.

Такъ протекали годы, среди скромныхъ и полезныхъ занятій, поддерживаемыхъ чувствомъ обязанности и надеждою на то, что труды останутся не безъ пользы для науки. Трудившійся былъ наконецъ столь счастливъ, что дождался той минуты, въ которую его собраніе анатомико-патологическихъ препаратовъ и атласъ картинъ, представляющихъ все замѣчательное, извлеченное изъ наблюденія болѣе интересныхъ случаевъ въ больницѣ, оказались дѣйствительно заслуживающими вниманіе и не уступали извѣстнымъ иностраннымъ коллекціямъ.

Мало по малу, кругъ оперативной дѣятельности хирурга сталъ распространяться, и переходя за предѣлы больницы, вызвалъ его на поприще между больными въ городѣ. — Онъ не можетъ не указать съ чувствомъ особенной признательности

на знаменитыхъ Московскихъ врачей, которыхъ снисходительность и дружескіе совѣты поддерживали первые шаги его при началѣ городской хирургической практики, благодаря которымъ онъ всегда могъ надѣяться найти въ сомнительныхъ случаяхъ добросовѣстныхъ консультантовъ и при самомъ производствѣ трудныхъ операцій опытныхъ помощниковъ. Доктора: Ѳ. А. Гильдебрандтъ, Г. Я. Высоцкій, А. А. Рихтеръ, А. А Альфонскій, Ѳ. П. Гаазъ, А. И. Поль и В. В. Пеликанъ никогда не оставляли его своими совѣтами, напротивъ съ особенною готовностью приходили къ нему на помощь.—Оверу удалось даже заслужить особенную ихъ довѣренность, и эти опытные практики не пренебрегали взаимно, въ случаяхъ трудныхъ или сомнительныхъ, прибѣгать къ его совѣту, и ставить его на ряду съ консультантами, призываемыми ими обыкновенно для совѣщанія при важнѣйшихъ оперативныхъ случаяхъ.

15-го Декабря 1838 года, послѣ пятилѣтнихъ трудовъ въ качествѣ Оператора Городской Больницы, Оверъ сообщилъ оффиціально Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи отчетъ въ 150 важныхъ операціяхъ, произведенныхъ имъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ объяснительныхъ рисунковъ и потомъ отдѣльную статью, заключающую описаніе 5 полныхъ отнятій верхней челюсти. Съ общаго согласія всѣхъ Членовъ Академіи и съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія онъ былъ удостоенъ въ 1838 году степени Доктора Медицины и Хирургіи.

Правительство, съ своей стороны, не оставило безъ вниманія трудовъ его: въ продолженіе этого времени, онъ былъ два раза удостоенъ награды алмазнымъ перстнемъ въ 1835 и 1838 годахъ, и получилъ за отличіе чинъ Коллежскаго Ассессора въ 1839 г. Въ 1838 году, по случаю выхода въ отставку Профессора Кира, каѳедра Терапевтической Клиники при Медико-Хирургической Академіи сдѣлалась вакантною и объявленъ былъ конкурсъ для желающихъ занять ее. Академія требовала чтобы кандидатъ во 1-хъ) представилъ прежніе свои труды и занятія, дающіе ему право на эту каѳедру; во 2-хъ) сочиненіе или статью по предмету, относящемуся къ практической Медицинѣ; въ 3-хъ) прочиталъ бы безъ приготовленія пробную лекцію въ присутствіи ея членовъ.

Въ этомъ конкурсѣ—судьба представляла Оверу самый удобный случай расширить кругъ его дѣятельности и пріобрѣсти право руководствовать молодое поколѣніе въ практическомъ изученіи трудныхъ обязанностей врача, въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней,—занятіяхъ, которымъ до сихъ поръ посвящалъ онъ все свое время.—Ему казалось, что 16 лѣтъ, проведенныхъ въ постоянныхъ трудахъ, среди больничныхъ палатъ и анатомическаго театра, въ продолженіи которыхъ, забывая объ удовольствіяхъ жизни и развлеченіяхъ, свойственныхъ молодому возрасту, онъ имѣлъ въ виду лишь одну цѣль, пользоваться своимъ положеніемъ для блага ввѣренныхъ ему больныхъ и своего практическаго усовершенствованія,—что это время, протекшее въ постоянныхъ занятіяхъ, давало ему право причислить себя къ законнымъ соискателямъ клинической каѳедры.—Онъ избралъ для диссертаціи тему de diagnosi morbi, посвятилъ шесть мѣсяцевъ на это сочиненіе, по которому должны были его судьи заключить о его способностяхъ, и не обратилъ вниманія на слова тѣхъ, которые считали страннымъ со стороны хирурга состязаніе о каѳедрѣ Терапевтической Клиники,—какъ будто бы возможно быть хорошимъ хирургомъ, не будучи хорошимъ терапевтомъ.—Къ счастію соискателя, судьба позволила ему найти въ лицѣ Предсѣдателя конкурса, А. А. Рихтера, ученаго и безпристрастнаго судью, который, зная его прошедшее и разсмотрѣвъ трудъ, имъ представленный, преимущественно содѣйствовалъ его успѣху и окончательному торжеству послѣ импровизированной имъ публичной лекціи: De typho abdominali.

20-го Іюня 1839 года, Оверъ былъ утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ должности Ординарнаго Профессора Терапевтической Клиники при Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи.—Съ нѣкоторою робостію, зависѣвшею отъ непривычки говорить публично предъ многочисленными слушателями, онъ началъ это новое поприще, составляющее по истинѣ эпоху въ его жизни.—Кромѣ того, сознавая необходимость употребленія Латинскаго языка при постели больныхъ, онъ долженъ былъ посвятить нѣкоторое время для того, чтобы обновить свои познанія въ этомъ языкѣ, въ которомъ, по роду его занятій, онъ до сихъ поръ нахо-

дилъ очень мало нужды. — Благодаря содѣйствію почтеннѣйшаго своего друга, Доктора Фелькеля, которому былъ обязанъ переводомъ своихъ манускриптовъ на Латинскій языкъ и тщательнымъ изученіемъ самаго перевода, онъ дошелъ до того, чего искалъ—до возможности выражаться совершенно свободно на языкѣ Римлянъ—условія, по его мнѣнію необходимаго для клиническаго преподавателя. Такимъ образомъ, въ Сентябрѣ 1839 года, онъ началъ свой клиническій курсъ вступительною лекціею: De studii anatomico-pathologici dignitate, въ той самой Екатерининской Больницѣ, въ которой 14-ть лѣтъ тому назадъ получилъ позволеніе наблюдать больныхъ отъ главнаго ея врача Доктора Поля.

Къ этому-то времени онъ долженъ отнести первое осуществленіе въ Россіи идеи Д-ра Тибера, имѣющей цѣлію предотвратить порчу и особенно измѣненіе въ цвѣтѣ, замѣчаемыя въ препаратахъ, сохраняемыхъ посредствомъ виннаго спирта, искусственнымъ произведеніемъ анатомическихъ препаратовъ въ такомъ видѣ, какъ они представляются при самомъ вскрытіи труповъ.—Послѣ долгихъ и неудачныхъ попытокъ, онъ успѣлъ наконецъ сдѣлать весьма удовлетворительные препараты, послужившіе послѣ моделями для всѣхъ препаратовъ, украшающихъ анатомическіе музеи въ нашемъ отечествѣ, и чрезъ то далъ возможность Русскимъ врачамъ воспроизводить замѣчательнѣйшіе анатомико-патологическіе случаи, встрѣчающіеся въ нашихъ госпиталяхъ, и сохранять оные для пользы науки и образованія молодаго медицинскаго поколѣнія.

Видя распространеніе гидросудопатическаго метода лѣченія въ Германіи и считая оный весьма раціональнымъ, Оверъ приложилъ въ первый разъ въ Москвѣ этотъ методъ къ лѣченію тифозныхъ больныхъ и получилъ въ Терапевтической Клиникѣ Екатерининской Больницы весьма блистательные результаты.

Съ закрытіемъ Академіи въ 1842 году, Оверъ лишенъ былъ возможности продолжать свое Профессорское поприще, когда по случаю открывшейся въ то же время вакансіи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ его къ занятію каѳедры Профессора Бунге и опредѣлилъ Директоромъ Терапевтической Клиники. Оверъ началъ свои лекціи въ этомъ учебномъ за-

веденіи въ присутствіи Г. Министра, разсужденіемъ: De studii clinici gravitate.

Лестно для него было занять столь важную каѳедру при Университетѣ, какова клиническая; но одно обстоятельство, о которомъ отчасти упомянуто выше, сдѣлало ее для него особенно драгоцѣнною. Покойный Профессоръ Мудровъ умеръ прежде, нежели успѣлъ выполнить данное Оверу обѣщаніе: вести его путемъ науки, опредѣливъ на одну изъ Университетскихъ каѳедръ сообразно его способностямъ, и не смотря на преждевременную смерть своего доброжелателя, разрушившую его планы, судьбѣ угодно было, чтобы Оверъ, 11 лѣтъ послѣ смерти Матвѣя Яковлевича, занялъ его же действенную каѳедру въ Университетѣ.

Въ продолженіе этого времени Правительство, не оставляющее никогда безъ вниманія усердныхъ трудовъ служащихъ своихъ, наградило Овера чинами Коллежскаго Совѣтника въ 1842 и Статскаго Совѣтника въ 1846 году, орденами Св, Станислава 2-го класса въ 1841, Св. Анны 2-го класса въ 1844, Св. Анны сего же класса, Императорскою короною украшеннымъ въ 1846 году.—Въ семъ же году, съ соизволенія Государя Императора, Оверъ получилъ присланные ему Его Величествомъ Людовикомъ Филиппомъ, Королемъ Французовъ, чрезъ Французское Посольство, орденскіе знаки Почетнаго Легіона въ награду за медицинское пособіе, оказанное имъ во время эпидеміи и вообще въ случаяхъ болѣзни Французскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Москвѣ, на дому и въ больницахъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ С. С. Уваровъ, постоянно изыскивавшій всѣ средства къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, желая усилить практическое образованіе будущихъ врачей въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, превратилъ бывшее зданіе Медико-Хирургической Академіи въ Университетскія Клиники и подарилъ нашей столицѣ больничное учебное заведеніе, которымъ она можетъ гордиться передъ всею Европою. — Открытіе этихъ Клиникъ происходило въ присутствіи Г. Министра, по порученію котораго Оверъ имѣлъ честь произнести рѣчь, приличную торжественности событія и развилъ *Исторію введенія и распространенія*

клиникѣ вообще (въ 1846 году). — Кромѣ этого случая онъ читалъ еще двѣ рѣчи по порученію Медицинскаго Факультета—первую при торжественномъ годичномъ актѣ, празднуемомъ Императорскимъ Московскимъ Университетомъ, въ 1846 году de arduo medici officio,—и вторую по случаю 50-лѣтняго юбилея его почтеннѣйшаго Профессора и незабвеннаго благодѣтеля, Готтельфа Фишера фонъ Вальдгеймъ въ 1847 г.

Съ постояннымъ расширеніемъ круга своей дѣятельности, имѣя возможность слѣдить за всѣмъ, что лишь встрѣчалось замѣчательнаго во всѣхъ больницахъ Столицы, онъ видѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что его анатомико-патологическій кабинетъ, равно какъ и Атласъ, (котораго картины были рисованы съ натуры даровитымъ нашимъ артистомъ, Щеголевымъ), собранные въ продолженіи стольких лѣтъ, могли быть интересны не для одной Московской Медицинской публики, но получить болѣе общее научное значеніе. Кромѣ того, желая дать собраннымъ препаратамъ, болѣе сообразное съ цѣлію ихъ помѣщеніе и сохранить отъ порчи то, надъ чѣмъ трудился много лѣтъ, Оверъ обратился къ бывшему тогда Попечителю Московскаго Университета, Графу Сергію Григорьевичу Строганову, который всегда поддерживалъ его въ ученыхъ занятіяхъ, съ просьбою о позволеніи помѣстить принадлежащую ему коллекцію въ одной изъ залъ Клиники. Графъ Строгановъ согласился на это, и коллекція заплатила Клиникѣ за оказанное ей гостепріимство, тою пользою, которую приноситъ всякому учащемуся наглядное изученіе излагаемаго. Она была Профессору не малымъ пособіемъ при объясненіи патологической стороны разсматриваемыхъ имъ больныхъ въ Клиникѣ.

Въ это же самое время, ободряемый совѣтами Графа Строганова, Оверъ рѣшился превратить свой Атласъ въ полное сочиненіе, съ цѣлію издать оное въ свѣтъ для пользы науки.— Но матеріалъ, собранный имъ цѣною 17-лѣтнихъ трудовъ и несчетныхъ, почти превышающихъ силы его пожертвованій, былъ такъ огроменъ, что онъ готовъ былъ съ перваго раза отказаться отъ самой пріятной, самой лестной для него мысли, сообщить ученому свѣту плодъ трудовъ своихъ и усилій—

изображенія патологическихъ препаратовъ, собранныя въ Москвѣ, и относящіяся къ нимъ исторіи болѣзней. — Одна надежда на благосклонное содѣйствіе Графа Строганова поддерживала его въ его намѣреніи, не смотря на огромныя матеріальныя къ тому препятствія, и эта надежда его не обманула. — Просвѣщенный начальникъ, разсмотрѣвъ тщательно рисунки, которые должны были служить основаніемъ сочиненія, предложеннаго къ печатанію, принялъ живѣйшее участіе въ его дѣлѣ, бывшемъ въ то же время дѣломъ науки. — Благодаря ему, разныя Министерства подписались на значительное количество экземпляровъ этого сочиненія для библіотекъ подвѣдомственныхъ имъ больницъ и медицинскихъ заведеній, и это одно дало уже ему возможность предпринять изданіе труда. — Съ этой цѣлію коммиссіонеръ нашего Университета, книгопродавецъ К. Урбенъ, другъ Овера, отправился нарочно въ Парижъ, чтобы лично заняться выборомъ способныхъ артистовъ и образованнаго врача, которому бы можно было поручить наблюденіе за точностью рисунковъ и печатанія. Съ своей стороны Оверъ привелъ въ порядокъ всѣ свои записки, относившіяся къ публикуемымъ случаямъ и, при содѣйствіи своихъ помощниковъ, Млодзіовскаго и Редлиха, занялся приготовленіемъ Латинскаго текста, котораго окончательною отдѣлкою обязанъ ученому другу своему, Д-ру Фелькелю.—Такъ, соединенными усиліями, появился въ свѣтъ первый томъ сочиненія подъ заглавіемъ: Selecta praxis medico-chirurgicae. — Оверъ посвятилъ оное Государю Императору и счелъ долгомъ своимъ сдѣлать это, помня, что отецъ его нашелъ убѣжище въ Россіи, что онъ самъ обязанъ Россіи и попечительному ея Генію своимъ воспитаніемъ, своимъ положеніемъ, словомъ всѣмъ, до чего Провидѣніе позволило ему достигнуть. Онъ надѣялся, что это приношеніе—плодъ его трудовъ на Царской службѣ—будетъ принято Государемъ Императоромъ, какъ слабое доказательство его безпредѣльной преданности и благодарности.

Спустя 17 лѣтъ послѣ своего перваго появленія въ Москвѣ, холера опять посѣтила нашу Столицу въ 1847 году.— Оверъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ временной Срѣтенской Больницы (въ Каретномъ ряду) и, по званію Профессора

Терапевтической Клиники, завѣдывалъ холернымъ отдѣленіемъ ея.—При усиленіи эпидеміи въ 1848 году, онъ былъ главнымъ Врачемъ временной Больницы на Плющихѣ, продолжая управлять холернымъ клиническимъ отдѣленіемъ, которое лѣтомъ обращено было въ обширную холерную больницу.

Въ теченіе этой эпидеміи, съ Сентября 1847 года до Августа 1848 года, онъ не оставлялъ постели одержимыхъ холерою, и, стараясь помогать больнымъ, занялся изученіемъ самой болѣзни. — Наблюдая ея развитіе, жизненныя и трупныя, постоянно свойственныя ей, явленія, поразительное сходство ея съ тифомъ, въ который она обыкновенно переходила, и ежедневно встрѣчавшіеся примѣры, доказывавшіе заразительное ея свойство, онъ необходимо долженъ былъ заключить, что холера принадлежитъ къ классу тифозныхъ болѣзней, и должна слѣдовательно быть разсматриваема, какъ видоизмѣненіе Восточнаго и Американскаго тифа. — Будучи вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ своего мнѣнія о заразительности холеры, онъ объявилъ оное словесно, а потомъ письменно въ своемъ разсужденіи, представленномъ устроенному тогда въ Москвѣ холерному Комитету, въ которомъ предложилъ принять для прекращенія эпидеміи точно такія же мѣры, какія введены и существуютъ вездѣ, какъ медико-полицейскія средства предосторожности при всѣхъ тифозныхъ эпидеміяхъ.

Не смотря на свои многочисленныя служебныя занятія, усилившіяся особенно по случаю эпидеміи, онъ посвящалъ всѣ свободныя минуты изданію своего труда, котораго отдѣльные томы выходили въ свѣтъ въ предположенное время, такъ что 4-й и послѣдній вышелъ въ 1852 году.

Лестный отзывъ объ его сочиненіи медицинской критики, выраженный во Французскихъ, Англійскихъ и Американскихъ журналахъ, и отличія, которыхъ онъ былъ удостоенъ за свое сочиненіе Государемъ Императоромъ, иностранными Монархами и разными учеными обществами, наградили его вполнѣ за тѣ труды и пожертвованія, цѣною которыхъ онъ дошелъ до осуществленія своей цѣли — изданія въ свѣтъ хотя части собранныхъ имъ наблюденій. — Его Императорское Величество удостоилъ Профессора Высочайшаго награжденія брилліантовымъ перстнемъ. — Кромѣ того онъ получилъ изъ

Швеціи орденъ Полярной Звѣзды, изъ Пруссіи орденъ Красного Орла, изъ Ганновера орденъ Гвельфовъ, изъ Виртемберга орденъ Виртембергской короны, изъ Белгіи орденъ Леопольда, изъ Неаполя орденъ Франца I, изъ Дармштадта командорскіе знаки ордена Филиппа Великодушнаго, изъ Греціи командорскіе знаки ордена Спасителя, изъ Голландіи командорскіе знаки ордена Дубовой короны, изъ Португалліи командорскіе знаки ордена Христа, изъ Турціи командорскіе знаки ордена Нишанъ Ифтигаръ, изъ Персіи орденскіе знаки Льва и Солнца перваго класса, отъ Его Величества Императора Австрійскаго большую золотую медаль «за науки и искусства» и отъ Его Святѣйшества Папы Римскаго двѣ золотыя медали.

Въ воздаяніе за труды свои во время эпидеміи холеры 1847—1848 годовъ, за пользованіе больныхъ, одержимыхъ этою болѣзнію, и изслѣдованія касательно средствъ къ прекращенію ея, Правительство наградило его почетными званіями Гофъ-Медика въ 1849 году, Члена Медицинскаго Совѣта и брилліантовымъ перстнемъ, украшеннымъ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества въ 1850 году. — Въ семъ же году онъ былъ назначенъ Инспекторомъ Московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства и потомъ въ 1851 году произведенъ за отличіе въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Едва прошло пять лѣтъ послѣ холерной эпидеміи 1848 г., какъ С.-Петербургъ былъ опять постигнутъ этою болѣзнію, перенесенною на сей разъ изъ Варшавы. Холера перешла быстро изъ С.-Петербурга въ Москву; первый случай этой болѣзни появился у насъ 10-го Января 1853 года; эпидемическій же характеръ приняла она съ 11-го Марта сего же года. Будучи Инспекторомъ гражданскихъ больницъ въ Москвѣ во время этой уже третьей эпидеміи, Оверъ имѣлъ полную возможность наблюдать и слѣдить за распространеніемъ ея. Точныя изслѣдованія показали, что первыя жертвы холеры въ Москвѣ были пріѣзжіе изъ С. Петербурга, первымъ гнѣздилищемъ эпидеміи была больница для чернорабочаго класса людей, куда были привозимы всѣ одержимые холерою пріѣзжающіе по желѣзной дорогѣ; кварталы, смежные съ больницею для чернорабочихъ, были первые поражены эпидемиче-

скою болѣзнію. — Это постепенное распространеніе эпидеміи изъ одного квартала въ другой съ нимъ смежный, начиная съ Мѣщанской Части до Хамовниковъ, переходъ болѣзни съ 11-го Марта 1853 года изъ Хамовниковъ на Якиманку, и вмѣстѣ съ тѣмъ пренаполненіе холерными больными Городской Больницы, въ которую до того поступали и то изрѣдка лишь случаи холеры, дальнѣйшее развитіе болѣзни по всей Москвѣ и многіе отдѣльные, весьма поразительные факты, утвердили врача окончательно въ томъ убѣжденіи, что холера заразительна, что необходимо принять медико-полицейскія мѣры противъ распространенія ея, одинаковыя съ тѣми, какія существуютъ для всѣхъ тифозныхъ болѣзней, въ классъ которыхъ онъ не усомнился отнести ее теперь также, какъ это сдѣлалъ письменно 5 лѣтъ тому назадъ.—Такъ провелъ онъ 10 мѣсяцевъ въ должности Инспектора гражданскихъ больницъ среди больныхъ, одержимыхъ эпидеміею, и по прежнему не могъ найти средствъ дѣйствительно полезныхъ въ этой болѣзни, ни даже убѣдить окружающихъ его въ истинѣ мнѣнія объ ея заразительности и особенной важности и необходимости мѣръ предохранительныхъ.

Въ награду за труды свои въ продолженіе этой эпидеміи, кончившейся въ Ноябрѣ 1853 года, онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени, въ Январѣ мѣсяцѣ 1854 года.

ОРНАТСКІЙ, Сергѣй Николаевичь, Ординарный Профессоръ Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Россійскихъ Государственныхъ законовъ и учрежденій, Статскій Совѣтникъ, родился 1806 г. 19-го Марта, С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, въ Городищскомъ погостѣ, на рѣкѣ Волховѣ отъ Священника и благочиннаго церкви Св. Николая Чудотворца. — До шестилѣтняго возраста воспитывался въ домѣ родителей; на 6-мъ году началъ учиться чтенію, письму и первымъ началамъ Ариѳметики. Въ 1812 г. поступилъ въ Новоладожское Духовное приходское, а въ 1815 г. въ Уѣздное Училище, откуда, въ 1819 г., переведенъ въ С. Петербургскую Александроневскую Духовную Семинарію. Окончивъ курсъ ея въ 1-мъ разрядѣ воспитанниковъ, съ аттестатомъ Сту-

дента, въ 1825 г. поступилъ въ С. Петербургскую Александроневскую Духовную Академію. — Въ Январѣ 1828 года, поступилъ изъ Духовной Академіи во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для образованія въ Россійскомъ Законовѣдѣніи, и въ тоже время былъ помѣщенъ въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ, — вмѣстѣ съ другими пятью товарищами, получившими тоже назначеніе: Неволинымъ, Богородскимъ, Пѣшехоновымъ, Знаменскимъ и Благовѣщенскимъ.

Слушалъ лекціи у преждебывшихъ Профессоровъ Главнаго Педагогическаго Института, а въ то время старшихъ чиновниковъ означеннаго отдѣленія: по Юридической Пропедевтикѣ и наукѣ Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ у А. П. Куницына, по наукѣ Россійскихъ Государственныхъ Законовъ у В. Е. Клокова, по Политической Экономіи у М. Г. Плисова и сверхъ того, по Всеобщей Исторіи у К. И. Арсеньева.—Въ тоже время занимался собственнымъ изученіемъ разныхъ другихъ частей Россійскаго Законовѣдѣнія, въ порядкѣ историческомъ и догматическомъ, руководствуясь тѣми трудами, которые уже были окончены въ то время, въ упомянутомъ Отдѣленіи, по составленію Свода Законовъ Россійской Имперіи, изданнаго потомъ въ 1832 году.

Всѣ эти занятія происходили подъ главнымъ завѣдываніемъ и частію непосредственнымъ руководствомъ Главноуправлявшаго тогда означеннымъ Отдѣленіемъ Графа М. М. Сперанскаго, и въ ближайшей зависимости отъ Начальника того же отдѣленія, Статсъ-Секретаря, Тайнаго Совѣтника, М. А. Балугьянскаго.

Въ Университетѣ слушалъ лекціи: Римскаго Права, которое преподавалъ въ особомъ ряду чтеній, — отдѣльно отъ Студентовъ, не принадлежавшихъ ко II Отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи на Латинскомъ языкѣ, Орд. Проф. В. В. Шнейдеръ; Греческой и Римской Словесности, также на Латинскомъ языкѣ, у Заслуженнаго Профессора Грефе; Нѣмецкой и Французской Словесности и Англійскаго языка у Лекторовъ: Пельнера, Тило и Поллока.—Сверхъ того, посѣщалъ, по временамъ, лекціи нѣкоторыхъ другихъ Профессоровъ.

По выдержаніи испытанія въ означенныхъ предметахъ, —

въ слѣдствіе Вы[illegible]йшаго повелѣнія, [illegible]о въ 6-й де[illegible]. 1829 г., отправленъ былъ (вмѣстѣ съ пятью упомянуты[illegible] товарищами) въ Берлинскій Университетъ, для дальнѣйшаго образованія въ юридическихъ наукахъ.

Самую большую часть времени своего пребыванія за границею провелъ въ слушаніи лекцій въ этомъ Университетѣ; но нѣкоторую часть его употребилъ на временное посѣщеніе другихъ Университетовъ, которыхъ Юридическіе Факультеты извѣстны были по особенно уважаемымъ въ нихъ преподавателямъ.

Профессоры, которыхъ курсы слушалъ за границею, были: Савиньи, Тибо, Гуго, Гегель, Захаріэ, Миттермайеръ, Гофманъ, Шмальцъ, Гансъ, Кленце, Рау, Ярке, Ланцицолле, Филиппсъ, Макельдей, Вальтеръ, Дальманъ, Риттеръ, Митшерлихъ, Рудорфъ, Гомейеръ, Альбрехтъ, Саальфельдъ, Морштадтъ, Бенеке и другіе.

Предметы, изученію которыхъ, частію посредствомъ слушанія лекцій, частію же посредствомъ собственныхъ домашнихъ занятій, посвящено было время пребыванія за границею, суть:

А. Общія Юридическія науки: 1) Юридическая Энциклопедія: 2) Естественное Право; 3) Политика (Staatswissenschaft); 4) Общая теорія Государственнаго благоустройства (Polizeygesetzgebung); 5) Народное Право.—Б. Положительныя Законодательства: 1) Римское Право; именно: а) внѣшняя Исторія Римскаго Права, до Императора Юстиніана; б) внѣшняя Исторія Римскаго Права, преимущественно на Западѣ Европы, со временъ И. Юстиніана (или т. назыв. Litterärgeschichte des Römischen Recht); в) внутренняя Исторія Римскаго Права, по руководству Юстиніановыхъ Институцій и Гаевыхъ Комментаріевъ; г) обширное систематическое изложеніе Римскаго Права, на основаніи Юстиніановыхъ Пандектовъ, Кодекса и Новеллъ.—2) Каноническое Право главнѣйшихъ Церквей Западной Европы.—3) Общее Германское Право: а) Государственное; б) Гражданское; в) Ленное; г) Уголовное; д) Судопроизводство Гражданское; е) Судопроизводство Уголовное; ж) Внѣшняя и внутренняя Исторія Германскаго Права.—4) Особенныя положительныя Права нѣко-

торыхъ Западныхъ государствъ: а) Прусское Государственное Право; б) Прусское Гражданское Право, — по общему уложенію (Allgemeines Preussisches Landrecht); в) Основные Законы и государственныя учрежденія Великобританскаго Королевства; г) Французское Гражданское Право (Code civil Francais).—Б. Науки не Юридическія: 1) Всеобщая Географія; 2) Частная Географія Палестины; 3) Статистика Прусскаго Государства; 4) Общая Химія. — Г. Отдѣльныя части, или предметы нѣкоторыхъ другихъ наукъ: Всеобщей Исторіи, Философіи и т. под.

По возвращеніи изъ-за границы въ Сентябрѣ 1832 года, причисленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, данному въ 28-й день этого мѣсяца, ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ и занимался разными предметами, по порученію непосредственнаго Начальства этого Отдѣленія, до 1834 года, въ которомъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, вмѣстѣ съ другими, возвратившимися изъ за границы товарищами, подвергался, въ Юридическомъ Факультетѣ С.-Петербургскаго Университета, испытанію для полученія степени Доктора Законовѣдѣнія, по особо составленной и напечатанной въ томъ же году программѣ.

Главными предметами испытанія были: 1) Обозрѣніе наукъ Законовѣдѣнія, или Энциклопедія. — 2) Россійское Законовѣдѣніе—во всѣхъ тѣхъ частяхъ, которыя вошли въ составъ Свода Законовъ Россійской Имперіи.—3) Римское Право, — на Латинскомъ языкѣ.—4) Исторія Римскаго Законодательства, на томъ же языкѣ. — 5) Исторія Нѣмецкаго Законодательства.

За тѣмъ, написалъ и представилъ въ упомянутый Факультетъ диссертацію: de certitudine juridica ejusque mediis in processu judiciario et civili et criminali, и, по одобреніи ея Факультетомъ, въ Іюнѣ 1835 года защищалъ публично извлеченныя изъ нея положенія.

Послѣ того, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ степени Доктора Правъ, 1835 Іюля 10-го, и въ тоже время, 6-го Іюля, опредѣленъ Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра; а

въ слѣдующемъ 1836 году, Іюля 23-го, утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора по той же каѳедрѣ.

Во все время нахожденія своего въ Кіевѣ,—кромѣ преподаванія Гражданскихъ Законовъ, вмѣстѣ съ Межевыми, Студентамъ Университета, — въ особыхъ лекціяхъ преподавалъ Законы Межевые воспитанникамъ Кіевской Школы Землемѣровъ безвозмездно; а казеннокоштнымъ Студентамъ Юридическаго Факультета давалъ, также особо отъ обыкновенныхъ лекцій, наставленія въ практическомъ дѣлопроизводствѣ, преимущественно по судебной части.

Равнымъ образомъ, во все время службы своей при Университетѣ Св. Владиміра, постоянно участвовалъ въ занятіяхъ учрежденнаго при томъ Университетѣ временнаго Комитета изъисканія и сохраненія древностей въ Кіевѣ, въ качествѣ Члена и Секретаря Комитета (съ 1835 г. Ноября 13-го до 1843 Апрѣля 20-го); а въ самомъ Университетѣ былъ Секретаремъ Юридическаго Факультета съ 1835 Октября 19 по 1836 Августа 18-го; троекратно отправлялъ должность Декана Юридическаго Факультета, по избранію Совѣта, или Факультета, и утвержденію Министерства: въ 1839 и 1841 годахъ на 1 годъ, на основаніи дѣйствовавшаго тогда Устава Университета, а въ 1842 году по новому Уставу на 4 года; и однажды, по такому же избранію, въ 1840 году, и утвержденію на 1 годъ, занималъ должность Проректора Университета.

Сверхъ того, исполнялъ разныя временныя порученія ближайшаго Университетскаго Начальства, на примѣръ, по обревизованію хозяйственныхъ частей Университетскаго управленія. А участвуя, вмѣстѣ съ другими Членами Университетскаго Совѣта, въ пересмотрѣ прежняго Устава Университета Св. Владиміра, замѣненнаго потомъ новымъ, нынѣ дѣйствующимъ, внесъ въ Совѣтъ нѣкоторыя предположенія относительно предметовъ своего преподаванія, получившія дальнѣйшее движеніе по распоряженію Совѣта.

Время съ 20-го Апрѣля 1843 г. до 13-го Мая 1846 года провелъ частію (до 20-го Января 1844) внѣ службы, получивъ увольненіе отъ нея по прошенію, частію же (съ 20-го Января 1844) на службѣ въ Департаментѣ Министерства Юс-

тиціи, гдѣ занималъ должность Редактора IV Отдѣленія, и, сверхъ доклада дѣлъ на Консультаціи, учрежденной при Министрѣ Юстиціи, и исполненія разныхъ особыхъ порученій Начальства, управлялъ временно VI Отдѣленіемъ Департамента.

Съ 13-го Мая 1846 года, возвратился на поприще учебной службы, занявъ, въ званіи Ординарнаго Профессора, каѳедру Общенароднаго Правовѣдѣнія и Дипломаціи въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ; откуда въ 1848 году, Октября 15-го, перемѣщенъ, въ томъ же званіи, на каѳедру Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Россійскихъ Государственныхъ Законовъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Во время прохожденія службы удостоенъ былъ слѣдующихъ наградъ и повышеній: 1) благодарности Начальства, 31-го Сентября 1837 г.; 2) Монаршаго благоволенія, 16-го Ноября того же года; 3) Ордена Св. Анны 3-й степени, 23-го Дек. 1840 г.; 4) чина Коллежскаго Совѣтника, 17-го Апрѣля 1842 г.; 5) знака отличія безпорочной службы за 15 лѣтъ, 22-го Августа 1846 г.; 6) чина Статскаго Совѣтника, 11-го Ноября 1847 г.; 7) благодарности Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, 20-го Августа 1850 г.; 8) знака отличія безпорочной службы за 20 лѣтъ, 22-го Августа 1851 г.

Занимая каѳедру, соединяющую въ себѣ двѣ отдѣльныя одна отъ другой науки: Энциклопедію Законовѣдѣнія и Науку Россійскихъ Государственныхъ Законовъ, — Профессоръ Орнатскій преподаетъ первую изъ нихъ Студентамъ 1-го курса Юридическаго Факультета, какъ общую приготовительную науку къ дальнѣйшему изученію порознь всѣхъ отдѣльныхъ Юридическихъ наукъ, изъ которыхъ составляется цѣлое Законовѣдѣніе, а послѣднюю — Студентамъ 2-го курса тогожъ Факультета, какъ такую науку, изученіе которой должно предшествовать изученію прочихъ частей Законовѣдѣнія.

Въ составъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія входятъ слѣдующіе главные предметы: I. Общія и основныя понятія: о Правѣ и Законѣ; о высочайшемъ началѣ всякаго человѣческаго права вообще и всѣхъ Положительныхъ Законодательствъ въ частности; о необходимости установленія Положительныхъ Законовъ въ человѣческихъ обществахъ, со стороны Верхов-

ной Законодательной власти; объ отношеніи права, установляемаго Верховною законодательною властію въ видѣ положительныхъ законовъ, къ нравственности и Религіи; о постепенномъ образованіи положительныхъ законовъ на разныхъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ: въ союзахъ семейственномъ и родовомъ, въ союзѣ Государственномъ и въ союзѣ народовъ; и о различныхъ условіяхъ, которыми опредѣляется какъ тотъ или другой порядокъ внѣшняго образованія положительныхъ законодательствъ въ разныхъ человѣческихъ обществахъ, такъ и самый внутренній характеръ, отличающій положительное законодательство одного народа, или одного государства, отъ всѣхъ другихъ подобныхъ законодательствъ; о внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ проявляются какъ отдѣльныя законоположенія того или другаго человѣческаго общества, такъ и цѣлыя системы законовъ; и о главныхъ частяхъ, на которыя раздѣляется цѣлое законодательство государства, когда оно достигнетъ извѣстной степени своего образованія.

При изложеніи этихъ общихъ юридическихъ понятій, какъ особенно замѣчательныя мнѣнія знаменитѣйшихъ мыслителей древняго и новаго міра о правѣ вообще, его основаніяхъ и источникахъ, о цѣлыхъ системахъ Права и о другихъ подобныхъ предметахъ, такъ и историческія свѣдѣнія о важнѣйшихъ Законодательствахъ нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ народовъ, частію излагаются въ связи съ развитіемъ главнѣйшихъ предметовъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, частію же предоставляются собственному изученію слушателей по принятому въ дополненіе изустнаго преподаванія руководству. Что же касается до внѣшней исторіи отечественнаго Законодательства: она преподается съ особо учрежденной, для болѣе подробнаго изложенія ея, дополнительной каѳедры.

II. Разсмотрѣніе самой науки о Правѣ или о Законахъ, какъ въ общемъ, совокупномъ ея видѣ и объемѣ, такъ и въ раздѣленіи ея на такія части, которыя образуютъ изъ себя отдѣльныя юридическія науки, а также въ отношеніи частію цѣлаго Законовѣдѣнія, частію же отдѣльныхъ юридическихъ наукъ, ко всѣмъ прочимъ частямъ человѣческаго знанія, и въ особенности къ тѣмъ не юридическимъ наукамъ, которыя,

по свойству предметовъ, въ нихъ излагаемыхъ, служатъ вспомогательными науками при изученіи Права.

III. Опредѣленіе надлежащаго порядка, въ которомъ разныя части Законовѣдѣнія могутъ и должны быть изучаемы постепенно одна за другою; объясненіе разныхъ методъ изслѣдованія и изученія каждаго предмета, входящаго въ составъ той или другой юридической науки, и указаніе различныхъ способовъ, служащихъ къ основательному и успѣшному изученію юридическихъ наукъ, съ оцѣнкою достоинства ихъ, или такъ называемая Юридическая Методологія.

Наука Россійскихъ Государственныхъ Законовъ состоитъ изъ пяти главныхъ частей:

Въ I-й части излагаются общія понятія и предварительныя свѣдѣнія: 1) О различныхъ способахъ происхожденія государствъ и образованія въ нихъ Верховной власти, по свидѣтельству Исторіи.—Совокупное соображеніе всѣхъ явленій, представляемыхъ Исторіею относительно этого предмета, приводитъ къ окончательному заключенію, что, какъ по общему понятію о порядкѣ образованія разныхъ человѣческихъ обществъ, первоначальный и преимущественный предъ всѣми прочими образъ правленія того высшаго общественнаго соединенія людей, которое отличается отъ другихъ нисшихъ общественныхъ союзовъ наименованіемъ государства, есть Монархическій, неограниченный и наслѣдственный, такъ и по свидѣтельству Исторіи, этотъ образъ правленія встрѣчается прежде всякаго другаго у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра, и что во всѣ времена онъ господствовалъ въ самой большей части человѣческихъ обществъ и на самомъ обширномъ пространствѣ земнаго шара.

2) Объ абсолютномъ достоинствѣ Монархическаго, неограниченнаго и наслѣдственнаго образа правленія, или о тѣхъ существенныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ этого образа правленія, разсматриваемаго вообще, которыя, бывъ сравнены съ подобными качествами и принадлежностями другихъ образовъ правленія, усвояютъ ему рѣшительное превосходство надъ

всѣми прочими видами устройства Верховной власти въ государствѣ.

3) Объ относительномъ достоинствѣ Монархическаго, неограниченнаго и наслѣдственнаго образа правленія, въ примѣненіи его къ Россійской Имперіи, или о тѣхъ особенныхъ историческихъ, географическихъ, статистическихъ, этнографическихъ и политическихъ данныхъ, относящихся къ Россійскому государству, изъ соображенія которыхъ необходимо вытекаетъ заключеніе, что единственный, возможный въ нашемъ Отечествѣ, совершенно соотвѣтствующій какъ историческому его образованію, такъ и дѣйствительному положенію въ настоящее время, и вполнѣ удовлетворяющій всѣмъ существеннымъ его потребностямъ, образъ правленія есть Монархическій, неограниченный и наслѣдственный.

4) О существѣ Верховной власти въ государствѣ, и о высокихъ правахъ и преимуществахъ, въ ней заключающихся.

Слѣдующія за тѣмъ части науки имѣютъ содержаніемъ своимъ положительные Государственные Законы Россійской Имперіи, излагаемые одни за другими по тѣмъ главнымъ отдѣламъ, въ какихъ они расположены въ принадлежащихъ сюда томахъ (I, II, III и IX) Свода Законовъ. Именно: часть II-я заключаетъ въ себѣ Основные Государственные Законы; часть III-я Учрежденія Государственныя и Губернскія; часть IV-я Законы о службѣ Гражданской; часть V-я Законы о Состояніяхъ.

Въ преподаваніи всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ, составляющихъ содержаніе этихъ частей, историческое изложеніе постепеннаго ихъ образованія въ Отечественномъ Законодательствѣ предшествуетъ догматическому изложенію законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время относительно того или другаго предмета. Самое догматическое изложеніе дѣйствующаго Законодательства, представляя въ себѣ болѣе или менѣе сокращенное,—смотря по важности предметовъ,—начертаніе главнѣйшихъ положеній Свода Законовъ, естественно приспособляется къ систематическому порядку, принятому въ Сводѣ. Дополненія же, относящіяся къ предметамъ, не вошедшимъ въ составъ Свода, заимствуются изъ подлинныхъ законодательныхъ актовъ и другихъ, оффиціально изданныхъ, источниковъ.

Общія теоретическія поясненія, тамъ гдѣ ихъ требуетъ сущность излагаемыхъ предметовъ, частію предшествуютъ историческому и догматическому ихъ изложенію, частію же соединяются съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ. При неоднократномъ переходѣ изъ одного Университета въ другой, съ перемѣною каждый разъ предметовъ преподаванія, Профессоръ Орнатскій не успѣлъ ни одного изъ нихъ изложить въ особомъ сочиненіи, которое бы, по ученой своей обработкѣ, достигало такой степени полноты и зрѣлости, какую онъ считаетъ необходимою для того, чтобы сочиненіе могло быть признано заслуживающимъ изданія въ свѣтъ посредствомъ тисненія. Издана имъ въ свѣтъ только рѣчь: *Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ Законодательствѣ и Законовѣдѣніи*, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Университета Св. Владиміра, въ 15-й день Іюля 1836 года, которая напечатана сперва въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1839 годъ, а потомъ особо, въ Кіевѣ, въ 1840 году, по распоряженію Университетскаго Начальства. Напечатаны также въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отчеты, за разные годы, объ изъисканіяхъ древностей въ Кіевѣ, составленные Орнатскимъ по званію Члена и Секретаря бывшаго Временнаго Комитета изъисканія и сохраненія этихъ древностей, и представленые въ свое время Комитетомъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

II.

ПАВЛОВЪ, Михаилъ Григорьевичъ, Ординарный Профессоръ Физики, Минералогіи и Сельскаго Хозяйства, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ Орденовъ Св. Владиміра 4-й, Св. Анны 2-й и Св. Станислава 3-й степени, имѣвшій знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, Членъ-Корреспондентъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, обучался философскимъ и богословскимъ наукамъ въ Воронежской Семинаріи и по окончаніи курса, получивъ увольненіе изъ духовнаго званія, поступилъ въ 1813

году Августа 30-го дня въ число Студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета, а слѣдующаго года переведенъ по собственному желанію въ Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи. Медицина и особенно практическія занятія ею не понравились Павлову, почему онъ и находился въ Академіи только въ продолженіи того времени, пока слушалъ преимущественно науки приуготовительныя; когда же слѣдовало заняться изученіемъ наукъ Медицинскихъ, то Павловъ перешелъ въ Математическое Отдѣленіе Императорскаго Московскаго Университета, въ которомъ преподавались пространно различныя отрасли Естествовѣдѣнія, его особенно привлекавшія. Но сознавая ли пользу занятія наукъ, входящихъ въ кругъ Медицины и для незанимающихся ею, или не желая оставить однажды начатаго изученія ея*, Павловъ, обладавшій обширнымъ умомъ и смѣлый въ предпріятіяхъ, шелъ въ Университетѣ по двумъ Отдѣленіямъ: Математическому и Медицинскому. Многоразличныя и трудныя занятія по симъ Отдѣленіямъ не только не ослабили успѣховъ его, но напротивъ того, доставивъ его уму нужное обиліе въ пищѣ, дали ему возможность развиться вполнѣ. Въ 1815 г. Михаилъ Григорьевичъ кончилъ блистательно Университетскій курсъ и получилъ отъ обоихъ Отдѣленій награжденія за сочиненныя имъ диссертаціи, отъ Математическаго золотую, а отъ Медицинскаго серебряную медаль. Такимъ образомъ Павловъ обратилъ на себя особенно благосклонное вниманіе Универс. Начальства, которое сначала опредѣлило его къ Кабинету Натуральной Исторіи, а потомъ по полученіи имъ степени Доктора Медицины**, отправило его въ 1818 году за границу для усовершенствованія въ Естественной Исторіи и Сельскомъ Домоводствѣ. Князь Д. В. Голицынъ управлявшій тогда Москвою и основавшій Общество Сельскаго Хозяйства, содѣйствовалъ его путешествію и былъ постояннымъ покровителемъ ученаго. За границею Павловъ

---

* Здѣсь пріятно вспомнить любимое изреченіе покойнаго Профессора, что только трудъ недоконченный остается безъ вознагражденія.

** Для полученія сей степени, написана имъ диссертація: Diss. inaug. physiologico-obstetrica de nutritione foetus hominis. Mosq. 1818 in. 8 maj.

слушалъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ того времени и въ особенности Сельское Хозяйство у великаго Теэра, котораго оцѣнилъ по достоинству и полюбилъ душою. По возвращеніи въ Москву въ 1820 году, онъ читалъ въ Университетѣ лекціи Минералогіи и Сельскаго Домоводства сначала въ должности Экстраординарнаго*, а потомъ и Ординарнаго Профессора**. Въ послѣдствіи онъ былъ избранъ въ Члены Училищнаго Комитета, въ Члены Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, въ Члены Коммиссіи для охраненія отъ холеры Университета и заведеній ему подвѣдомыхъ. Кромѣ сказанныхъ предметовъ, читалъ Михаилъ Григорьевичь въ Университетѣ попеременно Физику, Технологію, Лѣсоводство и Сельское Хозяйство, которымъ занимался съ особенною любовью и успѣхомъ до кончины своей.

Самостоятельность въ мнѣніяхъ и поступкахъ, смѣлость въ предпріятіяхъ были отличительными чертами его характера. Сознавая силы своего ума, Павловъ, раздражительный отъ природы, разилъ немилосердно своихъ противниковъ***. При такихъ качествахъ нельзя было ожидать, чтобы Павловъ присталъ къ поклонникамъ какой-либо иностранной знаменитости; можно было предугадать, что ежели онъ издастъ что-либо въ свѣтъ, то конечно не рабскій переводъ и не безотчетное подражаніе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ сочиненія покойнаго Профессора несутъ на себѣ рѣзкую печать самобытности и несомнѣннаго дарованія. По возвращеніи изъ-за границы, онъ смѣло и блистательно выступилъ на ученое поприще лекціею *«О главныхъ системахъ Сельскаго Хозяйства съ принаровленіемъ къ Россіи»*****, статьею

---

* Съ 26-го Декабря 1820.

** Съ 1824 года Августа 3-го дня.

*** Въ этомъ отношеніи см. особенно въ Телеграфѣ за 1825 годъ Антикритику на рецензію его Физики, помѣщенную въ Dorpater Jahrbücher, также статью *«о несомнѣнности Математики въ Физикѣ»*, помѣщенную въ Литер. Приб. къ Р. И. и служащую отвѣтомъ на рецензію Физики Павлова, напечатанную Ярославскимъ ученымъ въ Московскомъ Наблюдателѣ за 1837 годъ, и Журналъ Русскаго Земледѣльца.

**** Напечатана въ 1821 году.

«О способахъ изслѣдованія природы»[*] и потомъ рѣчью *«О побудительныхъ причинахъ совершенствовать Сельское Хозяйство въ Россіи преимущественно предъ другими вѣтвями народной промышленности и о мѣрахъ, существенно къ тому относящихся»*[**], сочиненіями, въ которыхъ молодой ученый обнаружилъ новый и обширный взглядъ на многіе предметы и свѣтлыя о нихъ понятія. Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи, по поводу вредныхъ послѣдствій отъ трехъ-польной системы и необходимости замѣнить ее плодоперемѣнною, онъ говоритъ: «Но сіи временныя выгоды трехъ-полевой системы ничтожны въ сравненіи съ вредными отъ нея послѣдствіями. И естественно ли это, что въ Россіи, гдѣ находится столько различія въ почвѣ и климатѣ, господствуетъ одинъ порядокъ въ нивоводствѣ? Улучшенія, сдѣланныя въ новѣйшія времена нѣкоторыми изъ мыслящихъ хозяевъ, такъ мало измѣняютъ сіе однообразіе, что сіе обширнѣйшее пространство земной поверхности, составляющее сцену Россійскаго хозяйства, представляется однимъ полемъ, обработываемымъ по одному плану. Что у насъ осталось стараго отъ поваренннаго искусства до костюма, отъ физическаго до нравственнаго воспитанія? Все измѣнилось; одно С. Хозяйство остается въ прежнемъ видѣ; въ немъ только дорожатъ стариною. Такое постоянство дѣлало бы честь, ежелибы принятая система была всѣхъ извѣстныхъ совершеннѣйшая; но она угрожаетъ подрывомъ единственному основанію, на коемъ утверждается С. Хозяйство, ослабляя плодоносіе земли. Плодоперемѣнная система, какъ надежнѣйшая къ поддержанію онаго, *должна трехъ-полевую замѣнить безусловно» и т. д.* Въ этихъ и другихъ истинахъ, высказанныхъ покойнымъ Профессоромъ уже за 20 лѣтъ предъ симъ, видны практическій взглядъ и благоразумная осторожность, необходимая въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ

---

[*] Она помѣщена въ 1 томѣ Журнала Мнемозины и хотя подъ нею нѣтъ имени автора, однако же по духу и способу изложенія читатели справедливо приписываютъ Павлову сію превосходную статью.

[**] Напечатана въ 1823 году.

С. Хозяйство. Тѣмъ же характеромъ ясности и свѣтлости взгляда запечатлѣны и послѣдующіе ученые труды Профессора: *Земледѣльческая Химія**, *Основанія Физики***, *Курсъ Сельскаго Хозяйства****. Нѣсколько лѣтъ сряду, Михаилъ Григорьевичъ издавалъ два журнала: *Атеней* и *Русскій Земледѣлецъ*, и при первомъ еще *Записки для сельскихъ Хозяевъ, Заводчиковъ и Фабрикантовъ* —, съ цѣлію познакомить соотечественниковъ съ современнымъ состояніемъ С. Хозяйства, примѣненнаго къ Русскому быту и мѣстнымъ потребностямъ. Въ этихъ журналахъ содержится много оригинальныхъ статей самаго издателя, запечатлѣнныхъ тѣмъ же характеромъ, какъ и прежнія его сочиненія.

Какъ достойный и ревностный послѣдователь великаго Теэра, Мих. Григ. вполнѣ сознавалъ важное значеніе Естествознанія въ дѣлѣ С. Хозяйства. Не вдаваясь въ крайности и безъ педантизма, онъ постоянно, хотя иногда и неравнодушно, высказывалъ дѣльныя, удобоприложимыя къ дѣлу научныя истины, съ благороднымъ жаромъ защищалъ ихъ предъ своими противниками, и такимъ образомъ незамѣтно сближалъ практику съ теоріею. — Имѣя въ виду такое благое стремленіе, Павловъ издалъ *Земледѣльческую Химію*, назвавъ ее *Приготовительною частію Науки С. Хозяйства*, которая безспорно служила тогда путеводительною звѣздою каждому любознательному агроному, заключая свѣдѣнія, заимствованныя изъ естественныхъ наукъ и удобопримѣнимыя къ С. Хозяйству. Также удачно понялъ покойный Профессоръ задачу теоріи въ своемъ *Курсѣ Сельскаго Хозяйства*, къ сожалѣнію неоконченномъ, предисловіе къ которому онъ заключаетъ слѣдующими знаменательными словами: «Признакъ раціональныхъ Хозяйствъ —современность съ печатью мѣстности. Девизъ ихъ: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*. Но вѣкъ учиться можетъ только тотъ, кто ученью своему положилъ начало. Это начало въ Сельскомъ Хозяйствѣ — есть наука. Представить ее въ современномъ состояніи съ возможными примѣненіями къ Россіи,

---

* Два тома, 1833 въ 8.

** 1825, въ 8.

*** Напечатаны только два первые тома.

вотъ назначеніе издаваемаго курса! Соотвѣтственно назначенію курсъ начинается подробнымъ изложеніемъ свѣдѣній изъ Естественныхъ наукъ, служащихъ Сельскому Хозяйству основаніемъ, безъ коихъ современное раціональное Сельское Хозяйство непонятно; еслижь для нѣкоторыхъ кажется понятнымъ, то это обманъ, лестный для самолюбія обманывающихся, но вредный для самаго дѣла».—Всѣ практическія примѣненія Мих. Григ. старался озарить свѣтомъ науки. «Сельское Хозяйство», говоритъ онъ, «чтобы быть наукою, должно быть раціональнымъ; безотчетное же выполненіе нѣкоторыхъ пріемовъ, къ нему относящихся, есть грубое ремесло, а выполнитель неболѣе, какъ машина».—«Что такое теорія въ Сельскомъ Хозяйствѣ? продолжаетъ онъ. Спорящіе о теоріи и практикѣ подъ именемъ первой обыкновенно разумѣютъ самую науку Сельскаго Хозяйства. А поелику наука есть знаніе дѣла въ отношеніи къ началамъ, на которыхъ оно основано, въ отношеніи къ способамъ, которыми производится, и въ отношеніи къ условіямъ, при которыхъ удовлетворяетъ цѣли своей: то кому и гдѣ такая теорія можетъ быть лишнею? Практика есть приведеніе теоріи въ дѣйствіе. Гдѣжь враждебность между теоріею и практикою? напротивъ практика безъ теоріи быть не можетъ: такъ велика между ними связь!»

Во всѣхъ сочиненіяхъ Павлова видно стремленіе — подчинить отдѣльныя данныя науки одному общему здравообсужденному началу, видна тѣсная связь между частями ея, видна необыкновенная логическая послѣдовательность, ясное и легкое изложеніе предмета. Эти достоинства привлекали на лекціи покойнаго большое число слушателей и снискали ему ихъ уваженіе. Многіе еще помнятъ Университетскія лекціи его по возвращеніи въ Москву, на которыхъ, по множеству слушателей, часто трудно было найти себѣ мѣсто; его публичные курсы * Сельскаго Хозяйства, читанные нѣсколько лѣтъ сряду въ Московскомъ Университетѣ, были прилежно посѣщаемы любителями и даже членами высшаго общества.

Ученая дѣятельность Павлова не замыкалась въ однѣхъ толь-

---

* Нѣсколько чтеній его были напечатаны въ Москов. Вѣдомост.

ко стѣнахъ Университетскихъ аудиторій. Ученыя заслуги и испытанная опытность на поприщѣ Сельскаго Хозяйства покойнаго Профессора побудили Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства — пригласить его къ занятію мѣста Директора Земледѣльческой Школы и учебнаго Опытнаго Хутора, подвѣдомственныхъ Обществу. Управляя этими учебными сельско-хозяйственными заведеніями, Мих. Григ. доставилъ имъ всеобщую лестную извѣстность. Онъ образовалъ многихъ отличныхъ учениковъ Земледѣльческой Школы; на Опытномъ же Хуторѣ онъ обращалъ особенное свое вниманіе на лучшую обработку земли усовершенствованными земледѣльческими орудіями; самъ устроилъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, плужокъ, который и понынѣ называется плужокъ Павлова; онъ распространилъ травосѣяніе и разведеніе корнеплодныхъ растеній, ввелъ различные сѣвообороты, строгую отчетность въ хозяйствѣ и т. д., и результаты своихъ замѣчательныхъ наблюденій и практическихъ трудовъ на хуторѣ, къ которымъ постоянно и охотно допускалъ своихъ слушателей и другихъ любителей Сельскаго Хозяйства, сообщалъ въ вышеприведенныхъ журналахъ — публикѣ.

Кто не согласится, что такая неутомимая учено-практическая дѣятельность необыкновенно даровитаго и энергическаго Профессора-агронома должна была возбудить въ просвѣщенномъ нашемъ обществѣ живое сочувствіе къ общеполезному дѣлу и много способствовать къ распространенію необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ нашемъ отечествѣ! И это такъ было на самомъ дѣлѣ! Отказавшись, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, отъ завѣдыванія Хуторомъ, онъ однако не могъ отрѣшиться отъ сродной ему практической дѣятельности, и завелъ, на собственномъ иждивеніи, земледѣльческое училище, въ которомъ принимались помѣщичьи крестьянскіе мальчики, учиться современному Сельскому Хозяйству, примѣненному къ Рускому быту и мѣстнымъ потребностямъ.

Въ Россіи, представляющей всѣ разнообразія климатическихъ условій Европы, весьма ощутителенъ былъ недостатокъ въ преподавателяхъ Сельскаго Хозяйства, которые бы разносили свѣтъ науки въ отдаленныя отъ столицы части Го-

сударства, и способствовали чрезъ то совершенствованію и успѣхамъ Сельскаго Хозяйства, сей коренной отрасли народной промышленности и богатства въ Россіи. А потому просвѣщенное Правительство, идущее всегда на встрѣчу нашимъ нуждамъ, положило образовать достаточное число ученыхъ агрономовъ, чтобы потомъ разослать ихъ во всѣ части нашего отечества. По Высочайше утвержденному проэкту, предположено было устроить при Московскомъ Университетѣ Агрономическій Институтъ на 14 Студентовъ 2-го Отдѣленія Философскаго Факультета, которые бы, по окончаніи полнаго курса Сельскаго Хозяйства, могли поступить въ учители сей науки въ разныя учебныя заведенія, а отличные отправиться въ сосѣднія съ Россіею державы для дальнѣйшаго образованія. Сію важную должность образователя агрономовъ для всей Россіи Правительство ввѣрило Михаилу Григорьевичу Павлову, котораго самыя достоинства и ученость ему были извѣстны. Много надеждъ полагало на него Правительство, многое могъ бы онъ выполнить; но Павлову уже суждено было Провидѣніемъ кончить земное поприще. Въ ночь подъ 3-е Апрѣля 1840 года, Михаилъ Григорьевичь почувствовалъ сильный приступъ крови къ верхней части груди, и черезъ часъ отошелъ въ вѣчность на 47 году отъ роду, оставивъ въ глубокой скорби любимую супругу съ многочисленнымъ семействомъ, и многихъ друзей, пораженныхъ неожиданностью его кончины.

Заслуги Павлова оцѣнены современниками по достоинству. Раннюю утрату его близко приняли къ сердцу: Императорскій Московскій Университетъ, Московское Общество Сельскаго Хозяйства и вся наша просвѣщенная публика, которую Профессоръ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, такъ увлекательно посвящалъ въ таинства еще новой, только что раждавшейся тогда, благодѣтельной для всѣхъ науки Сельскаго Хозяйства. Въ этомъ отношеніи, всего лучше привести слова Русскаго вельможи, покойнаго Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, который, представляя портретъ Павлова Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства, такъ прекрасно и благородно выразился: «Въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго Павлова мы понесли для науки великую потерю. Оставляя портретъ его въ залахъ засѣданія, мы от-

дадимъ торжественную дань признательности памяти покойнаго Профессора, такъ много трудившагося для нашего Общества, для науки, для Отечества.»

Къ каѳедрѣ Сельскаго Хозяйства, когда занималъ ее Михаилъ Григорьевичь, относилась и Минералогія. Собственно оба предмета, Сельское Хозяйство и Минералогія, должны были читаться въ одинаковомъ объемѣ, но, соображаясь съ тогдашними требованіями, и по своимъ исключительнымъ занятіямъ за границею, Мих. Григорьевичь посвящалъ гораздо болѣе времени на Сельское Хозяйство, нежели на Минералогію. Въ преподаваніи этого послѣдняго предмета онъ ограничивался обыкновенно однимъ общимъ взглядомъ на науку, или, точнѣе сказать, тою рамою, въ которую должны были укладываться наши свѣдѣнія о минералахъ. Но и въ эту раму, въ эти бѣглые очерки Минералогіи онъ умѣлъ внести чрезвычайно много любопытнаго и оригинальнаго. Иногда можно было съ нимъ не согласиться, но въ то же время нельзя было не увлекаться его логическимъ и изящнымъ изложеніемъ. Въ доказательство этого, представляемъ въ заключеніе, его *Конспектъ полнаго курса Минералогіи* и *Домоводства*, какъ замѣчательный памятникъ логической послѣдовательности и мастерства строить научную систему, чѣмъ особенно отличался Павловъ. Тоже самое видно и въ *Общемъ Чертежѣ Наукъ*, статьѣ напечатанной въ Отечеств. Запискахъ, 1839 г., № 7.

Конспектъ полнаго курса Минералогіи. Минералогія предметомъ имѣетъ минералы. Сіи находятся двухъ родовъ: простые и сложные. Послѣдніе состоятъ изъ первыхъ, а тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ материкъ.

Основываясь на семъ, Минералогію раздѣляю на *три части*: въ *первой* разсматриваются минералы простые; во *второй* минералы сложные, иначе называемые горными породами: ибо значительнѣйшая часть горъ состоитъ изъ оныхъ; въ *третьей* материкъ, или простые и сложные минералы въ совокупности.

ЧАСТЬ I. *Минералы простые.* При такомъ множествѣ предметовъ, каковое представляютъ минералы простые, съ самаго начала науки объ оныхъ признано необходимымъ находить такую точку зрѣнія, съ которой бы можно предварительно обозрѣвать все ихъ многоразличіе и потомъ уже приступать

къ частному изслѣдованію. — Точка сія опредѣляется такъ называемою минералогическою системою или приведеніемъ минераловъ въ такой порядокъ, въ коемъ главныя и сходства и различія объемлются однимъ взглядомъ. Чтобъ рѣшеніе столь важной въ наукѣ задачи утвердить на прочномъ основаніи, для сего требуется во 1-хъ) съ точностію опредѣлить признаки простыхъ минераловъ; ибо каждому изъ оныхъ назначать приличное мѣсто въ ряду прочихъ, что значитъ составлять минералогическую систему, можно только соображаясь съ его натурою, а сей знаменателями служатъ признаки; во 2-хъ) съ точностію же опредѣлить начала, коими должно руководствоваться въ составленіи минералогической системы.

Въ слѣдствіе сего первая Часть Минералогіи подраздѣляется на *три отдѣленія*: въ *первомъ* предлагается ученіе о признакахъ простыхъ минераловъ; во *второмъ* о началахъ, на коихъ основывается приведеніе ихъ въ систему по указанію признаковъ; въ *третьемъ* описывается каждый минералъ порознь по принятому порядку.

Отдѣленіе первое. *Признаки простыхъ минераловъ*. А. Наружные: а) Общіе. I. Цвѣтъ. II. Связь. III. Жирность. IV. Хладность. V. Вѣсъ. VI. Запахъ. b) Частные. аа) Минераловъ твердыхъ: I. Наружный видъ. II. Поверхность. III. Блескъ. IV. Изломъ. V. Видъ кусковъ. VI. Прозрачность. VII. Черта. VIII. Маркость. IX. Гибкость. X. Прилипаніе къ языку. XI. Звукъ. bb) Минераловъ рыхлыхъ: I. Степень рыхлости. II. Наружный видъ. III. Видъ частей. IV. Маркость. V. Прилипаніе къ языку. VI. Скрыпъ. VII. Черта. cc) Минераловъ жидкихъ: I. Блескъ. II. Прозрачность. III. Текучесть.— В. Физическіе: I. Магнитность. II. Электричность. III. Фосфоричность. IV. Крѣпость. V. Удѣльный вѣсъ. — С. Химическіе: I. Растворимость. II. Плавимость. III. Возгараемость. IV. Возгоняемость. V. Составъ.

Отдѣленіе второе. *Система простыхъ минераловъ*. А. Начала Минералогическихъ системъ: а. Искусственной. b. Естественной.—В. Изложеніе и критическій разборъ Минералогическихъ системъ, достопримѣчательнѣйшихъ по ихъ началамъ: 1. Вернера. 2. Гаю. 3. Берцелія. С. Изложеніе системы, какая принимается въ курсѣ для частнаго описанія простыхъ минераловъ.

Отдѣленіе третіе. *Частное описаніе простыхъ минераловъ. Классъ первый. Камни.* 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ вторый. Соли*: 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ третій. Горючія вещества*: 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ четвертый. Руды*: 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды.

ЧАСТЬ II. *Минералы сложные или горныя породы.* При разсматриваніи горныхъ породъ, равно какъ и при разсматриваніи минераловъ простыхъ, встрѣчается многоразличіе предметовъ, которое требуется привести по указанію ихъ признаковъ въ систематическій порядокъ, и въ ономъ каждый описать порознь.

Основываясь на семъ, и вторую часть Минералогіи подраздѣляю также на *три отдѣленія*: въ *первомъ* предлагается ученіе о признакахъ горныхъ породъ; во *второмъ* о началахъ, на коихъ основывается приведеніе ихъ въ систему; въ *третьемъ* каждая изъ горныхъ породъ описывается порознь по принятому порядку.

Отдѣленіе первое. *Признаки горныхъ породъ.* А. Составъ: a. Количество простыхъ минераловъ, составляющихъ горную породу. b. Ихъ содержаніе. c. Способъ соединенія. В. Строеніе: a. Правильное *α.* Одинакое. aa. Зернистое. bb. Листоватое. cc. Вкрапленное. b. Двойное. aa. Зернисто-листоватое. bb. Зернисто-вкрапленное. cc. Листовато-вкрапленное. b. Неправильное. С. Образованіе: a. Кристальное. b. Слоистое. c. Призматическое. d. Слитковое.

Отдѣленіе второе. *Система горныхъ породъ.* А. Начала системъ: a. Искусственной. b. Естественной В. Изложеніе и критическій разборъ системъ горныхъ породъ: 1. Вернера. 2. Гаю. 3. Броньяра. С. Изложеніе системы, принимаемой въ курсѣ для частнаго описанія горныхъ породъ.

Отдѣленіе третіе. *Частное описаніе горныхъ породъ. Классъ первый. Горныя породы кристальнаго образованія.* 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ вторый. Горныя породы слоистаго образованія.* 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ третій. Горныя породы призматическаго образованія.* 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды. *Классъ*

четвертый. Горныя породы слиткового образованія. 1. Порядки. 2. Семейства. 3. Роды. 4. Виды.

ЧАСТЬ III. *Материкъ, или простые и сложные минералы въ совокупности.* При разсматриваніи материка не встрѣчается болѣе многоразличія, каковое замѣчается въ минералахъ простыхъ и сложныхъ; материкъ, какъ совокупность сихъ послѣднихъ, есть цѣлое своего рода; здѣсь для изслѣдованія представляется единство. Посему начала раздѣленія сей части Минералогіи необходимо должны быть отличны отъ началъ раздѣленія первыхъ двухъ частей оной.

Материкъ можетъ быть разсматриваемъ самъ въ себѣ отдѣльно, или въ отношеніи къ воздуху и водѣ, съ коими вмѣстѣ образуетъ планету. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ быть разсматриваемъ двоякимъ образомъ: 1) въ состояніи бытія и 2) въ состояніи дѣйствія. Симъ открываются три точки зрѣнія, съ коихъ материкъ можетъ быть разсматриваемъ, и вслѣдствіе сего, — третью часть Минералогіи подраздѣляю также на *три отдѣленія*: въ *первомъ* материкъ описывается въ состояніи бытія; во *второмъ* наблюдается въ состояніи дѣйствія; въ *третьемъ* опредѣляются его отношенія къ водѣ и воздуху.

Отдѣленіе первое. *Материкъ въ состояніи бытія.* А. Разсматриваемый въ цѣлости: a. Фигура. b. Величина. c. Плотность. B. Относительно поверхности: a. Возвышенія или горы. α. На поверхности, не покрытой водами. aa. Протяженіе горъ. bb. Ихъ направленія. cc. Границы и отношенія. dd. Раздѣленія горъ. aaa. Первичныя. bbb. Вторичныя. ccc. Среднія. ddd. Наносныя. eee. Вулканическія. β. На поверхности, покрытой водами. aa. Общія замѣчанія. bb. Горныя цѣпи на днѣ морей. cc. Горы полипниковъ. b. Долины. c. Углубленія. C. Относительно строенія: a. Толщина оболочки материка, доселѣ изслѣдованной. b. Рыхлый слой сей оболочки. c. Кряжи. α. Общіе. β. Частные. d. Параллелизмъ кряжей. e. Форма и положеніе кряжевыхъ слоевъ. f. Ихъ направленіе и наклоненіе.

Отдѣленіе второе. *Материкъ въ состояніи дѣйствія.* А. Вулканы: a. Обыкновенные. α. Ихъ положеніе. β. Предшествующія и современныя явленія. γ. Изверженія. aa. Дымъ. bb. Пепелъ. cc. Окалины. dd. Камни. ee. Лавы. aaa. Ихъ истеченіе.

bbb. Вязкость. ccc. Температура. ddd. Медленность охлажденія. ff. Грязь. gg. Вода. b. Необыкновенные. *α*. Грязные. *β*. Водяные. *γ*. Воздушные. B. Землетрясенія: a. Разстояніе, на каковое простираются. b. Предшествующія и современныя явленія. C. Земной магнетизмъ или дѣятельность материка: a. Напряженность подъ разными широтами и въ разныхъ высотахъ. b. Магнитный экваторъ. c. Періодичность напряженности. *α*. Суточная. *β*. Годовая. d. Отклоненіе магнитной стрѣлки. *α*. Измѣненіе онаго. aa. Суточное. bb. Годовое. cc. Вѣковое.

Отдѣленіе третіе. *Материкъ въ отношеніи къ водѣ и воздуху*. A. Разрушительныя на материкъ вліянія: a. Воды. b. Воздуха. B. Производительность материка или произрожденіе минераловъ: a. Въ воздухѣ (Аэролиты). b. Въ водѣ. c. Въ самомъ материкѣ. C. Значеніе материка въ составѣ планеты и на семъ основанное объясненіе его отношеній: a. Къ воздуху. b. Къ водѣ. c. Къ обоимъ вмѣстѣ.

Замѣчаніе. Нѣкоторые изъ преподавателей Минералогіи при описаніи горъ, а особенно при общемъ взглядѣ на материкъ, обыкновенно разсуждаютъ и о происхожденіи земнаго шара; но это неправильно: Геогенія или наука о происхожденіи земли, принадлежитъ къ роду наукъ отъ Естественной Исторіи, къ которой относится Минералогія, совершенно отличному, а именно: къ Космогеніи; посему въ Минералогическомъ курсѣ она мѣста имѣть не должна; изъ онаго все метафизическое исключается.

Авторы, коихъ сочиненіями въ составленіи записокъ по сему конспекту преимущественно пользуюсь, суть слѣдующіе: 1) *Севергинъ*, Первыя основанія Минералогіи. С.Петербургъ, 1798 года. — 2) *Г. Фишеръ*, Ориктогнозія. Москва, 1818 г.— 3) *Hauy*, Traité de Mineralogie. A Paris, 1801.—4) *D'Aubuisson de Voisens*, Géognosie. A Paris, 1819.—5) *A. de Humboldt*, Essai géognostique sur le gisement des roches dans les deux hémisphères. Paris, 1823.

Конспектъ полнаго курса Сельскаго Домоводства. Именемъ Сельскаго Домоводства означается искусство размножать полезныя въ общежитіи растенія и животныя. Сіи по установленнымъ отъ Предвѣчнаго закономъ, при опредѣленныхъ къ

тому условіяхъ производятся естественными силами*; посему заниматься размноженіемъ оныхъ значитъ не производить, но содѣйствовать производящей природѣ. Понятно, что содѣйствіе сіе тѣмъ удачнѣе быть можетъ, чѣмъ извѣстнѣе будутъ какъ законы, по коимъ природа совершаетъ свои производства, такъ и условія, при коихъ сіи имѣютъ мѣсто. До познаній оныхъ доводятъ Естественныя науки; слѣдовательно удачнѣе содѣйствовать природѣ въ размноженіи полезныхъ для насъ растеній и животныхъ, или, что все равно, заниматься сельскими работами съ бо́льшимъ и вѣрнѣйшимъ успѣхомъ можно только тогда, когда это содѣйствіе или сельскія работы будутъ озаряемы свѣтомъ Естественныхъ наукъ и направляемы по указанію оныхъ. Говорить о производствахъ Сельскаго Домоводства съ такою цѣлію значитъ искусство сіе обращать въ науку. Очевидно, что въ курсѣ оной изложенію производствъ Сельскаго Домоводства неминуемо должно предшествовать изложеніе ихъ началъ, заимствуемыхъ изъ Естественныхъ наукъ.

Что размноженіе полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ, на сихъ началахъ основанное, совершается успѣшнѣе, тому служатъ доказательствомъ цѣлыя Государства. Но количество размножаемыхъ естественныхъ произведеній не составляетъ еще главной цѣли Сельскаго Домоводства: сія состоитъ въ чистомъ выигрышѣ. Устроивать весь механизмъ сельскихъ работъ, соотвѣтственно сей цѣли, есть верхъ знанія въ дѣлѣ Сельскаго Домоводства. Способность къ тому пріобрѣтается познаніемъ началъ и производствъ сего искусства.

Основываясь на сказанномъ, науку Сельскаго Домоводства раздѣляю на *три части*: въ *первой* излагаются начала, во *второй* описываются производства, въ *третьей* говорится объ устройствѣ или организаціи хозяйства.

---

* Все сотворенное одарено отъ Всемогущаго Творца нѣкоторыми силами, для поддержанія и продолженія бытія своего. Эти силы, отъ творческаго всемогущества начало ведущія, сдѣлавшись принадлежностію творенія, природою именуемаго, называются естественными или силами природы. Дѣйствія силъ оныхъ также выражаются иногда словомъ: природа. Въ семъ то смыслѣ говорится: природа производитъ, природа дѣйствуетъ, природа могущественна.

Въ *первой части* слушатель представляется свидѣтелемъ того, что̀ и какъ производитъ природа; во *второй* ему показывается, какъ свѣдѣнія, при разсматриваніи природы въ дѣйствіи пріобрѣтаемыя, приспособляются къ сельскимъ занятіямъ; въ *третьей* наконецъ раскрываются способы, какъ свѣдѣніями, въ первой и второй частяхъ предложенными, руководствоваться можно въ образованіи цѣлости хозяйственныхъ распоряженій.

ЧАСТЬ I. *Начала*. Въ сей части, соотвѣтственно ея назначенію, предлежитъ разсмотрѣть, сколько нужно для предполагаемой цѣли, три предмета: землю, растенія и животныя; посему и подраздѣляю ее на три отдѣленія: предметъ перваго—почвы земли; втораго растенія; третьяго—животныя.

Отдѣленіе первое. *Почвы*. А. Составныя части почвъ: a. Минеральныя. α. Камни. β. Соли. γ. Руды. δ. Кислоты. b. Органическія. α. Черноземъ. β. Растительныя и животныя вещества. c. Дѣйствіе первыхъ на послѣднія. α. Физическое. β. Химическое. B. Изслѣдованіе почвъ: a. Физическое. α. Емкость воды. β. Цвѣтъ, запахъ, вкусъ. γ. Температура. b. Химическое. α. Поверхностное. aa. Опредѣленіе количества вещества органическаго. bb. песку. cc. глины. dd. извести; ee. мыловки. ff. желѣзнаго окисла. gg. соляныхъ веществъ. b. Подробное. aa. Разложеніе глины, bb. песку, cc. рухляка. dd. Изслѣдованіе соляныхъ веществъ. C. Раздѣленіе почвъ и ихъ свойства: a. Почва глинистая, b. песчаная, c. известковая, d. черноземная.

Одѣленіе второе. *Растенія*. А. Составныя части растеній: a. Хлѣбныхъ, b. Стручковыхъ. c. Овощныхъ. d. Кормовыхъ, e. Деревянистыхъ.—B. Строеніе растеній: a. Системы. α. Клѣтчатая, β. Межклѣтчатая, γ. Спиральная. b. Органы. α. Корень, β. Стволъ, γ. Листъ, δ. Цвѣтъ. — C. Физіологія растеній: a. Отправленія частныя: α. Корня, β. Ствола, γ. Листа, δ. Цвѣта. b. Растительный процессъ, α. Прозябеніе, β. Развитіе, γ. Цвѣтеніе, δ. Плодотвореніе, c. Питаніе растеній, α. Образованіе сока, β. Движеніе онаго, γ. Броженіе, δ. Кристаллизація тѣла растительнаго.

Одѣленіе третіе. *Животныя*. А. Составныя части животныхъ произведеній: a. Отдѣленій. b. Изверженій. B. Общій

взглядъ на строеніе животныхъ: a. Системы. b. Органы. — C. Краткая сравнительная Физіологія животныхъ. a. Отправленія системъ. b. Отправленія органовъ.

ЧАСТЬ. II. *Производства*. Всѣ производства Сельскаго Домоводства направляются къ тремъ предметамъ: землѣ, растеніямъ и животнымъ; посему и сія часть подраздѣляется на *три отдѣленія*: въ *первомъ* говорится о приведеніи земли въ то состояніе, въ коемъ можно приступить на оной къ размноженію растеній; во *второмъ* о размноженіи растеній; въ *третьемъ* о размноженіи животныхъ.

Отдѣленіе первое. *Земледѣліе*. A. Землевоздѣлываніе: a. Осушеніе болотъ. b. Расчищеніе. c. Уплотненіе сыпучихъ песковъ.—B. Землеудобреніе: a. Поправленіе почвы. α. Пескомъ. β. Глиною. γ. Известью. δ. Рухлякомъ. ε. Пеплами или золою. b. Утучненіе почвы. α. Скопленіе туковъ. aa. Растительныхъ. bb. Животныхъ. β. Приготовленіе туковъ. γ. Выборъ оныхъ для разныхъ почвъ. δ. Вывозъ и запахиваніе. — C. Землепашество; a. Цѣль паханія. b. Способы къ достиженію оной. c. Правила паханія. d. Землепахатныя орудія.

Отдѣленіе второе. *Размноженіе растеній*. A. Нивоводство: a. Общее. α. Посѣвъ. aa. Выборъ сѣмянъ. bb. Количество оныхъ для даннаго пространства. cc. Глубина положенія зеренъ. dd. Время посѣва. ee. Способъ сѣянія. β. Присмотръ во время произрастанія. aa. Полонье. bb. Плугополольная воздѣлка. cc. Обкапыванье. γ. Уборка. aa. Жатіе и кошеніе. bb. Сушеніе. cc. Молотьба и вѣяніе. dd. Сохраненіе зерна. b. Частное. Здѣсь касательно каждаго растенія изъ хлѣбныхъ стручковыхъ, корне-овощныхъ и кормовыхъ говорится порознь въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Виды и различія растенія. 2. На какой почвѣ лучше удается. 3. Предшествующее обработываніе земли. 4. Посѣвъ. 5. Присмотръ во время произрастанія. 6. Время съема. 7. Цѣнность растенія и употребленіе. 8. Истощеніе земли, имъ производимое.—B. Луговодство: a. Луга естественные. b. Луга искусственные. c. Орошенія. d. Удобренія. e. Уборка.—C. Садоводство: a. Приготовленіе земли. b. Питомникъ. c. Разсадка. d. Улучшеніе.— D. Лѣсоводство: a. Роды лѣсныхъ деревъ. b. Способы разведенія. c. Сбереженіе.

Отдѣленіе третіе. *Размноженіе животныхъ.* А. Скотоводство: a. *Лошади* α. Породы. β. Улучшеніе породъ. γ. Содержаніе. b. Рогатый скотъ. α. Породы. β. Улучшеніе породъ. γ. Содержаніе. c. Овцы, α. Породы. β. Улучшеніе породъ. γ. Содержаніе. b. Свиньи. α. Породы. β Улучшеніе породъ. γ. Содержаніе.—В. Птицеводство: a. Роды домашнихъ птицъ. b. Размноженіе. c. Содержаніе.—С. Пчеловодство: a. Естественная исторія пчелъ. b. Пчельникъ. c. Ульи. d. Размноженіе пчелъ. α. Естественное. β. Искусственное. e. Присмотръ въ разныя времена года.

ЧАСТЬ III. *Устройство.* Здѣсь встрѣчаются три вопроса: что устроивать? какими способами? какъ устроенное вести къ своей цѣли? Въ слѣдствіе сего и сію часть подраздѣляю на *три отдѣленія*: предметъ *перваго* обзаведеніе, *втораго* способы или системы, а *третьяго* управленіе.

Отдѣленіе первое. *Обзаведеніе.* А. Земля. a. Ея оцѣнка при покупкѣ и откупѣ. b Соразмѣрность между лугами, пастбищами, лѣсомъ, пашнею и усадьбою.—В. Работа: a. Работники. b. Рабочій скотъ. c. Орудія и машины.—С. Строенія: a. Избы. b. Скотные дворы. c. Житницы. d. Гумна.

Отдѣленіе второе. *Способы или системы.* А. Изложеніе системъ Хозяйства: a. Паровой. b. Выгонной. c. Плодоперемѣнной.—В. Критическій разборъ системъ Хозяйства: a. Идеалъ Хозяйства и примѣненіе къ оному каждой системы. b. Начала нивоводства и примѣненіе къ онымъ каждой системы.—С. Выборъ системы Хозяйства: a. Правила при выборѣ, b. при введеніи, c. при переходѣ отъ старой къ новой.

Отдѣленіе третіе. *Управленіе.* А. Книги. В. Распоряженія. С. Исторія Хозяйства.

Авторы, коихъ сочиненіями въ составленіи записокъ по сему конспекту преимущественно пользуюсь, суть слѣдующіе: 1) A. Thaër, Grundsätze der rationellen Landwirthschaft. Berlin, 1809.—2) L. Trautmann, Landwirthschaftslehre. Wien, 1816.—3) Le Comte Chaptal, Chimie, appliquée à l'agriculture. Paris, 1823.—4) Arthur Young, le cultivateur Anglois, traduit de l'Anglois. Paris. — 5) *Земледѣльческая Химія*, *собственное сочиненіе.*

ПАКО (Pascault), Адольфъ Ивановичъ, Лекторъ Французской Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, родился во Франціи, въ городѣ Оре (въ Нижней Бретани) 1800 г., въ ночь на Рождество Христово. Отецъ его, Полковникъ, заслужилъ вниманіе Наполеона I-го во время Италіянскихъ войнъ, и былъ комендантомъ въ городахъ Веронѣ и Венеціи; онъ умеръ отъ ранъ, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и почти въ бѣдности.

Лишившись отца и матери на 5-мъ году отъ рожденія, А. Пако, по приказанію Императора, былъ принятъ безденежно въ Коллегіумъ (тогда Лицей) города Муленъ (въ Бурбонне). Въ 1818 г., по окончаніи курса ученія, онъ получилъ главную премію отличія, присланную Е. В. Королемъ Лудовикомъ XVIII во всѣ королевскіе Коллегіумы Франціи, и впослѣдствіи остался преподавателемъ въ томъ самомъ заведеніи, въ которомъ получилъ воспитаніе. Онъ готовился къ экзамену для поступленія въ нормальную школу, но его назначили Профессоромъ Французскаго, Латинскаго и Греческаго языковъ въ Коллегіумѣ города Puy-en-Velay въ верхнемъ Лангедокѣ. Тамъ онъ всѣ досуги свои посвятилъ изученію Естественной Исторіи и, на данную Клермонтскою Академіею тему, написалъ похвальное слово В. Паскалю. Этотъ первый еще незрѣлый трудъ его тѣмъ не менѣе удостоенъ Академическаго поощренія.

Въ 1823 г., подъ управленіемъ Министра Виллеля, коллегіумъ города Puy-en-Velay отданъ въ распоряженіе Іезуитовъ, и А. Пако отозванъ въ Парижъ впредь до опредѣленія его къ новымъ должностямъ. Тамъ онъ познакомился съ Ѳ. В. Самаринымъ, Шталмейстеромъ Двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и съ нимъ пріѣхалъ въ Россію, въ качествѣ наставника его пятилѣтняго сына.

Въ 1825 г. онъ выдержалъ въ Москвѣ экзаменъ на званіе учителя языковъ: Французскаго, Латинскаго и Греческаго. Здѣсь онъ продолжалъ заниматься Естественной Исторіей, и въ 1828 г. издалъ написанное имъ для своего воспитанника сочиненіе подъ заглавіемъ: *Четыре времени года, или Ботаника, Зоологія, Космографія и Физика для юношества,* съ цѣлью привести учащагося самымъ практическимъ путемъ къ познанію Естественной Исторіи. Въ слѣдъ за появленіемъ этого

сочиненія онъ, по представленію Г. Вице-Президента Фишера фонъ-Вальдгейма, избранъ въ члены Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы и въ товарищи Секретаря для изданія Бюллетеней и Записокъ Общества.

Въ 1835 г., по представленію Князя С. И. Гагарина, Пако опредѣленъ учителемъ Французской Словесности въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, а въ 1836 г. 3-го Октября, по представленію Графа С. Г. Строганова, Лекторомъ при Московскомъ Университетѣ и учителемъ Естественной Исторіи въ Благородномъ Пансіонѣ; тогда онъ присягнулъ на подданство Россіи. Въ теченіи 18 лѣтъ своей Университетской службы, Пако былъ членомъ Комитета экзаменаторовъ домашнихъ наставниковъ и наставницъ. Впослѣдствіи назначенъ еще учителемъ Французской Словесности и Естественной Исторіи въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ Ордена Св. Екатерины, равно и въ Александровскомъ. Московское Общество Садоводства приняло его въ число своихъ Дѣйствительныхъ Членовъ (1833 г.), и наконецъ въ 1844 г. Парижское Восточное Общество избрало его въ члены-корреспонденты по поводу его познаній въ Русскомъ языкѣ.

А. Пако Всемилостивѣйше пожалованъ бриллiантовымъ перстнемъ и пряжкою за XV лѣтъ безпорочной службы.

Сверхъ упомянутаго сочиненія: 1) *Четыре времени года, или Ботаника* и пр. 1828 г. Лекторъ А. Пако издалъ еще: 2) *Вечернія бесѣды по субботамъ, или чтеніе для Русскаго юношества*, 1834 г. (журналъ, одобренный Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и на который благоволили подписаться Особы Императорскаго Дома); 3) Morceaux choisis dans les orateurs et les poètes français, avec une notice sur chacun d'eux (*Избранныя мѣста изъ Французскихъ поэтовъ и ораторовъ, съ біографическими замѣтками*, — написано по порученію Московскаго Университета и до сихъ поръ употребляется какъ руководство въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ), 1835 г.; 4) Cours de langue française (курсъ Французскаго языка для начинающихъ, три изданія), 1850—53 г.; 5) *Разные переводы въ Бюллетеняхъ Общества Испытателей Природы* (путешествіе Карелина на Уралъ; по бассейну Волги, Языкова).

Изнуренный трудолюбивою жизнію, А. Пако, вслѣдствіе совершеннаго разстройства здоровья, принужденъ былъ оставить службу въ Іюлѣ 1853 г. Въ продолженіе 17 лѣтъ онъ былъ Секретаремъ Французскаго Благотворительнаго Общества и старостою Римско-Католической церкви Св. Лудовика.

ПАНКЕВИЧЪ, Михаилъ Ивановичъ, Прикладной Математики Профессоръ публ. Ординарный, Коллежскій Совѣтникъ, родомъ Малороссіянинъ изъ-за Нѣжина, происходилъ изъ духовнаго званія. Въ Кіевской Академіи пріобрѣлъ онъ первоначальныя познанія въ наукахъ; по ней былъ товарищемъ А. А. Антонскому, и потому пользовался всегда его благорасположеніемъ. Желаніе дальнѣйшаго образованія привлекло его въ Московскій Университетъ. Вступивъ въ оный 1780 г. и въ томъ же году будучи произведенъ въ Студенты, онъ слушалъ лекціи Логики и Метафизики, Латинскаго Краснорѣчія и Ученой Исторіи, Математики и Экспериментальной Физики. Наставниками его были въ Чистой Математикѣ Аничковъ, а въ Прикладной Математикѣ и Физикѣ Ростъ. Въ 1782 году Панкевичь былъ опредѣленъ въ Члены Учительской Семинаріи, и избралъ, съ дозволенія конференціи, преимущественнымъ своимъ занятіемъ Математику и Физику; но изучалъ также Натуральную Исторію, Химію, Анатомію, и такимъ образомъ дополнилъ для себя образованіе по Физико-Математическому Факультету, строго отдѣлившемуся отъ Философскаго только въ 1804 году.

Служебныя занятія Панкевича начались не ранѣе 1787 въ высшемъ Ариѳметическомъ классѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ, кромѣ того, съ 1790 г. по 1796 г., преподавалъ онъ Артиллерію и Фортификацію. Такимъ образомъ на слушаніе лекцій онъ употребилъ не менѣе 6 лѣтъ. Будучи одаренъ отъ природы проницательнымъ умомъ, счастливою памятью и пылкимъ воображеніемъ, онъ старался украсить сіи способности разнообразными свѣдѣніями. Неутомимость въ трудахъ была споручницею его успѣховъ.

За свое прилежаніе, въ 1786 году Панкевичь получилъ отъ Университетскаго Начальства денежное награжденіе. Въ 1788 г. съ похвалою выдержавъ экзаменъ на степень Магистра

Философіи и свободныхъ наукъ, онъ написалъ и тогда же издалъ въ свѣтъ на Латинскомъ языкѣ разсужденіе: De praecipuis machinis hydraulicis, quibus elasticorum ferventis aquae vaporum ponderisque atmosphaerae ope, aqua ad insignem altitudinem elevari potest и проч. съ чертежами. Кажется, это было первое сочиненіе о паровой машинѣ, изданное въ Россіи, и заслуживаетъ всякое вниманіе, по причинѣ яснаго пониманія дѣла.

По смерти Профессора Роста, преподававшаго Физику и Прикладную Математику, каѳедра Физики предоставлена была знаменитому П. И. Страхову, а Прикладной Математики Панкевичу въ 1791 году. Съ этихъ поръ онъ занималъ ее съ великою пользою для учащихся по 1812 годъ, въ теченіи двадцати одного года. Изъ Университетскихъ каталоговъ, какіе дошли до насъ по сіе время, видно, что полный курсъ преподаванія Панкевича заключался въ трехъ-годичномъ періодѣ, и слѣдовалъ почти въ такомъ порядкѣ, съ немногими только измѣненіями: 1) Механика, Гидравлика и Аэрометрія съ объясненіемъ устройства машинъ; 2) Оптика, Перспектива, Катоптрика и Діоптрика; 3) Сферическая Тригонометрія, Сферическая и Теоретическая Астрономія, Математическая Географія и Навигація, которыя онъ преподавалъ и прежде и послѣ Профессора Гольдбаха. Главнымъ руководствомъ вездѣ поставленъ курсъ Вейдлера. Въ недѣлю бывало 4 лекціи по 2 часа. Это преподаваніе, составлявшее переходъ, отъ прошедшаго столѣтія къ текущему, замѣчательно тѣмъ, что, по единогласному свидѣтельству біографіи, помѣщенной при Университетскихъ рѣчахъ, изданныхъ И. М. Снегиревымъ, и статьи И. Ѳ. Тимковскаго, помѣщенной въ №№ 9-мъ и 10-мъ Москвитянина 1851 г., преподаватель пользовался новѣйшими того времени писателями, съ приложеніемъ высшихъ исчисленій, которыхъ нѣтъ у Вейдлера; но въ каталогахъ объ этомъ не упоминается. Только въ каталогѣ 1800 г. и 1801 г. сказано, что Навигація «будетъ выбрана изъ лучшихъ, особливо новѣйшихъ сочиненій,» безъ объясненія, какихъ именно; да въ 1808 г. и 1809 объявлена руководствомъ Оптика Лакаля, которая издана, съ дополненіями отъ воспитанниковъ Политехнической Школы, въ первый разъ 1802 г. Неестественно

не довѣрять очевиднымъ свидѣтелямъ: потому, ясно, что эта неточность въ указаніяхъ источниковъ преподаванія составляла характеръ времени. Это подтверждается и тѣмъ, что И. Ѳ. Тимковскій упоминаетъ о существованіи записокъ лекцій Панкевича на Латинскомъ языкѣ: что же было ему выписывать изъ Вейдлера, который и безъ того элементаренъ?

Будучи недовѣрчивъ къ собственнымъ силамъ, нашъ Профессоръ изслѣдовалъ все съ величайшею рачительностію. Каждая лекція, по собственному его признанію, стоила ему дневныхъ трудовъ. Для точнаго исполненія своего долга, не щадилъ онъ усилій своего ума, хотя они имѣли невыгодное вліяніе на болѣзненное состояніе его тѣла, потому что онъ подверженъ былъ эпилепсіи.

Кромѣ Профессорскаго званія, дѣятельный ученый отправлялъ и другія по Университету должности: троекратно выбираемъ былъ Деканомъ Физико-Математическаго Отдѣленія; 8 лѣтъ присутствовалъ какъ Членъ въ Училищномъ Комитетѣ; въ продолженіи 3 лѣтъ находился Членомъ Комитета испытаній, учрежденнаго по Высочайшей волѣ для желающихъ имѣть осьми-класные чины; какъ визитаторъ училищъ, въ разныя времена осматривалъ онъ учебныя заведенія, подвѣдомственныя Московскому Университету, въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской, Костромской, Тверской, Калужской и Тульской. Въ началѣ ревностной службы своей, въ 1791 г. Панкевичъ произведенъ былъ Экстраординарнымъ, въ 1796 г. Ординарнымъ Профессоромъ, а въ 1808 г. награжденъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника; въ 1805 году получилъ онъ бриліантовый перстень.

Обязанность біографа, конечно, заключается не въ томъ, чтобы выставлять только черты похвальныя. Слабости человѣческой нашей природы, побѣжденныя подъ благословеніемъ Промысла силою разумной воли, составляютъ уроки самые поучительные, особенно для посвящающихъ себя тому же поприщу: онѣ ни въ какомъ случаѣ не должны быть пренебрегаемы.

Вотъ что разсказываютъ о Панкевичѣ знавшіе его коротко современники. Михаилъ Ивановичъ, во время студентчества, пристрастился было къ крѣпкимъ напиткамъ, и эта слабость

довела его до падучей болѣзни. Тогдашній знаменитый врачъ, Ѳедоръ Герасимовичь Политковскій, дѣятельною помощію болѣзнь вылѣчилъ, и на будущее время предписалъ ему строгое воздержаніе. Кромѣ этого, Политковскій велѣлъ ему носить на лѣвой рукѣ фонтанель. Такъ какъ фонтанель безпокоила его, но была необходима, то Панкевичь лѣвую руку удерживалъ отъ всякаго движенія и носилъ всегда за пазухою. Онъ такъ привыкъ къ этому положенію, что всякое дѣло дома и въ классѣ исполнялъ безъ ея помощи, напр. складывалъ письмо, дѣлалъ пакетъ и печаталъ одною правою рукою, нѣсколько помогая губами и локтемъ лѣвой руки. Когда же онъ выходилъ въ свой садикъ съ заступомъ для тѣлеснаго упражненія, по совѣту врачей; тогда лѣвая рука принимала надлежащее участіе въ работѣ, вопреки слухамъ, будто она была разбита параличемъ. При этой перемѣнѣ привычекъ, табакъ оказалъ на него примѣчательное физіологическое вліяніе. Прежде онъ курилъ и нюхалъ, но, оставивъ употребленіе его, не могъ терпѣть этого зелья: въ классѣ не могъ сносить, чтобы кто нибудь изъ слушателей открывалъ табакерку; въ конференціи тяготился присутствіемъ сочленовъ, охотниковъ курить, которыхъ тогда было много изъ прибывшихъ вновь иностранцевъ; даже ощущалъ приближеніе ихъ, не смотря на открытыя лѣтомъ окна. Словомъ, сдѣлался въ этомъ отношеніи совершеннымъ сенситивомъ.

М. И. жилъ скромно, любилъ одиночество; однимъ изъ любимыхъ его развлеченій было наблюдать характеристики и выраженіе лицъ на народныхъ гуляньяхъ, зрѣлищахъ, даже мѣстахъ казни. Также любилъ онъ прогулку около выгружаемыхъ на Москвѣ рѣкѣ барокъ, и давалъ иногда совѣты о выгоднѣйшихъ пріемахъ работъ. Впрочемъ онъ не чуждался и общества, гдѣ вообще обнаруживалъ веселый нравъ. Особенно друженъ былъ съ Проф. Сохацкимъ. Единственная роскошь какую позволялъ себѣ, былъ зеленый чай самой высокой доброты; онъ клалъ въ него много сахару, пилъ самый горячій и любилъ имъ потчивать своихъ гостей.

Въ разговорахъ онъ объяснялся свободно, живо; любилъ поспорить и разсказывать анекдоты, относившіеся даже къ нему самому, напр. о цирульникѣ, который выдернувши ему

зубъ до половины, со всѣхъ ногъ побѣжалъ домой за щипцами получше и т. п. Самъ описывалъ свою слабость и изцѣленіе отъ оной, повторяя любимую поговорку: «есть привычка, есть и отвычка,» и даже не имѣя ложнаго стыда въ отношеніи къ своимъ ученикамъ, которымъ быть при томъ случалось.

Но на лекціяхъ напротивъ бывалъ нерѣдко теменъ и непонятенъ. А какъ вообще онъ былъ упоренъ въ мнѣніяхъ и щекотливъ, то весьма затруднялся, когда, по причинѣ ошибки въ выкладкѣ на лекціи, получалъ ложный результатъ. Онъ этимъ сильно тревожился и волновался внутренно; а желая поправиться и отыскать свою ошибку, еще болѣе путался и сбивался. Это иногда продолжалось три, четыре часа: потому и время лекцій онъ старался избирать послѣднее. Если бъ кто изъ слушателей вздумалъ указать ему мѣсто ошибки, — это значило бы оскорбить Панкевича и потерять его благорасположеніе.

О кончинѣ Панкевича, впослѣдствіи, распространились темные слухи, приписывавшіе оную самоубійству или утопленію. Потому не считаемъ излишними подробности, переданныя намъ очевидцами.

О смерти М. И., случившейся 1812 года Августа 14-го, Университетъ былъ увѣдомленъ отъ Штатъ-Физика Ивана Христіановича Цемша, ибо онъ узналъ трупъ Панкевича, когда былъ призванъ на «съѣзжій дворъ» Городской части для вскрытія его. Послѣ оказалось, что М. И. въ этотъ день прогуливался на набережной Москвы рѣки противъ Кремля, вмѣстѣ съ Проф. П. Ив. Страховымъ, Кассіаномъ Петровичемъ Келембетомъ, ихъ Университетскимъ товарищемъ, а въ то время чиновникомъ Почтамта; съ ними же былъ племянникъ перваго П. Л. Страховъ (впослѣдствіи также Профессоръ). Почувствовавъ себя дурно, Панкевичъ отказался идти на другую сторону Москворѣцкаго моста, чтобы любоваться разгрузкою барокъ, и пошелъ домой, а потомъ упалъ противъ Мытнаго двора, и принесенъ на упомянутый съѣзжій дворъ, бывшій подлѣ церк. Св. Николая, называемаго Москворѣцкимъ.

Михаилу Ивановичу было тогда 55 лѣтъ. Тѣло его предано погребенію съ подобающею честію на Лазаревомъ клад-

бицѣ.—Такъ какъ онъ былъ холостой, то въ № 19 М. Вѣд. стр. 527 вызываемы были наслѣдники его для полученія билетовъ Сохранной Казны на 18,200 р. асс. и разныхъ вещей.

Подъ конецъ жизни, Панкевичь помѣщался въ деревянномъ флигелѣ, стоявшемъ на Университетской землѣ близъ церкви Св. Георгія, что на Красной горкѣ, и выходившемъ лицевою стороною на Моховую улицу. Тутъ подъ окнами, со стороны противуположной церкви, былъ и разведенный имъ садикъ, въ который онъ выходилъ изъ комнатъ черезъ окошко, помощію двухъ лѣстницъ.

О наружномъ видѣ его выписываемъ показаніе И. Ѳ. Тимковскаго: «по складу головы его съ широкимъ лбомъ, по лицу «съ прочернью, по грудному голосу и формѣ рта въ рѣчи, «онъ долженъ быть изъ поколѣній Карпатскихъ или Задунайскихъ.»

Изъ сочиненій Панкевича, кромѣ диссертаціи, извѣстны слѣдующія двѣ рѣчи, писанныя имъ для торжественныхъ собраній Университета: 1) *О подлинной цѣли Математическихъ наукъ и сообразномъ ей расположеніи упражненій въ оныхъ*, 1792 г. Іюня 30-го, и 2) *Объ отличительныхъ свойствахъ, источникахъ и средствахъ просвѣщенія*, 1796 г. Іюня 30-го. Отъ Попечителя М. Н. Муравьева поручено ему было перевесть Principia mathematica philosophiae naturalis Невтона; неизвѣстно, успѣлъ ли нашъ Проф. кончить сей переводъ, который бы могъ принести ему великую честь. — Въ Донскомъ монастырѣ и теперь находится памятникъ его усердія къ сей досточтимой обители: солнечные часы, устроенные имъ на каменномъ столбѣ, съ надписью: Horologium horizontale, pro poli elevatione 55° 45′, fecit Pankewitsch anno 1805. Такіе же часы сдѣлалъ онъ и для Троицкой Лавры.

Разнообразныя и обширныя свѣдѣнія сего достойнаго Профессора, основательныя познанія въ наукахъ Физико-Математическихъ пріобрѣли ему славу мужа ученаго и глубокомысленнаго. Имѣя всегда самъ за собою строгій надзоръ, Панкевичь соблюдалъ умѣренность, какъ залогъ здравія души и тѣла, и при изнурительныхъ трудахъ и болѣзняхъ умѣлъ продолжить свою жизнь для пользы отечества своего. Вотъ голосъ о немъ изъ устъ, теперь уже умолкшихъ и несно-

собныхъ къ лицепріятію: «Въ семъ знаменитомъ человѣкѣ «Университетъ потерялъ твердую свою опору. Ему обязанъ «я привязанностію своею къ Математическимъ наукамъ; наи«болѣе же старался подражать умѣренности жизни его.» Это мѣсто взято изъ ежедневныхъ записокъ, веденныхъ современникомъ и ученикомъ Панкевича, Проф. Щепкинымъ.

ПАПАФИЛО, Николай, Лекторъ Италіянскаго и Греческаго языковъ, Магистръ Словесныхъ наукъ, упоминается въ каталогѣ Университетскихъ лекцій за вторую половину 1757 года, гдѣ сказано, что онъ «по середамъ и субботамъ 10 и 12 часы Италіянскаго языка обучать будетъ, а притомъ Піитъ и Риторовъ Греческихъ изъяснять имѣетъ.» Тоже повторено въ 1758 году; но въ каталогѣ университетскихъ лекцій 1759 года мы его уже не встрѣчаемъ. Въ Гимназіи онъ также училъ Италіянскому языку и началамъ Греческаго. Папафило желалъ получить званіе Экстраординарнаго Профессора, но Шуваловъ на то не согласился. Ученикъ его, Егоръ Булатницкій, перевелъ Италіянскую Грамматику Веннерони на Русскій языкъ и издалъ въ 1760 году. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 31 Мая 1762 года значится отъѣздъ за границу Магистра Папафило.

ПЕЛЬТЪ, Иванъ Александровичъ, Лекторъ Французскаго языка и Словесности, Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ Ордена Св. Анны 3-ей степени, происходилъ отъ древней дворянской фамиліи, переселившейся изъ Германіи во Францію, и родился 1780 г. Іюня 3-го въ городѣ Мецѣ. Отецъ его былъ Генералъ-Директоромъ податей и сборовъ, и въ началѣ Французской революціи, лишась всего состоянія, выѣхалъ въ Россію. Въ 1797 г. Пельтъ былъ помѣщенъ въ военную Политехническую Школу, гдѣ, по окончаніи курса наукъ, въ 1801 году по экзамену произведенъ въ Инженеръ-Поручики, и въ 1803 г. возвратился въ Россію. Въ 1810 г. поступилъ онъ на службу преподавателемъ въ Коммерческое училище, въ 1811 г. въ Екатерининскій Инстиступъ, въ 1812 въ Александровское Училище, въ 1814 г. въ Университетскій Благородный Пансіонъ; въ 1816 г., на мѣсто Арнольда, Лекто-

ромъ Французской Литературы въ Моск. Унив., а въ 1826 г. въ Моск. Кадетскій Корпусъ. Въ 1818 г. пожалованъ орден. Св. Анны 3-й степ. Въ 1827 г. 12-го Янв. говорилъ на актѣ Французск. рѣчь. Скончался на службѣ, 1829 г. Іюня 15-го. Его занятія съ Студентами были слѣдующія: онъ преподавалъ Синтаксисъ и объяснялъ теоретическія правила Словесности, приспособляя ихъ къ лучшимъ произведеніямъ знаменитѣйшихъ Французскихъ писателей. Слушателей своихъ онъ привлекалъ весьма искуснымъ и пріятнымъ произношеніемъ Французскихъ стиховъ, особенно басень Лафонтена.

ПЕРЕВОЩИКОВЪ, Дмитрій Матвѣевичь, Заслуженный Профессоръ Астрономіи, бывшій Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета, Адъюнктъ Академіи Наукъ по Чистой Математикѣ, Статскій Совѣтникъ и Орденовъ: Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною, Св. Владиміра 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною, Кавалеръ, происходитъ изъ дворянъ Пензенской Губерніи бывшаго уѣзднаго города Шишкѣева. Отецъ его былъ въ военной службѣ и участвовалъ въ преслѣдованіи Пугачева, подъ командою Михельсона. Дмитрій Матвѣевичь обучался въ Казанской Губернской Гимназіи съ 1802 г., а въ 1805 году Февраля 18-го переведенъ Студентомъ въ Казанскій Университетъ. Окончивъ курсъ ученія, 1809 года Января 1-го опредѣленъ въ Симбирскую Губернскую Гимназію старшимъ учителемъ математическихъ и физическихъ наукъ, и въ 1816 году Апрѣля 20-го отъ этой должности уволенъ по прошенію. Въ 1818 году переѣхалъ изъ Симбирска въ Москву вмѣстѣ съ семействомъ Вице-Губернатора, сначала Симбирскаго, потомъ Московскаго, Е. Е. Ренкевича, при дѣтяхъ котораго былъ домашнимъ наставникомъ, и въ томъ же году Декабря 26-го опредѣленъ при Московскомъ Университетѣ преподавателемъ Трансцендентальной Геометріи съ магистерскимъ жалованьемъ. Въ слѣдующемъ году утвержденъ Адъюнктомъ по Физико-Математическому Отдѣленію Маія 17-го; въ 1826 г. Мая 3-го, въ званіи Экстраординарнаго Профессора по каѳедрѣ Астрономіи, и въ томъ же году Декабря 8-го Ординарнымъ по той же каѳедрѣ.

Перевощиковъ началъ свое преподаваніе въ Университетѣ съ Алгебры и Трансцендентальной Геометріи по руководству Франкёра съ дополненіями изъ Лакруа, какъ значится въ каталогѣ лекцій $18\frac{19}{20}$ года; далѣе продолжалъ чтеніе Алгебры и Аналитической Геометріи до $182\frac{4}{5}$ Академическ. года, съ котораго началъ уже читать Раціональную Астрономію по сочиненію Шуберта; въ $182\frac{5}{6}$ читалъ Сферическую Астрономію по тому же сочиненію, оканчйвалъ Раціональную и упражнялъ слушателей въ наблюденіяхъ; въ $182\frac{6}{7}$ году присоединилъ къ тому Сферическую Тригонометрію; въ $182\frac{7}{8}$ преподавалъ Теоретическую Астрономію, уже по собственному сочиненію, изданному сообразно съ конспектомъ; въ $182\frac{8}{9}$ году, объяснивъ Теорію параллаксовъ, движенія земли и луны, занималъ слушателей упражненіями въ практическихъ вычисленіяхъ по собственному сочиненію; въ $183\frac{1}{2}$ году кромѣ Сферической Астрономіи, теорію эллиптическаго движенія, теорію планетъ и кометъ; въ $183\frac{2}{3}$ году, сверхъ сихъ лекцій, временно занималъ каѳедру Прикладной Математики и преподавалъ Механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, по собственному сочиненію, съ дополненіями изъ твореній Прони и Лагранжа; чтеніе обоихъ предметовъ продолжалъ и въ слѣдующемъ $183\frac{3}{4}$ академ. году, а въ $183\frac{4}{5}$ году преподавалъ уже одну Астрономію. Въ 1836 году читалъ: о предвареніи равноденствій и колебаній, о годичномъ параллаксѣ и аберраціи и о временахъ года; на высшемъ курсѣ теорію планетныхъ возмущеній; въ $183\frac{6}{7}$ году на 1-мъ курсѣ — общее изложеніе небесныхъ явленій; на 2-мъ курсѣ — объясненіе оныхъ изъ закона тяготѣнія и историческое обозрѣніе Астрономіи; на 3-мъ Сферическую Астрономію и потомъ Геодезію. Съ $183\frac{7}{8}$ года лекціи Профессора уже сопровождались посѣщеніями Обсерваторіи еженедѣльно по субботамъ, вечеромъ. Свои астрономическія лекціи Профессоръ Перевощиковъ продолжалъ по $185\frac{0}{1}$ Академическій годъ включительно, и въ 1851 году, съ званіемъ Заслуженнаго Профессора, перешелъ въ Императорскую Академію Наукъ.

Сверхъ преподаванія предмета своего, Профессоръ Перевощиковъ такъ проходилъ свою Университетскую службу.

Избранъ Совѣтомъ и утвержденъ Г. Министромъ Народ-

наго Просвѣщенія въ званіи Директора Врачебнаго Института и Инспектора казеннокоштныхъ Студентовъ 1828 г. Декабря 13-го; Членомъ Училищнаго Комитета былъ съ 1827 по 1828 и 1829 г.; отъ должности Инспектора казенныхъ Студентовъ по прошенію уволенъ и опредѣленъ Секретаремъ Университетскаго Совѣта, 1830 г. Іюля 9-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, 1831 г. Августа 22-го; награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, 1832 г. Янв. 30-го; въ Коллежскіе Совѣтники произведенъ 1832 г. Февр. 26-го, со старшинствомъ со дня выслуги въ настоящемъ чинѣ установленнаго срока; избранъ Членомъ Комитета для испытанія Гражданскихъ чиновниковъ на академическій годъ, 1832 г. Іюня 8-го; отъ должности Секретаря Совѣта уволенъ по прошенію, 1832 г. Августа 20-го; поручено преподаваніе Прикладной Математики, 1832 г. Августа 25-го; назначенъ Членомъ Комитета для испытанія Гражданскихъ чиновниковъ на 183⅔ академическій годъ, 1833 г. Мая 30-го; избранъ и утвержденъ Деканомъ, 1833 г. Іюля 1-го; назначенъ Членомъ въ Комитетъ редакціи Ученыхъ Записокъ при Университетѣ по Физико-Математическому и Медицинскому отдѣленіямъ 1833 г. Апрѣля 21-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ; опредѣленъ Инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ 1834 г. Января 12-го; препоручено преподаваніе Аналитической Геометріи, двухъ и трехъ измѣреній, 1834 г. Февраля 9-го; Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Станислава 3-й степени, 1834 г. Марта 2-го; Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ совершенную признательность за усердіе и точное исполненіе возложенной на него обязанности по должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ пансіонами 1834 года Іюня 14-го; оставленъ Членомъ Комитета редакціи Ученыхъ Записокъ и на слѣдующій академическій годъ, 1834 г. Іюня 26-го; Деканомъ Физико-Математическаго отдѣленія и Членомъ Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ утвержденъ, 1834 г. Іюля 1-го; объявлено Его Императорскимъ Величествомъ Высочайшее благоволеніе по должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ пансіонами 1834 г. Іюля 20-го; за участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ объявлено Его

Императорскаго Величества Высочайшее благоволеніе 1834 г. Августа 6-го; Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ свою благодарность за усердную и полезную дѣятельность по должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ пансіонами 1834 г. Сентября 28-го; избранъ Членомъ въ Комитетъ для испытанія домашнихъ наставниковъ и учителей 1834 г.; Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ Членомъ Комитета снабженія Университета учебными пособіями 1834 г. Ноября 30-го; назначенъ вновь Инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями на 1835 годъ, 1834 г. Декабря 31-го; Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ изъявилъ Свою благодарность за поднесенную Его Высочеству Математическую Энциклопедію 1835 г. Января 3-го; Высочайше утвержденъ Цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ 1835 г. Апрѣля 14-го; за визитаторскій отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Костромской губерніи Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ совершенную признательность 1835 г. Мая 15-го; утвержденъ Членомъ Комитета редакціи Ученыхъ Записокъ въ 183⅚ академическомъ году; уволенъ отъ должности Инспектора надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ 1836 г., Января 1-го; утвержденъ Деканомъ бывшаго Философскаго Факультета 2-го отдѣленія на 4 года 1836 г. Февраля 22-го; произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1836 г. Декабря 18-го; изъявлена истинная признательность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за изданное имъ сочиненіе: Ручная Математическая Энциклопедія, 11 книжекъ, 1837 г. Марта 14-го; по Высочайшему повелѣнію уволенъ отъ должности Цензора при Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ, по его прошенію 1837 г. Іюля 11-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ 1838 г. Августа 22-го; по выслугѣ, на основаніи существующихъ узаконеній, 25 лѣтъ, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, оставленъ собственно на службѣ при Университетѣ еще на 5 лѣтъ, считая съ 18-го Ноября 1836 г., съ штатнымъ жалованьемъ и съ производствомъ въ пенсію годоваго оклада его, по 5 тысячь рубл. въ годъ, со дня увольненія его отъ званія Цензора, т. е. съ 11-го Іюля 1837—38 г. Октября 10-го; поручено было преподаваніе Физики 1838 г.

Октября 10-го; изъявлена благодарность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за изданіе Ручной Математической Энциклопедіи 1838 г. Октября 26-го; утвержденъ Деканомъ бывшаго 2-го отдѣленія Философск. Факультета на 4 года 1839 г. Іюня 1-го; Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й ст. Императорскою короною украшеннымъ 1841 г. Сентября 26-го; по выслугѣ въ учебномъ вѣдомствѣ 30 лѣтъ, оставленъ въ Университетѣ еще на 5 лѣтъ; по избранію Совѣта, утвержденъ Проректоромъ Университета съ оставленіемъ и въ должности Декана бывшаго 2-го отдѣленія Философскаго Факультета на остальное время четырехлѣтія 1842 г. Августа 8-го; на основаніи пункта 11 приложенія къ ст. 1665 Св. Зак. Т. III, за выслугу по учебной части сверхъ 25 лѣтъ еще 5-ти лѣтъ, къ получаемой имъ пенсіи 1429 р. 66 коп., прибавлена еще пятая доля оной т. е. 285 р. 92 коп., всего же по 1715 р. 62 коп. сер. въ годъ, съ выдачею прибавочной пенсіи со времени выслуги 30-лѣтняго срока, именно съ 8-го Сентября 1841 г.; утвержденъ Деканомъ бывшаго 2-го отдѣленія Философскаго Факультета на 4 года 1841 г. Іюня 30-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ 1843 г. Августа 22-го; командированъ въ С.Петербургъ съ ученою цѣлію 1844 г. въ Январѣ; Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степ. 1846 г. Декабря 6-го; съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ ему, за выслугу по учебной части 35 лѣтъ, въ пенсію полный окладъ его жалованья съ двумя пятыми долями онаго, всего по 2007 р. 34 коп. сер. въ годъ, съ оставленіемъ его на службѣ еще на два года 1847 года Февраля 6-го; избранъ и утвержденъ Деканомъ бывшаго 2-го отдѣленія Философскаго Факультета, на остальное время служенія его въ Университетѣ 1847 г. Іюня 12-го; по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію за труды при устройствѣ надъ зданіемъ новаго Кремлевскаго дворца громоотводовъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ 1847 г.; съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, по ходатайству Совѣта Университета, оставленъ на службѣ при Университетѣ, по выслугѣ 35 лѣтъ по учебной части еще до 3-го Мая 1851 г., 1848 года Марта 12-го; Высочайше

утвержденъ Ректоромъ Универс. по 3-е Мая 1851 г. въ 1848 г. Апрѣля 6-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ 1848 г. Августа 22-го; Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу и особые труды Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й ст., Императорскою короною украшеннаго, 1848 г. Октября 25-го; избранъ Почетнымъ Членомъ Императорскаго Казанскаго Университета 1849 г. Февр. 5-го; Всемилостивѣйше пожалованъ за участіе въ постройкѣ новаго Кремлевскаго Дворца золотою медалью на голубой лентѣ для ношенія въ петлицѣ 1849 г. Апрѣля 3-го; съ званіемъ Заслуженнаго Профессора оставилъ службу при Университетѣ, 3-го Мая 1851 года.

Книги изданныя Д. М. Перевощиковымъ:

А) Сочиненія, отдѣльно изданныя: 1) *Руководство къ Астрономіи изъ сочиненій Франкёра, Шуберта, Біота, дю-Бурге и Бальи.* 1826 года, (8) служило для преподаванія его въ Университетѣ. — 2) *Руководство къ Астрономіи.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, 1831 г. (4) (совершенно передѣланное также для преподаванія). Профессоръ имѣлъ счастіе посвятить эту книгу Государю Императору. — 3) *Основанія Астрономіи.* 1842 г. (4) (совершенно новое сочиненіе, отличное отъ предъидущихъ). — 4) *Обозрѣніе преподаванія Астрономіи* въ 1832—33 году. (4) (Родъ подробнаго конспекта). — 5) *Ариѳметика для начинающихъ*, изд. при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; 1820 г. (8). — 6) *Главныя основанія Аналитической Геометріи трехъ измѣреній.* 1822 г. (8).—7) *Ручная Математическая Энциклопедія,* въ 13-ти томахъ (12), содержащихъ: 1) *Ариѳметику.* 1 изд. 1826 г., 2-ое 1828 г. — 2) *Основанія Геометріи.* 1 издан. 1826 г., 2-ое 1830 г. — 3) *Алгебру.* 1-ое изд. 1827 г., 2-ое 1834 г. — 4) *Приложеніе Алгебры къ Геометріи.* 1827 г. — 5) *Теоріи Дифференціальнаго и Интегральнаго Исчисленій.* 1827 г. — 6) *Высшую Геометрію.* 1828 г. — 7) *Начертательную Геометрію.* 1831 г. — 8) *Статику.* 1831 г. — 9) *Динамику.* 1834 г. — 10) *Механику жидкихъ тѣлъ.* 1836 г.— 11 и 12) *Физику.* 1836—7 г. — 13) *Предварительный курсъ Астрономіи.* 1837 г. — 8) *Гимназическій курсъ Чистой Математики.* 1-е изд. 1838 г., 2-е изд. 1841 г. (8).—9) *Руко-*

водство къ опытной Физикѣ. 1833 г. (8). — 10) *Предварительный курсъ Астрономіи.* 2-е изд. 1847 г. (8) — 11) *Правила времясчисленія, принятаго Православною Церковію.* 1850 г.— 12) *Основанія Алгебры,* принятыя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для преподаванія въ Гимназіяхъ. СПБ. 1854 г.

B) Журнальныя статьи, выходившія въ особыхъ брошюрахъ: 13) *Замѣчанія о происхожденіи града.* (8). — 14) *Отвѣты на вопросы Гумбольдта.* 1837 г. Января 20-го. (8). — 15) Des observations météorologiques faites à Moscou. 1837 г. (8).— 16) *О сѣверномъ сіяніи.* 1840 г. Изъ Ж. М. Н. П. (8). — 17) *Открытія Нютона.* 1841 г. Изъ Ж. М. Н. П. (8). — 18) *Послѣдователи и противники Нютона.* Тамъ же. Кромѣ многихъ статей почти во всѣхъ литературныхъ журналахъ, Магазинъ Естественной Исторіи и Ученыя Записки Московскаго Университета наполнены его трудами.

C) Рѣчи: 19) *О предметѣ и пользѣ Астрономіи,* рѣчь, читанная 1823 г. Ноября 6-го, при вступленіи въ должность Астронома-наблюдателя. (8). — 20) *Слово о неподвижныхъ звѣздахъ,* произнесенное въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, 1826 г. (4). — 21) *Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія: «о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ,»* читанное въ Совѣтѣ И. М. У. Января 12-го 1831 года.

D) Труды по должности Академика, вошедшіе въ изданія С.-Петербургской Академіи: 22) *О предвареніи равноденствій* въ Бюллетенѣ Академіи на 1851 г. — 23) *О предвареніи равноденствій и колебаніи земной оси.* Въ Ученыхъ Запискахъ Академіи на 1852 г. — 24) *Гауссовъ способъ вычислять элементы планетъ и его приложеніе къ Астреѣ.* 1852 г. Тамъ же.— Въ Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій Фролова: 25) *Исторія изслѣдованій объ опредѣленіи фигуры и размѣровъ земли;* 26) *Историческое обозрѣніе Русскихъ календарей, издаваемыхъ отъ Академіи Наукъ.*

E) Переводы: 27) *Курсъ Чистой Математики, соч. Франкёра.* Ч. 1-я, 1819 г. (8) (общимъ трудомъ съ Проф. П. С. Щепкинымъ). — 28) *Сферическая Тригонометрія, соч. Франкёра.* 1825 г. (8). — 29) *Дифференціальное Исчисленіе. соч. Франкёра съ перемѣнами и прибавленіями,* изданное при Уни-

верситетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. 1824 года (8). — 30) *Предисловіе къ таблицамъ Логариѳмовъ Лаланда, изданное съ приложеніемъ самыхъ таблицъ Парижскаго стереотипнаго тисненія.* 1836 г. (12). — 31) *Предисловіе* id. id. . . . . *Каллета.* . . . . 1837 г. (8). — 32) *Курсъ Чистой Математики, соч. Лакруа*: 1) *Ариѳметика съ примѣчаніями.* 1-е изданіе 1826 г., 2-е изд. 1833 г. — 2) *Геометрія*, 1835 года. — 3) *Основанія прямолинейной и Сферической Тригонометріи и приложеніе Алгебры къ Геометріи.* 1835 года.

ПЕРЕЛОГОВЪ, Тимоѳей Ивановичь, Чистой Математики Профессоръ Ординарный, Коллежскій Совѣтникъ, род. 1765 г. Февраля 18-го, въ селѣ Перелоги Суздальскаго уѣзда Владимірской губерніи. Отецъ его, Іоаннъ Іоанновичь, былъ въ то время Священникомъ въ этомъ селѣ, а кончилъ свое земное поприще въ санѣ Іеромонаха Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, подъ именемъ Іоакима. Для обученія Перелоговъ поступилъ въ существовавшую тогда Суздальскую Семинарію, гдѣ получилъ, по тогдашнему обычаю, фамилію свою. Эта Семинарія, чрезъ нѣсколько лѣтъ, по учрежденіи Семинаріи Владимірской, присоединена была къ ней, почему и онъ вмѣстѣ съ товарищами туда былъ переведенъ. По вызову Начальства, онъ изъявилъ желаніе перейти въ Московскій Университетъ, и принятъ въ оный въ 1782 г. Еще въ продолженіе курса своего, отправлялъ онъ должность камернаго Студента, надзирая надъ воспитанниками Гимназіи, существовавшей при Университетѣ; потомъ преподавалъ Математику (съ 1784) въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; впослѣдствіи же поручено ему было въ этомъ Пансіонѣ и въ самомъ Университетѣ преподаваніе Французскаго и Англійскаго языковъ.

Самъ онъ пріобрѣлъ основныя познанія въ первомъ изъ нихъ на урокахъ преподавателя онаго въ Гимназіи, Бодуэня, которые посѣщаемы были не одними учениками сей Гимназіи, но и Студентами Университета, то соединенно съ учениками, то въ особые часы, судя по распоряженію преподавателя и начальства. Изъ воспоминаній Перелогова объ урокахъ Бодуэня сохранилось, что они бывали обыкновенно въ послѣобѣденное время, и состояли большею частію въ чтеніи Фран-

цузскихъ газетъ, которыя преподаватель заставлялъ своихъ слушателей переводить. Онъ находилъ, что это приноситъ учащимся двоякую пользу, т. е. упражненіе въ языкѣ и познаніе современныхъ новостей. Справедливо или нѣтъ было такое сужденіе, но Перелоговъ долженъ былъ это преподаваніе пополнить во многихъ отношеніяхъ собственнымъ трудомъ. Съ такою цѣлію онъ нашелъ удобнымъ помѣститься нахлѣбникомъ у другаго позднѣйшаго преподавателя Французскаго языка въ Академической, а послѣ въ Губернской Московской Гимназіи, Дешана, дабы въ его семействѣ пріобрѣсти въ особенности навыкъ къ разговору на этомъ языкѣ. Языкъ книжный онъ изучалъ между тѣмъ собственными силами. Плодомъ этихъ усилій было достиженіе такихъ познаній, что по единогласному мнѣнію современниковъ, онъ считался необыкновеннымъ между Русскими, и вообще между не-Французами знатокомъ языка. Онъ издалъ для руководства слушателей своихъ Французскую Грамматику, заслужившую не только полное уваженіе въ то время, но почти до сихъ поръ съ пользою употреблявшуюся въ нѣкоторыхъ Духовныхъ Училищахъ; впослѣдствіи эта Грамматика дошла до 6-го изданія. Перелоговъ издалъ сверхъ того Французскую Хрестоматію, которая выходила подъ разными заглавіями; послѣднее было Manuel de l'écolier 1831 г.; она заслужила не меньшее уваженіе. Съ 1801 г. до 1812 г. Перелоговъ былъ Лекторомъ Англійскаго языка; а потому изданы были имъ также Грамматика и Хрестоматія Англійскаго языка; впослѣдствіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ редакціи Французскаго Лексикона, составленнаго Татищевымъ и изданнаго Селивановскимъ.

Но одни современные языки не могли упрочить ученаго поприща. Русскій преподаватель иностраннаго современнаго языка, не смотря на пользу, какую оказываетъ ученикамъ, почти всегда въ большей степени, нежели иностранецъ, считается какъ-то не вполнѣ удовлетворительнымъ. Потому П. долженъ былъ почитать свою службу временною. Частію эта причина, частію привязанность къ Математикѣ, которую онъ уже преподавалъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, побудили его приготовлять себя къ преподаванію оной въ Университетѣ.

Наставникомъ его въ Математикѣ былъ Профессоръ Ростъ, преподававшій, во время студенчества Перелогова по курсу Вейдлера*, на Латинскомъ языкѣ, Геометрію, Плоскую Тригонометрію, Оптику, Сферическую Астрономію, Гномонику и Механику. Преподаваніе это, вмѣстѣ съ Физикою, сколько могли дойти до насъ свѣдѣнія, оставило во многихъ слушателяхъ, даже не педагогахъ, пріятныя воспоминанія. Нѣкоторые изъ нихъ дѣтямъ своимъ повторяли уроки Профессора о плаваніи твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ, о законахъ видѣнія и т. д. Но Алгебра, поставленная въ концѣ курса Вейдлера подъ именемъ «Analysis speciosa» не занимала въ большомъ размѣрѣ вниманія преподавателя: на нее въ концѣ каждаго года никогда недоставало времени, такъ что годичный курсъ обыкновенно оканчивался словами Профессора: «sed tempus jam deficit.»

Перелоговъ чувствовалъ, что съ такимъ запасомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ студенчествѣ, нельзя было занять каѳедру Профессора. Притомъ предметы преподаванія иначе должны были распредѣлиться: не говоря объ Ариѳметикѣ, Начальная (Прямолинейная) Геометрія и Плоская Тригонометрія правильнымъ образомъ должны были войти въ кругъ занятій гимназическихъ. Дѣльныя, но элементарныя свѣдѣнія изъ прикладныхъ частей не могли составить его преподаванія, ибо для нихъ существовала другая каѳедра. Алгебра, вмѣстѣ съ Аналитическою (криволинейною) Геометріею, или лучше сказать съ Анализомъ въ обширномъ смыслѣ и Исчисленіе безконечно малыхъ въ сочиненіяхъ, изданныхъ въ чужихъ краяхъ, получили огромное развитіе. Надобно было сравняться съ вѣкомъ: Перелоговъ, и изъ любви къ знанію, и по долгу службы, рѣшился на это. Конечно Московскій Университетъ вообще счастливъ своими преподавателями въ томъ отношеніи, что принимая послѣдовательно службу, едва-ли найдется одинъ, который бы остановился въ наукѣ на той точкѣ, на которой она передана была ему предшественникомъ. Долгъ честнаго человѣка и Христіанина призывалъ каждаго безъ киченія на святое дѣло Божіе: всѣ совершенствовались и со-

---

* См. біографію Проф. Роста.

вершенствовали свое преподаваніе послѣдовательно. Но Перелогову надобно было сдѣлать большой шагъ въ короткое время, вѣроятно по оказавшейся тогда потребности въ преподавателѣ.

Къ несчастію его, лѣто того года (должно быть въ концѣ прошедшаго столѣтія), въ который предстояло ему наиболѣе труда, было необыкновенно жаркое: онъ могъ работать только по ночамъ. Такія усилія, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, особенно можетъ быть при этомъ «ночеденствіи» (его собственное выраженіе) были причиною тяжкой душевной болѣзни: онъ впалъ въ глубокую меланхолію. Онъ разсказывалъ, что подверженъ былъ видѣніямъ въ бодрственномъ состояніи, что не могъ идти по краю улицы изъ опасенія, чтобы окружныя зданія на него не упали, и ходилъ непремѣнно по срединѣ мостовой и т. д. Но преимущественно вѣра въ благость Провидѣнія, умѣренность во всѣхъ желаніяхъ, а притомъ точное исполненіе строгой діэты и мучительнаго лѣченія, ему предписаннаго, спасли его, хотя въ немъ съ тѣхъ поръ навсегда остались рѣзкіе слѣды задумчивости. Нельзя безъ чувства благодарности вспомнить при этомъ благодушнаго снисхожденія начальства, имѣвшаго безъ сомнѣнія большое вліяніе на исцѣленіе больнаго: всякая другая мѣра сгубила бы его; а благодушіе поддержало на пути жизни и службы несчастнаго, готоваго пасть подъ бременемъ, на него возложеннымъ. Когда П. въ разгарѣ своей болѣзни пришелъ донести бывшему тогда Директору Университета (по словесному преданію семьи, Г. Приклонскому), что онъ не можетъ нести бывшей на немъ должности преподавателя языковъ Французскаго и Англійскаго; то Директоръ отвѣчалъ доброю Русскою поговоркою: «черезъ силу и конь не ступитъ.» Миръ праху добраго начальника: онъ помогъ ревностному слугѣ Царскому совершить подвигъ, который съумѣетъ оцѣнить всякій разумѣющій дѣло.

Такимъ образомъ Перелоговъ имѣлъ возможность продолжать свое лѣченіе, въ которомъ важную часть занимало обливаніе самою холодною водою, треніе льдомъ, движеніе на свободномъ воздухѣ и употребленіе горькихъ травъ въ различныхъ видахъ. Продолжительныя прогулки на чистомъ воз-

духѣ обратились у него въ привычку, долго поддерживавшую и укрѣплявшую его здоровье. Такъ впослѣдствіи (даже при старости) въ свободный день сходить отъ Сухаревой башни, близь которой онъ жилъ, на колокольню Ивана Великаго, потомъ въ село Алексѣевское на паровую водоподъемную машину, потомъ въ Зубово, въ Симоновъ монастырь и воротиться къ Сухаревой башнѣ, для него было прогулкою очень обыкновенною.

Это лѣченіе кончилось тѣмъ, что Т. И. наконецъ съ честію могъ вступить на поприще преподаванія Чистой Математики. Между тѣмъ помянутая потребность въ преподавателѣ оной пополнена кѣмъ либо инымъ; а Т. И., съ 1807 г., отправлялъ должность помощника Инспектора въ надзорѣ за ученіемъ и поведеніемъ казенныхъ воспитанниковъ Академической при Университетѣ Гимназіи; преподаваніе же въ Университетѣ Англійскаго и Французскаго языковъ продолжалъ до 1812 года, не начиная еще Математики.

Въ этотъ достопамятный годъ, Университетскимъ чиновникамъ, вмѣстѣ съ дѣлами Правленія и Совѣта и нѣкоторою частію библіотеки, указано было укрываться отъ нашествія непріятеля въ Нижнемъ-Новгородѣ. Т. И. вмѣстѣ съ достойнымъ сочленомъ Университета, другомъ и товарищемъ его по ученью, Профессоромъ Исторіи, Н. Е. Черепановымъ, и семейства ихъ отправились туда на трехъ лошадяхъ и трехъ повозкахъ 1-го Сент. Они должны были ѣхать шагомъ, между тѣмъ какъ непріятель вступилъ въ Москву 2-го Сентября. Счастье ихъ, что Нижегородская дорога, по распоряженію предусмотрительнаго военачальника, была занята Русскою арміею. Иначе всякая экспедиція буйнаго фуражира, направленная по этой дорогѣ, могла быть для путешественниковъ весьма опасною.

Въ Нижнемъ ожидала ихъ новая бѣда: три лошади, привезшія двухъ Профессоровъ, были наняты ими по 100 руб. за каждую съ пособіемъ изъ казны. — Кромѣ же платы за провозъ, необходимыя путевыя издержки совершенно истощили небогатый запасъ ихъ денегъ. Бѣдные Профессоры были удалены нѣсколько времени даже отъ команды Университетской, которой солдаты могли бы помочь хотя въ домашней

услугѣ. Не имѣя возможности никого нанять, два товарища по вечерамъ, въ глубокіе сумерки, приносили по ведру Волжской воды своеручно на палкѣ, продѣтой сквозь дужку. Суздальскіе Семинаристы лучше исполнили бы такую работу; но въ званіи Профессоровъ, они отъ нея отвыкли.

Эта крайняя бѣдность и безнадежность, вскорѣ поправить свое состояніе, имѣли сильное вліяніе на духъ Т. И. Видя почти безъ куска хлѣба себя, жену и пятерыхъ дѣтей, онъ изнемогъ подъ бременемъ горя. Но Провидѣніе послало помощь изгнанникамъ: попечительное начальство отыскало ихъ, и помѣстило по возможности въ зданіяхъ Нижегородской Гимназіи, снабдивъ необходимымъ. Какъ-бы въ вознагражденіе за понесенную крайность и за упованіе на Промыслъ Божій, которое не оставляло Т. И., по собственному его признанію, и въ семъ случаѣ, съ этой поры домашнія дѣла его гораздо поправились. Многіе достаточные обитатели Нижняго, узнавъ, что въ ихъ городѣ находится безукоризненный знатокъ Французскаго и Англійскаго языковъ, захотѣли воспользоваться симъ случаемъ, и пригласили его давать уроки своимъ дѣтямъ. Это доставило ему много занятій, особенно по Англійскому языку, и такое изобиліе въ жизненныхъ средствахъ, какимъ и въ Москвѣ онъ не пользовался.

По возвращеніи въ Москву въ 1813 г., оставивъ должность Помощника Инспектора, онъ опредѣленъ былъ на преподаваніе Чистой Математики въ Университетѣ, въ званіи Адъюнкта. Руководствомъ служилъ ему «*Курсъ Математики Безу, переведенный Василіемъ Загорскимъ.*» Хотя въ утвердительной Грамотѣ 1804 г., кромѣ Ариѳметики и Начальной (прямолинейной) Геометріи съ плоскою Тригонометріею, въ Гимназіяхъ положена была «Алгебра до уравненій 3-ей степени, съ приложеніемъ къ Геометріи и коническимъ сѣченіямъ;» но эта часть устава на дѣлѣ, по недостатку средствъ, исполнялась не вездѣ, а большею частію ограничивалась Начальною Алгеброю. Вотъ почему Т. И. начиналъ Университетскій курсъ большею частію съ *рѣшенія высшихъ уравненій*, а потомъ преподавалъ *коническія сѣченія* и *Дифференціальное и Интегральное Исчисленія.* Только въ началѣ преподаванія входили въ его курсъ также *Тригонометрія* и *Алгебра*, вѣроятно сообраз-

но съ потребностями слушателей. Преподаваніе его носило на себѣ печать задумчивости, которую оставилъ недугъ; въ немъ строгіе цѣнители не находили, можетъ быть, той живости, которая составляетъ, такъ сказать, приправу въ урокѣ точной науки, чуждомъ всякаго краснорѣчія. Но люди, лучше понимавшіе цѣну истины, изложенной ясно и со всею строгостію, видѣли, что его лекціи совершенно открывали путь къ чтенію оригинальныхъ писателей; а потому отдавали имъ полную справедливость. Если же имъ было бы извѣстно, что это преподаваніе есть плодъ перехода собственными силами отъ первыхъ началъ науки до исчисленія безконечно-малыхъ, то конечно признали бы этотъ переходъ за истинный подвигъ труженика, достойный всякаго вниманія и участія.

Точное и добросовѣстное исполненіе должности составляло отличительную черту Перелогова, которая вошла у всѣхъ въ пословицу. Звонокъ, возвѣщавшій начало его лекціи, никогда не застигалъ его ниже верхней ступеньки лѣстницы, ведшей въ его аудиторію, или даже на порогѣ ея. Пропустить же цѣлую лекцію для него было дѣломъ почти невозможнымъ. Но однажды, именно 1821 г. Декабря 8-го, мы, тогдашніе Студенты, дожидаемся Т. И. на лекцію; звонокъ пробилъ, садимся на свои мѣста; вотъ, думаемъ, тотчасъ отворится дверь, какъ всегда бывало. Въ обыкновенной болтовнѣ молодыхъ людей, проходятъ 5 минутъ; Профессора нѣтъ. Это крайне насъ удивило; начались разныя замѣчанія, шутки. Одинъ изъ товарищей, отличавшійся особенною живостію характера (Платонъ Погорѣльскій, окончившій самъ недавно свое земное поприще), предлагаетъ записать этотъ день на фронтонѣ печки, подъ самымъ потолкомъ, до котораго можно было дойти по амфитеатру, круто возвышавшемуся и служившему для помѣщенія многочисленныхъ слушателей, которые собирались иногда въ этой аудиторіи на лекціи Физики, Сельскаго Хозяйства и т. д. У Математиковъ мѣлъ недалеко; предпріятіе тотчасъ исполнено. Чѣмъ же кончилось глумленіе молодости? Входитъ сторожъ съ объявленіемъ, что Т. И. на лекцію не будетъ, по причинѣ смерти старшей, любимой его дочери, скончавшейся въ этотъ день, предъ самымъ выпускомъ ея изъ Екатерининскаго Института. Долго послѣ, но уже не съ улыб-

кою, взглядывали мы на эту надпись: въ 1835 г. она была еще видна; ибо мѣлъ на бѣлой стѣнѣ не бросается въ глаза и спасалъ ее от стиравшихъ пыль, а для внимательнаго былъ виденъ. Это было въ угловой круглой залѣ стараго Университетскаго дома близь бывшей Аптеки, гдѣ собирается нынѣ Общество Испытателей природы. Но за этою пропущенною лекціею вскорѣ слѣдовала другая, 1822 г. Февраля 20-го, въ день похоронъ супруги Т. И. Эти двѣ потери погрузили его въ глубокую скорбь; долго ходилъ онъ на Лазарево кладбище оплакивать скромный памятникъ съ надписью: «Дерзай дщи; вѣра твоя спасе тя.» Не смотря однако же на эту горесть, никто не запомнитъ третьей пропущенной лекціи.

Кромѣ Университета, Т. И. служилъ съ тою же точностію долгое время преподавателемъ Математики, Французскаго и Англійскаго языковъ, какъ сказано выше въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и еще съ 1813 г. Математики и Французскаго языка въ Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

Во всѣхъ поступкахъ его, въ теченіе всей жизни, таже вѣрность долгу, теплая, чистая набожность, честность безукоризненная. Онъ никогда не былъ любимцемъ толпы; но оцѣниваетъ ли она истинныя заслуги? она любитъ не понимать своихъ кумировъ. За то многіе, сами удаляясь отъ этой толпы, когда разсѣявался для нихъ чадъ ложнаго очарованія, припоминали и припоминаютъ Т. И., какъ рачительнаго и полезнаго наставника.

По вступленіи въ Университетъ Адъюнктовъ П. С. Щепкина и Д. М. Перевощикова, рѣшеніе высшихъ уравненій и коническія сѣченія перенесены были на ихъ каѳедры, подъ именемъ Высшей Алгебры и Аналитической Геометріи. Это дало поводъ Т. И. перемѣнить руководство: онъ избралъ болѣе новое и болѣе обширное сочинненіе о *Дифференціальномъ и Интегральномъ Исчисленіяхъ Бушарла.*

Число часовъ преподаванія Перелогова въ недѣлю измѣнялось отъ 3 до 6, судя по прибавкѣ или убавкѣ сотрудниковъ. Студенты не были тогда раздѣлены на курсы по го-

дамъ, а слушали Профессора всѣ вмѣстѣ: потому время преподаванія надобно было иногда ограничивать.

П. произведенъ въ Адъюнкты 1805 года, въ Экстраординарные Профессоры Чистой Математики 1814 г., а въ Ординарные 1820 г. Кромѣ того за службу былъ награждаемъ чинами: именно, первымъ чиномъ Провинціальнаго Секретаря 1786 г., а Надворнаго Совѣтника уже 1810 г. и Коллежскаго 1817 г., орденомъ Св. Владиміра 4-й степени 1824 г., знаками отличія безпорочной службы въ узаконенное время, именно первымъ за XL лѣтъ 1828 г., а послѣднимъ за L лѣтъ въ 1837 году.

Въ 1825 году Перелогову исполнился срокъ Университетской 25-ти лѣтней службы: по ходатайству начальства, онъ воспользовался милостію Государя Императора, даровавшею ему право на пенсію, равную полному окладу жалованья, т. е. 2,000 руб. асс. Вслѣдствіе особеннаго представленія начальства, эта пенсія соединена была съ жалованьемъ 860 р. асс. по Воспитательному Дому, въ которомъ онъ продолжалъ преподавать до 1839 г. Въ этотъ годъ окончилась 25-лѣтняя служба и по Воспитательному Дому. Не въ примѣръ другимъ, обѣ пенсіи благодѣтельное начальство нашло возможнымъ соединить.

Но не долго пользовался Перелоговъ чистою отставкою и двойною милостію Царскою. Въ 1840 г. онъ началъ чувствовать слабость зрѣнія: боясь лишиться того органа, который доставлялъ ему единственное наслажденіе въ чтеніи книгъ, особенно Англійскихъ проповѣдниковъ, онъ рѣшился приступить къ лѣченію, тѣмъ болѣе, что имѣлъ еще съ нѣкотораго времени hydrocaele. Врачи нашли нужнымъ поставить ему на ногѣ фонтанель; постоянная же привычка прогуливаться на чистомъ воздухѣ, даже необходимость въ этомъ для другихъ сторонъ здоровья, была причиною, что эта фонтанель раздражилась и перешла in sphacelum senilem, прекратившій дни его 1841 г. Марта 29-го, 76 лѣтъ, не за долго до заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье.

Студенты Университета собственно, оставленнаго имъ за 15 лѣтъ, не имѣли прямаго повода участвовать въ его погребеніи; но, какъ многіе изъ нихъ учились въ Воспитательномъ

Домѣ; то, помня труды своего наставника, пришли проводить гробъ его до могилы на Лазаревомъ кладбищѣ, и привлекли съ собою многихъ изъ товарищей, не принадлежавшихъ къ Воспитательному Дому. Потому погребенiе происходило съ должною честiю, more Universitatis. Изъ жилища покойнаго до церкви нести гробъ пожелали Студенты, а изъ церкви до катафалка несли добрые сослуживцы по Воспитательному Дому, которые также почтили память товарища.

Т. И. былъ хорошаго средняго роста, но станъ имѣлъ нѣсколько согбенный, съ лѣтами получилъ наклонность тучнѣть, лице его было полуовальное, носъ античный, глаза карiе, волосы темнорусые кудрявые, довольно рѣдкiе. Въ молодости онъ былъ весьма красивымъ мущиною.

Въ жизни этого ученаго случился патологическiй фактъ, весьма любопытный и рѣдкiй, отмѣченный однако въ лѣтописяхъ Медицины какъ явленiе возможное. Въ тяжкое время двѣнадцатаго года, когда Т. И. въ Нижнемъ-Новгородѣ, окруженный семьею, изнемогалъ отъ нужды и горя, голова его посѣдѣла въ одну ночь. Но послѣ, когда благополучiе семейное къ нему возвратилось и онъ, успокоенный, вкусилъ снова тишину и счастiе жизни, сѣдые волосы замѣнились опять его обыкновенными, темнорусыми и кудрявыми.

ПЕТРОВЪ, Павелъ Яковлевичъ, исправляющiй должность Адъюнкта Восточной Словесности, родился въ 1814 году Iюня 25-го дня въ Петербургѣ. Отецъ его, Яковъ Осиповичъ Петровъ, воспитанникъ 1-го Кадетскаго Корпуса, былъ въ это время Учителемъ при 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ; но черезъ пять лѣтъ, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ оставить службу и переѣхать въ Москву, гдѣ и занимался въ разныхъ частныхъ домахъ преподаванiемъ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, Исторiи, Географiи, Математики до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1826 г. Съ этихъ поръ и до 1828 года, молодой Петровъ продолжалъ свои занятiя въ домѣ Князя Александра Петровича Оболенскаго, бывшаго тогда Гражданскимъ Губернаторомъ въ Калугѣ. Въ 1828 году, выдержавъ экзаменъ, онъ былъ принятъ въ приготовительное Отдѣленiе Императорскаго Московскаго Университета на свой коштъ и

через годъ переведенъ на ординарныя лекціи по Словесному Факультету. Въ 1832 г., окончивъ курсъ, удостоенъ былъ степени Кандидата и съ тѣхъ поръ находился то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, занимаясь частными уроками, а преимущественно Восточными языками. Въ 1834 году, онъ, по приказанію бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Сергія Семеновича Уварова, включенъ былъ въ число воспитанниковъ Профессорскаго Института съ 1200 рубл. асс. ежегоднаго жалованья; но за неимѣніемъ каѳедръ Восточныхъ языковъ въ Дерптѣ, оставленъ былъ въ Петербургѣ для слушанія лекцій при Университетѣ и при Восточномъ Институтѣ. Здѣсь, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, онъ занимался Арабскимъ, Персидскимъ и Турецкимъ языками подъ руководствомъ Гг. Профессоровъ Сенковскаго, Шармуа, Дəманжа и Мирзы Джа'фəра и кромѣ того, по собственному желанію, предался изученію Санскритскаго. Руководителемъ его въ этихъ занятіяхъ былъ Академикъ Христіанъ Даниловичь Френъ; въ Санскритскомъ онъ также нѣсколько времени пользовался совѣтами бывшаго Адъюнкта Академіи Роберта Ленца. Въ 1837 году, онъ представилъ въ Академію эпизодъ изъ рукописной Санскритской поэмы Adhyâtmarâmâyanam подъ заглавіемъ: Sîtâ-haranam, съ переводомъ, грамматическимъ разборомъ и примѣчаніями на Русскомъ языкѣ. Въ 1838 году, Петровъ былъ подвергнутъ испытанію въ Мусульманскихъ языкахъ въ особенномъ Комитетѣ, состоявшемъ изъ Гг. Профессоровъ Сенковскаго, Мирзы Джа'фəра, Мухлинскаго и Волкова, подъ предсѣдательствомъ Г. Ректора Шульгина. Получивъ по всѣмъ тремъ предметамъ удовлетворительныя отмѣтки, онъ былъ отправленъ для усовершенствованія за границу, а именно: въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, гдѣ и продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ Профессоровъ Боппа, Риттера, Жобера, Бюрнуфа и др., преимущественно обращая вниманіе на древній языкъ Брахмановъ; особенную же пользу принесло ему въ Парижѣ чтеніе рукописей въ разныхъ библіотекахъ, а въ Лондонѣ посѣщеніе Музеумовъ и изученіе древностей. Въ 1840 году онъ, послѣ двухлѣтняго путешествія, возвратился въ отечество; а въ 1841-мъ опредѣленъ былъ Исправляющимъ дол-

жность Адъюнкта по каѳедрѣ Санскритскаго языка въ Императорскій Казанскій Университетъ, гдѣ и оставался до 1852 г., преподавая, кромѣ Санскритскаго языка, Исторію Царства Кашмирскаго, Санскритскую Словесность и Индусскія Древности. Въ продолженіе этого времени, онъ нѣсколько разъ былъ членомъ испытательнаго Комитета для пріема Студентовъ, по языкамъ Французскому и Нѣмецкому; а въ 1849-мъ—1850 г. занималъ каѳедру Лектора Англійскаго языка, за что и удостоенъ былъ, по представленію Начальства, награды въ 300 рубл. серебр. Въ 1852 году переведенъ въ Императорскій Московскій Университетъ на каѳедру Восточныхъ языковъ, Санскритскаго, Арабскаго и Персидскаго. Главныя статьи и пособія, составленныя имъ въ продолженіи этого времени, суть слѣдующія: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: 1) *О свойствахъ и составѣ Санскритскаго языка.*—2) *О духовной литературѣ Индусовъ.*— 3) *Объ Упанишадахъ.* — 4) *Объ литературѣ народовъ Загангесской Индіи.*—5) *Обозрѣніе Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ рукописей Московскаго Университета*; въ С.-Петербурскихъ Вѣдомостяхъ: 6) *О музыкѣ древнихъ Индусовъ*; въ Отечественныхъ Запискахъ и въ Москвитянинѣ: 7) *Нѣсколько переводовъ съ Санскритскаго*; въ Энциклопедическомъ Словарѣ: 8) статья: *Гангесъ*; въ Запискахъ Академіи Наукъ: 9) *Списокъ нѣкоторыхъ Восточныхъ словъ сходныхъ съ Русскими*; отдѣльно: 10) Ghata-Karparam— *Санскритская поэма съ грамматическимъ разборомъ*, и 11) *Санскритская Антологія, содержащая отрывки эпическіе, сказки, басни, отрывки описательные и лирическіе.*

ПИКУЛИНЪ, Павелъ Лукичъ, Адъюнктъ Терапевтическаго Отдѣленія Госпитальной Клиники, Докторъ Медицины, сынъ Доктора Медицины и Хирургіи, бывшаго Профессора Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи, Луки Егоровича Пикулина, родился въ Москвѣ, въ 1822 году. Первоначальное образованіе получилъ во 2-й Московской Гимназіи и въ 1838 году поступилъ въ число Студентовъ Московской Медико-Хирургической Академіи. По окончаніи курса, въ 1843 году, получилъ степень Лѣкаря 1-го отд. и награжденъ свидѣтельствомъ на золотую медаль. Въ 1844

минаніе о Петрѣ Алексѣевичѣ Плавильщиковѣ. М. 1818 г. (8).— 8) *Новый Пантеонъ отечественной и иностранной Словесности.* 4 ч. М. 1819 г. (12). — 9) *Краткое руководство къ Эстетикѣ*, изд. въ Москвѣ. — 10) *Другъ юности.* 4 ч. Москва 1824 и 1825 г. — 11) *Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели.* М. 1830 г. 3 ч. — 12) *Дѣтскій Вѣстникъ*, на 1813-й г. 12 книж. Москва. (12). — 13) *Минерва*, на 1806—1807 г. (вмѣстѣ съ Проф. Сохацкимъ.) 52 л. М. (8). 14) *Новости Русской литературы*, вмѣстѣ съ Подшиваловымъ и Сохацкимъ, Москва, 1802—1805.

Въ Трудахъ Общества напечатаны: 15) *Заслуги Хераскова въ Отечественной Словесности.* — 16) *Любовь къ отечеству*, разсужденіе, чит. 29-го Ноября, 1819 г.

Участвовалъ какъ Членъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ изданіи избранныхъ «Рѣчей Профессоровъ Московскаго Университета» и въ составленіи Россійскаго производнаго словаря. По опредѣленію Общества ему поручены были буквы З и К.

Въ 1831 году Іюля 3-го произнесъ слово въ торжественномъ собраніи Университета: *О существенныхъ обязанностяхъ витіи, и о способахъ къ пріобрѣтенію успѣховъ въ краснорѣчіи.*

П. В. скончался въ Москвѣ, 30-го Сентября 1843 года.

ПОГОДИНЪ, Михаилъ Петровичъ, Ординарный Профессоръ Русской Исторіи, Ординарный Академикъ, Почетный Членъ Имп. Московскаго Университета и Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, Аграмскаго Общества Древностей, Дѣйствительный Членъ Обществъ — Московскихъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ и Любителей Русской Словесности, Петербургскихъ: Географическаго и Археолого-Нумизматическаго, Казанскаго — Любителей Русской Словесности, Одесскаго — Археологіи и Древностей, Копенгагенскаго Сѣверныхъ Антикваріевъ, Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Докторъ Философіи Пражск. Универс., Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Станислава 2-й степени Кавалеръ, имѣющій знакъ безпорочной службы за XXX лѣтъ, родился 1800 года, Ноября 11-го, въ Москвѣ. Первона-

чальное воспитаніе получилъ онъ дома. Рано пробудилась въ немъ охота къ чтенію, и по осьмому году онъ уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ середу и субботу Московскихъ Вѣдомостей съ извѣстіями о войнѣ Шведской и Турецкой. По девятому году подписывался на полученіе журнала: Вѣстникъ Европы, гдѣ помѣщенная Марьина Роща Жуковскаго заставляла его проливать ручьи слезъ. Въ 1810 году Русскій Вѣстникъ С. Н. Глинки, съ портретами великихъ мужей Русскихъ и патріотическими восклицаніями, взялъ верхъ надъ Вѣстникомъ Европы. Вмѣстѣ съ Русскимъ Вѣстникомъ читалъ и перечитывалъ онъ всѣ выходившіе въ то время романы Радклифъ, Дюкредюмениля, любимѣйшаго его писателя, Августа Лафонтена, Коцебу и проч., кои покупалъ самъ въ книжныхъ лавкахъ на Ильинкѣ, и составилъ изъ нихъ многочисленное собраніе. На 11-мъ году помѣщенъ былъ для воспитанія у А. Г. Рѣшетникова, знакомаго съ его отцемъ, гдѣ и началъ учиться вмѣстѣ съ сыномъ Р., извѣстнымъ агрономомъ И. А., и нынѣшнимъ Профессор. Оверомъ. По-Французски ихъ училъ Г. Порта, а по-Латинѣ и по-Нѣмецки Студентъ Академіи Посниковъ, бывшій послѣ Протоіереемъ въ Москвѣ. Здѣсь, въ типографіи, среди корректуръ, griffonage становъ и наборныхъ кассъ, въ авторской атмосферѣ, развился въ немъ первоначально органъ книгопечатанія, и онъ учился Нѣмецкому языку надъ переводомъ книгъ, кои хотѣлъ печатать. Первая піеса, переведенная имъ 11 лѣтъ, была Юлія Гаргравъ, въ 5 дѣйствіяхъ.

Наступилъ 1812 годъ. Растопчинскія афишки читалъ онъ съ восторгомъ и всѣми силами своей души слѣдовалъ за движеніями арміи: семейство вмѣстѣ съ Рѣшетниковымъ и другими отправилось въ Августѣ мѣсяцѣ сперва къ Троицѣ, а потомъ во Владиміръ и Суздаль, гдѣ и пережидали они время Московскаго погрома. Въ Суздаль пріѣхалъ его отецъ, остававшійся до тѣхъ поръ въ Москвѣ, и описалъ живо пребываніе тамъ Французовъ. Въ Москву воротились изгнанники черезъ мѣсяцъ по ихъ удаленіи, въ Ноябрѣ. Картину обгорѣлой и наполненной трупами Москвы онъ живо помнитъ. Домъ сгорѣлъ, имѣніе большею частію разграблено, должники отказались платить, и семейство получило уголъ на нѣсколько времени въ домѣ

Рѣшетниковыхъ, потомъ переѣхали въ уцѣлѣвшій домикъ родственницы въ Грузинахъ. Здѣсь П. началъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми Протоіерея Кандорскаго, по-Латинѣ, у В. Н. Воскресенскаго, (нынѣ Архимандрита Гавріила, бывшаго Профессоромъ Философіи въ Казанскомъ Университетѣ), но больше всего занимало его чтеніе газетъ, журналовъ, патріотическихъ книгъ и романовъ. Кульневъ былъ его героемъ; онъ купилъ себѣ его портретъ, и принялся писать его біографію, составляя ее изъ газетныхъ реляцій, старой статьи Русскаго Вѣстника и новой въ Сынѣ Отечества. Написалъ листовъ тридцать. Сочинилъ еще надписи къ портретамъ многихъ Русскихъ Генераловъ—Кутузова, Багратіона, Платова, Барклая-де-Толли, и большое стихотвореніе объ войнѣ. Ему было уже тогда 12 лѣтъ. Попались сочиненія Карамзина, которыя и плѣнили его на всю жизнь: историческія замѣчанія на пути къ Троицѣ, письма Русскаго путешественника, повѣсти, сдѣлались любимымъ чтеніемъ. Онъ читалъ ихъ и перечитывалъ. По 14 году поступилъ въ Московскую Гимназію, гдѣ открытъ былъ пріемъ за небольшую плату для бѣдныхъ воспитанниковъ. За первый годъ только могъ отецъ его взнести деньги, 150 р. асс., а послѣднія оставались на немъ въ долгу даже до кандидатства сына. Курсъ гимназическій продолжался 4 года. Пользу въ гимназіи принесъ ему преимущественно учитель Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, Лейбрехтъ, у котораго учился и по-Французски. Другой предметъ, веденный хорошо, былъ Математика, съ Г. Терюхинымъ. Всего болѣе учились и развивались они въ разговорахъ между собою, и Русская Словесность, до которой во всѣхъ классахъ были охотники, составляла насущный ихъ хлѣбъ. Собраніе Образцовыхъ Русскихъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, изданное въ 12 томахъ, съ портретами, служило имъ библіотекою и аудиторіей. Баллады Жуковскаго, басни Крылова, трагедіи Озерова, всѣ знали наизусть. Но для П. всѣхъ дороже и слаще былъ Карамзинъ, котораго онъ имѣлъ счастіе и увидѣть случайно, передъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ Оружейной Палатѣ, вмѣстѣ съ Дмитріевымъ и Малиновскимъ, въ 1816 году. П. ждалъ-недождался его Исторіи:

ему представлялось въ воображеніи, и онъ хотѣлъ написать картину, какъ Карамзинъ сидитъ на облакахъ, и вырѣзываетъ на мѣди Русскую Исторію, а его почитатели стоятъ внизу, смотрятъ на него и ждутъ, чтобъ онъ скорѣе кончилъ. Что напишетъ онъ объ Александрѣ Невскомъ, Димитріѣ Донскомъ — не выходило у него изъ головы. Но вотъ объявлено наконецъ о выходѣ въ свѣтъ осьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго, и о цѣнѣ 55 рублей ассигнаціями. Не смѣя просить новаго подарка у отца, только что подарившаго ему Образцовыя сочиненія, съ трудомъ собралъ П. у родныхъ и знакомыхъ взаймы деньги, чтобы пріобрѣсти ее. Книга была выписана изъ Петербурга, послѣ нѣсколькихъ замедленій, и тотчасъ отдана въ переплетъ, дабы не истерзалась отъ одного перевертыванія листовъ до чтенія, ибо долго не могъ онъ приняться читать, а только что трепеталъ, радовался и перебиралъ листы. Надо было случиться несчастію, что переплетчикъ ее пропилъ! Между тѣмъ, какъ прилагали стараніе возвратить потерянный экземпляръ, первое изданіе уже вышло, и должно было ожидать втораго, Слёнинскаго, которое однакожъ вскорѣ было напечатано, и Погодинъ получилъ экземпляръ, оставшійся у него до сихъ поръ,—неразлучный его спутникъ во все продолженіе жизни.

Съ любовію къ Русской Словесности въ Гимназіи тѣсно соединялась любовь къ театру. Всѣ примѣчательные спектакли были учениками посѣщаемы: изъ нихъ главное мѣсто занимали, разумѣется, бенефисы по длинѣ афишекъ и по замысловатости заглавій піесъ. Трудность доставать билеты въ раекъ, знойная жара, возвращеніе домой иногда въ 25 град. мороза, вознаграждались удовольствіями наисладчайшими. Театръ доставлялъ неистощимый предметъ для разговоровъ и споровъ презанимательныхъ. Трагедіи Озерова: Димитрій Донской, Эдипъ въ Аѳинахъ, Фингалъ, ученики знали лучше самихъ актеровъ. Воробьева извлекала всегда потоки слезъ. Мочаловъ (отецъ), Колпаковъ, Прусаковъ, Кондаковъ, были любимцами въ трагедіяхъ, и, разумѣется, кто кричалъ громче, тотъ былъ увѣреннѣе въ вызовахъ и рукоплесканіяхъ. Пріѣздъ Семеновой составлялъ эпоху. Гимназистъ Погодинъ собиралъ

театральныя афишки и отмѣчалъ на нихъ, кто какъ игралъ изъ актеровъ, и кто былъ вызываемъ на сцену.

Въ Университетѣ тогда было также множество охотниковъ до театра, и Студенты сами разъигрывали на святкахъ піесы, подъ руководствомъ двухъ братьевъ Сандуновыхъ, актера и профессора, а судьями въ ихъ публикѣ были Мерзляковъ, Каченовскій, и пр. Эти спектакли были торжествами драматическаго искусства: Недоросль, Бригадиръ, Хвастунъ, Ябеда, Мельникъ, а изъ мелкихъ піесъ Семейство Старичковыхъ, Ссора или два сосѣда, можетъ быть никогда, нигдѣ, не разыгрывались съ такимъ совершенствомъ, какъ въ Университетѣ. Корецкой въ роляхъ Простодума, Тараса Скотинина, Кривосудова, былъ удивителенъ, по общему признанію; также Александровъ въ роляхъ Кутейкина, Грабилина, Сутягина. Попасть въ Университетскій спектакль маленькому гимназисту было очень трудно, но охота помогала преодолѣвать всѣ трудности: иногда въ оркестрѣ, иногда съ суфлеромъ, иногда между ламповщиками, иногда съ костюмерами, онъ не пропускалъ ни одного спектакля, и послѣ разсказывалъ съ торжествомъ товарищамъ, что̀ за чудеса видѣлъ въ представленіи.

Въ подражаніе Студентамъ затѣяли театръ и въ Гимназіи ученики; здѣсь на первомъ планѣ были драмы Ильина и Иванова: Рекрутскій наборъ, Добрый солдатъ, Лиза или торжество благодарности, и нѣкоторыя комедіи Коцебу.

Между тѣмъ приближалось время послѣдняго экзамена. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ молодой П. поступленія въ Университетъ, который казался какимъ-то Олимпомъ, недоступнымъ для непосвященнаго. Съ какимъ нетерпѣніемъ онъ смотрѣлъ бывало изъ своего окошка, на проходившаго Ланговскимъ дворомъ Мерзлякова на лекцію, которой онъ не могъ еще слышать! Многіе его товарищи выходили изъ младшихъ классовъ и держали экзаменъ прямо въ Студенты, но Погодинъ никакъ не хотѣлъ оставлять Гимназіи до окончанія всѣхъ классовъ, хоть и рвалась душа въ Университетъ. Экзаменъ конченъ, и Погодинъ выпущенъ первымъ Студентомъ, въ Августѣ 1818 г. По славѣ Профессоровъ и по предмету любимыхъ наукъ онъ избралъ Словесное отдѣленіе.

Университетскій курсъ продолжался тогда три года. Вотъ изъ кого и изъ чего состояло преподаваніе: Геймъ читалъ Статистику, Черепановъ Исторію Всеобщую и Русскую, Мерзляковъ Теорію Поэзіи и Краснорѣчія, Тимковскій Латинскую Словесность, Гавриловъ Славянскій языкъ, Болдыревъ Еврейскія древности, Каченовскій Теорію изящныхъ искусствъ и Археологію, Ульрихсъ Нѣмецкую Словесность, Пельтъ Французскую. Изъ Адъюнктовъ онъ слушалъ только у одного Каменецкаго Географію. Самое сильное впечатлѣніе производилъ Мерзляковъ. Лекцій впродолженіи трехъ лѣтъ прочелъ онъ не много, но всякое его слово, отъ души сказанное, западало въ душу, и навсегда въ ней оставалось. Благоговѣніе къ Ломоносову и Державину возбудилъ онъ вскорѣ такое, что они сдѣлались для Студента почти столько же любезными и дорогими, какъ Карамзинъ. «Изъ рыбачьей хижины шагнулъ въ Академію, и споритъ съ Франклиномъ, кто изъ нихъ скорѣе обезоружитъ громоноснаго Юпитера....» Эти слова Мерзлякова о Ломоносовѣ отпечатались кажется въ сердцѣ у всѣхъ Студентовъ, его слушавшихъ. А что за торжество было въ аудиторіи, когда Мерзляковъ разбиралъ Водопадъ Державина!

Но не съ однимъ Ломоносовымъ и Державинымъ знакомилъ Мерзляковъ Студентовъ. Херасковъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ и прочіе классическіе писатели, были изучены подробно и основательно.

Къ нимъ присоединялись разборы Студенческихъ упражненій, коими Мерзляковъ значительно развивалъ вкусъ и пріучалъ къ критикѣ. Эти лекціи были самыми занимательными, но прекрасно говорилъ Мерзляковъ, хоть и по старымъ теоріямъ, о прекрасномъ, о высокомъ, о чувствительномъ, о поэзіи, о драмѣ, о страстяхъ! П. припоминаетъ одну изъ послѣднихъ лекцій: «Вышла, господа, новая поэма, молодаго нынѣшняго поэта, Лорда Байрона, Шильонскій узникъ, переведенная по Русски Жуковскимъ. Мы займемся ея разборомъ въ слѣдующій разъ.» Весь Университетъ взволновался, и, считая минуты, ожидалъ этого слѣдующаго раза. Лишь только кон-

чилась лекція, предшествовавшая Мерзлякову въ 5 часовъ, и вышелъ Профессоръ изъ аудиторіи, какъ Студенты со всѣхъ сторонъ бросились туда, точно на приступъ, спѣша занять мѣста. Медики, Математики, о Словесникахъ и говорить нечего, Юристы, Кандидаты, жившіе въ Университетѣ, всѣ явились въ аудиторію, которая наполнилась въ минуту народомъ съ верху до низу, по окошкамъ, даже подъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ продираться черезъ толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ наконецъ на каѳедру! Всѣ дрожали, сердце билось, слухъ былъ напряженъ, и онъ началъ:

Взгляните на меня, я сѣдъ,
Но не отъ старости и лѣтъ,
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.

«Что это за лице разсказываетъ о своемъ положеніи? Какихъ слушателей у него должны мы себѣ представить? Почему предполагаетъ онъ ихъ участіе? Что за странность разсказывать безъ всякаго вступленія и предупрежденія? Что за выраженіе: тюрьма разрушила? Какъ она разрушила, если онъ еще можетъ говорить: разрушить можно зданіе, но человѣкъ разрушенъ быть не можетъ. Вотъ эти модные поэты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ» и т. д. Мерзляковъ — мужъ оды и эпической поэмы, которая начиналась словомъ: пою, никакъ не могъ снизойти къ балладѣ и повѣсти: онъ считалъ ихъ недостойными настоящей поэзіи, порчею вкуса. Разбирать ихъ для него казалось униженіемъ, и только особеннымъ обстоятельствамъ должно приписать намѣреніе его говорить о Шильонскомъ узникѣ. Молодое поколѣніе слушало его разборъ съ почтеніемъ, и соглашалось съ вѣрностію многихъ его замѣчаній, но все-таки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы, и даже начало, украдкою отъ Мерзлякова, восхищаться Русланомъ и Людмилой

Пушкина, которая вышла въ 1821 году. Странными только казались нѣкоторыя слишкомъ простонародныя выходки, разсѣянныя въ поэмѣ, коими нарушался какъ будто тонъ повѣствованія.

Послѣ Мерзлякова славенъ былъ въ отдѣленіи Профессоръ Латинской Словесности, Тимковскій, своими великими познаніями, какъ любимый ученикъ Геттингенскаго Гейне, своею затворническою жизнію, и своею важною, неприступною наружностію. Тимковскаго боялись какъ огня. Что за смущеніе было между Студентами, когда они не хорошо поняли изъ его лекціи устройство Римскаго плуга! Смѣлымъ подвигомъ было придти къ Профессору и разспросить у него вновь о предметѣ непонятомъ, что̀ было возложено на Погодина. — Тимковскій скончался на второмъ году студенчества П., а мѣсто его занялъ И. И. Давыдовъ.

Многихъ заставлялъ еще бояться мнимою своей взыскательностію Геймъ, который не пропускалъ ни одной лекціи, прочитывалъ очень много, и часто спрашивалъ. — П. былъ первымъ его любимцемъ, получалъ отъ него тетради для переписыванія, приготовлялъ ему списки. Его спрашивалъ онъ всякой разъ вмѣстѣ съ двумя-тремя его товарищами, ему подарилъ онъ свою географію, съ длинною собственноручной подписью на Латинскомъ языкѣ: auditori suo perindustrio, atque amatissimo, hunc librum dono dedit etc. По его предмету, написавъ диссертацію на Латинскомъ языкѣ о Статистикѣ, П. получилъ золотую медаль.

Но кромѣ лекцій всего важнѣе для образованія въ Университетѣ было общество, гдѣ Студенты взаимною бесѣдою образовывались. На П. большое дѣйствіе произвели два человѣка: первый—Загряжскій, который, въ какую то благую минуту, указалъ ему со властію на нѣкоторые тексты Евангелія, врѣзавшіеся ему навсегда въ голову; второй—Кубаревъ, который былъ старше его двумя курсами и указалъ ему на Шлецеровъ комментарій къ Нестору. Эта книга произвела въ Погодинѣ совершенный переворотъ, и опредѣлила методъ и духъ будущихъ занятій. Связь съ Кубаревымъ, въ домѣ

у котораго нѣсколько времени онъ и жилъ, частыя бесѣды съ нимъ о наукахъ и литературѣ, Исторіи Русской и Римской, имѣли большое вліяніе вообще на его первое образованіе. Всякое лѣто, въ продолженіе Универс. жизни, проводилъ П. у Кн. Трубецкаго, въ с. Знаменскомъ, подъ Москвою. Тамъ попался ему подъ руки Руссо, котораго полныя сочиненія имѣлъ жившій съ нимъ музыкантъ Геништа, и сочиненіе Г-жи Сталь о Германіи. Руссо своимъ краснорѣчіемъ возбудилъ участіе къ судьбѣ человѣчества и злоупотребленіямъ общества, а Сталь открыла цѣлый Германскій міръ и возбудила любопытство въ высшей степени. Тогда же П. перевелъ почти все сочиненіе Шатобріана Génie du Christianisme, увлекшись блестящими фразами его. Изъ этого перевода послѣ напечатанъ былъ въ Московскомъ Вѣстникѣ *Рене*. Эти впечатлѣнія дополнилъ молодой товарищъ Тютчевъ, къ которому хаживалъ П. иногда, по сосѣдству изъ с. Знаменскаго въ Троицкое,и заставалъ его всегда за Нѣмецкою книгою; его разсужденія о Виландѣ и Шиллерѣ, Гердерѣ и Гете, возбуждали желаніе сравняться съ его начитанностью. Съ молодымъ поколѣніемъ семейства Кн. Трубецкихъ П. связался чувствами нѣжнѣйшей дружбы, которая продолжается до сихъ поръ. Въ продолженіе студенчества П. выступилъ и на поприще литтературы. Первая статья была *сатирическій разборъ историческихъ таблицъ Филистри*, написанный подъ вліяніемъ уже Шлецера, и нѣсколько *Писемъ къ Лужницкому старцу* о пожертвованіи Демидова въ пользу бѣдныхъ во Флоренціи, объ иностранныхъ воспитателяхъ по поводу одного газетнаго предложенія услугъ, и проч. Всѣ онѣ были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы, обыкновенномъ пріютѣ молодыхъ атлетовъ того времени.

Въ числѣ послѣднихъ упражненій, которыя представлялись каждому Профессору предъ окончаніемъ курса, П. представилъ Профессору Давыдову *Объясненіе нѣсколькихъ Одъ Горація* по Яни и Миччерлиху. Оно подало мысль, съ согласія Профессора, издать всѣ Оды Горація, что̀, по принятому плану, онъ и исполнилъ занявшись имъ въ слѣдующемъ году. Напечатаны онѣ были на счетъ Университетскаго Пансіона, съ выдачею издателю 200 экз. Другой трудъ, въ томъ же году

предпринятый, вслѣдствіе разговоровъ съ Пр. Гейномъ, по его одобренію, былъ переводъ *Ничевой древней географіи*, съ Нѣмецкаго языка, напечатанный также на казенный счетъ на тѣхъ же условіяхъ. Между тѣмъ П. ревностно занимался и напитывался Шлецеромъ и Несторомъ, котораго началъ объяснять въ особыхъ отрывкахъ, помѣщавшихся въ Вѣстникѣ Европы. Эти отрывки, равно какъ и переводы изъ Тупмана о Козарахъ, обратили на П. вниманіе Графа Румянцова, который удостоилъ молодаго Кандидата лестныхъ писемъ, а потомъ личнаго знакомства и разныхъ ученыхъ порученій, при посредствѣ А. Ѳ. Малиновскаго, начавшихся съ перевода сочиненія Добровскаго *о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ*. Къ счастію историко-критическаго развитія Погодина, Каченовскій, искавшій новизны въ мнѣніяхъ, объявился въ то время за Южное, а потомъ и за Козарское происхожденіе Руси. — П. написалъ обширный разборъ Фатерова разсужденія, въ переводѣ котораго К. выразилъ свое мнѣніе , и отдалъ ему напечатать въ Вѣстникѣ Европы, чего однакожъ онъ не исполнилъ. Такъ начался споръ съ Каченовскимъ и борьба въ Университетѣ, продолжавшаяся почти 30 лѣтъ наровнѣ съ тридцати-лѣтней религіозной войною въ Германіи. Главными предметами спора, одинъ за другимъ, были: происхожденіе Руси съ сѣвера, по мнѣнію П., а не съ юга, какъ думалъ К.; достовѣрность Несторовой Лѣтописи, въ которой К. сомнѣвался и которую защищалъ П.; подлинность Русской правды, и прочихъ древнихъ документовъ. Отъ этихъ главныхъ предметовъ простиралось множество вѣтвей, покрывшихъ всю его Университетскую жизнь.

Чрезъ два года (1823 г.) по окончаніи курса, по тогдашнимъ правиламъ, держалъ Погодинъ экзаменъ на степень Магистра, по Русской Исторіи. Примѣчательно, что экзаменъ случился на память Преподобнаго Нестора Лѣтописца, 27-го Октября, объ чемъ онъ узналъ уже гораздо послѣ. Предметомъ диссертаціи онъ избралъ: *о происхожденіи Руси*. Диссертацію, для коей подготовлены были матеріалы заранѣе, писалъ годъ и представилъ въ Факультетъ, который долженъ былъ принять и одобрить ее, (1824 г.), не смотря на то, что Ко-

зарское происхожденіе, за которое стоялъ и которое преподавалъ въ Университетѣ Каченовскій, первый судія диссертаціи, преслѣдовано было въ ней безпощадно, изъ строки въ строку, и опровергнуто торжественно. Каченовскій смягчилъ только нѣкоторыя грубыя выраженія противъ Эверса, при печатаніи, за что авторъ былъ ему послѣ благодаренъ. Въ этой диссертаціи Погодинъ попалъ на счастливую для него мысль, для порѣшенія спора о Варягахъ, собрать всѣ мѣста объ нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ, и на этомъ основаніи опредѣлить ихъ Норманское происхожденіе, также какъ и отношеніе ихъ къ Руси, мысль, или методу, которая сдѣлалась путеводною для всѣхъ послѣдовавшихъ его изслѣдованій. Литература предмета была изучена вполнѣ, и всѣ мнѣнія ученыхъ изложены съ потребными объясненіями, дальнѣйшими подтвержденіями и опроверженіями. До сихъ поръ воспоминаетъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ объ этомъ первомъ своемъ и любезномъ трудѣ. Посвятилъ онъ его Карамзину, при краткомъ письмѣ, которое начиналось такъ: «У васъ началъ я учиться добру, языку и исторіи; позвольте же посвятить вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой,» и пр.—Посредникомъ былъ Ив. Ив. Дмитріевъ, который взялся переслать книгу съ письмомъ и доставилъ вскорѣ благосклонный отвѣтъ знаменитаго исторіографа, исполнившій сердце автора радостію. Вотъ письмо Карамзина:

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ! Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр. 25-го Марта 1825 г.» — Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ написалъ: «Любезнѣйшій другъ! прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ разысканіяхъ».

Карамзину Погодинъ имѣлъ счастіе засвидѣтельствовать свое почтеніе лично въ концѣ 1825 года, быть у него три раза и получить какъ бы его благословеніе. Объ его мнѣніи относительно Погодина, К. С. Сербиновичь отъ 2-го Января 1835 года писалъ къ нему, прося о наставникѣ для меньшаго сына Карамзина: «Вѣрю, что вы душевно желаете услужить памяти незабвеннаго отца его, который цѣнилъ васъ говоря, послѣ свиданія съ вами, что находитъ въ васъ болѣе усердія къ Исторіи и способностей къ критикѣ, нежели въ комъ-нибудь другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его.» Въ 1845 г. старшій сынъ его Андрей Николаевичь, въ Симбирскѣ, подтвердилъ Погодину этотъ отзывъ.

Диссертація была напечатана и защищена на публичномъ диспутѣ, въ началѣ 1825 г. Возраженій сильныхъ не было, и Каченовскій не произнесъ почти ни одного слова. Академикъ Кругъ, представитель исторической критики, не знакомый еще тогда съ Погодинымъ, былъ очень доволенъ диссертаціей, и написалъ къ Френу слѣдующую записку, при возвращеніи экземпляра, имъ посланнаго для прочтенія: Ich danke Ihnen für den Pogodin, und sende ihn zurück. Denn als ich gestern aus der Conferenz kam, fand ich ein für mich bestimmtes Exemplar, das ich mit Vergnügen schon zur Hälfte durchgelesen habe. Es ist mir solch ein kritischer Geist und so gesundes Urtheil unter den jungen Russen noch nicht vorgekommen; einige Irrthümer abgerechnet, könnte ich ihm meinen Beyfall durchaus nicht versagen, und wünschte wohl einen solchen Adjunkt zu haben. Der Verfasser erregt frohe Hoffnungen für die Russische Geschichte. Eindringender Forschungsgeist и пр. Кругъ осыпáлъ ее похвалами во всѣхъ ученыхъ бесѣдахъ, что̀ Погодинъ узналъ уже гораздо позднѣе въ Петербургѣ.

Профессоръ Шлецеръ подарилъ Погодину портретъ отца, висѣвшій въ его кабинетѣ, и экземпляръ Нестора, ему принадлежавшій, съ собственноручными замѣчаніями. Митрополитъ Евгеній, Гг. Востоковъ, Кеппенъ и прочіе тогдашніе знатоки Исторіи, удостоили своего одобренія.

За представленіе экземпляра Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, по ходатайству Н. М. Лонгинова, которому взялся

доставить экземпляръ А. Ѳ. Малиновскій, пожалованы автору золотые часы.

Въ томъ же году препоручено было Погодину читать Всеобщую Исторію для первогодичныхъ студентовъ.

Кругъ дѣйствій его началъ распространяться, а потому воспоминаніе объ нихъ для ясности раздѣлимъ на слѣдующіе отдѣлы: 1. Служба въ Университетѣ, 2. Занятія Русскою Исторіей, 3. Литературные труды, 4. Журналистика, 5. Путешествія, 6. Археологія Русская, 7. Литературныя знакомства и связи.

1) *Служба въ Университетѣ.* Ученая служба П. началась еще прежде, съ 1821 года: Ректоръ Антонскій, узнавъ его по студенческимъ экзаменамъ, назначилъ ему, безъ сношенія съ нимъ, преподаваніе Географіи въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, (въ 3-мъ классѣ), котораго онъ былъ вмѣстѣ Директоромъ. Жалованья П. получалъ по 300 р. асс. въ годъ за четыре часа въ недѣлю. Одинъ изъ экзаменовъ былъ одобренъ отлично визитаторомъ Профессоромъ Цвѣтаевымъ.

Вскорѣ получилъ П., вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ молодыхъ товарищей, приглашеніе въ Одесскій Лицей, которое однакожь несостоялось. — Въ 1825 г. препоручено П., какъ выше сказано, преподаваніе Всеобщей Исторіи первогод. Студентамъ, которую и преподавалъ онъ въ особенности по Шлецерову Введенію, имъ тогда же большею частію переведенному, вмѣстѣ со Введеніемъ его для дѣтей, въ 2-хъ част. Шеллингова Философія оказывала свое вліяніе. Изъ мыслей, возникавшихъ въ продолженіи сихъ лекцій о событіяхъ, составились впослѣдствіи три книжки Историч. афоризмовъ (одна напеч. въ 1836 г.). Тогда же перевелъ онъ Астово Введеніе въ Исторію.

Въ 1827 г. послѣдовало приглашеніе Правительства воспитанникамъ Университета вступить въ такъ называемый Профессорскій Институтъ для отправленія въ Дерптъ, а потомъ въ чужіе краи; но П. не соглашался подчиниться условіямъ принятія, написавъ между прочимъ въ своемъ объясненіи, что не считаетъ для себя нужнымъ, по предмету своихъ занятій,

учиться въ Дерптѣ, а вмѣсто Парижа желаетъ провести часть назначеннаго для путешествія времени въ другихъ Унив. Германіи; что желаетъ принадлежать всегда именно Моск. Унив., а не какому либо другому; что, получивъ въ Московскомъ Универс. степень Магистра, и удостоясь уже почетныхъ избраній отъ разныхъ ученыхъ сословій въ Государствѣ, онъ почитаетъ оскорбительнымъ для сихъ мѣстъ подвергать себя постороннимъ экзаменамъ наровнѣ со Студентами, только что оканчивающими свой курсъ.

Въ 1828 г., въ Мартѣ произведенъ по предложенію Попечителя, А. А. Писарева, Адъюнктомъ, вмѣстѣ съ Щедритскимъ, Васильевымъ, Гавриловымъ, и пр.

Погодину назначено было тогда читать Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій и Русскую, въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, по три раза въ недѣлю.

Политическую Исторію преподавалъ онъ по Герену, дополняя Робертсономъ, (Исторія Карла V), Шиллеромъ (Исторія отпаденія Нидерландовъ и тридцати-лѣтней войны), Вольтеромъ (Вѣкъ Лудовика XIV) и проч.

Первая лекція, 21-го Сентября, 1828 года, которую прочелъ онъ въ формѣ разсужденія, написана была также подъ вліяніемъ Шеллинговой Философіи.

Русскую Исторію онъ читалъ по собственнымъ изслѣдованіямъ, держась Несторовой лѣтописи.

Главнымъ предметомъ послѣдняго курса было Происхожденіе Руси, которымъ П. занимался преимущественно, переведя послѣ Магистерства *Эверсовы* и *Неймановы изслѣдованія.*

При занятіяхъ историческихъ необходимо какое-нибудь происшествіе изучить во всѣхъ подробностяхъ, по всѣмъ источникамъ, чтобъ получить въ этомъ изученіи масштабъ для разсужденія обо всѣхъ частяхъ Исторіи. Это правило Фридриха Шлегеля, выраженное имъ въ предисловіи къ его лекціямъ, и испытанное Погодинымъ на самомъ себѣ, служило ему оправданіемъ, почему онъ такъ долго останавливался на началѣ Русской Исторіи, безъ соразмѣрности съ прочими ея частями.

Въ 1828 году Академикъ Кругъ, послѣ предварительнаго соглашенія съ П., предложилъ его въ Адъюнкты Академіи, на мѣсто Лерберга, и онъ былъ избранъ единогласно. Радъ онъ былъ этому мѣсту, чтобъ, подъ руководствомъ Круга, познакомиться короче съ Норманнами, но желаніе его по неизвѣстнымъ причинамъ не состоялось.

Въ 1830 г., при праздновании Университетскаго 75-ти и 25-ти лѣтняго Юбилея, (75 лѣтъ съ основанія и 25 съ новаго устава), поручено было П. Совѣтомъ говорить Рѣчь не въ очередь. Предметомъ избралъ онъ *Назначеніе Университетовъ вообще, и въ особенности Русскихъ*. Эта Рѣчь заслужила ему общее одобреніе въ Университетѣ, начиная со старыхъ Профессоровъ — Мерзлякова, Мудрова, Цвѣтаева, и проч. Послѣ П. читалъ стихи Мерзляковъ.

Лекціи въ Этико-политическомъ отдѣленіи шли очень успѣшно. П. старался болѣе всего занимать Студентовъ собственными работами, и они впродолженіи пяти лѣтъ перевели многія классическія сочиненія, распространяя тѣмъ свои свѣдѣнія и вмѣстѣ приготовляясь къ дальнѣйшему дѣйствованію на литературномъ поприщѣ, а именно: Исторію Карла V, Робертсона (Г. Барышевъ), Исторію вліянія Реформаціи, Виллерса (Г. Горловъ), Исторію Цивилизаціи Франціи, Гизо, (ГГ. Бѣгичевы и Карачаровъ), Исторію торговли Левантской, и проч.

По части Русской Исторіи: Г. Бѣляевъ перевелъ съ Лат. всѣ изслѣдованія Байера; Г. Гиппіусъ Древнѣйшее право Руси, Эверса; Г. Елагинъ о Византійской торговлѣ, Гюльмана, и проч.

Лекціи о Русской Исторіи получали случайную занимательность вслѣдствіе противоположности ученію Профессора Каченовскаго въ Словесномъ отдѣленіи, такъ что Студенты ходили часто отъ одного Профессора къ другому, сверху внизъ, чтобъ слышать обѣ стороны, нападеніе на Нестора и защиту его, происхожденіе Руси съ Юга и съ Сѣвера, и проч.

Въ 1833 г. П. женился на дѣвицѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Вагнеръ, воспитанницѣ Смольнаго монастыря.

Въ 1833 г., по увольненіи Проф. Ульрихса, опредѣленіемъ Совѣта, избранъ былъ на его мѣсто Ординарнымъ Профессоромъ Всеобщей Исторіи, и читалъ вступительную лекцію, ко-

торая напечатана была въ первомъ нумерѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, очень нравилась Пушкину, переведена была на Французскій языкъ Кн. Мещерскимъ въ Парижѣ и помѣщена въ оффиціальномъ журналѣ, на Сербскій языкъ Епископомъ Атанацковичемъ, на Нѣмецкой Лекторомъ Герингомъ.

Для Всеобщей Исторіи, по своимъ занятіямъ, П. не былъ собственно готовъ, и потому составилъ себѣ особый планъ, изложенный въ предисловіи къ напечатаннымъ лекціямъ, гдѣ выразилъ свои мысли вообще о преподаваніи у насъ Всеобщей Исторіи.

«Для Студентовъ вообще необходимы Руководства, по коимъ они могли бы повторять выслушанныя лекціи, чтобы присвоить себѣ совершенно ихъ содержаніе: записывая они лишаются выгоды слышать живое слово, и принимать его впечатлѣнія прямо на душу, легко могутъ впадать въ ошибки, и пропускать важное.

«Эта необходимость нигдѣ такъ неощутительна, какъ у насъ: нашъ Студентъ, кромѣ лекцій, не имѣетъ возможности пользоваться никакими посторонними пособіями для науки, ибо ученая Русская литература очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для него, по незнанію языковъ, на коихъ онѣ писаны.

«И такъ Профессоръ, по моему мнѣнію, долженъ прежде всего озаботиться объ изданіи Руководства, по коему онъ намѣренъ читать свои лекціи.

«Я чувствую себя не въ силахъ написать вскорѣ такое Руководство, ибо не всѣ части Исторіи мнѣ равно знакомы.

«Какимъ же образомъ удовлетворить настоящей потребности?

«Перевести какое-нибудь иностранное Руководство? — Ни одно не нравится мнѣ вполнѣ, и вотъ въ чемъ главное: всѣ они слишкомъ кратки для насъ, слѣдовательно почти безполезны, ибо на Русскомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ историческихъ сочиненій, которыхъ одни результаты въ нихъ излагаются. Сжатыя положенія (напр. Геренovы въ его Древней и Новой Исторіи) могутъ тогда только быть выразумлены основательно и усвоены крѣпко, когда извѣстны во всѣхъ подробностяхъ частныя быти (facta), коимъ они служатъ какъ

бы итогами. Нашему Студенту гдѣ ихъ читать? Пересказывать же ему недостанетъ времени. Вотъ почему даже историческія системы, отвлеченныя формулы, даже многія мысли, выраженія важныя для науки, драгоцѣнныя для посвященныхъ въ ея таинства, полезныя, можетъ быть для нѣсколькихъ отличныхъ Студентовъ, пропадаютъ на лекціяхъ для большинства, между тѣмъ какъ оно-то и имѣетъ право на главное вниманіе въ публичномъ курсѣ. Книга и лекція двѣ вещи разныя: тамъ имѣешь въ виду только науку, а здѣсь науку и слушателей.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ я составилъ себѣ такой планъ:

«Всякой годъ излагать подробно по два историческихъ предмета, по одному изъ древней, и одному изъ средней или новой Исторіи, (преимущественно такому, который, почему бы то ни было, мало извѣстенъ въ общемъ оборотѣ), и представлять на лекціяхъ полныя извлеченія изъ классическихъ сочиненій объ немъ, такія, въ которыхъ бы не была опущена ни одна достопамятная быть, и обращено вниманіе на всякое важное замѣчаніе автора.

«Для бо̀льшаго облегченія Студентовъ, я предположилъ печатать лекціи по мѣрѣ чтенія.

«Такимъ образомъ впродолженіи трехгодичнаго курса Студентъ получитъ шесть частныхъ сочиненій о шести важныхъ предметахъ историческихъ. Для будущихъ Студентовъ число это постепенно будетъ увеличиваться. На нынѣшній годъ я избралъ себѣ подробное классическое сочиненіе Герена о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра, изъ котораго извлеченіе теперь выдается.

«Изъ средней исторіи я намѣренъ былъ сдѣлать тоже съ сочиненіемъ Тьери о завоеваніи Англіи Норманнами, но не успѣлъ, употребивъ все свое время на сочиненіе Русской Исторіи для училищъ, по порученію высшаго начальства.

«Въ слѣдующемъ году, если позволитъ мнѣ мое здоровье, я намѣренъ кончить Герена и предложить въ такомъ же извлеченіи Крейцерово сочиненіе о религіяхъ древняго міра. Изъ новой Исторіи о первомъ періодѣ я могу издать собственное подробное сочиненіе, ибо я преподавалъ нѣсколько лѣтъ этотъ предметъ въ отдѣленіи политическихъ наукъ, и

имѣлъ случай перечесть много книгъ объ немъ. Послѣ очередь дойдетъ до Нибура, Гиббона и т. д. (Прочія части Исторіи для связи должны между тѣмъ излагаться, въ общихъ обозрѣніяхъ. Съ этою цѣлію я печатаю теперь Геренову Древнюю Исторію въ переводѣ Г. Кояндера, и Демишелеву Среднюю, въ переводѣ первогодичныхъ Студентовъ).

«А если бы мои товарищи по ремеслу, то есть Профессоры Исторіи въ прочихъ Русскихъ Университетахъ, одобрили мой планъ, и поработали слѣдуя оному! Работа, разумѣется трудная, часто скучная, — но полезная, необходимая. — Въ три, четыре года, соединенными силами, мы издали бы книги о всѣхъ важныхъ предметахъ историческихъ. Присоедините сюда диссертаціи на степень Магистровъ, Докторовъ, и труды посторонннхъ любителей. (Я получилъ уже отъ Г. Зеленецкаго извлеченіе изъ Беттигерова сочиненія о Карѳагенянахъ.) Тогда, легко было бы написать кому нибудь изъ насъ общее Руководство, понятное и полезное для студентовъ, и проходить всю Исторію ровно.»

Планъ этотъ не могъ быть выполненъ, потому что въ 1835 году, по распоряженію новаго Попечителя Графа С. Г. Строганова, П. былъ переведенъ съ каѳедры Всеобщей Исторіи на каѳедру Русской Исторіи, чему былъ очень радъ.

Всеобщая Исторія оставалась однакожь на его рукахъ впредь до возвращенія изъ чужихъ краевъ посланнаго туда Кандидата Грановскаго.

Одинъ годъ, при недостаткѣ наличныхъ Профессоровъ въ Словесномъ отдѣленіи, оно распорядилось раздѣлить Студентовъ по главнымъ предметамъ ихъ занятій, и каждому Профессору взять, въ непосредственное свое завѣдываніе, на свою отвѣтственность Студентовъ, избравшихъ его предметъ. Эта мѣра принесла большую пользу, и нѣсколько Студентовъ кончило курсъ съ великимъ успѣхомъ, напр. Самаринъ, Буслаевъ, Катковъ и проч.

Въ 1834 году, какъ Ординарный Профессоръ, П. долженъ былъ читать на актѣ очередную рѣчь, и избралъ предметомъ своимъ *Ученое сословіе*, стараясь опредѣлить его высокое мѣсто въ системѣ государственной.

Не ближе какъ съ 1838 г. могъ онъ исключительно предаться главному и любимому своему предмету: Русской Исторіи.

Въ этомъ году Великій Князь Цесаревичь, для котораго П. писалъ, по порученію Попечителя, записку о Москвѣ, посѣтилъ его лекцію, и пожаловалъ ему брилліантовый перстень.

Всякой годъ былъ посвящаемъ П. исключительно какой-нибудь особой части Исторіи, проходимой въ подробности, а прочія предлагались въ краткихъ обозрѣніяхъ, напримѣръ одинъ годъ Нестору, другой происхожденію Руси, третій Норманскому періоду, Борису Годунову, Петру Первому, древней географіи, мѣстничеству, удѣльному періоду, Монголамъ, Новугороду, и проч. Каждый прошедшій годъ служилъ новымъ пособіемъ для слѣдующаго, подготовивъ ему одну отдѣланную часть, и такимъ образомъ каждый слѣдующій становился полнѣе и ровнѣе. Кромѣ того каждый почти годъ открывался особою лекціей о какомъ-нибудь отдѣльномъ предметѣ, взятомъ по какой-бы то ни было причинѣ, напримѣръ: одна лекція заключала общій взглядъ на всю Русскую Исторію, другая разсужденіе о мѣстничествѣ, третья систему Посошкова, развитіе княжеской власти въ первомъ періодѣ, и проч.

Къ лекціямъ П. всегда готовился, и можетъ быть не бывало двухъ въ году, къ коимъ пришелъ бы онъ безъ предварительной работы съ вечера и поутру, но приготовлявался онъ всегда къ содержанію, и никогда почти къ формѣ, къ изложенію, и результатомъ приготовленія бывала часто только одна мысль, или положеніе, которыя пропадали для большинства. Онъ старался оживлять ихъ сообщеніемъ извѣстій о новостяхъ историческихъ, открытіяхъ, трудахъ, передачей подлинныхъ текстовъ съ комментаріями. Какъ ни недостаточны были, по его теперешнему мнѣнію, его лекціи, но онъ смѣетъ думать, что онѣ внушали любовь или расположеніе къ предмету. Множество молодыхъ людей занявшихся Исторіей, въ послѣднее время, именно изъ Московскаго Университета, доставляетъ удовольствіе ему, любующемуся на ихъ труды, мыслію, что въ нихъ и его хоть капля меду есть, таковы: Бѣляевъ, Пассекъ, Калачевъ, Кавелинъ, Елагинъ, Поповъ, Ригельманъ, Самаринъ, Мстиславскій, Валуевъ, Пановъ, Соловьевъ, Бычковъ, Стаховичь, Строевъ (М.), К. Черкасскій,

Бецкой, Григорьевъ. Полезными опытами были бесѣды о назначенныхъ предметахъ Студентовъ между собою и Профессоромъ, по разсмотрѣніи и изученіи принадлежащихъ къ онымъ источниковъ и пособій. Такія бесѣды считаетъ онъ и теперь болѣе соотвѣтственными Русскому духу. Вообще работать заставлялъ онъ всѣхъ Студентовъ много, что̀ наиболѣе доставляло имъ пользы.

Среди историческихъ изслѣдованій родилась у Профессора мысль и о повѣствованіи историческомъ, произошло сознаніе, что можетъ привесть ее въ исполненіе. Съ 1836 г. было сдѣлано имъ до тридцати опытовъ начала, которые всѣ казались неудовлетворительными. П. думалъ о такой Исторіи, которая была бы 1) проста и общепонятна т. е. понятна грамотному крестьянину, модной дамѣ, смышленому дитяти, равно какъ и образованному литератору; 2) занимательна, читаясь съ начала до конца не изъ милости, не по обѣту, а возбуждая участіе и любопытство; 3) жива, представляя людей, племена, событія, въ плоти и съ кровію, а не портреты или остовы, и наконецъ 4) соотвѣтствовала бы настоящему состоянію критики, и заключала результаты всѣхъ новыхъ изслѣдованій и открытій, сдѣланныхъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ послѣ начала Исторіи Карамзина.

Чтобъ найти тонъ для нея, онъ рѣшился оставить Университетъ съ его урочными занятіями и обязанностями года на два, и хотѣлъ на свободѣ углубиться въ свой предметъ гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, для живѣйшаго воспоминанія о Норманнахъ, потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ для удѣльнаго періода, и наконецъ въ Сибири для Монголовъ и Татаръ. Это была главная причина, вмѣстѣ съ разстроеннымъ здоровьемъ и нѣкоторыми другими, почему онъ подалъ просьбу объ увольненіи, и просилъ покровительствовавшаго ему Министра, С. С. Уварова, объ ея исполненіи, съ назначеніемъ пенсіи, что̀ имъ было исходатайствовано. За два года онъ предъувѣдомлялъ Совѣтъ Университета о своемъ намѣреніи, и указывалъ для замѣщенія своей каѳедры на Оріенталиста Григорьева, бывшаго его слушателя Бычкова, а изъ послѣдняго курса на Студента Соловьева.

Накануне полученія отставки, 15-го Маія, Погодинъ переломилъ себѣ ногу, упавъ съ изломавшихся дрожекъ на пути въ Университетъ, и его планы значительно измѣнились, вмѣстѣ со всею судьбою. Онъ долженъ былъ выдержать продолжительную сильную болѣзнь, и наконецъ лишился жены, оставшись съ четырьмя малолѣтными дѣтьми.

Оправясь отъ полученныхъ ударовъ, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, онъ готовъ былъ вступить опять въ службу Университета, и съ удовольствіемъ принялъ въ 1845 г. предложеніе Словеснаго Факультета вслѣдствіе мнѣнія, представленнаго Профессоромъ Шевыревымъ, но на условія Г. Попечителя онъ не могъ согласиться, и долженъ былъ, къ крайнему своему прискорбію, продолжать свою разлуку съ любезнымъ для его сердца Университетомъ. Такимъ образомъ кончилась Профессорская его служба.

Кромѣ преподаванія, Погодинъ былъ нѣсколько лѣтъ Членомъ Педагогическаго Института, Училищнаго Комитета, также редакціи Ученыхъ Записокъ, около двадцати лѣтъ экзаменаторомъ для поступающихъ въ Студенты, и также визитаторомъ на экзаменахъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ.

Особыя занятія по службѣ П. были слѣдующія:

Въ 1830 г., при первомъ появленіи въ Москвѣ холеры, представилъ Генералъ Губернатору Князю Голицыну мнѣніе о необходимости издавать для успокоенія жителей особую вѣдомость, которая и была на него возложена. Онъ издавалъ ее ежедневно во все продолженіе эпидеміи, т. е. четырехъ мѣсяцевъ, собирая нужныя для того свѣдѣнія, по усмотрѣнію. Назначенъ былъ тогда же членомъ коммиссіи для приведенія въ извѣстность числа заболѣвшихъ.

Въ 1836 г. назначенъ былъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія сочиненія А. Ѳ. Малиновскаго о Москвѣ, о которомъ и представлено особое мнѣніе.

Въ 1842 г. по случаю поѣздки на воды, поручено ему было посѣтить на возвратномъ пути Данію, войти въ сношеніе съ Копенгагенскимъ обществомъ и разсмотрѣть предпринятыя имъ изданія, для Русской Исторіи.

Въ 1844 г. назначенъ былъ членомъ Комитета для изданія Древностей Россійскаго Государства вмѣстѣ съ Профессоромъ Шевыревымъ, но вскорѣ уволенъ.

Съ 1844 г. служба П. ограничилась Академіею, въ кототорую назначенъ былъ по отдѣленію Русскаго языка, Ординарнымъ Академикомъ при ея преобразованіи, въ 1841 году.

Въ 1845 г, по вызову Симбирскаго Дворянства написалъ похвальное слово Карамзину, которое и произнесъ въ Симбирскѣ, при открытіи ему памятника. Первую мысль о словѣ подали братья Языковы. П. очень былъ радъ взять на себя ея исполненіе, произнеся этотъ обѣтъ еще въ 1828 г. вслѣдствіе подозрѣній павшихъ на него въ то время по напечатаніи рецензій Арцыбышева въ Московскомъ Вѣстникѣ, и повторилъ его И. И. Дмитріеву предъ его смертію. Слово было напечатано на счетъ Симбирскаго Дворянства, которое засвидѣтельствовало П. торжественную свою благодарность.

Въ 1851 года назначенъ былъ членомъ коммиссіи для изслѣдованія о мѣстѣ погребенія Князя Д. М. Пожарскаго.

Касательно награжденій П. по службѣ должно замѣтить, что слѣдовавшіе ему чины совпадали большею частію съ учеными степенями: чинъ Тит. Сов. съ степенью Магистра, чинъ Кол. Асс. съ званіемъ Адъюнкта, чинъ Надворнаго Совѣтника съ званіемъ Ординарнаго Профессора, чинъ Коллежскаго Совѣтника съ званіемъ Академика; только чинъ Статскаго Совѣтника получилъ онъ въ 1843 г., Іюля 3-го и чрезъ девять лѣтъ въ 1852 г. Дек. 20-го чинъ Дѣйствит. Статскаго Совѣтника.

Орденъ получилъ Св. Станислава 2-го класса, въ 1841 г.

Высочайшія благоволенія получалъ отъ Государя Императора: 1828 г. за отлично-усердную службу, 1835 г. за представленіе Русской Исторіи для Гимназій, и за участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ, 1837 г. за изданіе Историческаго альбома, 1844 г. за изданіе сочиненій Посошкова, 1847 г. за Изслѣдованія о Русской Исторіи и Историко-критическіе отрывки, 1847 г. за произнесенное Похвальное Слово Исторіографу Карамзину, 1852 г. за успѣшныя дѣйствія въ коммиссіи для изслѣдованія о мѣстѣ погребенія Князя Пожарскаго. Подарками былъ награжденъ въ 1833, 1835, 1839, 1840, 1844

годахъ. Получалъ нѣсколько разъ благодарность отъ Особъ Императорскаго Дома за представленныя книги и вещи.

Почетныя избранія: 1822 г. Соревнователемъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Сотрудникомъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности; 1825 г. Дѣйствительнымъ Членомъ О. И. и Д. Р.; 1826 г. Корреспондентомъ Академіи Наукъ при праздновакіи Юбилея; 1828 года Дѣйствительнымъ Членомъ О. Л. Р. С.; 1832 года Членомъ Казанскаго Общ. любителей Россійской Словесности; 1835 г. Член. Корреспондентомъ Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 1836 г. Членомъ Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ; 1836 г. Членомъ Россійской Академіи; 1837 г. Секретаремъ Общества И. и Д. Росс.; 1839 г. Членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; 1845 г. Почетнымъ Членомъ И. Московскаго Университета; 1848 г. Членомъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ Петербургѣ; 1848 г. Докторомъ Философіи Пражскаго Университета при праздновании его пятисотълѣтняго юбилея; 1851 г. Почетнымъ Членомъ И. Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ; 1852 г. Членомъ Русскаго Географическаго Общества въ С.-Петербургѣ; 1854 г. Почетнымъ Членомъ Аграмскаго Общества.

2. *Занятія Русскою Исторіею.* Занятія и изслѣдованія въ Русской Исторіи шли параллельно съ лекціями, а изданія соотвѣтствовали изслѣдованіямъ. Вотъ ихъ списокъ: 1) *О происхожденіи Руси*, 1820—25 г.—2) *Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе первоучители, изслѣдованіе Добровскаго*, переводъ съ Нѣмецкаго, съ замѣчаніями и приложеніями (напеч. на иждивеніи Графа Н. П. Румянцова) 1825 г. — 3) *Изслѣдованія Густава Эверса*, въ двухъ частяхъ, перев. съ Нѣмецк. (напеч. на иждивеніи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ) 1826 г.—4) *О жилищахъ древнихъ Руссовъ*, соч. Неймана, съ критическимъ разборомъ, (напеч. на иждивеніи Графа С. П. Румянцова въ исполненіе распоряженій его брата, покойнаго Канцлера), 1826 г.—5) *Излѣдованіе о характерѣ Іоанна Грознаго* (напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ и Библіотекѣ для чтенія), 1828 г.—6) *Излѣдованіе объ участіи Бориса Годунова въ погибели Царев. Димитрія* (нап. въ

Моск. Вѣстн. и потомъ въ Историко-Критическихъ отрывкахъ) 1829 г.—7) *Статистическое описаніе Россіи при Петрѣ, соч. Оберъ-Секретаря Кирилова* (Цвѣтущее состояніе Россійск. Государства и пр.) 1831 г.—8) *Добровскаго грамматика Церковно-Славянскаго языка*, часть 1 (часть 2 переведена Проф. Шевыревымъ), 1833 (она была напечатана на казенный счетъ). 9) *Начертаніе Русской Исторіи для Гимназій*, 1835 г.* — 10) *Изслѣдованіе о Несторовой лѣтописи*, 1836 г. (напеч. въ Библіотекѣ для Чтенія).—11) *Псковская лѣтопись* (съ подробнымъ предисловіемъ о способѣ издавать и пользоваться лѣтописями) 1837 г.—12) *Начертаніе Русской Исторіи для Гимназій*, изд. 2-е 1837 г.—13) *О Москвѣ*, писано для Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, 1838 г.—14) *Русскій исторический альбомъ, или почерки знаменитыхъ Россіянъ* (числ. до 300), 1837 г.—15) *Начертаніе Русской Исторіи для уѣздныхъ училищъ* 1838 г.—16) *О Мѣстничествѣ*, три статьи (помѣщены въ Русск. Историч. Сборн.) 1838 г.—17) *Образцы Славянскаго Древлеписанія*, тетрадь I и II, (напечат. при пособіи Общест. И. и Д. Р.) 1840—41 г. — 18) *Разсужденіе о Петрѣ Великомъ* (напечатано въ Москвит. и помѣщено въ Историко-Крит. отрывкахъ) 1841 г.—19) *Разсужденіе о Посошковѣ* (тамъ же) *и его сочиненія* 1842 г.—20) *Посольская метрика Княжества Литовскаго*, часть I, царствованіе Сигизмунда Августа (напеч. отъ Общ. И. и Д. Р.) 1843 г.—21) *Историческое Похвальное Слово Карамзину* (напечатано на иждивеніи Симбирскаго дворянства) 1843 г.—22) *Историко-Критич. отрывки*, 1846 г.— 23) *Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи*, Т. I. *О древнѣйшихъ источникахъ*,—Т. II. *О происхожденіи*

* Сочиненіе этой Исторіи предпринялъ Погодинъ по порученію Г. Министра, и долженъ былъ представить ее въ скорѣйшемъ времени. Вслѣдствіе чего онъ могъ обработать согласно съ своимъ планомъ только древнѣйшую часть, предполагая продолжать исправленіе по частямъ при всякомъ новомъ изданіи. Во второмъ изданіи, которое послѣдовало чрезъ годъ, онъ обработалъ литературу Русской Исторіи. Дальнѣйшія исправленія остановились вслѣдствіе принятія для гимназическ. курса Исторіи Пр. Устрялова; впрочемъ онъ намѣренъ исполнить эту обязанность впослѣдствіи.

Руси,—Т. III. *Норманскій періодъ*, 1846 г.—Т. IV. *Удѣльный періодъ: Хронологія, Географія, общія отношенія*, 1850 года— 24) *Андрей Боголюбскій*, изслѣдованіе и повѣствованіе 1850 г.— 25) *Древнѣйшая Русская аристократія*, изслѣдованіе (помѣщено въ Москвит.) 1848 г. — 26) *Жизнеописаніе Московскаго благотворителя М. И. Крашенинникова*, 1851 г. — 27) *О мѣстѣ погребенія Князя Д. М. Пожарскаго* (напеч. въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ) 1852 г.—28) *Изслѣдованія* и пр. Т. V. *Междоусобныя войны, иноплеменныя нашествія*,—Т. VI. *Біографическій списокъ Князей до Монголовъ*, — Т. VII. *Учрежденія.* 1854 г.

Важнѣйшія историческія находки и открытія: подлинная лѣтопись Малороссійская Величка, (которую Погодинъ доставилъ впослѣдствіи Кіевской Коммиссіи для напечатанія), сочиненія крестьянина Посошкова, нѣсколько памятниковъ древней Русской Словесности (первое слово Иларіона Митрополита Кіевскаго, слово на день Св. Бориса и Глѣба, сказанное до Монголовъ, собраніе древнихъ поученій, и пр.), четвертая часть Исторіи Татищева, и пр. Множество матеріаловъ для Исторіи старой Русской Словесности напечат. въ Москвитянинѣ, что̀ видно по указателю, составленному Г. Бартеневымъ.

По другимъ предметамъ преподаванія изданы были имъ слѣдующія книги: для Географіи, которую преподавалъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ: 30) *Начертаніе древней Географіи, Нича.* пер. съ Нѣмецк., 1824 г.—31) *Риттеровы карты Европы въ отношеніи преимущественно къ Естественной Исторіи*, 1828 г.

По *Всеобщей Исторіи* 32) *Введеніе въ Исторію для дѣтей, Шлецера*, часть 1-я, 1829 г.; часть 2-я, 1830 г.; 33) *Лекціи по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ древнихъ народовъ*, часть 1-я 1835 г.; часть 2-я 1837 г.; 34) *Историческіе Афоризмы*, книжка 1-я, (вторая и третья въ рукописи), 1836 г. (переведены на Нѣмецкій языкъ Лекторомъ Герингомъ).

3. Литературные труды. Первые опыты принадлежатъ къ 1821 году. Это были письма къ Лужницкому старцу, юмористическаго содержанія, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы, и потомъ разборъ Кавказскаго Плѣнника, замѣченный, впрочемъ, Пушкинымъ. Въ слѣдующихъ годахъ занятія этого рода

сосредоточились въ одномъ частномъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ С. Е. Раича, переводчика Виргиліевыхъ Георгикъ, куда представлено имъ было нѣсколько переводовъ изъ Древнихъ и историческо-литературныхъ отрывковъ.

Съ помощію Шевырева Погодинъ издалъ Альманахъ литературный на 1826 годъ: Уранію, написавъ нѣсколько повѣстей въ 1825 году.

1828 г. напечаталъ трагедію Гёте: 35) *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*, переведенную еще прежде; 1830 г. написалъ трагедію 36) *Марѳа Посадница*, которая была вскорѣ напечатана, 1831 г. 37) Трагедію *Петръ I.* (въ рукописи); 1832 г. 38) *Исторію въ лицахъ о Борисѣ Годуновѣ* (въ рукописи);—39) *Повѣсти*, въ трехъ частяхъ, 1833 г.; 40) *Исторію въ лицахъ о Димитріѣ Самозванцѣ*, которую посвятилъ Пушкину; 1835 г. издалъ особо повѣсть *Черную немочь*; 1837 г. издалъ особо повѣсть *Невѣста на ярмаркѣ*, въ двухъ частяхъ; 1844 г. Описаніе своего путешествія, подъ заглавіемъ: 41) *Годъ въ чужихъ краяхъ*, въ четырехъ частяхъ.

4. *Журналистика*. Первые опыты помѣщены въ Вѣстникѣ Европы 1821 — 1825 г.; въ 1826 г. въ Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ нѣсколько отрывковъ переводныхъ и оригинальныхъ. Съ 1827 по 1830 г. включительно П. издавалъ *Московскій Вѣстникъ*, начатый, преимущественно по мысли и желанію Пушкина, въ сообществѣ Шевырева, Д. Веневитинова, Титова, Рожалина, Кн. Одоевскаго, и пр. Заключая много статей дѣльныхъ по части наукъ и критикъ, этотъ журналъ страдалъ недостаткомъ разнообразія; притомъ издатель не могъ, по причинѣ малаго количества подписчиковъ, выдавать его въ большомъ объемѣ, и ни за что не хотѣлъ согласиться на приложеніе картинокъ модъ. По симъ причинамъ Моск. Вѣст. долженъ былъ уступить во мнѣніи большинства публики сопернику своему Телеграфу, съ которымъ боролся не ослабѣвая и велъ жестокую войну, стараясь противодѣйствовать его мнѣніямъ.

Въ 1828 г., по случаю болѣзни К. Ѳ. Калайдовича, П. принялъ на себя изданіе начатаго имъ *Зрителя*, и убѣдилъ Московскихъ литераторовъ раздѣлить труды, взявъ на свою долю шесть первыхъ книгъ.

Съ 1831 по 1837 годъ принималъ участіе въ издаваемомъ Профессоромъ Надеждинымъ Телескопѣ, гдѣ помѣщалъ рецензіи историческихъ книгъ и другія статьи.

Съ 1844 года издавалъ Русской Историческій Сборникъ (7 книгъ) отъ Общества Исторіи и Древностей Русскихъ. Кромѣ Сборника, его собственныхъ трудовъ, о коихъ упомянуто было выше, Общество впродолженіи секретарства Погодина издало: три тома повѣствованій Арцыбышева, двѣ части Русскихъ достопамятностей, двѣ книги Метрики Литовской.

Съ 1835 г. П. принялъ-было, но не на долго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его литературныхъ пріятелей, участіе въ Московскомъ Наблюдателѣ.

Съ 1841 по сей 1854 годъ издавалъ учено-литературный журналъ *Москвитянинъ*, коего духъ и цѣль всего яснѣе были выражены въ объявленіи 1844 года.

Кромѣ собственныхъ журналовъ статьи Погод. есть во всѣхъ почти Русскихъ журналахъ, по тому или другому случаю, напр. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Библіотекѣ для Чтенія, въ первыхъ годахъ, въ Современникѣ, при Пушкинѣ и Плетневѣ, въ первыхъ годахъ Отечественныхъ Записокъ, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и проч.

Съ цѣлію пополнить недостатки исторической литературы Погодинымъ изданы нѣсколько переводовъ, сдѣланныхъ его учениками и знакомыми, а именно: *Исторія всеобщая Беттигера*, переводъ съ Нѣмецкаго; *Исторія древняя*, *Герена*, переводъ Г. Кояндера; *Исторія Средняя*, *Демишеля*, переводъ Студентовъ, сдѣланный въ одинъ день.

Въ 1837 г. онъ началъ издавать *Всеобщую Историческую Библіотеку*, въ 20 книжкахъ, перев. съ Нѣмец., въ коихъ заключается Исторія Пруссіи, Саксоніи, Неаполя, Сициліи, Ломбардіи, Швеціи, Ганзы; въ томъ же году издалъ три сравнительныя *Карты Горъ и Рѣкъ*. Всѣ сіи сочиненія, кромѣ Гереновой Исторіи, были имъ пересмотрѣны и исправлены.*

---

* Въ 1834 г. пожертвовалъ по одному экземпляру своихъ изданій для всѣхъ публичныхъ библіотекъ губернскихъ, при извѣстіи объ

Много и другихъ книгъ издалъ П. на своемъ иждивеніи, наприм.: Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, Митрополита Евгенія; Объ иконописаніи, соч. А. А.; Сочиненія Архіепископа Иннокентія въ 3-хъ том.; Славянскія Древности Шафарика, пер. Бодянскаго, въ 3-хъ частяхъ; Разсказы стараго воина о Суворовѣ; Записки о Екатеринѣ великой, Грибовскаго; Нѣмецкій театръ Шишкова въ 4-хъ частяхъ; Сочиненія Писемскаго въ 3 частяхъ; Сочиненія Кокорева въ 3 частяхъ; Адъ, поэма Данта, пер. Мина; Пѣсни разныхъ народовъ, Берга, и проч.

5. *Путешествія*, *а*) *въ чужіе краи*. Путешествіе съ самыхъ молодыхъ лѣтъ было любимымъ желаніемъ П., и очень рано начали представляться ему случаи, какъ будто возбуждая любопытство. Въ 1816 году Графиня Мамонова, по рекомендаціи Г. Пучкова, знакомаго отцу П., предлагала ему сопутствовать ея брату. Во время студенчества открывался случай ѣхать къ Гр. Бутурлину. Но тогда же получилъ онъ надежду быть отправленнымъ отъ Университета, который обыкновенно имѣлъ одного своего воспитанника въ чужихъ краяхъ. Въ 1820 году воротился Докторъ Павловъ, посыланный для Сельскаго Хозяйства; мѣсто его занялъ Докторъ Іовскій для Химіи; по возвращеніи его въ 1825 г., Совѣтъ, при посредствѣ Ректора Антонскаго, назначилъ Пог. отправить въ чужіе краи для занятій историческихъ, но въ концѣ 1825 г. отправленіе молодыхъ людей для посѣщенія иностранныхъ Университетовъ было остановлено, и П. долженъ былъ къ крайнему своему прискорбію оставаться дома. Въ 1826 г. хотѣлъ отправить его на свой счетъ въ Италію для разысканій по Русской и Славянской Исторіи Графъ Н. П. Румянцовъ, и сдѣлалъ всѣ приготовленія, но внезапно скончался. Въ 1828 г. имѣлъ надежду Погодинъ быть отправленнымъ отъ Петерб. Академіи. Въ 1830 г. Университетъ ходатайствовалъ вновь чрезъ Попечителя А. А. Писарева, сдѣлавшаго объ немъ самое лестное

ихъ учрежденія отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ (50); въ 1846 г. въ публичную Симбирскую библіотеку; въ 1853 г. представилъ также полныя собранія въ библіотеки Художественнаго Училища, Измайловской богадѣльни, Рабочаго дома и пр.

представленіе, но новыя политическія событія въ Европѣ воспрепятствовали опять исполниться его желанію. Такимъ образомъ нѣсколько разъ сряду это желаніе, по странному стеченію обстоятельствъ, не приходило въ исполненіе, и П. рѣшился не испытывать болѣе судьбы, а дожидаться, пока представится такой случай, который не потребовалъ бы никакихъ съ его стороны усилій или домогательствъ.

Въ 1835 г., благодаря ходатайству Министра С. С. Уварова, П. получилъ увольненіе ѣхать въ чужіе краи на воды, для поправленія здоровья, и отправился на пароходѣ съ женою. Нѣсколько дней онъ провелъ на морѣ вмѣстѣ съ почтеннымъ Френомъ, котораго благорасположеніемъ во всю жизнь его пользовался. Въ Берлинѣ слушалъ лекціи Риттера, Стеффенса, Бёка, Ранке, Савиньи и пр., но познакомился только съ Риттеромъ, съ которымъ до сихъ поръ сохранились у него самыя пріятныя отношенія.Посѣтилъ Лейпцигъ, гдѣ слушалъ Ваксмута. Изъ Праги (см. ниже) ѣздилъ черезъ Ниренбергъ, по Рейну, въ Боннъ, гдѣ было собраніе натуралистовъ. Оттуда въ Гейдельбергъ, гдѣ посѣтилъ Крейцера и Шлоссера, былъ въ Швейцаріи, ѣздилъ нарочно въ Шафгаузенъ, чтобъ поклониться тамъ въ библіотекѣ фоліантамъ выписокъ историческихъ Миллеровыхъ, познакомился съ историкомъ Гуртеромъ. Въ Минхенѣ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Шеллингу. Въ Вѣнѣ дополнилъ Славянскія свои знакомства (см. ниже), и вмѣстѣ съ Д. М. Княжевичемъ, Н. И. Надеждинымъ, П. В. Кирѣевскимъ, чрезъ Брюнъ, Львовъ, Радзивиловъ, Кіевъ, возвратился въ отечество.

Въ 1838 г. по совѣту врачей, и вмѣстѣ въ исполненіе собственнаго желанія, предпринялъ второе путешествіе, которому могъ посвятить гораздо болѣе времени, почти годъ. Началъ съ Варшавы, съ которою хорошо познакомился по благосклонности управлявшаго тогда ученою частію Генералъ-Адъютанта Шипова и Профессоровъ Мацѣевскаго и Кухарскаго. Изъ Варшавы чрезъ Бреславль поѣхалъ въ Прагу, потомъ въ Вѣну, Тріестъ, Венецію, Болонію, гдѣ обратилъ вниманіе на знаменитый Норманнскій календарь, и поручилъ снять снимки, что̀ и подало поводъ къ обширному ученому изслѣдованію библіотекаря, послѣ напечатанному, на Италіянскомъ языкѣ.

Въ Римѣ прожилъ мѣсяцъ на квартирѣ у Гоголя, который, вмѣстѣ съ Шевыревымъ, и показалъ Погодину всѣ его достопамятности. Ни одинъ городъ не производилъ на него никогда такого впечатлѣнія какъ Римъ. Изъ Рима отправился онъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ въ Неаполь, а оттуда заѣзжалъ въ Чивитавеккію, Ливорно и Пизу, Геную, Марсель, Ліонъ, и пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь слушалъ лекціи Профессоровъ: Сен-Марк-Жирардена, Рауль-Рошета, Росью-Сент-Илера, Ампера, Росси, Форіеля и пр.; также и ораторовъ въ палатахъ: Ламартина, Вильменя, Гарнье Пажеса, и пр.; имѣлъ честь познакомиться съ Гизо и бесѣдовать объ Исторіи; увидѣлъ образчикъ Французской революціи, 12-го Мая. Изъ Парижа посѣтилъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ Лондонъ, —а потомъ одинъ, Бриссель, Амстердамъ, гдѣ осматривалъ памятники пребыванія Императора Петра I-го, Антверпенъ и Роттердамъ, оттуда отплылъ по Рейну внизъ до Франкфурта, и въ Маріенбадъ, гдѣ воспользовался употребленіемъ водъ. Въ Маріенбадъ пріѣхалъ по предварительному соглашенію и Гоголь. Съ нимъ, Бенардаки, Иноземцевымъ, провелъ П. пріятнѣйшій мѣсяцъ. Изъ Маріенбада въ Минхенъ, гдѣ нашелъ опять Шевырева, разбиравшаго для Университета Моллевскую библіотеку. Объѣхалъ Швейцарію, и чрезъ Симплонъ отправился въ Миланъ, изъ Милана во Флоренцію, на дорогѣ встрѣтилъ Окена и сблизился съ знаменитымъ натуралистомъ. Изъ Флоренціи чрезъ Мантую, Верону, Тироль, Вѣну, гдѣ ожидалъ его Гоголь, съ нимъ вмѣстѣ, на Краковъ, Вильну и Смоленскъ, возвратился въ Москву.

Третье путешествіе, въ 1842 г., началось со Львова. Въ Маріенбадѣ провелъ П. шесть недѣль вмѣстѣ съ Шафарикомъ, и выслушалъ отъ него цѣлый курсъ Славянскихъ древностей и новостей. Изъ Маріенбада чрезъ Дрезденъ, Берлинъ, Штетинъ, ѣздилъ въ Копенгагенъ, осмотрѣлъ тамошнія библіотеки подъ руководствомъ Финна Магнусена и Рафна, познакомился съ древностями, рукописными, металлическими и каменными, обозрѣвалъ вмѣстѣ съ Рафномъ, нѣкоторыя окрестныя могилы, и предложилъ свое мнѣніе о потребностяхъ Русской Исторіи относительно сѣверныхъ источниковъ. Проѣхалъ Зеландію, Фіонію, Шлезвигъ и Голштейнъ до Гамбурга. Ѣз-

дилъ нарочно въ Геттингенъ поклониться могилѣ незабвеннаго Шлецера, осмотрѣлъ домъ его, принадлежавшій Герену, который не задолго предъ тѣмъ скончался, посѣтилъ Геттингенскую библіотеку, изъ Геттингена чрезъ Минденъ, Кассель, Франкфуртъ, Рейнъ, Ахенъ, Брюссель опять въ Парижъ на нѣсколько дней, гдѣ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Шатобріану, и оттуда чрезъ Страсбургъ, Донауверть, Минхенъ, Вѣну, Львовъ, Кіевъ возвратился въ Москву.

Четвертое путешествіе 1846 г. предпринялъ П. собственно для здоровья, моремъ до Штетина, изъ Штетина въ Берлинъ, гдѣ выслушалъ по лекціи у Риттера, Раумера, Штура, изъ которыхъ съ двумя послѣдними и познакомился. Въ Маріенбадѣ провелъ мѣсяцъ и потомъ три недѣли въ Теплицѣ. Изъ Вѣны отправился внизъ по Дунаю.

Пятое путешествіе имѣло главною цѣлію также воды. Мѣсяцъ провелъ П. въ Эмсѣ и три недѣли въ Вильдбадѣ, посѣтилъ Штутгардъ, совершилъ путешествіе по Некару. Изъ Парижа посѣтилъ Нормандію—Руанъ, Канъ, Байе, и осмотрѣлъ главнѣйшіе памятники, преимущественно знаменитые Матильдины ковры. На возвратномъ пути осмотрѣлъ Мангеймъ, заѣхалъ въ Ульмъ отдать посѣщеніе Византійцу Тафелю, который пріѣзжалъ къ Погодину въ Эмсъ, чтобъ побесѣдовать о средствахъ для предполагаемаго имъ изданія неизданныхъ Византійцевъ, и возвратился по Дунаю въ Вѣну, а оттуда уже по желѣзной дорогѣ въ Прагу и Варшаву.

Путешествія, *b*) *по Россіи*: 1821—27 г. П. проводилъ по нѣскольку недѣль Орловской губерніи, въ Ливенскомъ уѣздѣ, съ поѣздками въ Елецъ, Задонскъ и пр.; въ 1825 посѣтилъ Новгородъ и Петербургъ, гдѣ кромѣ Карамзина и Круга, о которыхъ см. въ другихъ параграфахъ, засвидѣтельствовалъ свое почтеніе и познакомился съ Жуковскимъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Митр. Евгеніемъ, Востоковымъ, Френомъ, Шмидтомъ, и журналистами; 1826 г. былъ на Нижегородской ярмаркѣ; 1829 г. объѣхалъ Малороссію съ знаменитымъ артистомъ нашимъ М. С. Щепкинымъ — былъ въ Курскѣ, и посѣтилъ извѣстнаго астронома нашего Семенова, съ которымъ познакомился еще прежде, убѣдилъ его написать свою автобіографію, которую, исправивъ, напечаталъ послѣ въ Те-

лескопѣ; въ Харьковѣ, гдѣ осмотрѣлъ Университетъ и познакомился съ Профес. Даниловичемъ (пріятельская связь продолжалась съ нимъ до его кончины), Артемовскимъ-Гулакомъ, Черняевымъ, Криницкимъ; въ Полтавѣ, гдѣ засталъ престарѣлаго Котляревскаго; въ Ромнахъ на ярмаркѣ. — 1835 года, былъ на возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Кіевѣ; посѣщалъ лекціи Гг. Новицкаго, Цыха; осмотрѣлъ съ старымъ товарищемъ своимъ, М. А. Максимовичемъ, тогда Ректоромъ Университета, достопамятности города; поклонился мощамъ преподобнаго Нестора, Свят. Ѳеодосія и Антонія, и имѣлъ счастіе познакомиться съ отцемъ Ректоромъ Иннокентіемъ. — 1836 г. былъ въ Воронежѣ; 1838 г. проѣхалъ отъ Петербурга до Ковно; 1839 г. отъ Бѣлостока, чрезъ Гродно, до Москвы; Вильну обозрѣлъ при помощи Професс. Лобойки; Смоленскъ съ Г. Коссовичемъ; 1841 г. ѣздилъ во Владиміръ, Нижній, Кострому, Вологду, (гдѣ прожилъ долго подъ кровомъ у Преосв. Иннокентія), Кириловъ, Бѣлозерскъ, Весьегонскъ, Бѣжецкъ, Рыбинскъ, осмотрѣнные съ Г. Савваитовымъ, Ярославль, Ростовъ, Переяславль, — съ цѣлію познакомиться вообще съ частію сѣверо-восточной Россіи, какъ наименѣе подверженной чуждому вліянію, и въ частности изслѣдовать мѣсто сраженія съ Монголами на рѣкѣ Сити; 1842 г. на пути въ чужіе краи былъ въ Харьковѣ у Преосв. Иннокентія, въ Кіевѣ. Здѣсь прожилъ нѣсколько времени у Пр. Неволина, осмотрѣлъ въ другой разъ Кіевъ, и познакомился съ новыми Професорами. На возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ по Дунаю изъ Галаца приплылъ въ Одессу, которую осмотрѣлъ подъ руководствомъ Г. Мурзакевича; посѣтилъ опять Преосв. Иннокентія въ Харьковѣ. 1845 г. ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, Симбирскъ, для произнесенія похвальнаго слова Карамзину при открытіи ему памятника, въ Казань, гдѣ познакомился съ Университетомъ и Гг. Професорами — Лобачевскимъ, Симоновымъ, Ковалевскимъ, Казембекомъ, Фогтомъ, Поповымъ, Эверсманомъ, и осмотрѣлъ городъ подъ руководствомъ Г. Иванова. Заѣзжалъ нарочно въ Касимовъ, желая посѣтить одного примѣчательнаго Русскаго человѣка, мѣщанина Гагина, котораго однакожъ не засталъ въ живыхъ; осмотрѣлъ Рязань, Зарайскъ и Коломну; 1846 года ѣздилъ во Влади-

миръ, Суздаль, Ростовъ, Угличь, Колязинъ, — съ цѣлію осмотрѣть древнее сообщеніе между Суздалемъ, Ростовомъ и сѣверными Княжествами, осмотрѣлъ Владиміръ и Суздаль съ Г. Доброхотовымъ; 1852 г. былъ во Владимірѣ и Суздалѣ, и вновь осмотрѣлъ всѣ тамошнія древности; 1853 г. проѣхалъ изъ Варшавы на Брестъ, Бобруйскъ, Слуцкъ, Пропойскъ — до Москвы.

Путевыя записки его отчасти печатались въ Москвитянинѣ, отчасти остаются въ рукописи.

6. *Археологическія собранія.* Археологическія собранія П. начались очень рано. Въ составъ ихъ поступили нѣкоторыя вещи, полученныя еще вскорѣ по окончаніи Университетскаго курса. Изъ перваго путешествія привезено было нѣсколько драгоцѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Первое большое вдругъ количество пріобрѣтено было по случаю полученія (1839 г.) полной Демидовской преміи за изслѣдованіе объ Несторѣ.—П. поручилъ принять слѣдующія деньги Московскому мѣщанину Большакову и купить на оныя на объявленномъ аукціонѣ Лаптева въ Петербургѣ рукописи историческія, особенно постараться о лѣтописи Несторовой, о харатейномъ спискѣ коей распространился тогда слухъ въ Москвѣ. Большаковъ накупилъ ему множество всякихъ рукописей, не только историческихъ, но и прочихъ. Собраніе вдругъ значительно увеличилось. Вскорѣ открылся случай пріобрѣсти нѣкоторыя драгоцѣнныя библіотеки и собранія, одно за другимъ. Имущему дано будетъ и преизбудетъ,—и сокровища полились къ нему рѣкою. Со всякой ярмарки, кои часто посѣщалъ самъ, получалъ по множеству вещей. Особенное счастіе благопріятствовало. Одною изъ причинъ скораго обогащенія было то, что онъ покупалъ не на выборъ, а какъ говорится, на выгребъ, все безъ исключенія, почему продавцы и обращались преимущественно къ нему съ своими находками. Наконецъ иностранные корреспонденты доставляли много весьма важнаго, и въ двадцать послѣднихъ лѣтъ собраніе возрасло до удивительныхъ размѣровъ, такъ что съ одной стороны держать его въ деревянномъ домѣ становилось страшно и непозволительно, а съ другой поддерживать новыми пріобрѣтеніями невозможно.

Предъ поступленіемъ своимъ въ казну, оно состояло изъ слѣдующихъ 27 отдѣльныхъ собраній: I. Автографы Царской Фамиліи. II. Подлинные указы. III. Письма и бумаги государственныхъ сановниковъ прошедшаго столѣтія. IV. Автографы Русскихъ писателей. V. Древнія Рукописи. VI. Старопечатныя Славяно-церковныя книги. VII. Грамоты и акты юридическіе. VIII. Монеты. IX. Иконопись. X. Литейное и чеканное дѣло. XI. Рѣзьба на деревѣ, кости, камни. XII. Золотошвейное искусство. XIII. Кресты. XIV. Церковныя вещи. XV. Древнія печати. XVI. Убранство (серги, кольца, запонки, пуговицы, запястья, ларцы, замки и пр.) XVII. Утварь (ковши, братины, чары, кувшины, блюда, подносы, сосуды, яндовы, подсвѣчники). XVIII. Оружія (мечи, сѣкиры, палицы, бердыши, кольчуги, пищали, ружья). XIX. Вещи изъ кургановъ. XX. Вещи, найденныя въ Чудскихъ копяхъ, принадлеж. Г. И. Спасскому, издателю «Сибирскаго Вѣстника». XXI. Матеріалы для новой Русской Исторіи. XXII. Матеріалы для Исторіи Русской Словесности. XXIII. Бумаги, принадлежавшія нашимъ ученымъ. XXIV. Лубочныя картинки. XXV. Первыя произведенія гравированія со временъ Петра I. XXVI. Портреты примѣчательныхъ Русскихъ людей. XXVII. Литература прошедшаго столѣтія (первыя изданія Русскихъ авторовъ, рѣчи, духовныя слова, учебныя книги и проч.) —

I. Автографы. Между автографами Царской Фамиліи замѣчательны: множество бумагъ и писемъ Императора *Петра* I и *Екатерины* II; письма сестры Іоанна Антоновича изъ заключенія, и проч. (Часть сего отдѣленія представлена была Государю Императору въ 1842 году — шестьсотъ писемъ собственноручныхъ Императрицы Екатерины и Маріи, Императоровъ Павла и Александра и проч.) II. *Подлинные указы* (въ томъ числѣ множество рѣдкихъ). III. *Письма и бумаги государственныхъ сановниковъ.* Между автографами государственныхъ сановниковъ: подорожная, данная Княземъ *Меньшиковымъ* Царевичу Алексѣю Петровичу (Мы, Александръ Меньшиковъ, Князь, и проч.). подъ именемъ Графа Михаилова, бумаги *Головкина*, подписи *Лефорта, Головина,* Князя Якова Ѳед. *Долгорукаго,* черновое письмо К. Вас. Лукича *Долгорукаго* для Императрицы Анны Ивановны, письма *Волынскаго,*

Бироновъ, и проч. (Бумаги, относящіяся до Петрова времени, достались преимущественно изъ наслѣдства Голикова, извѣстнаго описателя дѣяній сего Государя).

Изъ временъ Императрицы Екатерины II и Императора Александра: письма *Румянцева*, *Потемкина*, *Суворова*, *Панина*, *Орлова*, *Зорича*, *Бецкаго*; подлинное, подробное описаніе жизни Князя *Потемкина*, писанное близкимъ лицемъ; подлинныя Записки Кн. Юрія Владиміровича *Долгорукаго*, съ собственноручными поправками; собственноручныя Записки Графа *Ростопчина* о Пруссіи, (печатныя его афишки), письма и бумаги *Сперанскаго*, и проч.

Автографы значительнѣйшихъ лицъ, имѣвшихъ сношеніе съ Россіей: Гетмана Замойскаго, Жолкевскаго, Яна Казимира, Лейбница, Фридриха II, Іосифа II, Лудовика XVIII, Наполеона, Каподистріи.

Изъ автографовъ духовныхъ лицъ — грамоты за подписями *Петра Могилы*, *Іова Борецкаго*, *Гедеона Балабана*, *Сильвестра Коссова*, *Михаила Рагозы*; собственноручное сочиненіе *Симеона Полоцкаго*; подлинный Камень Вѣры *Стефана Яворскаго*; грамота *Св. Димитрія Ростовскаго*; Псалтирь, перевед. *Амвросіемъ* Московскимъ, съ его отмѣтками; письма Митр. Платона, Арсенія Ярославскаго, Гавріила, Амвросія, Евгенія.

IV. *Автографы Русскихъ писателей*. Подносная рукопись *Посошкова*, собственноручная, поднесенная гр. Головину; поправки *Кантемира* въ его сатирахъ; письмо *Тредьяковскаго* о Русскомъ стихосложеніи; Риторика Ломоносова съ замѣчаніями Тредьяковскаго; письма *Ломоносова*; контрактъ *Сумарокова* съ содержателемъ театра; экземпляръ сочиненій *Державина*, посланный имъ съ надписью Суворову; черновой отрывокъ изъ Исторіи *Карамзина*; учебныя тетради *Сперанскаго*; черновой списокъ изобрѣтеній *Кулибина*; письма *Дмитревскаго*, *Княжнина*, *Грибоѣдова*, *Давыдова* (Дениса Васильевича); подлинное собственноручное стихотвореніе *Пушкина*, въ честь Императора Николая, подъ заглавіемъ: Герой; нѣкоторыя стихотворенія *Языкова* и проч.; подлинникъ Мертвыхъ Душъ *Гоголя*; бумаги Штелина, Стриттера, Муравьева (Михаила Никитича), Рихтера, Шишкова, Калайдовича, Ходаковскаго, Сандунова, Гагина.

V. *Собраніе Рукописей.* Въ составъ сего собранія вошли: 1. Библіотека, собранная извѣстнымъ нашимъ археогр. П. М. Строевымъ, въ продолженіи десятилѣтняго путешествія его по Россіи и долговременнаго пребыванія въ Москвѣ. 2. Библіотека почетнаго гражданина *Н. П. Филатова*, который собиралъ рукописи болѣе 20 лѣтъ. 3. Важнѣйшая часть (историческая) библіотеки извѣстнаго любителя и издателя Руководства къ Дипломатіи, *Лаптева*, который собиралъ болѣе 40 лѣтъ. 4. Собраніе рукописей К. Ѳ. *Калайдовича*, доставшееся г. Строеву, а отъ него большею частію перешедшее къ Пог. вмѣстѣ съ его библіотекою. 5. Рукописи Т. Ѳ. Большакова, который уступилъ Погодину до 200 рр. на выборъ изъ своего собранія, а впослѣдствіи доставлялъ, равно какъ и Д. В. Пискаревъ, всѣ имъ попадавшіяся примѣчательности. 6. Собственныя пріобрѣтенія, впродолженіи лѣтъ 25, въ Москвѣ, пріумноженныя посредствомъ многихъ корресподентовъ, на ярмаркахъ и въ разныхъ городахъ—Ростовѣ, Ярославлѣ, Угличѣ, Одоевѣ, Тулѣ, Нижнемъ, Сибири и проч.

Успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія, въ собраніи этихъ драгоцѣнностей, П. обязанъ былъ стеченію многихъ обстоятельствъ — во первыхъ: графъ Николай Петровичь Румянцевъ и графъ Ѳедоръ Андреевичь Толстой возбудили своими щедрыми покупками охоту въ промышленникахъ къ отысканію древностей, но первый вскорѣ скончался, а другой прекратилъ собраніе,—и всѣ наши торговцы начали преимущественно относиться къ П.; во вторыхъ, онъ имѣлъ случай сблизиться со многими почтенными старообрядцами.

Составивъ одно цѣлое изъ всѣхъ исчисленныхъ собраній, П. расположилъ свою библіотеку, какъ бы то сдѣлалъ охотникъ временъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, или Алексѣя Михайловича.

Собраніе рукописей раздѣлялось слѣдующимъ образомъ:

I. *Отдѣленіе.* 1. *Священное Писаніе*: книги Ветхаго Завѣта, (пятикнижіе, псалтирь, пророчества и проч.); книги Новаго Завѣта (Евангелія, апракосы и тетро, благовѣстныя и учительныя, апостолъ, апокалипсисъ),—съ толкованіями и безъ толкованій. 2. *Законодательство*: книги Кормчія, собранія правилъ. 3. *Богослужебныя*: Уставы церковные; Псалтири слѣдованныя,

Минеи общія, мѣсячныя; *Октоихи*; *Тріоди* постныя и цвѣтныя; Паремейники; Стихирари. 4. *Церковно-Историческія*: Святцы; Прологи; Житія святыхъ. 5. *Поучительныя*: Торжественники и Сборники; Слова. 6. *Творенія Святыхъ Отцевъ*: Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина, Симеона Новаго, и проч. 7. *Догматическія*: Богословіе, Сборники Богословскіе, Катихизисы. 8. *Полемическія*: о расколахъ и ересяхъ; пренія, возраженія, сборники.

II. *Отдѣленіе. Рукописи Историческія*: Лѣтописи, Хронографы, Степенныя книги, особыя сказанія, Путешествія, Родословныя, Разрядныя, Сборники. *Юридическія*: Собранія законовъ, Сборники. *Смѣсь*: Общая Исторія, Географія, прочія науки, сказки, и проч.

Въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій главныя сочиненія находились во множествѣ списковъ, напримѣръ: Евангелій (тетро и апракосъ, толковыхъ и благовѣстныхъ) до 100, Псалтирей болѣе 20; Апостоловъ до 15; Кормчихъ до 30; Уставовъ до 28; Псалтирей слѣдованныхъ 12; Ирмологовъ нотныхъ 46; Октоиховъ до 20; Миней мѣсячныхъ 75; Прологовъ болѣе 30; Житій Русскихъ Святыхъ, на собраніе которыхъ обращалъ особенное внимание Г. Строевъ, до 200, какого собранія нѣтъ нигдѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ одной библіотекѣ, ни въ казенной, ни въ частной; Патериковъ Кіевскихъ до 10; также Псковскихъ, Соловецкихъ; Торжественниковъ или Сборниковъ, въ коихъ безпрестанно встрѣчаются древнія Русскія сочиненія, и кои собиралъ особенно П., болѣе 100; Полемическихъ сочиненій о раскольникахъ богатое собраніе. Изъ Святыхъ Отцевъ: Іоанна Лѣствичника 13 списковъ; Ефрема Сирина 7; Исаака Сирина 4; Василія Великаго 8; Григорія Богослова 5; Іоанна Златоустаго 30; Іоанна Экзарха Болгарскаго 9, и т. д.

Въ Историческомъ собраніи — лѣтописей считается 23, Хронографовъ всѣхъ родовъ 47, нѣсколько Степенныхъ книгъ, историческихъ сборниковъ (главнѣйшая часть въ собраніи г. Строева) до 50. Число всѣхъ рукописей положить можно около 2000, т. е. вчетверо, чѣмъ у графа Румянцова

и г. Царскаго, вдвое нежели въ бывшей библіотекѣ у Графа Толстаго. Харатейныхъ между ними полныхъ 50, а съ отрывками 75.

Между рукописями было много единственныхъ или самыхъ рѣдкихъ, напримѣръ: Греческое Евангеліе X-го вѣка харатейное; листы толковой Псалтири, XI вѣка, принадлежавшіе Митрополиту Евгенію и описанные у Кеппена; Евангелія XII, XIII и XIV вѣковъ, харатейныя, съ важными варіантами; Псалтирь харат. XI вѣка съ толкованіями св. Аѳанасія Александрійскаго, важная не менѣе Остромирова Евангелія; Толковой Апостолъ, принадлежавшій Митрополиту Филиппу; Апостолъ Новогородскій XIV вѣка; харат. Псалтирь Греческая принадлежавшая Священнику Сильвестру; Толкованіе на Евангеліе, Св. Григорія Папы Римскаго, наидревнѣйшая рукопись; великолѣпное Евангеліе съ живописными изображеніями 1508 года, писанное съ золотомъ, съ именами всѣхъ мастеровъ; Прологъ Сербскій, XIV вѣка; Прологъ въ огромнѣйшій листъ, харат.; Служебникъ, писанный на Аѳонской горѣ, въ XIII вѣкѣ; другой, писанный у насъ; сокращенная Кормчая, того же времени; Стихирарь съ нотами, XIV вѣка; древнѣйшія Тріоди; избранныя Житія Св. Отцевъ, XIII вѣка; Ефрема Сирина XIII вѣка харат. въ большой листъ; Исаака Сирина харат. XIV вѣка; Никона Черногорца на грубѣйшей тряпичной бумагѣ, вѣроятно, вскорѣ по ея изобрѣтеніи; Торжественникъ XIV вѣка, со словами Климента Словенскаго; отличнѣйшая Палѣя; списокъ Скорининой Библіи, въ коей заключаются всѣ Пророки, неизвѣстный доселѣ въ ученомъ мірѣ, пріобрѣтенный въ Галиціи, въ 1835 году; Житіе Св. Ольги, списано Сильвестромъ, духовникомъ Іоанна Грознаго; Икона, или исторія дѣйствій патріаршескихъ по поводу споровъ, и проч.; современный списокъ Максима Грека; современный списокъ Поморскихъ отвѣтовъ; Малороссійскій лѣтописецъ, подлинный, Самуила Велички, о Гетманскомъ времени, на 800 листахъ, съ грамотами за подписями Польскихъ Королей, важнѣйшихъ сановниковъ и проч.; важный списокъ Судебника съ указами о крестьянахъ, Стоглава; Сочиненіе Посошкова, и проч. Вотъ сколько и какихъ рукописей сохранено было для науки отъ гибели!

VI. *Старопечатныя книги.* Въ собраніи старопечатныхъ книгъ находились произведенія всѣхъ Славяно-церковныхъ типографій: Кракова, Черной Горы, Венеціи, Бѣлграда, Скадара, Брашева, Милешева, Мркшиной церкви, Вильны, Львова, Стрятина, Острога, Кіева, Могилева, Чернигова, Москвы, Монастыря Кутеинскаго, Уневскаго, Евю, Четверни, и проч. Многія изъ нихъ *неизвѣстны библіографамъ.* Собраніе Венеціанскихъ изданій, составляющихъ Европейскія рѣдкости, не имѣетъ подобнаго нигдѣ въ Россіи, и даже въ Европѣ; оно пріобрѣтено во время четырекратнаго путешествія за границу, посредствомъ Славянскихъ корреспондентовъ, чрезъ Гг. Копитара, Шаффарика, Ганку, Вука Стефановича, Зубржицкаго, и проч. Здѣсь единственный экземляръ *Московскаго* Часослова 1565 года, Евангелія отъ Матѳея и Марка на *Русскомъ* языкѣ XVI вѣка, Скоринины Акаѳистникъ и Псалтирь; множество неизвѣстныхъ изданій *Львовскихъ, Виленскихъ,* и пр.

Грамотъ болѣе тысячи: со временъ Романовыхъ полная юридическая коллекція; здѣсь же заключается все собраніе знаменитаго юриста нашего Профессора Сандунова.

Образовъ около 200: между ними образъ Св. Георгія, съ житіемъ, глубочайшей древности, также Св. Бориса и Глѣба, съ Св. Василіемъ, Св. Владиміра вмѣстѣ съ Борисомъ и Глѣбомъ, доставшійся послѣ К. Ѳ. Калайдовича, Греческій Спаситель; большое собраніе образовъ символическихъ; большое собраніе Русскихъ Святыхъ, Русскихъ Богородичныхъ, и пр. — разныхъ школъ.

Монетъ до 2000: сюда поступило извѣстное собраніе *А. А. Медынцева*, обладавшаго Ярославовой монетой, коей единственный экземпляръ извѣстенъ былъ въ собраніи Графа А. И. Мусина-Пушкина, и составлялъ главную его драгоцѣнность; нѣсколько кожаныхъ монетъ, также современныхъ первому періоду Русской Исторіи монетъ Арабскихъ, Византійскихъ, Норманскихъ.

Крестовъ мѣдныхъ до 500, всѣхъ формъ, изъ коихъ многіе принадлежатъ къ глубочайшей древности, еще Византійской. Крестовъ серебряныхъ около 150.

Образовъ мѣдныхъ 400, начиная отъ древнихъ временъ до нынѣшнихъ: между ними около 10 такъ называемыхъ Чер-

никовскихъ гривенъ, съ изображеніемъ зміевъ, и первые типы всѣхъ почти нашихъ священныхъ изображеній.

Шитыхъ 20 (есть съ надписями).

Печатей до 20: между ними печать знаменитаго Митрополита *Кипріана*, современника Димитрію Донскому.

Изъ вещей назовемъ: ножикъ, принадлежавшій Ивану Никитичу Романову, стаканъ Патріарха Филарета, зеркальце Патріарха Никона, тарелку дворцовую изъ села Измайлова.

Изъ примѣчательнѣйшихъ древностей замѣтимъ мраморную доску изъ развалинъ Десятинной Владиміровой церкви въ Кіевѣ; вещи вырываемыя изъ кургановъ; надгробный камень бургомистра Беля, казненнаго въ Москвѣ при Грозномъ; отлично иллюстрированную *азбуку*, времени Царя Алекс. Мих.; просьбу къ нему же въ лицахъ, древнія поминанья, и пр.

Въ собраніе лубочныхъ картинокъ вошли древнѣйшія, собранныя Штелинымъ, также собранныя Г. Снегиревымъ.

Между произведеніями древняго Русскаго гравированія, равно какъ и въ собраніи портретовъ находилось много предметовъ единственныхъ, напр. видъ Измайлова, портретъ неконченный Бирона и пр.

Погодинское древлехранилище удостоилось посѣщенія многихъ Членовъ Царской Фамиліи: Государя Цесаревича и Цесаревны Его Супруги, Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Ольги Николаевны и Ея Супруга, Великой Княгини Екатерины Михаиловны и Ея Супруга, Наслѣднаго Принца Саксенъ-Веймарскаго и Его Супруги.

Древлехранилище было открыто для всѣхъ ученыхъ и любителей, которые пользовались имъ безвозбранно во все продолженіе его существованія, брали рукописи и всякія вещи для употребленія.

Многія казенныя вѣдомства относились къ владѣльцу и получали отъ него рукописи для изданія, справокъ и проч.; напр. Святѣйшій Сvнодъ, Археографическая Коммиссія, Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Кіевская Комиссія и пр. Пользовались и частныя лица: Пр. Шевыревъ, Князь Оболенскій, Гг. Снегиревъ, Строевъ, Пр. Бодянскій, Гг. Бѣляевъ, Ивановъ, Ундольскій, Забѣлинъ, Ровинскій, Пр. Калачевъ и пр.

Въ 1852 г. Государю Императору благоугодно было пріобрѣсть это древлехранилище при посредствѣ Г. Статсъ-Секретаря Барона М. А. Корфа, и оно поступило въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ Эрмитажъ, Арсеналъ и Московскую Оружейную Палату.

Реэстры всѣхъ вещей составлены были извѣстными знатоками, каждымъ по своей части: Г. Бѣляевъ, трудившійся болѣе десяти лѣтъ надъ подробнымъ описаніемъ, составилъ реэстръ рукописей; Г. Забѣлинъ—древнихъ вещей; Г. Ровинскій—гравюръ; Г. Сорокинъ—образовъ; Гг. Большаковъ и Дементьевъ—старопечатныхъ книгъ; Г. Бѣляевъ монетъ; Г. Тихонравовъ—печатныхъ книгъ прошедшаго столѣтія.

Всѣ вещи, по составленіи реэстровъ, были уложены со всевозможнымъ тщаніемъ въ короба, при помощи извѣстныхъ нашихъ антикваріевъ-охотниковъ, Пискарева и Большакова.

Въ назначенный день отправки, отслуженъ былъ напутственный молебенъ, съ молитвою о благополучномъ доставленіи, въ присутствіи всѣхъ Московскихъ Археологовъ, и короба окроплены были святою водою. За обѣдомъ предложены были тосты за здравіе всѣхъ нашихъ собирателей древностей, а потомъ всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ владѣльцу въ собраніи и описаніи.

Вещи въ сопровожденіи И. А. Дмитріева и Т. Ѳ. Большакова были благополучно доставлены, такъ что изъ числа можетъ быть двадцати тысячъ не оказалось поврежденія ни въ единомъ крестикѣ, и сданы по принадлежности.

Начальство Библіотеки, по принятіи рукописей, книгъ, грамотъ, автографовъ, рисунковъ, сдѣлало представленіе Государю Императору, что оно нашло въ собраніи даже болѣе, нежели предполагало по предварительнымъ свѣдѣніямъ, и Государь Императоръ, удостоивъ оное вскорѣ Высочайшаго обозрѣнія, отозвался о немъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ.

Владѣльцу назначено 150 т. руб. сер., съ разсрочкою на десять лѣтъ. На принадлежавшихъ Погодину книгахъ и рукописяхъ повелѣно «во всегдашнюю память о употребленныхъ Погодинымъ на сіе собраніе многолѣтнихъ трудахъ и пожертвованіяхъ, означить наружнымъ на переплетѣ штемпелемъ, что онѣ поступили изъ его собранія.»

Сверхъ того, въ видѣ изъятія изъ общаго правила Публичной Библіотеки, позволено ему брать книги и рукописи для своего употребленія при изслѣдованіяхъ.

Вотъ отзывъ просвѣщеннаго Начальства Библіотеки о семъ пріобрѣтеніи въ отчетѣ за 1851 г. «Въ Іюлѣ прошедшаго года Государю Императору благоугодно было пріобрѣсть у Г. Пог., въ цѣломъ составѣ, принадлежавшее ему Древнехранилище, извѣстное по своей важности не только Россіи, но и всему Славянскому міру, и всѣ находившіяся въ немъ рукописи, печатныя книги и эстампы Высочайше повелѣно передать въ Библіотеку, гдѣ они стали въ числѣ самыхъ важныхъ пріобрѣтеній истекшаго года. Это собраніе пополнило и обогатило въ Библіотекѣ отдѣленія Церковно-славянскихъ и Русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ драгоцѣнными остатками нашей древней письменности, важными и любопытными историческими документами и единственными экземплярами книгопечатнаго искусства соплеменныхъ намъ Славянскихъ странъ и знаменитой нѣкогда, и въ этомъ отношеніи печатными Церковно-славянскими книгами Угравлахіи, Черногорія. При любви къ отечественной старинѣ и при знаніи дѣла, Г. Погодинъ успѣлъ совмѣстить въ своей коллекціи, обильные матеріалы для ученыхъ трудовъ богослова и историка, законовѣдца и археолога, матеріалы, до которыхъ большею частію еще не касалась наука, и которые ожидаютъ дѣятелей для своей разработки.

«Упомянутое, переданное въ Библіотеку, собраніе заключало въ себѣ: 2019 рукописей, въ томъ числѣ 78 писанныхъ на пергаментѣ, (25 отрывковъ изъ разныхъ рукописей) духовнаго содержанія; 589 автографовъ; 1054 грамоты и документа; значительное число матеріаловъ для новой Русской Исторіи и для Исторіи Русской Словесности; 1296 книгъ церковной и гражданской печати, въ числѣ которыхъ находилось 538 церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ, и 45 явившихся въ царствованіе Императора Петра I-го, и 1115 портретовъ и гравюръ.

«Приведенныя выше цифры даютъ достаточное понятіе о многочисленности и богатствѣ сего собранія; въ отношеніи же

къ внутреннему значенію, оно представляетъ весьма много не только наирѣдчайшаго, но и единственнаго въ мірѣ».

На изданіе полнаго каталога, для котораго приготовлено было много матеріаловъ, Погодинъ пожертвовалъ пять тысячь руб. серебромъ. Можно надѣяться, что просвѣщенное Начальство Библіотеки подаритъ вскорѣ отечественную литературу этимъ сочиненіемъ, которое прольетъ новый свѣтъ на нашу Исторію, Исторію церкви, языка, права, просвѣщенія и пр.

7. *Литературныя и ученыя знакомства и связи.* Съ чувствомъ благодарности Погодинъ вспоминаетъ о первыхъ своихъ доброжелателяхъ и покровителяхъ, которые своимъ расположеніемъ и ободреніемъ поддержали его при вступленіи на поприще дѣятельности, и содѣйствовали успѣху первыхъ его опытовъ. Это были:

Профессоръ Геймъ, который своимъ вниманіемъ, совѣтами и нѣжнымъ расположеніемъ освѣщалъ Университетскій его курсъ.

Профессоръ Мерзляковъ покровительствовалъ дальнѣйшему его прохожденію Университетскихъ степеней. П. съ своей стороны убѣдилъ его приступить къ изданію своихъ трудовъ, и Мерзляковъ началъ съ Подражаній и переводовъ съ древнихъ. Скончался М. почти при немъ. Онъ же устроивалъ его погребеніе и сооруженіе памятника отъ имени Студентовъ и любителей Русской Словесности.

Ректоръ Антонскій, замѣтивъ Погодина на экзаменахъ, выразилъ свое желаніе, чтобъ онъ остался при Университетѣ и далъ ему мѣсто въ своемъ Пансіонѣ, которое хотя приносило ему въ то время очень мало, но впослѣдствіи оказало великую пользу для полученія пенсіи. Антонскій употреблялъ съ своей стороны всѣ отъ него зависѣвшія средства для отправленія его въ чужіе краи.

Академикъ Кругъ отзывомъ своимъ о его диссертаціи положилъ первое основаніе его извѣстности въ высшемъ ученомъ мірѣ. Впослѣдствіи старался объ немъ, какъ о своемъ сынѣ, употреблялъ всѣ средства, чтобъ перемѣстить въ Петербургъ, наивнимательнѣйше слѣдилъ за его занятіями, помогалъ совѣтами, и наконецъ за изслѣдованіе о Несторѣ доставилъ Демидовскую премію. Были слухи, что онъ хотѣлъ назначить его своимъ наслѣдникомъ.

Попечитель Писаревъ старался всѣми силами устроить его ученое путешествіе, при второй попыткѣ, представилъ его въ Адъюнкты, безъ малѣйшаго съ его стороны напоминанія, и принялъ въ Историческое Общество, коего былъ Предсѣдателемъ. Въ благодарность Погодинъ посвятилъ ему переводъ изслѣдованій Эверса, котораго печатаніе на счетъ Общества онъ же поддержалъ.

Министру Народнаго Просвѣщенія, *Гр. С. С. Уварову*, обязанъ Погодинъ четырекратнымъ исходатайствованіемъ позволенія путешествовать, и доставленіемъ нѣсколькихъ пособій, содѣйствіемъ изданію Посошкова, весьма для него важному, также и похвальнаго слова Карамзина, наконецъ охраною отъ разныхъ непріятностей по литературѣ. Въ знакъ благодарности Погодинъ посвятилъ ему, по увольненіи его изъ Министерства, первый отрывокъ изъ своей Исторіи: Андрей Боголюбскій.

Литературныя связи. Первое мѣсто между ними занимаетъ Профессоръ *Шевыревъ*, постоянный спутникъ его ученой и литературной жизни съ 1823 года, съ которымъ вмѣстѣ перевелъ Славянскую грамматику Добровскаго съ Латинскаго, втеченіи двухъ недѣль (900 стр.), Страстной и Святой. Вмѣстѣ издавали Уранію и Московскій Вѣстникъ, наконецъ вмѣстѣ начали Москвитянинъ, и впродолженіи тридцати лѣтъ дѣлили всѣ житейскія превратности.

А. Х. Востоковъ принялъ на себя трудъ исправить его переводъ Изслѣдованія Св. Кирилла и Меѳодія, печаталъ подъ своимъ наблюденіемъ переводъ Славянской грамматики Добровскаго, содѣйствовалъ много всѣмъ, чѣмъ могъ, при вступленіи его на историко-филологическое поприще, исполненіемъ ученыхъ просьбъ, равно какъ и *П. И. Кеппенъ*.

Дмитрій Веневитиновъ принималъ живое участіе въ основаніи и первомъ изданіи Московскаго Вѣстника. Погодинъ сблизился съ нимъ тѣсно въ 1826 году, условился съ нимъ перевести вмѣстѣ Геца фонъ-Берлихингена и Эгмонта Гете, приготовилъ къ изданію альманахъ, составленный изъ лучшихъ произведеній иностранной словесности, который хотѣли назвать Гермесомъ. По настоянію П., В. началъ писать письма о

Философіи, для Кн. А. М. Т. Смерть В. въ 1827 г. была первымъ его чувствительнымъ несчастіемъ.

Съ *Пушкинымъ* П. познакомился въ 1826 году и впослѣдствіи сблизился. Пушкинъ принялъ живое участіе въ изданіи имъ Московскаго Вѣстника, и впродолженіи всѣхъ четырехъ лѣтъ доставлялъ свои стихотворенія, начиная съ Бориса Годунова, который прежде всѣхъ появился въ этомъ журналѣ. Всѣ литературные опыты Погодина находили въ Пушкинѣ самаго жаркаго ободрителя: Мароа Посадница, Петръ первый, статьи о Польшѣ. Онъ хлопоталъ очень много о позволеніи выдать ихъ въ свѣтъ. Принявшись за Исторію Петра I-го, онъ просилъ у Государя Императора Погодина къ себѣ въ помощники, на чтò и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Предлагалъ Пог. участіе въ изданіи Политической Газеты, имъ задуманной, и потомъ въ изданіи Современника. Бòльшую часть своихъ сочиненій онъ читалъ ему въ рукописи.

Связь П. съ *Гоголемъ* продолжалась около двадцати пяти лѣтъ, съ перваго вступленія его на поприще.

Въ семействѣ *Аксаковыхъ* онъ находилъ съ 1827 г. радушное и дружеское участіе во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ.

Говоря вообще, впродолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, ему случилось быть въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе близкихъ, почти со всѣми Литераторами, и принимать участіе въ большей части предпріятій этого рода въ Москвѣ.

Нынѣ Погодинъ, кромѣ изданія Москвитянина, занимается продолженіемъ своихъ изслѣдованій и Исторіи.

ПОГОРѢЛЬСКІЙ, Платонъ Николаевичь, Магистръ Математики и Физики, преподававшій Математику съ 1830 года по 1835 включительно, Директоръ Московской 3-й Реальной Гимназіи, Статскій Совѣтникъ, сынъ Польскаго Шляхтича, родился въ 1800 г. Ноября 24-го въ Витебской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Московской Губернской Гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса, поступилъ Студентомъ въ Императорскій Московскій Университетъ и при выпускѣ оттуда, въ 1822 году, удостоенъ степени Кандидата Физико-Математическаго отдѣленія.

Занявши въ томъ же году мѣсто учителя Ариѳметики въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, Погорѣльскій продолжалъ занятія избранной наукой, и въ 1827 г. выдержалъ экзаменъ на степень Магистра Физико-Математическихъ наукъ. Въ 1829 г. изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона онъ перемѣщенъ былъ старшимъ учителемъ Математики и Физики въ Московскую Губернскую Гимназію. Въ томъ же году Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета отправилъ его въ С.Петербургъ для изученія рѣшенія числовыхъ задачъ на счетахъ и, по возвращеніи его оттуда, поручилъ ему преподаваніе въ Университетѣ Аналитической Геометріи и обученіе счисленію на счетахъ, въ 1830 году. Отличаясь въ преподаваніи рѣдкою способностью передавать положенія науки въ простой, ясной, всѣмъ доступной формѣ, обладая въ то же время необыкновеннымъ умѣньемъ поддерживать въ ученикахъ постоянное вниманіе во время уроковъ, Погорѣльскій обратилъ на себя вниманіе Начальства: за отлично-усердную службу по Гимназіи онъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ бриліантовымъ перстнемъ; по засвидѣтельствованію Ординарныхъ Профессоровъ, Павлова и Надеждина, назначенныхъ визитаторами въ Гимназію, Училищный Комитетъ, отъ имени Университета, изъявилъ ему признательность за успѣхи учащихся.

Скоро кругъ его дѣятельности расширился. Продолжая преподаваніе въ Университетѣ и Гимназіи, онъ принялъ мѣсто учителя Математики въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ и въ женскомъ отдѣленіи Александринскаго Сиротскаго Института, гдѣ потомъ преподавалъ и Физику. Успѣхъ и здѣсь сопровождалъ его обученіе, и по службѣ въ Институтѣ онъ Всемилостивѣйше награжденъ золотою табакеркой.

Желая содѣйствовать ходу математическаго ученія способомъ преподаванія болѣе практическимъ, онъ выбралъ учебникъ, соотвѣтствовавшій его взгляду на предметъ, и положилъ его въ основаніе своего преподаванія. То былъ *«Курсъ Чистой Математики»*, составленный по порученію *Беллявена* Профессорами Математики: Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро, и принятый за руководство во Французскихъ военныхъ школахъ. Первыя начала этого курса были имъ переведены на

Русскій языкъ, а потомъ въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣнены и пополнены. Наука въ нихъ такъ отчетливо приспособлена къ Гимназіямъ, что скоро учебникъ былъ принятъ за руководство почти повсюду, и новыя изданія являлись почти каждые два или три года, а одна изъ частей его, именно Алгебра, была предписана въ руководство для Гимназій и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1836 г. П. Н. былъ опредѣленъ Инспекторомъ въ Московскую Губернскую Гимназію. Съ этихъ поръ онъ оставилъ преподаваніе, и съ той же энергіей, которая отличала его, какъ учителя, онъ предался заботамъ воспитанія. По его представленію, въ пансіонахъ, состоявшихъ при Гимназіи, было увеличено число Надзирателей и жалованье имъ: такимъ образомъ не только усиленъ надзоръ за воспитанниками, но Начальство получило и возможность поручать этотъ надзоръ людямъ болѣе образованнымъ, болѣе удовлетворявшимъ труднымъ требованіямъ этой должности. По его же представленію сдѣланы были измѣненія въ курсѣ преподаванія новыхъ языковъ. Въ то время обученіе имъ въ Гимназіи далеко не удовлетворяло потребностямъ общества: оканчивавшіе курсъ выносили изъ Гимназіи свѣдѣнія не болѣе тѣхъ, какія они получали въ древнихъ языкахъ; объ усвоеніи ими живой, разговорной рѣчи никто и не думалъ. Для усиленія этого предмета опредѣлены были два особые учителя, и обученіе Французскому языку разрѣшено было начинать не съ 4-го класса, а съ перваго, какъ было это уже введено въ Гимназіи, преобразованной изъ Университетскаго Пансіона.

Сдѣланъ былъ опытъ и другаго нововведенія по тому же предмету. Извѣстно, что въ домашнемъ воспитаніи часто болѣе всего обращаютъ вниманія на новые языки, такъ что прочіе предметы остаются далеко назади, и при вступленіи въ Гимназію приходится помѣщать приготовленныхъ такимъ образомъ въ низшій классъ, гдѣ по новымъ языкамъ они не подвигаются впередъ, а только повторяютъ старое и даже забываютъ. Для отвращенія этого неудобства были введены въ преподаваніи новыхъ языковъ такъ называемые параллельные классы, при которыхъ ученикъ низшаго класса, приготовлен-

ный въ новыхъ языкахъ дома, могъ быть помѣщаемъ по новымъ языкамъ прямо въ высшее отдѣленіе.

Вообще его усиліями Гимназія какъ бы обновилась, и скоро довѣренность родителей къ заведенію возрасла до такой степени, что въ непродолжительное время его службы въ званіи Инспектора число воспитанниковъ въ обоихъ пансіонахъ, равно какъ и число вольноприходящихъ, больше чѣмъ удвоилось, и три нисшіе класса Гимназіи раздѣлены были каждый на два отдѣленія.

Труды его были достойно оцѣнены Начальствомъ Округа, и когда въ 1839 г. учреждена была въ Москвѣ новая Гимназія — 3-я Реальная, Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ С. Г. Строгановъ самъ представилъ его въ Директоры этого заведенія. Особенная цѣль Гимназіи — преподаваніе въ Москвѣ, какъ центральномъ пунктѣ внутренней промышленности, техническаго курса наукъ * требовала сначала приготовленія самыхъ преподавателей тѣхъ реальныхъ наукъ, которыя не читаются въ Университетахъ; не испрашивая никакого пособія отъ Правительства, Директоръ нашелъ средство отдѣлить изъ экономическихъ суммъ Гимназіи 4000 руб. сереб. на содержаніе 2-хъ Кандидатовъ Московскаго Университета, отправленныхъ имъ для изученія этихъ предметовъ, одного въ С.Петербургъ и Дерптъ, а другаго — въ Германію, Францію и Англію. Изъ тѣхъ же экономическихъ средствъ были пріобрѣтены для библіотеки Гимназіи избранныя сочиненія по всѣмъ преподаваемымъ въ Гимназіи предметамъ. Пособія эти, составленныя по опредѣленному плану, пріобрѣтенныя въ одинъ разъ, представляютъ важное достоинство — современность съ настоящимъ состояніемъ наукъ, достоинство, которое вполнѣ могутъ оцѣнить управляющіе учебными заведеніями и опытные преподаватели, и которое ставитъ библіотеку 3-й Московской Гимназіи выше всѣхъ прочихъ находящихся при другихъ Гимназіяхъ. Собраніе моделей, машинъ, кабинетъ физическій, минералогическій и зоологическій, гербаріумъ, снаряды лабораторіи представляютъ тѣже достоинства.

* Какъ обозначено въ Высочайшемъ Указѣ 29-го Марта 1839 г.

Въ 1841 году управленію Директора Московской 3-й Реальной Гимназіи были подчинены уѣздныя и городскія Начальныя Училища, и тогда открылось новое, широкое поприще для его неутомимой дѣятельности. Въ Начальныхъ Училищахъ получаетъ образованіе бѣднѣйшій классъ народонаселенія Москвы, который не только не имѣетъ средствъ пріобрѣсти для дѣтей всѣ нужныя учебныя пособія, но даже не можетъ постоянно посылать ихъ въ классы и часто отрываетъ отъ занятій, возлагая на нихъ по необходимости разныя домашнія работы; здѣсь ученики, вступая въ училище, не только не приносятъ съ собою никакихъ предварительныхъ знаній, но даже говорятъ языкомъ испорченнымъ, преисполненнымъ словъ и оборотовъ провинціальныхъ, которые вообще употребительны въ низшихъ сословіяхъ; учители, которымъ поручается ихъ обученіе, вышедшіе по большой части изъ среднихъ классовъ Гимназіи, неразвитые еще вполнѣ и сами, не находя возможности приложить здѣсь тѣ методы, по которымъ обучали ихъ, не могутъ вѣрно опредѣлить ни цѣли обученія, ни объема, ни методовъ. Получивъ въ свое завѣдываніе эти училища, П. Н. Погорѣльскій употребилъ всю отличавшую его энергію для отвращенія этихъ затрудненій. Онъ устроилъ при своей Гимназіи практическій классъ для приготовленія учителей, гдѣ имъ указаны были не только цѣль, объемъ и пріемы преподаванія, но и прочитанъ былъ цѣлый курсъ совершенно въ томъ видѣ, какъ онъ долженъ идти въ самыхъ училищахъ; всѣмъ, участвовавшимъ въ этомъ курсѣ, Директоръ сдѣлалъ экзаменъ, заставилъ ихъ дать пробные уроки и достойнѣйшихъ опредѣлилъ учителями. Усердіе Директора было награждено новымъ знакомъ Монаршей милости: ему былъ пожалованъ Орденъ Св. Анны 3-й степени. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, обозрѣвая въ 1850 г. Московскій Учебный Округъ, остался въ такой степени доволенъ устройствомъ этихъ училищъ, что по возвращеніи въ Петербургъ поручилъ Директору тамошнихъ Начальныхъ Училищъ устроить ихъ по образцу Московскихъ и исходатайствовалъ Погорѣльскому Орденъ Св. Анны 2-й степени. Ближайшее Начальство еще прежде отдало ему

должную справедливость по этому управленію. Графъ Строгановъ, оставляя въ 1847 г. управленіе Московскимъ Учебнымъ Округомъ, писалъ Директору Гимназіи: «Устройство 3-й Московской Гимназіи, съ самаго учрежденія порученной вашему управленію, равно какъ настоящее состояніе Уѣздныхъ и Начальныхъ Училищъ, находящихся въ Москвѣ, вполнѣ оправдали тѣ надежды, какія я только могъ имѣть, ввѣряя эти заведенія вашей дѣятельности».

П. Н. оставался Директоромъ Реальной Гимназіи и Московскихъ Начальныхъ Училищъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1852 году Февраля 11-го. Здоровье его начало разстроиваться еще съ 1848 г.; тогда для излѣченія онъ отправился къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Съ тѣхъ поръ онъ не поправлялся совершенно въ здоровьи никогда. Но это не мѣшало ему предаваться съ прежнимъ увлеченіемъ любимымъ занятіямъ по службѣ, заботамъ о Гимназіи, которая была для него всегда исключительнымъ предметомъ мыслей и попеченій. Въ послѣднее время жизни онъ даже управлялъ Гимназіей безъ помощи Инспектора, и только за день предъ смертію сдалъ свою должность. Всѣ дѣла находились въ такомъ порядкѣ, что для сдачи достаточно было нѣсколькихъ часовъ.

Всегда дѣятельный, всегда ревностный и точный исполнитель воли Начальства, онъ былъ взыскателенъ и въ отношеніи своихъ подчиненныхъ. Ученики любили его и глубоко уважали; строгій къ неуспѣвавшимъ, онъ въ тоже время обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ отличить привѣтомъ или лаской хорошаго, и всегда дѣлалъ это такъ во время, что обласканный вспоминалъ о томъ долго по выходѣ изъ Гимназіи. Въ день его похоронъ, 13-го Февраля, былъ довольно сильный морозъ и вѣтеръ, и не смотря на то большая часть Гимназистовъ, большіе и маленькіе сами собой, безъ приказанія со стороны Начальства, пѣшкомъ, съ открытыми головами, сопровождали гробъ его до самаго Алексѣевскаго монастыря, и даже въ полѣ противъ Краснаго пруда, гдѣ по открытости мѣста рѣзкій вѣтеръ сталъ особенно чувствителенъ, можно было только формальнымъ приказаніемъ заставить ихъ накрыться.

Посвятивъ все свое время вначалѣ практической дѣятельности преподавателя, а потомъ отдавшись весь заботамъ по управленію ввѣренными ему заведеніями, Погорѣльскій не издавалъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Кромѣ Курса Чистой Математики, по которому тысячи обучались началамъ Математики, онъ напечаталъ только *«О способахъ опредѣлять удѣльный вѣсъ тѣлъ»* (Москва, 1826 г.), разсужденіе, написанное имъ для полученія степени Магистра. Выводы свои авторъ основывалъ преимущественно на изслѣдованіяхъ Араго и Біота.

Политковскій, Ѳедоръ Герасимовичь, Натуральной Исторіи, Практической Медицины и Химіи Профессоръ, родился въ Малороссіи. Начальное образованіе получилъ въ Черниговской Семинаріи, откуда въ 1774 году, перемѣщенъ въ Гимназію Московскаго Университета; тутъ онъ достигъ званія Студента, и поступилъ въ Медицинскій Факультетъ. По окончаніи полнаго курса, какъ отличный Кандидатъ, Политковскій, съ однимъ изъ своихъ товарищей, Ѳеодосіемъ Курикою*, былъ посланъ въ Лейденскій Университетъ, славившійся въ то время медициною. Занимаясь тутъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, неусыпно и подъ руководствомъ отличныхъ Профессоровъ, онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія, и былъ удостоенъ степени Доктора. Диссертація, написанная имъ для окончательнаго утвержденія въ этой ученой степени, заключала въ себѣ тогдашнія понятія о способѣ образованія гноя (De Pyogenia. Leidae, 1781).

Изъ Лейдена Политковскій отправился въ Парижъ, почитавшійся тогда главнымъ средоточіемъ естествовѣдѣнія, особенно натуральной исторіи, физики и химіи. Эти предметы, по связи съ медициною, были изучаемы имъ и въ Лейденѣ, но ему хотѣлось познакомиться съ ними короче и изъ самаго, такъ сказать, родника. Посѣщая богатѣйшіе Парижскіе музеи и лекціи тогдашнихъ знаменитыхъ Профессоровъ естествовѣдѣнія, онъ въ тоже время посѣщалъ тамошнія клиническія заведенія, гдѣ теорія, при постели больнаго, прямо

---

* См. біогр. Ѳ Курики.

соединялась съ практикою. Парижъ всегда былъ богатъ такими клиниками, и въ нихъ-то молодые врачи почерпали для себя ту опытность, которая составляетъ вѣнецъ практической медицины.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Политковскій въ 1783 году возвратился въ Москву, обогащенный обширными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ естествовѣдѣнія и медицины. Университетское Начальство могло увѣриться въ этомъ по тѣмъ лестнымъ отзывамъ, которые были доставлены Политковскимъ отъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ, съ которыми онъ по своимъ занятіямъ находился въ весьма тѣсныхъ отношеніяхъ.

Въ томъ же году Политковскій былъ назначенъ Преподавателемъ Естественной Исторіи, вмѣстѣ съ его товарищемъ, Ѳеодосіемъ Курикою. Эта каѳедра оставалась праздною по смерти Доктора Сибирскаго. О вступительныхъ лекціяхъ Политковскаго и Курики въ тогдашнихъ Моск. Вѣд. (1784 г. № 27, Апрѣля 3-го) было напечатано: «Посыланные за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ чужіе края на иждивеніи Императорскаго Московскаго Университета для достиженія вящшихъ успѣховъ въ Медицинѣ, Химіи и Исторіи Натуральной Университетскіе питомцы, Медицины Доктора Ѳеодосій Курика и Ѳедоръ Политковскій, по возвращеніи ихъ въ Университетъ назначены преподавать Натуральную Исторію, одинъ для знающихъ Латинскій языкъ на Латинскомъ, а другой для тѣхъ, коимъ сей языкъ неизвѣстенъ, и для постороннихъ, на Русскомъ. Изъ сихъ питомцевъ Ѳедоръ Политковскій Апрѣля 10-го будетъ говорить на Русскомъ языкѣ вступительную рѣчь или введеніе въ Исторію Натуральную, въ большой аудиторіи, въ которой, показавъ пользу науки, планъ преподаванія, по окончаніи будетъ дѣлать опыты надъ разными воздухами съ изъясненіемъ пользы, не преминетъ говорить и о горючемъ*, который подалъ случай къ изобрѣтенію воздушныхъ шаровъ.»

Изъ этого видно, что опыты съ водороднымъ газомъ въ первый разъ въ Московскомъ Университетѣ были произ-

* т. е. о водородномъ газѣ.

ведены Политковскимъ. Онъ ими дебютировалъ на каѳедрѣ Профессора.

Черезъ два года послѣ этого (1785 г.), по случаю смерти Ѳеодосія Курики, Политковскій сдѣлался полнымъ хозяиномъ занимаемой имъ каѳедры, съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора. Въ лекціяхъ Натуральной Исторіи онъ сообразовался съ системою Линнея, и преподаваніе располагалъ такъ, что въ зимніе мѣсяцы проходилъ Минералогію, а въ лѣтніе и въ весенніе Зоологію и Ботанику.

Въ 1788 году Политковскій произведенъ въ Ординарные Профессоры. Спустя еще 4 года (1802 г.), онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру Практической Медицины и Химіи, упразднившуюся по смерти Профессора Семена Герасимовича Зыбелина. Но, при всемъ томъ, Политковскій оставался еще Директоромъ Университетскаго Музея Натуральной Исторіи, и въ 1803 году читалъ публичныя лекціи Естественной Исторіи. Въ одно время съ нимъ читали извѣстные тогдашніе Профессоры, Страховъ — Опытную Физику, Геймъ — Коммерческую науку, и Шлёцеръ — Исторію Европейскихъ Государствъ. Въ *Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія* (№ III, 1803 г. стр. 288. С. Петербургъ.) о публичныхъ лекціяхъ Политковскаго сказано: «Профессоръ Натуральной Исторіи Политковскій будетъ сперва проходить царство животныхъ, а по окончаніи сего приступитъ къ другимъ царствамъ природы, предлагая и объясняя предметы достойные примѣчанія по своей рѣдкости, драгоцѣнности и пользѣ. Для сихъ лекцій открытъ будетъ почтенной публикѣ *Систематическій* Натуральный Кабинетъ, извѣстный во всей Европѣ, и принадлежавшій Княгинѣ Яблоновской, а нынѣ отъ Высочайшихъ щедротъ Всемилостивѣйше дарованный Университету *. Преподаваніе начнется Сентября 7-го дня, и будетъ

---

* По открытіи Университета въ Москвѣ, поступили въ оный отъ разныхъ любителей просвѣщенія подарки книгами и разными предметами натуральной исторіи (см. Біогр. Проф. Керштенса). Такимъ образомъ начали составляться библіотека и музеумъ. Когда средняя часть главнаго зданія Университета была отстроена (въ 1791 г.), тогда библіотека была помѣщена въ правой галлереѣ подлѣ большой аудиторіи, а музеумъ въ лѣвой. Это собраніе предметовъ

продолжаться каждую недѣлю по тѣмъ же днямъ (по понедѣльникамъ отъ 11 до 12 час. утра), кромѣ праздничныхъ.» О самыхъ лекціяхъ современникъ его Карамзинъ отзывается такимъ образомъ (въ 8 т. его сочиненій): «Г. Полит-

---

натуральной исторіи было совсѣмъ необширно въ сравненіи съ тогдашнимъ своимъ помѣщеніемъ. Занимаемая имъ галлерея имѣла въ длину 13 саженей, въ ширину не менѣе 4 саж., а всего 52 квадр. сажени или около того; она были въ два свѣта, въ каждомъ по десяти оконъ, и кругомъ съ хорами на колоннахъ Іоническаго ордена; подъ хорами, по стѣнамъ стояли большіе бѣлые со стеклами шкафы, а по срединѣ галлереи вдоль поставлены были столы, также бѣлые и подъ стеклами. Въ шкафахъ размѣщались чучелы, скелеты, спиртные препараты животныхъ, кораллы и проч.; въ столахъ же были расположены большею частію раковины и нѣсколько минераловъ, и притомъ столь рѣдко, что этотъ излишній просторъ былъ очень замѣтенъ. Блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ Павловичь подарилъ Университету Кабинетъ Натуральной Исторіи, называвшійся *Семятическимъ*, потому что онъ прежде былъ въ имѣніи Князей Яблоновскихъ, именно въ мѣстечкѣ *Семятичахъ*. Кабинетъ былъ купленъ у наслѣдниковъ Князя Яблоновскаго, Воеводы Брацлавскаго, за 50,000 Голландскихъ червонцевъ. 12-го Февраля, 1802 года, состоялось, Высочайшее повелѣніе о пожалованіи сего кабинета Московскому Университету, объявленное Государственнымъ Казначеемъ Графомъ Васильевымъ, Куратору Хераскову, какъ о томъ напечат. въ 18 № Моск. В. 1802 г. Этотъ кабинетъ въ томъ году былъ привезенъ въ Университетъ Евреями на 10 или 12 большихъ крытыхъ четверoccонныхъ брикахъ, и оказался весьма поврежденнымъ, будто бы отъ слишкомъ поспѣшной перевозки и отъ дальней дороги. Съ этимъ кабинетомъ пріѣхалъ въ Университетъ чучельный мастеръ Ришаръ, служившій у Яблоновскихъ, и поступившій въ службу Университета. Въ тоже самое время знаменитый меценатъ, благотворитель отечественнаго образованія, просвѣщеннѣйшій любитель естественныхъ наукъ, ученикъ и другъ славнаго Линнея, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, пожертвовалъ Университету свой богатый кабинетъ Натуральной Исторіи, и, кромѣ того, внесъ въ Сохранную Казну особый капиталъ, съ

ковскій, слѣдуя *Линнеевой* системѣ, проходитъ царства натуры, изъясняетъ ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ Русскомъ, и замѣчая все достойное удивленія какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ суще-

---

коего проценты предоставилъ на содержаніе кабинета и на жалованье особому Профессору Натуральной Исторіи, Высочайше утвержденное въ 5-й день Ноября 1805 года. Каѳедра эта наименована *Демидовскою*. Въ томъ же году занялъ ее пріѣхавшій изъ Германіи Профессоръ Григорій Ивановичъ Фишеръ (см. его Біогр.). Такъ какъ по § 85 Универ. Устава кабинетъ Естественной Исторіи или музеумъ долженъ былъ состоять въ вѣдѣніи Профессора Натуральной Исторіи, то Фишеръ, съ принятіемъ оной каѳедры, принялъ званіе и должность Директора Музеума, и немедленно приступилъ къ приведенію его въ порядокъ. Вскорѣ потомъ Княгиня Екатерина Романовна Дашкова пожертвовала въ пользу Московскаго Университета богатѣйшее въ тогдашнемъ ученомъ свѣтѣ собраніе минераловъ. Такимъ образомъ составился при Университетѣ весьма богатый музеумъ Натуральной Исторіи, и самое лучшее, полнѣйшее собраніе минераловъ, которому тогда во всей Европѣ не было подобнаго. Этотъ музеумъ занялъ подъ собою почти всю лѣвую половину бельэтажа въ главномъ зданіи Университета, по крайней мѣрѣ на пространствѣ 214 кв. саженей. и это было для него тѣсно, такъ что множество минераловъ помѣщалось на хорахъ въ шкафахъ, и въ огромныхъ ящикахъ и въ большихъ кучахъ. И все это безцѣнное, можно сказать, незамѣнимое богатство наукъ естественныхъ, а частію и художественныхъ произведеній, погибло въ 1812 году, Сентября 5-го и 6-го въ среду и четвергъ, отъ пламени, внесеннаго въ Москву Французами и прочими западными Европейцами, всегда гордившимися и великимъ просвѣщеніемъ, и изящною образованностію, и отмѣнною любовію къ наукамъ. Фишеръ изъ всего огромнѣйшаго собранія естественныхъ предметовъ спасъ лишь весьма немногіе дорогіе камни, жемчужины и другія подобныя цѣнныя вещи. Эти остатки послужили основаніемъ новому кабинету, который мало по малу началъ собираться и увеличиваться пожертвованіями благотворительныхъ особъ, Николая Никитича Демидова, Князя Урусова и многихъ другихъ. (Сообщ. П. Ил. Страховымъ).

ствахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой наукѣ природы.» Впрочемъ, о взглядѣ Политковскаго на естественныя науки отчасти можно судить по тѣмъ рѣчамъ, которыя говорилъ онъ при торжественныхъ случаяхъ, именно: 1) *Рѣчь о происхожденіи и о пользѣ Исторіи Натуральной*, 1785 г. Іюня 30-го дня; 2) *Рѣчь о связи Исторіи Натуральной съ Физикою, Химіею и Врачебнымъ Искусствомъ*. 1796 г. Іюня 30-го дня *.

Со времени перемѣщенія Политковскаго на каѳедру практической Медицины, вся дѣятельность его обратилась на этотъ предметъ, и увѣнчалась самымъ счастливымъ успѣхомъ. Онъ

Нынѣшній музеумъ, помножеству заключающихся въ немъ предметовъ, раздѣленъ на два кабинета: *Зоологическій* и *Минералогическій* (большой и малый). Зоологическій помѣщается въ новомъ Университетскомъ домѣ (бывшемъ Пашкова), въ одномъ флигелѣ съ церковью; въ главномъ корпусѣ того же дома въ одной изъ аудиторій помѣщается *малый* или *учебный* Минералогическій кабинетъ, а *большой* занимаетъ бельэтажъ главнаго корпуса въ старомъ Университетскомъ домѣ, по правую сторону большаго актоваго зала, тамъ, гдѣ прежде помѣщался Зоологическій кабинетъ.

Зоологическій кабинетъ въ настоящее время получилъ наибольшее приращеніе отъ присоединенія къ нему богатаго собранія птицъ и другихъ животныхъ, принадлежавшаго прежде Московской Медико-Хирургической Академіи. Минералогическій кабинетъ, заключающій нынѣ болѣе 13 тыс. №№ и множество инструментовъ и моделей, образованъ разными пожертвованіями, отъ частныхъ лицъ, и чрезъ посредство Моск. Общ. Испытателей Природы, а болѣе всего покупкою. Изъ пожертвованныхъ собраній самое замѣчательное Вагнеровское или точнѣе Алексѣевское, т. е. купленное у Вагнера Алексѣевымъ и подаренное Университету. Изъ купленныхъ самое богатое принадлежало нѣкогда извѣстному Германскому минералогу Фрейслебену. Малый кабинетъ купленъ у Лейбъ-Медика Либошица. Со времени послѣдняго преобразованія Университета, для кабинетовъ назначена особая опредѣленная сумма, которая каждогодно и употребляется на ихъ пополненіе.

* См. 2 том. Рѣчей Проф. М. У.

былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Московскихъ практиковъ, и оставилъ по себѣ самую благодарную память во всѣхъ сословіяхъ. Современникъ его, Илья Өедоровичь Тимковскій, говоритъ, что «онъ свои способы лѣченія, противъ многихъ главныхъ возраженій и публикованной діатрибы, примѣнялъ къ личнымъ и мѣстнымъ народнымъ привычкамъ. Практику въ нихъ имѣлъ счастливую, высокую, бѣднымъ всегда благодѣтельную.... Искусствомъ и нравомъ скоро пріобрѣлъ значительное состояніе»*.

Само собою разумѣется, что, обладая такою обширною практическою опытностію, онъ на своихъ лекціяхъ не былъ рабскимъ послѣдователемъ одной какой-либо извѣстной системы, но изъ всѣхъ избиралъ лучшее. Это доказываютъ его собственныя слова. Вотъ какъ писалъ онъ къ любимымъ ученикамъ своимъ, Ризенкѣ и Полетикѣ, о разныхъ системахъ лѣченія: «на всѣ системы совѣтую смотрѣть безпристрастными глазами, коими должны руководствовать разумъ и опытъ. Безмѣнъ разсужденія долженъ быть при васъ. Взвѣшивайте на ономъ всѣ теоріи и дѣлопроизводство другихъ. Сосите медъ и оставляйте ядъ. Впрочемъ молитесь Господу и трудитесь. Онъ есть врачь и душъ и тѣлесъ; помогаетъ и врачамъ и больнымъ. Его только благословеніемъ и врачь счастливъ и больные выздоравливаютъ **.» Дѣйствительно, съ такимъ только душевнымъ направленіемъ можно быть истиннымъ врачемъ. Политковскій понималъ свое назначеніе, и свято сохранилъ его до конца жизни. Какъ жрецъ истины, какъ Профессоръ, онъ имѣлъ еще одно высокое достоинство: никогда не таилъ своихъ ошибокъ. Для остереженія своихъ неопытныхъ слушателей онъ охотно сознавался въ погрѣшностяхъ, которыя почти неизбѣжны на столь трудномъ и скользкомъ пути, какова практическая медицина.

Остальное время отъ своихъ многотрудныхъ занятій, какъ Профессора, Декана и врача-практика, Политковскій посвящалъ на ученые труды, и выдалъ нѣсколько сочиненій для руководства своимъ медицинскимъ слушателямъ, именно:

---

* Москвит. 1851 г. № 9-й.

** Біогр. Политковск. во 2 т. Рѣчей.

1) Перев. книги Писсиса: *Наука сохранять свое здоровье, или руководство къ гигіенѣ*. 1806 г. Въ этомъ переводѣ помогалъ Политковскому товарищъ его по Университету, Профессоръ Снегиревъ. 2) *Краткое обозрѣніе врачебной науки до временъ Куллена*, напечатанное уже послѣ смерти во 2-мъ т. Медико-Физическаго журнала, за 1818 годъ.—3) Оставшійся въ рукописи переводъ съ Французскаго на Латинскій языкъ *Туртеллевой Нозологіи*.*

Политковскій былъ врачемъ въ полномъ значеніи этого слова, даже по самой наружности. Илья Θедоровичь Тимковскій такъ описываетъ его: «Лѣтъ былъ онъ 40, росту высокаго, лица овальнаго и пригожаго, брюнетъ съ живостію, въ крѣпкихъ силахъ, съ рѣчью быстрою, разнотистъ и шутливъ, даже на лекціяхъ и съ больными.... Слушателямъ давалъ собою образецъ».**

Но и это, по видимому, желѣзное здоровье, вслѣдствіе напряженныхъ занятій, къ концу служебнаго поприща видимо начало слабѣть. Удушливый кашель не позволялъ ему читать лекціи. Безсонница до того растроила его силы, что онъ принужденъ былъ прибѣгать къ употребленію опіума, и самъ замѣчалъ въ себѣ зловѣщіе признаки истощенія жизни. Отправляясь въ деревню со своимъ семействомъ, и прощаясь съ однимъ изъ своихъ пріятелей, онъ сказалъ: *«теперь и моя очередь пришла умирать.»* Почувствовавъ себя хуже въ деревнѣ, онъ поѣхалъ въ Москву, и при въѣздѣ въ нее кончилъ жизнь свою, на 56 году отъ рожденія, 13-го Іюня 1809 года.***

Въ теченіе своей многолѣтней службы Политковскій, кромѣ чиновъ, отъ Коллежскаго Ассессора до Статскаго Совѣтника включительно, удостоился получить отъ Государя Императора три бриллiантовыхъ перстня и Орденъ Св. Анны 2-й степени.****

---

* Біогр. Политк. во 2 т. рѣчей.

** Москв. 1851 г. № 9 и 10.

*** Біогр. Политк. въ 2 т. Рѣчей.

**** Тамъ же.

ПОЛУНИНЪ, Алексѣй Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Патологической Анатоміи и Патологической Физіологіи, Докторъ Медицины, Надворный Совѣтникъ, Дѣйствительный Членъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы и Санктпетербургскаго Общества Русскихъ врачей, Дѣйств. Чл. и Секретарь Москов. Физико-Медицин. Общества, родился 19-го Сент. 1820 г., въ городѣ Бѣжецкѣ, гдѣ отецъ его Иванъ Никитичь былъ уѣзднымъ учителемъ. Въ 1827 и 1828 годахъ онъ учился въ Бѣжецкомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1829 году отецъ его былъ переведенъ въ Кострому Штатнымъ Смотрителемъ уѣзднаго училища. Окончивъ курсъ въ семъ послѣднемъ, Алексѣй Ивановичь въ 1830 году поступилъ въ Костромскую Гимназію. Но въ этомъ же году скончался его отецъ отъ эпидемической холеры. Директоръ Костромскихъ училищь, Ю. Н. Бартеневъ, принялъ участіе въ судьбѣ сиротъ покойнаго Штатнаго Смотрителя и посовѣтовалъ вдовѣ отдать дѣтей въ Домъ Призрѣнія Сиротъ, который, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Москвѣ для пріюта осиротѣвшихъ въ теченіе холерной эпидеміи. Вдова съ благодарностію приняла добрый совѣтъ и отдала дѣтей на содержаніе благодѣтельнаго Правительства. Вскорѣ Домъ Призрѣнія Сиротъ былъ переименованъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ и отъ щедроты Августѣйшаго Монарха надѣленъ всѣми средствами для воспитанія дѣтей. Въ этомъ институтѣ было окончено первоначальное воспитаніе Полунина и онъ всегда съ благодарностію воспоминаетъ объ отеческихъ попеченіяхъ Г. Предсѣдателя Московскаго Опекунскаго Совѣта Князя С. М. Голицына, Г. Почетнаго Опекуна Князя С. И. Гагарина, Г. Директора Института В. Н. Шеншина, Г. Инспектора И. И. Давыдова и всѣхъ своихъ наставниковъ, которые принадлежали къ лучшимъ въ столицѣ. Въ Институтѣ неусыпно пеклись о соблюденіи въ чистотѣ нравственности сиротъ; въ немъ были даны всѣ средства пріобрѣсти основательныя познанія въ наукахъ, которыя составляютъ предметъ изученія при первоначальномъ воспитаніи и, кромѣ того, обращаемо было должное вниманіе на изученіе языковъ Русскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго. По окончаніи Институтскаго курса наукъ, въ Августѣ 1837

года, Полунинъ поступилъ, по экзамену, въ Московскій Университетъ Студентомъ Медицинскаго Факультета; въ Университетѣ онъ воспитывался на счетъ Александринскаго Института. Занимаясь по мѣрѣ силъ наукой, онъ постоянно пользовался благосклонностію начальниковъ и наставниковъ. Въ 1840 году, за лучшее сочиненіе, написанное на Латинскомъ языкѣ, на тему: *«о средствахъ открывать присутствіе мышьяка и о противоядіяхъ мышьяка»*, заданную Медицинскимъ Факультетомъ, награжденъ золотою медалью и въ томъ же году во вниманіе къ особенному прилежанію и похвальному поведенію, засвидѣтельствованнымъ Г. Инспекторомъ Студентовъ П. С. Нахимовымъ, получилъ денежное награжденіе отъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Въ Университетѣ были наставниками Полунина: П. М. Терновскій, А. А. Альфонскій, И. И. Давыдовъ, Х. Г. Бунге, А. Л. Ловецкій, М. В. Рихтеръ, П. И. Страховъ, А. Е. Эвеніусъ, А. Г. Фишеръ, И. С. Веселовскій, Н. П. Эйнбродтъ, Р. Г. Гейманъ, Ѳ. И. Иноземцевъ, А. М. Филомаѳитскій, Г. И. Сокольскій, А. О. Арнфельдъ, Г. Е. Щуровскій, С. П. Шевыревъ, Л. С. Севрукъ, А. А. Іовскій, Н. Б. Анке, І. В. Варвинскій, Н. С. Топоровъ, И. Ѳ. Гильдебрандтъ, А. Х. Шмидтъ, И. М. Терновскій. По окончаніи полнаго курса Медицинскихъ наукъ и по выдержаніи экзамена, Алексѣй Ивановичь, 10-го Іюня 1842 года, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта утвержденъ первымъ Лѣкаремъ 1-го отдѣленія (съ отличіемъ). Лѣкарь Полунинъ пожелалъ, для усовершенствованія въ Медицинѣ, побывать за границей — и благодаря ходатайству и доброму мнѣнію Князя Сергія Михайловича Голицына, Гг. Ректора Университета А. А. Альфонскаго, Инспектора Студентовъ П. С. Нахимова, Директора Александринскаго Сиротскаго Института В. Н. Шеншина и Инспектора И. И. Давыдова, по представленію Московскаго Опекунскаго Совѣта, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, отправленъ былъ за границу на казенный счетъ, Августа 1-го 1842 года. За границей, прежде всего, по Высочайшей волѣ Государя Императора, онъ долженъ былъ заняться въ Берлинѣ, и здѣсь въ теченіе 3-хъ семестровъ слушалъ лекціи: Мюллера (Физіологіи, Сравнит. Анатоміи и Патологич.

Анатоміи), Фрорипа (Патологической Анатоміи), Гурльта (Патол. Анатоміи домашнихъ животныхъ), Эренберга, Г. Симона и Ремака (микроскопической Анатоміи), Мичерлиха, Розе и Ф. Симона (Химіи); посѣщалъ клиники: Шёнлейна и Вольфа (болѣзней острыхъ), Ромберга (болѣзней хроническихъ), Клуге (болѣзней венерическихъ), Баре (болѣзней дѣтскихъ), Юнгкена и Диффенбаха (болѣзней хирургическихъ). Въ теченіе трехъ семестровъ онъ успѣлъ воспользоваться уроками извѣстнѣйшихъ Берлинскихъ врачей и средствами, которыя представляетъ для изученія Медицины Берлинъ. Занимаясь клиническою Медициною, онъ всегда имѣлъ въ виду науки, составляющія ея основаніе. Полагая, что первая задача врачу при постелѣ больнаго — опредѣлить патологическія перемѣны въ организмѣ и дать имъ значеніе, и зная, что отъ вѣрнаго рѣшенія этой задачи зависитъ назначеніе лѣченія, соотвѣтствующаго болѣзни, онъ постоянно занимался Патологическою Анатоміею, Патологич. Физіологіею и Патолог. Химіею, которыя излагаютъ болѣзненныя измѣненія въ строеніи, составѣ и отправленіяхъ организма. Желая по возможности усовершенствоваться въ этихъ наукахъ и въ примѣненіи ихъ къ клинической Медицинѣ, онъ просилъ Начальство объ исходатайствованіи позволенія посѣтить Вѣну, Парижъ, Гиссенъ и Лондонъ — и по ходатайству Г. Почетнаго Опекуна Князя Сергія Ивановича Гагарина, по представленію Московскаго Опекунскаго Совѣта, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отправленіе Лѣкаря Полунина въ Вѣну, Парижъ, Гиссенъ, Лондонъ и другіе города. — Въ Вѣнѣ онъ занимался преимущественно Патологическою Анатоміею подъ руководствомъ Рокитанскаго, Энгеля, Длоги и Лаутнера. Кромѣ того, здѣсь онъ посѣщалъ Клиники Шкоды, Гебры, пользовался акушерскими уроками Хіари и др. Въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи: Ришара (Медицинской Ботаники), Гаварре (Медицинской Физики), Орфила (Неорганической Химіи, примѣненной къ Медицинѣ, и Токсикологіи), Дюма (Органич. Химіи, примѣненной къ Медицинѣ, и Фармаціи), Крювелье и Барта (Патол. Анатоміи), Андраля (Общей Патологіи и Терапіи); Казо (Акушерства) и др.; посѣщалъ Клиники: Шомеля, Бульо, Ростана, Вельпо, Жандрена, Рикора, Жибера, Казенава и др. Въ Гиссенѣ онъ

занимался Химіей, подъ руководствомъ Либига. Въ Лондонѣ осмотрѣлъ анатомо-патологическіе кабинеты и больницы. — Въ Январѣ 1847 года кончился срокъ путешествію, и Полунинъ возвратился въ Москву, вполнѣ цѣня великія благодѣянія Правительства, которое содержало его въ теченіе 16-ти лѣтъ и давало ему всѣ средства для подготовленія на службу Государству. По пріѣздѣ въ Москву, онъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ былъ опредѣленъ на вакансію младшаго Медика въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, а въ Сентябрѣ—Исправляющимъ должность Адъюнкта въ терапевтическомъ отдѣленіи Госпитальной Клиники Московскаго Университета. На послѣднее мѣсто онъ былъ предложенъ въ Медицинскомъ Факультетѣ Ординарнымъ Профессоромъ І. В. Варвинскимъ; по представленію Факультета избранъ въ Совѣтѣ и, вслѣдствіе представленія Е. С. Г. Попечителя Графа С. Г. Строганова, утвержденъ Е. С. Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ С. С. Уваровымъ.—Занявъ мѣсто Клиническаго Адъюнкта, онъ долженъ былъ отказаться отъ должности младшаго Медика въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, — и потому въ Декабрѣ того же года, по прошенію, уволенъ.—Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1847 года Полунинъ поступилъ въ Клинику и въ этомъ же мѣсяцѣ началась въ Москвѣ эпидемическая холера. Онъ принялся горячо за изученіе этой болѣзни, проводилъ нѣсколько часовъ въ больницѣ утромъ и вечеромъ, помогая Директору Клиники въ лѣченіи больныхъ и въ руководствѣ Студентовъ; по предписанію Г. Попечителя, дежурилъ наравнѣ съ ассистентами; умершихъ отъ холеры и другихъ болѣзней вскрывалъ и заставлялъ подъ своимъ руководствомъ снимать рисунки съ замѣчательнѣйшихъ препаратовъ *. Какъ плодъ этихъ занятій, въ Февралѣ 1848 года явилось въ свѣтъ *разсужденіе о холерѣ*, основанное преимущественно на наблюденіяхъ, собранныхъ въ эпидемію 1847 года, въ терапевтическомъ отдѣленіи Госпитальной Клиники. По надлежащемъ испытаніи въ Медицинскомъ Факультетѣ и по защищеніи диссертаціи о холерѣ, Полунинъ утвержденъ въ степени Доктора Медицины, 25-го Апрѣля 1848 года. Положенія разсужденія о хо-

* Эти рисунки хранятся въ Патологич. Кабинетѣ при Госп. Клиникѣ.

лерѣ подтверждены позднѣйшими наблюденіями какъ автора разсужденія, такъ и другихъ изслѣдователей. Разсужденіе переведено на Нѣмецкій языкъ и издано въ Лейпцигѣ. — Полунинъ исправлялъ должность Адъюнкта въ терапевтическомъ отдѣленіи Госпитальной Клиники въ теченіе двухъ академическихъ годовъ. Онъ раздѣлялъ труды Профессора при утреннихъ визитахъ и ежедневно, вмѣстѣ со Студентами, обходилъ больныхъ въ вечернее время. Руководя Студентовъ въ распознаваніи болѣзней, онъ училъ открывать анатомическія, химическія и физіологическія измѣненія въ организмѣ и давать имъ значеніе, показывалъ взаимную связь и зависимость этихъ измѣненій, равно какъ и зависимость ихъ отъ причинъ производящихъ; руководя Студентовъ при лѣченіи, онъ старался научить ихъ дѣйствовать отчетливо, сознательно.— По смерти Ординарнаго Профессора Филомаѳитскаго поручено исправляющему должность Адъюнкта Полунину, сверхъ занятій по Клиникѣ, чтеніе Физіологіи больнаго человѣка (22 Января 1849 г.).—19-го Мая 1849 г., по представленію Г. Попечителя Д. П. Голохвастова, Полун. утвержденъ Г. Министромъ Графомъ С. С. Уваровымъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора Патологической Анатоміи и Патологической Физіологіи. 11-го Сентября 1853 г., по избранію Университетскаго Совѣта и представленію Г. Попечителя В. И. Назимова, утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора, по занимаемой каѳедрѣ, Г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія Авраамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ.

Преподаваніе Патологической Анатоміи Полунинъ раздѣляетъ на теоретическое и практическое.

а) *Преподаваніе Патологической Анатоміи теоретическое.* Профессоръ читаетъ общую и частную Патологическую Анатомію въ системѣ, руководствуясь преимущественно сочиненіями Рокитанскаго, Крювелье, Энгеля, Фогеля, Вирхова, Бокка и собственными наблюденіями. Излагая измѣненія въ физическихъ свойствахъ органовъ и соковъ человѣческаго тѣла, онъ обращаетъ вниманіе на развитіе этихъ измѣненій, на связь ихъ съ уклоненіями въ химическомъ составѣ и отправленіяхъ и на то, какъ, при благопріятныхъ условіяхъ, соки и органы изъ состоянія ненормальнаго переходятъ въ нормальное. Онъ

постоянно имѣетъ въ виду примѣненіе Патологической Анатоміи къ діагностикѣ болѣзней и къ Терапіи.

b) *Преподаваніе Патологической Анатоміи практическое.* Студенты 5-го курса, по очереди, вскрываютъ умершихъ въ Госпитальной Клиникѣ и описываютъ найденное при вскрытіи. До начала изслѣдованія трупа повторяется исторія болѣзни умершаго. Самое изслѣдованіе производится въ слѣдующемъ порядкѣ: а) наружный осмотръ; b) вскрытіе полостей: 1) черепа, 2) груди, 3) живота. Кромѣ сихъ полостей, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣзненныя явленія подозрѣваются въ другихъ частяхъ тѣла, изслѣдуются и сіи послѣднія. На соки и вообще на такъ называемыя жидкія части организма обращается такое же вниманіе, какъ и на твердыя. Профессоръ указываетъ явленія, не замѣченныя Студентомъ или неправильно обозначенныя, останавливается на явленіяхъ, Студентамъ неизвѣстныхъ, и объясняетъ оныя. Онъ не ограничивается опредѣленіемъ причины смерти, а по окончаніи изслѣдованія трупа, отдѣляетъ явленія существенныя отъ менѣе важныхъ и показываетъ ихъ отношеніе между собою; сравниваетъ припадки, замѣченные у больнаго, съ анатомическими измѣненіями, открытыми въ трупѣ, и указываетъ ихъ связь; разсуждаетъ со Студентомъ о данномъ болѣзненномъ процессѣ въ цѣлости. Такимъ образомъ Патолог. Анатомія преподается въ связи съ Клиническою Патологіею.

Въ теченіе академическаго года Студенты изучаютъ на трупахъ всѣ важнѣйшія анатомическія измѣненія. Для поясненія изложеннаго о рѣдкихъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ, Профессоръ показываетъ анатомическіе препараты, хранящіеся въ Университетскихъ собраніяхъ, и рисунки. Для поясненія нѣкоторыхъ важныхъ Патологическихъ процессовъ, по указанію Профес., Прозекторъ производитъ опыты на животныхъ.

А. И. Полунинъ постоянно обращаетъ вниманіе Студентовъ на тончайшія измѣненія въ строеніи, открываемыя микроскопомъ, и упражняетъ ихъ въ производствѣ микроскопическихъ изслѣдованій.

Преподаваніе Патологической Физіологіи. Профессоръ Полунинъ излагаетъ общія понятія о болѣзни и Патологіи и обозрѣваетъ исторически ученіе о болѣзни; за тѣмъ преподаетъ общее ученіе объ измѣненіяхъ въ строеніи, составѣ и от-

правленіяхъ человѣческаго тѣла; показываетъ причины этихъ болѣзненныхъ явленій и въ заключеніе предлагаетъ ученіе о болѣзни какъ цѣломъ, о путяхъ ея распространенія въ организмѣ, о ходѣ болѣзни, ея распознаваніи и о болѣзненныхъ процессахъ. При изложеніи предмета онъ руководствуется преимущественно сочиненіями Рокитанскаго, Андраля, Энгеля, Вирхова, Бокка, Генле, Вундерлиха, Шомеля, Шульца, Будге и собственными наблюденіями. Въ теченіе курса постоянно показываетъ анатомо-патологическіе препараты и рисунки Патологической Гистологіи. Равномѣрно обращаетъ вниманіе на важнѣйшіе способы опредѣленія химическихъ измѣненій въ органахъ и сокахъ нашего тѣла.

Кромѣ того, по порученію Начальства, съ Февраля 1850 года Полунинъ читаетъ Общую Терапію вмѣсто Г. Декана Медицинскаго Факультета Н. Б. Анке.

Онъ преподаетъ Патологическую Анатомію ежедневно Студентамъ 9-го и 10-го полугодій, Патологическую Физіологію ежедневно Студентамъ 4-го полугодія и Общую Терапію 2 раза въ недѣлю Студентамъ 6-го полугодія.

Въ 1849 г. Полунинъ избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго Физико-Медицинскаго Общества и съ 1850 года состоитъ Секретаремъ онаго. Въ 1852 году получилъ дипломъ на званіе Дѣйствительнаго Члена отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, а въ 1853 г. отъ Санктпетербургскаго Общества Русскихъ Врачей.

Въ 1850 году, за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ, объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Князя Платона Александровича Ширинскаго - Шихматова. Въ 1853 г. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству произведенъ въ Надворные Совѣтники, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ съ 16-го Февраля 1852 г.

Въ теченіе холерныхъ эпидемій 1853 и 1854 г. Профессоръ Полунинъ, кромѣ занятій по службѣ Университетской, исполнялъ еще слѣдующія порученія: въ теченіе эпидеміи 1853 года, по приказанію Е. С. Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Графа Арсенія Андреевича Закревскаго, вскрывалъ трупы умершихъ отъ холеры въ анатомическихъ

холерныхъ отдѣленіяхъ, которыя были учреждены, по Высочайшему повелѣнію, въ Покровскихъ казармахъ и въ Военномъ Госпиталѣ; въ теченіе эпидеміи 1854 года, тоже по назначенію Его Сіятельства (вслѣдствіе представленія Г. Медицинскаго Инспектора больницъ гражданскаго вѣдомства въ Москвѣ, А. И. Овера и Г. Штадтъ-Физика И. В. Правдина) завѣдывалъ въ качествѣ Главнаго Доктора временною холерною больницею, бывшею въ Пятницкой части, на большой Ордынкѣ.

Полунинъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) *Отчетъ о преподаваніи Медицины въ Берлинѣ и Вѣнѣ* (Въ Запискахъ по части Врачебныхъ Наукъ, 1845, кн. 2 и 3).—2) *Отчетъ о состояніи Медицинской части въ Парижѣ и Лондонѣ* (Въ №№ 102, 103 и 104 Моск. Вѣд. 1848 г.).—3) *О человѣкѣ и его отношеніяхъ къ природѣ.* (Въ Запискахъ по части Врачебн. Наукъ, 1847, кн. 1).—4) *Крупозное выпотѣніе въ эпидемической холерѣ на слизистой оболочкѣ кишечной и въ другихъ тканяхъ.* (Эта статья написана Г. Полунинымъ вмѣстѣ съ Г. Профессоромъ І. В. Варвинскимъ. (напеч. въ Моск. Врач. Журналѣ 1847 г.).—5) *Разсужденіе о холерѣ, основанное преимущественно на наблюденіяхъ, собранныхъ въ терапевтическомъ отдѣленіи Госпитальной Клиники Московскаго Университета.* — Это сочиненіе переведено на Нѣмецкій языкъ: Abhandlung über die Cholera, vorzüglich auf Beobachtungen gegründet, die in der therapeutischen Hospital-Klinik der Kaiserlich-russischen Universität zu Moskau in den Jahren 1847 und 1848 gemacht wurden. Von Al. Polunin. Leipzig. 1849.— 6) *Отвѣтъ на разборъ разсужденія о холерѣ*, написанный Г. Блюменталемъ. 1848. 7) *Введеніе въ Патологію* (въ Москвит. 1849 г.). 8) *Объ отношеніи Медицины къ наукамъ естественнымъ; о современномъ направленіи Патологіи; о назначеніи ученыхъ медицинскихъ обществъ; о цѣли и направленіи Московскаго Физико-Медицинскаго общества.* Рѣчь, произнесенная 8-го Января 1851 года въ публичномъ засѣданіи Московскаго Физико-Медицинскаго общества (въ Москов. Врачебн. Журналѣ 1851 года). — 9) *Отчетъ объ изслѣдованіи умершихъ въ Госпитальной Клиникѣ Университета* (Въ Моск. Врачебн. Журн. 1851 года).—10) *О тифѣ* (Въ Моск. Врач. Журн. 1851 г.). — 11) *О крови здороваго и больнаго человѣка*

(Въ Москов. Врач. Журн. 1851 г.). — 12) *Разборъ сочиненія Г. Доктора фонъ-Гюббенета, подъ заглавіемъ: «наблюденія надъ холерною эпидеміею въ Кіевскомъ Военномъ Госпиталѣ, въ 1848 году»* (Въ Москов. Врач. Журн. 1851 г.). — 13) *Переводъ сочиненія Шкоды: «о постукиваніи и выслушиваніи, какъ о средствахъ распознавать болѣзни».* 1852. — 14) *Quaedam de prima hominis educatione.* Oratio, quam in solemnibus anniversariis Universitatis Caesareae Mosquensis, die XII mensis Ianuarii MDCCCLII, habuit Al. Polunin. — 15) *Рѣчь о первоначальномъ воспитаніи человѣка,* произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 12-го Января 1852 года. — 16) *Замѣчанія на счетъ прививанія венерическаго яда.* (Москов. Врач. Журн. 1851 г.) — 17) *Замѣчанія о воспаленіи* (Москов. Врач. Журн. 1852 г.)— 18) *Объ отношеніяхъ Анатоміи, Физіологіи, Патологіи, Терапіи и Медицинской практики.* Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Московскаго Физико-Медицинскаго общества, 19-го Января 1853 года. (Въ Москов. Врач. Журн. 1853 г.).—19) *Замѣчанія объ анатомо-патологическихъ измѣненіяхъ, которыя были находимы при изслѣдованіи труповъ умершихъ отъ холеры въ теченіе эпидеміи 1853 года.* (Моск. Врач. Журн. 1853 г.).—20) *О способахъ лѣченія, которые были предложены въ разныя времена, и о борьбѣ между современными врачами эмпириками и врачами раціональными.* Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Московскаго Физико-Медицинскаго общества, 25-го Января 1854 г. (Моск. Врач. Журн. 1854 г.) — 21) *Отвѣтъ на статью: «нѣсколько словъ въ защиту гомеопатіи.»* — 22) *Отвѣтъ на статью Г. Гезена: «нѣсколько словъ о гомеопатіи.»*—23) *Некрологъ Ординарнаго Профессора А. М. Филомаѳитскаго.*—24) *Некрологъ П. С. Нахимова.* — 25) *Некрологъ Адъюнкта А. И. Кикина.* — 26) *Протоколы засѣданій* Физико-Медицинскаго Общества, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ (за 1850, 1851, 1852, 1853, 1854 годы). 27) *Переводы многихъ иностранныхъ статей, заключающихъ описанія важнѣйшихъ открытій и изслѣдованій въ области Медицины, съ собственными замѣчаніями.*

Съ 1851 года Полунинъ издаетъ *Московскій Врачебный Жур-*

налъ. Съ 1852 года печатаетъ при Московскомъ Врачебномъ Журналѣ *Патологію* и *Терапію*. Общая Патологія и Терапія будутъ предметомъ самостоятельнаго труда Полунина. Статьи для частной Патологіи и Терапіи частію переведены, частію переработаны изъ сочиненій Канштатта, Вундерлиха, Рокитанскаго, Вирхова и др. Въ основаніе принятъ учебникъ Канштатта; Профессоръ Полунинъ измѣняетъ и дополняетъ его соотвѣтственно современному состоянію науки и собственному на нее воззрѣнію. Нѣкоторыя статьи частной Патологіи и Терапіи оригинальныя самого издателя. До сихъ поръ изданы 2 и 3 томы Патологіи и Терапіи.

ПОЛЬ, Андрей Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Хирургическаго Отдѣленія Госпитальной Клиники, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины и Хирургіи, Академикъ, Почетный Членъ Медицинскаго Совѣта и Орденовъ: Св. Анны 2-й степени Императорскою Короною украшеннаго, Св. Станислава 3-й степени и Св. Владиміра 3-й степени Кавалеръ, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, Старшій Врачь Екатерининской больницы, первый Членъ Конторы оной, Членъ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ, Членъ и бывшій Секретарь Физико-Медицинскаго Общества, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Членъ Общества Испытателей Природы и нѣкоторыхъ другихъ, вѣроисповѣданія Римско-Католическаго, сынъ иностранца Прусской націи, родился 1794 года Февраля 8-го дня, въ С.-Петербургѣ.

Первоначальное воспитаніе получилъ сперва въ частныхъ заведеніяхъ, а потомъ въ Нѣмецкой Петропавловской школѣ, въ С.-Петербургѣ. По выходѣ изъ этого заведенія, опредѣлился въ 1809 г., по желанію своего родителя, въ контору Датскаго Консула, купца Нимaнна въ Кронштадтѣ, гдѣ и пробылъ полтора года; но, не чувствуя никакого призванія къ коммерческимъ дѣламъ, по совѣту своего брата, обучавшагося въ то время Медицинѣ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, поступилъ въ это заведеніе и черезъ 4 года, кончивъ курсъ ученія, былъ выпущенъ, 1-го Сентября 1815 года, Лѣкаремъ 2-го Отдѣленія. Находясь въ Академіи,

имѣлъ счастіе пользоваться особенною благосклонностію знаменитаго нашего Хирурга покойнаго Профессора и Академика Ивана Ѳедоровича Буша, которому и обязанъ первоначальными свѣдѣніями въ теоретической и оперативной Хирургіи. По выходѣ изъ Академіи, въ томъ же 1815 году, поступилъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ практическомъ дѣлѣ въ С.Петербургск. Обуховскую Больницу сверхштатнымъ Ординаторомъ или волонтеромъ. Здѣсь съ особенною любовію занимался оперативною Хирургіею подъ руководствомъ Др. Лерха (управлявшаго впослѣдствіи съ необыкновеннымъ успѣхомъ Глазною Больницею въ качествѣ Директора), который своими дружескими бесѣдами много содѣйствовалъ медицинскому его образованію. По его предложенію, Поль былъ избранъ въ Дѣйствительные члены Медицинскаго Общества, получившаго впослѣдствіи оффиціальное значеніе и по сіе время извѣстнаго подъ именемъ Медицинскаго Общества Нѣмецкихъ врачей. Онъ имѣлъ счастіе пользоваться благосклоннымъ къ себѣ расположеніемъ извѣстныхъ тогда С.-Петербургскихъ врачей и въ особенности Штофрегена, бывшаго Лейбъ-Медикомъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, по рекомендаціи котораго поступилъ домовымъ врачемъ къ тогдашнему Министру Просвѣщенія Графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому. Вскорѣ представился ему случай побывать въ чужихъ краяхъ: по рекомендаціи Лейбъ-Медика Штофрегена, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михаилъ Ивановичь Полетика пригласилъ его ѣхать съ нимъ за границу на два года, дабы въ теченіи этого времени наблюдать за здоровьемъ его и двухъ его сыновей, на что̀ Поль тѣмъ охотнѣе согласился, что Михаилъ Ивановичь, предпринимая это путешествіе, имѣлъ въ виду не только здоровье своихъ дѣтей, но и окончательное ихъ образованіе. По этому случаю былъ уволенъ изъ Обуховской Больницы съ полученіемъ аттестата, въ 1817 г. 1-го Марта. Въ два года заграничной жизни посѣщалъ знаменитѣйшія учебныя заведенія и университеты Европы: въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Неаполѣ и др. городахъ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1819 г. Іюля 10 дня, опредѣлился врачемъ къ Княгинѣ Татьянѣ Васильевнѣ Голицыной, отправлявшейся съ своимъ супругомъ во Владиміръ на Клязьмѣ и съ

тѣхъ поръ въ теченіи 25 лѣтъ пользовался довѣріемъ и расположеніемъ этого во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшаго семейства. Въ слѣдующемъ 1820 году, вмѣстѣ съ Княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ, назначеннымъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ Москву, прибылъ въ эту столицу и въ томъ же году, 20-го Іюля, по законномъ испытаніи въ Московскомъ Отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, удостоенъ степени Доктора Медицины. Около этого времени скончался Старшій Врачь Екатерининской Больницы Ѳедоръ Ивановичь Граве, мѣсто котораго Кн. Дмитрій Владиміровичъ предложилъ Полю; въ этой должности онъ и былъ утвержденъ въ 1820 г. 11-го Августа. Ближе познакомившись съ заведеніемъ, Поль нашелъ его въ большомъ запущеніи, а потому счелъ обязанностію указать на эти недостатки, чтò и изложилъ въ запискѣ своей: Sur l'état actuel de l'hôpital de Catherine à Moscou, читанной имъ въ началѣ 1821 года въ торжественномъ собраніи Физико-Медицинскаго Общества. Князь Дмитрій Владиміровичь, удостоившій это засѣданіе своимъ посѣщеніемъ, по выслушаніи статьи Поля, немедленно принялъ мѣры для приведенія въ должное устройство больницы, сколько то допускало ветхое ея строеніе. Въ томъ же 1821 г. 30-го Ноября, за отличное усердіе къ службѣ по больницѣ, Поль Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени. — Былъ въ то же время избранъ въ Члены Московскаго Общества Испытателей Природы. — Въ 1824 г., по предписанію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, былъ Членомъ Комиссіи для изслѣдованія причинъ и для прекращенія возникшей на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ болѣзни между находившимися тамъ рабочими, принадлежавшими къ вѣдомству Комиссіи сооруженія храма Христа Спасителя, и въ томъ же году, Декабря 24-го, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, былъ откомандированъ въ Тверскую губернію, для освидѣтельствованія на мѣстахъ свойствъ болѣзней въ имѣніяхъ, въ кои тѣ рабочіе возвратились. — Въ слѣдующемъ году, 19-го Маія, за отличное усердіе къ службѣ Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени. Приближенность Поля къ Генералъ-

Губернатору давала ему возможность часто говорить съ нимъ о настоящемъ положеніи Екатерининской Больницы, зданіе которой замѣтно приходило въ ветхость, и просить его о постройкѣ новой, каменной. Г. Генералъ-Губернаторъ, равно заботливый о великолѣпіи и благосостояніи столицы, не могъ оставить безъ вниманія тѣхъ великолѣпныхъ и огромныхъ зданій, которыя, оставаясь послѣ общаго пожара въ 1812 г. неотстроенными, безпрестанно напоминали своимъ запустѣніемъ о прошедшемъ грустномъ времени, и потому желалъ, чтобы эти домы были по возможности обращаемы въ публичныя благотворительныя заведенія. Изъ числа таковыхъ домъ Князя Гагарина у Петровскихъ Воротъ всего болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ Екатерининской Больницы. Высочайше утвержденный Комитетъ, въ числѣ Членовъ котораго находился и Поль, занимался постройкою новой больницы по плану архитектора Бовѐ, что̀ и было окончено въ Сентябрѣ 1832 года, и тогда же больные переведены въ новое зданіе. Другой болѣе важный недостатокъ Екатерининской Больницы состоялъ въ томъ, что Хирургія и въ особенности Оперативная не имѣла въ ней достойнаго представителя. Операцію камнесѣченія еще не такъ давно передъ этимъ производилъ имѣвшій на то привилегію мѣщанинъ Венедиктовъ; а по смерти его, въ теченіи долгаго времени, никѣмъ въ Больницѣ она не производилась. Желая вывести Больницу изъ такого безпомощнаго состоянія въ болѣзни народной и поставить ее на ряду съ другими подобными заведеніями, Поль съ усердіемъ самъ занялся Оперативною Хирургіею, тѣмъ болѣе, что онъ и прежде чувствовалъ къ этой наукѣ сильное призваніе. Съ того времени онъ самъ производилъ почти всѣ случавшіяся въ Больницѣ операціи, число которыхъ, особенно операцій каменной болѣзни, въ скоромъ времени до того увеличилось, что онъ могъ уже собрать значительный запасъ чрезвычайно интересныхъ наблюденій, результатъ которыхъ и былъ имъ представленъ письменно въ Конференцію Московскаго Отдѣленія Медико-Хирургической Академіи въ 1825 г., и въ томъ же году, 21-го Апрѣля, по законномъ испытаніи и защищеніи диссертаціи, Поль удостоенъ степени Доктора Медицины и Хирургіи. Нѣкоторыя изъ совершенныхъ имъ съ счастливымъ успѣхомъ операцій едва ли не были произве-

дены въ первый разъ въ Москвѣ: такова между прочимъ литотрипсія по способу Сивіаля, перевязываніе наружной подвздошной артеріи, вырѣзываніе нижней челюсти, операція дробленія камня по способу Барона Гёртлу (Heurteloup), которая всегда обращала на себя главнѣйшее его вниманіе, особенно съ того времени, какъ знаменитый изобрѣтатель нынѣ принятаго всѣми способа литотрипсіи, прибывъ по Высочайшему приглашенію въ нашу столицу (въ 1837 г.), въ ряду лекцій, читанныхъ публично въ зданіи бывшей Медико-Хирургической Академіи, высказалъ сущность своего способа, а равно доказалъ его великую пользу человѣчеству, предпринявъ надъ однимъ больнымъ камнедробленіе, — операцію, которую самъ онъ не успѣлъ окончить и которая была окончена съ счастливымъ успѣхомъ Полемъ. Съ того времени, Поль, оставивъ способъ Сивіаля, съ большею ревностью предался изученію этого новаго метода и, въ короткое время достигнувъ результатовъ самыхъ удовлетворительныхъ, избавилъ многихъ страдальцевъ отъ опасностей кровавой операціи—литотоміи. Такимъ образомъ, со времени поступленія Поля въ Екатерининскую Больницу, было произведено имъ, а частію его Ординаторами и Студентами, до 1300 операцій камнесѣченія и болѣе 100 камнедробленій.

Труды Поля по части оперативной Хирургіи всегда возбуждали живое сочувствіе въ Московскихъ врачахъ и въ особенности въ знаменитыхъ нашихъ Хирургахъ Г. Я. Высотскомъ и А. И. Оверѣ, дружбою которыхъ Поль постоянно пользовался въ теченіи всей практической своей дѣятельности. Можно сказать, что сильное призваніе къ Хирургіи сдружило его съ Оверомъ такъ, что дѣятельность ихъ какъ бы слилась въ одно: ни тотъ, ни другой, обыкновенно не приступали къ какой-либо важной операціи безъ взаимнаго совѣщанія, или взаимнаго содѣйствія. Эта дѣятельность Поля на поприщѣ Хирургіи не замедлила поставить Екатерининскую Больницу на ряду съ другими лучшими больничными заведеніями столицы и снискала къ ней въ публикѣ довѣріе, которое еще болѣе возрасло со времени учрежденія въ ней Клиники сперва Медико-Хирургической Академіи, а потомъ Императорскаго

Московскаго Университета. Утвержденію этого довѣрія много содѣйствовали съ своей стороны Ординаторы больницы усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей, особенно Старшій Ординаторъ Поповъ, который, находясь постоянно при Полѣ въ качествѣ его Адъюнкта, развилъ въ себѣ, подъ его руководствомъ, замѣчательный талантъ отличнаго оператора, талантъ, вполнѣ оцѣненный уже ученымъ сословіемъ врачей и публикою.

Въ 1828 году, Поль содѣйствовалъ къ прекращенію эпидемическаго тифа между арестантами Московскаго Тюремнаго Замка; а въ 1830 году, во время свирѣпствовавшей холеры, имѣлъ въ завѣдываніи три отдѣленія холерныхъ, изъ коихъ одно помѣщалось въ Екатерининской больницѣ, другое въ 1-й и третье въ 3-й Мѣщанской, и былъ Членомъ Комитета для принятія надлежащихъ мѣръ къ предохраненію отъ холеры и ея прекращенію, и за участіе во всѣхъ этихъ мѣрахъ удостоился получить Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе; а въ слѣдующемъ году за отличное усердіе къ службѣ пожалованъ Кавалеромъ Св. Анны 2-й степени Императорскою Короною украшенной. Сверхъ того, имѣлъ въ теченіи двухъ лѣтъ подъ вѣдѣніемъ своимъ Больницы Тюремнаго замка и былъ Чл. Комитета, Высочайше учрежденнаго для постройки Московской Градской Больницы.—Въ 1833 г., по предложенію Президента Медико-Хирургической Академіи Якова Васильевича Вилліе, былъ опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ Хирургической Клиники въ Московскомъ Отдѣленіи Академіи; около того же времени, съ согласія Высшаго Начальства, перевелъ Хирургическую, равно какъ и Терапевтическую Клиники, изъ зданія Академіи въ Екатерининскую Больницу, отъ чего Клиники, получивъ большій размѣръ, дали болѣе средствъ для практическихъ запятій обучающагося юношества. Этою Клиникою, занимавшею нѣсколько обширныхъ палатъ въ больницѣ, Академія пользовалась до самаго своего закрытія въ 1845 году. — Въ 1834 г., Іюля 11-го, внесенъ въ дворянскую родословную Московской Губерніи книгу и получилъ о дворянствѣ своемъ грамоту. Въ 1835 г. Іюля 14-го, пожалованъ орденомъ Св. Ста-

нислава 3-й степени и въ томъ же году, Февраля 21-го, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ. Въ 1836 г. Августа 22-го, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ 1837 г. избранъ въ Почетные Члены Медицинскаго Совѣта; въ слѣдующемъ году, Іюля 4-го, пожалованъ за отличное усердіе къ службѣ Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, а въ 1839 г., Февраля 21-го, произведенъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ. Въ 1843 г. 22-го Маія, утвержденъ въ званіи Академика при Московской Медико-Хирургической Академіи и въ томъ же году за свыше 20-ти лѣтнюю усердную и безпорочную службу, сверхъ получаемаго по службѣ жалованья, ассигнована ему къ производству половинная часть онаго. Въ 1843 г., Августа 22-го, получилъ знакъ отличія за XX лѣтъ, а въ слѣдующемъ году, Сентября 26-го, Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Его Величества Имени.

Съ закрытіемъ Академіи, уволенъ наравнѣ съ прочими Профессорами отъ службы при оной, 1845 г. Августа 1-го, при чемъ объявлена ему признательность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за труды по преподаванію и выданъ въ единовременное пособіе полугодовой окладъ. Съ преобразованіемъ Медицинскаго Факультета Императорскаго Московскаго Университета, когда вся Екатерининская Больница была обращена въ Клинику, вторично былъ утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Ординарнымъ Профессоромъ Хирургическаго Отдѣленія оной Клиники, въ 1846 г. Іюня 18-го, каковую должность исполняетъ и понынѣ. Въ 1847 году, 31-го Августа, произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, а въ 1850 г., Августа 22-го, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

Какъ преподаватель Хирургической Клиники, Профессоръ Поль всегда оставался вѣренъ своему воззрѣнію на способъ преподаванія. Считая важнѣйшею цѣлію клиническихъ занятій Студентовъ пріобрѣтеніе практическаго навыка (такта), Пр. Поль всегда старался давать молодымъ практикантамъ

болѣе свободы и самостоятельности во всѣхъ ихъ врачебныхъ дѣйствіяхъ; разумѣя ихъ врачами порученнаго имъ числа больныхъ, возлагалъ на нихъ обязанность самимъ лѣчить больныхъ, вести рядъ наблюденій какъ за ходомъ болѣзни, такъ и надъ дѣйствіемъ употребленныхъ средствъ, — а самъ имѣлъ въ виду только, чтобы всѣ дѣйствія молодыхъ практикантовъ были сообразны съ правилами науки и искусства. Онъ обращалъ ихъ особенное вниманіе на то, какъ одна и таже болѣзнь, при разныхъ индивидуальныхъ условіяхъ, принимаетъ различныя видоизмѣненія и оттѣнки и какъ въ слѣдствіе этого должно измѣняться и самое лѣченіе; а съ другой стороны, какъ различныя болѣзни, подъ вліяніемъ какихъ либо общихъ эпидемическихъ, эндемическихъ и др. условій, получаютъ нѣкоторое сходство между собою, а потому и лѣчимы могутъ быть средствами болѣе или менѣе сходными. Въ клиническихъ преподаваніяхъ этого рода онъ всегда соблюдалъ форму фрагментарную, находя неумѣстнымъ читать систематическія лекціи о какой-нибудь болѣзни, тѣмъ болѣе, что лекціи такого рода входятъ въ составъ теоретическихъ преподаваній, отнюдь не принадлежащихъ къ сферѣ Госпитальной Клиники. Другую важнѣйшую цѣль Хирургическаго Отдѣленія Госпитальной Клиники онъ полагалъ въ томъ, чтобы образовать не только теоретическихъ Хирурговъ, но и хорошихъ операторовъ, и потому употреблялъ всѣ мѣры къ пробужденію въ молодыхъ врачахъ любви къ этому важному искусству, давая имъ всѣ средства къ развитію ихъ способностей, всегда допускалъ ихъ къ произведенію операцій, не только относящихся къ малой Хирургіи, но и болѣе важныхъ, каковы: отнятіе членовъ, литотоміи и др., разумѣется, по предварительномъ строгомъ испытаніи ихъ способностей къ предпринимаемому дѣлу на трупахъ и всегда подъ личнымъ своимъ надзоромъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 8 лѣтъ существованія Госпитальной Клиники, произведены были молодыми практикантами 104 важныя операціи, изъ которыхъ 39 операцій камнесѣченія.

Сочиненія Поля суть слѣдующія: 1) Dissertatio inauguralis medico-practica de rubefacientium et vesicantium, ac prae-

cipue de cantharidum externo usu. Mosquae. 1820; 2) Commentatio de tumore lymphatico. Mosquae. 1824; 3) *Перевязываніе наружной подвздошной артеріи*, въ № 1-мъ 15-й части 1830 года Военно-Медицинскаго Журнала, издаваемаго Медицинскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства; 4) *Краткое описаніе холеры; наставленіе какъ лѣчить эту болѣзнь; какія мѣры нужно брать во время ея свирѣпствованія и правила для народа, какъ себя предохранять отъ оной*, имѣвшее два изданія: 1-е въ 1830 г. и 2-е въ 1847 г. и переведенное Др. Маркусомъ на Нѣмецкій языкъ подъ названіемъ: Ueber die Cholera oder Brech-Ruhr und deren Behandlung und Verhütung für Nicht-Aerzte. Moskwa, 1831; 5) Ueber Lithotritie bei Kindern; 6) Kurze Uebersicht der Leistungen der chirurgischen Klinik an der hiesigen medico-chirurgischen Academie für das academische Jahr 18$\frac{4}{4}\frac{3}{4}$ im Auszuge mitgetheilt; 7) Zwei Fälle von Elephantiasis der männlichen Geschlechtstheile: три послѣднія статьи помѣщены въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde. Leipzig, 1845 года, изданныхъ Д-рами Блюменталемъ, Анке и Левестамомъ. 8) *Мясокостная опухоль половины нижней челюсти, вылущенной изъ сочлененія* — во 2-й книжкѣ 1843 года Записокъ по части врачебныхъ наукъ, издаваемыхъ при Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. 9) *Пузырчатая или гидатидная опухоль надъ брюшиною* — во 2-й книжкѣ 1847 года Московскаго Врачебнаго Журнала, издаваемаго практическими врачами. 10) *Вырѣзываніе всего тѣла и большей части правой вѣтви нижней челюсти*—въ 4-й книжкѣ того же журнала 1847 года.

ПОПОВСКІЙ, Николай Никитичъ, Ординарный Профессоръ Элоквенціи и Магистръ Философіи. — Годъ и число рожденія Поповскаго неизвѣстны. Судя потому что онъ скончался въ 1760 году, на 30 году отъ рожденія, по показанію его біографовъ, должно полагать, что онъ родился въ 1730 г. Приготовительное образованіе, по всему вѣроятію, онъ получилъ въ духовныхъ училищахъ того времени, какъ говоритъ Митрополитъ Евгеній; потомъ, какъ даровитый ученикъ, былъ

переведенъ въ Академію Наукъ. Но Студентамъ Русскимъ, по свидѣтельству Ломоносова, въ Академіи не счастливилось. «Съ начала Академіи Наукъ отъ 1725 года по 1733 годъ ни единаго Россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у Профессоровъ слушалъ.... Взяты изъ Москвы въ Академію изъ Спасскихъ школъ въ 1736 году 12 человѣкъ, изъ которыхъ Ломоносовъ и Виноградовъ посланы для наукъ за море.» — «Набранные изъ синодальныхъ школъ, изъ Спасской, Новгородской и Невской студенты 1748 года ни единаго не чинятъ Академіи преимущества предъ набранными прежде новаго штата въ 1732 и 1736 годахъ. Для всѣхъ лекціи только на время начинались, и безъ продолженія прекратились, всѣхъ происхожденіе и произведеніе есть равное.»

Въ числѣ новобранцевъ 1748 года былъ, конечно, и Поповскій. Онъ, по своему призванію и наклонностямъ, былъ счастливѣе другихъ, потому что имѣлъ наставникомъ Ломоносова. Въ доношеніи своемъ отъ 1751 года въ Канцелярію Академіи наукъ Ломоносовъ говоритъ: «Кромѣ тѣхъ упражненій, которыя въ лабораторіи почти всегда моего присутствія требуютъ, и кромѣ академическихъ конференцій, положена почти на меня одного должность Профессора Поэзіи и Краснорѣчія Россійскаго, къ чему я всегда готовъ быть долженъ.» Въ этомъ самомъ году, какъ мы положительно знаемъ, Поповскій слушалъ лекціи Ломоносова. Вотъ что̀ сей послѣдній пишетъ въ своемъ рапортѣ, представленномъ Шувалову въ 1757 году, о своихъ занятіяхъ Словесными науками въ 1751: «Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ Россійскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ Профессоромъ (т. е. въ 1757 году); диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще.»

Видно уроки геніальнаго наставника пали на добрую почву. Въ томъ же 1751 году Маія 8-го Ломоносовъ послалъ Шувалову Эклогу Поповскаго въ стихахъ: *Зима*, и такъ выражался объ ней въ письмѣ къ нему:

«Дай Боже, чтобы прежестокая минувшая зимы стужа, и тяжелый продолжительныя весны холодъ награжденъ былъ прекраснаго лѣта пріятною теплотою. А чтобы въ оныхъ дняхъ

ясность и тихость еще показалась вамъ пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время. Но какъ лѣто и зима вдругъ быть не могутъ, чтобы вы сличивъ одно съ другимъ, при строгости и скучномъ видѣ одново, могли яснѣе видѣть и выше почесть другова красоту, нѣжность и пріятность, для того имѣю честь прислать вамъ зиму стихотворную въ еклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни единаго слова, но какову онъ прошедшей зимы далъ, такъ вамъ и вручить честь имѣю.»

Ломоносовъ продолжалъ слѣдить всѣ первые стихотворные опыты Поповскаго и старался своимъ вліяніемъ у Шувалова открыть ему дорогу на мѣста высшія. Вотъ что̀ писалъ онъ объ немъ въ 1753 году:

«Получивъ отъ студента Поповскаго переводъ перваго письма Попіева Опыта о человѣкѣ, не могу преминуть чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, который бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто Ректорское въ Гимназіи, послѣ Ректора Ратгаккера, которое онъ весьма способно управлять можетъ, зная Латинской языкъ совершенно, и притомъ изрядно разумѣя Греческой, Французской и Нѣмецкой; а о искусствѣ въ Россійскомъ сей примѣръ объ немъ свидѣтельствуетъ. Для того и Профессоръ Фишеръ, который самъ былъ долго Ректоромъ, весьма его къ сей должности одобряетъ; Ш. (д. б. Шумахеръ) хотя кажетъ видъ, что тоже хочетъ дѣлать, однако отнюдь вѣрить нельзя, и больше, чаю, противное сдѣлать намѣренъ.»

Въ 1754 году Поповскій, какъ видно, докончилъ весь переводъ дидактической поэмы Попе. Ломоносовъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ Шувалову отъ 28 Марта: «Господинъ Поповской свой переводъ всѣхъ стиховъ Попіевыхъ, нѣсколько еще исправленныхъ, сегодня черезъ меня въ канцелярію для посылки къ Его Сіятельству отдалъ.» Не смотря на настояніе Ломоносова, видно, что Поповскій Ректорскаго мѣста при Академической Гимназіи не получилъ. Онъ былъ въ 1754 г. Конректоромъ Гимназіи при Академіи Наукъ, какъ это видно изъ

заглавія на первомъ изданіи его перевода: «Переведено съ Французскаго языка Академіи Наукъ Конректоромъ Николаемъ Поповскимъ 1754 года.» Къ тому же году относится торжественная ода его на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, напечатанная при Академіи Наукъ.

Въ 1755 году, при основаніи Университета, Поповскій присоединенъ былъ къ числу его членовъ и при начатіи философическихъ лекцій говорилъ вступительную Рѣчь, которая была напечатана въ ежемѣсячныхъ Академическихъ сочиненіяхъ въ Августѣ мѣсяцѣ. Въ первой половинѣ рѣчи Профессоръ представляетъ иносказательно Философію точнѣйшимъ изображеніемъ чуднаго и великолѣпнаго храма всей вселенной. Отношеніе Философіи къ прочимъ наукамъ онъ такъ опредѣляетъ: «Отъ нея зависятъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ.... Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависитъ. Подобно какъ Архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самые искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ.» — Такъ правильно разумѣлъ Поповскій отношеніе Философіи къ другимъ наукамъ. Нравственное ея назначеніе понималъ онъ такъ, что Философія должна преимущественно дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ къ Богопознанію изслѣдованіемъ самихъ законовъ и явленій естества.

Во второй половинѣ своей Рѣчи Профессоръ сильно нападаетъ на то, что Философія употребляетъ только одинъ Латинскій языкъ. Въ этомъ и главное препятствіе къ изученію науки и ограниченность средствъ къ выраженію всего богатаго ея содержанія. Съ чувствомъ ѣдкаго сарказма говоритъ онъ противъ этихъ предразсудковъ своего времени, съ которыми смѣло боролся. «Кто хочетъ научиться Философіи, тотъ долженъ искать стараго Рима, или яснѣе сказать, долженъ

пять, или больше лѣтъ употребить на изученіе Латинскаго языка. Какой тяжелой доступъ! но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много Латинской языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже Римлянъ разговоръ довольно наскучилъ. Она весьма соболѣзнуетъ, что при первомъ свиданіи никто полезнѣйшими ея совѣтами наслаждаться не можетъ. Дѣти ея Ариѳметика, Геометрія, Механика, Астрономія и прочія съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ Римскимъ языкомъ, который можетъ быть и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя ея подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны. Въ семъ случаѣ всего досаднѣе то, что прочимъ наукамъ, изъ которыхъ иныя и не всякому могутъ быть полезны, всякой человѣкъ на своемъ языкѣ обучиться можетъ: напротивъ того у Философіи, которая предписываетъ общіе пути и средства всему человѣческому благополучію, никто не можетъ потребовать совѣта, когда не научится по-Латинѣ.»

Исполненный вѣры въ великое умственное назначеніе Отечества и извѣдавъ опытомъ силы языка роднаго, Поповскій, первый въ Московскомъ Университетѣ, призывалъ науку наукъ выражаться по-Русски. Выпишемъ изъ Рѣчи его то мѣсто, гдѣ съ особенною силою высказана эта мысль. «Вѣкъ Философіи не кончился съ Римомъ; она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великой стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ Латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ Греками, изъ Греціи переманили ее Римляне; она Римской языкъ переняла весьма въ короткое время, и несмѣтною красотой разсуждала по Римски, какъ не задолго прежде по-Гречески. Не можемъ ли и мы ожидать подобнаго успѣха въ Философіи, какой получили Римляне?..... Чтожъ касается до изобилія Россійскаго языка, въ томъ передъ нами Римляне похвалиться

не могутъ. *Нѣтъ такой мысли, кою бы по-Россійски изъяснить было не возможно.* Чтожъ до особливыхъ надлежащихъ къ Философіи словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ словá Греческія, у коихъ взяли Философію, переводили по-Римски, а коихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ тожъ и мы учинить можемъ.... И такъ съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ Философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изо всей Россіи, или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый Россійской языкъ разумѣющій могъ удобно ею пользоваться.»

«*Нѣтъ такой мысли, кою-бы по-Россійски изъяснить было не возможно.*» Вотъ словà, которыя золотыми буквами можно бы было вырѣзать на памятникѣ Поповскому! Вся сила ихъ и значеніе понятны быть могутъ тогда только, когда представимъ себѣ положеніе наукъ въ половинѣ XVIII вѣка и господство Латинскаго языка въ ученой Германіи, откуда по преимуществу мы заимствовали познанія. Въ 1754 году, за годъ до основанія нашего Университета, славный ученый Эрнести въ своей рѣчи: De philosophia populari, на тему изъ словъ Дидерота: Hâtons nous de rendre la Philosophie populaire! доказывалъ, что Философія и на Латинскомъ изящномъ языкѣ можетъ сдѣлаться народною и что нѣтъ никакого различія въ томъ, излагать ли ее по-Латинѣ или на своемъ родномъ языкѣ (latinis, vel suis cujusque vernaculis literis, nihil enim interest). — Гейнекцій въ своей Риторикѣ о правилахъ слога такъ выражался: Quis enim esset dicendi modus melior, quam ut latine, ut concinne, ut ornate, et ad id quodcunque agetur, apte congruenterque dicamus?

Въ слѣдующемъ 1756 году Поповскій говорилъ торжественную Рѣчь Апрѣля 26-го, въ день коронованія Императрицы Елисаветы Петровны. Въ описаніи добродѣтелей Государыни онъ подражалъ учителю своему Ломоносову. Въ день общаго всенароднаго ликованія вспоминаетъ онъ, по прошествіи перваго года, объ началѣ Университета, и указываетъ на истинную цѣль его. «Попеченіе нашея Монархини о истинномъ ученіи соединено непосредственно

съ промысломъ о впереніи въ насъ добродѣтели, честныя совѣсти и неповинности, которая, по свидѣтельству премудрѣйшихъ мужей, ни бранею, ни бѣдами, ни болѣзнями не возмущается.... Несказанное веселіе видѣть гражданъ ко всякому званію, ко всякой должности способныхъ, понятныхъ и искусныхъ, которымъ всякое дѣло Монархъ надежно повѣрить и поручить можетъ, не имѣетъ нужды заимствовать отъ другихъ странъ разумныхъ художниковъ, мужей ученыхъ къ удовольствованію Своего народа необходимо потребныхъ.» Въ заключеніи рѣчи Профессоръ пророчественно предрекаетъ великое будущее новому учрежденію: «Наши дѣти, внуки и ихъ правнуки имѣютъ готовое великія сея милости участіе.... Безчисленныя тысячи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... О! какую радость, какое ощущаемъ мы веселіе, возбуждаемы надеждою, что увидимъ вожделѣнные плоды сего новонасажденнаго винограда; что дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего премудрою Государынею учрежденнаго мѣста произойдутъ судіи правду отъ клеветы отдѣляющіе; полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе; когда напослѣдокъ сему прозорливостію нашей Государыни основанному и щедротою ободренному мѣсту Россія одолжена будетъ внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ благосостояніемъ.» Къ тому же дню, 26-го Апрѣля 1756 года Поповскій напечаталъ отъ имени Университета оду, въ которой говорилъ, какъ младенчествующія науки готовы слабымъ языкомъ и нетвердымъ словомъ принесть благодареніе Монархинѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 10-го Маія, 1756 года, въ пятницу (№ 5), было напечатано: «Сегодня въ 11 часу поутру въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ при собраніи Магистровъ, Учителей и учениковъ въ Канцеляріи онаго Университета объявленъ Магистръ Николай Поповскій при томъ же Университетѣ Профессоромъ Краснорѣчія.»

Въ томъ же 1756 году Поповскій сочинилъ Письмо въ стихахъ къ Ивану Ивановичу Шувалову: *о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества.* Оно напечатано было уже по смерти Поповскаго въ первомъ изданіи Живописца Новикова на

1772 годъ. Письмо написано Александрійскими стихами, съ большимъ одушевленіемъ, и сильнымъ Русскимъ языкомъ. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ дидактическихъ посланій Ломоносовскаго періода. Исчисливъ разные роды славы суетной, Авторъ устремляется на тотъ родъ славы, который избранъ Шуваловымъ: любовь къ наукамъ и приложеніе ихъ къ воспитанію Русскому.

Ты къ славѣ, Меценатъ, надежный путь избралъ,
Что Мусы возлюбилъ, что зрѣть ихъ предпріялъ:
Обычаямъ худымъ, растлѣнной нашей волѣ
Чѣмъ можно пособить, и чѣмъ исправить болѣ?
Сіе осталося едино врачевство,
Душевный исцѣлить недугъ и естество.
Прошли тѣ времена, прошли златые вѣки,
Какъ разумомъ простымъ водимы человѣки,
Не вѣдая наукъ, незлобіе блюли,
И отъ неправдъ себя, какъ яда, берегли.

Далѣе указываетъ Авторъ на идеалъ семейнаго воспитанія и на пороки, которые чаще въ немъ встрѣчаются: отсюда самъ собою яснѣетъ подвигъ, предпринятый Шуваловымъ пособить родителямъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзкими дѣлами,
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты деньгами обклавшися дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидишь немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ;
Когда ихъ, образомъ, тѣснишь, безчеловѣчнымъ:
То сынъ твой будетъ ли, то зря, мягкосердечнымъ?
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякой часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ, и въ словѣ былъ бы вѣренъ?

За тоже ремесло, за кое и отецъ,
Принается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смышляетъ какъ взять втрое:
Смѣкаетъ какъ продать за цѣлое гнилое.
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ,
И заразивъ отцовъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.
. . . .
Сіе родителей о дѣтяхъ небреженье,
Чрезъ собственное ты объ оныхъ попеченье,
Стараешься теперь исправить, Меценатъ!
Единъ ты обще всѣхъ пріялъ въ опеку чадъ,
Представивъ мудрый твой совѣтъ Петровой Дщери:
Въ Минервинъ храмъ отверзъ Россійскимъ дѣтямъ двери.
И случай подалъ имъ свой разумъ просвѣщать:
Познаніемъ наукъ себя обогащать.
Безсмертная твоя къ отечеству заслуга
Не увядетъ, пока земнаго станетъ круга.
Не на тщеславіи основана она,
На пользѣ истинной людей утверждена.

Въ 1757 году напечатанъ былъ при Московскомъ Университетѣ переводъ поэмы Попе, доконченный Поповскимъ въ 1754 году. Видно, что Шуваловъ высоко цѣнилъ этотъ трудъ и слѣдовалъ въ этомъ мнѣнію Ломоносова. Въ числѣ первыхъ книгъ, которыя напечатаны были при вновь учрежденной Университетской типографіи, вмѣстѣ съ Сочиненіями Ломоносова, печатаемъ былъ одновременно и переводъ Поповскаго. Шуваловъ бдительно слѣдилъ за ходомъ изданія. Конференція и ея ассессоры неутомимо его о томъ увѣдомляли и посылали къ нему корректурные листы. Сvнодальная цензура не пропускала нѣкоторыхъ мѣстъ въ переводѣ и замѣнила ихъ своими стихами, которые измѣняли смыслъ подлинника, а кромѣ того нарушалась правильность размѣра и ударенiй. Шуваловъ требовалъ, чтобы Поповскій исправилъ стихи, согласивъ смыслъ съ измѣненіями цензуры; но Поповскій, нашедъ это труднымъ, стихи, измѣненные ею, напечаталъ въ изданіи 1757 года шрифтомъ крупнѣе того, которымъ напечатанъ весь

текстъ. Переводъ дожилъ скоро до другаго изданія, но по смерти переводчика, и потому измѣненія въ стихахъ остались тѣже. Шуваловъ заботился также о гравированныхъ доскахъ для перевода. Тиснуты были гравюры въ Сѵнодальной типографіи, потому что Университетская становъ не имѣла. Даже печатаніе остановилось однажды за тѣмъ, что типографія нуждалась въ буквѣ *иже* съ краткою. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ сохранилась рукопись перевода Поповскаго безъ всякихъ измѣненій, вѣроятно списанная съ его подлинной.

Въ предисловіи къ переводу Поповскій сознается, что, не зная Англійскаго языка, переводилъ съ Французскаго перевода; что нѣкоторыя мѣста самаго перевода были ему невразумительны и что онъ переводилъ ихъ на удачу; что не будучи Богословомъ, не могъ усмотрѣть, есть ли гдѣ несходства съ нашею Религіею; что желая быть не критикомъ, а переводчикомъ, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, поправлять не имѣлъ никакого права.

Переводъ Поповскаго возбуждалъ живое сочувствіе въ его современникахъ. Мы уже знаемъ мнѣнія Ломоносова и Шувалова. Новиковъ въ біографіи Поповскаго такъ выразился объ этомъ переводѣ: «Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ съ Французскаго языка на Россійскій, съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей гораздо ближе подошелъ къ подлиннику и не знавъ Англійскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ Французскаго, перевелъ въ стихи, и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ.» — М. Н. Муравьевъ въ извѣстной своей Эпистолѣ къ И. П. Тургеневу такъ выразился о Поповскомъ:

Гдѣ, Ломоносова преемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ.

Переводъ выдержалъ четыре изданія въ 1757, 1787, 1791 и 1802 годахъ, изъ которыхъ послѣднія три были посмертными, а 3-е вышло въ Яссахъ.

Практическое ясное нравоученіе, касающееся важныхъ вопросовъ: *о естествѣ и состояніи человѣка въ разсужденіи вселенной, самаго себя, общества и благополучія,* вопросовъ, изъ которыхъ каждому посвящено особенное письмо или глава, и Русской языкъ переводчика были причиною успѣха этого перевода. Не увлекаясь мнѣніями современниковъ, мы и теперь должны отдать справедливость ему въ семъ послѣднемъ отношеніи. Сила и ясность языка до сихъ поръ поразительны и обнаруживаютъ необыкновенное дарованіе въ Поповскомъ, признанное славнымъ его наставникомъ. Приведемъ образчикъ перевода.

На воздухъ обрати свой взоръ и небеса,
На землю, на море, на горы и лѣса;
Смотри, матерія движеніе имѣетъ,
Раждаетъ сѣмена, плодитъ, растетъ и зрѣетъ.
Колики степени существъ на вышинѣ,
И на поверхности и въ самой глубинѣ!
Коль чудна связь вещей, и коль союзъ великій,
Что начинаяся отъ самаго владыки
Объемлетъ существа небесныхъ и земныхъ,
Ликъ ангельскій, людей, звѣрей, птицъ, рыбъ морскихъ,
Гадовъ и червяковъ, и насѣкомыхъ роды,
Которымъ нѣтъ числа обиліемъ природы!
О цѣпь! которыя обнять ни глазъ простой,
Ни Оптика очесъ не можетъ остротой:
Отъ безконечнаго и бывшаго до вѣка,
Распростирается она до человѣка.

—

Онъ только для того, чтобъ умереть, родится,
И мыслитъ для того, чтобъ послѣ ошибиться.

Первому стиху подражалъ Державинъ извѣстнымъ стихомъ своимъ:

На то чтобъ умереть родимся.

—

Что на морѣ компасъ, то въ жизни сей нашъ умъ,
А страсти съ склонностьми ревущихъ вѣтровъ шумъ.
Не только въ тишину Творецъ корабль нашъ водитъ,
Онъ съ нами по волнамъ и въ бурно время ходитъ.

—

Прекрасно въ концѣ поэмы изображеніе любви, постепенно распростирающейся отъ нашихъ ближнихъ на все человѣчество:

Какъ камень въ тихую и кроткую погоду,
Поверженъ будучи въ недвижимую воду,
Раждаетъ малой кругъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ,
Которой расходясь растетъ въ великой валъ,
Пространство своея средины умножаетъ
И отъ часу на часъ окружность расширяетъ:
Такъ благородный мужъ сперва отца и мать
И ближняго въ любви печется содержать;
Потомъ и отчества дражайшаго жалѣетъ,
И смертныхъ наконецъ весь родъ въ любви имѣетъ,
И разливаючись сей жаръ повсюду вдругъ
Объемлетъ всяку тварь, что сей содержитъ кругъ.

Дидактическая поэзія привлекала особенно Поповскаго — и не мудрено: Профессоръ искалъ сближенія между наукою и поэзіею. Онъ перевелъ позднѣе Посланіе Гораціево къ Пизонамъ: de arte Poëtica, тѣмъ же александрійскимъ размѣромъ. Этотъ переводъ въ отношеніи къ языку гораздо выше предъидущаго. Онъ не всегда близокъ къ подлиннику; иногда грѣшитъ противъ истины мѣстными красками; у Горація вы встрѣтите *кафтанъ* и *сани*; но не льзя не удивиться чистотѣ, ровности и бойкости языка Русскаго. Въ 1763 году, Переводчикъ Академіи Наукъ, Иванъ Барковъ, напечаталъ этотъ переводъ при своемъ переводѣ Сатиръ Горація, какъ трудъ, достойный «должной похвалы и у потомства.» Приведемъ отрывокъ о судьбѣ словъ:

Какъ листъ на деревахъ по всяку осень вянетъ,
Такъ честь старинныхъ словъ со временемъ престанетъ.
На мѣсто ихъ опять другія возрастутъ,
И нашъ недблогъ вѣкъ, и съ нами всѣ умрутъ.
Увянутъ наконецъ и нивы плодородны,
Изсохнутъ и моря оставивъ путь безводный,
Падутъ труды людей, и многихъ потъ вѣковъ:
Такъ можно ль вѣкъ стоять цѣнѣ однихъ лишь словъ?
Иныя послѣ насъ вездѣ возобновятся,
Что въ наши времена и слышать всѣ стыдятся;

Иныя напротивъ народу будутъ смѣхъ,
Которыя теперь въ почтеніи у всѣхъ.
Слова подвержены одной народной власти,
Который по своей располагая страсти,
Одни пріемлетъ въ рѣчь, другія гонитъ вонъ,
Употребленіе считая за законъ.

Поповскій вездѣ обнаруживаетъ мастера языка и достойнаго ученика Ломоносова. Видно, что языкъ свободно, безъ насилій, покорялся его дарованію. Стихъ его вездѣ отличается строгою отчетливостью въ размѣрѣ и риѳмѣ. Онъ перевелъ также нѣсколько Гораціевыхъ одъ; но здѣсь хотя и замѣтна таже отчетливость въ формѣ, однако дидактическая стихія слишкомъ охлаждаетъ лирическій полетъ. Впрочемъ встрѣчаются иногда выраженія сильныя, равнозначительныя подлиннику и поразительныя для того времени:

Летятъ за днями дни крылаты:
При смерти ты, забывъ о томъ,
Возносишь мраморны палаты;
И гробъ забывши, строишь домъ.

Не льзя лучше выразить Гораціева:

et sepulchri
Immemor, struis domos.

Переводы Поповскаго изъ Горація отдѣльно печатались въ Полезномъ Увеселеніи, періодическомъ изданіи Хераскова, а потомъ вмѣстѣ съ Посланіемъ къ Пизонамъ, вышли по смерти его особою книжкою, въ 1801 году. Въ 1760 году Херасковъ предпринялъ это періодическое изданіе. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ одъ Горація, перепечатанныхъ въ 1801 году съ прибавленіемъ другихъ и за исключеніемъ одной (кн. 3. Ода I), помѣщены два перевода Поповскаго въ стихахъ съ Французскаго: *о добродѣтели* и *о человѣкѣ*. Мерзляковъ приписываетъ Поповскому сочиненіе *Жизнеописанія Ломоносова* (Тр. Общ. Ч. I. 87.)

Профессоръ цѣнилъ высоко переводы въ молодой еще тогда Словесности Русской и въ предисловіи къ переводу Попе говоритъ: «какъ иностранныхъ книгъ на Россійской языкъ

переведено еще весьма мало, то усердно желаю, чтобы любители наукъ и истинные патріоты въ пользу и славу Россіи къ сему достохвальнѣйшему дѣлу труды свои обратили.» Онъ перевелъ съ Французскаго Локково сочиненіе: *о воспитаніи дѣтей*; переводъ вышелъ двумя изданіями въ 1759 и 1788 годахъ. Современникамъ его извѣстно было, что онъ перевелъ еще бóльшую половину Тита Ливія, много Анакреоновыхъ одъ и сочинилъ многія оригинальныя стихотворенія; но все это за нѣсколько дней до смерти своей сжегъ, почитая эти произведенія недовольно исправными въ слогѣ и опасаясь, чтобы друзья по смерти его не напечатали ихъ. Поповскій вообще не любилъ печатать, потому что никогда не былъ совершенно доволенъ тѣмъ, чтò писалъ: только по настоянію особъ, которымъ не могъ отказать, онъ рѣшался на изданіе трудовъ своихъ.

Перейдемъ отъ литературной дѣятельности Поповскаго къ учебной. Основанія слога излагалъ онъ по Гейнекцію, Риторику по Эрнестію. Правила сей послѣдней онъ объяснялъ частію примѣрами, почерпнутыми изъ писателей, частію своими практическими опытами. Ни на одномъ писателѣ особенно не останавливался, но старался обнять всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, и объяснялъ въ нихъ достойное изученія; кромѣ того упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ Латинскаго языка на Русской и обратно. Часы преподаванія его были обыкновенно отъ 2-хъ до 4-хъ пополудни; дни: понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятница. Поповскій въ каталогахъ лекцій именуется Профессоромъ Элоквенціи.

Въ 1757 году Марта 6-го, Поповскій, по назначенію конференціи, говорилъ въ публичномъ собраніи панегирикъ умершему Директору Университета, Аргамакову, который, впрочемъ, разстройствомъ казны университетской не заслуживалъ похвальнаго слова.

Ассессоръ Веревкинъ въ донесеніяхъ своихъ къ Шувалову выражаетъ необходимость препоручить Студентовъ особливо кому нибудь изъ Профессоровъ и рекомендуетъ для этой цѣли Поповскаго, «какъ человѣка усердія къ Университету исполненнаго.»

При началѣ публичныхъ экзаменовъ, Поповскій говорилъ рѣчь

въ 1757 году. — Въ актахъ конференцій 1758 года начинаются жалобы на Поповскаго, что онъ не исправенъ былъ въ чтеніи лекцій и въ посѣщеніи засѣданій конференціи. Непріятности, случавшіяся между Профессорами, по всему вѣроятію, были причиною того, что Поповскій избѣгалъ засѣданій. Замѣтна вражда между нимъ и Дильтеемъ. Когда исполнился срокъ контракту сего послѣдняго и онъ желалъ получить аттестатъ отъ членовъ конференціи для его возобновленія, всѣ члены подписали аттестатъ за исключеніемъ Поповскаго, который, отдавая справедливость нравственнымъ качествамъ Дильтея, не одобрялъ его назначенія. Должно думать, что стремленіе Поповскаго водворить языкъ отечественный господствующимъ въ преподаваніи, встрѣчавшее сопротивленіе въ иностранцахъ, было причиною многихъ непріятныхъ его столкновеній съ ними. Въ засѣданіи 17-го Сентября 1758 года Поповскій предлагалъ читать Философію по-Русски для нѣкоторыхъ учениковъ, возвратившихся изъ Петербурга, и для тѣхъ, которые не имѣютъ охоты учиться по-Латинѣ, уже выросли изъ лѣтъ для того, а въ другихъ наукахъ оказали успѣхи. Чтобы дать имъ понятіе о Философіи, Яремскій могъ бы диктовать имъ эту науку по-Русски 4 часа въ недѣлю: таково было мнѣніе Поповскаго. Всѣ прочіе Профессоры, т. е. Дильтей, Фроманнъ, Керштенсъ и Шаденъ признали, что это могло бы быть полезно для малаго числа учениковъ, но не менѣе того опасались, чтобы удобство слушать философскія лекціи по-Русски не увлекло всѣхъ другихъ учениковъ и не отклонило ихъ отъ Латинскаго языка, изученіе котораго есть главная цѣль учрежденія Университета и основаніе всѣхъ наукъ, а бо̀льшая часть не имѣетъ къ нему охоты. Поповскій былъ одинъ противъ четверыхъ. Позднѣе, Екатерина Великая рѣшила споръ въ пользу языка роднаго.

Поповскій отказался вслѣдъ за тѣмъ отъ должности Инспектора Гимназіи подъ тѣмъ предлогомъ, что она противна его сложенію, удаляетъ его отъ литературныхъ занятій, препятствуетъ ему исправлять должность Профессора и лишаетъ его спокойствія, столько ему необходимаго для того, чтобъ быть полезнымъ отечеству. Должность требовала Профессора

Русскаго, который бы умѣлъ съ учениками выражаться на родномъ языкѣ. Хотѣли отдать ее Барсову, но онъ не былъ еще Профессоромъ. На время она перешла къ Фроманну.

Поповскій скончался въ 1760 году. Ордеромъ Куратора Веселовскаго, 21-го Января 1761 года, на каѳедру Краснорѣчія назначенъ былъ Магистръ Антонъ Барсовъ, нѣсколько времени уже исправлявшій должность своего предмѣстника, какъ сказано въ этомъ ордерѣ.

ПОПОВЪ, Якимъ Андреевичъ, Преподаватель Математики и Физики, Титулярный Совѣтникъ, происходилъ изъ духовнаго званія и былъ младшій изъ четырехъ сыновей семейства, въ которомъ старшій сынъ имѣлъ фамилію Пономарева и т. д., по мѣрѣ возвышенія родителя въ должностяхъ его. Всѣ они были Студентами Московскаго Университета. Поповъ въ 1801 году отправлялъ должность камернаго Студента въ одной изъ камеръ средняго возраста на дворянской половинѣ, и молодые люди любили его за ровность характера и безпристрастіе; онъ былъ изъ числа наиболѣе успѣвшихъ слушателей у Профессора Математики Иде. При открытіи Тверской Гимназіи посланъ туда учителемъ Математики. Съ $18\frac{1}{2}\frac{8}{0}$ академическаго года по $182\frac{2}{3}$ онъ читалъ въ Университетѣ для Студентовъ Медицинскаго Факультета Математику по руководству Безу и Физику по книгѣ Двигубскаго.

Скончался несчастливымъ образомъ, въ припадкѣ меланхоліи, сдѣлавшись самоубійцею.

ПОПОВЪ, Александръ Петровичъ, Исправляющій должность Адъюнкта хирургическаго отдѣленія Госпитальной Клиники, Коллежскій Совѣтникъ, Медико-Хирургъ, Секретарь Медицинскаго Факультета, старшій Ординаторъ Екатерининской больницы и Инспекторъ фельдшерской школы при оной больницѣ, родился 1816 года, въ Москвѣ.

Первоначально воспитывался въ семействѣ Дѣйствительной Статской Совѣтницы Софьи Гавриловны Бибиковой, а впослѣдствіи въ частномъ учебномъ заведеніи г. Григоріуса, откуда поступилъ Студентомъ въ Московское отдѣленіе Императорской Медико-Хирургической Академіи въ 1831 г. По

окончаніи курса наукъ въ Академіи, выпущенъ въ 1835 г. Лѣкаремъ 1-го отдѣленія по медицинской и ветеринарной частямъ, при чемъ получилъ свидѣтельство въ томъ, что за превосходные успѣхи и отличное поведеніе достоинъ награжденія серебряною медалью. Въ томъ же году поступилъ на службу въ Екатерининскую больницу Ординаторомъ сверхъ штата, и съ того же времени исключительно занялся Хирургіею, что дало ему возможность вскорѣ приступить къ экзамену на степень Медико-Хирурга, въ каковомъ званіи и былъ утвержденъ въ 1836 году по законномъ испытаніи въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи. Въ 1837 г. опредѣленъ младшимъ штатнымъ Ординаторомъ Екатерининской больницы и въ томъ же году, по предложенію конференціи Медико-Хирургической Академіи, назначенъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ къ Профессору Хирургической Клиники оной Академіи Репетиторомъ. Постоянное усердіе въ изученіи Оперативной Хирургіи и многія счастливо произведенныя имъ операціи обратили на него особенное вниманіе бывшаго Г. Президента Медико-Хирургической Академіи А. А. Рихтера, который, желая дать еще большее развитіе способностямъ Попова, избралъ его, вмѣстѣ съ двумя другими молодыми врачами, для отправленія за границу съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи оттуда, они заняли Профессорскія мѣста въ одномъ изъ Русскихъ Университетовъ; но непредвидѣнныя обстоятельства, къ сожалѣнію, не позволили ему воспользоваться этимъ лестнымъ предложеніемъ Начальства. Продолжая службу при Академіи и въ Екатерининской Больницѣ, Поповъ удостоенъ въ 1843 г. за отлично-ревностную службу и особые труды Монаршаго Его Императорскаго Величества благоволенія. По закрытіи Московской Медико-Хирургической Академіи, уволенъ отъ службы при оной въ 1845 г.; а въ 1846 г., съ учрежденіемъ при Екатерининской больницѣ Госпитальной Клиники Императорскаго Московскаго Университета, опредѣленъ исправляющимъ должность Адъюнкта Хирургическаго отдѣленія и вскорѣ избранъ въ Секретари Медицинскаго Факультета. Въ 1848 г. опредѣленъ старшимъ Ординаторомъ Екатерининской Больницы и Инспекторомъ фельдшерской школы при оной. Въ

1850 г. произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры и Надворные Совѣтники, и въ 1853 г. въ Коллежскіе Совѣтники.

Постоянно находясь при Профессорѣ А. И. Полѣ, сперва въ качествѣ Репетитора при Хирургической Клиникѣ Медико-Хирургической Академіи, а потомъ въ званіи исправляющаго должность Адъюнкта Госпитальной Клиники, Поповъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ трудахъ Профессора, какъ по преподаванію, такъ и въ производствѣ операцій. На него возложена между прочимъ обязанность упражнять на трупахъ и испытывать тѣхъ молодыхъ практикантовъ, которые изъявляютъ желаніе производить операціи на живыхъ; при операціяхъ же онъ постоянно былъ главнымъ помощникомъ А. И. Поля, и самъ неоднократно производилъ съ счастливымъ успѣхомъ многія изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ операцій, изъ коихъ особенно замѣчательны сдѣланныя имъ въ 1852 году: операція перевязыванія подключичной артеріи надъ ключицею, и изсѣченіе верхней челюстной кости, произведенное въ 1844 г. и описанное въ Запискахъ Медико-Хирургической Академіи, издававшихся Пр. Дубовицкимъ.

ПРОТАСОВЪ, Илья Васильевичъ, Адъюнктъ по каѳедрѣ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи домашнихъ животныхъ, Докторъ Медицины, изъ духовнаго званія, сначала обучался въ Московской Семинаріи, откуда уволенъ въ Епархіальное вѣдомство, 1820 г. Сентября 1-го; по увольненіи изъ духовнаго званія, принятъ въ Московскій Университетъ своекоштнымъ Студентомъ по Медицинскому Отдѣленію 1822 г. Мая 15-го; за лучшія сочиненія на медицинскія темы получилъ двѣ серебряныя медали въ 1824 и 1826 г.—По выдержаніи экзамена на степень Доктора Медицины, отправленъ былъ для практики Императорскаго Воспитательнаго Дома въ больницу для бѣдныхъ 1827 г. Іюля 7-го, защищалъ публично диссертацію: de peritonitide, и утвержденъ Докторомъ Медицины, 1831 г. Марта 4-го; опредѣленъ помощникомъ Профессора при Клиническомъ Институтѣ внутреннихъ болѣзней, 1832 г. Января 22-го; поручено преподаваніе Анатоміи и Физіологіи 1834 г. Февраля 24-го; утвержденъ Адъюнктомъ, 1834 г. Марта 7-го; утвержденъ Секретаремъ Вра-

чебнаго Отдѣленія, 1834 г. Октября 4-го. Съ $183\frac{4}{5}$ года началъ преподавать для Студентовъ 2-го года Сравнительную Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ по руководству Фейта и другихъ новѣйшихъ писателей по сей части. Въ первомъ полугодіи $183\frac{5}{6}$ Акад. года читалъ объ образованіи и успѣхахъ Сравнительной Анатоміи, о составныхъ частяхъ животнаго тѣла и объ остовахъ домашнихъ животныхъ. Въ Январѣ 1836 года выбылъ изъ Университета за реформою, какъ оставшійся сверхъ штата.

Пургольдъ, Іоганнъ (Johannes Purgold), Ординарный Профессоръ Римскаго Права и Древностей, Докторъ обоихъ Правъ. По каталогу лекцій $178\frac{7}{8}$ года онъ, въ званіи Экстраординарнаго Профессора, читалъ Всеобщую Юридическую Энциклопедію, изъясняя въ ней начала Законодательства относительно къ составу каждаго общества; ученую исторію Правъ: Естественнаго, Римскаго и Россійскаго, излагая раздѣленіе этихъ Правъ на части, происходящія отъ различія заключающихся въ нихъ предметовъ; и присовокупляя ко всему этому объясненіе разныхъ важнѣйшихъ законовъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Въ 1788 г. на актѣ, Іюня 30-го, онъ говорилъ Латинскую рѣчь: De meritis Imperantis in subditos, и на заглавіи оной названъ Ординарнымъ Профессоромъ Правъ Римскаго и Россійскаго. По каталогу лекцій $178\frac{8}{9}$ года Пургольдъ преподавалъ Юстиніановы Институціи по руководству Гейнекціеву, сравнивая оныя съ Россійскими законами; въ $17\frac{89}{90}$ читалъ сверхъ этого предмета «введеніе въ право Россійское», въ которомъ показывалъ онъ «начертаніе дѣлъ политическихъ, образа правленія, учрежденій гражданскихъ и военныхъ, равнымъ образомъ и начертаніе исторіи законовъ Россійскихъ древняго и средняго вѣка, такъ какъ и самаго новѣйшаго времени.» Каталогъ $179\frac{0}{1}$ года у насъ отсутствуетъ—и потому не можемъ опредѣлить, продолжалъ ли въономъ Пургольдъ свои лекціи, но съ 1791 года онъ уже не упоминается, хотя по Адресъ-Календарю 1792 и 1796 годовъ онъ еще значится въ числѣ Профессоровъ. Это объясняется болѣзненнымъ состояніемъ Профессора, о которомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ Студентовъ того времени,

И. Ѳ. Тимковскій въ своихъ Воспоминаніяхъ объ Московскомъ Университетѣ. Частые припадки и отсутствія Пургольда были причиною его увольненія. Каѳедру его занялъ Ординарный Профессоръ Ѳедоръ Григорьевичь Баузе, который съ 1791 года читалъ Римское Право сравнительно съ Русскимъ.

Рѣчь Пургольда, единственный памятникъ, оставшійся намъ отъ его ученой дѣятельности въ Университетѣ, показываетъ, что онъ старался ознакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ Русскаго Государства. Предметъ рѣчи есть взглядъ на важныя и благотворныя для Россіи дѣянія, совершенныя Екатериною II до 1788 года. Авторъ сперва означаетъ вообще главные роды и предметы дѣятельности единодержавнаго Государя, направленной ко благу его подданныхъ, и за тѣмъ исчисляетъ, по этимъ родамъ, главнѣйшія дѣйствія восхваляемой имъ Государыни.

Первый предметъ попеченій Государя, говоритъ онъ, есть создать всеобщіе основные законы государства, если ихъ дотолѣ не было, и опредѣлить положеніе каждаго сословія подданныхъ, съ его правами и обязанностями.

Обращаясь къ подходящимъ подъ эту категорію дѣяніямъ Екатерины II, имѣвшей, при самомъ вступленіи на престолъ, единственною цѣлію счастіе подданныхъ, авторъ говоритъ: 1) по отношенію къ дворянскому сословію, о раздѣленіи его на общества по губерніямъ, о важныхъ и обширныхъ преимуществахъ, данныхъ этому сословію, — указывая въ особенности на такія вновь Всемилостивѣйше пожалованныя ему права, какими Дворяне не пользуются ни въ одномъ изъ прочихъ Европейскихъ государствъ; каковы, на примѣръ: право на ископаемыя, заключащіяся въ нѣдрахъ принадлежащихъ дворянамъ земель, и право ихъ, избирать изъ среды своей членовъ въ разныя судебныя мѣста. 2) По отношенію къ городскимъ сословіямъ авторъ упоминаетъ о правѣ муниципальномъ, пожалованномъ Государынею городамъ, съ предоставленіемъ каждому городскому обществу права избирать изъ среды своей Начальниковъ для распоряженія о всѣхъ городскихъ потребностяхъ, и судей для разбирательства споровъ между гражданами. 3) По отношенію къ сословію крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ государственныхъ, онъ го-

ворить о подобной милости, оказанной Государынею въ предоставленномъ имъ правѣ распоряжаться о общественныхъ ихъ дѣлахъ и рѣшать тяжбы посредствомъ старшинъ, избранныхъ ими изъ среды своей. 4) Ко всему этому онъ присовокупляетъ относительно вольноотпущенныхъ изъ крѣпостнаго состоянія людей, что Государыня не только даровала имъ способы жизнь на свободѣ, но и воспретила вновь вступать въ крѣпостное состояніе.

Вторый предметъ дѣятельности Государя, продолжаетъ Пургольдъ, состоитъ въ зашищеніи подданныхъ отъ обидъ со стороны другихъ націй, и въ пріобрѣтеніи своему государству значенія между сосѣдями. Онъ спрашиваетъ: кто же изъ Государей съ бо̀льшимъ успѣхомъ выполнилъ эту обязанность, нежели наша Великая Императрица? Петръ Великій ввелъ свою Имперію въ число Европейскихъ государствъ; но какъ онъ, такъ и его преемники довольствовались значительнымъ вліяніемъ на политическія дѣла Европы; а Екатерина II возвела Россійскую Имперію на высшую ступень славы, на которой она предписываетъ законы другимъ государствамъ.

Дальнѣйшій предметъ заботливости Государя, по изложенію автора, есть благосостояніе подданныхъ: нравственное, достигаемое посредствомъ воспитанія и образованія въ наукахъ и искусствахъ, и физическое, къ которому относятся не только средства пріобрѣтенія всего, необходимаго для удобнаго препровожденія жизни, но и способы умноженія народнаго богатства.

Для объясненія истинно-материнской попечительности Монархини въ отношеніи къ поощренію наукъ и искусствѣ, авторъ указываетъ на множество вновь учрежденныхъ училищъ для образованія юношества какъ дворянскаго и городскаго сословій, такъ и нисшихъ классовъ народа, на благодѣянія, оказанныя Московскому Университету, на предположенія объ учреждени новыхъ Университетовъ, и награды, щедро раздаваемыя какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ ученымъ. Здѣсь же онъ упоминаетъ о заведеніяхъ для призрѣнія бѣдныхъ и воспитанія подкинутыхъ младенцевъ. Въ отношеніи къ физическому благосостоянію подданныхъ, онъ говоритъ объ учрежденіи, въ кругѣ мѣстнаго управленія по

губерніямъ, множества должностей, дотолѣ не существовавшихъ, и объ умноженіи должностей по управленію военному, вмѣстѣ съ увеличеніемъ состава войскъ; о вспомоществованіи сельскому хозяйству дворянъ, заключающемся въ позволеніи имъ заводить фабрики и другіе роды промышленности, и въ учрежденіи Кредитныхъ Установленій, изъ которыхъ они могутъ заимствовать денежныя пособія для основанія и усиленія своихъ промысловъ; о средствахъ, преподанныхъ городскому сословію къ усиленію торговли, ремеслъ и другихъ родовъ промышленности; о предоставленномъ каждому городскому обывателю правѣ, самому по совѣсти оцѣнивать свой достатокъ по отношенію къ платежу государственныхъ повинностей; о множествѣ учрежденныхъ вновь городовъ; о новооткрытыхъ гаваняхъ; о новыхъ значительныхъ сухопутныхъ сообщеніяхъ и о дѣйствительномъ, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ заботъ матери отечества, усиленіи торговли и цвѣтущемъ состояніи государства.

Послѣднимъ главнымъ предметомъ дѣятельности Государя авторъ поставляетъ обезпеченіе какъ личной чести, такъ и имущества гражданъ, отъ обидъ и нарушеній правъ, посредствомъ изданія законовъ, приспособленныхъ къ обстоятельствамъ, нравамъ и обычаямъ подданныхъ, и устройства отправленія правосудія такимъ порядкомъ, который бы наиболѣе былъ удобенъ и наименѣе отяготителенъ для гражданъ. Чтобы показать, что и въ этомъ отношеніи Августѣйшая Монархиня стяжала себѣ безсмертную славу, какъ первая законодательница обширнѣйшей Имперіи, авторъ упоминаетъ о собраніи Депутатовъ изъ всѣхъ странъ и племенъ Имперіи, посредствомъ котораго Государыня хотѣла узнать обычаи и права всякаго племени, дабы, соображаясь съ этими обстоятельствами, составить для цѣлаго государства полное и во всѣхъ частяхъ стройное Уложеніе. На многія изданныя за тѣмъ узаконенія, какъ по отношенію къ цѣлымъ сословіямъ подданныхъ, такъ и касательно разныхъ отдѣльныхъ предметовъ Законодательства, авторъ смотритъ какъ на части всеобщаго Уложенія, полному совершенію котораго дотолѣ препятствовали войны и другія важнѣйшія государственныя дѣла; какъ то и сама Государыня соблаговолила объявить

своимъ подданнымъ. Въ заключеніи своей рѣчи авторъ присовокупляетъ, что, для подробнѣйшаго объясненія заслугъ Екатерины II въ дѣлѣ Законодательства, надлежало бы ему предложить исторію Законодательства и управленія нашего отечества во времена предшествовавшія, и за тѣмъ привести законы, изданные этою Государынею; но что такой предметъ былъ бы слишкомъ обширенъ для настоящаго дня, и потому авторъ отлагаетъ его до другаго времени, надѣясь вскорѣ обработать его и издать въ свѣтъ.

Впрочемъ, въ исторіи нашей Юридической литературы не видно, чтобы это предположеніе Пургольда было дѣйствительно выполнено.

Пѣховскій, Осипъ Ивановичь, Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора и Магистръ Греческой Словесности, родился 16 Марта 1815 г. въ городѣ Кожминѣ въ Княжествѣ Познанскомъ. Первоначальное образованіе получилъ у родителя и въ мѣстномъ приготовительномъ училищѣ, имѣя 12 лѣтъ; подъ руководствомъ одного изъ своихъ родныхъ, началъ знакомиться практически съ судопроизводствомъ, а послѣ смерти его въ Познани но этой же части трудился болѣе самостоятельно. На 17 году своей жизни принялся за чтеніе Прусскаго «Landrecht». Но нашедши его не по своимъ силамъ и увидѣвъ большую трудность пріобрѣсти полное знаніе судебнаго дѣла безъ предварительныхъ теоретическихъ свѣдѣній, возъимѣлъ мысль поступить въ Университетъ по Юридическому Отдѣленію. Для этой цѣли началъ учиться древнимъ языкамъ, Математикѣ, Исторіи и другимъ предметомъ, и приготовившись, поступилъ въ Познанскую Гимназію, въ которой оставался 3 года. Но, въ слѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, прежнее намѣреніе посвятить себя Законовѣдѣнію долженъ былъ оставить, и занимавшись нѣсколько времени преимущественно новѣйшими языками и литературами, въ 1837 г. прибылъ въ Варшаву, гдѣ 2 года слушалъ филологическія науки въ существовавшемъ тогда подъ названіемъ прибавочныхъ курсовъ педагогическомъ заведеніи. Въ 1839 г. правительствомъ Царства Польскаго присланъ былъ въ Московскій Университетъ для окончанія наукъ по Словесному

Отдѣленію, и въ 1841 г. удостоенъ степени Кандидата. Въ 1844 г. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отправленъ былъ за границу для усовершенствованія себя въ классической Филологіи въ Лейпцигскомъ и Берлинскомъ Университетахъ. Послѣ возвращенія изъ за границы въ 1848 г. назначенъ для чтенія Латинскаго языка въ Юридическомъ Факультетѣ, а въ 1849 г. опредѣленъ исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Греческой Словесности и оставленъ при прежней должности. Въ 1853 г. защищалъ диссертацію, написанную на Латинскомъ языкѣ: *о посланіи Горація къ Пизонамъ*, утвержденъ въ степени Магистра и Адъюнкта Греческой Словесности, а въ 1854 году по избранію Совѣта, въ званіи И. д. Экстраординарнаго Профессора.

Р.

РАУЛЬ, Вильгельмъ (Raoult Guillaume), первый Лекторъ, преподававшій Французскій языкъ въ Университетѣ. Въ каталогѣ лекцій за послѣднюю половину 1757 года объ немъ сказано: «Гильомъ Рауль чрезъ Латинской языкъ учить будетъ Французскому языку, и Авторовъ Латинскихъ по Французски, а Французскихъ по Латинѣ толковать имѣетъ.» Преподаваніе его продолжалось два года. Въ Апрѣлѣ 1759 года онъ уже замѣненъ другимъ Лекторомъ, Николаемъ Билонομъ.

РЕЙНГАРДЪ, Филиппъ Христіанъ (Христіанъ Егоровичь), Ординарный Профессоръ Философіи, Надворный Совѣтникъ, родомъ изъ Виртембергскаго Королевства, сынъ Пастора и Суперинтендента, обучался въ Университетахъ Тюбингенскомъ, Іенскомъ и Марбургскомъ. По окончаніи Университетскаго курса наукъ былъ въ Кельнѣ Профессоромъ политической и ученой Исторіи. Въ 1803 году онъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ товарищами Рейссомъ и Фишеромъ, по приглашенію Попечителя М. Н. Муравьева, и, въ званіи Ординарнаго Профессора, опредѣленъ на каѳедру Практической Философіи, Исторіи Философіи и Правъ Естественнаго и Народнаго, которыя читалъ по своимъ тетрадямъ. Со служеніемъ Профессора соединялъ труды по званію Декана Отдѣленія Этико-

Политическихъ наукъ, Члена Училищнаго Комитета, Инспектора казенныхъ Студентовъ Университета и воспитанниковъ Академической Гимназіи при немъ. Скончался на 48-мъ году жизни Ноября 7 дня 1812 года въ Нижнемъ Новгородѣ, отъ горячки. Жена вскорѣ послѣдовала за нимъ, оставивъ четверыхъ малолѣтныхъ дѣтей. Основательныя знанія, соединенныя съ добрыми качествами сердца, давали ему право на всеобщее уваженіе, какъ замѣчено было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1813 года.

Кромѣ изданныхъ въ Германіи сочиненій его о различныхъ предметахъ Богословскихъ и Философскихъ, въ бытность свою Профессоромъ Университета онъ издалъ слѣдующія: 1) Рѣчь, произнесенная въ 1805 году въ полувѣковой юбилей Университета: De fructibus, qui ab Universitatibus litterarum in Imperio Russico tam conditis, quam condendis, exspectandi sunt. Другая рѣчь была сказана Рейнгардомъ въ память его товарища Иде.—2) *Система Практической Философіи*, соч. Рейнгарда, пер. съ Французскаго Семенъ Кувичинскій. М. 1807.—3) *Естественное Право,* содержащее въ себѣ: 1) собственно такъ называемое Естественное Право чистое, 2) Право прикладное, то есть: Право Частное, Публичное и Народное; соч. Рейнгарда, пер. съ Лат. Иванъ Сычуговъ. Казань. 1816. — Въ 1804 году Профессоръ Рейнгардъ читалъ для желающихъ два публичные отдѣльные курса на Французскомъ языкѣ: 1) L'état actuel de la Philosophie, 2) La Philosophie du goût.

Старшій сынъ Рейнгарда отъ перваго брака былъ увезенъ дядею въ Германію, воспитанъ у него, а теперь служитъ при Королевскомъ Виртембергскомъ Дворѣ въ званіи уполномоченнаго Министра отъ Германскаго Союза во Франкфуртѣ; онъ женатъ на второй дочери Профессора Рейсса. Отъ втораго брака Профессоръ имѣлъ сына Ѳедора, который теперь Докторомъ Медицины въ Оренбургѣ, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна Классною Дамою въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

РЕЙССЪ, Фердинандъ Фридрихъ, Заслуженный Профессоръ Химіи, Докторъ Медицины и Хирургіи, Членъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, предокъ

котораго Вольфгангъ Рейссъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство, въ 1531 году, Императоромъ Карломъ V, родился въ Тюбингенѣ $\frac{8}{19}$ Февраля 1778 года. Отецъ его, Христіанъ Фридрихъ Рейссъ, бывшій Профессоромъ Медицины въ Тюбингенѣ, и у насъ въ Россіи пріобрѣлъ извѣстность однимъ изъ своихъ сочиненій: «Dispensatorium,» которымъ Русскіе Фармацевты долго руководствовались при составленіи лѣкарствъ и фармацевтическихъ препаратовъ.

Подъ руководствомъ ученаго отца, Фердинандъ Рейссъ пріобрѣлъ первое образованіе въ домѣ родительскомъ; оставаясь дома до 1800 г., онъ получилъ въ это время въ Тюбингенскомъ Университетѣ степень Лиценціата (Licentiat) Медицины. Въ 1800 г. онъ отправился къ родному своему дядѣ, Профессору и оберъ-библіотекарю, *Л. Д.* Рейссу въ Гёттингенъ, гдѣ и получилъ въ 1801 г. степень Доктора Медицины и Хирургіи и званіе приватнаго преподавателя (Privatdocent) всеобщей Медицинской Химіи. Въ это уже время онъ сдѣлался извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ химическимъ изслѣдованіемъ лимфы и млечнаго сока лошади, которое произвелъ онъ вмѣстѣ съ Эммертомъ (*). Это было, по свидѣтельству Берцеліуса (томъ IX, стр. 360, нѣмецкаго изданія 1840 г.), первое изслѣдованіе названныхъ соковъ, имѣвшее ученое достоинство по вѣрности результатовъ химическаго анализа. По всей вѣроятности, этому же химическому изслѣдованію молодой Рейссъ былъ обязанъ тѣмъ, что въ 1803 г., Московскій Университетъ пригласилъ его занять каѳедру Химіи съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора. Рейссъ прибылъ въ Москву 17 Февраля 1804 г. и съ тѣхъ поръ продолжалъ службу при Университетѣ (съ 1808 г. въ званіи Ординарнаго Профессора, а съ 1830 г. въ званіи Заслуженнаго) до 1832 г., въ которомъ уволенъ отъ нея съ полною пенсіей. Кромѣ того Рейссъ занималъ каѳедру Ординарнаго Профессора Химіи и Фармакографіи въ Московскомъ Отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи съ 1817 по 1839 г., въ которомъ уволенъ отъ этой дол-

---

(*) Chemische Untersuchungen der Lymphe des Pferdes, von Reuss und Emmert, in Scherer's Allg. Journ., VI B.

жности съ званіемъ Академика и Почетнаго Члена Академіи. Во время службы при Университетѣ, Профессоръ Рейссъ съ 1822 г. занималъ нѣсколько лѣтъ мѣсто Университскаго Библіотекаря и былъ Членомъ Училищнаго Комитета при Университетѣ. Сверхъ этихъ должностей Профессоръ Рейссъ былъ Непремѣннымъ Секретаремъ Физико-Медицинскаго Общества при Московскомъ Университетѣ съ 1804 по 1822-й годъ, а съ этого времени Президентомъ Общества. Многія Ученыя Общества, какъ Русскія, такъ и иностранныя, избирали Рейсса въ свои Члены. Наконецъ, кромѣ этихъ ученыхъ должностей, Рейссъ отправлялъ еще слѣдующія: съ 1821 г. должность Церковнаго Старосты (Kirchenältester) при Евангелической Лютеранской Церкви Св. Михаила, въ 1829 г. Директора Московскаго Тюремнаго Комитета, въ 1833 г. Ассистента (Члена) Евангелической Консисторіи, а въ 1838 г. Президента ея.

Въ ученой дѣятельности Рейсса, какъ Профессора, обнаруживались глубокая многосторонняя ученость и строго-логическая система. Онъ получилъ то прочное образованіе, которое дается основательнымъ изученіемъ древнихъ языковъ. Послѣдними Рейссъ владѣлъ въ такой степени, что Московская Медико-Хирургическая Академія поручила ему филологическое объясненіе Цельса для упражненія слушателей Академіи въ Латинскомъ языкѣ. О глубокихъ познаніяхъ Рейсса въ этихъ языкахъ свидѣтельствуютъ также рѣчь, написанная имъ въ 1818 г.. *«О достоинствѣ древнихъ и о пользѣ изученія древнихъ языковъ, особенно Латинскаго»* * и его лекціи Химіи, преподававшіяся, на Латинскомъ языкѣ, дѣйствительно Цицероновскимъ слогомъ. Свой предметъ Профессоръ Рейссъ излагалъ съ замѣчательной ясностью, отчетливостью и въ строгой системѣ. Единственнымъ упрекомъ его преподаванію можно было поставить излишнюю подробность, особенно въ отношеніи къ предметамъ постороннимъ, только соприкасающимся съ Химіею. Руководствомъ къ его лекціямъ

---

* F. F. Reussii oratio de antiquorum hominum praestantia deque studii litterarum antiquarum praecipue vero latinarum utilitate incredibili. Mosquae. 1818.

служила Химія, составленная имъ, но къ сожалѣнію не напечатанная. Дѣйствительно это сочиненіе не только по своему основательному и подробно-полному изложенію стало бы на ряду съ лучшими, но, по истинѣ, своею стройною систематикою принесло бы еще существенную пользу какъ учащимся, такъ и самому развитію и совершенствованію науки. Безъ преувеличенія можно сказать, что за исключеніемъ Химіи Леопольда Гмелина ни одна не изложена съ такою полнотою, строго-логическою послѣдовательностью, ясностью и трезвымъ краснорѣчіемъ, какъ Химія, написанная Профессоромъ Рейссомъ. Въ этомъ благородномъ стремленіи составить возможно совершенное, полное и современное сочиненіе заключалась вѣроятно причина, препятствовавшая Проф. Рейссу издать его. Справедливость этого предположенія оправдывается, съ одной стороны быстрыми успѣхами Химіи, въ которой открытія съ баснословною скоростію слѣдуютъ одни за другими и нерѣдко, появляясь, заставляютъ совершенно перемѣнять цѣлыя главы сочиняемаго учебника этой науки. Особенно же споръ о сложности или несложности хлора, съ 1811 года, болѣе 10 лѣтъ раздѣлявшій химиковъ на два враждовавшіе лагеря, долго удерживалъ Рейсса въ нерѣшимости: принять ли теорію Г. Деви (H. Davy) или противоположную ей при образѣ объясненія многочисленныхъ фактовъ и химическихъ явленій, на который различныя мнѣнія о существѣ хлора имѣютъ непосредственное вліяніе. Съ другой стороны многочисленныя и разнообразныя занятія препятствовали Рейссу скоро окончить свое сочиненіе, а эта скорость необходима при изданіи сочиненія о наукѣ, измѣняющейся столь быстро, какъ Химія. Въ то время Профессоръ Рейссъ, кромѣ занятій по преподаванію въ Университетѣ Химіи, а въ Медико-Хирургической Академіи—Химіи, Фармакографіи и филологическаго объясненія Цельса, былъ занятъ, въ теченіи нѣкотораго времени, управленіемъ одной изъ старѣйшихъ и наиболѣе занятыхъ Московскихъ аптекъ, Покровской, въ которой, притомъ, подъ его руководствомъ приготовлялись Университетскимъ лаборантомъ и въ тоже время его провизоромъ, П. Ф. Шульцомъ, два собранія (одно для Университета, другое для Академіи) химическихъ препаратовъ, отличавшіяся

рѣдкою полнотою, химическою чистотою, изяществомъ формъ и помѣщенія, и служившія для показанія на лекціяхъ. Потомъ, когда Проф. Рейссъ оставилъ управленіе аптекою, его занятія тоже не уменьшились, а только получили другое направленіе, потому что въ 1822 г. онъ принялъ званіе Университетскаго Библіотекаря. Занятія его въ этой должности были въ то время чрезвычайно многочисленны и трудны: онъ не только перемѣстилъ богатую Университетскую Библіотеку въ только что отстроенное тогда зданіе Университета, гдѣ и теперь она находится, разобралъ ее и привелъ въ порядокъ, но, кромѣ того, еще составилъ и издалъ систематическій ключь * къ каталогу этой Библіотеки, а потомъ и самый каталогъ **. Этимъ замѣчательнымъ трудомъ Рейссъ вполнѣ доказалъ и свою глубокую, многостороннюю ученость и рѣдкую логическую способность въ составленіи классификаціи наукъ и искусствъ, разнообразнѣйшія вѣтви которыхъ,—иногда подъ весьма странными, вычурными заглавіями, особенно въ старинныхъ книгахъ,—имѣютъ своихъ представителей въ Университетской Библіотекѣ. Но неотъемлемое право на благодарность, какъ послѣдовавшихъ за нимъ Библіотекарей, такъ и всѣхъ пользующихся богатою Библіотекою нашего Университета, Проф. Рейссъ стяжалъ превосходно составленнымъ, совершенно полнымъ двойнымъ каталогомъ книгъ Библіотеки: однимъ—систематическимъ, приходящимся къ ключу этого каталога, который изданъ Рейссомъ, а другимъ — алфавитнымъ по именамъ авторовъ или заглавіямъ книгъ, изданныхъ неизвѣстными авторами (anonymes). Этотъ двойной каталогъ частію напечатанъ, частію же написанъ на отдѣльныхъ листкахъ, для того чтобы, по мѣрѣ пріобрѣтенія Библіотекою новыхъ книгъ и изданій, ихъ удобно можно было

* Ordo Bibliothecae Universitatis Caesareae Mosquensis conditus a F. F. Reuss.—*Расположеніе Библіотеки*, сдѣланное Ф. Рейссомъ. Москва. 1826. In 4-to.

** *Каталогъ книгъ Библіотеки Императорскаго Московскаго Университета*, составленный Библіотекаремъ Ф. Рейссомъ и изданный трудами И. Петрозиліуса, Помощника Библіотекаря. 3 тома (in 4-to majori). Москва. 1831 — 1836.

включать въ мѣста, въ которыя они слѣдуютъ какъ по алфавиту, такъ и по содержанію. Каталогъ этотъ притомъ такъ удобно помѣщенъ въ двухъ пюпитрахъ или конторкахъ, что не только Библіотекарь, но и всякое постороннее лицо съ удивительною легкостью и скоростью можетъ отыскать каждую книгу, даже самую ничтожную брошюру; такъ какъ, притомъ, при заглавіи каждой книги цыфрами и буквами различныхъ алфавитовъ обозначены шкафъ, полка и даже цыфра ряда, въ которомъ поставлена книга (а въ послѣднюю вклеенъ кожаный ярлыкъ съ означенными на немъ тѣми же цыфрами и буквами, какъ и на листкѣ каталога), то дѣйствительно Библіотекарь въ одну и не болѣе, какъ въ двѣ минуты, можетъ и отыскать требуемую книгу и, наоборотъ, при возвращеніи поставить ее на мѣсто, которое она прежде занимала.

Кромѣ этихъ многочисленныхъ занятій, препятствовавшихъ Проф. Рейссу издать свою Химію, должно упомянуть еще о тѣхъ, которымъ съ 1804 г., какъ непремѣнный Секретарь, а съ 1822 г. какъ Предсѣдатель Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, онъ постоянно жертвовалъ много времени, составляя протоколы засѣданій Общества, издавая печатно его акты, ведя переписку съ отечественными и иностранными членами Общества и, притомъ, нерѣдко сообщая, въ засѣданіяхъ Общества, ученыя разсужденія о различныхъ предметахъ изъ Физическихъ, Химическихъ и Медицинскихъ наукъ. Многія изъ этихъ разсужденій помѣщены въ Запискахъ, издававшихся обществомъ подъ названіемъ «Commentationes Societatis Physico-Medicae, etc.» (in 4-to majori). Въ 1808 г. вышла первая часть 1-го тома этихъ Записокъ съ предисловіемъ Рейсса и перечнемъ различныхъ статей, читанныхъ имъ въ засѣданіяхъ Общества до изданія этой 1-й части Записокъ, а именно: въ 1805 г. 27-го Мая, *О химическомъ сродствѣ*; 17-го Іюня, *Разсужденіе объ опытахъ съ Вольтовымъ столбомъ, произведенныхъ Ф. Пакіяни* (Pacchiani);—11-го Сентября *Метеорологическія наблюденія;* въ 1806 г. 20-го Января, *Метеорологическія наблюденія*;—3-го Февраля, *Разсужденіе о пользѣ новѣйшаго химическаго именословія* (nomenclatura) *съ опытомъ перевода химическихъ терминовъ на Русскій языкъ*; — 7-го

Апрѣля, *Разсужденіе о перегонномъ снарядѣ, изобрѣтенномъ В. Каразинымъ;* 3-го Ноября, *Новые опыты объ измѣненіи* (metamorphosis) *воды гальваническимъ электричествомъ;* въ 1807 г. 10-го Марта, *Описаніе* (historia) *химическихъ дѣйствій гальваническаго электричества*; 20-го Октября, *Описаніе опыта, доказывающаго образованіе газовъ* (aërogenesis), *дѣйствіемъ гальваническаго электричества, изъ воды, въ самой рѣкѣ, часть которой, на значительномъ даже пространствѣ, служила проводникомъ для соединенія полюсовъ Вольтова столба;* 5-го Ноября, *Извѣщеніе о новомъ, до того времени неизвѣстномъ дѣйствіи гальваническаго электричества.*

Въ этой же 1-й части Записокъ Общества находится обширная статья Рейсса: «*Описаніе химическихъ дѣйствій гальваническаго электричества*», замѣчательная какъ по ясности изложенія, такъ и по полнотѣ свѣдѣній о предметѣ, въ то время весьма мало еще изслѣдованномъ.

Во второй части 1-го тома Записокъ Общества, изданной въ 1811 г. съ предисловіемъ Рейсса, помѣщено обширное разсужденіе его о заразительности подъ заглавіемъ: «Theoremata de miasmatum contagiosorum origine, natura, proprietatibus et agendi modo.»

Первая часть 2-го тома Записокъ Общества, вышедшая въ 1817 г., начинается составленною Рейссомъ исторіей Общества съ 7-го Ноября 1810 г. по 6-е Ноября 1816, въ которой упомянуто о слѣдующихъ статьяхъ, читанныхъ имъ въ засѣданіяхъ Общества. Въ 1810 г., 3-го Декабря, *Химическія замѣчанія о сѣрныхъ и кислыхъ Кавказскихъ источникахъ*; въ 1811 г. 7-го Января, *Химическое разложеніе Семеновскихъ* (*Московской губерніи*) *желѣзистыхъ минеральныхъ водъ;* 6-го Мая, *Наблюденія и опыты надъ свекловичнымъ сахаромъ;* 3-го Іюня, *Замѣчанія о различныхъ видахъ хинной корки, встрѣчающихся въ аптекахъ и въ торговлѣ;* 2-го Декабря, *Разсужденіе о свойствахъ и различіяхъ человѣческой мочи, въ видѣ введенія къ химико-терапевтическимъ замѣчаніямъ о средствахъ, разрушающихъ мочевые камни* (lithontriptica); въ 1812 г. 3-го Февраля, *Полное химическое разложеніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ*; 16-го Марта, *Замѣчанія* (notitia) *о минеральныхъ водахъ Тверской губерніи, изслѣдованныхъ и опи-*

санныхъ по повелѣнію Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго. Въ этой же части Записокъ находятся еще слѣдующія статьи, написанныя Проф. Рейссомъ: 1) *Опыты, относящіеся къ Фармаціи.* Часть 1-я, содержащая описаніе двухъ снарядовъ (печи для нагрѣванія и настаиванія лѣкарствъ парами и снаряда для порошкованія), устроенныхъ Рейссомъ. Первый изъ нихъ названъ имъ Румфордо-Глауберовой фармацевтической печью. — 2) Двѣ статьи подъ заглавіемъ: *«Наблюденія надъ различными лѣкарствами.»* Часть 1-я: а) растворъ углекислой магнезіи (liquor magnesiae carbonicae); б) двууглекислая сода (natrum supercarbonicum). Во 2-й части содержится описаніе различныхъ хинныхъ препаратовъ. — 3) *Разложеніе противолихорадочнаго начала хинной корки*, прежде напечатанное отдѣльно подъ заглавіемъ: «Nouvelle analyse du principe febrifuge du quinquina, par F. F. Reuss.» Moscou, 1810. Эта отдѣльная статья сгорѣла въ 1812 г. и по желанію Общества снова напечатана въ Запискахъ. Во второй части 2-го тома, изданной въ 1821 г. помѣщена Проф. Рейссомъ: *Исторія дѣйствій Общества* съ 6-го Ноября 1815 г. по конецъ 1816, и въ ней, между прочимъ, упомянуты слѣдующія статьи, читанныя Рейссомъ въ засѣданіяхъ Общества: 1815 г. 16-го Ноября, *Исторія Общества* съ 7-го Ноября 1810 по осень 1812 г.—4-го Декабря, *Совѣты для экономической постройки удобныхъ и здоровыхъ домовъ* (написано на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ).—4-го Декабря, *Опыты, относящіеся къ усовершенствованію Фармаціи.* — 1816 г. 8-го Января, *Наблюденія надъ крупомъ*, которыми опровергается господствующее нынѣ мнѣніе о сущности этой болѣзни; 8-го Января, замѣчанія (notitia) *Объ успѣшномъ употребленіи углекислаго кали* (sal tartari) *въ крупѣ*; 5-го Февраля, *Объ употребленіи животнаго фосфорнаго масла въ темной водѣ* (amaurosis) *и химическія замѣчанія объ этомъ средствѣ*; 4-го Марта, *Исторія больной, спасенной отъ угрожавшаго смертью крупа дѣйствіемъ средствъ, возбуждающихъ чиханіе* (sternutatoria); 9-го Сентября, *Замѣчанія о нѣкоторыхъ народныхъ Русскихъ лѣкарствахъ*; 4-го Ноября, *Разсужденіе о нѣкоторыхъ лѣкарствахъ*, часть 1-я; 5-го Февраля, Ф. Рейсса и И. Адама *Наблюденія надъ крупомъ* (tracheitis) *двухлѣтняго*

ребенка, излѣченнаго отъ этой болѣзни углекислымъ кали (sal tartari).

Въ этой второй части 2-го тома, кромѣ вышеназванной исторіи Общества, помѣщены еще слѣдующія статьи Проф. Рейсса: 1) Рейсса и Левенталя *Физико-химическіе опыты надъ животнымъ магнетизмомъ*, съ эпилогомъ Проф. Рейсса; 2) *О водогонной силѣ* (potestas hydragoga) *гальваническаго электричества, открытой Рейссомъ* *, *и объ участіи ея въ различныхъ явленіяхъ природы*; 3) *Анатомо-Физіологическое изслѣдованіе силъ, движущихъ кровь, которымъ доказывается, что главная изъ нихъ есть водогонная сила электричества.*

Проф. Рейссъ, первый замѣтившій движеніе воды, находящейся между полюсами Вольтова столба, отъ одного полюса къ другому, доказалъ многими, чрезвычайно остроумными опытами, и дѣйствительное существованіе этого движенія и значительную силу, съ которою оно производится. Онъ доказывалъ съ большою вѣроятностію, что по бòльшей части дѣйствію этой силы электричества, которую онъ назвалъ водогонною (vis hydragoga), слѣдуетъ приписать появленіе, въ различныхъ мѣстахъ, ключей обыкновенныхъ и минеральныхъ, движеніе соковъ въ растеніяхъ и даже крови въ человѣкѣ и животныхъ, особенно въ тѣхъ, которыя не имѣютъ сердца.

Желательно, для пользы науки, чтобы эти интересные опыты Рейсса надъ электричествомъ, вообще малоизвѣстные, особенно же заграничнымъ ученымъ, были доведены до всеобщаго свѣдѣнія.

Въ этой же второй части 2-го тома записокъ Физико-Медицинскаго Общества, гдѣ помѣщено самое полное описаніе водогонной силы электричества и ея дѣйствій, находится еще статья Проф. Рейсса: *о дѣйствіи различныхъ средствъ, особенно растенія* Scutellaria laterifolia *противъ водобоязни.*

Наконецъ въ 1-й части 3-го тома Записокъ Физико-Медицинскаго Общества, вышедшей въ 1823 г., помѣщена рѣчь,

---

* Статья объ этомъ же помѣщена Проф. Рейссомъ въ Запискахъ И. Московск. Общества Испытателей Природы (Mémoires de la Société I. des Naturalistes de Moscou, T. 2, p. 327) подъ заглавіемъ: «Notice sur un nouvel effet de l'éléctricité galvanique.»

произнесенная Проф. Рейссомъ при занятіи должности Предсѣдателя этого Общества для возданія должной похвалы памяти его предшественника (по званію Предсѣдателя Общества), нѣкогда знаменитаго Профессора Акушерства въ Московскомъ Университетѣ, В. М. Рихтера.

Въ 1830 г. Физико-Медицинское Общество издало томъ (in 8°) своихъ Записокъ подъ названіемъ «Bulletin de la Société Physico-Médicale,» въ которомъ помѣщена рѣчь, произнесенная Проф. Рейссомъ на Французскомъ языкѣ для открытія публичнаго засѣданія Общества 11 Ноября 1829 г., при чемъ онъ читалъ еще: *о врачебномъ дѣйствіи растенія* geranium scabrum. Въ этомъ же томѣ находятся еще слѣдующія статьи Проф. Рейсса: 1) *Замѣчанія относительно того, что врачамъ слѣдовало бы къ своимъ метеорологическимъ наблюденіямъ присоединять и геологическія*; 2) *Наблюденія надъ средствомъ Каде де Во* (Cadet de Vaux) *противъ ломоты и ревматизма*: 3) *Замѣчанія объ изумительномъ дѣйствіи сѣрнокислой мѣди въ крупѣ;* 4) *Замѣчанія о болѣзни*: asthma acutum periodicum Millari. Изданіемъ этого тома Записокъ Общества (Bulletin) заключается рядъ ученыхъ занятій Проф. Рейсса по должностямъ Непремѣннаго Секретаря и Предсѣдателя Физико-Медицинскаго Общества. Кромѣ этихъ, есть еще и другіе ученые труды Рейсса, какъ напр.: «*Описаніе Семеновскихъ минеральныхъ водъ*»; «*Наставленіе какъ употреблять средство, предохраняющее отъ моровой язвы и другихъ заразительныхъ болѣзней* (1807)» (*); «*О самовозгараніи* (De incendiis spontaneis eorumque legibus et causis oratio)»; рѣчь, произнесенная въ 1809 г. на Университетскомъ актѣ: De studiorum Academicorum rectius instituendorum, prosperius celebrandorum et felicius absolvendorum ratione; другая рѣчь, произнесенная на актѣ 1825 года: Memoria coronationis et sacrae unctionis Imperatoris ac domini nostri Nicolai primi, Янв. 12, 1827 года. Необходимо слѣдуетъ замѣтить разсужденіе Рейсса: «*объ употребленіи хлора для предохраненія отъ холеры,*» появившееся во время первой холерной эпидеміи въ Москвѣ, въ

(*) За это сочиненіе Проф. Рейссъ былъ Высочайше награжденъ бриліантовымъ перстнемъ, въ Декабрѣ 1807 г.

1830 г., и памятное Московским врачам. Причина уменьшенія и как бы совершеннаго прекращенія, послѣ 1823 г., литературно-ученой дѣятельности Проф. Рейса, прежде столь значительной, заключается, безъ сомнѣнія, въ его обширныхъ занятіяхъ по должности Университетскаго Библіотекаря, которыя начались именно въ 1822 г. и о которыхъ уже было упомянуто.—Упомянемъ еще какъ о заслугѣ, оказанной Рейссомъ Москвѣ, о заведеніи имъ въ 1823 или 1824 г. искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Нескучномъ саду, въ Москвѣ (близь Калужской заставы). Испытавъ находящійся въ этомъ саду источникъ и найдя воду его сильно желѣзистою, Рейссъ воспользовался ею, и, насыщая ее, посредствомъ давленія, углекислотою, прибавляя къ ней нѣкототорыя соли, онъ по произволу превращалъ ее въ различныя минеральныя воды, которыми излѣчивались многіе, даже весьма трудные больные. Искусственныя минеральныя воды Нескучнаго предшествовали заведенію, въ Москвѣ, такихъ же водъ и перестали приготовляться съ его открытіемъ.

Въ теченіи своей дѣятельной службы Проф. Рейссъ удостоивался награжденія слѣдующими Высочайшими наградами: въ 1807 г. бриллiантовымъ перстнемъ, въ 1811 г. орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, въ 1812 г. бриллiантовымъ перстнемъ, въ 1818 г. чиномъ Коллежскаго Совѣтника, въ 1822 г. чиномъ Статскаго Совѣтника, въ 1827 г. орденомъ Св. Анны 2-й степени, въ 1828 г. званіемъ Академика Императорской Медико-Хирургической Академіи, въ 1830 г. званіемъ Заслуженнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета, въ 1831 г. знакомъ отличія безпорочной службы за 25 лѣтъ. Уволенный въ 1839 г. съ полною пенсіей отъ занимаемыхъ имъ должностей, Проф. Рейссъ отправился съ семействомъ на родину и провелъ остальные годы своей полезной жизни въ Штутгардѣ, посвящая свои досуги религіознымъ занятіямъ и дѣятельной христіанской благотворительности.

Рейссъ былъ христіански-набоженъ въ высшей степени. Видѣвшіе его въ семейномъ кругу знаютъ, что предметомъ его бесѣдъ большею частію было все религіозное. Прежде и

послѣ всякой трапезы, самъ Рейссъ говорилъ вслухъ приличную краткую молитву, повторявшуюся присутствующими. Не смотря на свои многочисленныя занятія и отдаленность жительства отъ храма, Рейссъ не пропускалъ ни одного воскреснаго и праздничнаго богослуженія и нѣсколько времени, былъ церковнымъ старостою (Kirchenältester) при Евангелической церкви Св. Михаила въ Москвѣ. Въ супружество Рейссъ вступилъ въ Москвѣ, въ 1805 г., съ дочерью покойнаго Профессора Московскаго Университета Керестури. Достойная супруга Рейсса, по смерти мужа, живетъ теперь у единственной, оставшейся въ живыхъ дочери ихъ, находящейся въ замужствѣ за г. Рейнгардтомъ, представителемъ Виртембергскаго Двора при Германскомъ Союзѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ. Проф. Рейссъ, худощавый и на видъ не обѣщавшій крѣпкаго сложенія, пользовался однако почти по день кончины цвѣтущимъ здоровьемъ. $\frac{2}{14}$ Апрѣля 1852 г., утромъ, онъ почувствовалъ онѣмѣніе лѣвой стороны тѣла, но сохранилъ присутствіе духа и свѣжесть памяти до трехъ часовъ по полудни. Въ 10 часовъ вечера того же самаго дня онъ кончилъ свое 74-лѣтнее земное поприще и почти безъ страданій перешелъ въ вѣчность. Надгробное слово, сказанное $\frac{5}{17}$ Апрѣля, въ день его похоронъ, въ Штутгардѣ, гарнизоннымъ Пасторомъ Зигелемъ (*), свидѣтельствуетъ объ истинно христіанской, праведной жизни покойнаго.

Vir probe insignisque pietate, sit tibi terra levis!

РЕЙХЕЛЬ, Іоганнъ Готфридъ, Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи, первый Библіотекарь Университета, Секретарь Конференціи, ординарный Членъ Собранія свободныхъ искусствъ въ Лейпцигѣ и Магистръ Лейпцигскаго Университета, былъ выписанъ черезъ Миллера изъ Лейпцига, а ему рекомендованъ Готшедомъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Келлеромъ, Рейхель пріѣхалъ въ Москву, 21-го Іюля 1757 года. Оба ученые были призваны въ Университетъ для Нѣмецкаго

---

*) Worte am Grabe des Herrn Ferdinand Friedrich v. Reuss, Kaiserlich-Russischen Staatsraths (beerdigt den 17 April 1852) gehalten vom G. Garnisons-Prediger Sigel. Stuttgardt.

языка и краснорѣчія; но такъ какъ двоихъ лекторовъ оказалось слишкомъ много для этого предмета, то на Келлнера было возложено преподаваніе Всеобщей Исторіи, а Рейхелю поручена Нѣмецкая Словесность, которую онъ началъ преподавать, принявъ за основаніе Готтшедову книгу: die kleine Sprachkunst. Рейхель сохранялъ всегда къ Готтшеду чувства уваженія и благодарности. Когда Фридрихъ Великій написалъ Французскіе стихи въ честь Нѣмецкаго классика, Рейхель перевелъ ихъ по Нѣмецки три раза и переводъ свой въ трехъ образчикахъ отправилъ къ Миллеру для доставленія Готтшеду. Но Шаденъ не любилъ Готтшеда и его школы, а потому Лейпцигскіе гости сначала не поладили съ Ректоромъ Университетской Гимназіи. Директоръ Мелиссино и Профессоръ Дильтей вступились за нихъ. Оба они были назначены репетиторами казеннокоштныхъ Студентовъ и такимъ образомъ удалены отъ Гимназіи и непріязненныхъ столкновеній съ ея Ректоромъ. Впрочемъ, время и наука сблизили послѣ обоихъ добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ ученыхъ.

Въ каталогѣ лекцій 1757 года за вторую его половину Рейхель показанъ читающимъ Грамматику Нѣмецкаго языка и правила Нѣмецкаго краснорѣчія, также «исторію философическую и литеральную.» Въ каталогѣ гимназическихъ лекцій 1758 года Рейхель читаетъ правила Нѣмецкаго слога, учитъ писать письма, краткія рѣчи и разговоры на Нѣмецкомъ языкѣ, и преподаетъ особенно правила историческаго слога, сопровождая ихъ историческими и географическими примѣчаніями. Въ 1759 году преподаваніе Рейхеля въ Университетѣ ограничивалось однимъ Нѣмецкимъ языкомъ и Словесностью. Съ самаго начала службы Рейхеля при Университетѣ поручена ему была должность Библіотекаря и данъ въ помощники Магистръ Даніилъ Савичь. Жалованье Р. было весьма ограничено. Онъ долженъ былъ вступить въ частный домъ учителемъ; до 4-хъ часовъ по полудни занимался съ дѣтьми знатнаго Русскаго барина; потомъ отправлялся пѣшкомъ въ Университетъ; отъ 4-хъ до 6 читалъ лекцію и возвращался домой. Осенью и зимою, эта поздняя прогулка была весьма непріятна для Профессора, по причинѣ множества собакъ, бѣгавшихъ ночью по улицамъ города.

Товарищъ Рейхеля, *Келлнеръ*, послѣ долгой и тяжкой болѣзни, умеръ 25-го Февраля 1760 года, въ домѣ Профессора *Дильтея*, и каѳедра Исторіи упразднилась его смертію. Тогда она перешла къ *Рейхелю*, но съ тѣмъ виѣстѣ онъ не оставлялъ правилъ Нѣмецкаго слога. Въ Іюнѣ 1761 года получилъ онъ наконецъ каѳедру Экстраординарнаго Профессора, и съ тѣхъ поръ читалъ постоянно Всеобщую Исторію, нѣсколько времени Нѣмецкую Словесность, пока этотъ предметъ не отошелъ къ особенному Лектору Гельтергофу; для Студентовъ же, приходившихъ въ Библіотеку, Рейхель излагалъ особенно Исторію Литературы (histoire littéraire). Преподаваніе Исторіи Всеобщей онъ любилъ соединять съ ученою Исторіей, а позднѣе къ новой Исторіи присоединялъ всегда статистическое обозрѣніе новыхъ Европейскихъ государствъ. Древнюю Исторію обыкновенно проходилъ весьма кратко, и торопился всегда къ новому времени и къ дѣйствовавшимъ современно государствамъ, чтобы Студентамъ могли быть ясны происшествія новой Исторіи. Въ 177⅔ г. онъ, первый, читалъ въ теченіи цѣлаго года Статистику, уже подъ этимъ именемъ, хотя еще прежде въ 176⅘ году предпринялъ курсъ статистическаго содержанія, читая въ первый разъ какъ Профессоръ Ординарный. При изложеніи новой Исторіи, Рейхель давалъ понятіе о современныхъ государственныхъ учрежденіяхъ; для ученой Исторіи объяснялъ Геснерово сочиненіе Isagoge in eruditionem universalem; предлагалъ первыя начала исторіи политической, церковной, ученой и философической; знакомилъ слушателей съ вспомогательными историческими науками. Памятникомъ его историческаго и статистическаго преподаванія въ Университетѣ осталась книга: *Краткое Руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ, собранное изъ публичнаго въ 1773 году обученія Исторіи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и до самыхъ новѣйшихъ временъ продолженное*. Переведено съ Латинскаго. (Печатано при И. М. У. 1775). Книга эта посвящена Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу Іеромонахомъ Аполлосомъ, въ свѣтскомъ званіи Андреемъ Байбаковымъ, учителемъ Риторики въ Московской Академіи,

который въ предисловіи самъ объявляетъ, что въ 1773 году слушалъ лекціи въ Университетѣ и сію Статистику, и изъ своихъ записокъ, съ помощью самого Профессора Рейхеля, имъ достойно почитаемаго учителя и благодѣтеля, составилъ эту книгу. Въ Предувѣдомленіи авторъ знакомитъ со всѣми трудами по части Статистики, ему предшествовавшими. Раздѣляя государства по образцу другихъ писателей на четыре степени, авторъ говорилъ: «къ владѣніямъ *первой величественности* относятся тѣ, которыя довольно готоваго могутъ выставить войска какъ сухопутнаго, такъ и морскаго, и довольно имѣютъ денегъ, такъ что безъ помощи, союзовъ, и безъ вспомогательныхъ отъ другихъ денегъ войну имѣть, или наносить, или въ нанесенной долго защищаться могутъ. Къ сему степени относятъ только Великобританію и Францію: какимъ же образомъ изъ него выключить Россійскую Имперію не извѣстно: ибо ко второму степени несправедливо относится.» — Говоря о партіяхъ, раздѣляющихъ Европу, такъ выражается Профессоръ: «Нынѣ двѣ *главнѣйшія части* кажутся быть въ Европѣ, одну составляетъ Австрія съ Бурбонскимъ поколѣніемъ, а другую Великобританія съ ея союзниками. Въ такомъ же расположеніи Европейскихъ дѣлъ можетъ ли долго стоять равновѣсіе, время покажетъ будущее. Ежели же въ сіе дѣло подробнѣе вникнемъ, то удобно примѣтимъ, что Россія такое равновѣсіе сохраняетъ въ цѣлости особливо въ сѣверной части Европы и дѣлаетъ то, дабы въ Германіи домъ Австрійскій и Бранденбургскій не преступилъ своихъ границъ, или не пришелъ бы въ великое усиліе во вредъ другихъ владѣній.» — Руководство содержитъ Статистику Испаніи, Португалліи, Франціи, Великобританіи, Соединенныхъ Нидерландовъ, Даніи, Швеціи, Польши. Каждое изъ этихъ государствъ разсмотрѣно сначала въ отношеніи къ своему положенію географическому или натуральному, потомъ относительно состоянія религіознаго, политическаго, экономическаго и учебнаго.

Рейхель принадлежитъ къ числу благодарныхъ и добросовѣстныхъ иноземцевъ, которые, любя науку, водворились у насъ съ цѣлію истинной пользы новому отечеству, или из-

браннону, и старались знаконаться съ его языкомъ и особенностями. Въ портфеляхъ Миллера, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, сохранилось много писемъ Рейхеля къ Исторіографу. Изъ нихъ мы видимъ, какъ Профессоръ, добросовѣстно заботясь о томъ, чтобы передать Русскимъ знаніе языка Нѣмецкаго, самъ старался узнать также языкъ Русскій и даже просилъ Студентовъ сдѣлать для него извлеченіе изъ Грамматики Ломоносова, отъ чего однако они отказались, какъ отъ дѣла невозможнаго.

Русское просвѣщеніе и Русская Исторія возбуждали въ немъ участіе. По порученію Миллера, онъ разбиралъ библіотеку Татищева въ помѣстьѣ его сына и нашелъ въ ней множество книгъ и рукописей сгнившихъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру отъ 12 Апрѣля 1761 года. Черезъ Рейхеля Миллеръ получилъ рукописи Татищева, въ числѣ которыхъ Рейхель видѣлъ и Географическій Словарь городовъ и деревень, писанный его рукою.

Мы знаемъ положительно, что Рейхель имѣлъ большое вліяніе на образованіе Фонъ-Визина. Басни Гольберговы сей послѣдній переводилъ подъ руководствомъ Рейхеля и изъ рукъ его получилъ Нѣмецкой подлинникъ для перевода. Въ 1762 году Рейхель издавалъ при Университетѣ, четыре раза въ годъ, періодическое *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія или смѣшанную Библіотеку о разныхъ Физическихъ, Экономическихъ, такожъ до Манифактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ.* Изданіе состояло въ переводахъ многихъ ученыхъ любопытныхъ статей; переводчиками были Студенты, между которыми встрѣчаемъ имена Дениса и Павла Фонъ-Визиныхъ. Здѣсь Рейхель напечаталъ извѣстіе о переводѣ романа Аббата Террасона: *Сиѳъ.* Переводъ предпринятъ былъ Денисомъ Фонъ-Визинымъ съ перевода Нѣмецкаго. Такъ объ этомъ трудѣ выражается Профессоръ Рейхель, печатая изъ него отрывокъ въ своемъ изданіи: «и дѣйствительно не напрасный трудъ имѣлъ господинъ Фонъ-Визинъ въ переводѣ на Россійскій языкъ книги сея своимъ согражданамъ. Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія, и ко-

торыя вообще полезны для свободныхъ наукъ. При такъ великомъ множествѣ худыхъ книгъ, видно похвальное достоинство переводчика, когда избираетъ онъ нѣчто доброе, полезное и особливое. Что господинъ Фонъ-Визинъ въ разсужденіи сего, здѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствіемъ.

«О знаніи его въ Нѣмецкомъ языкѣ, я весьма увѣренъ; а общество видѣло ужé силу его въ Россійскомъ языкѣ, какъ изъ различныхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ барона Голберга. Можетъ быть переведенныя имъ на Россійской языкъ Овидіевы превращенія, будутъ бóльшимъ еще доказательствомъ его способности. Но я какъ чужестранецъ, примѣчая все то, чтò можетъ приводить въ совершенство хорошей вкусъ народовъ, науки дѣлать болѣе общими, и поощрять молодыхъ и способныхъ людей слѣдовать добрымъ примѣрамъ, радуюсь сердечно, когда полезнѣйшія книги становятся общими, и подаютъ читателямъ наставленіе на ихъ природномъ языкѣ, а особливо, когда распространяютъ они науки и добродѣтель.

«Я нимало не сомнѣваюсь о благосклонномъ принятіи Сиѳа, а особливо, когда возрастаетъ знаніе полезныхъ книгъ. Но я желаю болѣе скорѣйшаго изданія книги, которая безъ сомнѣнія принесетъ великую честь своему переводчику.» Такъ отличалъ Рейхель Фонъ-Визина, съумѣвъ, какъ видно, отгадать его способности. Изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру мы могли бы съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что Профессоръ своею ироніею и своимъ умѣньемъ схватывать неразумную сторону жизни, свойствами, которыя въ этой перепискѣ сильно обнаруживаются, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе нашего геніальнаго комика.

Но изданіе, предпринятое Рейхелемъ на счетъ книгопродавца Вевера, продолжалось только годъ. Рейхель не имѣлъ отъ него никакой выгоды. Трудно было ему ладить и съ молодыми переводчиками, изъ которыхъ каждый хотѣлъ переводить свое; затрудненія умножались, конечно, несовершеннымъ знаніемъ Русскаго языка въ самомъ Профессорѣ, который въ Москвѣ принужденъ былъ издавать журналъ по-Русски.—«Вы справедливо замѣчаете,» пишетъ онъ къ Миллеру въ Августѣ 1763 года, «что я довершеніемъ моего періодическаго изданія обязанъ счастливому случаю. Въ переводчикахъ недостатка не было:

ob sie gut waren, wissen die Götter; allein dies Geschlecht ist von verkehrter Art. Sie wollen nicht übersetzen, was man ihnen giebt, sondern selbst wählen, und diese Wahl fällt gemeiniglich auf besondere Materien. Hätte ich diesen den Zügel gelassen, so wäre aus der Quartalschrift eine Latrina geworden. Gottlob! dass ichs so weit gebracht habe. Künftig will ich mich hüthen: besonders mag ich mit dergleichen Verleger nichts zu schaffen haben».

На торжественныхъ актахъ Университета Рейхель произнесъ нѣсколько рѣчей на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, изъ коихъ нѣкоторыя переведены были учениками его на Русской языкъ: 1) Dass die Künste und Wissenschaften durch den Schutz und Beyfall steigen, den ihnen die Regenten und Grossen eines Landes gönnen. Эту рѣчь говорилъ Рейхель по совершеніи коронованія Императрицы Екатерины на праздничномъ актѣ Университета 3-го Октября 1762 года—и самъ же перевелъ ее тогда съ Латинскаго на Нѣмецкой языкъ и напечаталъ, а ученикъ его Денисъ Фонъ-Визинъ издалъ ее на Русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Слово о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ.*—2) De optimis civium frequentiam augendi modis. Panegyricus augustissimae Monarchae Catharinae II, 30-го Іюня 1766. Слово вышло тогда съ Русскимъ переводомъ: *о наилучшихъ способахъ къ умноженію подданныхъ.* Въ немъ доказывается, что процвѣтаніе земледѣлія въ народѣ есть одно изъ первыхъ условій его благосостоянія, а потому и умноженія, и особенною похвалою превозносится учрежденіе Экономическаго Общества.—3) Oratio de artibus veterum, quibus ingenium et manus artificum laudantur, 23-го Апрѣля 1770 г. Рѣчь вышла также съ Русскимъ переводомъ. Она весьма замѣчательна по содержанію. Въ ней разсмотрѣны образовательныя искусства, процвѣтавшія у древнихъ, а именно: Торевтика, Пластика, Живопись и Зодчество. Слово обнаруживаетъ знакомство какъ съ древними, такъ и съ современными ученому писателями объ этомъ предметѣ. Шаденъ въ своей рѣчи того же года, произнесенной въ Іюнѣ мѣсяцѣ: «о правѣ Государя въ разсужденіи воспитанія подданныхъ» ссылается на это слово Рейхеля

и благодаритъ его за сообщеніе нѣкоторыхъ примѣчаній объ Исторіи Университетовъ, приложенныхъ Шаденомъ къ его рѣчи. — 4) Russiam ex virtutibus heroicis suae Autocratoris florentem et gloriosam in decennalibus Catharinae II in publico Universitatis Caesareo-Moscuensis conventu celebratis summa animi devotione praedicat Orator ad hunc actum constitutus I. G. Reichel, 30-го Іюня 1772 года. Рѣчь тогда вышла съ Русскимъ переводомъ учителя Исторіи Харитона Чеботарева подъ заглавіемъ: *Цвѣтущее состояніе и славу Россіи, отъ геройскихъ добродѣтелей ея Самодержицы происходящую*, и проч. *изъявляетъ Ораторъ Рейхель*. 5) *Слово о способѣ, какимъ древніе возбуждали въ гражданахъ любовь къ отечеству*, 22-го Апрѣля 1775 г. Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ Русской переводъ рѣчи, сдѣланный Чеботаревымъ, Суббибліотекаремъ Университета, а подлинникъ произнесенъ по-Латинѣ. — Въ томъ же году, Іюля 10, по случаю празднованія мира съ Портою, заключеннаго Іюля 10 1774 года, при Кучукъ-Кайнарджи, Рейхель говорилъ 6) рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ: Rede bei der Feier des Friedens и проч. Въ рѣчахъ своихъ Профессоръ оправдалъ слова писанныя имъ къ Миллеру, когда еще, принимая должность Профес., читалъ вступительную лекцію: «Ich habe hauptsächlich das angezeigte Thema darum erwählet, um einigermassen dem Reiche für den bishergegönnten Aufenthalt und andere Vortheile dankbar zu seyn. Meine Gesinnungen sind und werden auch alle Zeit patriotisch seyn». (Письмо отъ 7-го Іюня 1761 г.). Въ другомъ письмѣ (отъ 4-го Февраля 1763 года) онъ такъ выражается: «Ist meine Rede kein Beweis von meiner Beredsamkeit, so bleibt sie wenigstens ein öffentliches Zeugniss meiner patriotischen Gesinnungen: denn sie ist mir gewiss aus dem innersten meines Herzens geflossen».

Кромѣ печатныхъ рѣчей Профессора, въ портфеляхъ Московскаго Главнаго Архива иностранныхъ дѣлъ сохранилась Латинская письменная рѣчь Профессора Рейхеля, которую онъ, 24-го Августа 1769 года, произнесъ въ факультетѣ по случаю нѣкоторыхъ неправильныхъ мнѣній, вкравшихся въ разсужденіе новопроизводимаго тогда Профессора Аничкова о натуральномъ богопочитаніи. Здѣсь наставникъ укоряетъ молодаго ученаго въ томъ, что онъ слишкомъ увлекся Лукре-

ціемъ, котораго Рейхель называетъ inter philosophos proletarium, porcum ex grege Epicuri. Это опровержение послужило молодому Профессору къ исправленію ошибочныхъ его мнѣній.

Видно, что Рейхель, живучи долго въ Россіи и какъ умный человѣкъ вникая въ основы ея внутренняго духовнаго образованія, сознавалъ ихъ и имъ сочувствовалъ. Онъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ Догматы Христіанскія Православныя Вѣры въ богословскомъ ученіи предложенныя и изъясненныя Московской Академіи Ректоромъ, священнаго Богословія учителемъ, Архимандритомъ Ѳеофилактомъ, и издалъ переводъ свой при Университетѣ въ 1773 году, съ своимъ именемъ, подъ заглавіемъ: Grundlehren der christlichen orthodoxen Religion, welche in seinen theologischen Vorlesungen vorgetragen und erkläret Se. Hochwürden der Archimandrit Theophylakt, Rector der Moskowischen Akademie und Lehrer der Theologie. Книга посвящена Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ.

Кромѣ того Рейхель издалъ въ 1773 году *Краткую Исторію о Японскомъ государствѣ*; тоже самое сочиненіе вышло подъ другимъ заглавіемъ: *Исторія о Японскомъ государствѣ* (1778 г.).

Рейхель скончался въ 1778 году, Октября 25-го, заключивъ 21 годъ своей полезной Университетской дѣятельности. По смерти его учитель Исторіи при Гимназіи, ученикъ Рейхеля, Михаилъ Падеринъ, въ 1788 году, издалъ въ переводѣ съ Латинскаго его *Исторію о знатнѣйшихъ Европейскихъ Государствахъ, съ краткимъ введеніемъ въ Древнюю Исторію, продолжающуюся до нынѣшнихъ временъ.* Эта книга содержитъ записки историческихъ лекцій Профессора Рейхеля.

РЕННЕРЪ, Теобальдъ, Ординарный Профессоръ Ветеринарной Науки, Докторъ Медицины, родился Іюня 4-го 1779 г., въ Бременѣ, обучался ветеринарной наукѣ въ Берлинѣ, 1802 г. прибылъ въ Россію и опредѣленъ былъ ветеринарнымъ врачемъ при заводѣ Графа Ѳ. В. Ростопчина, а скоро послѣ того старшимъ ветеринаромъ Московской полиціи. Находясь на службѣ, посѣщалъ, какъ вольный слушатель, лекціи Профессоровъ Медицинскаго Факультета и былъ удостоенъ сте-

мени Доктора Медицины въ 1810 г., а въ слѣдующемъ году званія Экстраординарнаго Профессора ветеринарной науки, которую и преподавалъ на Латинскомъ языкѣ, а именно Исторію скотоврачебной науки, Анатомію и Физіологію домашнихъ животныхъ, до нашествія Французовъ. 1812 г. былъ онъ опредѣленъ полковымъ врачемъ и отправился съ Русскими войсками за границу. Съ 1813 года, по возобновленіи лекцій, въ каталогахъ преподаванія до 1814 года печатался находящимся въ отсутствіи при арміи. Въ 1816 года уволенъ былъ по прошенію отъ службы и остался въ Германіи; 1816 г. посѣщалъ анатомическія лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ и въ томъ же году назначенъ былъ Профессоромъ Сравнительной Анатоміи и Директоромъ ветеринарнаго института вновь учрежденнаго при Іенскомъ Университетѣ.

Сверхъ того исполнялъ онъ должность Іенскаго ветеринарнаго Штадтъ-физика и обучалъ Саксенъ-Веймарскихъ кузнецовъ искусству ковать лошадей и рогатый скотъ и лѣченію болѣзней копытъ.

Скончался Февраля 23-го 1850 г. въ Іенѣ. Преемникъ его каѳедры, Профессоръ Іенскаго Университета Фальке, которому мы обязаны сообщеніемъ дополнительныхъ біографическихъ свѣдѣній, говоритъ, что Профессоръ Реннеръ пользовался общимъ уваженіемъ и славою весьма ученаго и опытнаго преподавателя и что онъ всегда съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминалъ о Россіи и даже на смертномъ одрѣ нѣсколько разъ говорилъ Профессору Фальке о «счастливѣйшихъ часахъ своей жизни»: такъ называлъ онъ проведенныя имъ въ Москвѣ десять лѣтъ. Сочиненія его: 1) Sur l'épizootie de l'année 1805, помѣщено въ Mémoires de la Société des Sciences Naturelles de Moscou. 1806.—2) Dissertatio inauguralis cogitata quaedam circa hydrophobiae naturam et medelam. Mosquae. 1810.—3) Рѣчь на актѣ: De clementia in animalia domestica multos eorum morbos avertente. Mosquae. 1812.—4) Wörterbuch der Thierarzneikunde. Weimar 1830—32.—5) Ueber die Erkenntniss der Hundswuth. Jena. 1844.—6) Abhandlungen für Pferdeliebhaber und Thierärzte. Bd. 1. Jena. 1844.

свѣ. Благодѣтельное влiянiе первоначальнаго строгаго нравственнаго и научнаго образованiя отразилось впослѣдствiи въ отличныхъ достоинствахъ и качествахъ, которыми обладая во всю свою жизнь, Вильгельмъ Михайловичь оказалъ такъ много услугъ отечеству и пользы современникамъ. 1779 г. отправленъ былъ въ Ревель и поступилъ въ тамошнюю Гимназiю, называвшуюся gymnasium illustre, которой Директоромъ былъ дядя его, Шмидтъ. Здѣсь предался учебнымъ занятiямъ съ такимъ усердiемъ и любознанiемъ, что въ короткое время обратилъ на себя вниманiе начальниковъ и прiобрѣлъ любовь преподавателей и товарищей.

По окончанiи гимназическаго курса и возвращенiи въ Москву 1783 г., былъ принятъ въ число Студентовъ Медицинскаго Факультета Московскаго Университета. Много способствовало въ немъ изученiю медицинскихъ наукъ основательное знанiе новыхъ и древнихъ языковъ, такъ что, по окончанiи трехлѣтняго курса, получилъ онъ отъ Университета (какъ значится въ формулярномъ спискѣ): «похвальный аттестатъ о его способности, успѣхахъ, прилежанiи и благонравiи съ тѣмъ, чтобы подъ покровительствомъ Начальства могъ отправиться въ чужiе краи для усовершенствованiя во Врачебной наукѣ вообще и родовспомогательномъ искусствѣ въ особенности, съ цѣлью приготовить себя къ каѳедрѣ Акушерства въ Московскомъ Университетѣ.»

И такъ, въ началѣ 1786 г., отправилоя онъ за границу, гдѣ и пробылъ четыре года, посѣщая Университеты, клиники и госпитали, пользуясь лекцiями знаменитыхъ Профессоровъ Германiи, Францiи, Англiи и Голландiи. Повивальное искусство изучалъ онъ по преимуществу въ Повивальныхъ институтахъ, Геттингенскомъ и Берлинскомъ.—1788 г. удостоенъ былъ степени Доктора Медицины въ Эрлангенскомъ Университетѣ. Диссертацiя его: Experimenta et cogitata circa bilis naturam, inprimis ejus principium salinum, имѣющая до сихъ поръ историческое достоинство и отличающаяся самостоятельностью мнѣнiй, побудила многихъ ученыхъ къ дальнѣйшимъ изыскавiямъ по этому предмету и къ повѣркѣ выведенныхъ имъ положенiй. Знаменитый въ свое время физiологъ Блуменбахъ ссылается на диссертацiю Рихтера, въ своемъ сочиненiи:

Institutiones physiologicae (въ главѣ: de bile).—1790 г. Рихтеръ возвратился въ свое отечество и былъ утвержденъ въ Докторскомъ званіи Медицинскою Коллегіею въ С.Петербургѣ. Въ томъ же году былъ опредѣленъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Повивальнаго Искусства въ Московскомъ Университетѣ, а 1794 г. утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ.

Съ необыкновеннымъ раченіемъ и постояннымъ усердіемъ преподавалъ онъ Акушерство до 1819 г.—1792 г. былъ опредѣленъ Докторомъ больницы при Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета, и въ этой должности оставался до 1800 г.—1806 г. Января 7-го былъ подъ его руководствомъ открытъ новый повивальный институтъ и родильный госпиталь при Московскомъ Университетѣ. — На 180$\frac{7}{8}$ годъ былъ избранъ Деканомъ Медицинскаго Факультета.—Въ 1810 г. избранъ Президентомъ Физико-Медицинскаго Общества, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Многія его отличныя сочиненія помѣщены въ изданіяхъ этого Общества, котораго онъ въ продолженіи 12 лѣтъ былъ Президентомъ и красою.

Кромѣ того, Вильгельмъ Михайловичь, указомъ Медицинской Коллегіи 5-го Іюля 1795 г., былъ опредѣленъ преподавателемъ Повивальнаго искусства для бабокъ и главнымъ Московскимъ городовымъ акушеромъ; эту должность онъ исправлялъ 10 лѣтъ.

1801 г. Января 6-го опредѣленъ, по Высочайшей волѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Директоромъ новоучрежденнаго Повивальнаго Института и Родильнаго Госпиталя при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Доведя состояніе Института до возможнаго совершенства, испросилъ отъ этой службы увольненія въ 1807 г. Кромѣ того, поручено ему было освидѣтельствованіе дѣтей, отправляемыхъ изъ Воспитательнаго Дома на воспитаніе въ деревни.

Въ 1802 г. произведенъ въ Статскіе, а въ 1810 г. въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. 1808 г. пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й ст. и 1817 г. Св. Владиміра 3-й ст. Въ 1802 и 1817 гг. Всемилостивѣйше пожалованъ драгоцѣнными перстнями.—Въ 1802 г. Медицинская Коллегія признала его своимъ Почетнымъ Членомъ (какъ сказано въ формулярномъ спискѣ): «за отличное его во Врачебной

Наукѣ просвѣщеніе и превосходныя практическія свѣдѣнія, основательными сочиненіями доказанныя.» — 1814 г. утвержденъ членомъ Медицинскаго Совѣта, за поднесенную Его Императорскому Величеству книгу, подъ заглавіемъ: Исторія Медицины въ Россіи. Въ 1818 году, по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Лейбъ-Медики Двора Его Императорскаго Величества.

1818 г. Декабря 31-го, по выслугѣ 28 лѣтъ въ должности Профессора, былъ Высочайше утвержденъ въ званіи Заслуженнаго Профессора.

Вильгельмъ Михайловичь былъ Почетнымъ членомъ Императорской С.Петерб. Академіи Наукъ, Университетовъ: Казанскаго, Харьковскаго и Виленскаго, С.Петербургской Медико-Хирургической Академіи и многихъ ученыхъ Обществъ въ Россіи и за границею.

Этотъ очеркъ служебной дѣятельности Вил. Мих. Рихтера, заимствованный изъ послужнаго его списка, ясно обнаруживаетъ необыкновенныя его заслуги и достоинства. Съ полнымъ классическимъ приготовительнымъ образованіемъ, поступилъ онъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь получивъ общія понятія обо всѣхъ Медицинскихъ наукахъ, спеціальныя свѣдѣнія въ Повивальномъ Искусствѣ пріобрѣлъ онъ, по преимуществу, въ Университетахъ заграничныхъ. Отличнымъ врачемъ и акушеромъ возвратился онъ оттуда на свою родину, и съ постоянною добросовѣстностію и блистательнымъ успѣхомъ исполнялъ всѣ обязанности неутомимаго и обремененнаго дѣломъ врача и наставника. Довѣренность и любовь къ нему больныхъ, имъ лѣчимыхъ, были неограниченны. Утонченное обхожденіе высоко-образованнаго мужа, тихая, но твердая поступь врача, рѣдкій даръ слова, печать высшей нравственности на каждомъ словѣ его и дѣлѣ, любезность, выражавшаяся во всемъ существѣ его, привлекали къ нему всѣ сердца; восходя своею практикой выше и выше по лѣствицѣ сословій и проникнувъ даже въ самые Царскіе чертоги, онъ никогда не ограничивалъ любви своей къ страждущему человѣчеству, не становился разборчивъ въ выборѣ сво-

ихъ паціентовъ, но всегда готовъ былъ помогать всѣмъ и каждому, кто бы ни просилъ его о помощи.

Его сочиненіе: Synopsis praxis medico-obstetriciae, ясно обнаруживаетъ великія его заслуги, какъ акушера, его счастіе и необыкновенную ловкость въ этомъ искусствѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, занимаетъ онъ почетное мѣсто между славнѣйшими акушерами Европы. 28 лѣтъ преподавалъ онъ свое искусство, и Науку о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, и управлялъ акушерскою Клиникою при Университетѣ. Велики заслуги его, какъ наставника. Онъ же основалъ Повивальный Институтъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, и здѣсь преподавалъ также Теорію и Практику Повивальнаго Искусства.

12 лѣтъ сряду былъ Президентомъ Физико-Медицинскаго Общества въ Москвѣ. Подъ его руководствомъ изданы обширные томы трудовъ и лѣтописей Общества, гдѣ помѣстилъ онъ многія превосходныя свои разсужденія. Кромѣ того, нерѣдко въ засѣданіяхъ предлагалъ членамъ чтенія, которыя не выходили въ печати, но всегда возбуждали въ нихъ самое живое участіе. На пяти языкахъ могъ онъ свободно и изящно выражать свои мысли, изустно и письменно: на Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ и Латинскомъ.

Непостижимымъ кажется, какъ, при такихъ обширныхъ занятіяхъ по практикѣ и каѳедрѣ, Вильгельмъ Михайловичь находилъ еще время для литературной работы. Кромѣ вѣрнаго отчета въ своей двадцатилѣтней акушерской практикѣ, кромѣ руководства къ Повивальному Искусству, отличающагося полнотою и ясностію изложенія, кромѣ многихъ небольшихъ разсужденій и рѣчей, онъ издалъ въ трехъ частяхъ Исторію Медицины въ Россіи. Матеріалы для этого труда онъ долженъ былъ собирать не только въ печатныхъ иностранныхъ и Русскихъ книгахъ, но преимущественно въ архивахъ Имперіи. Не только до него, но даже и послѣ него, ни одинъ врачь въ Россіи не рѣшился на такую работу; этимъ трудомъ Рихтеръ воздвигъ себѣ прочный памятникъ, который, конечно, признаетъ и самое отдаленное потомство. Замѣчательно, что трое историковъ, Шлецеръ, Эверсъ

и Рихтеръ, оказавшихъ важныя услуги отечественной Исторіи, образовались въ Геттингенскомъ Университетѣ.

Но неутомимая дѣятельность знаменитаго ученаго должна была наконецъ сокрушить тѣлесныя силы. Наслѣдственная болѣзнь, подагра, весьма часто его мучила. Но любовь къ ближнему и свойственное ему особенно чувство своей обязанности влекло его, не смотря на болѣзнь, къ постелѣ страждущихъ. Какъ часто предпочелъ бы онъ остаться дома, въ семейномъ кругу, гдѣ, какъ супругъ и отецъ, онъ могъ вполнѣ наслаждаться семейнымъ счастіемъ на закатѣ своей жизни! Слишкомъ поздно онъ согласился подчинить себя настоящему лѣченію, ибо неправильная подагра (arthritis anomala) произвела уже въ немъ органическое поврежденіе.

Съ 10-го Января 1822 года онъ не выѣзжалъ болѣе изъ дома.—Въ Іюнѣ того же года переѣхалъ на дачу близь Петровскаго дворца, гдѣ и кончилъ жизнь, 27-го Іюня 1822 г., въ 7 часовъ утра, на 55 году своей жизни. На Веденскихъ горахъ, гдѣ погребено его тѣло, воздвигнутъ ему памятникъ съ надписью, достойно выражающею память его прекрасной жизни.

Прилагаемъ списокъ его сочиненій: 1) Experimenta et cogitata circa bilis naturam, inprimis ejus principium salinum. Diss. inaug. Erlangae. 1788.—2) De incrementis artis obstetriciae post obitum Roedereri. Commentatio pro munere Professoris obtinendo. Mosquae. 1790. — 3) Panegyricus, sistens Catharinam Magnam, de vita et sanitate civium suorum optime merentem. Oratio Academica. Mosquae. 1792. — 4) De civium frequentia, praesidiis medicis augenda oratio. Mosquae. 1797.—Переведено по Русски Докторомъ Максимомъ Успенскимъ: *О врачебныхъ пособіяхъ, служащихъ къ приращенію малоплодства въ обществахъ.* — 5) *Слово о первоначальномъ происхожденіи, постепенномъ усовершенствованіи и отмѣнной пользѣ Повивальнаго Искусства*, произнесенное при открытіи новоучрежденнаго Повивальнаго Института при Императорскомъ Московск. Воспит. Домѣ 1-го Января 1801 г.— 6) *Руководство къ Повивальному Искусству, основанное на новѣйшихъ опытахъ.* Москва. 1801 г.—7) Oratio, qua disseritur, an literarum bonarumque artium studium inter varios

civium ordines undique propagatum reipublicae ac moribus proficiat vel obsit? habita die XXX Augusti 1803. Переведена на Русскій языкъ: *Слово о томъ, полезно ли или паче вредно какъ вообще благонравію, такъ въ особенности благосостоянію цѣлыхъ Государствъ, вводить и распространять всеобщее просвѣщеніе?* Москва. 1803. — 8) De secundinis gemellorum superfoetationem mentientibus, cum icone aeri incisa, epistola ad Ioannem Wenssowitsch, qua eidem de summis in Medicina honoribus gratulatur. 1803. Это письмо припечатано къ диссертаціи Венсовича, и отпечатано въ журналѣ Физико-Медицинскаго Общества ч. I. ст. 2.—9) Observationes de morbis organicis uteri cum descriptione novi instrumenti seu hysteromochlii pro repositione uteri gravidi retroversi, cum icone typis expressa in Actis Societatis physico-medicae. Mosquae. Vol. I. p. 2.—10) *О гошпиталяхъ нынѣшнихъ въ Лондонѣ*, (въ Журналѣ Общества Физическихъ и Врачебныхъ наукъ). Москва. 1806. — 11) Synopsis praxis medico-obstetriticiae, quam per hos viginti annos Mosquae exercuit Guil. Mich. Richter. Mosquae. 1810.—12) Oratio pro munere Praesidis Societatis physico-medicae Mosquensis adeundo de Societatum litterariarum utilitate, habita die V. m. Decembris. 1810.—13) Relatio cum epicrisi de sectione caesarea Rigae, in eadem foemina bis feliciter facta, quam ipsam hic Mosquae examinare contigit. Mosquae. 1811.—14) Commentatio de medicamentis domesticis, in Russia usualibus. Mosquae. 1811. — 15) Observatio de vi terroris et imaginationis foeminae gravidae in deformando foetu. Mosquae. 1811.—16) Oratio funebris in memoriam Francisci Keresturi in Societate Physico-Medica habita. Mosquae. 1811. — 17) Geschichte der Medicin in Rußland. Moskau. Th. 1. 1813. Th. 2. 1815. Th 3. 1817.—(Это превосходное сочиненіе переведено на Русскій языкъ Профессоромъ Бекетовымъ и издано иждивеніемъ Зоя Павловича Зосимы. 1814—20 г.)—18) Discours sur le mérite éclatant de Pierre-le Grand, relativement à la médecine et à la chirurgie dans son Empire, prononcé á la séance de la Société physico-médicale de l'Université Impériale de Moscou, le 10 fevrier 1817.—19) Descriptio infantis acephali cum icone et epicrisi. Com. Soc. physico-med. P.

II. Vol. II.—20) De paediometro Sieboldii et ejusdem pulvinari obstetricio. M. 1819.—21) De hydrocephalo acuto secundum observationes nuperrime editos D. Gölis, medici Vindobonensis. Mosquae 1819.—22) De experimentis nuper in Germania factis circa nasi curti e cuti brachii restitutionem, secundum observationes D. Graefe. Mosquae. 1819.—23) Observationes nuper cum cauterio actuali in Gallia factae, nec non de unguento ammoniacali, noviter a D. Gondret invento. Mosquae. 1820. — 24) Oratio de artis obstetriciae origine et progressu imprimis Russiam spectante. Die inaugurationis novi instituti obstetricii Univ. Caes. Mosq. die 25 Sept. 1820 habita.

РИХТЕРЪ, Михаилъ Вильгельмовичь, Заслуженный Профессоръ Повивальнаго Искусства, Докторъ Медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, сынъ предъидущаго, родился въ Москвѣ, 1799 года Апрѣля 20-го и воспитывался въ домѣ своего родителя. — 1813 г. въ Августѣ поступилъ въ Студенты по Медицинскому Отдѣленію въ Императорскій Московскій Университетъ, гдѣ, въ теченіи трехъ лѣтъ, слушалъ лекціи Профессоровъ: Перелогова, Тимковскаго, Брянцева, Двигубскаго, Рейсса, Гофманна, Фишера, Котельницкаго, Гильдебрандта, Мухина, Щеголева и отца своего. — Послѣ того, 14-го Іюня 1818 года, будучи еще Студентомъ, удостоился получить отъ Университетскаго Совѣта свидѣтельство, по которому ему дозволено было, при покровительствѣ и одобреніи Университета, продолжать Медицинскія науки въ иностранныхъ Университетахъ и другихъ мѣстахъ, той цѣли соотвѣтствующихъ, съ такою при томъ несомнѣнною надеждою, что, по возвращеніи, онъ можетъ быть принятъ въ число обучающихъ, ежели окажетъ успѣхи, которые содѣлаютъ его достойнымъ такого назначенія. — Съ 17-го Августа 1816 г. по 20-е Іюля 1817 г. Р. слушалъ въ Дерптѣ лекціи Профессоровъ Балка, Гизе, Паррота отца, Цихоріуса, Мойера, Стикса, Дейча, и пр.; съ 27-го Августа 1817 г. по Сентябрь 1818 г. въ Геттингенѣ—лекціи Блуменбаха, Озіандера, Гемпеля, Гимли, Лангенбека; съ 4-го Ноября 1818 г. по Апрѣль 1820 г. въ Берлинѣ—лекціи Грефе, Гуфеланда, Беренса, Гор-

на, Рихтера, Зибольдта.—По возвращеніи въ Москву въ 1820 году, въ 1821 выдержалъ экзаменъ на степень Доктора Медицины и получилъ дипломъ 18-го Января 1822 г., защитивъ диссертацію: De Cyanosi cardiaca, seu morbo sic dicto coeruleo.—Въ Декабрѣ 1822 г. утвержденъ Адъюнктомъ, и съ 1823 года началъ читать Повивальное искусство съ его исторіею по руководству Озіандера, Зибольда, Лумпе и другихъ, съ операціями на фантомѣ, о дѣтскихъ болѣзняхъ по сочиненіямъ Генке, Рау и другихъ, равно и о болѣзняхъ женскихъ.—Въ 1828 году на актѣ Іюля 5-го читалъ Латинскую рѣчь: Oratio de regimine infantum quod medici est.

Прохожденіе службы Рихтера было слѣдующее. Адъюнктомъ по Акушерской каѳедрѣ утвержденъ 1822 г. 26-го Декабря. За вторичное изданіе сочиненія покойнаго родителя своего, подъ названіемъ: *Руководство къ Повивальному искусству*, получилъ отъ Императрицы Маріи Θеодоровны въ награжденіе брилліантовый перстень 1823 года Января 13-го; утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ съ помѣщеніемъ на каѳедру Повивальнаго искусства 1827 г. Іюля 22-го; въ званіи Ординарнаго Профессора утвержденъ 1828 г. Января 7-го; опредѣленъ Императорскаго Воспитательнаго Дома Профессоромъ при Повивальномъ Институтѣ 1829 г. Мая 29-го; Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й ст. въ воздаяніе усердія, оказаннаго къ прекращенію болѣзни холеры 1831 г. Мая 29-го; опредѣленъ при Воспитательномъ Домѣ Директоромъ Повивальнаго Института и акушеромъ при родильномъ гошпиталѣ 1833 г. Февраля 23-го; за отлично усердную службу получилъ Монаршее благоволеніе 1833 г. Февраля 28-го; избранъ членомъ Училищнаго Комитета 1834 г. Іюля 1-го; при введеніи въ дѣйствіе новаго устава, назначенъ для преподаванія Акушерства и Науки о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ 1835 г. Декабря 31-го; Всемилостивѣйше пожалованъ въ награду за усердную службу брилліантовымъ перстнемъ 1836 г. въ Апрѣлѣ; произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1837 г. Апрѣля 18-го со старшинствомъ съ 1837 г. Января 18-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ 1838 г. Августа 22-го; Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава

2-й степени въ Московск. Воспитательномъ Домѣ 1838 года Декабря 31-го; Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-й ст. по службѣ въ Москов. Воспит. Домѣ 1841 г. Іюня 21-го; Всемилостивѣйше пожалованъ бриллiантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображенiемъ Имени Его Императорскаго Величества за совершенiе въ родильномъ институтѣ Воспитательнаго Дома, съ особеннымъ искусствомъ, надъ карлицею операцiи: кесарское сѣченiе, 1842 г. Іюля 22-го; получилъ знакъ отличiя безпорочной службы за XX лѣтъ, 1844 г. Августа 22-го; за полезную и усердную службу пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною 1845 г. Сентября 22-го; съ разрѣшенiя Г. Министра Народнаго Просвѣщенiя по выслугѣ по учебной части Мин. Нар. Пр. 25 лѣтъ оставленъ на службѣ при Университетѣ еще на 5 лѣтъ, считая съ 26-го Дек. 1847 года безъ назначенiя ему пенсiи 1848 г. Января 22-го; Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Вѣдомству произведенъ за отличiе въ Дѣйствит. Ст. Сов. 1848 г. Іюля 19-го; получилъ знакъ отличiя безпорочной службы за XXV, 1848 г. Августа 22-го; Г. Министромъ Народн. Просвѣщ. объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность Его Сiятельства за найденный въ Москов. Университетѣ отличный порядокъ 1850 г. Августа 22-го.—Въ 1851 г. уволенъ отъ службы при Университетѣ, за выслугою 25 лѣтъ, съ утвержденiемъ въ званiи Заслуженнаго Профессора и съ назначенiемъ ему въ пенсiю полнаго оклада Профессорскаго жалованья.

Роговъ, Андрей Петровичь, Экстраординарный Профессоръ Вексельнаго Права, былъ изъ придворныхъ Конюшенныхъ дѣтей, родился 1742 года Ноября 8-го. По воспитанiю, Андрей Петровичь принадлежитъ къ одному изъ первыхъ поколѣнiй питомцевъ Московскаго Университета. Въ самый годъ основанiя Университета онъ поступилъ въ состоявшую при ономъ Гимназiю, а по окончанiи гимназическаго курса въ 1763 году, былъ принятъ въ число Студентовъ. Въ то время не существовало еще строгаго разграниченiя наукъ, по различнымъ Факультетамъ, а потому занятiя Рогова въ Университетѣ были самыя разнообразныя; онъ обучался здѣсь Ла-

тинскому и Русскому языкамъ, Философіи, Опытной Физикѣ, Математикѣ, Исторіи и Юриспруденціи. Не смотря на то, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе преподавателей и за оказанные успѣхи былъ два раза награждаемъ серебряными медалями. Служебная дѣятельность его начинается тотчасъ по окончаніи курса въ Университетѣ. Уже въ 1767 г. онъ былъ опредѣленъ въ упомянутую Гимназію учителемъ Геометріи и Алгебры. Въ этой должности онъ оставался ровно сорокъ лѣтъ. Кромѣ того на Андрея Петровича были возлагаемы разныя другія занятія, которыя онъ исполнялъ безвозмездно. Такъ, въ теченіи шести лѣтъ (отъ 1768—1774), онъ завѣдывалъ однимъ изъ классовъ Гимназіи, предназначеннымъ исключительно для занятія переводами съ Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ на Русскій, а съ 1768—1772 онъ исправлялъ должность Надзирателя надъ больницею казенныхъ учениковъ. Подобные факты свидѣтельствуютъ о многосторонней дѣятельности Андрея Петровича, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримо доказываютъ, какъ трудно было тогдашнему ученому посвятить себя исключительно своей наукѣ; недостатокъ въ людяхъ безпрестанно налагалъ на ученаго бремя занятій, совершенно чуждыхъ его настоящему призванію. — Въ 1804 году Рогову открылось болѣе обширное поприще; онъ былъ опредѣленъ въ Адъюнкты Этико-Политическаго Отдѣленія Московскаго Университета, а въ 1806 году былъ утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ. Изъ каталоговъ лекцій видно, что онъ преподавалъ Вексельное Право по руководству Профессора Дильтея и изъяснялъ Уставъ о банкротахъ. Эту каѳедру онъ занималъ до самой смерти своей, случившейся въ 1811 г.— Его рукописные курсы Чистой Математики, Купеческой Ариѳметики и Алгебры, которые онъ хотѣлъ было издать, оставались послѣ смерти его въ его домѣ и въ 1812 году сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ.

РОМОДАНОВСКІЙ, Василій Ивановичь, Экстраординарный Профессоръ Патологіи и Терапіи, Коллежскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины, родился въ Москвѣ. — Мѣстомъ умственнаго его образованія были: сначала Славяно-Греко-Латинская Академія, а потомъ (съ 1804 года) Московскій Уни-

верситетъ. Въ послѣднемъ онъ былъ награжденъ за два разсужденія по предметамъ Медицины серебряными медалями. По окончаніи курса медицинскихъ наукъ, Ромодановскій утвержденъ въ 1808 г. Кандидатомъ, а въ 1812 Докторомъ Медицины. Сочиненная имъ диссертація, для полученія степени Доктора: De regimine lactationis, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, осталась ненапечатанною. Въ 1812 году, въ званіи Инспектора, онъ сопровождалъ Медицинскихъ Студентовъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ съ успѣхомъ началъ свою Медицинскую практику. По возвращеніи изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, съ 1814 года началъ преподавать въ Московскомъ Университетѣ сперва Діэтетику, а потомъ Общую Патологію и Терапію и преподавалъ эту науку до смерти своей, послѣдовавшей отъ холеры въ 1830 г., Окт. 25-го дня.

При торжественномъ открытіи Медицинскаго Факультета, въ 1813 г. Октября 13-го, имъ читано было разсужденіе (не напечатанное): *о пользѣ Діэтетики*; въ годичномъ собраніи Университета, въ 1827 году, онъ произнесъ слово: De usu et praestantia remediorum domesticorum, которое тогда же было напечатано.

Какъ врачь, Ромодановскій отличался внимательностію къ больнымъ и удачнымъ лѣченіемъ; по примѣру своего наставника Политковскаго, онъ употреблялъ болѣе простыя лѣкарства. Какъ человѣкъ, онъ заслужилъ уваженіе своимъ добродушіемъ и безкорыстіемъ; доказательствомъ служитъ то, что по смерти его осталось многочисленное семейство въ недостаточномъ состояніи.

РОСТЪ, Иванъ Акимовичь, (Johannes Joachimus Julius), Профессоръ Прикладной Математики и Экспериментальной Физики, Коллежскій Совѣтникъ, родился въ Ганноверѣ, 29-го Сентября 1726 года, что̀ доказываетъ надпись на портретѣ его, хранящемся у его внука, Петра Яковлевича, слѣдующаго содержанія: Joannes Joach. Julius Rost Hannoveri natus 1726. Sept. 29. pictus 1757, aetatis 31. Родомъ былъ изъ Саксонскихъ дворянъ. Курсъ наукъ окончилъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, въ которомъ имѣлъ товарищемъ и другомъ Профессора Государственнаго и Народнаго права Тозе.

Въ Московскомъ Университетѣ началъ лекціи съ 1757 г., и первоначально преподавалъ Англійскій языкъ; но еще въ 1758 г. перешелъ на Математику. Начало преподаванія сей науки изложено въ журналѣ конференціи сего года Іюля 4-го № 4.

«Проф. Керштенсъ предложилъ собранію членовъ, что онъ «готовъ послѣ будущей вакаціи, во исполненіе воли Началь-«ства и для приготовленія Студентовъ, назначающихъ себя «къ изученію Медицины, начать преподаваніе Физики; но на-«ходитъ препятствіе въ томъ, что Студенты не имѣютъ ника-«кихъ познаній въ Механикѣ и Прикладной Математикѣ; а «потому проситъ конференцію возложить на кого либо изъ «членовъ Университета преподаваніе сихъ частей Математики.» На нашей памяти въ Москвѣ издано было сочиненіе «О неумѣстности Математики въ Физикѣ;» но тогда видно разсуждали не такъ. Не беремъ на себя рѣшать, была ли это крайность своего рода, или дѣйствительно Студенты того времени, не смотря на значительное филологическое образованіе, были совершенно чужды всякихъ приготовительныхъ свѣдѣній для Физики; но конференція обратила вниманіе на представленіе Проф. Керштенса.

«Она разсуждала о семъ и нашла, что Г. Барсовъ, человѣкъ «заслуживающій всякаго уваженія по своимъ познаніямъ, по «скромности, воздержанію, благоразумію и множеству другихъ «добрыхъ качествъ, можетъ быть былъ бы въ состояніи пре-«подавать эти части Математики. Но поелику Г. Барсовъ самъ «изъявилъ сомнѣніе, будетъ ли онъ въ состояніи удовлетво-«рить такому требованію, то Конференція нашла, что Адъ-«юнктъ Ростъ всего болѣе способенъ выполнить обязанности «сей должности, и что онъ заслуживалъ бы каѳедру Профес-«сора Математики: потому это ученое собраніе, въ надеждѣ, «что и Начальство раздѣлитъ мнѣніе о необходимости учре-«дить каѳедру Математики въ Моск. Унив., опредѣлило предо-«ставить эту каѳедру Г. Росту, или покрайней мѣрѣ обнаде-«жить его на полученіе оной, дабы ободрить его въ поручаемомъ «трудѣ и въ другихъ, на которые онъ вызывается для успѣ-«ха Университета, какъ-то въ дѣланіи всякаго рода моделей и «машинъ. Притомъ Г. Ростъ соглашался продолжать препода-«ваніе Англійскаго языка до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ

«тогдашнихъ его слушателей, изъ которыхъ многіе уже весь-
«ма успѣли, будетъ въ силахъ сдѣлаться преподавателемъ.
«Кромѣ того Конференція, дабы вознаградить достоинства Г.
«Барсова, опредѣлила просить Начальство о повышеніи его въ
«званіе Экстраординарнаго Профессора Математики или хотя
«*Почетнаго* (honoraire,) или по крайней мѣрѣ обнадежить его
«на это повышеніе.»

Впрочемъ къ этому совѣщанію и постановленію, какъ вид-
но, члены Конференціи и избранные въ немъ преподаватели
были приготовлены; ибо если не прежде, то, въ каталогѣ зим-
няго семестра предъидущаго т. е. 1757 г., Ад. Ростъ объ-
являлъ уже преподаваніе Механики, Архитектуры граждан-
ской и военной, также Чистой Математики, только не совсѣмъ
опредѣленно: ибо въ каталогѣ сказано, что онъ будетъ пре-
подавать, когда назначится время и мѣсто, притомъ на Ла-
тинскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ. О Магистрѣ же Философіи и
свободныхъ наукъ, Барсовѣ, въ этомъ каталогѣ прямо ска-
зано: будетъ продолжать на Русскомъ языкѣ Математику по
средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 часовъ въ большой ауди-
торіи». Даже преподаваніе Экспериментальной Физики на Фран-
цузскомъ языкѣ было объявлено отъ Аббата Франкози совер-
шенно опредѣлительно.

Изъ послѣдующихъ каталоговъ видно, что И. А. Ростъ
продолжалъ преподавать еще года два или три принципіи Ан-
глійскаго языка, и вмѣстѣ Математику (на Латинскомъ язы-
кѣ), которая раздѣлялась между имъ и Магистромъ Барсо-
вымъ. Жалованья получалъ онъ 500 р. какъ Профессоръ Ор-
динарный за преподаваніе Математики и 100 р. за Англій-
скій языкъ — и сверхъ того имѣлъ безмездный надзоръ за
математическими классами, за практикой Геодезіи и за зда-
ніями Университета, какъ преподаватель Архитектуры. Про-
фессоръ Керштенсъ началъ въ 1759 г. преподаваніе Физики по
Винклеру, вмѣстѣ съ Минералогіею по Картеузеру, и про-
должалъ не болѣе одного или двухъ годовъ. Въ 1761 г. за-
мѣтно измѣненіе въ преподаваніи, если не ошибаемся по по-
воду возобновленія контракта, заключеннаго Ростомъ съ Рус-
скимъ Правительствомъ на его службу. Въ семъ году Роста
въ каталогѣ не видно; Чистую Математику преподаетъ Си-

меонъ Лобановъ, котораго имя только одинъ разъ и встрѣчается въ каталогахъ; Физику же по Винклеру Магистръ Философіи и Свободныхъ Наукъ Даніилъ Савичь, котораго имя встрѣтили мы въ двухъ годахъ предъ тѣмъ, по причинѣ преподаванія имъ Оптики и Географіи.

Съ 1762 г. Ростъ постоянно преподаетъ Прикладную Математику по Вейдлеру* и вмѣстѣ Физику сначала по Вин-

* D. Io. Frider. Weidleri Mathem. super. Profess. R. S. S. Britann. et Pruss. sodalis Institutiones Matheseos selectis observationibus illustratae in usum academicarum. Editio quinta. Vitembergae MDCCLIX. Вотъ полный перечень частей примѣчательнаго курса Вейдлера, въ порядкѣ ихъ изложенія: Prolegomena, Arithmetica, Geometria, Trigonometria plana, Optica proprie dicta, Ars perspectiva, Catoptrica, Dioptrica, Trigonometria sphaerica, Astronomia sphaerica, Astronomia theorica, Geographia generalis, Chronologia, Gnomonica, Mechanica, Hydrostatica, Aërometria, Hydraulica, Architectura civilis, Architectura militaris, Analysis speciosa sive Algebra. Въ заключеніе помѣщены таблицы логариѳмовъ чиселъ отъ 1 до 1200 и линій тригонометрическихъ чрезъ каждую минуту, вмѣстѣ съ ихъ логариѳмами. Логариѳмы того и другаго рода, равно какъ и тригонометрическія линіи выражены въ 7 цифрахъ. Не смотря на большое число частей, вошедшихъ въ сей курсъ, онъ помѣщенъ въ одномъ томѣ или лучше томикѣ in-12, въ 756 страницъ. Не думайте однако, чтобы каждая часть курса была изложена слишкомъ поверхностно: безъ претензій и кратко онъ даетъ весьма достаточное понятіе учащемуся о каждомъ существенномъ предметѣ. Такъ напр. ученикъ нынѣшней Гимназіи можетъ по Гномоникѣ этого курса научиться чертить какіе угодно солнечные часы; по Перспективѣ составлять какіе угодно чертежи сего рода, безъ всякаго посторонняго пособія. Это я говорю по опыту. — Словомъ, этотъ курсъ содержитъ изложеніе современной ему науки краткое, но преудовлетворительное, а потому и презамѣчательное. Съ тѣхъ поръ едва ли являлось подобное въ такой же полнотѣ. Конечно и позднѣйшее состояніе науки не таково, чтобы удобно было ея сущность заключить въ такіе размѣры; но обзоръ важнѣйшихъ предметовъ, съ пожертвованіемъ всякими подробностями, могъ бы заслужить уваженіе во всякое время.

клеру, а потомъ по Кригеру, также Дезагюлье, въ званіи Профессора Публичнаго Ординарнаго. Лекціи первой были посѣщаемы немногими слушателями, а на лекціи второй собирались Студенты всего Университета. Въ нѣкоторые годы онъ преподавалъ и Чистую Математику; но почти постояннымъ преподавателемъ оной былъ въ то время Д. С. Аничковъ, и еще года три является преподавателемъ Ариѳметики Баккавралъ Философіи Илья Ѳедоровъ.

Экспериментальная Физика въ преподаваніи Роста повторялась ежегодно; Математика же входила по частямъ. Сколько-нибудь правильнаго кругооборота при этомъ незамѣтно; но не смотря на элементарность изложенія, какая была припоминаема его слушателями, и о которой можно судить по самому курсу Вейдлера, преподаватель любилъ разнообразить содержаніе своихъ лекцій: всѣ части курса Вейдлера у него чередовались, кромѣ Астрономическихъ и Алгебры, а въ нѣкоторыхъ годахъ встрѣчается Геодезія, Подземная Геометрія по книгѣ Фогеля: Geometria subterranea, Артиллерія, Ученіе о треніи и Гидротехнія, которыхъ нѣтъ у Вейдлера, только къ большому сожалѣнію безъ указанія руководствъ. Алгебра же въ то время была рѣдкостію; но Антонъ Алексѣевичь Барсовъ преподавалъ Алгебру въ 1759 г.; только также не означилъ своего руководства: вѣрно, это былъ обычай времени. Ростъ употреблялъ обыкновенно на Математику по четыре двучасовыя лекціи въ недѣлю, а на Физику по двѣ. Кромѣ того давалъ много частныхъ уроковъ, и имѣлъ еще лекціи публичныя для постороннихъ особъ, на которыхъ предполагаемо было, чтобы Латинское изложеніе Профессора одинъ изъ Студентовъ повторялъ по-Русски. Современники вспоминали, что Профессоръ зналъ тайну соединять въ своихъ лекціяхъ логическую ясность съ пріятною живостію, временемъ даже съ шутливостію.

Для физическихъ опытовъ, имѣлъ приспѣшниками сначала Француза Дюмулена, потомъ Италіянца Іозефа Маджи, высокаго, толстаго, почти ровесника по лѣтамъ, съ которыми часто ссорился, шутя и не шутя.

Главнымъ предметомъ знаній почтеннаго Профессора были однако же не Математика и Физика, а богатое языковѣдѣніе;

по преданію онъ зналъ 8 языковъ до такой степени, что могъ на нихъ говорить: Латинскій, Греческій, Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Голландскій, Италіянскій, Испанскій. Сюда принадлежитъ анекдотъ: когда Австрійскій Императоръ Іосифъ II, подъ именемъ Графа Фалькенштейна, проѣзжалъ чрезъ Москву, и посѣтилъ Университетъ, во время преподаванія Роста, то сей послѣдній спросилъ его, на какомъ языкѣ угодно Его Величеству слушать лекцію? Императоръ избралъ языкъ Италіянскій, и остался весьма доволенъ краснорѣчивымъ изложеніемъ Профессора.

Сверхъ обязанностей Профессора, Ростъ правилъ съ 1763 года нѣсколько времени должность Главнаго Надзирателя въ начинавшемся тогда Воспитательномъ Домѣ.

Въ 1761 году Ростъ вступилъ въ бракъ съ младшею дѣвицею Вольфъ, Марьею Карловною, двоюродною сестрою Исторіографа Миллера, съ которымъ по этому онъ находился въ родствѣ. Письма его къ Миллеру, содержащія въ себѣ много подробностей о первоначальномъ Университетѣ, хранятся въ его портфеляхъ.

И. А. Ростъ скончался 1791 г. Апрѣля 7-го, и оставилъ двумъ сыновьямъ: Якову, уже въ службѣ, и Ивану, при концѣ Университетскаго курса, значительное наслѣдство, которое пріобрѣтено имъ преимущественно по должности главнаго Коммисіонера Голландско-Россійской Компаніи, вывозившей изъ Россіи хлѣбъ, пеньку, конопляное и льняное сѣмя и масло, сало, волосъ, пухъ и т. д. И. А. имѣлъ нѣсколько сотъ прикащиковъ на жалованьѣ во всѣхъ концахъ Россіи; чрезъ нихъ закупалъ всякаго рода сырые матеріалы, и отправлялъ ихъ въ приморскіе города на Голландскіе корабли. По сему поводу разсказываютъ, что у него были весьма любопытныя записки о количествѣ сбора сихъ статей въ Россіи въ разные годы и при разныхъ обстоятельствахъ: эти записки остались неизвѣстными. И. А. имѣлъ собственный домъ за Варваркою у монастыря Св. Іоанна Богослова, съ Голландскою кровлею и весьма высокимъ заборомъ.

Ростъ принадлежалъ къ числу личностей, которымъ, можетъ быть, по оригинальности ихъ, судьба опредѣляетъ быть предметомъ множества анекдотовъ, конечно большею частію

вымышленныхъ (см. статью И. Ѳ. Тимковскаго въ Москвитянинѣ № 9 и 10 1851 г.). Но болѣе серьёзныя воспоминанія удостовѣряютъ, что это былъ человѣкъ, заслуживающій всякаго уваженія. Онъ трудился надъ изданіемъ Географіи Бюшинга, предисловіе къ которой было переведено Барсовымъ. Онъ не оставилъ систематическихъ или учебныхъ сочиненій; но нельзя не отдать полной справедливости его рѣчамъ, произнесеннымъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета и по выбору предметовъ, сообразному съ обстоятельствами, и по содержанію, украшенному основательнымъ знаніемъ дѣла. Такъ, Апрѣля 22-го 1765 года, онъ произнесъ Латинское слово: 1) De effluviorum in corporibus, inprimis animalium, penetranti efficacia, напечатанное тогда же съ Русскимъ переводомъ: *о проницательномъ дѣйствіи мальйшихъ частицъ которыя изъ тѣлъ, особливо животныхъ, проистекаютъ*. Практическая цѣль рѣчи есть удаленіе кладбищъ изъ внутренности городовъ. Еще въ 1769 г., по поводамъ, относящимся вѣроятно къ торговлѣ, къ которой Профессоръ Ростъ былъ такъ близокъ, онъ говорилъ рѣчь: 2) De faciliori melioris fontium salis praeparatione (*Объ удобнѣйшей вываркѣ соли изъ соляныхъ источниковъ*) 1769 г. Этотъ предметъ, какъ видно, весьма интересовалъ автора: кромѣ подробнаго изложенія способовъ образовать крупные кристаллы соли, менѣе подверженные дѣйствію сыраго воздуха и предполагающіе медленное испареніе, при которомъ сберегается и соляная кислота и топливо, кромѣ такого изложенія И. А. самъ дѣлалъ опыты въ маломъ видѣ. Онъ наприм. нашелъ, что проведеніе воздуха сквозь испаряемой жидкости, по способу Галлеса, сберегаетъ количество угольевъ въ 1½ раза, а Галлесъ полагаетъ сбереженіе даже вдвое. Въ Апрѣлѣ 1772 г. въ собраніи, бывшемъ по случаю дня рожденія Государыни Императрицы Екатерины II, Ростъ разсуждалъ: 3) De aëre nocuo in tricliniis praesertim plebeiorum et quomodo ille facili negotio salubrior reddi potest. (*О вредномъ воздухѣ въ жилищахъ особливо простаго народа примѣчаемомъ и о средствахъ удобныхъ къ поправленію онаго*). А это было черезъ годъ послѣ чумы, посѣтившей Москву 1771 г. Правда, онъ далъ здѣсь мнѣніе, будто бы ядъ заразы могъ быть иногда не заносимъ, а зараж-

даемъ у насъ, какъ въ Египтѣ. Это мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, вообще не принято; но способы очищенія воздуха въ жилищахъ и въ зараженныхъ товарахъ показываютъ знатока дѣла. Чрезъ два года въ собраніи 1774 года, въ день вошествія Государыни на престолъ, Ростъ произнесъ рѣчь: 4) De commodis in Russia contra incendiorum furorem adminiculis. (*О лучшихъ средствахъ прекращать въ Россіи свирѣпство пожаровъ.*) Поводомъ къ выбору этого предмета были три большіе пожара, случившіеся въ Москвѣ въ предъидущій годъ. Еще черезъ два года, т. е. 1776 г., также въ день восшествія на престолъ, Ростъ говорилъ рѣчь: 5) De perenni gloria Imperantium, quam ex felicitate populi promota acquirunt. (*Торжественное слово о вѣчной славѣ Государей, происходящей отъ умноженія благополучія народнаго*). Государыня строитъ новые города, и Профессоръ Физики, въ 1781 г. въ день ея рожденія произноситъ рѣчь: 6) De eo, quod conducit et observari oportet ratione valetudinis in eligendo exstruendarum urbium novarum loco (*О избраніи здоровыхъ мѣстъ къ построенію городовъ*). Въ 1787 году онъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: 7) Oratio solemnis, qua Dominae Catharinae II de itinere feliciter peracto per Rossiam meridionalem ea, qua decet, gratulatur Ioannes Ioachimus Iulius Rost D. XXX Iunii. (*Слово торжественное и поздравительное Императрицѣ Екатеринѣ II съ благополучнымъ совершеніемъ путешествія по южной Россіи*). Не смотря на преклонность лѣтъ и худощавость, Профессоръ Ростъ былъ всегда бодръ, ростъ имѣлъ средній съ малымъ округлымъ лицемъ, тонкимъ, писклявымъ голосомъ, носилъ рыжій парикъ.

РУБИНИ, Іосифъ Павловичъ, Лекторъ Италіянскаго языка и Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, родился 22-го Января 1793 года, въ Ломбардіи, въ маленькомъ городкѣ Дервіо, на берегу озера Комо: родители его Паоло Рубини и Катерина Пеллиццари ди Граведона были оба благороднаго происхожденія. Шесть лѣтъ дѣтства провелъ въ Тирано, въ Валтеллинѣ, гдѣ тогда жилъ отецъ его бывшій начальникомъ управленія государственными имуществами (dominio) этой провинціи, учрежденнаго въ ней Наполеономъ Бонапарте, по

отдѣленіи ея въ 1797 году отъ Граубюндена и присоединеніи къ Италіи. Въ Тирано Рубини получилъ первое образованіе подъ руководствомъ ученаго Богослова Трегрази. Какъ сына любилъ его этотъ достойный человѣкъ, и совѣты его оставили въ душѣ ученика на всю жизнь чувство живѣйшей благодарности. Почтенный старецъ всегда говорилъ ему: «Уважай старость и несчастіе; будь почтителенъ къ тѣмъ, которые знаютъ болѣе тебя. Самый дурной патріотъ тотъ, въ комъ гнѣздится неблагодарность.» — «Изощряй твой умъ» говорилъ онъ, «и тогда сдѣлаешься способенъ уважать отечество, Государя, родителей, друзей. Глупъ тотъ, кто думаетъ, что невѣжество лучше просвѣщенія: просвѣщеніе тогда только вредно, когда къ нему присоединяются гордость, неблагодарность, лживость. Государству нужны люди справедливые, честные, добродѣтельные. Надменность даже бичь просвѣщенія: если молодой человѣкъ становится непочтителенъ къ тѣмъ, которые знаютъ болѣе его, то онъ никогда не подвинется впередъ на пути науки; такіе люди на всю жизнь остаются надменными и посредственными.»

Изъ Тирано переѣхалъ Рубини въ Комо, гдѣ былъ помѣщенъ отцемъ въ Collegio Gallico, а отсюда перешелъ въ Павійскій Университетъ, гдѣ и докончилъ свое образованіе. Въ это время въ Италіи процвѣтали науки и искусства подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ достойнаго Вице-Короля Италіянскаго Королевства, Принца Евгенія Богарне, мудраго правителя, храбраго полководца, искуснаго политика. Подъ его благотворнымъ правленіемъ процвѣталъ и Павійскій Университетъ, въ которомъ блистали на закатѣ своего ученаго поприща знаменитый Вольта и его современники: Скарпа, Монти, Фосколо, Конфильякки, Бруначчи, и другіе.

Въ 1822 году Р. оставилъ отечество и отправился въ Мюнхенъ, столицу Баваріи, гдѣ, по приглашенію Генерала Тауша, начальника Королевскаго Кадетскаго Корпуса, два года преподавалъ Кадетамъ Италіянскій языкъ.

20-го Іюля 1824 года отправился изъ Мюнхена въ С. Петербургъ, съ нетерпѣніемъ желая увидѣть страну, которая подъ мудрымъ управленіемъ и при отеческихъ попеченіяхъ своихъ Государей идетъ столь быстрыми шагами на поприщѣ

просвѣщенія. При отъѣздѣ имѣлъ счастіе получить отъ Королевы Баварской Каролины рекомендательное письмо къ Ея Августѣйшей Сестрѣ, блаженной памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Прибывъ въ С.-Петербургъ 7-го Августа, лѣто слѣдующаго 1825 года провелъ въ Царскомъ Селѣ. Не избѣгъ разныхъ случайностей, которымъ подвергается всякій молодой человѣкъ, оставаясь одинъ, вдалекѣ отъ своей родины; но въ этой гостепріимной и великодушной странѣ, всякій, кто съумѣетъ оцѣнить ее и вести себя какъ должно, скоро найдетъ себѣ защиту противъ превратностей вѣроломнаго счастія.

Въ Царскомъ Селѣ, въ домѣ Графа Юлія Ренато-Литты, имѣлъ счастіе быть представленнымъ знаменитому Исторіографу Карамзину: никогда не забудетъ Рубини его любезнаго и ученаго разговора. Разъ, вечеромъ, разговаривая съ нимъ у Графа Литты, Карамзинъ сказалъ ему: «Monsieur, comme vous êtes chez nous en Russie et recommandé à Sa Majesté l'Impératrice, vous devriez étudier l'histoire de Russie.» Графъ Литта взошелъ въ рѣчь словами: «Mais il ne sait pas le Russe, et moi-je n'ai pas la traduction Française de votre Histoire, qu'il pourrait lire.» — «On peut rémédier à celà», возразилъ Карамзинъ. — На другой день онъ подарилъ Рубини Французскій переводъ своей Исторіи St. Thomas и Jouffret. Знакомство съ великимъ Историкомъ Россіи породило въ душѣ его пламенное желаніе изучить Русскую Исторію: онъ предался этому занятію. — Исторія была уже давно его любимою наукою и, спустя нѣсколько лѣтъ, задумалъ онъ написать Русскую Исторію на Италіянскомъ языкѣ.

Въ С. Петербургѣ Рубини имѣлъ честь посѣщать А. С. Шишкова, тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ душѣ Рубини навсегда осталось благодарное воспоминаніе о расположеніи къ нему этого достойнаго мужа.

30-го Іюня 1826 г. Р. прибылъ въ Москву, гдѣ находился въ то время и Министръ Народнаго Просвѣщенія Шишковъ по случаю Коронованія Его Императорскаго Величества Государя Николая Павловича. Министръ доставилъ ему честь вступить въ Русскую службу: 17-го Августа 1826 года Рубини былъ опредѣленъ преподавателемъ Италіянскаго языка въ

Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, а 11-го Февраля слѣдующаго года получилъ каѳедру Италіянскаго языка и литературы въ Московскомъ Университетѣ.

Посвятивъ себя совершенно занятіямъ по должности, Рубини написалъ Италіянскую Грамматику, которая въ 1828 г. была напечатана въ Универс. Типографіи и вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Cours grammatical de la langue Italienne. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благоволила удостоить Рубини позволенія украсить это сочиненіе Августѣйшимъ Ея именемъ, и 17-го Декабря 1828 года пожаловала его за поднесеніе экземпляра золотою табакеркою. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и всѣ Члены Императорской Фамиліи, удостоивъ принять поднесенные Имъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія экземпляры сего сочиненія, изъявили ему свое благоволеніе. Папа Левъ XII удостоилъ также принять поднесенный ему экземпляръ и почтилъ Рубини присылкою четокъ и золотой медали при благосклонномъ письмѣ на Латинскомъ языкѣ, которое, по приказанію Генерала Писарева, бывшаго тогда Попечителемъ Университета, было помѣщено въ Русскомъ переводѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Король Баварскій Людовикъ также принялъ поднесенный ему экземпляръ и удостоилъ Р. золотой медали съ своимъ портретомъ на одной сторонѣ, а на другой съ подписью: Zum Andenken.

По требованію Университета, издалъ еще и другія сочиненія: 1) Scelta di Prose Italiane, съ Италіянско-Французско-Русскимъ словаремъ, 1832 г. Имѣлъ счастіе поднесть экземпляръ сей книги Государю Императору, и удостоился Высочайшаго благоволенія. Папа Григорій XVI, за поднесенный ему экземпляръ, удостоилъ лестнаго письма на Латинскомъ языкѣ. — 2) L'Inferno di Dante, съ комментаріемъ, 1838 г. 3) Antologia Italiana Poetica del secolo decimo nono (1843—44) съ біографіями 26 поэтовъ, которыхъ сочиненія входятъ въ составъ ея. — 4) Dei doveri degli uomini, Сильвіо Пеллико, съ Италіянско-Французско-Русскимъ словаремъ. 1849. 5) Второе изданіе Грамматики. 1850 г.

Для преподаванія Исторіи Италіянской литературы Рубини пользуется составленными имъ, но еще не изданными лекціями

по сему предмету, приспособленными къ тому, чтобы весь курсъ могъ быть пройденъ въ теченіи Академическаго года, и расположенными слѣдующимъ образомъ: I. Происхожденіе Италіянскаго языка. II. Начало обработыванія Италіянскаго языка. III. Характеръ періодовъ Италіянскаго языка и Италіянской литературы. За каждымъ періодомъ слѣдуютъ избранныя стихотворенія поэтовъ того времени и весь курсъ заключается синоптическою таблицею измѣненій Италіянскаго языка, начиная съ первыхъ временъ его и до истекшей первой половины нашего XIX вѣка.

13-го Марта 1843 г. Рубини принялъ присягу на подданство Россіи.—17-го Августа 1851 г., по окончаніи двадцатипятилѣтней службы, по представленію Совѣта Университета, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ его еще на пять лѣтъ на службѣ при Университетѣ съ пенсіономъ полнаго оклада жалованья.

Среди безпрерывныхъ занятій по службѣ и по изданію книгъ, Р. постоянно продолжалъ трудиться надъ Русскою Исторіею, которую окончилъ послѣ двадцатилѣтнихъ слишкомъ трудовъ и изысканій: она начинается съ первыхъ народовъ, обитавшихъ въ древности въ Россіи, и простирается до кончины Императрицы Екатерины II (1796). Въ семъ сочиненіи онъ пользовался источниками, современными событіямъ, каковы, на примѣръ, сочиненія иностранцевъ, жившихъ въ Россіи и бывшихъ очевидцами происшествій, о которыхъ писали. Между сими послѣдними: Контарини, Да-Колло, Поссевинъ, Герберштейнъ, Бэръ, Жолкѣвскій, Петрей, Патрикъ Гордонъ, Александръ Гордонъ, Манштейнъ, Альгаротти и другіе. Изъ современныхъ писателей о Русской Исторіи служили ему источниками сочиненія Карамзина, Устрялова, Бантышъ-Каменскаго, и другихъ лучшихъ отечественныхъ Историковъ. Италіянская рукопись Русской Исторіи, готовая къ печати, остается до сихъ поръ неизданною, по недостатку средствъ у ея автора.

Рулье, Карлъ Францовичъ, Ординарный Профессоръ Зоологіи, Статскій Совѣтникъ, родился въ Нижнемъ Новгородѣ, отъ родителей иностранцевъ Французскаго происхожденія 8-го Апрѣля, 1814 года. Воспитывался первоначально дома,

а потомъ въ частныхъ пансіонахъ не богатой руки. — На 16 году вступилъ въ Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи, гдѣ, окончивъ медицинское образованіе, былъ выпущенъ изъ нея Лѣкаремъ 1-го отдѣленія съ награжденіемъ 1-й серебряною медалью въ 1833 году 18-го Августа. — Обязанный жить трудомъ, онъ вступилъ въ Рижскій Драгунскій полкъ Лѣкаремъ, гдѣ и пробылъ до 1836 года. Здѣсь, еще болѣе нежели въ самой Академіи, онъ на дѣлѣ испыталъ, сколько практическое занятіе Медициною несродно съ его наклонностями и потому, по вызову Г. И. Фишера-фонъ-Вальдгеймъ, бывшаго тогда Президентомъ Московской Медико-Хирургической Академіи, былъ переведенъ въ ту же Академію Репетиторомъ, впослѣдствіи Адъюнктомъ и отдѣльнымъ Преподавателемъ Минералогіи и Зоологіи. Въ 1837 году выдержалъ экзаменъ на степень Доктора Медицины, по защищеніи диссертаціи: *«О геморроѣ»*. Практическому знакомству съ предметомъ Естественной Исторіи способствовало завѣдываніе Кабинетомъ Естественной Исторіи при Медико-Хирургической Академіи и Музеемъ Московскаго Университета. — Кромѣ преподаванія Минералогіи и Зоологіи въ Академіи, Рулье преподавалъ Естественную Исторію въ разное время въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, и началъ преподаваніе Зоологіи въ Московскомъ Университетѣ въ 1840 году, гдѣ утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ въ 1842 году и Ординарнымъ въ 1850. Въ числѣ отличій, которыхъ удостоился Профессоръ, отмѣчена двукратная благодарность, полученная имъ въ числѣ прочихъ преподавателей въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ отъ Его Императорскаго Высочества въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Павловича и другая благодарность отъ Его Сіятельства покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія. Нѣкоторыя Русскія и иностранныя ученыя Общества сопричислили его къ своимъ членамъ, а при Московскомъ Обществѣ Испытателей Природы онъ былъ первымъ Секретаремъ съ 1840 по 1851 годъ.

Съ перваго времени занятія должности Репетитора Естественныхъ Наукъ при лицѣ, столь заслуженномъ въ наукѣ, ка-

ковъ былъ Г. И. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Рулье почувствовалъ слабость свою въ этой отрасли наукъ и потому всѣ свои силы посвятилъ на приготовленіе себя къ нимъ. Онъ началъ практическимъ знакомствомъ съ окрестностями Москвы, потомъ отъ нея перешелъ къ различнымъ областямъ нашего отечества и такимъ образомъ непримѣтно дошелъ до исторіи преимущественно Зоологіи въ Россіи, для чего у него собрано значительное количество матеріаловъ. Вмѣстѣ съ симъ шло своимъ чередомъ теоретичеекое занятіе Естественными науками; получивъ нѣкоторую опытность въ занятіяхъ, Р. пожелалъ ознакомиться съ преподаваніемъ тѣхъ же предметовъ за границею людьми, признанными во главѣ науки, дабы извлечь себѣ отсюда пользу для практической дѣятельности преподаванія наукъ Естественныхъ въ Москвѣ. Уволенный въ 1841 году за границу на короткій срокъ, Рулье посѣтилъ извѣстнѣйшія собранія Естественныхъ предметовъ и Университеты Сѣверной и Средней Германіи и Белгіи, старался сблизиться съ извѣстнѣйшими воздѣлывателями науки, присматривался, прислушивался къ преподаванію ея лицами, въ числѣ которыхъ были Эренбергъ, Мюллеръ, Вагнеръ, Зибольдъ, Хушкъ. Не забыты были и лица менѣе извѣстныя, хотя также полезныя наукѣ, какъ спеціалисты въ тѣсной ими избранной сферѣ. Профессоръ, не столько былъ пораженъ громадными запасами видѣннаго и слышаннаго, сколько отсутствіемъ въ преподаваніи и въ сочиненіяхъ глубоко-сознанной необходимости въ построеніи Зоологіи, какъ науки, въ соглашеніи различныхъ ея частей между собою по цѣли и способу разработки и изложенія. Многое запало въ его сознаніе, много онъ вынесъ пользы изъ своего краткаго путешествія; но всего полезнѣе было для его будущей дѣятельности то, что онъ вывезъ съ собою одно неудовлетворенное желаніе встрѣтить Зоологію, какъ науку. На пути въ Россію онъ выслалъ нѣсколько мыслей, брошенныхъ имъ по сему предмету: *«Сомнѣнія въ Зоологіи, какъ наукѣ»*, которыя и были помѣщены въ Отечественныхъ Запискахъ. Съ того времени вся ученая дѣятельность Профессора была ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ посильнаго труда удовлетворить этому тревожному требованію и съ этой точки онъ желалъ бы, чтобы

смотрѣли на немногое имъ напечатанное, на преподаваніе Зоологіи при Московскомъ Университетѣ и на двукратный публичный курсъ Зоологіи въ Москвѣ.

Напечатано имъ: 1) *Біографіи Профессоровъ Медико-Хирургической Академіи и Московскаго Университета:* a. *Г. И. Фишера-фонъ-Вальдгеймъ*, въ юбилейномъ Актѣ Общества Испытателей Природы; b. *А. Л. Ловецкаго* (въ Bulletin Московскаго Общества Испытателей Природы и въ переводѣ въ Рѣчахъ Московскаго Университета); c. *И. А. Двигубскаго* (тамъ-же). — 2) *Геологическія экскурсіи подъ Москвою*, произведенныя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и печатавшіяся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Самые ископаемые предметы были описываемы и изображаемы въ извѣстіяхъ Московскаго Общества Испытателей Природы. 3) Рѣчь: *О животныхъ Московской губерніи*, произнесенная въ 1845 г. въ Московскомъ Университетѣ. 4) *Описаніе замѣчательныхъ ископаемыхъ животныхъ Моск. губ.* (въ Юбилейномъ Актѣ Г. Фишера). 5) *Описаніе Кавказскаго тура* (въ Извѣстіяхъ того же Общества).— 6) Публичныя лекціи 1852 года: *«объ отношеніи животныхъ ко внѣшнимъ условіямъ»*, изданныя вмѣстѣ съ лекціями другихъ Профессоровъ; 7) Нѣсколько статей въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ, нѣсколько мелочей (въ томъ числѣ и о Мамонтѣ найденномъ подъ Москвою, о городской Ласточкѣ,) разбросано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ, Живописномъ Обозрѣніи, Живописной Энциклопедіи, въ Журналѣ Общества Сельскаго Хозяйства и другихъ. Скрывались иногда и статьи подъ псевдонимомъ, какъ напримѣръ: *«Братья Гумбольдты псевдонимы въ наукѣ.»*

Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ, Ординарный Профессоръ Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Государственныхъ Законовъ, Докторъ Правъ, Статскій Совѣтникъ, родился 4-го Октября 1808 года, въ городѣ Ромнахъ, Полтавской губерніи. Родители его были Малороссійскіе потомственные дворяне и довольно зажиточные помѣщики Полтавской губерніи. — Отецъ его Григорій Ѳедоровичъ Рѣдкинъ, служа сперва въ военной службѣ, подъ предводительствомъ славнаго Суворова,

совершилъ Италіянскій и Польскій походы, потомъ долго занималъ съ отличіемъ должность Полиціймейстера въ Ромнахъ; наконецъ, вышедши въ 1820 году въ отставку съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника, поселился въ своемъ хуторѣ близь этого города, гдѣ и умеръ въ концѣ 1848 года. Мать его еще и понынѣ находится въ живыхъ.

Первоначальное воспитаніе Рѣдкинъ получилъ частію въ родительскомъ домѣ, гдѣ при немъ находились Русскій учитель и Французскій дядька, частію же въ Роменскомъ Уѣздномъ Училищѣ, гдѣ, по случайному стеченію обстоятельствъ, всѣ почти учители были люди достойные и гдѣ всѣ предметы были преподаваемы по хорошимъ, въ свое время, руководствамъ, изданнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II для народныхъ училищъ, а именно: кромѣ чтенія и письма, краткій и пространный Катихизисы, Священная Исторія, толкованіе Евангелія, о должностяхъ человѣка и гражданина, Ариѳметика и начала Алгебры, Геометрія съ практическими съемками, Физика, Естественная Исторія, Русская и Всеобщая Исторія и Географія, Русскій, Французскій, Нѣмецкій и Латинскій языки, каллиграфія и рисованіе. Въ домѣ родительскомъ Р. нашелъ небольшую Русскую библіотеку, хотя состоявшую большею частію изъ литературныхъ произведеній, но заключавшую въ себѣ нѣсколько историческихъ сочиненій. Съ жадностію онъ перечелъ ее всю, что̀ послужило къ раннему его развитію. Съ первыхъ лѣтъ отрочества въ немъ проявилась уже страсть къ тому званію, которому онъ впослѣдствіи посвятилъ себя: любимѣйшею его игрою было собирать вокругъ себя мальчишекъ, задавать имъ уроки и выслушивать ихъ.

Когда онъ съ отличіемъ кончилъ курсъ въ Роменскомъ Уѣздномъ Училищѣ, родители его, услышавъ о вновь открываемомъ въ городѣ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи, учебномъ заведеніи, Гимназіи высшихъ наукъ Князя Безбородко (впослѣдствіи преобразованномъ и переименованномъ въ Лицей), и желая воспитывать своего единственнаго сына сколь возможно ближе отъ своего обыкновеннаго мѣстопребыванія, помѣстили его туда, въ Ноябрѣ 1820 года, своекоштнымъ пансіонеромъ, при первомъ Директорѣ этого заведенія, В. В. Кукольникѣ, мѣсто

котораго заступилъ вскорѣ И. С. Орлай. Здѣсь Рѣдкинъ прошелъ всѣ девять классовъ, не въ девять, какъ было вообще положено, а въ шесть лѣтъ, потому что первые годы ученія были для него почти только повтореніемъ прежняго курса. Въ этой высшей Гимназіи онъ обучался: Краткому и Пространному Катихизису, Библейской и Церковной Исторіи, Толкованію Ветхаго и Новаго Завѣта и Литургіи, Логикѣ, Нравственной Философіи, Политической Экономіи, Естественному, Римскому и Русскому Праву, Практическому Судопроизводству, Литовскому Статуту, дѣйствовавшему тогда въ Малороссіи, Минералогіи, Ботаникѣ и Зоологіи, Физикѣ, Химіи, Ариѳметикѣ, Алгебрѣ, Геометріи, Тригонометріи, Механикѣ, Военнымъ Наукамъ, Русской и Всеобщей Исторіи и Статистикѣ, Русской, Французской, Нѣмецкой и Латинской Словесности, каллиграфіи и рисованію, танцованію, музыкѣ на фортепьяно и церковному пѣнію.

Пребыванію въ Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ онъ обязанъ тѣмъ энциклопедическимъ образованіемъ, которое впослѣдствіи послужило ему въ пользу при преподаваніи вообще, въ особенности же Энциклопедіи Законовѣдѣнія, требующей знанія не однихъ юридическихъ наукъ. Кромѣ того, онъ много воспользовался подаренною, при самомъ учрежденіи Гимназіи, Попечителемъ ея, Графомъ Кушелевымъ-Безбородко, библіотекою, которая вся почти состояла изъ Французскихъ книгъ, не только литературныхъ, но и по наукамъ, особенно историческимъ. Но въ особенности подѣйствовало на него благотворно господствовавшее тогда между воспитанниками, независимо отъ преподаванія, направленіе, выражавшееся не только въ страсти къ чтенію, но и въ начаткахъ литературной дѣятельности.—Въ свободное отъ уроковъ и приготовленія къ нимъ время, онъ, въ товариществѣ съ другими тремя воспитанниками, извѣстными теперь въ русскомъ литературномъ мірѣ, отважился на трудъ огромный: возможно полное сокращеніе Всеобщей Исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ и состоящей въ нѣсколькихъ десяткахъ квартантовъ. Конечно, эта работа не могла быть кончена, но она много способствовала не только основательному изученію Русскаго и Французскаго языковъ, но и развитію историческаго смы-

сла, а главное пріученію къ ученымъ трудамъ.—Сверхъ того, воспитанники высшихъ классовъ, никѣмъ не руководимые, кромѣ собственнаго чтенія образцовъ и своихъ природныхъ наклонностей и способностей, занимались изданіемъ, разумѣется рукописнымъ и въ одномъ экземплярѣ, многихъ журналовъ и альманаховъ, которые по выходѣ читались и критиковались, среди небольшаго кружка, въ тѣсной комнаткѣ, выдѣленной изъ квартиры гувернера, ближайшему надзору котораго Рѣдкинъ былъ порученъ.—Этими-то ученическими произведеніями началось литературное поприще двухъ значительнѣйшихъ современныхъ нашихъ писателей: Гоголя и Кукольника.—Впрочемъ, Рѣдкинъ могъ-бы упомянуть здѣсь съ честію и о многихъ другихъ товарищахъ своихъ, которые, впослѣдствіи, стали дѣйствовать съ отличіемъ на литературномъ или служебномъ поприщѣ.

Въ Іюлѣ 1826 года, Рѣдкинъ окончилъ полный курсъ Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ и вышелъ первымъ кандитатомъ перваго выпуска, записанный въ Liber honoris и съ правомъ на полученіе золотой медали. Почувствовавши въ себѣ рѣшительное призваніе къ профессорству, Рѣдкинъ просилъ родителей отправить его въ Дерптскій Университетъ, для усовершенствованія въ спеціальныхъ, юридическихъ наукахъ.—Но родители его никакъ не согласились отпустить его отъ себя такъ далеко, и, не видя въ немъ наклонности къ военной службѣ, хотѣли опредѣлить въ общую гражданскую службу.—Не столько усильныя просьбы о дозволеніи ему продолжать изученіе наукъ въ Университетѣ, сколько вниманіе къ его молодости, заставило родителей согласиться по крайней мѣрѣ на то, чтобы онъ нѣсколько времени, до вступленія въ службу, провелъ въ Московскомъ Университетѣ, о которомъ слава гремѣла тогда въ провинціи.—Рѣдкинъ былъ отправленъ въ Москву, вмѣстѣ съ замѣчательно-даровитымъ товарищемъ своимъ по Гимназіи, В. В. Тарновскимъ, который впослѣдствіи избралъ также ученое поприще, хотя, по домашнимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ скоро его оставить и выйти совсѣмъ въ отставку. — Въ Октябрѣ 1826 г. Рѣдкинъ приписался къ такъ называемому тогда Этико-Политическому Отдѣленію, съ освобожденіемъ отъ слушанія об-

щихъ, т. е. приготовительныхъ курсовъ. Здѣсь Рѣдкинъ слушалъ слѣдующія лекціи: Богословія, Библейской и Церковной Исторіи у Архимандрита Иннокентія, Русскаго Права у Малова и Смирнова, Практическаго Судопроизводства у знаменитаго юриста-практика и отлично остроумнаго человѣка—Сандунова, Римскаго Права и Правъ знатнѣйшихъ народовъ у Цвѣтаева, Политическаго и Народнаго Права у Василевскаго, Политической Экономіи и Дипломаціи у Бекетова, Всеобщей Исторіи и Статистики у Ульрихса, Русской Исторіи и Статистики у перваго (по мнѣнію Рѣдкина) критика отечественной исторіи Каченовскаго, и Русской Словесности у прославленнаго поэта Мерзлякова.—Болѣе всѣхъ онъ обязанъ лекціямъ по Русской Исторіи Каченовскаго, въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько ученыхъ пріемовъ. Пребываніе въ столицѣ открыло для него много до того времени неизвѣстныхъ или недоступныхъ литературныхъ и ученыхъ пособій, а сближеніе съ нѣкоторыми Студентами расширило кругъ его понятій. Но въ особенности Московскій Университетъ, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, способствовалъ созрѣнію въ немъ мысли посвятить себя Профессорскому званію. Съ этою цѣлію, никому изъ Профессоровъ неизвѣстный ближайшимъ образомъ, и не имѣя времени испросить на то соизволенія своихъ родителей, въ согласіи которыхъ онъ впрочемъ имѣлъ основательную причину сомнѣваться, Рѣдкинъ предсталъ предъ собраніе Профессоровъ своего Факультета, когда вызываемы были изъ Русскихъ Университетовъ не только Студенты, но даже имѣвшіе высшія ученыя степени, въ такъ называемый Профессорскій Институтъ, т. е. съ тѣмъ, чтобы, пробывъ нѣкоторое время въ Дерптскомъ, потомъ въ заграничныхъ Университетахъ, по удостоеніи занять въ одномъ изъ Русскихъ Университетовъ Профессорскую каѳедру, прослужить въ этомъ званіи, безъ выхода въ отставку, 12 лѣтъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, Рѣдкинъ былъ наконецъ включенъ въ число избранныхъ, и отправленъ въ Маѣ 1828 года сперва въ С.-Петербургъ, а потомъ въ Іюлѣ въ Дерптъ, послѣ экзамена, произведеннаго въ Академіи Наукъ всѣмъ, прибывшимъ изъ Университетовъ съ сказанною цѣлію. Изъ Московскаго Университета были отправлены съ нимъ же въ

Дерптъ извѣстные Профессоры: сперва Дерптскаго Университета, а нынѣ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи Пироговъ, и С. Петербурскаго Университета Шиховскій; сперва Казанскаго, а потомъ Московскаго Сокольскій (вышедшій уже въ отставку); Казанскаго Троцкій, и сверхъ того Шуманскій, который, выбывъ по болѣзни изъ Профессорскаго Института до окончанія Дерптскаго курса, вступилъ въ гражданскую службу. Въ Дерптѣ присоединились къ Профессорскому Институту: изъ С. Петербургскаго Университета Чивилевъ (бывшій потомъ Профессоромъ въ Москвѣ, а нынѣ Начальникъ Отдѣленія Департамента Удѣловъ), Калмыковъ, Степанъ и Семенъ Куторги (всѣ трое Профессоры С. Петербургскаго Университета), Лапшинъ (Профессоръ Харьковскаго Университета), Шкляревскій (умершій въ Дерптѣ); Казанскаго Университета Крюковъ (бывшій Профессоромъ въ Москвѣ и уже умершій), и Скандовскій (Профессоръ Казанскаго Университета), Харьковскаго Университета Шрамковъ (умершій въ Дерптѣ), Филомаѳитскій (бывшій Профессоромъ въ Московскомъ Университетѣ и также уже умершій), Иноземцевъ (Профессоръ Московскаго Университета), и Котельниковъ (Профессоръ Казанскаго Университета); Виленскаго Университета — Ивановскій (Профессоръ С. Петербургскаго Университета) и Валицкій (Профессоръ Харьковскаго Университета); наконецъ, мѣсто умершихъ заступили изъ Дерптскаго Университета Порошинъ (бывшій Профессоромъ С. Петербургскаго Университета, а потомъ вышедшій въ отставку) и Лунинъ (бывшій Профессоромъ Харьковскаго Университета и уже умершій). Всѣ эти воспитанники Профессорскаго Института (названнаго потомъ первымъ, въ отличіе отъ втораго, малочисленнѣйшаго, образовавшагося впослѣдствіи) поручены были особенному надзору сперва Профессора Русской Словесности В. М. Перевощикова, а по смерти его Профессора Медицинскаго Факультета Эрдмана, которые оба носили званіе Директоровъ Профессорскаго Института. Кромѣ того каждый изъ нихъ былъ ввѣренъ особенному руководству того Профессора, который преподавалъ предметъ главнаго занятія воспитанника: такъ Рѣдкинъ, избравшій главнымъ предметомъ Римское Право, извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ Профессорамъ Дабелову и

Клоссіусу (оба уже умерли). Изъ нихъ онъ особенно обязанъ Клоссіусу за постоянное руководство къ истинно ученому занятію науками вообще и въ особенности юридическими. У Клоссіуса Рѣдкинъ слушалъ Юридическую Энциклопедію, Исторію юридической литературы, Римское Право (Институты) и Юридическую Герменевтику; у Дабелова Римское Право (Пандекты) и Общегерманское Судопроизводство, лекціи Политики, Государственнаго Права, Русской Исторіи у Профессора Эверса (уже умершаго), бывшаго въ то время и Ректоромъ Университета, котораго имя знаменито и у насъ, какъ Русскаго Историка; лекціи Полиціи, Торговаго, Вексельнаго и Морскаго Права у Профессора Брекера, извѣстнаго также своими сочиненіями (нынѣ въ отставкѣ); Нѣмецкаго Права у Профессора Бунге, въ особенности прославившагося въ Остзейскихъ провинціяхъ сочиненіями по мѣстному Праву (перешелъ потомъ въ общую гражданскую службу); Политическую Экономію у Профессора Фридлендера, отличнаго знатока своего предмета и весьма многосторонне образованнаго; Всеобщей Исторіи у Профессора Блума, а также у болѣе извѣстнаго у насъ сочиненіями по части Русской Исторіи Профессора Крузе; Статистики у того же Профессора Блума; лекціи по части древней филологіи у Профессоровъ Франке и извѣстнаго за границею Моргенштерна, и лекціи Философіи, общія и особенныя (особенныя были даваемы обыкновенно по субботнимъ вечерамъ для нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ Профессорскаго Института) у одного изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Канта, Профессора Еше.

Кромѣ слушанія лекцій и самостоятельнаго повторенія ихъ, Рѣдкинъ имѣлъ случай расширить кругъ своихъ познаній, пользуясь отборною Университетскою библіотекою. Вообще Дерпту онъ обязанъ многимъ, очень многимъ. Здѣсь онъ собственно приготовился къ тому, чтобы вполнѣ воспользоваться заграничнымъ пребываніемъ и занять потомъ Профессорскую каѳедру; здѣсь его общему и въ особенности юридическому образованію положена была прочная основа; здѣсь онъ изучилъ, кромѣ Нѣмецкаго языка, древніе классическіе языки.

Въ концѣ 1830 года, когда временно почти разстроился въ

Дерптѣ юридическій Факультетъ, за долгимъ заграничнымъ пребываніемъ Профессора Клоссіуса, за болѣзнію Профессора Рейца и за смертію Профессоровъ Эверса и Дабелова, Рѣдкинъ, по предложенію Графа Сперанскаго, причисленъ былъ (вмѣстѣ съ Г. Калмыковымъ, перешедшимъ изъ филологическаго въ юридическій факультетъ) ко II-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Здѣсь Рѣдкинъ оставался до половины 1834 года; слушалъ лекціи большею частію въ Берлинскомъ Университетѣ, впрочемъ также посѣщалъ лекціи и въ другихъ Университетахъ, проводя вакантное время въ ученыхъ путешествіяхъ по Германіи, Швейцаріи и Италіи. Въ Берлинѣ онъ слушалъ: Римское Право (Институты и Пандекты) и Прусское Право у знаменитаго Савиньи; Римское и Общегерманское наслѣдственное Право и Общегерманское гражданское судопроизводство у Рудорфа, у котораго сверхъ того бралъ частные уроки по Исторіи Римскаго Права и юридической литературы при посѣщеніи рѣдкой библіотеки Г. Савиньи; у Раумера Политику и новую Исторію; у Кленце Исторію Римскаго Права, Юридическую Энциклопедію и Уголовное Право; у Ганса Философію Права, Философію Исторіи и Новѣйшую Исторію; у Ланциццолле Народное Право; у Гомейера Общегерманское гражданское Право и Исторію общегерманскаго Права; у Эйхгорна Церковное Право и общегерманское Государственное Право; у Бека Энциклопедію Филологіи; у Гегеля Логику и Исторію Философіи; кромѣ того посѣщалъ лекціи и многихъ другихъ Профессоровъ, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ. Частнымъ образомъ онъ продолжалъ изученіе древнихъ классическихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, особенно Англійскаго, Италіянскаго и Испанскаго. По особому вызову Графа Сперанскаго, онъ начиналъ здѣсь изучать и Санскритскій языкъ. Пребываніе за границею довершило какъ общее, такъ и спеціальное, юридическое его образованіе.

Товарищами его по ученію были, кромѣ вышеупомянутыхъ, отправленныхъ также за границу въ 1832 году, воспитанниковъ Профессорскаго Университета, еще выбранные изъ Духовныхъ Академій воспитанники, причисленные ко II-му

Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи и учившіеся первоначально Правовѣдѣнію въ С. Петербургскомъ Университетѣ: Благовѣщенскій и Знаменскій, умершіе, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, въ С. Петербургѣ; нынѣшніе Профессоры С. Петербургскаго Университета: Баршевъ 1-й и Неволинъ (бывшій прежде Кіевскимъ Профессоромъ); Московскаго Баршевъ 2-й, Крыловъ, Орнатскій (прежде Кіевскій, а потомъ Харьковскій, нынѣ Московскій Профессоръ); Кіевскаго Богородскій; Харьковскаго Куницынъ и Платоновъ, и присоединенные къ нимъ: окончившій курсъ С. Петербургской Гимназіи, нынѣ Профессоръ С. Петербургскаго Университета Кранихфельдъ и Кандидатъ Дерптскаго Университета Петерсонъ, избравшій, по возвращеніи изъ заграницы, общую гражданскую службу. Всѣ юристы были, по Высочайшему повелѣнію, поручены въ Берлинѣ, чрезъ посредство Графа Сперанскаго, знаменитому Савиньи, для ближайшаго руководства ихъ занятіями.

Въ Іюлѣ 1834 года Рѣдкинъ, вмѣстѣ съ прочими товарищами юристами, возвратился изъ-за границы въ Россію. — Первое за тѣмъ полугодіе было имъ предоставлено для приготовленія къ испытанію на степень Доктора Правъ, по особенной программѣ, напечатанной по Высочайшему повелѣнію; а второе полугодіе на выдержаніе этого испытанія въ особенно наряженной для нихъ, по Высочайшему повелѣнію, коммиссіи, при Юридическомъ факультетѣ С. Петербургскаго Университета, изъ Профессоровъ этого факультета и старшихъ чиновниковъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ Начальника этого Отдѣленія, Статсъ-Секретаря Балугьянскаго.—По выдержаніи испытанія, послѣ публичнаго защищенія тезисовъ, выбранныхъ изъ разныхъ частей правовѣдѣнія, и по полученіи въ Сентябрѣ 1835 года диплома на степень Доктора Правъ, Рѣдкинъ отправленъ былъ, по выбору вновь назначеннаго Попечителемъ Графа С. Г. Строганова, преподавателемъ по части правовѣдѣнія впредь до окончательнаго распредѣленія каѳедръ, въ Императорскій Московскій Университетъ, гдѣ въ началѣ Ноября того же 1835 года началъ лекціи по Юридической Энциклопедіи. Въ томъ же 1835 году, 31-го Дека-

бря, онъ произведенъ былъ въ Экстраординарные Профессоры, для преподаванія Энциклопедіи Законовѣдѣнія и Государственныхъ законовъ, а 24-го Марта 1837 года въ Ординарные. По послѣднему званію Рѣдкинъ получилъ патентъ на чинъ Надворнаго Совѣтника; 3-го Іюля 1843 года произведенъ за выслугу лѣтъ въ Коллежскіе Совѣтники, а 29-го Декабря 1844 года, за выслугу же лѣтъ, въ Статскіе Совѣтники. 23-го Декабря 1845 года пожалованъ Кавалеромъ Ордена Святой Анны 3-й степени за отличіе по службѣ, а въ началѣ 1852 года Ордена Святой Анны 2-й степени.

Кромѣ Профессорской должности, былъ утверждаемъ ежегодно, съ начала 1841 по 19-е Марта 1847 года, Инспекторомъ надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями, до самаго вступленія въ должность Инспектора Московскаго Александринскаго Института, за исключеніемъ только времени, проведеннаго вторично за границею. Въ этотъ заграничный отпускъ Рѣдкинъ былъ уволенъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ Іюлѣ 1842 года, и возвратился въ Москву въ Августѣ 1843 года. Въ продолженіе этого времени, Рѣдкинъ совершилъ ученое путешествіе по Англіи, Франціи Испаніи, Италіи и Германіи, преимущественно для нагляднаго ознакомленія съ учебною частію, администраціею и судопроизводствомъ этихъ странъ. Въ половинѣ Января 1848 года, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности Профессора, отъ коей и былъ уволенъ 6-го Іюля, удержавъ однако же за собою должность Инспектора классовъ Александринскаго Сиротскаго Института. Съ 1-го Августа 1848 года онъ опредѣленъ былъ въ томъ же Институтѣ, сверхъ Инспекторской должности, преподавателемъ предварительныхъ понятій о Законовѣдѣніи, Основныхъ Законовъ, Учрежденій и Законовъ о Состояніяхъ. Съ этихъ должностей, по вызову Графа Л. А. Перовскаго, 10-го Іюля 1849 года онъ былъ перемѣщенъ на должность Секретаря при немъ, по званію Товарища Министра Удѣловъ, а 11-го Марта 1851 года назначенъ Членомъ Общаго Присутствія Департамента Удѣловъ.

Рѣдкинъ женатъ съ 23-го Апрѣля 1848 года на дочери Лектора Англійскаго языка при Московскомъ Университетѣ Елизаветѣ Эдуардовнѣ Гарве.

Въ продолженіе 12-ти лѣтняго своего Профессорства, Рѣдкинъ читалъ ежегодно лекціи по слѣдующимъ предметамъ: 1-е на первомъ курсѣ первую часть Энциклопедіи Законовѣдѣнія, или Юридическую Пропедевтику; 2-е на второмъ курсѣ Русскіе Государственные Законы, со введеніемъ въ Государственное Право вообще; 3-е на четвертомъ курсѣ вторую часть Энциклопедіи Законовѣдѣнія, или спеціальныя лекціи по Исторіи Философіи Права и Правамъ иностранныхъ государствъ. Сверхъ того, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, читалъ лекціи Русскихъ Государственныхъ законовъ для Студентовъ послѣднихъ курсовъ всѣхъ Факультетовъ. Менѣе 10 часовъ въ недѣлю онъ никогда не читалъ лекцій, но иногда доходилъ даже до 16 часовъ. Подробности его преподаванія значатся въ ежегодно печатаемыхъ отчетахъ Московскаго Университета. Главною цѣлію его преподаванія было развить въ слушателяхъ любовь къ наукамъ, чувство правды и справедливости, строгую логическую послѣдовательность мышленія и ученое направленіе, основанное на изученіи источниковъ.

Посвящая все свое время почти исключительно преподаванію, приготовленію къ лекціямъ и дальнѣйшему самоусовершенствованію не только въ спеціальныхъ наукахъ, но и въ предметахъ общаго образованія, и сверхъ того въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣстному исполненію званія Инспектора частныхъ учебныхъ заведеній, Рѣдкинъ весьма мало имѣлъ времени на изданіе трудовъ своихъ. Однако же по обоимъ своимъ званіямъ, Профессора и Инспектора, онъ началъ изданія безсрочныхъ журналовъ, юридическаго и педагогическаго; по первому успѣлъ издать два тома *Юридическихъ записокъ*, а по послѣднему (сперва съ Г-мъ Валуевымъ, а потомъ одинъ) нѣсколько томиковъ *Библіотеки для воспитанія*. Кромѣ того, онъ началъ печатать въ *Москвитянинѣ*, по просьбѣ Г. Погодина, статью: «*Обозрѣніе Гегелевой Логики*,» которую, впрочемъ, далеко не кончилъ.

РЯСОВСКІЙ, Григорій Андреевичь, Адъюнктъ и Медицины Докторъ, Статскій Совѣтникъ, Докторъ Серпуховскаго дѣтскаго пріюта въ Москвѣ, изъ духовнаго званія. Уволен-

ный изъ класса Богословія Воронежской Семинаріи, поступилъ Студентомъ въ Харьковскій Университетъ въ 1817 г. Здѣсь выслушавъ курсъ Медицинскихъ наукъ, перешелъ въ Московскій Университетъ Студентомъ въ 1820 г. По экзамену удостоенъ степени Доктора, 1825 г. Іюня 27-го, защитивъ диссертацію: de lithiasi, seu morbo calculoso. Оставленъ при Университетѣ для ученой службы 1825 г. Іюня 27-го. Преподавалъ Студентамъ Ветеринарную Анатомію и Физіологію съ 1826 г. Сентября 1-го по 1828 г. Сентября 1-го, руководствуясь сочиненіемъ Фейта. — Утвержденъ Адъюнктомъ 1827 г. Іюня 30-го. — Назначенъ Акушеромъ и Докторомъ при Родильномъ Институтѣ, въ качествѣ помощника Профессору Акушерства 1827 г. Сентября 1-го. — Преподавалъ науку о женскихъ болѣзняхъ съ 1828 г. Сентября 1-го до конца 1835 года, руководствуясь сочиненіемъ Сибольта. — По распоряженію Комитета, учрежденнаго при Университетѣ для охраненія отъ холеры живущихъ въономъ и заведеніяхъ ему подвѣдомыхъ, назначенъ былъ Докторомъ Временной больницы въ Московской Губернской Гимназіи съ 1830 г. Сентября 19-го по 1831 г. Февраля 17-го. По Комитету охраненія отъ холеры при Университетѣ получилъ Монаршее благоволеніе 1831 г. Августа 25-го. Избранъ Секретаремъ Отдѣленія Врачебныхъ наукъ 1832 г. Августа 23-го и исправлялъ эту должность до 4-го Октября 1834 г. Въ концѣ 1835 года, за реформою, при введеніи новаго Устава и штатовъ, уволенъ отъ службы при Университетѣ.

С.

САВИЧЪ, Данило, Философіи и свободныхъ наукъ Магистръ и Московскаго Университета суббибліотекарь, преподавалъ въ 1757 г. Географію на Русскомъ языкѣ, въ 1759 г. Оптику, въ 1761 г. Физику по руководству Винклера; но въ томъ же году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, получилъ другое назна-

ченіе. Случились безпорядки въ новоучрежденной Казанской Гимназіи, о которыхъ донесли Шувалову учители Оттенталь и Дювиллаpъ, пріѣхавшіе оттуда. Въ слѣдствіе того Веревкинъ, управлявшій Гимназіею, былъ отставленъ; а Кураторъ Веселовскій опредѣлилъ въ Казань Савича съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора, имѣя въ виду придать болѣе силы дѣйствіямъ его для приведенія въ устройство Гимназіи. За отбытіемъ Савича, каѳедра Физики поручена была Росту. Сей послѣдній, сообщая эти подробности въ письмахъ къ Миллеру, называетъ Савича человѣкомъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ, неспособнымъ быть пятымъ колесомъ въ каретѣ.

САНДУНОВЪ, Николай Николаевичь, Гражданскаго и Уголовнаго Судопроизводства въ Россійской Имперіи Профессоръ Публичный Ординарный, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, принадлежитъ къ числу достопамятныхъ личностей Московскаго Университета. Формулярный списокъ его показываетъ, что онъ былъ изъ дворянъ. Родился онъ въ Москвѣ. По окончаніи курса ученія въ Дворянской Гимназіи, учрежденной при Московскомъ Университетѣ, и потомъ въ самомъ Университетѣ по Факультетамъ Юридическому и Словесному, гдѣ за отличные успѣхи въ Юридическихъ и Философскихъ наукахъ получилъ золотую медаль (1787), Николай Николаевичь сдѣлался преподавателемъ Синтаксиса въ означенной Гимназіи, съ 1787 по 1791 годъ. Его дарованія и успѣхи въ Словесности, въ особенности любовь къ драматическому искусству, обратили на него вниманіе Куратора Университета, Хераскова, который принялъ его къ себѣ въ Секретари. Тѣсно было Сандунову такое поприще службы, почему вскорѣ вызванъ онъ былъ въ Секретари къ Генералъ-Губернатору возвращенныхъ отъ Польши Губерній и областей, Тайному Совѣтнику Тутолмину, и тамъ въ короткое время произведенъ въ чинъ Титулярнаго Совѣтника. Сандуновъ быстро и вѣрно изучилъ сей край.

Но вотъ, кажется, путеводительная звѣзда Сандунова показалась на горизонтѣ. По требованію Генералъ-Прокурора Кн. А. Б. Куракина, Сандуновъ вступилъ въ Канцелярію о со-

ставленіи законовъ Россійской Имперіи, въ званіи сочинителя. Здѣсь судьба сблизила его съ М. М. Сперанскимъ. Но по ихъ характерамъ можно было предсказать, что сослужебныя ихъ отношенія будутъ непродолжительны. Нетерпѣливый Сандуновъ, въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника, отправился въ Москву, въ Оберъ-Секретари 6-го Департамента Правительствующаго Сената, въ 1798 году. Здѣсь прослуживъ двѣнадцать лѣтъ, по собственному прошенію, уволенъ отъ службы. Дѣятельная и благородная его служба въ семъ святилищѣ законовъ удостоена была Монаршаго благоволенія пожалованіемъ чина Статскаго Совѣтника и Орденовъ Св. Владиміра 4-й степени и Св. Анны 2-й степени. Можетъ быть, долговременное обращеніе Сандунова съ уголовными дѣлами участвовало въ мрачномъ настроеніи его души. Оригинально-рѣзкій и неуступчивый характеръ Сандунова, сколько мы могли понимать, могъ образоваться только при сильной раздражительности темперамента, при страшныхъ неудачахъ въ жизни. Въ посвященіи своей драмы «Отецъ Семейства» (1794 года) Антону Антоновичу Антонскому, Сандуновъ, благодаря Антонскаго за великодушный съ нимъ поступокъ въ годину его несчастія, горько жалуется на *обманъ увѣрительныхъ обѣщаній, отнявшій у него все: службу, имя и состояніе.* Такой привѣтъ большаго свѣта умному и пламенному Сандунову, при вступленіи его на поприще жизни, не обѣщалъ въ немъ благодушной настроенности чувствъ. Бичующая иронія сдѣлалась стихіею его жизни.

Горькіе опыты жизни привели Сандунова къ тихому пристанищу, къ Профессорской каѳедрѣ въ Московскомъ Университетѣ. Съ сего времени для него начинается новая жизнь на двухъ противоположныхъ поприщахъ. Онъ читалъ лекціи Законовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ, и вмѣстѣ служилъ оракуломъ города Москвы для вопрошающихъ о правосудіи и для ищущихъ правосудія. Двери его дома были открыты для всѣхъ желавшихъ его видѣть. Нѣкоторымъ Студентамъ, изъ особеннаго къ нимъ благоволенія, онъ дозволялъ присутствовать при объясненіяхъ съ просителями, и нерѣдко употреблялъ ихъ помощниками при сихъ занятіяхъ. Они пріискивали ему указы въ тогдашнемъ хаосѣ

законовъ, давали свои мнѣнія, записывали темы для стряпческихъ его бумагъ. Чрезъ эти занятія Сандуновъ сблизился съ знатными домами Московскаго дворянства. Сановитые Московскіе бояре боялись Сандунова, и любили его. Онъ былъ замысловатъ, по своему любезенъ и неистощимъ въ предметахъ пріятнаго бесѣдованія, но вмѣстѣ съ симъ неумолимъ въ обличеніяхъ роскоши, тщеславія и безпечности барской. Иногда однакожъ, съ выраженіемъ скорби на лицѣ, жаловался онъ, что благородные люди, уклоняясь миролюбивыхъ рѣшеній своихъ тяжебъ, подвергаютъ свое благосостояніе произволу судебныхъ мѣстъ, и потомъ жалуются сами незная на кого и за что. «Еслибъ не было купующихъ, не было бы и продающихъ.»

По приглашенію Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, П. И. Голенищева-Кутузова, въ 1811 году, Сандуновъ заступилъ мѣсто Профессора Захарія Аникѣевича Горюшкина, извѣстнаго своею системою Россійскаго Законовѣдѣнія, и занялъ должность Синдика въ Университетскомъ Правленіи. Кромѣ должности Профессора и Синдика, Сандуновъ исправлялъ и другія. Онъ былъ Инспекторомъ казеннокоштныхъ Студентовъ. Въ 1813 году, по предписанію высшаго Начальства, онъ командированъ былъ для изслѣдованія безпорядковъ, происшедшихъ въ приписанномъ къ Демидовскому Высшихъ наукъ Училищу имѣніи, двукратно исправлялъ должность безсмѣннаго Засѣдателя въ Правленіи Университета; четыре раза избираемъ былъ въ Деканы Этико-политическаго Факультета, и проч. Въ награду за службу, по Именному Высочайшему указу, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Важнѣйшимъ событіемъ въ жизни Сандунова была его Профессорская служба. Метода преподаванія Росс. Законовѣдѣнія избрана имъ, согласно тогдашнему состоянію законодательства, практическая и экзегетическая. Прежде всего С. требовалъ отъ Студента, чтобъ онъ отрекся, по его выраженію, отъ *фантасмагоріи и всякаго пустолюбія*, и, если замѣчалъ въ комъ нибудь наклонность къ мечтательности и цвѣтистому изложенію мыслей,

то обыкновенно подавалъ добрый совѣтъ перейти въ Словесный Факультетъ: «ты здѣсь не годишься, шелъ бы ты, батинька, въ Стихотворцы.» Равно онъ не терпѣлъ и *высшихъ взглядовъ* въ Студентахъ, называя ихъ *широковѣщательными теоріями* и метафизикой. Съ этимъ вмѣстѣ онъ былъ страшный гонитель галлицизмовъ, германизмовъ и тому подобныхъ погрѣшностей противъ языка. Его теорія судебнаго краснорѣчія заключалась въ немногихъ правилахъ: «надобно говорить дѣло, и больше ничего.»

Лекція Сандунова обыкновенно начиналась чтеніемъ журнала прошедшаго засѣданія аудиторіи дежурнымъ протоколистомъ изъ Студентовъ съ прописаніемъ, кто явился поздно въ засѣданіе, и кого вовсе не было. Журналъ подписывался Профессоромъ, какъ предсѣдателемъ присутствія, скрѣплялся секретаремъ класса и дежурнымъ протоколистомъ. За симъ выдвигался на средину аудиторіи *налой*, выходилъ къ нему дежурный Студентъ съ вновь вышедшими Сенатскими Вѣдомостями, и читалъ заранѣе Профессоромъ отмѣченныя узаконенія. По прочтеніи каждаго узаконенія, Сандуновъ спрашивалъ Студента по выбору, въ чемъ заключается сущность и разумъ закона, къ какому разряду законовъ относится, и какъ онъ подходитъ къ прежнимъ законамъ, по тому же предмету изданнымъ. По разрѣшеніи сихъ вопросовъ, дежурный Студентъ читалъ слѣдующее узаконеніе. По прочтеніи Сенатскихъ Вѣдомостей, Профессоръ по настольному реэстру вызывалъ Студентовъ къ чтенію производства тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, стоявшихъ на очереди къ слушанію. Для сего учреждаемы была присутственныя мѣста въ полномъ ихъ составѣ съ канцеляріями и архивами, и притомъ такъ что должности канцелярскихъ служителей и чиновниковъ поручались Студентамъ годичнымъ и двухгодичнымъ, должности Секретарей, Архиваріусовъ, Уѣздныхъ Стряпчихъ, Губернскихъ Прокуроровъ и Предсѣдателей Студентамъ трехгодичнымъ и даже Дѣйствительнымъ Студентамъ и Кандидатамъ. Должности Засѣдателей поручались Студентамъ двухгодичнымъ и трехгодичнымъ, должности Губернаторовъ и Оберъ-Секретарей поручались всегда отличнымъ Кандидатамъ. Но Сенаторовъ не вы-

бирали. Составленіе Сенатскихъ опредѣленій и другихъ исходящихъ бумагъ возлагалось на Оберъ-Секретаря. Аудиторія изъ 200—300 Студентовъ была достаточна для замѣщенія всѣхъ должностей въ этой судебной іерархіи, и почти всѣ Студенты были должностныя лица, всѣ состояли на службѣ; никто изъ нихъ не обижался, если ему, по распоряженію Профессора, досталось только переписывать бумаги своихъ товарищей. За упущенія въ дѣлахъ и кривосудство отдавали подъ судъ. Распоряженія Профессора были столь наглядны и серьёзны, что, при первомъ взглядѣ, аудиторія казалась истиннымъ судилищемъ геліастовъ. Открывалось обширнѣйшее поприще для судебнаго краснорѣчія; Сандуновъ раздувалъ пламя состязаній, и мощною Профессорскою рукою склонялъ ихъ къ искомому заключенію. Диспутъ къ концу обрушивался на Студента при налоѣ. Для слабаго это была настоящая пытка; у иногихъ дрожалъ голосъ, навертывались слезы, прошибалъ холодный потъ. Самые заносчивые, самонадѣянные Студенты терялись предъ налоемъ. Сказанная неловкость, нелѣпость, выведенное на свѣтъ невѣжество встрѣчаемы были градомъ насмѣшекъ. Иногда самъ Профессоръ обнаруживалъ чувство состраданія къ смущенному Студенту: «дыши, батинька, дыши; али затянулся? ступай къ Колобову (служителю при аудиторіи), и напейся водицы.»

Практическій способъ преподаванія, сближая Профессора со Студентами, требовалъ отъ него необыкновенно строгой дисциплины въ аудиторіи. Студенты понимали самый взглядъ Профессора. И, Боже оборони, если Сандуновъ замѣтилъ въ аудиторіи нарушеніе дисциплины, или неуваженіе къ его лекціи, н. п. если Студентъ долго заговорится съ сосѣдомъ—когда надобно слушать, или положитъ ногу на ногу, или развалится какъ нибудь неприлично,—тогда никакая знатность, никакое богатство не спасетъ его отъ огненныхъ стрѣлъ Профессорскаго гнѣва. — Студенты благодушно принимали ѣдкія эпиграммы и всякаго рода насмѣшки Сандунова. И въ тѣ времена, какъ и всегда, Профессоръ благочестно былъ уважаемъ Студентами. Сандуновъ былъ немилосердъ противъ наглаго невѣжества и нарушенія дисциплины; но онъ былъ великодушенъ во всѣхъ

случаяхъ, гдѣ взывало къ нему человѣчество. Такъ, одинъ разъ вызываетъ онъ къ налою Студента, одѣтаго въ фризовую шинель, похожую на тѣ, какія обыкновенно носили тогда у Воскресенскихъ воротъ. Видно было, что Студентъ убитъ былъ крайнею бѣдностію. Сандуновъ приказываетъ ему снять шинель: «сними свою хламиду-то, батинька.» Студентъ стоитъ неподвижно и не снимаетъ шинели. Сандуновъ грозно повторяетъ ему свой приказъ. Вмѣсто исполненія приказа, Студентъ подходитъ къ Профессору и шепчетъ ему что-то на ухо. Профессоръ тотчасъ привсталъ, сдѣлалъ знакъ почтенія Студенту, и громко, и торжественно произнесъ предъ аудиторіею: «извините меня, бѣдность не порокъ; нужда родитъ таланты; извините меня.»

Очевидно, что метода Сандунова не подвигала науку впередъ, а приготовляла для службы судей, секретарей и стряпчихъ. Онъ понималъ науку, какъ законоискусство. Сандуновъ окружаемъ былъ Студентами практическаго смысла и направленія, людьми смѣлыми, боевыми; но Студенты, чающіе науки отъ каѳедры Законовѣдѣнія, стояли отъ него далече. Такъ прожилъ вѣкъ свой даровитѣйшій изъ Профессоровъ Юридическаго факультета въ первой трети XIX вѣка. Служилъ онъ отечеству усердно, исправлялъ должность Профессора съ примѣрною точностію; при огромныхъ силахъ души вѣренъ былъ вмалѣ; подавалъ совѣты ищущимъ правосудія и защиты въ судебныхъ мѣстахъ; трудился неутомимо по самую смерть, и не стяжавъ богатства, довольствовался малымъ. Сандуновъ любилъ Россію мужественною любовію и, не смотря на суемудрую эпоху своего рожденія и воспитанія, былъ проникнутъ духомъ чистѣйшей Русской народности. Онъ любилъ говорить пословицами, и былъ какъ бы живая Русская пословица, отвѣтствующая на всѣ вопросы кратко, сильно и вѣрно. Онъ любовался Русскимъ народомъ какъ старецъ любуется могучимъ юношей, и называлъ его *широкоплечимъ дѣтиной*. Сандуновъ умеръ 7-го Іюня 1832 на 64 году отъ рожденія, и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ дочерей: 1) Софью въ за-

мужствѣ за Капитаномъ Ивановымъ, 2) Анну за Титулярнымъ Совѣтникомъ Миллеромъ и 3) малолѣтную Надежду.

Книги, изданныя Сандуновымъ: драмы его сочиненія, весьма замѣчательныя простотою и драматическою живостію Русскаго языка: 1) *Отецъ семейства*, по расположенію Барона Геммингена. М. 1794 и 1816 г.—2) *Царскій поступокъ*. М. 1817 г.— 3) *Слово о необходимости знать законы гражданскіе, и о способѣ учить и учиться Россійскому Законовѣдѣнію*, въ торжественномъ годовомъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета Іюля 6-го дня 1822 года. — 4) *Правая Грамота по вотчинному дѣлу въ 1557 году производившемуся*, для обучающихся Россійскому Практическому Судопроизводству въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1830 г. Москва. — Онъ же перевелъ 5) трагедію Шиллера: *Разбойники*.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ славный нашъ законовѣдецъ призывалъ Русскихъ дворянъ къ изученію законовъ отечественныхъ, выпишемъ изъ его Слова прекрасное обращеніе его къ дворянскому сословію.

«Къ тебѣ обращусь я первѣе всего, благородное дворянство, вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ненарушимую преданность къ Царю и отечеству, ты первое сословіе подданныхъ Россіи, отличнѣйшими преимуществами одаренное; особенныя привилегіи, тебѣ дарованныя, по существу своему ни съ какимъ состояніемъ не сливаются. Но вошедъ въ положеніе званія твоего, вообще какъ дворянина, увидимъ, что чѣмъ отличнѣе преимущества ему предоставлены, тѣмъ обширнѣйшаго требуется отъ него знанія законныхъ постановленій. Съ издѣтскихъ лѣтъ образовавшись воспитаніемъ: быть благороднымъ; а ученіемъ: быть способнымъ къ отправленію должностей общественныхъ, порывомъ ревностнаго любочестія къ отличнымъ подвигамъ военнымъ, въ лѣтахъ юности оно стремится на защиту отечества. Военные Россійскаго

Дворянства подвиги знамениты и неисчетны. Лѣта, раны и несоотвѣтственное труднымъ дѣламъ военнымъ состояніе здоровья, по неволѣ заставляютъ военную жизнь перемѣнить на гражданскую. Здѣсь дворянинъ видитъ себя въ новой сферѣ: по имѣнію, онъ экономъ государственный; по распорядку работъ крестьянскихъ и по внутренней личной между крестьянами его расправѣ по дѣламъ хозяйственнымъ онъ непосредственный имѣнія своего полицейстеръ; по избранію дворянъ, судья. Управленіе имѣніемъ требуетъ отъ него свѣденія въ законахъ своего государства при исправленіи крестьянскихъ повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ; при случаѣ завладѣнія кѣмъ-либо изъ сосѣдей его имѣніемъ, или частію онаго: при наслѣдствѣ и при сдѣлкахъ разнаго рода по частнымъ его дѣламъ: наложенною же на него по выборамъ должностію несравненно обширнѣйшаго требуется отъ него въ законахъ знанія.»

Приведемъ въ заключеніе то мѣсто, гдѣ Профессоръ излагаетъ самый способъ изученія законовъ. «Учащій законоискусству долженъ знать состояніе своего ученика: учитъ ли онъ его, какъ частнаго гражданина, обязаннаго знать права и повинности свои; или, какъ готовящагося служить по опредѣленію отъ правительства и по выборамъ; или какъ желающаго быть въ свое время законоискусникомъ; во всѣхъ сихъ трехъ случаяхъ учащій долженъ знать границы свѣденій въ законоискусствѣ, требующихся для занимающагося ученіемъ законовъ. Въ *первомъ* случаѣ долженъ онъ показать ученику своему подчиненность его власти, кругъ состоянія его, преимущества и повинности, отношенія его къ другимъ сословіямъ и ихъ къ нему, права въ наслѣдствахъ, сдѣлкахъ и обязательствахъ; во *второмъ* сверхъ выше означенныхъ свѣденій долженъ дать знаніе объ обязанности судіи, о законахъ по части дѣлъ, должности его подвѣдомственныхъ, о порядкѣ при производствѣ и переносѣ сихъ дѣлъ и объ образѣ сношенія присутственныхъ мѣстъ между собою; въ *третьемъ* случаѣ, когда отъ наставника требуется знаній законоискусника, обязанъ онъ предуготовить ищущаго полныхъ свѣденій законоискусства въ знаніи Исторіи законодательства Россійскаго и дре-

вностей, къ оному относящихся, и потомъ ужѐ отверсть обширный храмъ правосудія, раскрыть скрижали государственныхъ постановленій, сихъ освященныхъ властію гражданскихъ заповѣдей, изъяснить учащемуся всю систему государственнаго правленія, духъ законовъ, какъ пружину, движущую всѣ сословія въ дѣяніяхъ ихъ къ одной цѣли, къ благу общественному; образъ государственнаго правленія по всѣмъ столь различнымъ частямъ онаго; учрежденныя правительственныя казенныя, судебныя, хозяйственныя и исполнительныя мѣстà, ихъ обязанности, чины ихъ занимающіе и ихъ должности; состоянія подданныхъ Россіи, ихъ правà, преимущества и повинности въ частной связи ихъ между собою и въ отношеніи къ правительству, по дѣламъ ихъ хозяйственнымъ, торговымъ и промышленнымъ; за тѣмъ ужѐ ввести его въ сіе святилище закона, для усмотрѣнія занятій по дѣламъ въ немъ производимымъ, разобрать дѣлà сіи по роду ихъ, какъ то: вотчинныя, долговыя, исковыя, уголовныя и слѣдственныя; изъяснить порядокъ производства ихъ; сроки для подачи прошеній, объявленій, исковъ, объявленій неудовольствія на рѣшеніе, или на неточное исполненіе по рѣшенію вышняго мѣста, аппелляцій и отзывовъ; показать формы журналовъ, резолюцій, мнѣнія, рѣшеній, приговоровъ и исполненій. Обогатя такимъ образомъ разумъ учащагося сими свѣденіями, какъ необходимыми орудіями къ достиженію точнаго исполненія по дѣламъ правосудія, долженъ наставникъ приступить къ занятію слушателя своего самымъ производствомъ всѣхъ дѣлъ оныхъ на опытѣ, то есть: читать дѣла подлинныя, сочинять изъ нихъ выписки и чрезъ то пріучать ученика своего, чтобы онъ умѣлъ, не смотря на множество съ умысла, или по незнанію введенныхъ къ запутанности дѣла обстоятельствъ, вникать въ сущность онаго, отдѣлять главныя его обстоятельства отъ побочныхъ, по большей части ненужныхъ и извлекать изъ громады бумагъ, связанныхъ по времени вступленія ихъ въ производство дѣла не въ хронологическомъ по теченію дѣла порядкѣ, исторически связь происшествія тяжбы, рѣшеній и жалобъ на оныя; потòмъ предлагать ему къ разрѣшенію случаи по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; но при

семъ наблюдать: 1-е чтобы учащійся понималъ предлагаемую ему матерію вѣрно, несбивчиво и опредѣленно. 2-е Предложенія учащемуся дѣлать письменныя, чтобы онъ, видя ихъ передъ собою по написаннымъ словамъ, не могъ прибавить чего нибуть отъ себя. 3-е Чтобы заключеніе его по предложенной матеріи опредѣленіемъ своимъ не выходило изъ границъ даннаго ему вопроса. 4-е Учащійся законоискусству Россійскому долженъ знать отечественный свой языкъ и изъясняться на немъ правильно и чисто. 5-е Рѣшеніе задачи должно быть писано языкомъ дѣльнымъ, а не романическимъ. Сказавъ, чтобъ ученикъ зналъ отечественный свой языкъ и умѣлъ на немъ изъясняться правильно и чисто, разумѣю я чистоту въ словахъ и выраженіяхъ болѣе близкую къ простотѣ; а не фигуральную, которая силою воображенія и восторга больше можетъ сдѣлать обширнымъ и самое по существу своему короткое дѣло идеями отвлеченными чрезъ подобія, вопросы и удивленія, отъ умствованій происшедшія и къ существу его ни сколько не принадлежащія и чрезъ то не изъяснить, а затьмить дѣло; требуется, чтобы законоискусникъ объяснялся просто, чисто и дѣльно; а излишняя красивость штиля не нужна ни сколько: она относится къ игрѣ остроты и воображенія; дѣло требуетъ только изъясненія, отъ ума и соображенія существа дѣла съ законами выходящаго. Голосъ судьи есть голосъ правительства; а основаніе власти и всѣхъ учрежденій его есть сила, разумъ и существенное подданныхъ благосостояніе.»

Свирукъ, Людвигъ Степановичь, Ординарный Профессоръ Анатоміи, Статскій Совѣтникъ, родился Минской губерніи Ржечицкаго уѣзда, Селецкаго прихода, въ имѣніи Константиновѣ, въ 1807 году, отъ родителей дворянъ. Первоначальное воспитаніе свое, за смертію отца, получилъ дома у матери своей, подъ руководствомъ ея и старшаго брата своего Михаила. Оставшись послѣ родителя безъ состоянія, воспитаніемъ своимъ обязанъ брату своему. Имъ пріобрѣтаемы были средства нужныя для воспитанія; имъ положены первыя и прочныя основанія Закона Божія, главныя правила чистой

Христіанской нравственности; его примѣромъ возбуждено благоразумное и полезное трудолюбіе. На его иждивеніи и подъ его надзоромъ Профессоръ, Севрукъ проходилъ Гимназическое и Университетское ученіе; ему обязанъ былъ вполнѣ всѣмъ своимъ состояніемъ и до конца жизни своей не переставалъ питать чувства благодарности къ брату благодѣтелю, желая для счастія людей, чтобы Богъ посылалъ на землю болѣе такихъ питателей.

Первоначальное ученіе Профессоръ Севрукъ, въ продолженіи семи лѣтъ, проходилъ въ Трашкунскомъ училищѣ, гдѣ учителями тогда были монахи Бернардинскаго ордена. Училище это было на степени Гимназій и принадлежало Виленскому Учебному Округу.

Въ 1823 году вступилъ въ Императорскій Виленскій Университетъ; по братнему желанію, поступилъ на Юридическое Отдѣленіе, но не имѣя къ юриспруденціи ни влеченія, ни способности, по прошествіи года перешелъ на Физическое, а послѣ на Филологическое и наконецъ на Медицинское Отдѣленіе. Въ 1827 году принятъ въ число казенныхъ воспитанниковъ. Готовя себя къ практическому поприщу врачебнаго искусства, занялся изученіемъ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, владѣя притомъ Латинскимъ, Русскимъ, Польскимъ и Литовскимъ языками.

Въ изученіи отдѣльныхъ наукъ Врачебнаго Факультета, въ продолженіи пяти лѣтъ, посвящалъ себя преимущественно *Анатоміи*, какъ главнѣйшему основанію Врачебныхъ наукъ, подъ руководствомъ незабвеннаго Профессора Бѣлькевича, усерднѣйшаго наставника, страстнаго и знаменитаго Анатома, Оператора и Акушера. Его увлекательнымъ примѣромъ и поощреніями пристращенъ къ Анатоміи; въ продолженіи ученія получилъ денежное награжденіе за искусное приготовленіе анатомическихъ препаратовъ, и въ 1829 году, когда прочіе товарищи его, по тогдашней необходимости во врачахъ, отправлены были на службу, онъ, состоя на четвертомъ еще курсѣ, по словесному распоряженію Ректора Университета В. В. Пеликана, оставленъ былъ при Прозекторѣ Анатоміи

въ качествѣ помощника. Въ 1831 г., еще до полученія ученой степени, опредѣленъ въ качествѣ Ординатора, во временный военный госпиталь помощникомъ Профессору Абихту и получилъ денежное пособіе за усердное пользованіе больныхъ воинскихъ чиновъ.

Проходя врачебныя науки подъ руководствомъ Франка, Пеликана, Снядецкаго, Бѣлькевича, Боянуса, Абихта, Мяновскаго и др., въ 1832 г. получилъ степень Лѣкаря перваго отдѣленія. За отличное прилежаніе къ наукамъ удостоенъ денежной награды и позволенія защищать диссертацію на Доктора безъ особеннаго на эту степень экзамена. Въ этомъ же году выпущенъ на службу и Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденъ Помощникомъ Прозектора Анатоміи бывшей Императорской Виленской Медико-Хирургической Академіи. Начальство новыми пособіями поощрило его усердіе въ занятіяхъ Анатоміею. Въ 1833 году Севрукъ занялъ штатное мѣсто Оператора и Акушера въ Еврейской Виленской больницѣ. Въ 1834 году былъ назначенъ преподавателемъ Патологической Анатоміи, первый открылъ курсъ сего предмета въ б. Императорской Виленской Медико-Хирургической Академіи. Въ 1835 г. получилъ еще денежную награду и по избранію утвержденъ въ должности Адъюнкта.

Въ 1836 году, по причинѣ болѣзни Профессора Анатоміи человѣческаго тѣла, поручено было Конференціею Севруку преподаваніе сей науки Студентамъ втораго, и анатомическія разсѣченія труповъ Студентамъ третьяго курса.

На открывшуюся вакансію, въ 1837 году, по выбору и представленію Конференціи утвержденъ Прозекторомъ Анатоміи человѣческаго тѣла, оставаясь притомъ исполняющимъ должность Адъюнкта и преподавателемъ Патологической Анатоміи. Въ этомъ же году, сверхъ означенныхъ должностей, по порученію Конференціи, преподавалъ Частную Терапію. Въ 1838 году, выдержавъ экзаменъ на степень Доктора Медицины, защищалъ диссертацію: Specimen inaugurale medico-obstetricium, graviditatis extra-uterinae plus quam biennis historiam exhibens cum epicrisi. Vilnae, 1838 г., и удостоенъ

слушать Студенческія анатомическія демонстраціи на трупахъ. Въ это время, кромѣ прочихъ Университетскихъ должностей, преподавая отдѣльно каждый изъ означенныхъ предметовъ, употреблялъ на все это по 15 часовъ въ недѣлю, исполняя притомъ со всевозможною точностію больничныя свои обязанности и должность практикующаго врача.

Способъ изложенія предметовъ, принятый Профессоромъ Севрукомъ, былъ чисто демонстративно-практическій, именно потому, что наглядное изученіе Естественныхъ наукъ вообще, слѣдовательно и Анатоміи, онъ находилъ болѣе основательнымъ, удобопонятнымъ и менѣе обременительнымъ для учащихся. Вотъ почему онъ всегда настоятельно требовалъ отъ своихъ слушателей, чтобы они изучали природу на самомъ дѣлѣ, изслѣдуя ее лично собственными чувствами и повѣряя на ней изложенное наставникомъ. Въ случаѣ надобности прибѣгалъ также къ моделямъ или рисункамъ, своимъ чертежамъ, а всего болѣе къ богатымъ и многочисленнымъ препаратамъ великолѣпнаго и богатѣйшаго Анатомическаго кабинета, собраннаго трудами знаменитаго Лодера. Всѣ прочія части человѣческаго тѣла представляемы были слушателямъ въ естественномъ ихъ видѣ, изготовляемы отлично Прозекторомъ и его помощникомъ, по профессорскимъ запискамъ, составленнымъ въ родѣ краткаго конспекта и предлагавшимся Прозектору за нѣсколько дней до лекцій, въ видѣ требованій. На таковыхъ запискахъ, оставляемыхъ послѣ лекцій въ аудиторіи для пользы Студентовъ, обозначаемы были нумера, укрѣпленные посредствомъ булавокъ на тѣхъ частяхъ тѣла, о которыхъ было читано Профессоромъ на лекціи. Въ случаѣ надобности Профессоръ, бывшій въ свое время самъ дѣятельнымъ Прозекторомъ, охотно приготовлялъ и самъ нѣкоторые препараты. При такомъ способѣ преподаванія Анатоміи, видя, какъ важно было изготовленіе сихъ послѣднихъ, Профес. старался найти себѣ такихъ помощниковъ въ Прозекторѣ и Субпрозекторѣ, которые своимъ искусствомъ и любовью къ дѣлу облегчили бы трудъ его, и такихъ нашелъ онъ въ И. М. Соколовѣ и его помощникѣ Н.Д. Никитинѣ, которыхъ примѣрному рвенію, неусыпному трудолюбію и отличнѣйшимъ способностямъ всегда отдавалъ должную справедливость. Точное и отчетливое исполне-

ніе своей обязанности при этой каѳедрѣ имѣетъ еще на Студентовъ то важное нравственное вліяніе, что они, имѣя всегда передъ своими глазами прекраснѣйшій живой примѣръ страстной любви къ предмету, по наружности своей не слишкомъ завлекательному, тѣмъ болѣе поощряются къ изученію важнѣйшаго и необходимѣйшаго основанія Врачебной науки и искусства, Анатоміи.

Порядокъ въ изложеніи какъ всего предмета, такъ и отдѣльныхъ его частей, былъ строго логическій; ибо Анатомія, излагаемая такимъ образомъ, кромѣ сообщенія нужныхъ свѣдѣній учащимся, должна необходимо пріучать ихъ вмѣстѣ и къ той строгой и необходимѣйшей послѣдовательности, которая столь неизбѣжно требуется какъ въ изученіи природы вообще, такъ особенно въ основательномъ и тщательномъ изслѣдованіи и толкованіи явленій, замѣчаемыхъ надъ больными, отъ чего непосредственно зависитъ участь сихъ послѣднихъ. Неправильное пониманіе и ложное объясненіе болѣзненныхъ явленій ведутъ неизбѣжно, преимущественно молодаго врача, къ ложнымъ показаніямъ на употребленіе средствъ лѣченія. Анатомія, въ этомъ отношеніи, то же для врача, что Геометрія для архитектора. Направленіе преподаванія было врачебно-нравственное, основанное на чисто религіозныхъ понятіяхъ, которыми руководствуясь, Профессоръ Севрукъ старался доказать своимъ слушателямъ, что ни одна изъ матеріальныхъ наукъ не указываетъ намъ такимъ нагляднымъ и яснымъ образомъ на необъятную мудрость и непостижимое предвѣдѣніе Всевышняго Создателя, какъ Анатомія. Изучая со всевозможною подробностію тѣло наше, на каждой его точкѣ мы видимъ явно Божію премудрость въ художественномъ устройствѣ и удивительномъ согласіи между собою отдѣльныхъ и разнороднѣйшихъ частей нашего тѣла. Разбирая съ возможною тщательностію и изслѣдуя со всѣми предосторожностями и знаніями малѣйшія его частички, доискиваясь напрасно всѣми средствами въ нашей матеріи первоначальной причины всякому ея явленію и не находя въ ней таковой причины, мы на каждомъ шагу постоянно доводимы бываемъ очевидно до того окончательнаго убѣжденія, что всему начало, первая и окончательная причина и главнѣйшій

двигатель есть Всевышній нашъ Создатель, Богъ, и вотъ почему Профессоръ съ глубокимъ уваженіемъ часто повторялъ своимъ слушателямъ слова знаменитаго Анатома, *Станка*: «Gest to každégo člowека powinnost, abyse naučli znáti Boha i sebe sameho*.

Такимъ взглядомъ на Анатомію, и въ полномъ убѣжденіи, что подобно рѣкамъ и источникамъ, сосредоточивающимся въ морѣ, всѣ наши науки должны также непремѣнно сосредоточиться въ познаніи Всевышняго и себя самаго, Профессоръ Севрукъ старался исторгнуть Анатомію изъ того грубаго и мертваго матеріялизма, который ей приписываютъ несправедливо, и желалъ поставить ее на ряду благороднѣйшихъ наукъ, какъ относящуюся ближе всего къ собственному нашему существу и важнѣйшему земному благу нашему, къ здравію тѣла.

Далѣе Профессоръ Севрукъ обращалъ вниманіе еще на то, что его слушатели, посвящая себя Медицинѣ, не знаютъ еще однакожъ, что такое врачь и въ чемъ состоитъ Врачебное искусство, что составляетъ Врачебную науку, изъ какихъ она состоитъ частей, какія знанія и ученія входятъ въ ея составъ, какой предстоитъ трудъ тому, кто намѣренъ учиться ей и заниматься Врачебнымъ искусствомъ, какія отъ него требуются способности и дарованія, въ чемъ состоитъ обязанность врача и что обѣщаетъ образованному и благородному врачу точное исполненіе этой обязанности. Разсуждая объ этомъ подробно и разрѣшая отдѣльно каждый изъ предложенныхъ вопросовъ, Профессоръ старался внушать своимъ слушателямъ преимущественно то, что, съ одной стороны, въ земномъ человѣческомъ существованіи, разсматривая его только съ матеріальной стороны, нѣтъ ничего человѣку дороже долговременной жизни, особенно при совершенно цвѣтущемъ его здоровьѣ, которое, будучи разстроено или даже утрачено, можетъ быть возвращено съ помощію Всевышняго Создателя однимъ только знающимъ дѣло врачемъ, а съ другой стороны то, что все врачебное знаніе и искусство основываются преимущественно на знаніи Анатоміи такъ, что суще-

* Zakladowé pitevy od Waclawa Stanka, strok 5. W. Paze 1840.

ствованіе полезнаго Врачебнаго искусства безъ Анатоміи совершенно невозможно; слѣдовательно каждому посвятившему себя Врачебному искусству, необходимо прилежно заниматься Анатоміею, изучать и знать ее твердо.

Сверхъ того Профессоръ старался объемъ и содержаніе преподаванія своего, а также и способъ изложенія предмета соображать: а) съ познаніями слушателей своихъ въ Естественныхъ наукахъ и въ Латинскомъ языкѣ, на которомъ излагалась Анатомія. — Въ этомъ отношеніи обращая свое вниманіе во первыхъ на то, что лекціи Описательной Анатоміи въ первомъ полугодіи посѣщаютъ Студенты, вновь поступившіе въ Университетъ, не имѣющіе еще свѣдѣній изъ Естественныхъ наукъ, нужныхъ для изученія Анатоміи, Профессоръ находилъ полезнымъ, для пополненія этого недостатка, предпосылать своимъ лекціямъ общій взглядъ на природу вкратцѣ, надѣясь чрезъ то облегчить своимъ слушателямъ понятіе и изученіе какъ прочихъ предметовъ, такъ и преимущественно Анатоміи. Во вторыхъ, обращая вниманіе еще и на то, что понятіе столь необходимыхъ вспомогательныхъ свѣдѣній, излагаемыхъ на Латинскомъ языкѣ, могло бы быть затруднительно для Студентовъ сего курса, не привыкшихъ еще слушать лекціи по-Латинѣ, Профессоръ вступительныя свои лекціи излагалъ на Русскомъ, прибавлялъ къ тому Латинскія названія, дабы чрезъ то исподоволь ознакомить своихъ слушателей съ предметомъ и способомъ его изложенія. Говоря такимъ образомъ о тѣлахъ вообще и объ ихъ свойствахъ, на которыхъ основываются раздѣленія и различіе таковыхъ тѣлъ между собою, онъ замѣчалъ своимъ слушателямъ, во первыхъ, что собраніе свѣдѣній объ этихъ свойствахъ составляетъ главное основаніе знаній, и на ихъ-то различіи основывается и самое подраздѣленіе наукъ; во вторыхъ, что въ тѣлахъ природы, въ каждомъ изъ нихъ безъ исключенія, необходимо отличать силу и матерію, главные предметы динамическихъ и физическихъ наукъ. Къ тому же присоединялъ и то, что нераздѣльныя между собою сила и матерія составляютъ *тѣло* (существо), и эту единицу зовутъ *недѣлимымъ*. Далѣе обращалъ вниманіе своихъ слушателей относительно устройства тѣлъ на то, что они для про-

явленія собственныхъ свойствъ и для поддержанія своего существованія или не нуждаются ни въ какихъ *орудіяхъ* (organa) и потому они лишены всякаго чувства и самостоятельнаго движенія, отъ чего строеніе ихъ простое, безорудное даетъ имъ названіе тоже *простыхъ безорудныхъ тѣлъ*, или напротивъ того они бываютъ снабжены особыми орудіями для вышеозначенной цѣли, почему ихъ зовутъ *орудными*, раздѣляя на *растенія и животныя*. — b) Соображая лекціи свои съ будущимъ врачебно-практическимъ назначеніемъ Студентовъ, Профессоръ въ лекціяхъ своихъ кромѣ подробнаго изложенія физическихъ, химическихъ и органическихъ свойствъ каждой части нашего тѣла, старался обращать особенное вниманіе своихъ слушателей на тѣ части и страны (regiones) тѣла, которыхъ подробнѣйшее знаніе имѣетъ важное приложеніе во врачебно-практическомъ отношеніи. c) Также соображая преподаваніе съ понятіемъ слушателей, труднѣйшія изъ своихъ лекцій Профессоръ заставлялъ слушателей повторять въ своемъ присутствіи, дабы удостовѣриться, были ли онѣ для нихъ понятны, и дабы въ случаѣ надобности, имѣть возможность поправить мысль неправильно понятую. По окончаніи лекціи, Профессоръ повторялъ оную вкратцѣ, дабы слушатели, сдѣлавъ общій обзоръ ея, могли удобнѣе сообразить изложенное въ ней и дополнить недостающее своими вопросами, къ удовлетворенію которыхъ они всегда находили готовность въ Профессорѣ; онъ же настаивалъ непремѣнно, чтобы въ часы, свободные отъ лекцій, Студенты сами повторяли, *непремѣнно въ аудиторіи*, каждую лекцію по запискамъ, во время оной составленнымъ и по свѣжимъ лекціоннымъ препаратамъ, которыхъ всѣ части были означены номерами и снабжены по нимъ краткимъ описаніемъ. Сверхъ того мѣрами къ облегченію изученія Анатоміи были слѣдующія: не упуская изъ виду трудностей въ ученіи и изученіи Анатоміи, Профессоръ излагалъ способы къ удаленію оныхъ въ томъ и другомъ отношеніи, зависящіе какъ отъ преподавателя, такъ и отъ слушателей. Къ первымъ и зависящимъ отъ преподавателя, Профессоръ относилъ ученіе демонстративное на самой природѣ, какъ можно болѣе понятное и доступное для учащихся; ко вторымъ причислялъ необходимость

нагляднаго изученія, а потому прилежное и внимательное посѣщеніе лекцій, книги или лекціонныя замѣчанія и извлеченія изъ оныхъ. Но такъ какъ всякое понятіе о матеріальныхъ вещахъ получается не иначе, какъ посредствомъ чувствъ; чувства же наши при встрѣчѣ какого нибудь предмета, поражаются обыкновенно двукратно, то есть сперва наружными и то только вообще, а потомъ внутренними и подробными его свойствами: посему Профессоръ въ своихъ чтеніяхъ строго придерживался этого порядка природы, излагая свой предметъ также двукратно, т. е. сначала кратко, потомъ обширно. Такой способъ преподаванія Профессоръ находилъ самымъ полезнымъ и необходимымъ потому, что посредствомъ его Студенты перваго полугодія, получивъ уже въ началѣ онаго, при краткомъ изложеніи Анатоміи, общія понятія объ устройствѣ и отправленіяхъ человѣческаго тѣла и познакомившись съ анатомическими и физіологическими терминами, послѣ, при частномъ и обширномъ изложеніи отдѣльныхъ органовъ, не затруднялись въ понятіи какъ названій, такъ и отправленій, упоминаемыхъ при чтеніи отдѣльныхъ частей Анатоміи во второмъ полугодіи. Такъ напр. въ Остеологіи, указаніе на отдѣльныя связки, мышцы, сосуды, нервы, отправленія жеванія, дыханія и т. д., какъ на неизвѣстные термины и выраженія для Студентовъ, мѣшая понятію и изученію отдѣльныхъ лекцій, затрудняло бы изученіе и цѣлой Анатоміи, и безъ того уже трудной по ея обширности. Двукратнымъ же чтеніемъ устранялось это неудобство. Такимъ образомъ Профессоръ, начиналъ А) съ краткаго и общаго изложенія Анатоміи, съ краткихъ вступительныхъ свѣдѣній и общаго обзора какъ всего тѣла, такъ и отдѣльныхъ наружныхъ и внутреннихъ его частей, въ топографическомъ и физіологическомъ порядкѣ, съ краткимъ объясненіемъ ихъ устройства, назначенія и дѣйствія, и прибавлялъ краткія свѣдѣнія объ анатомическихъ и химическихъ началахъ человѣческаго тѣла, объ его симметріи, формѣ, возрастѣ, взаимномъ отношеніи частей, также краткую исторію Анатоміи и ея литературу. Въ послѣднемъ отношеніи раздѣляя анатомическія сочиненія а) на малыя или подручныя, b) большія и с) монографическія, изъ нихъ предлагалъ нѣкоторыя болѣе удоб-

ныя для Студенческаго употребленія; касательно же остальныхъ указывалъ на сочиненія Вебера, Краузе и Гиртля, какъ на общіе источники Анатомической литературы. Переходя В) къ обширному подробному изложенію Анатоміи, принималъ въ соображеніе то, что при такомъ множествѣ органовъ и отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, преподавая Анатомію съ врачебною цѣлію, должно всего болѣе обращать вниманіе на положеніе, строеніе и отправленіе частей, Профессоръ старался по возможности соединить всѣ три условія. Къ достиженію этой цѣли помогали отчетливые, искусные и свѣжіе препараты Г. Прозектора Соколова и его помощника Г. Никитина, а въ случаѣ надобности и самого Профессора, также рисунки, модели и чертежи на доскѣ нѣкоторыхъ частей тѣла. При томъ, въ продолженіи цѣлаго курса Анатоміи, всякій день висѣли въ аудиторіяхъ въ рамахъ за стеклами, съ объясненіемъ, лучшіе анатомическіе рисунки тѣхъ частей тѣла, которыя въ это время были проходимы на лекціяхъ, и для сей именно цѣли пріобрѣтены на счетъ кабинета полные таковые рисунки: C. S. M. Langenbeck Icones anatomicae. Для такого же повторенія на дому Студентамъ предлагаемы были: Hand-Atlas der Anatomie des Menschen von Prof. Dr. B. Bock; Compendium der Anatomie des Menschen von M. T. E. Wilson bearbeitet und herausgegeben von. Dr. S. Holstein und Petit; Atlas d'Anatomie déscriptive du corps humain par I. N. Masse.

Отвѣты Студентовъ на экзаменахъ; отчетливое приготовленіе ежегодно Студентами третьяго, четвертаго, девятаго и десятаго полугодій, анатомическихъ препаратовъ, составляющихъ истинное украшеніе Московскаго Анатомическаго кабинета; полныя, ясныя и большею частію совершенно удовлетворительныя описанія демонстрацій, представляемыхъ Студентами десятаго полугодія, награждали труды Профессора. Нѣкоторые изъ окончившихъ ученіе заняли въ отечествѣ своемъ съ честью ученыя мѣста по Анатоміи, исполняя свои обязанности со славою для заведенія и съ пользою для науки, а именно: Гг. Багинскій, Кожевниковъ, Соколовъ, Летуновъ, Орловскій и Никитинъ, воспоминаніе о которыхъ наставнику ихъ доставляло счастливѣйшія минуты въ жизни.

Руководствами и пособіями по предмету Анатоміи вообще избираемы были Профессоромъ Севрукомъ ежегодно лучшія и новѣйшія сочиненія, а именно: 1) по части описательной Анатоміи въ 185$\frac{0}{1}$ г. Студентамъ перваго и втораго полугодій предложены были за руководство: Handbuch der Anatomie des Menschen von Pr. Dr. C E. Bock zu Leipzig 1849 — 50; Lehrbuch der Anatomie des Menschen mit Rücksicht auf physiologische Begründung und practische Anwendung von. D. Jos. Hyrtl, Professor der Anatomie etc. Prag. 1850 г., и какъ вспомогательное сочиненіе на Русскомъ языкѣ, *Руководство къ Анатоміи человѣческаго тѣла*, составленное I. X. Розенмюллеромъ, перев. въ Москвѣ 1841 года. Кромѣ того Профессоръ заимствовалъ матеріалы для лекцій изъ сочиненій Белля, Клоке, Меккеля, Гильдебрандта, Вебера, Берресса, Лангенбека, Тейле, Каруса, Арнольда, Земеринга, Свена, Шассеніака, Маршаля, Галля, Штиллинга, Будге, Вильсона, Крювельера, Кригера, Брешета, Эрдля, Лаута, Тидемана, Мюллера, Бландена, Вельпо, Мальгеня, Зегера, Лебоди, Пирогова и Нарановича. 2) По части *Общей Анатоміи съ Микрографіею* руководствами для Студентовъ 3 и 4-го полугодій Севрукъ предлагалъ слѣдующія сочиненія: Handbuch der allgemeinen und speciellen Gewebelehre des m. Körpers von Dr. Jos. Gerlach, Mainz, 1849—50; Mikroscopische Anatomie oder Gewebelehre des Menschen von. Dr. A. Kölliker, Prof. der Anat. und Physiol. in Würzburg, Leipzig, 1850, придерживаясь общей части сочиненій Бока и Гиртля, и заимствуя свѣдѣнія изъ сочиненій Henle: Traité d'Anatomie générale ou histoire des tissus et de la composition chimique du corps humain (trad. de l'Allemand), Paris 1843; Mandt, Manuel d'Anatomie générale appliquée à la physiologie et pathologie. Paris 1843; Брунса, Гербера, Вебера, Маршесса и проч. 3) По части *Патологической Анатоміи*, которую преподавалъ Профессоръ Севрукъ по дополнительному постановленію о Медицинскомъ факультетѣ, вслѣдствіе Министерскаго распоряженія, до пріисканія особаго Профессора съ 1840 — 49 г., въ 184$\frac{7}{8}$ академическомъ году для Студентовъ назначено было: *Руководство къ Патологической Анатоміи Рокитанскаго*, переведенное *Д. Миномъ* въ Москвѣ 1847 г.; источниками же по

сему предмету для Профессора были сочиненія Крювельера, Андраля, Лобштейна, Карсвеля, Фика, Гопе, Клюге, Тибера, Гассе, Мюллера, Гурльта, Меккеля, Спитта, Зобернгейма, Мартинета, Рибеса, Моргани, Маршаля, Галля, Фогеля, Бока и др. 4) По части *трупоизслѣдованія* въ Госпитальной Клиникѣ производимаго Профессоромъ Севрукомъ съ помощію Прозектора Летунова, обращаемо было вниманіе слушателей преимущественно на наружность субъекта, располагающую его къ тѣмъ или другимъ болѣзнямъ, на общіе или частные наружные признаки такого расположенія, взятые какъ изъ самаго организма такъ и изъ оставшихся слѣдовъ предшествовавшей болѣзни субъекта или его лѣченія; изъ таковыхъ признаковъ заставлялъ Профессоръ своихъ слушателей заключать о внутреннемъ поврежденіи органовъ, о мѣстѣ, степени и пространствѣ поврежденія и о страданіи другихъ системъ или частей тѣла. Таковой способъ трупоизслѣдованія, по мнѣнію Профессора Севрука, имѣетъ важнѣйшее приложеніе въ Практической Медицинѣ вообще, не исключая и Судебной, ибо посредствомъ его можно получить столь драгоцѣнный для каждаго врача навыкъ по одному только умственному соображенію, основанному на наружности предлежащаго субъекта и по отношенію къ болѣзненнымъ явленіямъ, узнавать родъ и мѣсто болѣзни въ живомъ еще организмѣ, что́, по мнѣнію Профессора, составляетъ главнѣйшую цѣль всякаго медицинскаго ученія. Наконецъ 5) Профессоръ Севрукъ, по порученію Факультета, по одному часу въ недѣлю, слушалъ Анатомическія демонстраціи на трупахъ, Студентовъ десятаго полугодія.

Къ ученымъ трудамъ Профессора Севрука, изданнымъ въ свѣтъ, кромѣ 1) докторской его диссертаціи, напечатанной на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Specimen inaugurale medico-obstetricium graviditatis extra uterinae plus quam biennis historiam exhibens cum epicrisi, accedentibus duabus tabulis lithographicis, Vilnae, 1838, помѣщенной также въ видѣ статьи въ сочиненіи изданномъ отъ б. Императорской Виленской Медико-Хирургической Академіи подъ заглавіемъ: Collectanea Medico-Chirurgica Caesareae Academiae Medico-Chirurgicae cura et impensis edita cum tribus tabulis in capite

delineatis, Vilnae, 1838, принадлежатъ: 2) *Анатомическія и Медико-Практическія его замѣчанія*, печатавшіяся ежегодно въ отчетахъ И. М. У.—3) Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи того же Университета на Латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: De congenita epidermidis hypertrophia duobus in speciminibus observata ejusque cum quibusdam morbis cutaneis, ac praecipue cum The porcupine-man Anglorum (Germanis Stachelschweinmenschen) Lambertorum, seu cum Hystriciasi atque Keratiasi analogia, anatomico-medica prolusio, in Caesarea litterarum Universitate Mosquensi solemnia anniversaria die 19 Iunii 1843 anno agente habita a L. Siewruk.— Журнальныя статьи, а именно: 4) *О вліяніи масляной кислоты на живой животный организмъ.* Статья основана на собственныхъ опытахъ надъ живыми животными и преимущественно надъ собаками, произведенныхъ имъ съ цѣлію показать сходство между вліяніемъ на живой животный организмъ масляной кислоты (acidi butyrici) и ей подобныхъ веществъ съ зловреднымъ дѣйствіемъ на людей сырой бѣлужины или рыбьяго яда вообще (Fischgift). — 5) *О различіи между огневикомъ* (anthrax) *и углевикомъ* (carbunculus). — 6) *О рѣдкомъ болѣзненномъ случаѣ* Cholesteatomatis *въ черепной полости.* — 7) *Вскрытіе тѣла отца четырехъ сыновей глухонѣмыхъ.*—8) *Темная вода послѣ скарлатины.* Напечатаны въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ за 185½ годъ.—9) *О неправильныхъ положеніяхъ кишечнаго канала,* въ Другѣ Здравія. — 10) *Осложненіе бродящаго ревматизма нагноеніемъ нѣкоторыхъ частей и гортаннымъ отекомъ* (oedema glottidis) *съ смертельнымъ исходомъ.* — 11) *Вслѣдствіе раненія большаго пальца лѣвой руки столбнякъ языка* (tetanus linguae), *излѣченный отнятіемъ того же пальца*: напечатаны въ Военно-Медицинскомъ журналѣ. Статьи помѣщенныя въ переводѣ Патологической Анатоміи Бока, въ видѣ собственныхъ замѣчаній, а именно: 12) *Краткій взглядъ на Патологическую Анатомію и на способъ ея изложенія.* — 13) *Связь Патологической Анатоміи съ Органической Патологическою Химіею и значеніе сей послѣдней при нынѣшнемъ состояніи Медицинскихъ наукъ.* — 14) *Новое раздѣленіе видовъ смерти, относительно* A) *неизбѣжности и* B) *возможности предвидѣть ее.*—

15) *Раздѣленіе и подраздѣленія величины человѣческаго тѣла*, болѣе сообразныя съ природою. — 16) *Краткія свѣдѣнія о вліяніи спичечныхъ Московскихъ заводовъ на здоровье людей*, занимающихся по онымъ, и различное вліяніе таковыхъ производствъ въ Москвѣ и за границею на этотъ классъ народа.—17) *Объ общемъ перемѣщеніи внутренностей у 23-лѣтней женщины замѣченномъ въ Москвѣ въ 1844 году*. — 18) *О Гермафродитѣ* (pseudo-hermaphroditus hypospadicus), жившемъ въ Москвѣ подъ именемъ двуснастной Маріи 22-лѣтней дѣвушки, умершемъ 1843 г.—19) *Объ общемъ черновикѣ* (melanosis universalis), замѣченномъ въ Москвѣ у мужчины, умершаго этою болѣзнію въ 1843 г. — 20) *О мѣшкахъ съ безголовыми пузырчатыми глистами, о многоглавыхъ пузырчатыхъ глистахъ* (echinococcus hominis), найденныхъ въ мозгу у людей въ Москвѣ и объ ихъ послѣдствіяхъ.—21) *Объ общей воздушной подкожной опухоли* (emphysema subcutaneum universale), замѣченной у больныхъ безъ всякаго пораженія грудныхъ органовъ и стѣнокъ грудной полости.—22) *Рѣдкій примѣръ скоротечнаго развитія раковаго худосочія и его сосредоточенія съ изложеніемъ припадковъ, сопутствующихъ таковому явленію*.—23) *Четыре произвольныхъ перелома костей у одного и того же самаго субъекта, какъ примѣръ необыкновенной ломкости костей, вслѣдствіе раковаго ихъ перерожденія*.—24) *Замѣчанія о холерѣ* и наконецъ 25) *Переводъ* съ Нѣмецкаго на Русскій языкъ *Патологической Анатоміи Бока* (Lehrbuch der pathologischen Anatomie und Diagnostik von Dr. C. E. Bock, Professor der pathologischen Anatomie in der Universität Leipzig. 1849).

Сверхъ отправленія учебныхъ должностей Профессоръ Севрукъ занимался еще больничною службою и городскою практикою.

На поприщѣ врачебно-практическаго дѣйствія въ больницахъ Профессоръ Севрукъ руководимъ былъ преимущественно тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, что какъ въ каждомъ практикующемъ, такъ и преимущественно въ больничномъ врачѣ, полное знаніе врачебнаго дѣла должно неизбѣжно тѣснымъ и нераздѣльнымъ образомъ соединяться съ Христіанскимъ человѣколюбіемъ и строгою аккуратностію. Какъ старшій Кон-

сультантъ или врачъ больницы, онъ устремлялъ свое стараніе и заботы по больницѣ преимущественно на правильное ихъ лѣченіе и приличное содержаніе.

Въ Хирургическихъ и Акушерскихъ производимыхъ имъ операціяхъ, съ глубокимъ чувствомъ человѣчества и сострааданія къ больному, онъ старался, елико возможно, избѣгать всякаго щегольства и хвастовства оными, имѣя въ виду единственно только пользу и выздоровленіе больнаго.

Больничную практику свою онъ началъ съ военныхъ, во временномъ военномъ Виленскомъ госпиталѣ, подъ руководствомъ незабвеннаго ученѣйшаго мужа Профессора Абихта, поселившаго въ немъ душевную къ себѣ любовь, глубокое уваженіе и вѣчную память его примѣрной врачебной дѣятельности и аккуратности.

Вслѣдъ за этимъ поступилъ врачемъ въ больницу Св. Іакова въ Вильнѣ, состоящую въ завѣдываніи монахинь Сестеръ Милосердія, устроенную для хроническихъ, венерическихъ больныхъ и для рожениць.

Сверхъ того съ 1833 по 1840 г., какъ Операторъ и Акушеръ, занималъ мѣсто штатнаго врача въ Еврейской Виленской больницѣ, гдѣ завѣдывая вмѣстѣ и отдѣленіями венерическихъ и хроническихъ больныхъ, заслужилъ полную признательность и живѣйшую благодарность за его труды, выраженную въ свидѣтельствѣ, данномъ ему администраціею означенной больницы и подписанномъ всѣми шестью ея членами. Практическія занятія его на службѣ, какъ врача въ Москвѣ, показаны выше.

Врачебная практика его посвящена была преимущественно бѣднымъ. Въ первую эпидемію холеры (въ 1831 г.), принимаемой тогда еще за несомнѣнно заразительную, Профессоръ Севрукъ, состоя въ должности помощника Прозектора въ Вильнѣ, ежедневно посѣщалъ отъ 10 до 30 нищихъ Евреевъ, поражаемыхъ сильною холерою. Почти исключительно только онъ вскрывалъ умершихъ холерою во всѣхъ холерныхъ больницахъ въ Вильнѣ, въ томъ убѣжденіи, что изслѣдованія могутъ принести пользу страждущему человѣчеству. Бѣднымъ и крайне нуждавшимся во врачѣ онъ никогда не отказывалъ въ своей услугѣ, и потому съ одинаковою поспѣш-

ностію, прибѣгалъ на помощь въ полуночи къ роженицамъ, какъ и во всякое другое время къ инымъ больнымъ.

Профессоръ Севрукъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія; большею частію наслаждался здоровьемъ, съ нѣкоторыми исключеніями; на другой день по возвращеніи изъ С.Петербурга, куда онъ отправлялся на короткое время, 18-го Іюня 1852 г., утромъ, заболѣлъ эпидемическою быстродѣйствующею болѣзнію холерой, а 21-го Іюня, вечеромъ, скончался на 48 году своей жизни, оставя жену и малолѣтную дочь.

СЕНЪ-НИКОЛА, Іоаннъ Годфридъ (де), Лекторъ Французскаго языка и Словесности, родомъ изъ Брюсселя, былъ преемникомъ Лави съ 1770 года. Онъ произнесъ похвальное слово въ день рожденія Императрицы Екатерины II въ 1771 году. Въ 1772 году ему наслѣдовалъ на каѳедрѣ Берландъ де ла Бордельеръ.

СИБИРСКОЙ, Иванъ Андреевичъ, Экстраординарный Профессоръ Врачебныхъ наукъ и Натуральной Исторіи, по окончаніи курса Врачебныхъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, въ 1770 году былъ удостоенъ званія Кандидата Медицины, и въ томъ же году назначенъ для преподаванія Семіотики, Физіологіи и Діэтетики. Въ слѣдующіе годы, до 1778, онъ читалъ Патологію и Терапію, попеременно съ Физіологіею и Діэтетикою. Всѣ означенные предметы Сибирской излагалъ по руководству Людвига.

Въ 1777—78 году ему назначено было читать Спеціальную Физіологію и Физіологическую Семіотику, также по Людвигу, но, повидимому, онъ не читалъ этихъ предметовъ: по случаю увольненія изъ Университета Профессора Афонина, въ этомъ году онъ сдѣлался преподавателемъ Натуральной Исторіи, съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора. Въ томъ же году, уже какъ Профессоръ Естественныхъ наукъ, онъ читалъ въ публичномъ собраніи Университета: *Химическое разсужденіе о сгараемыхъ тѣлахъ* (Іюля 30-го 1778 г.).

Другихъ сочиненій, кромѣ означеннаго, Сибирской не оставилъ послѣ себя, вѣрно потому, что имѣлъ весьма слабое здоровье, постоянно изнуряемое какою-то хроническою бо-

лѣзнію, которая наконецъ и свела его въ могилу. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, 1783 года. Мѣсто его, какъ преподавателя Натуральной Исторіи, заняли Доктора Ѳеодосій Курика и Ѳедоръ Герасимовичь Политковскій.

СИДОРАЦКІЙ, Андрей Гавриловичь, Адъюнктъ по части Хирургіи, Докторъ Медицины и Хирургіи, родился въ Брянскѣ, 1788 г. Въ 1805 г. вступилъ Студентомъ въ Московскій Университетъ, 1810 произведенъ въ Лѣкари, 1812 г. удостоенъ степени Доктора Медицины и Хирургіи и опредѣленъ Адъюнктомъ знаменитаго наставника своего, Профессора Ѳ. А. Гильтебрандта.

Молодой ученый отличался основательнымъ знаніемъ многихъ языковъ, теоретическими свѣдѣніями, практической ловкостью, особенно въ Хирургіи, чрезвычайно удачно дѣлалъ многія трудныя операціи, и подавалъ надежду видѣть въ немъ со временемъ отличнаго Академическаго наставника и счастливаго практика; но, къ общему сожалѣнію, онъ скончался на 27 году отъ рожденія, во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ, Мая 22-го 1815 г. и погребенъ въ Царскомъ Селѣ. Сочиненія его: 1) *О превосходствѣ Хирургическаго ученія.* Москва 1810 — 2) *Записки о счастливо-отнятомъ предплечіи, помертвѣвшемъ послѣ горячки.* Москва 1811 — 3) Comparatio nonnullarum methodorum cystothomiae, temporibus recentioribus potissimarum, Mosquae, 1812.

СИНЬКОВСКІЙ, Дмитрій Николаевичь, Ординарный Профессоръ Философіи, Коллежскій Ассессоръ, родился Московской губ. Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Синьковѣ. Послѣ первоначальнаго образованія въ Переяславской Семинаріи, вступилъ въ Московскій Университетъ Студентомъ 1760 года; слушалъ философскія лекціи Проф. Фромманна и юридическія Пр. Дильтея и занимался Филологіею подъ руководствомъ Барсова. По окончаніи курса наукъ, опредѣленъ преподавателемъ Исторіи и Географіи; но чрезъ два года обстоятельства принудили его перейти въ Переяславскую Гимназію учителемъ Латинскаго языка. Въ 1776 году Синьковскій возвратился въ Москву и былъ опредѣленъ учителемъ Латин-

скаго и Греческаго языковъ; а по выдержаніи имъ экзамена на степень Магистра, на него возложено еще преподаваніе начатковъ Риторическихъ и Славянскаго языка. Въ 1786 году Синьковскій произведенъ въ Экстраординарные Профессоры Логики и нравственной Философіи, а въ 1787 наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ Философіи; чрезъ 5 лѣтъ послѣ сего кончилъ жизнь среди ученыхъ занятій, которыя не рѣдко были прерываемы болѣзненными припадками.—Ученые его труды: 1) *Разсужденіе о вѣроятномъ познаніи нравовъ человѣческихъ по нѣкоторымъ знакамъ*, М. 1789 г., было приготовлено къ торжественному собранію Университета, но не было читано за болѣзнію сочинителя. — 2) *Баумейстера Нравоучительная Философія*, перев. съ Латинск. 1782.—3) *Латинскій Лексиконъ по образцу Геснерова*, въ 3-хъ ч. 1795 г.

Изъ усердія къ строившейся на его родинѣ церкви, онъ отдалъ въ нее половину вырученныхъ за трудъ сей денегъ.— Онъ же удостоился получить награду отъ Императрицы Екатерины II за переводъ надписей на древнихъ медаляхъ.

СКІАДАНЪ, Михаилъ Ивановичь (Skiada), Ординарный Профессоръ Физіологіи, Патологіи и Общей Терапіи, Докторъ Философіи и Медицины, Коллежскій Совѣтникъ, родился въ 40-хъ годахъ прошедшаго столѣтія въ Кефалоніи, обучался Медицинѣ въ Италіи и Голландіи и получилъ степень Доктора Философіи и Медицины въ Лейденѣ, въ 1771 году. — По приглашенію родственника своего Георгія Ѳеанасьевича Скіадана, который въ продолженіи 50 лѣтъ былъ практикующимъ врачемъ въ Москвѣ, прибылъ онъ въ нашу столицу. Въ 1776 году опредѣленъ былъ Профессоромъ въ Московскій Университетъ. Онъ былъ учителемъ Вильгельма Михайловича Рихтера и потомъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, сотрудникомъ его на поприщѣ Университетской дѣятельности. Рихтеръ отзывается въ своей исторіи Медицины объ немъ, какъ о весьма ученомъ и опытномъ наставникѣ, который свою должность «отправлялъ съ великимъ отличіемъ и особенною ревностью».

По смерти Профессора Шадена, Скіаданъ, нѣсколько времени, до самой кончины своей, кромѣ Медицинской каѳедры,

занималъ въ Юридическомъ Факультетѣ каѳедру Естественнаго и Народнаго Права, и преподавалъ эти науки по Пуффендорфу. Передъ самою же кончиною въ Медицинскомъ Факультетѣ уже не преподавалъ, а только въ Юридическомъ. Ил. Ѳ. Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Скіаданѣ говоритъ: «Велъ въ Москвѣ большую практику, принадлежалъ къ тѣмъ, которые дорогою въ каретѣ читали справочныя книги.—По смерти Проф. Шадена, временно занималъ его мѣсто; но Кантову Философію называлъ: подогрѣтые щи, crambe biscoctum. — Росту былъ средняго, тѣла на старости выходящаго изъ полноты, лица круглаго, бѣлаго, рѣчи пріятной съ голосомъ тонкимъ и говоромъ грецированнымъ. По надобности моей для Юридической Антропологіи, онъ обратилъ меня къ Физіологіи Галлера».

Михаилъ Ивановичь скончался (на службѣ), въ Москвѣ, 5-го Сентября 1802 года. Сочиненія его: 1) Dissertatio inauguralis pro gradu Doctoris Philosophiae de summo bono cognoscendo consequendoque. Leidae, 1771. Эту диссертацію посвятилъ онъ дядѣ своему Аѳанасію Скіадану, или Скіадѣ, извѣстному Профессору Греческой Словесности въ Московскомъ Типографскомъ училищѣ, который составилъ и напечаталъ каталоги Греческихъ рукописей Патріаршей библіотеки.—2) Dissertatio inauguralis pro gradu Doctoris Medicinae de solidis artis salutaris fundamentis in natura hominis quoad ejus fieri poterit profundius cognita, et proximiori relatione ejusdem ad caeteras quasvis res, a quibus ille physice et moraliter paullo insignius affici potest quaerendis. Leidae, 1771.—3) Panegyricus in diem natalem Magni Ducis Alexandri, habitus anno 1778. (Въ томъ же году изданъ переводъ этой рѣчи). — 4) Oratio de veri nominis medico, incipiente, ubi physicus ac praesertim naturae humanae consultus desinit, habita die XXII mensis Aprilis 1783. — 5) Oratio de causis et effectibus pathematum animi atque ratione eorum moderandorum coërcendorumve ad bene beateque vivendum, habita die XXVIII mensis Julii 1794. — Переведена Профессоромъ Барсукъ-Моисеевымъ на Русскій языкъ: *О причинахъ и дѣйствіяхъ страстей душевныхъ, также и о способѣ умѣрять и укрощать оныя для благополучной и спокойной жизни.* Москва, 1794 г.

Смирновъ, **Семенъ Алексѣевичь**, **Экстраординарный Профессоръ Россійскаго Законовѣдѣнія, Докторъ Правъ, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ.** Въ прежнія времена, когда большая часть Профессоровъ жили въ отдаленіи отъ большаго свѣта, много было между ними оригиналовъ съ особымъ стилемъ осанки, походки, тѣлодвиженій и привычекъ!

Къ этому разряду Профессоровъ античной эпохи отчасти принадлежитъ Семенъ Алексѣевичь Смирновъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія. Въ Сентябрѣ 1787 года былъ записанъ въ Московскую Духовную Академію для образованія въ наукахъ, и потомъ съ 1799 года по 1804 годъ былъ учителемъ Французскаго языка. По требованію Московскаго Университета чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Св. Сvнодомъ уволенъ въ Московскій Университетъ въ Студенты. Въ 1804 году онъ удостоенъ степени Кандидата, въ 1805 году степени Магистра Философіи. Въ Октябрѣ 1805 года, для дальнѣйшаго образованія въ Законовѣдѣніи, отправленъ въ 7-й Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ, подъ руководствомъ Оберъ-Прокурора, до самаго вступленія непріятеля въ Москву, занимался практически Гражданскимъ Судопроизводствомъ. Въ 1807 г. удостоенъ степени Доктора Юриспруденціи; въ 1808 г. Коммиссіею Составленія Законовъ, по представленнымъ отъ него сочиненіямъ, удостоенъ званія корреспондента оной Коммиссіи. Съ 1809 года исправлялъ должность Синдика въ Правленіи Университета. Марта 27-го 1811 г. произведенъ въ Адъюнкты по предмету теоріи Россійскаго Законоискусства. Въ 1815 г. Октября 19-го утвержденъ въ должности Синдика Университетскаго Правленія; а въ 1818 г. Января 23 дня, по собственному прошенію, отъ сей должности уволенъ. Въ 1828 г. Марта 19-го утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора. Въ порядкѣ службы С. А. награжденъ былъ слѣдующими чинами: въ 1814 году чиномъ Надворнаго Совѣтника, со старшинствомъ съ 1813 года Декабря 30; 1820 г. Мая 30 чиномъ Коллежскаго Совѣтника; по выходѣ изъ Университета чиномъ Статскаго

Совѣтника. Сверхъ сего за долговременную усердную службу награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Семенъ Алексѣевичь Смирновъ не имѣлъ блестящихъ дарованій Сандунова, ни такой учености, какую имѣлъ Цвѣтаевъ. Какъ преподаватель, онъ не производилъ глубокаго впечатлѣнія въ Студентахъ. Иногда его добродушіе и незлобіе подавали на лекціи поводъ Студентамъ употреблять во зло эти прекрасныя качества души; но, какъ писатель, Семенъ Алексѣевичь имѣетъ неотъемлемое право на званіе полезнаго Профессора-юриста. Тогда, какъ и теперь, много было мыслящихъ юристовъ, но мало было пишущихъ, вѣроятно, отъ того, что мало было читавшихъ юридическія сочиненія. Смирновъ былъ систематически ученъ, и потому ясно сознавалъ, что сократическая метода Сандунова недостаточна для классическаго образованія юриста. Составленный и изданный имъ *Легчайшій способъ къ познанію Россійскихъ Законовъ*, при тогдашнемъ состояніи Россійскаго Законодательства, былъ истиннымъ благодѣяніемъ для Студентовъ первогодичныхъ и второгодичныхъ. Тоже должно сказать о другой книгѣ, имъ составленной и изданной: *О Контрактахъ, или Договорахъ по гражданскому праву*. Смирновъ ясно сознавалъ идею, содержаніе, объемъ и пространство науки, и понималъ важность исторіи Россійскаго Законодательства, какъ онъ показалъ это въ своей Академической рѣчи 1832 года: *О началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ, духѣ ихъ и постепенномъ усовершенствованіи*. Можно жалѣть, что онъ не имѣлъ на столько дарованій, чтобы смѣлую, преобладающую методу Сандунова и односторонній его взглядъ на Юриспруденцію поставить въ настоящіе, законные ихъ предѣлы. Смирновъ боялся критическихъ нападеній Сандунова. Въ 1821 году С. А. перевелъ съ Нѣмецкаго на Русскій языкъ *Естественное право*, изданное Московскимъ Профессоромъ Христіаномъ Шлецеромъ, и тоже Шлецера *Начальныя основанія Государственнаго Хозяйства*, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Эта книга весьма была полезна Студентамъ Московскаго

Университета: ибо въ тѣ времена другія руководства по этому предмету въ Россіи были весьма рѣдки и недостаточны.

Профессоръ Смирновъ былъ довольно высокаго роста, черты лица имѣлъ правильныя, видъ глубокомысленнаго человѣка, съ тяжелой рѣчью и походкой, по образцу своихъ наставниковъ и нѣкоторыхъ сослуживцевъ. Доброта души была начертана въ его лицѣ, выражавшемъ нравственное достоинство. Въ частной жизни онъ былъ благоразуменъ, искрененъ, готовъ на услуги друзьямъ, и искусенъ въ отправленіи частныхъ дѣлъ, поручаемыхъ ему старшими товарищами. Хожденіе по дѣламъ въ качествѣ повѣреннаго доставило ему значительное состояніе. Сандуновъ, въ отправленіи подобныхъ должностей, увлекался надеждой на свое юридическое могущество, на неотразимую силу своего приказнаго пера; Смирновъ болѣе полагался на хожденіе, совѣщанія и личныя объясненія. Заключилъ преподаваніе свое въ Университетѣ 1834 годомъ и скончался въ отставкѣ.

СНЕГИРЕВЪ, Михаилъ Матвѣевичъ, Ординарный Профессоръ Правъ Естественнаго, Политическаго и Народнаго, Статскій Совѣтникъ, духовнаго званія, родился въ городѣ Александровѣ. Его Воспріемницею была Императрица Елисавета въ послѣдніе годы Царствованія Своего.

По окончаніи курса Философскихъ и Богословскихъ наукъ въ Троицкой Лаврѣ, подъ руководствомъ Митрополита Платона, покойный Профессоръ вступилъ въ Московскій Университетъ 1783 г. Студентомъ, гдѣ продолжалъ заниматься науками Философскими, Юридическими и Физическими. Потомъ 1789 г., по законному испытанію, произведенъ въ Магистры Философіи и Свободныхъ наукъ и опредѣленъ въ Академическую Гимназію Учителемъ высшаго Русскаго класса. Бывъ возведенъ 1796 г. въ достоинство Экстраординарнаго Профессора, преподавалъ Логику и Нравственную Философію. Послѣ 1810 г. произведенъ въ Ординарные Профессоры Церковной Исторіи и Исторіи Философіи. Наконецъ 1817 г. отъ высшаго Начальства поручена была ему каѳедра Естественнаго,

Политическаго и Народнаго Правъ, которую занималъ онъ по смерть свою, постигшую его 1820 года Іюня въ 16-й день, къ величайшему прискорбію семейства и друзей.

Кромѣ преподаванія лекцій въ Университетѣ, обучалъ онъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ сперва Русскому языку, а потомъ по 1814 годъ Закону Божію, также читалъ Логику Чиновникамъ, службою обязаннымъ.

Проходя ученое поприще, Михаилъ Матвѣевичъ исполнялъ и другія порученія по службѣ. Онъ десять лѣтъ правилъ должность Конференціи Секретаря и Члена Училищнаго Комитета, шесть лѣтъ должность Секретаря Цензурнаго Комитета и Цензора; былъ 1813 г. Деканомъ Этико-Политическаго Отдѣленія и Членомъ временной Коммиссіи, учрежденной послѣ нашествія непріятеля, для управленія текущими дѣлами Университета; открывалъ 1804 г. Владимірскую Гимназію; былъ 1808 и 1809 Визитаторомъ, для обозрѣнія училищъ по Вологодской, Ярославской, Владимірской, Рязанской и Московской Губерніямъ. Въ 1820 году пожалованъ онъ Статскимъ Совѣтникомъ.

Усердіе и ревность въ исполненіи возлагаемыхъ должностей, праводушіе и честность, неутомимость и постоянство въ трудахъ отличали сего заслуженнаго мужа во все теченіе долговременной службы. Лекціи его, съ возможнымъ стараніемъ приготовляемыя, бывали поучительны, по многоразличнымъ свѣдѣніямъ, и пріятны, по ясности и легкости въ объясненіи. Онъ владѣлъ языкомъ своимъ и умѣлъ съ искусствомъ выражать на ономъ и самые отвлеченные предметы преподаваемыхъ имъ наукъ—достоинство въ ученомъ сколь важное, столь и весьма рѣдкое. Онъ услаждалъ бесѣды свои снисходительностью и привѣтливостью къ слушателямъ, которыхъ почиталъ онъ друзьями. Благородные питомцы Университета, всегда признательные къ наставникамъ своимъ, достойно почтили память уважаемаго и любимаго ими Профессора: они несли тѣло покойнаго до мѣста погребенія.

Изъ произведеній его, кромѣ изданныхъ имъ при Пансіонѣ: *Распускающагося цвѣтка* и *Полезнаго упражненія юношества*, извѣстны: *Рѣчь о пользѣ нравственнаго просвѣщенія*, говоренная 1797 года; переводъ *Іудейскихъ писемъ къ Вольтеру*, въ 6 част. Для слушателей своихъ написалъ онъ: *Руководство къ Церковной Исторіи*, пропавшее въ 1812 году вмѣстѣ съ его библіотекой и прочимъ имуществомъ. Имъ издано въ свѣтъ много переводовъ, безъ означенія имени его. Сверхъ того, извѣстно, что онъ трудился надъ сочиненіемъ *Славянской Грамматики* и *Хрестоматіи съ Словаремъ*.—Всѣ произведенія его отличаются ясностью и хорошею отдѣлкою слога.

Михаилъ Матвѣевичъ, принося пользу свѣдѣніями своими на публичныхъ лекціяхъ и въ сочиненіяхъ, приносилъ ее и въ пріятныхъ домашнихъ бесѣдахъ, въ кругу семейномъ. Домъ его, закрытый для шумныхъ и суетныхъ увеселеній всегда открытъ былъ для юныхъ друзей его—слушателей и для товарищей. Вспоможеніе бѣднымъ и сиротамъ, удѣляемое отъ посредственнаго состоянія, и ходатайство объ нихъ, вмѣнялъ себѣ покойный въ обязанность: это составляло его радости и утѣшеніе. Онъ не домогался знатности, поставлялъ ее въ чистой своей нравственности; не искалъ богатствъ, находя ихъ въ умѣренности; не требовалъ покровительства, имѣя его въ собственныхъ трудахъ. Единственное заступленіе его въ горестяхъ и напастяхъ, искушающихъ жизнь человѣка, состояло въ вѣрѣ.

Онъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ, близь товарища своего и стариннаго друга Профессора Брянцова.—Профессоръ Мерзляковъ, бывшій нѣкогда ученикомъ Снегирева, сдѣлалъ ему слѣдующую надгробную надпись:

Науки, знанія, правдивы, честны нравы
Цвѣтами скромными сей гробъ почтить должны;
Всѣ Снегирева дни добру посвящены.—
Ученый безъ суетъ, безъ блеска разумъ здравый
Наставникъ, другъ, отецъ, онъ какъ училъ, такъ жилъ,
И въ скудномъ жребіи богатъ для бѣдныхъ былъ.—
Тобой путь кончилъ сей, Тобой путь началъ новый,
О Вѣре, другъ и вождь, для душъ благихъ готовый!

СНЕГИРЕВЪ, Иванъ Михайловичъ, сынъ предъидущаго, Ординарный Профессоръ Римскихъ Древностей и Латинскаго языка, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Цензоръ Московскаго Цензурнаго Комитета, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, Орденовъ Св. Владиміра 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени Императорскою короною украшеннаго Кавалеръ, родился въ Москвѣ, 1793 года, Апрѣля 23-го, и крещенъ въ Университетской залѣ, на квартирѣ Директора П. И. Фонъ-Визина. Первоначально обучался въ домѣ родительскомъ, подъ руководствомъ отца своего, потомъ отданъ былъ въ Академическую Гимназію при Университетѣ и съ 1802 года является уже въ спискахъ учениковъ ея; въ 1807 году произведенъ въ Студенты; въ 1809 и 1810 годахъ удостоенъ два раза серебряной медали, за двѣ диссертаціи, отъ двухъ отдѣленій: Этико-Политическаго и Словеснаго. Въ 1810 г. произведенъ въ Кандидаты. Въ 1815 году 25-го Іюля, по испытаніи и защищеніи диссертаціи, удостоенъ степени Магистра Словесныхъ наукъ.

Съ 1810 г. Маія 27-го въ теченіи десяти лѣтъ отправлялъ должность Письмоводителя при Цензурномъ Комитетѣ и семь лѣтъ Архиваріуса при Совѣтѣ и переводчика при Правленіи Университета. По назначенію Университетскаго Совѣта преподавалъ Логику и Нравственность для чиновниковъ, службою обязанныхъ. Преподавалъ въ Университетѣ приготовительныя лекціи Латинской Словесности съ 1816 г. по 1826 г. — По назначенію Университетскаго Совѣта, преподавалъ начала Логики съ 1821 по 1826 г., занималъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ классы Россійской и Латинской Словесности съ 1817 г. Ноября 8-го по 1827 г., обучалъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ Латинской Словесности, Римскимъ Древностямъ, Логикѣ и Нравоученію съ 1823 по 1826 г. — Адъюнктомъ произведенъ 1819 г. Февраля 19-го. По представленію Совѣта Воспитательнаго Дома, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Орденовъ Св. Анны 3-й степени, 1821 г. Мая 26-го, и Св. Владиміра 4-й степени, 1825 г. Декабря 23-го. — По порученію Г. Попечителя Московскаго Университета, осматривалъ училища Ярославской губерніи и Переяславскія училища Владимірской губерніи и окончилъ

спорное дѣло, возникшее по случаю постройки Гимназическаго дома въ Ярославлѣ въ 1824 г.—Въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей состоитъ Дѣйствительнымъ Членомъ съ 1827 г., и съ того времени въ теченіи семи лѣтъ занималъ должность Секретаря. — Въ званіи члена Училищнаго Комитета обозрѣвалъ училища Тверской и Новгородской губерніи 1827 г.—Кромѣ исполненія возложенныхъ на него должностей, занимался изданіемъ учебныхъ книгъ Латинскаго языка: Грамматики и Христоматіи, 4-хъ томовъ Рѣчей Профессорскихъ съ біографіями и другихъ сочиненій (1819—1823), по порученію Общества Любителей Россійской Словесности, и произнесъ въ торжественномъ собраніи Совѣта Университета двѣ Русскія рѣчи, относившіяся къ торжеству основанія Университета, и одну Латинскую. Утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора для каѳедры Римскихъ Древностей и Латинскаго языка 1825 г., Маія 3-го; Ординарнымъ Профессоромъ но той же каѳедрѣ 1826 г. Декабря 8-го. По избранію Совѣта Университетскаго и по утвержденію Г. Попечителя, былъ Членомъ Училищнаго Комитета въ продолженіи шести лѣтъ, съ 1826 г. по 1832 г.—Высочайше утвержденъ Цензоромъ Московскаго Ценсурнаго Комитета, 1828 г. Ноября 16-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, 1831 г. Августа 22-го.—Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Станислава 3-й степени, 1834 г. Марта 2-го. За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ объявлено ему Его Императорскаго Величества Высочайшее благоволеніе, 1834 г., Августа 6.—Изданная имъ книга: *«Русскіе въ своихъ пословицахъ»* удостоена Его Императорскимъ Величествомъ благосклоннаго принятія 1834 г. Мая 29.—Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, 1834 г. Августа 22.—Изъявлена Г. Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа совершенная благодарность за ревностное и успѣшное участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ въ 18$\frac{34}{35}$ Академическомъ году, 1835 г. Іюня 24-го; Г. Министромъ Народн. Просвѣщ. за дѣятельное участіе и труды въ изданіи журнала Министерства Народнаго Просвѣщ. объявлена благодарность, 1835 г. Ноября 6-го. Въ слѣдствіе преобразованія Университета по Высочай-

ше утвержденному 26-го Іюля 1835 г., уставу, по просьбѣ его, уволенъ отъ должности Профессора съ оставленіемъ въ должности Ценсора, 1836 г. Января 1-го. Произведенъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ со дня выслуги въ прежнемъ чинѣ, 1836 г. Декабря 18-го. — Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, 1836 г. Августа 22-го. Опредѣленъ стороннимъ Ценсоромъ Московскаго Ценсурнаго Комитета, 1838 г. Августа 10-го.—За сочиненіе свое: *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды*, удостоился получить отъ Государя Императора бриллiантовый перстень, 1839 г. въ Апрѣлѣ;—Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Станислава 2-й степени, Императорскою короною украшеннаго, 1843 г. Окт. 8;—назначена ему къ производству, сверхъ жалованья, пенсія серебромъ 428 р. 88 коп. въ годъ, со дня выслуги имъ 15-ти лѣтняго въ званіи Ценсора срока, 1843 г. Ноября 16-го; Всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи Члена Высочайше учрежденнаго Комитета для изданія Русскихъ Древностей, 1844 г. Сент. 13-го. За руководство Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, при обозрѣніи Московскихъ достопамятностей, Всемилостивѣйше награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ, 1846 г. Марта 13; Всемилостивѣйше награжденъ за отличіе по службѣ подаркомъ въ 500 р. сер., 1847 г. Дек. 30. Съ разрѣшенія Г. Министра Народн. Просв. при введеніи въ дѣйствіе новаго устава Ценсурнаго управленія по вѣдомству Министерства Народн. Просвѣщ., оставленъ въ занимаемой Ценсорской должности, 1850 г. Ноября 17-го. По удостоенію Комитета Гг. Министровъ въ слѣдствіе ходатайства Начальства, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, 1851 г. Дек. 29-го. Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XL-лѣтнее достоинство, 1853 г. Авг. 22; Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, 1854 г. Февраля 23.

Съ 1816 года по 1835 годъ И. М. Снегиревъ занималъ въ Университетѣ каѳедру Латинской Словесности, сначала какъ Адъюнктъ, приготовительную, потомъ какъ Профессоръ, Ординарную; но когда, въ слѣдствіе преобразованія Университета, оставилъ сію каѳедру, то, предавшись свободно любимому

предмету своихъ занятій, изученію отечественныхъ древностей, «трудами своими, какъ сказано въ Извѣстіяхъ Импер. Акад. Наукъ, представилъ не только богатый запасъ и пособіе для изслѣдованій, но и начала самыхъ изслѣдованій.» Къ основанію Рус. Археологіи, какъ науки, кромѣ любви къ ней, неутомимаго труда, обширныхъ знаній, онъ употребилъ ученую методу, которую заимствовалъ у наставниковъ своихъ Буле, Маттеи и Тимковскаго. Плодомъ этихъ занятій явились книги, справедливо заслужившія у насъ въ отечествѣ и за границею всеобщую извѣстность. И. М. имѣетъ дипломы на званіе Члена: 1) Императорскаго Моск. Общ. Исторіи и Древ. Рос. съ 10-го Маія 1824 г.; 2) Королев. Копенгаг. Общ. Сѣверн. Антикваріевъ съ 31-го Ян. 1835 г.; 3) Одесск. Общ. Любителей Исторіи и Древн. съ 23-го Апр. 1839 г.; 4) Члена Корреспондента Императорскаго Археолого-Нумизматическаго Общ. въ С.-Пб. съ 9-го Фев. 1848 г.

Литературная дѣятельность И. М. обнаружилась весьма рано, сначала въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ помѣщалъ онъ многіе свои переводы, потомъ въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Сочиненія его: 1) Nova Chrestomathia Latina, M. 1811, въ 8.—2) Dissertatio de profectibus Romanorum in disciplinis severioribus, на степень Магистра. 1816 г.—3) *Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина.* 3-е изд. 1848, въ 8.— 4) Nova Chrestomathia poëtica. M. 1818, въ 8.—5) *Плутархъ для прекраснаго пола, или галлерея знаменитыхъ Россіанокъ.* ч. V и VI, M. 1819, въ 12. Прибавленіе къ переводу его же, Снегирева, Бланшардова и Пропіакова Плутарха для прекраснаго пола въ 4-хъ частяхъ, M. 1816, въ 12.—6) De origine, statu et incrementis Caesareae Universitatis Mosquensis sub auspiciis Aug. Imperatricis Elisabethae I conditae ab anno 1754 ad 1762. M. 1830, in 4. Тоже сочиненіе въ Русскомъ переводѣ напечатано въ Ученыхъ Запискахъ 1834 года. — 7) *Начертаніе житія Московскаго Митрополита Платона,* 2 ч. новое изд. M. 1831, въ 8.—8) *Русскіе въ своихъ пословицахъ* 4 кн. M. 1831—1834, въ 12.—9) *Латинская Грамматика, приспособленная къ Русскому языку,* изд. 3-е, съ дополненіями, M. 1836 г. въ 4. — 10) *Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды.* 4 выпуска, съ 1837 по 1839,

М. въ 4.—11) *Троицкая Лавра.* М. 1842 г. въ 12.—12) *Новоспасскій монастырь.* М. 1843 г. въ 12. — 13) *О лубочныхъ картинкахъ Русскаго народа.* М. 1844 г. въ 8.—14) *Письмо объ иконописи къ Графу А. С. Уварову.* Спб. 1848 г. въ 8. Это сочиненіе послужило главнымъ матеріаломъ для сочиненія Г. Сабатье: Notions sur l'iconographie sacrée. St. Pet. 1849.— 15) *О порядкѣ словъ Латинскаго языка*, по Цицерону. М. 1848 г. въ 8. — 16) *Памятники Московской Древности*, XI тетрадей въ 4. — 17) *Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества.* М. XV тетрадей съ 1846 по 1854 годъ, въ листъ. Другое изданіе въ 12, съ дополненіями и поправками, 4 кн.—18) *Русскія народныя пословицы и притчи* съ предисловіемъ. М. 1848 г. въ 8.—19) *Древности Россійскаго Государства*, изданныя по Высочайшему повелѣнію, отдѣленіе I, IV и VI. М. 1849, 51, 53. въ 4. — 20) *Памятники древняго художества въ Россіи.* 3 тетр. М. 1850 г. въ листъ.—21) *Дополненіе къ собранію Русскихъ народныхъ пословицъ и притчей.* М. 1854 г. въ 8. Сверхъ того издалъ *Изслѣдованія Барона Розенкампфа о Кормчей книгѣ; Повѣданіе и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*, вмѣстѣ съ *Словомъ о Полку Игоревѣ.*

Разныя статьи И. М. помѣщены въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ Губернскихъ и Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи, въ журналахъ: Другъ Юношества, Отечественныя Записки, изд. Свиньинымъ, въ Вѣстникѣ Европы, въ Историческомъ, Статистическомъ и Географическомъ Журналѣ, въ Новомъ Магазинѣ Естественной Исторіи, Физикѣ, Химіи и свѣдѣній Экономическихъ изд. Г. Двигубскаго, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Телеграфѣ, въ Ученыхъ Запискахъ, въ Москвитянинѣ и проч.

Переводы: 1) *Письма Принца Делинь*, въ 8, вмѣстѣ съ Профессоромъ Немировымъ, въ 10 томахъ.—2) *Всеобщая Миѳологія, сравненная съ Исторіею*, соч. Аб. Трессана. 4 ч. М. 1818 г. въ 12.—3) *Рустрингія, первоначальное отечество перваго Россійскаго Великаго Князя Рюрика и его братьевъ*, соч. Герм. Голлманна. М. 1819 г. въ 8.—4) *Досуги моего уединенія.* 2 ч. М. 1820, въ 12, и проч.

СОКОЛОВЪ, Иванъ Матвѣевичъ, Экстраординарный Профессоръ Анатоміи, Коллежскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины и Хирургіи, сынъ сельскаго Священника, первоначальное воспитаніе получилъ въ Рязанской Духовной Семинаріи, откуда, по увольненіи изъ духовнаго званія въ 1839 году, поступилъ въ И. М. У. въ число своекоштныхъ Студентовъ Медицинскаго Факультета, а потомъ перемѣщенъ былъ въ казенно-коштные воспитанники того же Факультета. Въ теченіе Университетскаго курса, кромѣ Медицинскихъ предметовъ, съ особеннымъ постоянствомъ занимался Практическою Анатоміею и тѣми науками, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ Анатоміи вообще. Бывши Студентомъ 3 курса, Соколовъ успѣлъ приготовить Анатомическій препаратъ кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ головы, шеи и верхнихъ оконечностей, на 4 курсѣ препаратъ кровеносной, нервной и отчасти мышечной системъ всего тѣла человѣческаго, за тѣмъ отдѣльный препаратъ окостенѣлыхъ артерій и, кромѣ того, въ продолженіе того же курса занимался приготовленіемъ свѣжихъ анатомическихъ препаратовъ для Профессорскихъ лекцій Хирургической Анатоміи и Практической Хирургіи; на 5-мъ курсѣ, продолжая тѣже занятія, въ Хирургической Клиникѣ, подъ руководствомъ Профессора Хирургіи, произвелъ нѣсколько Хирургическихъ операцій на живыхъ, а съ Профессоромъ Физіологіи занимался производствомъ Физіологическихъ опытовъ надъ животными. Описанія этихъ опытовъ, по указанію Профессора, прочитаны въ засѣданіяхъ Физико-Медицинскаго Общества. На томъ же курсѣ Соколовъ еще приготовилъ и съ большею полнотою анатомическій препаратъ мышицъ, артерій, венъ и нервовъ всего тѣла человѣческаго; сіи препараты теперь занимаютъ не послѣднее мѣсто въ анатомическомъ собраніи Московскаго Университета, а за приготовленіе ихъ, по ходатайству Медицинскаго Факультета, получалъ или денежное награжденіе, или анатомическіе инструменты, и съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣлъ вниманіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ 1843 году 10 Іюня утвержденъ въ званіи Лѣкаря 1-го Отдѣленія; въ томъ же 1843 году 27 Августа, съ разрѣшенія Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, оставленъ при И. М. У. для занятій по каѳедрѣ Срав-

нительной Анатоміи и Физіологіи, безъ правъ службы, съ назначеніемъ содержанія по 200 руб. сереб. въ годъ изъ экономическихъ суммъ Университета. Въ 1844 году Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа опредѣленъ Помощникомъ Прозектора по ветеринарной части, съ оставленіемъ при прежнихъ занятіяхъ по каѳедрѣ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи, безъ производства однакоже получаемой за эти занятія особой платы; въ томъ же году 12 Іюня съ разрѣшенія Г. Попечителя Учеб. Округа Соколовъ получилъ награжденіе 300 руб. сереб. за изготовленные имъ въ теченіе 18$\frac{43}{44}$ академическаго года анатомическіе препараты, числомъ около 800 экземпляровъ, необходимые при лекціяхъ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи; въ томъ же году Соколову 18 Іюля отъ Г. Попечителя М. У. Округа объявлена была признательность за особые труды, сверхъ своихъ занятій по службѣ, понесенные при производствѣ физіологическихъ опытовъ надъ животными, по каѳедрѣ Физіологіи здороваго человѣка. Въ 1845 году 11 Сентября перемѣщенъ въ должность Помощника Прозектора по каѳедрѣ Анатоміи здороваго человѣка; находясь въ должности Помощника Прозектора, продолжалъ раздѣлять труды съ Профессоромъ Физіологіи въ живосѣченіяхъ, а съ Прозекторомъ Анатоміи вскрывалъ трупы, привозимые изъ полиціи. Находясь въ вакаціонное время въ городѣ Рязани, въ Ряз. Градской Больницѣ и нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ присутствіи служащихъ и неслужащихъ врачей, произвелъ нѣсколько хирургическихъ операцій (около 85-ти), не исключая и глазныхъ, исходъ которыхъ былъ самый благопріятный; въ слѣдствіе чего Соколовъ, чрезъ Г. Попечителя М. У. Округа, получилъ признательность Рязанскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, за совершеніе тѣхъ операцій и безвозмездное лѣченіе оперированныхъ больныхъ, увѣнчавшееся ихъ полнымъ выздоровленіемъ. Въ 1846 году 14 Маія Г. Попечителемъ М. У. Округа Соколовъ опредѣленъ въ званіе Прозектора по каѳедрѣ Анатоміи здороваго тѣла человѣческаго; въ 1843 году 8 Декабря за сообщаемыя литературныя статьи по части Медицинскихъ предметовъ избранъ Членомъ Физико-Медицинскаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ; съ 8 Декабря 1848 года въ Москов-

скомъ Училищѣ Живописи и Ваянія безвозмездно преподаетъ Пластическую Анатомію; въ 1850 г. 6 Февраля былъ опредѣленъ сверхштатнымъ Ординаторомъ въ Больницу чернорабочаго класса людей въ Москвѣ, гдѣ завѣдывая Хирургическимъ и Глазнымъ Отдѣленіемъ по 11 ч. Іюня 1853 года, производилъ хирургическія операціи и занимался вскрытіемъ тѣлъ умершихъ въ оной Больницѣ. По надлежащемъ испытаніи въ Медицинскомъ Факультетѣ и послѣ публичнаго защищенія анатомико-хирургической диссертаціи: *De ligatura arteriae iliacae externae*, Соколовъ утвержденъ, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта 6 Сентября 1850 года, въ степени Доктора Медицины и Хирургіи; въ 1852 г. 21 Марта по ходатайству Медицинскаго Факультета объявлена ему признательность Университетскаго Совѣта за полезную дѣятельность для науки и Университета. Въ томъ же году 18 Октября за приготовленные по порученію Г. Ректора Университета анатомическіе препараты и пожертвованіе ихъ отъ имени Московскаго Университета Земледѣльческому Училищу въ Москвѣ, Соколовъ избранъ Императорскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства въ Дѣйствительные Члены; 4 Ноября 1852 года пожалованъ за выслугу лѣтъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника, со старшинствомъ съ 14 Маія тогоже года. При исполненіи прозекторскихъ обязанностей, Соколову, по распоряженію Г. Попечителя М. У. Округа, поручено было завѣдываніе Анатомическимъ Кабинетомъ, для котораго онъ приготовилъ около 300 слишкомъ анатомическихъ микроскопическихъ препаратовъ и, какъ членъ Комитета, производилъ опыты надъ живыми животными для объясненія дѣйствій сѣрнаго эѳира и др. на живое тѣло; за тѣмъ, сверхъ своей обязанности по службѣ Университета, приготовилъ коллекціи анатомическихъ препаратовъ въ 1-й и 2-й Московскіе Кадетскіе Корпуса, въ бывшій Московскій Дворянскій Институтъ и въ 1-ю Московскую Гимназію, какъ необходимыя пособія для изученія Естественной Исторіи. Въ 1853 году 11 Сентября Соколовъ, по избраніи Совѣта Университета, Г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Анатоміи здороваго тѣла человѣческаго.

Лекціи курса Анатоміи носятъ характеръ демонстратив-

ный и читаются на Русскомъ языкѣ, по 8 часовъ въ недѣлю, согласно составленной Профессоромъ и одобренной Факультетомъ программѣ, по свѣжимъ препаратамъ, которые приготовляются иногда самимъ Профессоромъ, а постоянно, по его же назначенію, Прозекторомъ Г. Никитинымъ и Помощникомъ Прозектора Г. Балашовскимъ съ отличнымъ искусствомъ и надлежащею полнотою. Эти два питомца Московскаго Университета, гг. Никитинъ и Балашовскій, благодаря ихъ теплому расположенію къ наукѣ и ревностнымъ занятіямъ, при ихъ свѣдѣніяхъ и отличныхъ способностяхъ въ прозекторскомъ искусствѣ, много способствуютъ къ облегченію тяжелаго труда, съ которымъ сопряжено преподаваніе и изученіе Анатоміи.

Соколовъ, со вступленія его на врачебное поприще, сообщилъ слѣдующія составленныя имъ статьи Физико-Медицинскому Обществу, а нѣкоторыя издалъ въ свѣтъ: 1) *Медико-топографическое описаніе города Рязани и свирѣпствующей въ ней перемежающейся трехдневной лихорадки.* — 2) *Описаніе нѣкоторыхъ Хирургическихъ операцій*, какъ то: ампутацій, вырѣзыванія правой вѣтви нижней челюсти изъ сочлененія, вылущенія опухолей разной величины, камнесѣченія, перевязыванія бедренной артеріи, пораженной аневризмою, опер. катарактъ и т. д. 3) *Описаніе Физіологическихъ опытовъ, состоящихъ въ вырѣзываніи почекъ у собакъ и кошки.*—4) *Описаніе Физіологическихъ опытовъ, состоящихъ въ вырѣзываніи селезенки у собакъ.* — 5) *Описаніе Физіологическихъ опытовъ надъ переливаніемъ крови у различныхъ животныхъ.*—6) *Описаніе рисунковъ, снятыхъ съ фунгозной опухоли предплечія, вѣсящей 22 фунта.* — 7) *Описаніе Хирургической операціи вливанія кровяной сыворотки*, въ первый разъ имъ произведенной съ успѣхомъ въ одной изъ холерныхъ временныхъ больницъ въ Москвѣ холерному больному. — 8) *Описаніе наблюденій надъ движеніемъ человѣческаго мозга.*— 9) *Описаніе исторіи успѣшнаго излѣченія сумочной катаракты безъ операціи.*—10) *Описаніе Хирургической операціи вылущенія липоматозной опухоли изъ глазницы у молодой женщины.*—11) *Краткое описаніе Анатомическихъ препаратовъ, представляющихъ волокнистое строеніе мозга, переходъ волоконъ изъ бѣлаго существа въ пепельное и петлеобразный заворотъ оныхъ въ периферіи*

мозга. Кромѣ этихъ статей Соколовъ показывалъ анатомико-патологическіе препараты, собранные при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ, производимыхъ въ Анатомическомъ театрѣ Университета; сообщилъ о вновь имъ открытомъ, но еще неописанномъ, каналѣ вѣкъ; показывалъ микроскопическіе препараты инъекцированныхъ волосныхъ сосудовъ разныхъ органовъ тѣла человѣческаго и другихъ животныхъ; напечаталъ въ трактатѣ о переливаніи крови, изданномъ въ 1848 г. Профессоромъ Филомаѳитскимъ, *описаніе успѣшной операціи вливанія кровяной сыворотки въ холерную больнаго*, съ изложеніемъ самаго способа производства операціи; издалъ въ свѣтъ *Атласъ Анатомико-Хирургическихъ таблицъ въ натуральной величинѣ*, при диссертаціи: De ligatura arteriae iliacae externae, написанной для полученія степени Доктора Медицины и Хирургіи и напечатанной въ 1850 году. Таблицы эти представляютъ: a) анатомическое устройство подвздошно-паховой стороны, b) вновь предложенный способъ измѣрять эту сторону для точнаго опредѣленія положенія подвздошной артеріи во время операціи ея перевязыванія: а, кромѣ того, послѣднія таблицы этого атласа объясняютъ: c) препараты, собранные при опытахъ, произведенныхъ имъ надъ живыми животными съ цѣлію доказать дѣйствіе лигатуры на артерію, механизмъ отдѣленія и выхожденія лигатуры и наконецъ процессъ заживленія раны, которая производится операціей.—Напечаталъ въ 1852 году въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ трактатъ: *О врожденной мозговой грыжѣ*, съ картинами, изображающими анатомическое устройство грыжеваго мѣшка, ненатуральную формацію мозга и нѣкоторыя уродливости новорожденнаго дитяти.

СОКОЛЬСКІЙ, Григорій Ивановичь, Ординарный Профессоръ Частной Патологіи, Терапіи и Психіатріи, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, сынъ Московскаго Священника, родился въ Москвѣ, въ 1807 году. Въ малолѣтствѣ обучался въ домѣ родительскомъ, недолго въ духовномъ училищѣ, потомъ въ Московской Гимназіи; рано поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій Университетъ, гдѣ обучался сначала приготовительнымъ, а потомъ Врачебнымъ наукамъ и въ

1828 г. удостоенъ степени Лѣкаря 1-й степени. Тогда же поступилъ въ Профессорскій Институтъ при Дерптскомъ Университетѣ, гдѣ былъ утвержденъ въ степени Доктора Медицины, 1832 г. Ноября 30-го.—По Высочайшему повелѣнію отправленъ въ С.-Петербургъ для практическихъ занятій при тамошнемъ Госпиталѣ, 1833 г. Января 26.—Былъ, для усовершенствованія въ наукахъ, въ Берлинѣ и Вѣнѣ въ 1834 и 1835 г.; назначенъ въ Казанскій Университетъ 1835 г. Сентября 11-го, гдѣ поручено преподаваніе Терапевтической Клиники и Патологической Семіотики, 1835 года Ноября 16-го.—Изъ Казанскаго перемѣщенъ въ Московскій Университетъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора, для преподаванія Частной Потологіи и Терапіи, 1835 г. Декабря 31-го.—Утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ Частной Патологіи и Терапіи, 1838 г. Апрѣля 13-го. Въ преподаваніи этого предмета слѣдовалъ Гризолю. Сверхъ того преподавалъ Психіатрію по руководству Гризингера. Въ 1848 году выбылъ изъ Университета по прошенію. На актѣ 18-го Іюня 1842 года произнесъ Латинскую рѣчь: De limitanda irritationis notione, nostro tempore in dijudicandis et curandis morbis justo frequentius usurpata. Издалъ нѣсколько своихъ и переводныхъ сочиненій Медицинскихъ, между прочимъ *Носографію Шенлейна;* но главный, оригинальный трудъ Сокольскаго, на которомъ основана его ученая слава, есть *Физическое изслѣдованіе грудныхъ болѣзней.* Юношество Университетское въ подобныхъ болѣзняхъ, столько свойственныхъ его возрасту и столько страшныхъ при трудахъ, требуемыхъ наукою, постоянно прибѣгало къ опытности врача и Профессора, съ особенною проницательностію изучившаго эти болѣзни.

СОЛОВЬЕВЪ, Сергѣй Михайловичъ, Ординарный Профессоръ Русской Исторіи, Докторъ Историческихъ наукъ, Политической Экономіи и Статистики, Коллежскій Совѣтникъ, сынъ Протоіерея, родился въ 1820 году 5-го Мая, въ Москвѣ, въ домѣ Коммерческаго Училища, гдѣ отецъ его находился Законоучителемъ. До тринадцатилѣтняго возраста воспитывался дома; потомъ поступилъ въ 1-ю Московскую Гимназію въ

третій классъ. Въ 1839 году, окончивъ курсъ въ Гимназіи, поступилъ въ Московскій Университетъ, въ 1-е отдѣленіе Философскаго Факультета (что теперь Историко-Филологическій Факультетъ); еще дома и въ Гимназіи любимымъ чтеніемъ его были книги историческія, въ Университетѣ же онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ, преимущественно же занятіямъ Русскою Исторіею. Немедленно по окончаніи Университетскаго курса въ 1842 году, отправился за границу, гдѣ, во время двухлѣтняго пребыванія продолжалъ историческія занятія, разработывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету—Отечественной Исторіи. По возвращеніи изъ за границы въ 1844 году сталъ приготовляться къ Магистерскому экзамену по Русской Исторіи; въ Январѣ 1845 года выдержалъ экзаменъ, въ Мартѣ представилъ диссертацію: *Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ*; 27-го Іюля, по предложенію Г. Попечителя М. У. Ок. Графа С. Г. Строгонова, былъ избранъ въ преподаватели Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ; въ Октябрѣ защитилъ означенную диссертацію на степень Магистра, послѣ чего въ Ноябрѣ отъ Г. Министра утвержденъ былъ исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Русской Исторіи. По прошествіи года представилъ диссертацію на степень Доктора: *Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома*, которую защитилъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1847 года, выдержавши предварительно экзаменъ, послѣ чего утвержденъ былъ Г. Министромъ въ степени Доктора Историческихъ наукъ, Политической Экономіи и Статистики, а вскорѣ и въ званіи Экстраординарнаго Профессора; въ Іюлѣ 1850 года утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ. По достиженіи Профессорскаго званія, онъ предпринялъ трудъ написать полную Отечественную Исторію съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго, и въ Августѣ мѣсяцѣ 1851 года издалъ первый томъ, въ 1852 второй, въ 1853 третій, въ 1854 четвертый и приготовилъ къ печати пятый, доведенный до царствованія Іоанна IV-го. Но до окончанія этого труда онъ счелъ полезнымъ сообщать Русскимъ читателямъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ изслѣдованія о любопытнѣйшихъ эпохахъ и явленіяхъ Оте-

чественной Исторіи; до сихъ поръ напечатано: 1) *Обзоръ событій Русской Исторіи отъ кончины Царя Θеодора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ*;—2) *Обзоръ царствованія Михаила Θеодоровича;* — 3) *Очеркъ Исторіи Малороссіи*;—4) *Изслѣдованіе о Мѣстничествѣ*; 5) *О княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ*; — 6) *Географическія извѣстія о древней Россіи*; — 7) *Разборъ Исторіи Государства Россійскаго—Карамзина*;—8) *Біографія Г. Ф. Мюллера*; 9) *Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи*, и другія статьи; приготовленъ къ изданію:—10) *Очеркъ трудовъ Русскихъ историческихъ писателей XVIII вѣка.*

СОХАЦКІЙ, Павелъ Аθанасьевичь, Эстетики и Древней Словесности Профессоръ Публичный Ординарный, Надворный Совѣтникъ, Секретарь Совѣта, родился Полтавской губерніи, Прилуцкаго (а нынѣ Лохвицкаго) уѣзда въ селѣ Свѣтличномъ, въ которомъ отецъ его былъ Священникомъ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ родительскомъ, а на двѣнадцатомъ году поступилъ въ Кіевскую Академію, въ которой дошелъ до Философскаго класса. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми отличнѣйшими Студентами Академіи былъ вызванъ въ Москву, въ учредившуюся въ 1782 году при Московскомъ Университетѣ Филантропическую Семинарію. Сверхъ древней Словесности, въ Московскомъ Университетѣ Сохацкій слушалъ лекціи Философіи, Физики, Математики, Натуральной Исторіи и Медицины. Въ изученіи классическихъ писателей лекціи Университетскія открыли ему новый міръ. Онъ самъ признавался, что въ школѣ слылъ знатокомъ въ Латинскомъ языкѣ и бойко говорилъ на немъ, зная почти наизусть Мурета, Павлина и Эразма; но что только тогда онъ получилъ вѣрное воззрѣніе на древности и вполнѣ познакомился съ классическими писателями, когда изучилъ Шеллера, Рункена и Гейне. Получивъ степень Магистра Философіи и Свободныхъ наукъ, онъ былъ сдѣланъ учителемъ въ обѣихъ Гимназіяхъ Университета Риторическаго Латинскаго и Греческаго классовъ.

По удаленіи изъ Университета Мельманна, Сохацкій сдѣлался его преемникомъ, и тогда же получилъ званіе Экстра-

ординарнаго Профессора и Ректора въ Академической Гимназіи Латинскихъ и Греческихъ классовъ. Въ 1797 году ему поручена была должность Инспектора Учительскаго Института; въ 1801 онъ былъ наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ Философіи, занимая каѳедру древней словесности.

Объясняя съ каѳедры образцовыя произведенія древности, Сохацкій умѣлъ открывать подлинныя красоты въ цѣломъ и частяхъ, силу въ выраженіяхъ, простоту и ясность въ мысляхъ и чувствахъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ оживилъ въ Московскомъ Университетѣ преподаваніе древнихъ языковъ.

По древней словесности онъ издалъ слѣдующія сочиненія: 1) *Филлеборново краткое начертаніе Латинскаго слога*, М. 1796.— 2) Principia sermonis graeci, М. 1796. 3) *Цицероновы разсужденія о должностяхъ* (de officiis), съ замѣчаніями, 1807 г, (неокончено). 4) *Федонъ*, разговоръ Платона, помѣщенный въ Эфемеридахъ М. 1804 г.

Сверхъ Классической Словесности, Сохацкій занимался съ успѣхомъ Русской Словесностью и Философіею. Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ онъ обучалъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Россійской Словесности, Логикѣ и Нравоученію, и для своего класса издалъ въ русскомъ переводѣ *Уатсову умственную науку или Логику*. Съ 1805 года Сохацкому первому поручено было преподаваніе Эстетики (вмѣстѣ съ Древнею Словесностію).

Въ преподаваніи Эстетики Сохацкій умѣлъ сочетать свѣдѣнія свои въ древней Словесности съ новѣйшими взглядами Философовъ и критиковъ своего времени, и стремился къ ясности и простотѣ въ передачѣ предмета новаго и отвлеченнаго какъ по содержанію, такъ и по языку. Самая терминологія Эстетическая, тогда еще неопредѣлившаяся, требовала новыхъ усилій и трудовъ. Такъ наименованія *изящный* и *преизящный*, по замѣчанію самаго Сохацкаго, введены были въ употребленіе, какъ новѣйшіе эстетическіе термины, въ Московскомъ Университетѣ. Для руководства его слушателямъ къ лекціямъ Эстетики, онъ издалъ въ 1803 году *Мей-*

терсово Начертаніе и Исторію изящныхъ наукъ, въ Русскомъ переводѣ, отличающемся ясностью, точностью и силою (какъ замѣчаетъ Рецензентъ этой книги, въ Моск. Учен. Вѣдом., 1806 г., № 19 и 20). Къ этому переводному сочиненію Сохацкій присоединилъ отъ себя *Чертежъ системы Эстетики*. Сверхъ того онъ и самъ занялся сочиненіемъ Эстетики, подъ названіемъ: *Изъясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ*, и уже напечаталъ общую, или Теоретическую часть, но смерть не позволила ему кончить всего сочиненія.

Главнѣйшія свои убѣжденія и воззрѣнія на изящныя искусства Сохацкій выразилъ въ словѣ, произнесенномъ Августа 30-го, 1801 года: *О предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни*. Понятіе о красотѣ и изящномъ вкусѣ онъ возводитъ до общаго разсужденія о способностяхъ душевныхъ и идеяхъ. «Всѣ бесчисленныя *мысли*, *желанія*, *чувствованія* и дѣла человѣческія, говоритъ онъ, подобно какъ разсыпавшіеся лучи солнечные въ центръ собирающаго ихъ стекла, стекаются и соединяются *въ три главныя свои начала*. Такъ послѣднее испытаніе достовѣрности нашихъ *мыслей* утверждается на *врожденномъ чувствѣ истины*; послѣднее испытаніе доброты нашихъ желаній свидѣтельствуется *врожденнымъ чувствомъ добра*; послѣднее испытаніе изящества нашихъ *чувствованій* одобряется *врожденнымъ чувствомъ красоты.—Общій смыслъ—Совѣсть—Вкусъ.*—Науки ихъ, Философія ума, Философія сердца или Нравственность, и Философія вкуса или Эстетика.» *Изящный вкусъ* Сохацкій опредѣляетъ такъ: «оное тонкое и быстрое, безъ всякихъ хладныхъ разбирательствъ, мгновенно, при видѣ прекраснаго предмета, раждающееся чувствованіе удовольствія, пріятности и неизъяснимаго восхищенія—есть то, что называется *Изящнымъ вкусомъ.*» Необходимымъ условіемъ истинно изящнаго произведенія, по мнѣнію Сохацкаго, должно быть сочетаніе *внѣшней прекрасной формы* съ такимъ внутреннимъ содержаніемъ, которое въ основаніи своемъ имѣетъ *истину, правильность, благоприличіе и благородство*. Источникъ художественнаго представленія Сохацкій полагаетъ въ *идеальныхъ образцахъ*, которые составляетъ художественное воображеніе изъ разныхъ ощущеній, произведенныхъ

дѣйствительностію въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ. Соединяя такимъ образомъ французское ученіе объ изящномъ вкусѣ съ воззрѣніями Винкельмана, Сохацкій, какъ знатокъ и любитель классической древности, образцовымъ народомъ, по эстетическому образованію, признаетъ Грековъ. Воспитавъ свое эстетическое чувство на классическихъ образцахъ, онъ привыкъ съ понятіемъ о красотѣ соединять понятіе о стройности, гармоніи и спокойствіи, и даже дошелъ до того убѣжденія, что и всѣ подлинныя пораженія ужаса или отчаянія вовсе отметаетъ искусство. При такихъ эстетическихъ убѣжденіяхъ, Сохацкій не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на мрачность, туманность и какую-то эстетическую темноту, которыя уже и въ его время начинали вкрадываться въ произведенія нашихъ поэтовъ, увлекшихся романтическимъ направленіемъ. «Извѣстно,» такъ пишетъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ, «что нынѣ потокъ властвующаго мнѣнія увлекаетъ къ темному и мрачному. Удивляются ужаснымъ чудовищамъ, ночнымъ привидѣніямъ, которыя порождаетъ въ Англіи черное воображеніе Радклифъ. Въ Германіи начали нѣкоторые Философію превращать въ Поэзію и избираютъ все мрачное, таинственное и темное. Но такой мрачный маперъ непомѣрно увеличивается въ двухъ главныхъ пунктахъ: во первыхъ въ томъ, что оному, если не исключительно то какъ самому высочайшему въ искусствѣ удивляются; во вторыхъ, что эстетическую темноту и внѣ искусства дѣлаютъ масштабомъ всякаго совершенства. Веселое и изящное своимъ свѣтомъ, многоразличіемъ, богатствомъ и гармоніею оживляетъ къ силѣ, восхищенію и высокому чувству; мрачное и величественное гнететъ душу однообразіемъ, изнеможеніемъ и низлагающими ощущеніями; оно стѣсняетъ духъ: веселое и изящное расширяетъ его. Я нахожу, что самый новѣйшій темный маперъ никакъ не есть знакъ успѣха искусствъ, напротивъ того это знакъ ихъ упадка. Онъ обнаруживаетъ изнеможеніе генія и отчаяніе въ своихъ силахъ, которое мы, по нашему самолюбію, столь охотно признаемъ за отчаяніе въ достаточномъ обиліи средствъ для изящныхъ искусствъ.» Такъ отстаивалъ ловко и сильно Сохацкій класси-

ческое направленіе противъ возникавшей романтической моды, будучи достойнымъ предшественникомъ Мерзлякова въ исторіи нашей эстетической критики, и, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ поборниковъ противъ романтизма. Какъ классикъ, онъ ставилъ выше всѣхъ прочихъ произведеній поэтическихъ *высокія и наставительныя* (какъ онъ самъ выражается) творенія эпическія. Свои философскія понятія, въ примѣненіи и рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ, Сохацкій изложилъ въ *Словѣ о главной цѣли воспитанія*, сказанномъ въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, Іюня 30-го 1793 года.

Сверхъ двухъ упомянутыхъ словъ, Сохацкій произнесъ на двухъ актахъ въ память Шувалову (1797—1800): *Похвальное слово* и Оду подъ заглавіемъ: *Памятникъ другу просвѣщенія отечества*; также *торжественное слово* на полувѣковой юбилей Московскаго Университета, празднованный 30-го Іюня 1805 года. Въ послѣднемъ словѣ ораторъ касается заслугъ Московскаго Университета, слѣдующими словами: «Пятьдесятъ уже лѣтъ, почтеннѣйшіе слушатели, существуетъ сіе высокое училище. Великая, приносимая имъ отечеству польза никогда даже и самою завистію не была совершенно отрицаема. Безъ громкихъ о себѣ похвалъ и провозглашеній среди знаменитаго древнепрестольнаго града, средоточія толико пространныя Имперіи, въ кроткой тишинѣ оно отъ малыхъ началъ постепенно приходило въ цвѣтущее свое состояніе.» «Какое найдется изъ высшихъ и благороднѣйшихъ въ немъ (т. е. въ нашемъ отечествѣ) званій, гдѣ Московскій Университетъ не могъ бы похвалиться своими воспитанниками? Достойные Первосвященники и Пастыри Церкви, высокіе Министры, проницательные политики, мудрые Градоправители, правотворные судіи, знающіе письмоводцы, искусные врачи, даже отличные военнослужащіе, приносили и приносятъ государству честь и украшеніе. Отличительныя черты характера ихъ и поведенія суть честность, прямодушіе, вѣрность и любовь къ отечеству— плоды истиннаго просвѣщенія. Вотъ живые и дѣйствующіе, если такъ могу выразиться, подлинники главныхъ трудовъ сего училища, собственно ему принадлежащихъ, и по праву отъ него требуемыхъ!»

Слѣдуя обычаю своего времени, Сохацкій написалъ нѣсколько одъ, а именно: на коронацію Императора Павла, на восшествіе на престолъ Императора Александра I, на смерть Шувалова.

Сохацкій издавалъ слѣдующіе журналы: 1) *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, 1793—1798 г. (вмѣстѣ съ В. Подшиваловымъ); 2) *Иппокрену, или утѣхи любословія*, 1799—1801 г.; 3) *Новости Русской Литературы* съ 1802 г.; 4) По предложенію Куратора Мелиссино, началъ съ 1790 г., вмѣстѣ съ Гавриловымъ: *Политическій журналъ*, который потомъ продолжаемъ былъ Гавриловымъ подъ именемъ *Историческаго, Статистическаго* и *Географическаго журнала.*

Нѣкоторые изъ этихъ журналовъ замѣчательны потому, что въ нихъ были печатаны сочиненія лучшихъ нашихъ писателей того времени, а также первые юношескіе опыты Жуковскаго, Нарѣжнаго и другихъ. Замѣчательно, что Карамзинъ не принималъ участія въ журналахъ Сохацкаго и даже былъ осмѣянъ въ одномъ стихотвореніи, помѣщенномъ въ 4-й части Иппокрены (на 1799 годъ), подъ заглавіемъ: «*Ода въ честь моему другу*» (стр. 17).

Сохацкій скончался на службѣ при Университетѣ 1809 г., Марта 18 дня, на 44-мъ году отъ рожденія.

СПАССКІЙ, Михаилъ Ѳедоровичь, Ординарный Профессоръ Физики, завѣдывающій физическимъ кабинетомъ, Деканъ Физико-Математическаго факультета, Докторъ Физики и Химіи, Статскій Совѣтникъ, родился 1809 г. Орловской Губерніи, Ливенскаго уѣзда, въ селѣ Захаровкѣ, гдѣ отецъ его около 50 лѣтъ былъ Діакономъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Орловской Духовной Семинаріи, откуда, по окончаніи Философскаго курса, по избранію Семинарскаго Начальства, отправленъ былъ въ 1829 г. въ Главный Педагогическій Институтъ.

Бывши еще Студентомъ Института, по порученію наставника своего, Академика Купфера, принималъ весьма дѣятельное участіе въ магнитныхъ наблюденіяхъ въ С. Петербургѣ и занимался вычисленіемъ метеорологическихъ наблюденій, про-

изводимыхъ при Академіи Наукъ, для современнаго печатанія ихъ въ Академическомъ Календарѣ, и выводами конечныхъ результатовъ изъ другихъ физическихъ опытовъ и наблюденій, изъ которыхъ нѣкоторые напечатаны на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Журналѣ Поггендорфа. Въ тоже время Спасскій перевелъ: 1) *Руководство къ дѣланію метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій* Академика Купфера и 2) нѣсколько статей по части Физики, написанныхъ Академиками Купферомъ и Ленцомъ, для издававшагося тогда Энциклопедическаго Лексикона. Всѣ эти переводы были въ свое время напечатаны. Отправленный въ 1836 г. за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія по части Физики, Спасскій въ Кенигсбергскомъ Университетѣ слушалъ лекціи Профессоровъ: Неймана, Мозера, Бесселя и др. Въ 1837 г., въ Берлинѣ преимущественно посѣщалъ лекціи Дове и Магнуса. Въ послѣднее время пребыванія за границею въ 1838 г. онъ напечаталъ въ Журналѣ Поггендорфа статью: *О Николевой призмѣ.* По возвращеніи изъ-за границы, въ 1838 г., занимался опредѣленіемъ напряженія земнаго магнетизма въ С. Петербургѣ и изложилъ результаты своихъ наблюденій въ особенной статьѣ. Вскорѣ онъ опредѣленъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Физики и физической Географіи въ Московскій Университетъ. Не придерживаясь строго ни одного учебника, Спасскій, по собственнымъ запискамъ, передавалъ своимъ слушателямъ преподаваемый имъ предметъ въ стройной систематической послѣдовательности, сообразно современному состоянію науки. Физическіе опыты, для полнаго убѣжденія въ справедливости выводимыхъ заключеній, получающихъ значеніе законовъ природы, производилъ онъ во время самыхъ лекцій. Кромѣ обработыванія своихъ записокъ соотвѣтственно успѣхамъ самой науки, Спасскій перевелъ на Русской языкъ и издалъ сочиненіе Кемтца: *Лекціи о Метеорологіи,* 1840—41 г., чѣмъ пополнилъ весьма ощутительный пробѣлъ въ Русской Литературѣ по части Естествовѣдѣнія. Обративъ особенное вниманіе на обработаніе метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ въ Москвѣ, чтобы вывести изъ нихъ опредѣленное понятіе о свойствѣ и характерѣ Московскаго климата, Спасскій издалъ

въ 1847 г. *Критическое изслѣдованіе о климатѣ Москвы*, въ видѣ диссертаціи для полученія степени Доктора Физики и Химіи, и былъ удостоенъ сей степени, равно и званія Экстраординарнаго и потомъ Орд. Профессора. Въ 1851 г. онъ издалъ сочиненіе: *Объ успѣхахъ Метеорологіи*. Кромѣ означенныхъ сочиненій, онъ написалъ и помѣстилъ въ разныхъ журналахъ много статей, преимущественно по предмету Физической Географіи и Метеорологіи; читалъ въ 1841 и 1842 гг. публичныя лекціи опытной Физики. Императорское Московское Общество Испытателей Природы, Русское Географическое, Московское Физико-Медицинское и Московское Общество Сельскаго Хозяйства причислили его къ своимъ Дѣйствительнымъ Членамъ. Въ 1854 году избранъ Факультетомъ и утвержденъ Г. Министромъ въ званіи Декана Физико-Математическаго Факультета.

СТРАХОВЪ, Петръ Ивановичь, Публичный Ординарный Профессоръ опытной Физики, Статскій Совѣтникъ, Орденовъ Св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени Кавалеръ и разныхъ учебныхъ Учрежденій и Ученыхъ Обществъ членъ, родился въ Москвѣ 1757 года Іюня 22-го дня отъ бѣдныхъ родителей. Предки его были дворяне города Шуи. Дѣдъ перешелъ въ духовное званіе и былъ Священникомъ сельскимъ, отецъ пономаремъ, сначала въ селѣ, а потомъ въ Москвѣ, при церкви Іоанна Предтечи, что въ Кречетникахъ, на Новинскомъ земляномъ валу. Въ этомъ приходѣ родился П. И. Страховъ, послѣднимъ изъ дѣтей семейства. Отецъ его гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, любилъ вспоминать о своихъ предкахъ и ихъ заслугахъ, и тѣмъ заронилъ въ трехъ сыновьяхъ своихъ желаніе приподняться и стать повыше въ свѣтѣ. Московскій Университетъ, только-что открытый съ гимназіями, весьма удовлетворилъ сильнымъ желаніямъ отца и сыновей. Безъ дальнихъ хлопотъ сперва старшій братъ, а потомъ и средній прошли чрезъ Гимназію разночинскую и поступили въ гражданскую службу; а 17-го числа Августа

1768 г. записанъ былъ П. И. Страховъ въ туже гимназію, и скоро потомъ принятъ на казенное содержаніе.

Природа не поскупилась весьма щедро наградить Петра Ивановича дарами своими, и красотою тѣлесною, и добротою сердца, и благородною возвышенностію души, и свѣтлостію и острою прозорливостію ума, и рѣдкою, неимовѣрно обширною памятью. Въ дѣтствѣ онъ росъ туго, но былъ всегда свѣжъ, здоровъ, чистъ тѣломъ, волосы имѣлъ кудреватые, свѣтлорусые, глаза подъ высокими бровями, голубые, большіе, выразительные, взглядъ веселый, кроткій. Рано выказались въ немъ дарованія, отмѣнная понятливость и способности; на осьмомъ году возраста своего онъ уже бойко и внятно читывалъ церковныя книги, вмѣсто родителя своего читалъ въ церкви часы, пареміи; рано же выучился онъ писать и помогалъ отцу своему переписывать разныя лѣтописи и подобныя тому тетради, и съ того времени пріохотился къ отечественной Исторіи и ко всякой Русской старинѣ. Въ Гимназіи раскрылись его дарованія; учители дивились его способностямъ, и не могли нахвалиться его успѣхами и прилежаніемъ, начальники любили за примѣрное благонравіе. Въ Январѣ 1769 года состоялся указъ о разборѣ священно-и церковнослужителей съ ихъ дѣтьми и отобраніи годныхъ изъ нихъ въ военную службу. Тогдашній Архіепископъ Московскій Преосвященный Амвросій, усердствуя этому указу, оставлялъ при семействахъ по одному лишь сыну, а прочихъ всѣхъ написалъ въ военную службу. Страхова ожидала та же участь; но Архіерей, узнавъ отъ отца его, пономаря, ходившаго въ нѣмецкомъ платьѣ по своимъ дворянскимъ преданіямъ, что дѣдъ былъ поставленъ въ священники изъ дворянъ и что сынъ учится въ Гимназіи, подозвавъ къ себѣ П. И., пристально посмотрѣлъ на него, потомъ благословилъ, положилъ на голову ему свою правую руку и сказалъ: «Богъ съ тобою, поди учись, безъ службы не останешься.» Такимъ образомъ П. И. чрезъ нѣмецкій нарядъ отца своего избавился отъ военной должности барабанщика или флейтщика. Въ 1771 году онъ былъ въ субботу Вербную отпущенъ изъ школы въ домъ родителя на вакацію, на двѣ недѣли, Страстную и Свѣтлую, но принужденъ былъ остаться слишкомъ на годъ, по случаю

распространившейся опасности въ Москвѣ отъ моровой чумной заразы. Отецъ его даже на Святой недѣли принялъ строгія мѣры предосторожности: разложилъ на дворѣ своемъ у воротъ курево изъ навоза и препоручилъ сыну гимназисту, чтобы ни день, ни ночь не допускалъ это гаснуть и останавливаться; заколотилъ на глухо вороты, калитку заперъ на замокъ и ключь отдалъ тому же гимназисту Петру Ивановичу, и строго на строго приказалъ ему всѣхъ приходившихъ, не впуская на дворъ, опрашивать, кто и зачѣмъ, и впускать въ калитку не иначе, какъ съ дозволенія родителя; впустивъ же, непремѣнно каждаго старательно окуривать у костра. Старшій братъ Петра Ивановича, чиновникъ егермейстерскаго вѣдомства, зачумѣлъ и умеръ въ домѣ графа Остермана; средній его братъ, канцеляристъ Ревизіонъ-Коллегіи, былъ въ качествѣ письмоводителя въ 11-й, нынѣ Серпуховской части Москвы, при особо назначенномъ на это время смотрителѣ за точнымъ исполненіемъ предохранительныхъ и карантинныхъ мѣръ противъ заразы. Этотъ Страховъ, письмоводитель, тогда жилъ у Серпуховскихъ воротъ, и отъ родителя своего имѣлъ приказъ непремѣнно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашній день было умершихъ во всей Москвѣ; а Страховъ гимназистъ каждое утро обязанъ былъ ходить къ брату за такими записочками; прямая и короткая дорога была ему туда и назадъ по Земляному валу чрезъ живой Крымской мостъ. «Вотъ, бывало, я въ казенномъ разночинскомъ сюр«тукѣ изъ малиноваго сукна съ голубымъ воротникомъ и об«шлагами на голубомъ же стамедномъ подбоѣ, съ мѣдными «желтыми большими пуговицами и въ треугольной поярковой «шляпѣ бѣгу отъ братца съ бумажкою въ рукѣ по валу, а «люди-то изъ разныхъ домовъ по всей дорогѣ и выползутъ «и ждутъ меня, и лишь только завидятъ, бывало, и кричатъ: «дитя, дитя, сколько? А я-то лечу, привскакивая, и кричу имъ «напримѣръ: шестьсотъ, шестьсотъ, и добрые люди бывало, «крестятся и твердятъ: слава Богу, слава Богу!—это потому, что «наканунѣ я кричалъ семьсотъ, а третьяго дня восемьсотъ! «Смертность была ужасная и росла до Сент. такъ, что въ Авг. «было покойниковъ чуть-чуть не восемь тысячь, въ Сентябрѣ «же хватило за двадцать тысячъ, въ Октябрѣ поменьше двад-

«цати тысячь, а въ Ноябрѣ около шести тысячъ. На Воздви-
«женской недѣлѣ мы всѣ говѣли; въ субботу, Софьинъ день,
«утромъ, готовились пріобщаться Святыхъ Таинъ у Стараго
«Вознесенія, что у Никитскихъ воротъ, ибо нашъ приходъ
«весь, до единаго двора, опричь нашего, вымеръ; вездѣ во-
«роты и двери были настежь растворены. Въ домѣ нашего
«священника послѣдняя умирала старуха; она лежала зачум-
«ленная подъ окномъ, которое выходило къ намъ на дворъ,
«стонала и просила, ради Бога, испить водицы. Въ это время
«батюшка нашъ самъ читалъ для всѣхъ насъ правило ко свя-
«тому Причащенію, остановился и грозно закричалъ намъ:
«Боже храни, кто изъ васъ осмѣлится подойти къ попов-
«скому окну, выгоню того на улицу и отдамъ негодяямъ (то
«есть колодникамъ, приставленнымъ отъ Правительства для
«подбиранія мертвыхъ тѣлъ по улицамъ и на дворахъ). Окон-
«чивъ же чтеніе, самъ онъ вынулъ изъ помела самую обгорѣ-
«лую палку, привязалъ къ ея черному концу ковшъ, зачерпнулъ
«воды и подалъ несчастной.—Я дивился тогда, зачѣмъ батюшка
«мой искалъ самую обгорѣлую палку, и вотъ уже сдѣлавшись
«Профессоромъ, я понялъ, что онъ предостерегалъ себя тѣмъ
«отъ заразы, ибо уголь признанъ теперь за лучшее средство
«къ очищенію воздуха, воды и вообще всего отъ нечистой
«вони, порчи и заразы. Отецъ мой былъ человѣкъ неу-
«ченый, не физикъ, но тутъ выказалъ довольное познаніе
«дѣйствій природы; нашего дома зараза не коснулась.
«Университетъ былъ на все это время затворенъ, и гим-
«назическое ученіе порядкомъ установилось только съ
«Сентября 1772 года.»—Такъ Петръ Ивановичъ вспоминалъ
объ этомъ несчастномъ времени Москвы. Въ 1774 году онъ
окончилъ полный курсъ гимназическаго ученія и Конферен-
ція Университета затруднилась было удостоеніемъ его званія
Студента по молодости: ибо онъ казался очень моложавъ, да
кромѣ того въ спискахъ ошибкою было убавлено около двухъ
годовъ, однако же по настоянію Директора Университета При-
клонскаго это затрудненіе оставлено безъ вниманія. «Кажется,
«я никогда не бывалъ такъ радъ, говорилъ покойный Стра-
«ховъ, какъ въ тотъ разъ, когда благодѣтельный Приклон-
«скій вошелъ въ столовую во время нашего обѣда и приказалъ

«портному снять съ меня мѣрку на зеленый мундиръ, т. е. «гвардейскаго цвѣта; тогда ученики дворянской Гимназіи но-«сили платье и мундиры зеленые безъ шпаги, а Студенты при «зеленомъ мундирѣ имѣли шпаги, Гимназисты же разночинцы, «также Учители и Профессоры имѣли мундиръ малиновой съ «золотыми дорожчатыми пуговицами и съ голубыми воротни-«комъ и обшлагами, на бѣломъ подбоѣ, съ голубымъ же испод-«нимъ платьемъ въ обыкновенные дни, и съ бѣлымъ испод-«нимъ платьемъ въ торжественные праздники. Кромѣ того у «Профессоровъ были всѣ петлицы золотыя; у прочихъ чинов-«никовъ безъ петлицъ, Гимназисты же отличались тѣмъ, что «шпагъ не носили.»

Студентъ Страховъ избралъ себѣ Факультетъ Философскій и особенно прилежалъ къ древней литературѣ и краснорѣчію. Въ то время лучшимъ и любимѣйшимъ увеселеніемъ Гимназистовъ и Студентовъ бывали театральныя представленія, для чего въ Университетѣ и былъ свой постоянный театръ, съ богатымъ гардеробомъ. Гимназистъ Страховъ, мальчикъ живой, стройный собою, красавецъ лицемъ, сперва началъ отличаться на сценѣ въ женскихъ роляхъ, и съ такимъ искусствомъ и удачею разыгралъ трагическую роль Семиры, что удивилъ и восхитилъ самого творца трагедіи, Александра Петровича Сумарокова, тогда постояннаго распорядителя въ театрѣ Университета. Когда же Страховъ столько уросъ, что не могъ являться въ женскихъ роляхъ, тогда онъ не менѣе сталъ отличаться и въ роляхъ мужчинъ, даже перещеголялъ своихъ товарищей Студентовъ Иванова и Плавильщикова, чрезвычайно пристрастныхъ къ театру и которые послѣ оба поступили на публичный Московскій театръ, первый подъ именемъ Каллиграфова, а другой съ подлиннымъ своимъ именемъ и прозваніемъ. Занятія литературныя и драматическія въ особенности много развивали дарованіе Страхова. Въ Университетѣ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Студентъ Верещагинъ, авторъ плохихъ одъ, пришелъ въ отчаяніе, прочитавъ Оду Державина: *Съ бѣлыми Борей власами.* Сумароковъ и другіе театральные авторы всегда предварительно разъигрывали свои сочиненія на сценѣ Университетской, послѣ того дѣлали поправки, и пускали на публичный театръ, когда признавали

ихъ достойными того. Черезъ два года послѣ производства Страхова въ Студенты Профессоръ Ростъ пригласилъ Студента Страхова къ себѣ въ домъ жить и учить троихъ его сыновей. Это было молодому человѣку выгодно и полезно: пять рублей въ мѣсяцъ платы отъ Профессора, да пять же рублей въ мѣсяцъ жалованья изъ Университета, при всемъ готовомъ содержаніи, составляли порядочный доходъ, а всего то важнѣе и дороже, былъ удобный случай самому ему хорошо навыкнуть въ письменномъ и словесномъ употребленіи новыхъ Европейскихъ языковъ, ибо хозяинъ его Ростъ, хотя не самый глубоко ученый, говорилъ на всѣхъ языкахъ: по-Латини по-Гречески, по-Нѣмецки, по-Голландски, по-Французски, по-Англійски, по-Италіянски, по-Испански, всего же больше онъ былъ силенъ въ коммерческихъ дѣлахъ, и даже былъ въ то время самымъ главнымъ агентомъ Голландской Компаніи и симъ путемъ нажилъ значительное богатство, за 1000 душъ крестьянъ и нѣсколько сотенъ тысячъ рублей. У Роста, на Голландскомъ жалованьѣ, было нѣсколько сотъ прикащиковъ, Русскихъ людей, чрезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ по всей Россіи, закупалъ даже на корню всякій хлѣбъ, пеньку, конопляное и льняное сѣмя и масло, смолу, сало, сырыя кожи, волосъ, пухъ, перо, воскъ и прочія произведенія, и все это онъ отправлялъ въ приморскіе города на Голландскіе корабли. Ростъ велъ постоянное, вѣрное счисленіе, когда и сколько въ Россіи были велики хлѣбные урожаи и сборы прочихъ сырыхъ произведеній; живши у Роста, Страховъ поведеніемъ своимъ и прилежаніемъ снискалъ его довѣренность и дружбу. — Осенью 1777 года Петръ Ивановичь оплакалъ своего благодѣтеля Александра Петровича Сумарокова и кинулъ три горсти земли въ его могилу у самой задней ограды, прямо противъ Святыхъ воротъ Донскаго монастыря, могилу которую Петръ Ивановичь не переставалъ посѣщать и указывать другимъ. Теперь на семъ самомъ мѣстѣ погребенъ бывшій Профессоръ Университета Павелъ Степановичь Щепкинъ.

Въ 1778 году Студентъ Страховъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ Университета къ опредѣленію на службу. Въ ту самую субботу, когда онъ ожидалъ окончательнаго раз-

рѣшенія Конференціи, въ первый разъ пріѣхалъ туда новый Кураторъ, Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. По всѣмъ классамъ промчалась эта вѣсть, и многіе Студенты пришли въ канцелярію Конференціи смотрѣть знаменитаго пѣснопѣвца. Кончилось засѣданіе. Кураторъ Мелиссино и другіе члены вышли; Херасковъ и Директоръ Приклонскій оставались въ залѣ присутствія, потомъ Директоръ вышелъ въ Канцелярію и спросилъ у Студентовъ, не здѣсь ли товарищъ ихъ Страховъ, позвалъ его въ залу и представилъ новому Куратору. Херасковъ посмотрѣлъ на Страхова и спросилъ: съумѣетъ ли онъ по Французски написать письмо? Молодой человѣкъ откровенно сознался, что прямо по-Французски мыслить и писать не можетъ, но сперва должно сочинить по-Русски и перевести по-Французски. «Ну такъ садись теперь же здѣсь, сказалъ Кураторъ, и напиши Французское письмо къ Ивану «Ивановичу Шувалову, что я вступилъ сегодня въ Куратор-«скую должность». Страховъ сѣлъ за красный столъ и написалъ письмо довольно скоро. Херасковъ прочиталъ, остался доволенъ, подписалъ и поручилъ Директору отослать его въ Петербургъ при дѣлахъ Университетскихъ, а Страхова поздравилъ своимъ Секретаремъ и велѣлъ въ тотъ же день переѣхать къ нему въ домъ. Въ тотъ же вечеръ новый Секретарь жилъ у Куратора, добродѣтельнѣйшая супруга котораго, Елисавета Васильевна, приняла и обласкала какъ бы самаго близкаго родственника, на другой день вечеромъ Херасковъ былъ у родныхъ своихъ братьевъ, у Князей Трубецкихъ, и бралъ съ собою къ нимъ своего Секретаря. Домъ Князей Николая, Александра и Юрія Никитичей Трубецкихъ въ то время славенъ былъ знаменитостью княжескаго рода, и богатствомъ, и изящнымъ убранствомъ, и блестящими собраніями особъ высшаго избраннѣйшаго общества; кромѣ того здѣсь съ отмѣннымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ достоинствамъ талантовъ, принимались и ученые Профессоры, извѣстные стихотворцы, отличные художники, музыканты, актеры, иностранные путешественники. Въ этомъ кругу, театральныя представленія были уважены болѣе другихъ увеселеній, и благородными особами разыгрывались Русскія и Французскія лучшія піесы. Петръ Ивановичь, двадцатилѣтній, умный, стройный и красивый юноша

былъ въ княжомъ домѣ принятъ ласково, радушно и скоро такъ ознакомился, вошелъ въ такую у всѣхъ любовь, что сдѣлался какъ бы домашнимъ человѣкомъ, будто бы необходимымъ семьяниномъ. Здѣсь былъ для него второй Университетъ практическаго образованія въ обществѣ. Бывъ первымъ актеромъ Университетскаго театра, не могъ онъ оставаться въ послѣднихъ на благородномъ театрѣ у Хераскова и Князей Трубецкихъ; онъ и тутъ пріобрѣлъ себѣ славу перваго актера.—«Я вовсе не имѣлъ нотъ,» говорилъ онъ о себѣ, «и потому не игрывалъ никогда въ операхъ, но Михаилу Матвѣевичу непремѣнно хотѣлось, чтобы въ его прекрасной «оперѣ: *Добрые солдаты*, я игралъ первую роль молодаго Про«лета. Надобно было угождать доброму Начальнику, и вотъ я «разыгралъ ее пополамъ съ превосходнымъ Университет«скимъ теноромъ Мошковымъ, тогда еще Гимназистомъ; онъ «пѣлъ мои аріи за кулисами, а я лишь расхаживалъ по сценѣ, «размахивалъ руками и молча разѣвалъ ротъ, какъ будто бы «пѣлъ; нашъ капельмейстеръ, глухой Керцелли, мастерски «поддерживалъ оркестромъ нашу хитрость, и послѣ никто изъ «зрителей не хотѣлъ вѣрить этой забавной нашей уловкѣ.»— Остальное отъ должностныхъ занятій свободное время Страховъ употреблялъ на пользу свою, переводилъ книги съ иностранныхъ языковъ на Русскій для Николая Ивановича Новикова съ листа за разныя цѣны, глядя по важности предмета и трудности перевода. Такъ, живя еще въ Университетѣ, онъ перевелъ Новикову книгу съ Французскаго языка: «Тысяча и одно дурачество», и послѣ самъ, бывало, всегда шутилъ надъ собою и говаривалъ, что прибавилъ этимъ переводомъ къ книгѣ тысяча второе дурачество. Все лѣтнее время проводилъ онъ при начальникѣ своемъ въ подмосковномъ его селѣ Очаковѣ, и въ 1779 году жилъ тамъ въ одной комнатѣ съ Ермиломъ Ивановичемъ Костровымъ; оба занимались подрядными же переводами для Новикова. «Кураторы Университета Шуваловъ, Мелиссино и Херасковъ, какъ значится въ данномъ Петру Ивановичу 1785 года Марта 12-го дня свидѣтельствѣ, заблагоразсудили одному изъ своихъ секретарей Петру Страхову приказать осмотрѣть нѣкоторые Евро-

пейскіе Университеты, Гимназіи и прочія училища, и сдѣланныя въ оныхъ отъ мужей просвѣщенныхъ и ученостію знаменитыхъ къ преспѣянію наукъ установленія тщательно примѣтить съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи его въ отечество можно было употребить въ пользу и здѣшняго училища.» Съ такимъ-то порученіемъ онъ былъ посланъ отъ Университета въ чужіе краи, и кстати же при этомъ удобномъ и благопріятномъ случаѣ Петръ Матвѣевичь Херасковъ, родной братъ Куратора, отпустилъ въ путешествіе и сына своего Романа Петровича, подъ непосредственнымъ и благонадежнымъ надзоромъ умнаго и благонравнаго Страхова. Оба путешественника должны были явиться въ С. Петербургъ; тамъ они получили отъ Шувалова, Графа Александра Сергѣевича Строгонова и другихъ рекомендательныя письма къ Русскимъ посламъ и посланникамъ при тогдашнихъ иностранныхъ Государяхъ. Въ самый день отъѣзда ихъ за границу, Кураторъ Шуваловъ поздравилъ Страхова Экстраординарнымъ Профессоромъ. — Страховъ объѣзжалъ предназначенный ему кругъ путешествія и вездѣ встрѣчалъ какую-то необыкновенную суетливость, какую-то во всѣхъ дѣлахъ натяжку, ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, непріятнаго. — Въ Богеміи и Моравіи Московскіе путешественники встрѣчали особенное къ себѣ расположеніе коренныхъ обитателей. Проѣзжая Швейцарію, путешественники слышали сѣтованія и жалобы на испорченность нравовъ, закравшуюся и расплодившуюся въ этой благоденственной и мирной странѣ. Въ Женевѣ Графъ Андрей Кирилловичь Разумовскій познакомилъ ихъ съ лучшими учеными гражданами. Въ Парижѣ С. познакомился со старикомъ Аббатомъ Бартелеми, великимъ знатокомъ древней литературы, видѣлъ въ рукописи его многолѣтній трудъ, путешествіе Анахарсиса, и тогда же обѣщалъ ему непремѣнно перевести на Русскій языкъ, лишь только увидитъ оригиналъ въ печати. Съ любопытствомъ и удовольствіемъ посѣщалъ Парижскую обсерваторію, познакомился и снискалъ благорасположеніе къ себѣ Директора ея Делаланда. Постоянно посѣщалъ аудиторію славнаго Бриссона, который въ то время показывалъ и объяснялъ только-что открытыя воздуховидныя

вещества, газы. Въ Реймсѣ путешественники наши видѣли Соборную церковь и знаменитое Евангеліе, на которомъ Французскіе Короли присягали во время коронаціи своей. Показывавшій эту книгу аббатъ съ благоговѣніемъ объяснялъ, что принесена она сюда чудесно Ангеломъ, и какъ же удивился, когда увидѣлъ и услышалъ, что Страховъ сталъ читать ясно и скоро на языкѣ, вовсе для него непонятномъ. На возвратномъ пути они застали въ Берлинѣ народъ печальный, сѣтовавшій, въ необыкновенномъ движеніи: Король Фридрихъ II скончался и наслѣдникъ его затѣвалъ нападеніе на Россію. Наконецъ въ исходѣ Сентября пріѣхали въ С. Петербургъ, и немедленно представились Куратору Шувалову и Графу Строгонову.

Страховъ, по возложенному на него порученію, осмотрѣлъ за границею Университеты, и другія учебныя и воспитательныя заведенія; они всѣ по нравственному направленію показались ему нимало не подходящими къ духу и обычаямъ Русскаго народа, и съ этой стороны нестоющими подражанія; но по множеству каѳедръ и по богатству библіотекъ, музеевъ, кабинетовъ и прочихъ учебныхъ пособій, они имѣли предъ Московскимъ Университетомъ большое преимущество, происходившее отъ давности учрежденія, множества учащихся и болѣе сильныхъ денежныхъ вспомоществованій. Ему казалось особенно необходимымъ для здѣшняго Университета учрежденіе каѳедры наукъ камеральныхъ. — Для своего собственнаго образованія, Петръ Ивановичь старался ознакомиться преимущественно съ лучшими знатоками древнихъ языковъ, всегдашнихъ единственныхъ образцевъ истиннаго и совершеннѣйшаго краснорѣчія какому бы то ни было новому языку; обозрѣвалъ подробно предметы изящныхъ искусствъ и художествъ, изучалъ ихъ достоинства и красоты; вообще старался вполнѣ и достойно приготовиться къ предназначенію своему, къ Профессорству Краснорѣчія; но во время разъѣздовъ за границею, дѣла въ Университетѣ направились иначе. Каѳедра Краснорѣчія была занята Профессоромъ Чеботаревымъ, у котораго Страховъ, бывши Гимназистомъ, учился Исторіи и Географіи, и котораго Профессоръ Рейхель готовилъ было себѣ въ преемники по части Исторіи, Древностей и Статистики Государствъ

Европейскихъ. Такимъ случаемъ Профессоръ Страховъ остался какъ бы лишнимъ и потому на первый разъ препоручена была ему должность главнаго смотрителя въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, а въ 1787 г. наименованъ Инспекторомъ Университетской Гимназіи. Въ 1789 г. скончался Профессоръ Ростъ, и предметы его каѳедры были раздѣлены между двоими преподавателями: всѣ части прикладной Математики, до того времени составлявшія самую большую и самую важную долю каѳедры, препоручены Экстраординарному Профессору М. И. Панкевичу, а одна часть, именно Опытная Физика, почитавшаяся тогда не важною, предоставлена Ординарному Профессору Страхову, который своими талантами, хотя и снискалъ себѣ многихъ благотворителей, многихъ привлекъ друзей и знакомыхъ, однако же въ нѣкоторыхъ людяхъ возбудилъ къ себѣ недоброжелательство и зависть. Потребовали отъ Страхова, уже Ординарнаго Профессора, на Русскомъ языкѣ разсужденія: о движеніи тѣлъ вообще и въ особенности звѣздъ небесныхъ. Когда же оно было готово, тогда послѣдовало новое требованіе, чтобы написать это разсужденіе по Латыни; было исполнено и это. Распустили слухъ, будтобы предсѣдательствовавшій въ Конференціи Кураторъ нашелъ въ этомъ Латинскомъ сочиненіи множество грубыхъ, даже грамматическихъ ошибокъ. Такая оскорбительная молва огорчила Страхова и онъ рѣшился явиться къ Куратору и неотступно просить, чтобы непремѣнно показалъ, какія ошибки имъ найдены въ Латинскомъ разсужденіи. Кураторъ не могъ показать ни одной даже описки, всячески старался успокоить встревоженнаго Профессора, и дѣло тѣмъ рѣшилось, что спустя немного дней, Петръ Ивановичь открылъ первую пробную лекцію на Русскомъ языкѣ: о свойствахъ и химическомъ сложеніи атмосфернаго воздуха и о другихъ, ему подобныхъ веществахъ. Главнѣйшее затрудненіе при этомъ было — промыслить достаточное число хрустальной посуды; однакоже этому горю скоро пособилъ Университетскій публичный демонстраторъ аптекарскаго искусства Надворный Совѣтникъ Гильдебрандтъ, тогдашній содержатель старой Никольской аптеки. На эту вступительную лекцію, кромѣ Гг. Кураторовъ, кромѣ

Членовъ Конференціи, Профессоровъ, Учителей и Студентовъ, съѣхались родные и знакомые Хераскова и Князей Трубецкихъ, знатныя и благородныя обоего пола особы. Собраніе вышло блестящее; всѣ удивлялись, и новости предмета, и неожиданности явленій при опытахъ, и отмѣнному дарованію Профессора — изъяснять предметъ просто, легко, пріятно, и чрезвычайной ловкости его пріемовъ въ произведеніи опытовъ. Въ заключеніе лекціи, Студенты и Гимназисты, лучшіе музыканты, приглашенные имъ для пособія при опытахъ, разыграли на химической гармоникѣ нѣсколько аккордовъ, и одинъ мотивъ изъ симфоніи Плейеля. Все это чрезвычайно восхитило посѣтителей, всѣ благодарили Профессора, поздравляли его съ такимъ успѣшнымъ, блистательнымъ началомъ. Петръ Ивановичь стяжалъ себѣ въ этотъ разъ громкую славу, и съумѣлъ съ достоинствомъ сохранить ее и продолжить даже до смерти своей. Директоръ Университета П. И. Фонъ-Визинъ, послѣ этой первой лекціи, немедленно озаботился устроить для физическаго класса отдѣльную аудиторію амфитеатромъ, и съ особымъ отдѣленіемъ для физическаго кабинета, очень бѣднаго въ то время. Въ теченіе двадцати-двухъ-лѣтняго преподаванія Физики, Профессоръ Страховъ руководствовался курсомъ Бриссона, который и перевелъ на Русскій языкъ (три тома, напечатанные въ 1803 году), а въ 1810 году написалъ и напечаталъ *Краткое начертаніе Физики.* Въ 1804 — 1808 г., по желанію благодѣтельнаго Попечителя Университета, М. Н. Муравьева, онъ преподавалъ въ большой аудиторіи Университета публичныя лекціи Физики для всѣхъ, кто желалъ изучать явленія природы; на сіи лекціи съѣзжалась вся Московская знать обоего пола; чтенія были столько же блестящи, какъ и первое вступительное. Съ 1808 г. по распоряженію Попечителя, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, постоянно замѣчалъ по три раза въ день измѣненія метеорологическихъ явленій, и наблюденія свои печаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что продолжалось безостановочно, безъ малѣйшей перемежки, даже до самаго несчастія Москвы. По распоряженію начальства, съ 1800 года преподавалъ ученіе Физики чиновникамъ, желавшимъ, на основаніи Указа отъ 6-го

Августа того же 1809 года, приготовляться къ экзамену на производство въ чины Коллежскаго Ассессора и Статскаго Совѣтника. Слушателямъ никогда не отказывалъ въ объясненіи того, чего не могли они понять съ перваго раза, и о чемъ его спрашивали по окончаніи лекціи. Но во время самаго классическаго чтенія не дозволялъ такихъ распросовъ. Слушатели бывали столько внимательны, что остерегались хотя чѣмъ нибудь нарушить тишину, пропустить мимо ушей одно слово, или промигать какой-либо одинъ пріемъ при опытѣ.

Кромѣ преподаванія лекцій, постояннымъ и непрерывнымъ занятіемъ Страхова были опытныя изслѣдованія разныхъ, въ то время не совсѣмъ еще объясненныхъ естественныхъ явленій: такъ, напримѣръ, онъ желалъ узнать, можетъ ли ртуть испаряться на воздухѣ при обыкновенной комнатной температурѣ? Для чего онъ, какъ только принялъ на свои руки Физическій кабинетъ, немедленно разлилъ ртуть въ равномъ вѣсѣ по разнымъ хрустальнымъ сосудамъ и трубкамъ; съ наивозможною точностію опредѣлилъ и записалъ вѣсъ каждаго налитаго сосуда, оставилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ навсегда, по временамъ еще взвѣшивалъ, и въ двадцать лѣтъ не дождался сколько-нибудь примѣтнаго уменьшенія тяжести ни въ одной изъ сихъ налитыхъ ртутью посудинъ, почему онъ думалъ, что ртуть, если и выпаривается при 15° Реомюра, то чрезвычайно, какъ бы въ безконечно маломъ количествѣ, совершенно нечувствительномъ для вѣсовыхъ инструментовъ. Не менѣе того было предметомъ постоянныхъ его изслѣдованій опредѣленіе силы и порядка дѣйствованій стужи при замерзаніяхъ и застываніяхъ жидкостей. Всякую зиму у него замораживалась вода въ чугунныхъ бомбахъ, гранатахъ, отверстія затыкались пробками, сухими или смазанными саломъ, или деревянными гвоздями, которые иногда обматывались вмѣстѣ съ бомбами желѣзною проволокою, при чемъ оказывались многія необыкновенно любопытныя и удивительныя явленія. Напримѣръ, когда морозы бывали крѣпкіе, и выставленная вода въ бомбахъ замерзала скоро, то сухіе пробки сами собою выбивались вонъ съ болѣе или менѣе сильнымъ звукомъ, выстрѣлу подобнымъ, взлетали къ верху такъ, что перебрасы-

вались черезъ двухъ-аршинную стѣну маленькой обсерваторіи; сухіе деревянные гвозди, даже проволокою привязанные, также выбивались силою стужи и проволока вся разрывалась, и во всякомъ подобномъ случаѣ вода выступала изъ отверстія бомбы и торчала ледянымъ шишомъ, болѣе или менѣе длиннымъ, смотря по степени мороза. Напротивъ того, пробки и деревянные гвозди, смазанные саломъ, почти всегда не уступали напряженію замерзавшей воды, и она распирала во всѣ стороны и разрывала бомбу на два, на три черепа, и ледяной шаръ ея оказывался внутри съ дупломъ, усыпаннымъ ледяными длинными хрусталиками призматической формы и расположенными въ разнообразныхъ направленіяхъ, которыя однакоже довольно сходствовали между собою во многихъ опытахъ. Петръ Ивановичь старался опредѣлить это какъ бы постоянство въ расположеніи хрусталиковъ ледяныхъ, снималъ съ нихъ вѣрные рисунки и сберегалъ для дальнѣйшихъ сличеній при новыхъ опытахъ. Какъ скоро наступалъ жестокій морозъ и ртуть упадала въ шарикъ термометра и застывала, Петръ Ивановичь ни минуты не медлилъ, выходилъ на большое каменное крыльцо Университетскаго главнаго зданія, и при всѣхъ любопытныхъ наблюдалъ, съ хронометромъ въ рукахъ, явленіе замерзавшей ртути, которая тутъ застывала цѣлыми стаканами и рюмками; мялась и ковалась подъ молотомъ, какъ свинецъ или олово, въ голомъ, къ ней прикасавшемся тѣлѣ, напримѣръ въ пальцѣ, возбуждала мгновенное чувство жгучести и оставляла сильные знаки ознобленія. Тутъ же сравнительно испытывалось застываніе разнаго масла: Прованскаго, деревяннаго, орѣховаго, маковаго, льнянаго и коноплянаго.— Дѣйствіе громовыхъ ударовъ всегда занимало наблюдательнаго Страхова: онъ не пропускалъ ни одного случая изъ доходившихъ до его свѣдѣнія, и неотлагательно являлся туда, осматривалъ самое мѣсто, опрашивалъ свидѣтелей происшествія, изслѣдовалъ причины поврежденій, оставшихся отъ удара. Изъ множества таковыхъ наблюденій, имъ собранныхъ, онъ вывелъ то заключеніе, что вода, хотя и есть лучшій проводникъ электрической силы, однако же сама по себѣ, текущая въ прикосновеніи съ однимъ лишь воздухомъ, она или вовсе не прово-

дить, или же и проводить, но весьма незамѣтно, струю громоваго удара, которая, добѣжавъ до голой водяной струи, всегда избираетъ себѣ путь къ землѣ по мокрой поверхности другихъ тѣлъ, даже не-проводниковъ, либо стремится по другимъ проводникамъ, ей встрѣчающимся, либо перелетаетъ къ землѣ ударною искрою, или, лучше сказать, огненнымъ клубомъ сквозь воздухъ, отъ мѣста, гдѣ начинается свободная струя воды; но по ея поверхности, прикасающейся къ одному лишь воздуху, электрическая струя громоваго удара никогда не слѣдуетъ; — что самый лучшій громовой отводъ, безопасный для зданія, долженъ состоять въ желѣзной или другой какой металлической кровлѣ съ таковыми же отъ ней спусками до земли; по его мнѣнію, спуски сіи надобно было дѣлать въ видѣ трубъ, по которымъ бы могла стекать съ крыши и вода въ опредѣленныя для ея слива канавки, что̀ нынѣ совершенно исполняется, по требованію Правительства, конечно не съ цѣлію предохраненія отъ громовыхъ ударовъ, но только для опрятности, чистоты и сухости города и самыхъ домовъ. Все это и премногое другое, имъ замѣченное, наблюденное, было объяснено въ дополнительныхъ къ Бриссоновой Физикѣ четвертомъ и пятомъ томахъ, приготовленныхъ къ изданію, но погибшихъ въ пожарѣ Москвы. Въ торжественныхъ собраніяхъ Университета, Петръ Ивановичъ произнесъ нѣсколько рѣчей, отличавшихся предъ прочими правильностію и чистотою слога; изъ нихъ одна: *О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе*, произнесена 30-го Іюня 1788 г; это есть возраженіе противъ сочиненія Ж. Ж. Руссо, о вредности наукъ. Другая рѣчь его сказана имъ Октября 26 дня 1793 года, на торжество по случаю бракосочетанія Великаго Князя Александра Павловича съ Великою Княжною Елисаветою Алексѣевною; еще произнесено имъ похвальное слово Куратору Ивану Ивановичу Шувалову по случаю кончины его, въ 1797 году, и рѣчь на коронованіе Государя Императора Александра Павловича при торжествѣ Университета, 25-го Сентября 1801 года. Лишь только явился въ печати Французскій оригиналъ Путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи, Страховъ приступилъ къ переводу его на Русскій языкъ, и притомъ со всею заботли-

востью, пристойною ученому просвѣщенному переводчику; каждое указаніе въ книгѣ аббата Бартелеми, каждую ссылку его на сочиненія древнихъ писателей, переводчикъ свѣрялъ съ ихъ оригиналами лучшихъ изданій, которыхъ онъ, какъ любитель и знатокъ литературы древней и новой, имѣлъ у себя полнѣйшее собраніе. Весь переводъ былъ оконченъ, повѣренъ, справленъ; слѣдовавшій къ нему географическій атласъ Греціи выгравированъ на мѣдныхъ листахъ; пять томовъ напечатаны, шестой, напечатанный же, но еще не выпущенный изъ Типографіи, сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ; тогда же сгорѣли и прочіе томы въ рукописяхъ; тогда же погибли и другіе ученые труды его, какъ, напримѣръ, его записки о наблюденіяхъ теченія большой кометы, явившейся въ Сентябрѣ 1811 года, и другіе астрономическіе труды его; также записки путевыя по Европѣ, которыхъ изданія въ свѣтъ не желалъ видѣть при жизни своей, и еще больше того любопытныя поденныя записки его, веденныя имъ постоянно со времени гимназической жизни его даже до дня бѣгства изъ Москвы отъ непріятелей. — Тутъ ежедневно записывалъ онъ, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, дѣлалъ, предполагалъ, даже свои собственныя ошибки, слабости, неудачи. Со всѣмъ тѣмъ погибла его обширная, въ нѣсколько тысячь томовъ, избраннѣйшая библіотека и собраніе рѣдкихъ и любопытныхъ Русскихъ лѣтописей, грамотъ, писемъ, монетъ и другихъ вещей. Безъ малѣйшей тѣни преувеличенія можно сказать, что въ покояхъ Профессора Страхова погибло столько же рѣдкое и неоцѣненное сокровище, какое истреблено въ музеумахъ, кабинетахъ и библіотекѣ цѣлаго Университета.

Въ началѣ 1803 года Высочайше утверждены и обнародованы предварительныя правила Народнаго Просвѣщенія, коими предполагалось преобразованіе Московскаго и Дерптскаго и учрежденіе вновь другихъ Университетовъ, вслѣдствіе чего въ половинѣ года, мѣсто четырехъ Кураторовъ Хераскова, Князя Голицына, Коваленскаго и Кутузова, занялъ одинъ Попечитель Михаилъ Никитичь Муравьевъ, а на мѣсто Директора Тургенева предоставлено было общему собранію или Совѣту Ординарныхъ Профессоровъ ежегодно из-

бирать изъ среды себя Ректора, что въ Сентябрѣ и было исполнено, и преподаваніе лекцій съ 1-го числа Ноября началось по новому распоряженію. Новоизбранный Ректоръ по управленію Университетомъ вступилъ въ полныя права прежнихъ Директоровъ. Въ 1805 году, на мѣсто Чеботарева, былъ избранъ въ Ректоры Страховъ. Попечитель, особенно къ нему благоволившій, поздравилъ его съ этимъ избраніемъ. Іюня 30-го въ день празднованія 50-ти лѣтняго юбилея Университета на торжественномъ собраніи прежній Ректоръ сдалъ новому Ректору печать Университета, а съ нею вмѣстѣ и должность. 17-го числа Августа Профессорскія лекціи открылись въ пяти новыхъ аудиторіяхъ. — Въ новой круглой залѣ сталъ собираться Совѣтъ Профессоровъ, и въ особой комнатѣ помѣстилась Канцелярія; одинъ большой покой присоединенъ къ библіотекѣ Университета. Такъ были распредѣлены директорскіе покои, которые занялъ было Ректоръ Чеботаревъ. Попечитель остался тѣмъ очень доволенъ, и того же Августа 31-го дня пожалованъ Страхову Орденъ Св. Анны 2-го класса въ засвидѣтельствованіе Высочайшаго благоволенія къ усердному его попеченію о распространеніи просвѣщенія. Такъ сказано въ данномъ по сему пожалованію рескриптѣ. Въ томъ же году миновалъ срокъ арендному содержанію Университетской Типографіи, за чтò получалось 9,000 р. ежегодной платы; на торгахъ, вновь произведенныхъ, высшая цѣна состоялась 11,000 р. за извѣстнымъ дворяниномъ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ; пять членовъ Правленія Университета соглашались на откупъ за эту цѣну, Ректоръ же Страховъ признавалъ болѣе выгоднымъ для Университета и возможнымъ дѣломъ принять ее въ собственное распоряженіе Правленія. Попечитель согласился съ мнѣніемъ Ректора и разрѣшилъ ему немедленно приступить къ приведенію въ дѣйствіе такого предположенія. — Чрезвычайно хлопотливо было это дѣло, однако же при постоянной заботливости и неослабномъ надзорѣ со стороны Ректора, да при дѣятельной расторопности фактора, а потомъ помощника Директора Типографіи Сущева, успѣли достичь благопріятнаго исполненія. Въ шесть мѣсяцевъ Типографія принесла чистаго дохода Уни-

верситету болѣе 30 т. р., кромѣ того, что̀ было употреблено въ самой Типографіи на многія, однако же самонужнѣйшія передѣлки и переправки въ зданіи заведенія, на пріумноженіе печатныхъ становъ, кассъ, литеръ, шрифтовъ, на прибавку жалованья рабочимъ людямъ и на оклады новымъ чиновникамъ, на выдачу процентныхъ наградъ. — Учрежденъ во всемъ стройный порядокъ, явственная отчетность; составлены положеніе и штатъ Типографіи. — Много разъ было выше упоминаемо о Гимназіяхъ Университета, которыя содержались изъ штатныхъ и частію изъ остаточныхъ суммъ бывшаго при Гимназіяхъ Благороднаго Пансіона. При новомъ преобразованіи, хотя и не воспрещалось Университету содержать изъ хозяйственныхъ суммъ Академическую Гимназію, въ первомъ основаніи къ нему присоединенную, но штатной суммы не опредѣлено, (Уст. Унив. 5-го Ноября 1804 г. § 9) и отпускъ оной суммы, по прежнимъ штатамъ положенный, прекращенъ съ 1-го числа Января 1804 года. Хозяйственная сумма едва была достаточна къ покрытію многихъ другихъ тратъ, кромѣ Гимназіи: Благородный Пансіонъ Университетскій уже нѣсколько годовъ почти всѣ доходы свои истрачивалъ на собственный расходъ, и на содержаніе Гимназіи оставлялъ по 100 и много что по 200 р. въ годъ; другой собственно Гимназическій, или 120-ти рублевый пансіонъ тоже не могъ отъ своихъ издержекъ удѣлять достаточныхъ суммъ на Гимназію. А какъ по новымъ постановленіямъ о Народномъ Просвѣщеніи учреждались тогда изъ Народныхъ Училищъ Гимназіи, то Начальство Университета предполагало, что сіи вновь преобразованныя училища весьма достаточны будутъ къ приготовленію Студентовъ въ Университетъ, и что за тѣмъ Академическая Гимназія казалась при Университетѣ какъ бы излишнею, почему и оставалось тутъ одно лишь средство—закрыть совсѣмъ Гимназію, что̀ первый Ректоръ и сталъ было приводить въ исполненіе. Но Ректоръ Петръ Ивановичь Страховъ, лишь вступилъ въ сію должность, употребилъ всѣ возможныя старанія и средства къ поддержанію Гимназіи, которая, по мнѣнію его, въ то время была необходима весьма, какъ разсадникъ просвѣщенія, всегда подготовлявшій хорошихъ, способныхъ мо-

лодыхъ людей къ занятіямъ педагогическимъ. По его ходатайству, благотворитель Университета, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ не только пожертвовалъ все необходимое для временнаго содержанія оставшейся Гимназіи и Гимназистовъ, но сверхъ того внесъ въ сохранную казну капиталъ для постояннаго изъ процентовъ содержанія нѣсколькихъ Гимназистовъ. Лишь только устроились дѣла типографскія и въ полугодичномъ отчетѣ о ея дѣйствіяхъ оказался такой значительный доходъ Университету и даже предвидѣлась надежда на гораздо большее усиленіе этой прибыли, Страховъ поспѣшилъ ходатайствовать предъ начальствомъ Университета о предоставленіи половины этого полугодичнаго дохода въ пользу Гимназіи, въ чемъ и успѣлъ: разрѣшено употреблять ежегодно по 15,000 р. изъ экономическихъ типографскихъ суммъ на содержаніе Гимназіи; ему же препоручено составленіе положенія сему учебному заведенію. Страховъ не замедлилъ исполненіемъ, и новое положеніе удостоилось въ 1806 году утвержденія отъ Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Петра Васильевича Завадовскаго. Въ Маѣ сего же 1806 года, по единогласному выбору всего Совѣта, Страховъ оставленъ Ректоромъ; тоже самое послѣдовало въ Маѣ 1807 года и на этотъ разъ совершенно противъ доброй воли избраннаго. Такъ какъ въ первый годъ Университетскаго Управленія Типографіею, получено около 100 т. р. чистой прибыли, поступившей въ экономическую сумму, то Попечителю было угодно, чтобы Университетъ, по примѣру Типографіи, принялъ въ свое полное непосредственное распоряженіе и Университетскій Благородный Пансіонъ, но Ректоръ Страховъ, утомленный трудами, ссылаясь на разстроенное свое здоровье, просилъ въ Іюлѣ 1807 г. объ освобожденіи отъ Ректорства, какъ о великомъ благодѣяніи себѣ. На это прошеніе Попечитель Муравьевъ отвѣчалъ ему съ дружескою благосклонностію, что самъ онъ очень боленъ и чаялъ скорой себѣ смерти, и что по этому лишь обстоятельству рѣшился ходатайствовать объ удовлетвореніи желанія его освободиться подлинно отъ тяжкихъ обязанностей Ректорства; того же Іюля 29-го числа сей благодѣтельный Университета Попечитель скончался въ Стрѣльнѣ,

въ Августѣ мѣсяцѣ Страховъ уволенъ отъ Ректорской должности, и на его мѣсто избранъ и утвержденъ Профессоръ Баузе; а Сентября 12-го дня того же года, «въ изъявленіе Высочайшаго благоволенія къ трудамъ, особенно отъ Начальства одобряемымъ,» какъ изъяснено въ отношеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, Страховъ пожалованъ алмазными знаками Ордена Св. Анны 2-го класса. — Графъ А. К. Разумовскій, наслѣдовавшій Муравьеву, и ученѣйшій, просвѣщеннѣйшій и благоразумнѣйшій изъ вельможъ своего времени, не менѣе любилъ Страхова, и въ 1809 году, 6-го Декабря, именно въ день посѣщенія Университета Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ и Государынею Великою Княгинею Екатериною Павловною, посѣтилъ Страхова и былъ весьма удивленъ обширностію библіотеки и множествомъ рѣдкихъ дорогихъ книгъ, чертежей и рукописей.

Петръ Ивановичъ такъ дорожилъ пріязнію и дружбою, такъ умѣлъ ихъ сберегать, что всякъ, единожды полюбивъ его, никогда уже не разлюбливалъ; всѣ дорожили сами его пріязнію, ласковостью, его мудрыми, просвѣщенными и назидательными совѣтами по всѣмъ частямъ и отраслямъ человѣческихъ знаній. Профессоръ Греческой и Латинской литературы и Древностей, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, чтилъ въ немъ своего благодѣтеля и перваго поощрителя въ древней словесности, и въ знакъ своего уваженія посвятилъ имени его свое разсужденіе: De dithyrambis veterum, которое писалъ для полученія степени Магистра Философіи и Свободныхъ наукъ. Харьковскаго Университета Профессоръ Опытной Физики Стойковичъ, предъ вступленіемъ въ свою должность, выслушалъ у Петра Ивановича полный особый курсъ Физики. Главный Докторъ Петропавловской въ Москвѣ Больницы Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ слушалъ у него особыя лекціи о свойствахъ свѣта и о явленіяхъ и механизмѣ видѣнія. Императорская С. Петербургская Академія Наукъ въ 1803 году наименовала Профессора Страхова своимъ корреспондентомъ; Императорскій Харьковскій Университетъ въ 1809 году, и Императорская С. Петербургская Медико-Хирургическая Академія въ 1810 году удостоили его званіемъ Почетнаго Члена. Также раз-

ныя ученыя Общества избрали его въ свои сочлены: въ 1785 году Вольное Россійское Собраніе и Дружеское Ученое Общество; въ 1806 году, Іенское Латинское (Societas Latina Ienensis); въ 1811 г. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, а въ 1812 году Московское же Общество Любителей Россійской Словесности, въ засѣданіяхъ котораго онъ своимъ прекраснымъ, благозвучнымъ голосомъ произносилъ многія стихотворенія.

Петръ Ивановичь пользовался такимъ довѣріемъ отъ своихъ товарищей Профессоровъ, что въ засѣданіяхъ Совѣта большая половина ихъ не рѣшалась подписывать журналы, пока бывало не увидятъ, что подписалъ Страховъ. Дѣла, требовавшія болѣе зрѣлаго обсужденія, за отсутствіемъ его, откладывались до его прихода въ Собраніе: «подождемте Петра Ивановича, какъ онъ скажетъ,» бывалъ общій голосъ въ такихъ случаяхъ. При ясномъ, громкомъ, рѣчистомъ и пріятномъ голосѣ, при отмѣнномъ искусствѣ произношенія, онъ былъ общимъ въ Университетѣ ораторомъ, и въ публичномъ собраніи произносилъ торжественныя рѣчи, которыхъ сочинители сами не могли произносить по слабости голоса, по робости и другимъ причинамъ: такъ, напримѣръ, онъ всегда читывалъ рѣчи Профессора Чеботарева, который самъ при чтеніи до того возмущался, что слезы навертывались на глазахъ. Страховъ читывалъ за Профессора Панкевича, которому самому произносить мѣшалъ грубоватый Малороссійскій выговоръ и перевязка лѣвой руки; читалъ онъ за Профессора Брянцева, имѣвшаго не довольно органистый голосъ. Всѣ подчиненные любили и уважали его не столько по боязни, сколько совѣстились нанести ему какое-нибудь неудовольствіе. Умѣя самъ повиноваться, умѣлъ благородно и начальствовать, къ чему онъ созданъ былъ, такъ сказать, самою натурою, при хорошемъ статномъ ростѣ, при видной, величественно-пріятной наружности, которая неволила всѣхъ, даже и незнакомыхъ, почтительно снимать передъ нимъ шляпы и кланяться. Онъ былъ необыкновенно примѣтливъ и памятливъ: если кого онъ видѣлъ одинъ лишь разъ и узналъ имя, отчество и прозваніе, то ужъ никогда не забывалъ, такъ, что спустя

многіе годы и свидѣвшись съ тѣмъ же лицемъ въ другой разъ, прямо называлъ по имени и отчеству. Кромѣ того онъ былъ такъ смѣтливъ, что, глядя въ глаза и въ лице другому, казалось, читалъ во взорахъ мысли человѣка и предупреждалъ иногда вопросомъ: «Вы можетъ быть, думаете то-то, или такъ-то?» — При его вступленіи въ Инспекторскую должность, въ Гимназіи числилось до 1,200 учениковъ, а чрезъ 16-ть лѣтъ, въ 1803 году, число ихъ возрасло до 3,300, и всѣхъ-то зналъ въ лице, всѣхъ помнилъ имена и прозванія и разныя особенности, напримѣръ походку, цвѣтъ волосъ и проч., такъ что ему встрѣчавшихся учениковъ онъ издалека признавалъ, и никто не могъ укрыться; если онъ заставалъ гдѣ многихъ вмѣстѣ, то съ перваго взгляда всѣхъ уже видѣлъ на перечетъ до единаго, и всѣ знали эту его смѣтливость, и никто не бѣгалъ и не прятался отъ него. — Былъ всегда чистосердеченъ, цѣломудренъ; ложь никогда не скользила съ языка его, обманъ никогда не сквернилъ его доброй души.—Всегда богобоязливый, богомольный, любилъ церковное пѣніе, и во время его ректорства, оно было въ Университетѣ доведено до высшей степени совершенства. Онъ любилъ и поощрялъ благопристойныя и полезныя увеселенія: военныя экзерциціи, музыку, театральныя представленія. Послѣднія называлъ онъ практическою школою, или классомъ училища свѣтскому благоприличію, и потому никогда не отказывался бывать на репетиціяхъ Университетскаго театра, и не оставлялъ своими совѣтами, ибо правила сценическаго искусства зналъ превосходно.

Хотя Профессоръ Страховъ былъ не живописецъ, и даже не рисовальщикъ, но любилъ и уважалъ это искусство, и былъ истинный знатокъ, потому что глубоко изучалъ явленія природы во всѣхъ существахъ и веществахъ міра. Съ какимъ, бывало, нетерпѣніемъ ожидали его молодые люди въ картинную галлерею Московской Голицынской Больницы, по тѣмъ днямъ, когда отворялась она для публики, и съ какимъ внимательнымъ любопытствомъ и удовольствіемъ слушали его разсужденія съ лучшими Московскими живописцами.

Наступилъ 1812 годъ; загорѣлась жестокая, упорная война,

начатая съ великими бѣдствіями, и оконченная съ достославною честію! — Всѣ чины, всѣхъ состояній люди призваны къ оружію на защиту отечества: Студенты, Гимназисты, канцелярскіе Чиновники Университскаго Правленія поступали въ Московское ополченіе, въ которомъ обязанность Главнаго Доктора принялъ на себя Университескій Ординарный Профессоръ Анатоміи Илья Егоровичь Грузиновъ; все и всѣ поспѣшали къ Смоленску; Петръ Ивановичь сожалѣлъ, что не имѣлъ степени Доктора Медицины, и подобно Грузинову, не могъ своихъ трудовъ и усердія принести въ жертву Отечеству, тогда какъ оно имѣло настоятельную нужду во врачахъ. Поле битвы придвигалось къ Москвѣ ближе и ближе; время отъ времени общія ожиданія становились тревожнѣе; стали изъ Москвы уѣзжать многіе обыватели; даже начался вывозъ и казенныхъ имуществъ, архивовъ присутственныхъ мѣстъ; Воспитательный Домъ закрылъ дѣйствія Сохранной Казны. Университетское начальство сдѣлало распоряженія о вывозѣ нѣкоторыхъ вещей; подъ Физическій кабинетъ предоставлены были двѣ одноконныя подводы; Профессоръ Страховъ, сообразно тому, выбралъ и отпустилъ съ симъ обозомъ самонужнѣйшія машины, снаряды и инструменты; неизвѣстно, какими судьбами осталась позабытою въ сѣняхъ большая электрическая машина, коей стеклянный кругъ былъ около четырехъ футовъ въ діаметрѣ, хотя она была уложена въ ящикахъ, заколочена, увязана и приготовлена къ отправкѣ. — Самъ же онъ, не имѣя лишнихъ денегъ, кромѣ жалованья, выданнаго за мѣсяцъ впередъ, не имѣя въ виду мѣста, гдѣ бы могъ найти пристанище внѣ Москвы, рѣшился было оставаться на волю Божію въ своей квартирѣ. Августа 13-го дня въ субботу, послѣ вечерни, пріѣхалъ къ нему Профессоръ Грузиновъ, и объявилъ, что Русское войско подступило подъ Москву, къ самой Дорогомиловской заставѣ, что главная квартира Графа Кутузова на Филяхъ; что квартира Наполеонова должна быть не дальше, какъ въ селѣ Вяземахъ, верстахъ въ 40 отъ Москвы: что черезъ день онъ подступитъ подъ самую Москву, почему и совѣтывалъ ему не оставаться въ Москвѣ, но выбраться на нѣсколько дней вонъ, пока тревога и сума-

тоха успокоются; что еслибы Французы и не были впущены въ Москву, то не меньшая могла быть опасность отъ пьяной развращенной черни. Несмотря на всѣ увѣщанія, Петръ Ивановичь пребылъ при своемъ намѣреніи остаться на мѣстѣ. Но на другой день, 1-го Сентября, узнавъ, что Ректоръ Университета уѣзжаетъ и увозитъ съ собою казенныя деньги, свои вещи, Студентовъ и Гимназистовъ, всего на 22-хъ подводахъ, изъ числа 180 подводъ, присланныхъ отъ Главнокомандовавшаго въ Москвѣ, Гр. Ѳ. В. Ростопчина онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Послѣ многихъ затрудненій и непріятностей въ Москвѣ и въ дорогѣ, Страховъ съ товарищемъ Брянцовымъ койкакъ добрался Сент. 16-го до Нижняго Новгорода. Учитель рисованія тамошней Гимназіи, П. А. Веденецкій предложилъ безмездно особый домикъ Профессорамъ. Между тѣмъ болѣзнь Петра Ивановича, зачавшаяся еще въ Москвѣ и увеличившаяся дорогою, забирала силу: постоянно онъ былъ въ жару, ему пріятна была въ квартирѣ свѣжесть воздуха; одышка не давала ему и немногихъ минутъ спокойно полежать и подремать. Онъ почивалъ, сидя на постели и облокотясь на спинку стула, передъ нимъ поставленнаго. Не взирая на мучительныя страданія, Петръ Ивановичь не хотѣлъ облѣниваться, ходилъ въ Соборъ къ священной службѣ молиться, ходилъ по городу, наблюдалъ, замѣчалъ все достойное просвѣщеннаго вниманія его; великое удовольствіе чувствовалъ въ пріятныхъ и умныхъ бесѣдахъ съ благоразумнымъ своимъ хозяиномъ-благодѣтелемъ, и съ его сыномъ художникомъ. Совѣты и предписанія Доктора В. И. Ромодановскаго, консиліумы его съ Профессоромъ М. Я. Мудровымъ, и медикаменты изъ аптеки Эвеніуса, не облегчали страданій больнаго: зло не переставало усиливаться. Все это Петръ Ивановичь претерпѣвалъ съ христіанскимъ смиреніемъ; безпокойную и скучную безсонницу въ долгія ночи старался разсѣевать поучительными наставленіями своему родному племяннику, либо воспоминаніями и разсказами о минувшемъ времени жизни его, либо слушаніемъ, замѣчаніями и разсужденіями о томъ, что ему читывалъ его родственникъ. По выходѣ Французовъ изъ Москвы, получено было достовѣрное увѣдомленіе, что изъ Университетскихъ зданій уцѣлѣли отъ пожара два: одно,

гдѣ помѣщалась больница съ Клиниками, и другое, гдѣ были квартиры Ректора и нѣкоторыхъ Профессоровъ, почему Ректоръ поспѣшилъ въ Москву, препоручивъ Профессору Черепанову надзоръ за казенными вещами, также за нѣкоторыми Студентами и Гимназистами, покуда остававшимися въ Нижнемъ Новгородѣ впредь до разрѣшенія высшаго Начальства Университета. Очень хотѣлось и Профессору Страхову пуститься въ Москву къ могиламъ родныхъ, друзей и благодѣтелей; въ началѣ Декабря онъ писалъ о томъ къ Ректору, просилъ о дозволеніи воротиться на прежнее пепелище. Но отвѣта не было. Болѣзнь росла, страдалецъ ослабѣвалъ, однако же могъ ходить по комнатѣ, бродилъ даже до Собора. Февраля 9-го числа 1813 года, послѣ полудня, онъ болѣе часу пробылъ на дворѣ и любовался рѣдкимъ явленіемъ небеснымъ — девяти солнечныхъ знаковъ. Около солнца явились два большихъ радужныхъ круга, которые пересѣкались радужнымъ же крестомъ; въ серединѣ этого креста сіяло солнце, а въ мѣстахъ, гдѣ онъ пересѣкался съ кругами, виднѣлись кружки, подобные солнцу, но менѣе свѣтлые. Больной сознавался, что отъ роду въ первый разъ тогда видѣлъ онъ такой полный, такой яркій и величественный феноменъ и объяснялъ его обыкновеннымъ радужнымъ преломленіемъ и разъединеніемъ свѣтлыхъ, солнечныхъ лучей, во множествѣ летавшихъ по воздуху, и даже упадавшихъ на платье наблюдателя, меленькихъ, звѣздчатыхъ снѣжинокъ, весьма правильно образовавшихся изъ водяныхъ атомовъ, которые смерзались въ видѣ малѣйшихъ призматическихъ хрусталиковъ. — Облегченный нѣсколько въ страданіяхъ помощью врача, въ послѣдній вечеръ больной слушалъ чтеніе извѣстія о побѣгѣ черезъ Березину Наполеона, разбитаго подъ Краснымъ, и поучительно бесѣдовалъ съ своимъ племянникомъ. — 12-го Февраля не стало Петра Ивановича. Отпѣваніе тѣла происходило Февраля 14-го. Онъ положенъ у сѣвернаго входа въ церковь на Петропавловскомъ кладбищѣ. Черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ его погребенія на могилѣ поставленъ скромный памятникъ, даже до сего времени видный и въ цѣлости сохранившійся.

СТРАХОВЪ, Петръ Иларионовичъ, Ординарный Профессоръ Технологіи и Ветеринарной Медицины, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, родился 30-го Янв., 1792 г. Отецъ Профессора Страхова служилъ Секретаремъ въ Вотчинномъ Департаментѣ. Онъ былъ родной старшій братъ знаменитаго Профессора Физики П. И. Страхова, и имѣлъ въ супружествѣ бѣдную дѣвушку, воспитанную въ монастырѣ. Младенчество и дѣтство П. Ил. были болѣзненны и грустны. 14-го Февраля 1801 г., лежа на смертномъ одрѣ, отецъ рано по утру подозвалъ къ себѣ мальчика, далъ ему въ руки зеленую кожаную сумку съ книжкою, тетрадками и аспидною доскою, и сказалъ: «На̀ и ступай въ Университетъ: и я, и твой дядя, и мои друзья, и племянники, а твои двоюродные братцы тамъ нашли свое счастіе, тамъ же и твое, поди его доставай, а здѣсь безъ меня тебѣ погибель.» — Послѣ того поцѣловалъ, перекрестилъ сына и велѣлъ отвести въ Университетъ. Тамъ Инспекторъ Гимназій Профессоръ Страховъ далъ племяннику дворянскую табель и приказалъ проводить въ классъ Латинской грамматики къ учителю Д. П. Тростину. Вечеромъ заботливый отецъ посадилъ новаго Гимназиста у себя въ головахъ съ тѣмъ, чтобы онъ тутъ твердилъ урокъ, по утру же спрашивалъ и отпустилъ въ классъ; такъ онъ продолжалъ самъ наблюдать сына по самый день кончины своей (8-го Марта). Того же года Сентября 2-го дня ученикъ Страховъ помѣщенъ былъ на штатное содержаніе. Онъ выросъ, хотя и внѣ дома родительскаго; однако же подъ разумно-строгимъ и благосердымъ надзоромъ укрѣпился тѣлесно; при суровомъ воспитаніи, смогъ уцѣлѣть отъ нравственной бѣды, безначальнаго своеволія. — Хотя ученикъ Страховъ и былъ самый близкій родственникъ Инспектору, однако же не пользовался никакими особенными отличіями отъ своихъ прочихъ товарищей: наравнѣ съ другими онъ былъ въ совершенномъ послушаніи у Студентовъ, которымъ такъ же какъ и другіе служилъ, какъ служатъ солдаты офицерамъ, напримѣръ чистилъ имъ платье, причесывалъ имъ головы, хаживалъ съ посылками и порученіями къ ихъ роднымъ и знакомымъ и т. п.; все это онъ исполнялъ съ покорностію и безъ ропота, ибо нося на плечахъ форменный желтый казенный сертукъ, почиталъ себя

слугою Царскимъ, а послуги Студентамъ частію своей должности. Притомъ же онъ любилъ Университетъ, потому что привыкъ его любить съ той поры, какъ сталъ понимать что нибудь и смыслить; оставался доволенъ всѣмъ и всегда, потому, что въ Гимназіи находилъ себѣ и покоя, и благосклонности, и ласковости, и пріязни больше, нежели гдѣ нибудь. Мальчикъ любилъ и поиграть, любилъ и порѣзвиться, однако же не пристрастно, и всякимъ забавамъ по игрѣ и рѣзвости предпочиталъ удовольствіе глядѣть, какъ мастеровые и рабочіе люди занимались дѣлами своими; тутъ и онъ бывалъ готовъ не шевелясь простаивать по нѣскольку часовъ на одномъ мѣстѣ, любопытствуя и разспрашивая какъ, что, и почему такъ дѣлается; послѣ же и самъ хлопоталъ кое что мастерить своими руками. Когда случалось ему гащивать въ оставшейся послѣ родителя деревушкѣ,—а это бывало на лѣтнихъ ваканціяхъ,—то лучшимъ удовольствіемъ его тамъ бывало смотрѣть на крестьянскія земледѣльческія работы, распрашивать объ нихъ и потомъ ихъ пытать самому своими руками; онъ привыкъ было тогда изряднехонько пахать, сѣять, косить, жать, молотить, плести лапти, пилить доски и т. п. Все это ему нравилось очень, даже гораздо болѣе, чѣмъ ружейная охота, въ которой онъ былъ таки не самымъ плохимъ стрѣлкомъ. Страховъ, какъ ученикъ, не могъ похвалиться прилежаніемъ, хотя и не былъ записнымъ, отъемнымъ лѣнивцемъ, уроки учивалъ неохотно, а больше перенималъ съ наслышки въ то время, какъ учивали другіе, товарищи же пріятели пособляли ему выправляться передъ учителями, онъ не любилъ выказываться, всегда уступалъ дорогу впередъ другимъ, болѣе искательнымъ, и до того сдѣлался не честолюбивъ, что при экзаменѣ въ Студенты, бывъ уже семнадцатилѣтнимъ дѣтиною, слезно упрашивалъ Профессора Р. Ѳ. Тимковскаго не представлять его къ производству и такою смѣшною докукою чуть было не прогнѣвилъ самаго лучшаго изъ наставниковъ своихъ. «Если тебя оставить въ ученикахъ, то ужъ никому въ этотъ разъ нельзя быть Студентомъ, а я въ будущій годъ и никогда не стану учить въ Гимназіи.» Такъ сказалъ чудаку добрый Тимковскій и не внялъ его просьбѣ. Само собою разумѣется, что съ такимъ тол-

комъ и съ такою беззаботливостію о самомъ себѣ Страховъ не могъ спѣшно подвигаться въ ученіи и потому въ иныхъ классахъ онъ просиживалъ по нѣскольку годовъ и тогда лишь попадалъ въ разрядъ учениковъ хорошихъ, когда, случайно какъ нибудь, учитель самъ подмѣчалъ его въ толпѣ между плохими и средственными и, допросивъ порядкомъ, перемѣщалъ его къ себѣ поближе на передній конецъ стола. Таковы были ему истинными наставниками-благодѣтелями Григорій Михайловичь Кичеевъ, учитель Русской Грамматики, а послѣ Директоръ Ярославской Гимназіи, Николай Ѳедоровичь Кошанскій, учитель Синтаксису Латинскому и Греческому, впослѣдствіи же Профессоръ Царскосельскаго Лицея, Александръ Николаевичь Николаевъ, учитель Ариѳметики, потомъ Геометріи, впослѣдствіи же Профессоръ Демидовскаго Лицея; они больше другихъ учителей обратили на Страхова попечительное свое вниманіе, подсмотрѣли въ немъ кое-какія способности, приневолили заниматься, а своимъ превосходнымъ умѣньемъ учить пріохотили его къ своимъ предметамъ и къ прилежанію. Вполнѣ вразумительныя объясненія добрѣйшихъ учителей образумили Страхова; только въ ихъ-то классахъ онъ догадался, что пришла пора и ему не шутя заниматься дѣломъ, учиться путемъ. Въ ихъ же классахъ онъ собственнымъ опытомъ своимъ дозналъ, что Русская, Латинская и Греческая грамматики вмѣстѣ съ Ариѳметикою и Геометріею проще, вѣрнѣе и лучше всѣхъ тонкостей діалектики и философскихъ умозрѣній выправлять могутъ въ человѣкѣ понятія, укрѣпляютъ, совершенствуютъ разумъ. Въ это время Университетская Гимназія чуть было не рушилась; предполагали было ее совсѣмъ закрыть, однако же она утвердилась и въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1806 г. получила новое постановленіе; дюжины съ три штатныхъ и сверхкомплектныхъ учениковъ, оставшихся въ наличности, обязаны были подписками навсегда посвятить себя ученому званію: въ числѣ этихъ счастливцевъ былъ и Страховъ. Черезъ годъ послѣ такого благополучнаго происшествія случилось другое, также полезное Страхову дѣло: отчимъ его опредѣлился на службу въ штатъ Московскаго Коммиссаріатскаго Депо и былъ чиновникъ умный, распорядительный, благонамѣренный, но въ Русской грамотѣ не

твердый. Онъ происходилъ изъ Армянъ, и пасынокъ съ грамматикою и ариѳметикою сдѣлался ему полезенъ, даже необходимъ, сочинялъ рапорты, вѣдомости, объясненія, составлялъ раскладки Коммиссаріатскимъ вещамъ, пособлялъ въ пріемѣ вещей, при закройкѣ и постройкѣ вещей гошпитальныхъ, и такими занятіями сблизился съ Коммиссаріатскими и вообще служебными дѣлами. Къ тому же еще отчимъ Стр. былъ охотникъ и знатокъ въ лошадяхъ, пріохотилъ къ этому и пасынка; то и другое при отчимѣ занятіе вмѣстѣ съ пристрастіемъ любопытничать во всякихъ ремеслахъ и фабрикаціяхъ впослѣдствіи принесло ему великую пользу, пособило утвердиться на службѣ Университета и быть для другихъ и для Университета полезнымъ своими на самомъ дѣлѣ снисканными познаніями и опытностію. Въ Іюлѣ 1810 года Страховъ награжденъ шпагою и въ тотъ же самый день поставленъ камернымъ Студентомъ - надзирателемъ за штатными воспитанниками старшаго возраста, а 17-го Августа избралъ для своихъ занятій Физико-Математическое отдѣленіе наукъ.

Въ несчастную годину Москвы Страховъ послѣдовалъ за дядею своимъ до Нижняго - Новгорода, гдѣ и лишился его; воротясь на масляницѣ 1813 г. въ Москву, ничего не нашелъ въ обгорѣломъ главномъ зданіи Университета. Все имущество его сгорѣло, сгорѣли также и первые труды его на поприщѣ математики, переводы съ Французскаго Лежандровой Геометріи и съ Нѣмецкаго Посквихово инфинитезимальное исчисленіе. — Какъ тогда всѣ думали и ожидали, что война съ Французами будетъ упорная и продолжительная и какъ Русское правительство нуждалось въ медицинскихъ чиновникахъ, то по распоряженію онаго Министръ Народнаго Просвѣщенія предписывалъ Университету поспѣшить открытіемъ Медицинскаго Факультета, оставшихся послѣ несчастія не медицинскихъ Студентовъ приглашать къ поступленію въ оный и составить проэктъ для учрежденія при Факультетѣ Медицинскаго Института на 50 штатныхъ воспитанниковъ. Въ исполненіе этой воли Начальства Инспекторъ казенныхъ Студентовъ, Профессоръ Николай Николаевичь Сандуновъ призвалъ 6-хъ не медицинскихъ Студентовъ, объявилъ имъ Министерское предписаніе и посовѣтовалъ не раздумывать. Студентъ

Страховъ перекрестился, взялъ перо въ руки и первый подписался быть врачемъ. За это мудреное и трудное дѣло онъ принялся не безъ усердія и пріобрѣлъ особенное вниманіе и благоволеніе отъ своихъ знаменитыхъ учителей Профессоровъ: В. М. Рихтера, Ѳ. А. Гильтебрандта, М. Я. Мудрова, В. М. Котельницкаго, Х. Г. Бунге. Въ 1817 году вмѣстѣ съ другими товарищами, подвергавшимися испытаніямъ на степень Доктора Медицины, Страховъ былъ командированъ въ Московскій военный госпиталь, и занимался тамъ ординаторскою практикою съ начала Іюня по Сентябрь; а между тѣмъ въ Университетѣ сожженное Французами главное зданіе было возобновлено совсѣмъ. Въ это время прибылъ въ Москву Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія; онъ осмотрѣлъ Университетъ со всѣми его учебными отдѣленіями и пособіями; нашелъ между прочимъ, что анатомическій театръ съ кабинетомъ своимъ былъ очень въ плохомъ состояніи, что клиническіе институты были тѣсны, бѣдны и несоотвѣтствовали ни пространству, ни значенію Университета, ни числу Студентовъ отдѣленія Врачебныхъ наукъ, и что предписаніе Министра 1813 года о составленіи проэктовъ Медицинскому Институту на 50 воспитанниковъ оставалось безъ движенія, хотя государство имѣло весьма не малую нужду въ Медикахъ. Министръ, доложивъ о всемъ томъ Государю Александру Павловичу, всеподданнѣйше испросилъ дозволеніе составить проэкты и смѣты для распространенія анатомическаго театра съ кабинетомъ, Клиническихъ Институтовъ и учрежденія при Университетѣ вновь Института Медицинскаго на сто штатныхъ воспитанниковъ; онъ препоручилъ заняться проэктами и смѣтами Попечителю Университета Князю А. П. Оболенскому. Попечитель пригласилъ къ себѣ Почетнаго члена Университета Лейбъ-Медика Лодера къ составленію проэкта анатомическаго театра и кабинета, а Декану Медицинскаго Факультета и Директору Клиническаго Института Профессору Мудрову препоручилъ заняться составленіемъ проэктовъ и смѣтъ для распространенія Клиническихъ Институтовъ и учрежденія вновь Медицинскаго Института. Мудровъ съ своей стороны для этого дѣла въ пособіе пригласилъ было Помощника своего Профессора Ромодановскаго, Эконома Универси-

тета Грѣшищева и Смотрителя больницъ Полубояринова, однако же всѣ трое рѣшительно отказались отъ порученій Мудрова, и онъ принужденъ былъ призвать къ себѣ въ помощь старшихъ Медицинскихъ Студентовъ, каждому изъ нихъ препоручилъ особую статью, въ томъ числѣ Студенту Страхову на долю досталось самое трудное и обширное дѣло: смѣты суммъ потребныхъ на единовременное первоначальное обзаведеніе, и смѣты суммъ, потребныхъ къ ежегодному содержанію или примѣрные штаты Клиническихъ и Медицинскаго Институтовъ. По составленіи всѣхъ статей проэктовъ въ концѣ Ноября 1818 года, Мудровъ представилъ ихъ Попечителю, которому изъ всѣхъ бумагъ понравились только составленныя Страховымъ, потому что кромѣ архитекторскихъ смѣтъ однѣ лишь онѣ подлинно и были надобны. Князь просмотрѣлъ ихъ, сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ и съ своимъ человѣкомъ воротилъ прямо къ писавшему ихъ Студенту, а поздно вечеромъ въ тотъ же день самъ пріѣхалъ на задній Университетскій дворъ и попавшемуся тутъ сторожу приказалъ вызвать къ себѣ на дворъ Страхова. Когда же этотъ явился, то Князь Попечитель повелъ его подъ руку съ собою дворомъ, и сказалъ: «Спасибо за твои бумаги, пересмотри еще, гдѣ надобно пополни, да пожалуста, не убавляй, лучше просить лишка, нежели теперь поскупиться, а послѣ терпѣть недостатки и жаться, да поторопись поскорѣе отпустить меня въ Петербургъ, будь увѣренъ, что труды твои непропадутъ, я тебѣ предоставлю первыя мѣста, которыя откроются.» — Князь пожалъ Студенту руку, сѣлъ въ санки и, отъѣзжая, еще повторилъ, чтобы не стѣснялся назначеніемъ лишнихъ вещей. Студентъ поспѣшилъ исполнить приказаніе Начальника; въ полторы недѣли почти безъ сна и отдыха деннонощной работы все представлено по желанію Князя и переписано на бѣло, провѣрено; Князь поспѣшилъ въ Петербургъ. Представленія Попечителя удостоены Высочайшаго утвержденія.

Между тѣмъ Страховъ, выдержавъ экзаменъ и защитивъ диссертацію, утвержденъ въ степени Доктора Медицины (10-го Октября 1821 г.). Высочайше утвержденные проэкты были приведены въ исполненіе и открыты; Князь Попечитель исхода-

тайствовалъ Страхову опредѣленіе въ три должности: 1) Лектора Химіи, 2) Помощника Директору Клиническаго Института съ жалованьемъ по 500 р. асс. за каждую, и 3) Помощника Директору Медицинск. Инстит., но безъ жалованья.

Страховъ утвержденъ былъ (3-го февраля 1826 г.) Адъюнктомъ Университета, а какъ тогда при Медицинскомъ Факультетѣ открылись новыя вспомогательныя каѳедры и одному изъ преподавателей недоставало даже классныго мѣста, ни времени, то для устраненія такой неудобности Страховъ предложилъ Факультету сдѣлать сокращеніе въ каѳедрахъ безъ уменьшенія предметовъ, а именно каѳедру Химіи медицинской присоединить къ каѳедрѣ Химіи аналитической, чтобы изъ двухъ составилась одна; изъ двухъ же другихъ каѳедръ: 1) о болѣзняхъ женщинъ и 2) о Сравнительной Анатоміи и Физіологіи домашнихъ животныхъ, преподаванныхъ Адъюнктомъ Рясовскимъ, послѣднюю предоставить ему, Страхову. Это его представленіе уважено Факультетомъ, одобрено въ Совѣтѣ и утверждено Начальствомъ Университета. Въ тоже почти время (Іюля 30-го) Страховъ освобожденъ отъ должности помощника Директора Медицинскаго Института, а чрезъ $5\frac{1}{2}$ лѣтъ по собственному его прошенію уволенъ и отъ должности помощника Директора Клиническаго Института.

Какъ по кончинѣ Ординарнаго Профессора Технологіи Ѳ. А. Денисова трижды публикованный отъ Университета вызовъ къ конкурсу для занятія оной каѳедры остался безъуспѣшенъ, то Адъюнктъ по своей, какъ бы врожденной охотѣ къ занятіямъ техническимъ рѣшился войти въ Совѣтъ Университета съ просьбою о предоставленіи ему этой праздной каѳедры; прошеніе было уважено и на произведенной балотировкѣ въ полномъ собраніи Университетскаго Совѣта оказался не въ пользу просителя одинъ лишь неизбирательный шаръ; такое почти единогласное избраніе удостоилось утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія (15-го Ноября 1833 г.). Спустя послѣ того съ небольшимъ два года былъ въ Московскомъ Университетѣ введенъ новый общій уставъ Университетовъ и каѳедра Технологіи должна была войти въ составъ каѳедры Сельскаго Хозяйства, почему Ординарному Профессору Страхову, оставшемуся было при Университетѣ безъ занятія, пре-

доставлена праздная каѳедра Ветеринарной Медицины (28-го Января 1837 г.); при введеніи же новаго дополнительнаго постановленія и штата Медицинскаго Факультета сія каѳедра окончательно закрыта и Страховъ за реформою уволенъ (18-го Августа 1846 года) изъ службы Университета въ отставку. Въ продолженіи своей непрерывной службы Университету, Страховъ, кромѣ предметовъ, предоставленныхъ его каѳедрамъ, имѣлъ и другія обязанности, каковы именно: по препорученію Университетскаго Совѣта и Начальства, преподавалъ временно лекціи Ветеринарныхъ наукъ вмѣсто Профессора Бунге, Практической Медицины и Клиники вмѣсто Профессора Мудрова, Судебной Медицины и Медицинской Полиціи по неимѣнію штатнаго Профессора оной каѳедры. Занималъ по выборамъ слѣдующія должности: Секретаря Медицинскаго Факультета, члена Комитета Училищнаго, ученаго Секретаря Совѣта Университета; былъ также избранъ въ Инспекторы Студентовъ, но въ этой должности не утвержденъ; ибо въ тоже самое время состоялось новое постановленіе объ опредѣленіи въ Инспекторскую должность чиновниковъ, служившихъ въ военной службѣ. По опредѣленію Университетскаго Совѣта и Начальства временно правилъ должность Директора Клиническаго Института и больницъ Университетской и Медицинскаго Института, также Декана Медицинскаго Факультета. По распоряженію временнаго Комитета для охраненія Университета съ прочими его заведеніями отъ болѣзни холеры, занимался дежурствомъ для подаванія помощи занемогавшимъ, да и самъ пострадалъ отъ ней. Былъ Цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ и съ позволенія Университетскаго Начальства сперва преподавалъ Технологію въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ, а потомъ былъ и Директоромъ онаго училища. Во все время пребыванія своего въ Университетѣ Страховъ былъ повышаемъ чинами до Статскаго Совѣтника и удостоился получить разныя награжденія: бронзовую медаль на Владимірской лентѣ въ петлицу, за пожертвованіе одного ратника въ Московское ополченіе по Рузскому уѣзду 1812 г.; золотую медаль за лучшее разсужденіе, сочиненное въ 1818 г., по предложенію отъ Медицинскаго Факультета; Монаршее благоволеніе за

дѣйствіе по Комитету охраненія Университета отъ холеры; бриллiантами осыпанный перстень за усердіе къ службѣ; орденъ Св. Анны 3-й степ. за свыше 12-лѣтнюю службу въ Штабъ-Офицерскихъ чинахъ; знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ; право носить Профессорскій Московскаго Университета мундиръ и въ отставкѣ; пенсію полнаго оклада Профессорскаго жалованья. Страховъ на службахъ всегда старался быть исполнительнымъ; какъ учитель, онъ не пропустилъ ни одного урока ни за болѣзнію, ни по какой либо другой причинѣ и собственнымъ его обстоятельствамъ; на лекціяхъ старался быть вразумительнымъ и существенно-полезнымъ, сообщая своимъ слушателямъ дѣйствительность, встрѣчающуюся въ пространствѣ человѣческой жизни и на службахъ общественныхъ, и не пускался въ излишнія теоретическія предположенія. Какъ наблюдатель и руководитель воспитанія молодыхъ людей, Страховъ старался эту многосложнѣйшую и труднѣйшую изъ всѣхъ обязанностей человѣческихъ должность исполнять со вниманіемъ, безъ пристрастія и запальчивости. Счастливъ, почтенъ, тысячу разъ почтенъ тотъ наставникъ молодыхъ людей, который умѣетъ обуздывать юношескую геніальность и сдружить ее неразлучно съ добродѣтелью и благонравіемъ и такимъ образомъ руководить къ истинному просвѣщенію и совершенству человѣческому!—Страховъ какъ чиновникъ старался быть всегда исполнительнымъ, не лѣнивымъ по службѣ, не запускать должностныхъ дѣлъ, не отлагать того до завтра, что можно было сдѣлать нынче; старался быть почтительнымъ, молчаливымъ предъ начальствомъ и старшими, не оскорблять и попусту не тревожить подчиненныхъ. Худо ли, хорошо ли онъ выполнилъ свои обязанности по службѣ, о томъ свидѣтельствовать и судить могутъ всѣ тѣ, коихъ долгъ, судьба и случай заставляли служить съ нимъ, либо приводили къ нему въ классы и подъ надзоръ: по крайней мѣрѣ собственно его воспитаніе, образованіе и служба совершились въ одномъ лишь Московскомъ Университетѣ благополучно для него; при чемъ онъ испыталъ на самомъ себѣ великую истину русской пословицы, что въ жизни человѣку «одна работа не кормилица.»—Кромѣ должностныхъ занятій и обязанностей, другія, какъ бы стороннія, не важныя и не

многочисленныя, состояли въ переводахъ и сочиненіяхъ; съ чѣмъ нибудь дюжина статеекъ попали въ повременныя Московскія изданія, да съ полдюжины печатныхъ книжекъ: 1) Dissertatio inauguralis de dysenteria, pro gradu Doctoris Medicinae. Mosquae 1821. — 2) *Слово о средствахъ, ведущихъ къ полному и основательному познанію врачебной науки и къ лучшему упражненію въ Медицинской практикѣ, произнесенное въ собраніи Московскаго Университета,* Профессоромъ Хирургіи Гильтебрандтомъ, перевелъ П. Страховъ. М. 1826 г.— 3) *Наставленіе простому народу какъ предохранять себя отъ холеры и лѣчить заnемогшихъ сею болѣзнію въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни лѣкарей, ни аптекъ.* Книжка сія написана Страховымъ въ Февралѣ 1831 г. по просьбѣ Профессора Мудрова, для Медицинскаго Комитета, бывшаго при Центральной коммиссіи прекращенія болѣзни холеры и напечатана тогда же отъ имени сего Комитета, а потомъ была включена въ XIII томъ Свода Законовъ изданія 1832 г. — 4) *Вѣрный способъ узнавать по зубамъ лѣта лошади,* съ 3-мя таблицами. Москва. 1834 г. Эта книжка была Московскимъ Обществомъ Любителей конскаго бѣга принята въ руководство къ опредѣленію годовъ у лошадей, представляемыхъ на призы. — 5) *Краткое наставленіе къ выгоднѣйшему куренію вина изъ картофеля.* Москва 1831 г. — 6) De artificiorum fatis apud veteres Graecos et Romanos, oratio solennis. Mosquae 1835.—7) *Совѣтъ оберегаться отъ болѣзни холеры.* Москва 1848 г. —

СУВОРОВЪ, Прохоръ Игнатьевичъ, Ординарный Профессоръ Высшей Математики, Ст. Сов. и ордена Св. Равноапост. Кн. Владиміра 4-й ст. кавалеръ, происходилъ изъ духовнаго званія. Въ 1758 г. Сент. 1, опредѣленъ въ Тверскую Семинарію, гдѣ и обучался Латинскому и Греческому языкамъ и слушалъ Философію. 1765 г. Ноября 7-го получилъ шпагу и Ноября 10-го того же года по именному указу посланъ былъ въ Англію въ Оксфордскій Университетъ, гдѣ продолжалъ Греческій языкъ и обучался Еврейскому, Англійскому, Французскому, Италіянскому и Нѣмецкому языкамъ, Математикѣ, Экспериментальной Физикѣ, Астрономіи, Исторіи, Юриспруденціи, и слушалъ Богословіе. При отъѣздѣ изъ Англіи, въ

1775 г. удостоенъ отъ Университета диплома на званіе Дѣйствительнаго Магистра наукъ, почести необыкновенной тамъ для иностранцевъ и единственной. Въ силу этого диплома П. И. имѣлъ право пользоваться не только всѣми выгодами своей степени въ ученомъ сословіи, но и всѣми преимуществами природнаго Англичанина. Въ томъ же 1775 г. Октября 9-го, по именному указу, опредѣленъ въ Морской Кадетской корпусъ, въ которомъ обучалъ кадетъ, класныхъ учениковъ и подмастерьевъ Математикѣ, а также класныхъ учениковъ Латинскому языку, Миѳологіи, Древней Географіи, Англійскому языку и Словесности. 1783 г. Ноября 1-го пожалованъ въ Премьеръ-Майоры и опредѣленъ въ должность Инспекторскаго помощника* въ томъ Корпусѣ; Ноября 17-го того же года сдѣланъ Членомъ Императорской Россійской Академіи; 1785 г. Сентября 22-го награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й ст.; 1791 года Іюня 20-го произведенъ Подполковникомъ; 1794 г. Марта 27-го сдѣланъ Инспекторомъ въ томъ Корпусѣ, а 1795 г. Марта 24-го выпущенъ въ отставку съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Во время преподаванія и исполненія имъ должности Инспекторскаго помощника и Инспектора, выпущено во флотъ 974 мичмана и оставлено имъ 200 гардемариновъ; тамъ же сочинилъ онъ нужныя для корпуса Математическія книги и отъ Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи объявлена ему за то благодарность.

Въ бытность свою въ Корпусѣ переводилъ онъ на Россійскій языкъ для кабинета, не только разныя бумаги, но и премногія книги. Въ 1798 году Октября 1-го вступилъ опять въ службу въ Черноморское Штурманское училище Профессоромъ, гдѣ обучалъ Англійскому языку, и изъ усердія къ службѣ принялъ на себя управленіе типографіею того училища, исправлялъ самъ всякую корректуру четыре года съ половиною, и напечаталъ для казны на 5943 рубля, также изъ усердія съ 1800 г. отправлялъ должность смотрителя того училища. По напечатаніи перевода книги: *«Опытное правленіе кораблей»*, объявлено ему отъ Государя Императора высоко-

* См. Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго корпуса, Ѳ. Веселаго.

монаршее благоволеніе. Въ бытность его въ училищѣ, поступило во флотъ изъ подъ его руководства 19 мальчиковъ; въ 1800 г. Декабря 12-го произведенъ въ Стат. Совѣтн., 1803 г. Декабря 27-го уволенъ въ отставку съ полнымъ за свыше сорока-лѣтнюю службу пенсіономъ Профессорскаго по окладу жалованья; а 1810 г. Іюля 2-го Высочайшимъ именнымъ указомъ принятъ въ службу въ Императорскій Московскій Университетъ Ординарнымъ Профессоромъ Высшей Математики, гдѣ и состоялъ до 1814 г.; въ началѣ же слѣдующаго 1815 г. въ Москвѣ скончался.

Вообще П. И. трудился много на поприщѣ литературы; жаль только, что заглавія большой части изданныхъ имъ книгъ утрачены. Однако же, кромѣ упомянутаго «Опытнаго правленія кораблей», остались воспоминанія о нѣкоторыхъ изданіяхъ какъ то: 1) *Журналъ Математическаго содержанія*, который онъ издавалъ по подпискѣ съ однимъ товарищемъ въ бытность свою въ Лондонѣ. — 2) Переводъ съ Греческаго вмѣстѣ съ Никитинымъ (Василіемъ Никитичемъ, отъ котораго онъ принялъ Инспекторство въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, бывъ прежде его помощникомъ) *Эвклидовыхъ статей* 8 кн. С.Петербургъ 1789 г. — 3) *Плоская и Сферическая Тригонометрія*, составленная также вмѣстѣ съ Никитинымъ. — 4) *Слово на всерадостное торжество мира между Россійскою Имперіею и Оттоманскою Портою*, Сентября 2-го 1793 г.; С.Петербургъ, 1794 г. — 5) *Слово на празднество всерадостнѣйшаго коронованія Государя Императора Александра Павловича*, бывшаго въ Черноморскомъ Штурманскомъ училищѣ Октября 1801 г.; напечатано въ Николаевѣ 1802 г.

СЫРЕЙЩИКОВЪ, Евгеній Борисовичь, Экстраординарный Профессоръ Логики и Нравоученія, Коллежскій Ассесоръ, вступилъ въ Московскій Университеть въ 1770 году и съ похвалою кончилъ въ немъ курсъ наукъ подъ руководствомъ своего родственника, Профессора Барсова. По окончаніи учебнаго курса, преподавалъ съ 1779 года въ Гимназіи правила Россійскаго слога и Славянскаго языка, Логику и Нравственность, и исправлялъ должность переводчика и издателя Московскихъ Вѣдомостей. По вниманію къ его способ-

ностямъ, усмотрѣннымъ во время службы его при Гимназіи, онъ произведенъ въ Экстраординарные Профессоры.—Въ 1784 году Сырейщиковъ оставилъ Московскій Университетъ и вступилъ въ Петербургскую Коммиссію Главнаго народнаго училища преподавателемъ Россійской Словесности въ учительской Гимназіи, и въ сей должности кончилъ жизнь.

Изъ ученыхъ трудовъ Сырейщикова извѣстны слѣдующіе: 1) *Слово на Высокоторжественный день рожденія Императрицы Екатерины II,* 1780 г. Апрѣля 24. — 2) *Рѣчь о пользѣ Нравоученія при воспитаніи юношества.* 1783 г. Іюня 30. — 3) *Россійская Грамматика, напечатанная по разсмотрѣнію и одобренію бывшей при Университетѣ Конференціи.* М. 1784 г.— 4) *Отрывки переводовъ изъ Тацита* (помѣщены въ *Растущемъ Виноградѣ*—журналѣ, издававшемся отъ питомцевъ училищной Коммиссіи въ С.-П. Б. 1785 г.).

Т.

ТЕРНОВСКІЙ, Петръ Матѳеевичъ, Протоіерей, Настоятель Университетской церкви, Докторъ Богословскихъ наукъ, Заслуженный Профессоръ Богословія, Церковной Исторіи, Церковнаго Законовѣдѣнія, Опытной Психологіи и Логики, Дѣйствительный членъ Конференціи Московской Духовной Академіи и ордена Св. Анны 2-й ст. Кавалеръ, сынъ Священника Московской Іоанно-Предтеченской, на Покровкѣ, церкви Матѳія Матѳіевича Терновскаго, родился 1798 г. Маія 24-го. Послѣ приготовительнаго ученія въ домѣ своихъ родителей, вступилъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію въ 1808 г., гдѣ, подъ надзоромъ своего отца, обучался Словесности, Всеобщей Исторіи, Географіи, Ариѳметикѣ и языкамъ Латинскому, Нѣмецкому и Французскому. Въ 1814 г., по преобразованіи Духовныхъ училищъ Московскаго округа, поступилъ въ Московскую Семинарію, открытую тогда въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ, и, на казенномъ содержаніи, обучался Богословію, Философіи, Церковной Исторіи, Математикѣ и языкамъ Греческому, Нѣмецкому и Французскому. Наставниками въ Богословіи имѣлъ Ректоровъ Се-

минаріи: Евгенія (впослѣдствіи Преосвященнаго Архіепископа Ярославскаго) и Парѳенія, (впослѣдствіи Преосвященнаго Архіепископа Воронежскаго). Находясь въ высшемъ отдѣленіи Семинаріи, въ 1818 году, Преосвященнымъ Августиномъ Архіепископомъ Московскимъ посвященъ въ стихарь для произнесенія проповѣдей въ церкви, и въ впродолженіи всего Богословскаго курса обучалъ Греческому языку учениковъ нисшаго отдѣленія Семинаріи. По окончаніи курса Богословскихъ наукъ въ Семинаріи съ отличнымъ успѣхомъ въ 1818 г. удостоенъ степени Студента и поступилъ въ Московскую Духовную Академію. Здѣсь, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, слушалъ науки Богословскія, Философскія, Исторію Церковную и Всеобщую, Словесность Церковную и Всеобщую, учился Еврейскому языку и продолжалъ заниматься языками Греческимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ. Наставниками въ Богословіи имѣлъ Ректоровъ Академіи Филарета (впослѣдствіи Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго) и Кирилла (впослѣдствіи Преосвященнаго Архіепископа Каменецъ-Подольскаго); Философскія науки слушалъ у Профессоровъ В. И. Кутневича (впослѣдствіи Оберъ-Священника арміи и флота) и Ѳ. А. Голубинскаго. По окончаніи Академическаго курса въ 1822 г. удостоенъ степени Магистра и опредѣленъ въ Московскую Духовную Академію Баккалавромъ Греческаго языка; въ сей должности, кромѣ занятій по званію наставника, участвовалъ въ производившемся тогда по распоряженію высшаго Духовно-Учебнаго Начальства переводѣ Священнаго Писанія съ Еврейскаго языка на Россійскій, и занимался переводомъ Твореній Святыхъ Отцевъ съ Греческаго на Россійскій языкъ для *Христіанскаго чтенія*, журнала издаваемаго въ С.Петербургской Духовной Академіи. Съ 1823 по 1826 годъ съ должностію Баккалавра соединялъ и должности Секретаря Академической Конференціи и Академическаго Правленія по Московскому округу. Въ 1826 г. желаніе посвятить себя пастырскому служенію побудило его оставить Академическую службу, и 1827 г. Февраля 2-го, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ онъ рукоположенъ во Священника церкви бывшаго Благороднаго Университетскаго Пансіона и тогда же опредѣленъ въ оный

учителемъ Закона Божія и Греческаго языка. Въ концѣ 1827 г. опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ Богословія и Церковной Исторіи въ Московскій Университетъ на мѣсто уволеннаго отъ сей должности Архимандрита Иннокентія. Въ 1831 году отъ Крестовоздвиженской, при Благородномъ Пансіонѣ, церкви переведенъ къ Георгіевской на Красной горкѣ, бывшей тогда Университетскою, и съ этого времени посвятилъ себя исключительно служенію въ Университетѣ. Руководство, написанное имъ для Студентовъ подъ заглавіемъ: «*Богословіе Догматическое*,» удостоено милостиваго вниманія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета, по предложенію Его Высокопреосвященства разсмотрѣно Конференціею Московской Духовной Академіи, и сочинитель 11-го Сентября 1837 года Коммиссіею Духовныхъ училищъ возведенъ на степень Доктора Богословскихъ наукъ. Три изданія этой книги были въ 1838, 1839 и 1844 г. Въ 1844 г. съ соизволенія Его Высокопреосвященства Конференціею М. Д. Академіи избранъ въ Дѣйствительные члены ея и утвержденъ въ семъ званіи Святѣйшимъ Сѵнодомъ. По устроеніи церкви въ зданіи Университета онъ переведенъ къ ней, и въ самый день ея освященія, 1837 г. Сент. 12-го, Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Филаретомъ въ новоосвященной церкви возведенъ въ санъ Протоіерея. Въ 1850 г., когда Его Императорскому Величеству было благоугодно упразднить преподаваніе Философіи въ Университетѣ свѣтскими Профессорами, и, ограничивъ преподаваніе ея Опытною Психологіею и Логикою, возложить чтеніе сихъ наукъ на Профессоровъ Богословія, Терновскій, по засвидѣтельствованію Его Высокопреосвященствомъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ, опредѣленъ Преподавателемъ опытной Психологіи и Логики, при чемъ даны въ руководство программы сихъ наукъ, составленныя въ Московской Духовной Академіи, и одобренныя Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Въ Декабрѣ 1852 г. удостоенъ званія Заслуженнаго Профессора съ оставленіемъ на службѣ при Университетѣ и пансіономъ сверхъ жалованья. Кромѣ обязанностей священнослужителя и наставника исполнялъ и другія, какъ то: Декана отдѣленія Нравственно-Политическихъ наукъ, Члена Училищнаго Комитета, Члена Ко-

митета, учрежденнаго при Университетѣ для испытанія ищущихъ званія домашнихъ учителей и учительницъ, цензора проповѣдей, произносимыхъ Діаконами. Труды его много разъ были удостоены милостиваго вниманія Начальства и, кромѣ всѣхъ отличій, назначенныхъ для лицъ бѣлаго духовенства, награждены личнымъ изъявленіемъ благоволенія отъ Его Императорскаго Величества при Высочайшемъ посѣщеніи Университета 22-го Ноября 1837 г. и орденомъ Св. Анны сперва 3-й, а потомъ и 2-й степени.

Труды П. М. Терновскаго, изданные въ свѣтъ, суть: 1) *Догматическое Богословіе*, напечатанное въ трехъ изданіяхъ 1838, 1839—44 г. — 2) *Слово о Пророчествахъ Ветхаго Завѣта*, произнесенное въ торжественномъ собраніи Университета 1828 г. Іюля 5-го. — 3) *Нѣсколько поучительныхъ словъ*, произнесенныхъ въ церкви Университета.

ТЕРНОВСКІЙ, Алексѣй Григорьевичь, Адъюнктъ по каѳедрѣ Анатоміи и Діэтетики Докторъ Медицины, первое образованіе свое получилъ подъ руководствомъ своего родителя, ученаго священника въ Москвѣ; изъ родительскаго дома перешелъ онъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую академію, гдѣ отличился успѣхами своими въ древней Словесности, Философіи и Богословіи. По окончаніи курса наукъ въ Академіи, предъ нашествіемъ враговъ въ 1812 году, Терновскій нѣсколько времени колебался въ выборѣ себѣ поприща службы; обстоятельства уклонили его отъ назначенія къ высокому званію пастыря, врача душъ, и открыли ему путь къ почтенному званію врача тѣлеснаго, къ коему приготовили его въ Академіи Медицинскія лекціи Профессора Мухина, согласно съ благотворною цѣлію Правительства сдѣлать врачей души врачами тѣла.

Въ 1814 г. Терновскій вступилъ въ Московскій Университетъ для слушанія лекцій Врачебнаго отдѣленія. Его дарованія, примѣрная рачительность и успѣхи расположили въ его пользу Профессоровъ, изъ которыхъ особенно ему покровительствовали Мухинъ и Мудровъ. По окончаніи курса Медицинскихъ наукъ, въ 1819 г. онъ держалъ экзаменъ на степень Лѣкаря и за оказанные имъ отличные успѣхи допущенъ

былъ къ испытанію на степень Доктора Медицины; въ слѣдъ за тѣмъ ему поручена была Факультетомъ должность Лектора Анатоміи и Надзирателя при Медицинскомъ Институтѣ, открытомъ при Университетѣ 1820 г., Сентября 25-го. Вмѣстѣ съ тѣмъ возложено было на него, съ Прозекторомъ Гумбургомъ, вскрытіе и свидѣтельствованіе, по правиламъ Судебной Медицины, труповъ, доставляемыхъ изъ полиціи; въ теченіи девяти лѣтъ, Терновскій вскрылъ ихъ до 600. Плодомъ его наблюденій было сочиненіе, заслужившее похвальный отзывъ Французскихъ ученыхъ: De methodo cadavera aperiendi ac sedes morborum causasque mortis in corpore mortuo investigandi. M. 1829, in 8.

Между тѣмъ онъ написалъ въ 1821 г. диссертацію на степень Доктора Медицины, одобренную Факультетомъ и защищенную докторантомъ въ присутствіи Совѣта Московскаго Университета, подъ заглавіемъ: De morbis nervorum in genere et in specie de prosopalgia. Утвержденный въ степени Доктора Медицины, Алексѣй Григорьевичь исправлялъ должность Секретаря Врачебнаго отдѣленія. За полезные труды свои онъ 1827 году произведенъ былъ Адъюнктомъ Анатоміи при знаменитомъ Лодерѣ. Тогда для слушателей своихъ издалъ онъ программу своихъ лекцій, подъ заглавіемъ: Brevis explicatio anatomica structurae osseae sceleti humani. M. 1827 in 8. Это сочиненіе его, какъ и другія, отличается основательностію мыслей и хорошимъ Латинскимъ слогомъ. Въ послѣдніе полтора года своего преподаванія по конецъ 1835 года онъ, кромѣ практическаго разсѣченія труповъ, читалъ Діэтетику по книгѣ Вальдбрехта.

Но въ то же время поступилъ въ Университетъ, по части Анатоміи, любимый ученикъ Лодеровъ, молодой Эйнбродтъ, котораго славный анатомикъ Европейскій готовилъ себѣ въ преемники. При немъ Терновскій увидѣлъ себя излишнимъ, и въ 1836 г. за реформою уволенъ изъ Университета.

Такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ промѣнять Профессорскую каѳедру на странническую жизнь частнаго врача и оставить любимыя имъ ученыя занятія, коимъ могъ посвящать только кратковременный свой досугъ и отдыхъ отъ дневныхъ трудовъ. Предметами его заботъ долженствовало быть и стра-

ждущее человѣчество, и родное семейство. Но могъ *ли* на этомъ поприщѣ найти себѣ существенныя выгоды человѣкъ скромный до застѣнчивости, твердый въ своихъ строгихъ правилахъ до неимовѣрности, мало знакомый съ условіями свѣта, приходившій къ больному пѣшкомъ, въ поношенномъ платьѣ и съ озабоченнымъ, мрачнымъ лицемъ? Его достоинства могли оцѣнить только тѣ, которые предпочитали внутреннія качества внѣшнимъ приличіямъ, которые понимали его; но и самъ Алексѣй Григорьевичь былъ неискателенъ и пренебрегалъ тѣми мелкими средствами, коими выигрываютъ другіе и славу и богатство въ свѣтѣ, гдѣ болѣе «по платью встрѣчаютъ.» Слѣдуя же влеченію добраго и нѣжнаго сердца, руководствуясь духомъ Евангелія, онъ былъ безмезднымъ врачемъ, истиннымъ другомъ бѣдныхъ, хотя никогда и не выдавалъ себя за филантропа, постояннымъ труженикомъ въ теченіе тридцатилѣтней практики своей; нерѣдко ему случалось обходить по Москвѣ пѣшкомъ (скажемъ безъ преувеличенія) верстъ по 30 въ день, не смотря ни на какую погоду и дорогу, отъ ранняго утра до поздней ночи. По видимому, такая дѣятельность должна бы его обогатить. Но что могли ему дать больные, томившіеся на холодныхъ чердакахъ, или въ сырыхъ подвалахъ и лачугахъ,—больные безпомощные, неимущіе, которые не только не въ состояніи были заплатить врачу за визитъ, но и въ аптеку за лѣкарство? Великодушный Терновскій, не смотря на отдаленность разстоянія, посѣщалъ ихъ безъ всякаго возмездія, иногда по два раза въ день, раздѣлялъ съ иными свой послѣдній рубль, ходилъ за ними, какъ сердобольный братъ, по слову Евангельскому, *послуживъ* въ лицѣ ихъ самому Христу, съ терпѣніемъ, снисходительностію и любовію обмывалъ и перевязывалъ ихъ раны, дѣлалъ примочки и припарки. Участь каждаго больнаго составляла предметъ особенной его заботы и попеченія; угрожала ли опасность кому, онъ тревожился до чрезвычайности; подавалъ ли кому надежду къ выздоровленію,—искренно радовался. Каждому больному открыто было его сострадательное сердце, какъ сердце лучшаго друга. Сколько отъ мнительнаго его характера, а болѣе изъ опасенія вредныхъ слѣдствій онъ иногда не рѣшителенъ былъ въ

выборѣ лѣкарства, предпочитая слабыя сильнѣйшимъ, героическимъ, развѣ когда не мнимая, предполагаемая, но очевидная, дѣйствительная опасность требовала послѣднихъ. При безкорыстномъ его служеніи страждущему человѣчеству, ему встрѣчались разныя искушенія его добродѣтели отъ невѣжества, грубости, закоснѣнія, упрямства и неблагодарности; но неистощимая его любовь все терпѣла и терпѣніемъ все побѣждала. Проведя цѣлый день въ подвигахъ человѣколюбія, нерѣдко онъ приходилъ домой съ пустымъ карманомъ, чтобы видѣть нужду своего семейства. Ему неизвѣстны и чужды были тѣ развлеченія внѣ семейства, какія позволяютъ себѣ люди должностные послѣ трудовъ своего званія. У него однѣ заботы смѣнялись другими: какъ нѣжный отецъ, онъ былъ вмѣстѣ и наставникомъ своихъ дѣтей, которымъ охотно удѣлялъ часы своего отдыха.

Съ рѣдкимъ безкорыстіемъ въ немъ соединялось и безпристрастіе; безъ предубѣжденій и кичливости онъ принималъ мнѣніе младшихъ врачей, своихъ учениковъ, когда вполнѣ убѣжденъ былъ въ его истинѣ; у него неизмѣннымъ правиломъ было отдавать справедливость всякому.

Холера въ 1830 и 1848 г. открыла ему новое поприще для дѣятельности, гдѣ онъ полезенъ былъ своею опытностію и гдѣ обнаружилъ самоотверженіе, съ какимъ ходилъ за пораженными этою непостижимою болѣзнію. Собранныя имъ важныя и любопытныя наблюденія и выводы онъ не успѣлъ привести въ порядокъ и сообщить ученому міру. За свои труды и пожертвованія онъ награжденъ былъ отъ Государя Императора Высочайшимъ благоволеніемъ, бриллiантовымъ перстнемъ, а отъ Начальства денежною суммою. Чинъ Статскаго Совѣтника въ 1845 г. былъ послѣднею ему наградою. О безпорочной его службѣ свидѣтельствовалъ знакъ за XV л.

Въ концѣ тридцатилѣтняго своего служенія страждущему человѣчеству, на 60 году жизни, Алексѣй Григорьевичъ сталъ чувствовать упадокъ силъ, который увеличивали заботы, нужды и прискорбія; но не переставалъ помогать бѣднымъ, отыскивая и навѣщая ихъ не только въ сосѣдствѣ своемъ, но и на краю Москвы. Плохая зимняя одежда худо защищала труженика отъ простуды въ сырую холодную погоду; онъ сильно зане-

могъ; тщетна была помощь врачей. Чувствуя приближеніе смерти, а съ ней вмѣстѣ и покоя отъ земныхъ трудовъ, онъ исповѣдовался и пріобщился Св. Таинъ, былъ освященъ Св. елеемъ; потомъ, благословивъ жену и шестерыхъ дѣтей своихъ, мирно почилъ вѣчнымъ сномъ 1852 г., Февраля 15-го въ 10 часу ночи.

По предсмертному желанію покойнаго, тѣло его погребено на 5-й день послѣ кончины; два родные его брата, Магистры Богословскихъ наукъ, Сергѣй и Николай Терновскіе, совершили надъ нимъ отпѣваніе въ приходской церкви Преподобнаго Сергія въ Пушкаряхъ, гдѣ отецъ Алексѣя Григорьевича былъ священникомъ. Церковь была полна бѣдныхъ, которыхъ онъ лѣчилъ, большею частію, безмездно; слезы ихъ душевной скорби были данью ихъ благодарности ихъ другу и врачу. Тѣло его погребено на Лазаревомъ кладбищѣ подлѣ могилы его отца.

ТЕРНОВСКІЙ-ПЛАТОНОВЪ, Иванъ Матвѣевичь, Магистръ, преподаватель Логики, Надворный Совѣтникъ, Московскій уроженецъ, сынъ Священника. По окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи съ отличнымъ успѣхомъ, удостоенъ степени Магистра Богословскихъ наукъ. Съ 1826 по 1834 годъ, былъ Профессоромъ Словесности, Гражданской Исторіи и Нѣмецкаго языка въ Московской Семинаріи; съ 1834 по 1846 г. преподавалъ Россійскую Словесность и Логику въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ; въ $183\frac{7}{8}$ и $183\frac{8}{9}$ г., по приглашенію Попечителя Университета Графа Строганова, Студентамъ онаго преподавалъ Логику. Скончался 19-го Ноября 1849 года на 49 году жизни.

ТИМКОВСКІЙ, Романъ Ѳедоровичь, Публичный Ординарный Профессоръ Римской и Греческой Словесности, Докторъ Философіи, Греческой и Латинской Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, сынъ Коллежскаго Ассессора, родился 1785 года въ деревнѣ Згарѣ Полтавской губерніи, Золотоношскаго повѣта. Отецъ его былъ чиновникъ, оставившій по себѣ доброе имя и малое наслѣдство. Первый шагъ къ ученію Романъ Ѳедоровичь сдѣлалъ въ келліи своего дяди, ко-

торый, пребывая на обѣщаніи въ Кіево-Печерской обители, провождалъ дни свои въ благочестіи. Слѣды впечатлѣній уединенной жизни, полученныхъ имъ при первомъ воспитаніи, навсегда въ немъ остались; имъ можетъ быть приписана строгая суровость, которую знавшіе Тимковскаго находили въ его обращеніи. Съ первоначальными свѣдѣніями Тимковскій вступилъ въ Кіевскую Академію, и уже тутъ показалъ неусыпное трудолюбіе и сдѣлалъ успѣхи. 1797 года, въ Октябрѣ, по желанію своему, онъ записанъ былъ въ Гимназію при Московскомъ Университетѣ; въ Іюнѣ 1800 г. произведенъ въ Студенты, и получилъ отъ Гимназіи серебряную медаль. Переведенный въ Университетъ, въ Сентябрѣ 1801 года онъ особенно посвятилъ себя изученію Древней Словесности, которою занимался подъ руководствомъ Профессоровъ Маттеи, Мельмана и Сохацкаго. Его прилежаніе въ наукахъ награждено было и здѣсь серебряною медалью (въ Августѣ 1803 г.) и порученіемъ ему отъ Университетскаго Начальства Греческаго Этимологическаго и Латинскаго Синтаксическаго классовъ (въ Сентябрѣ 1803). Въ 1804 г. онъ былъ произведенъ въ Кандидаты, въ 1805 въ Магистры Словесныхъ наукъ, въ 1806 въ Докторы Философіи и въ томъ же году, по назначенію Университетскаго Начальства, отправленъ былъ въ чужіе краи, для дальнѣйшаго себя усовершенствованія въ Древней Словесности. Товарищемъ путешествія Романъ Ѳедоровичъ имѣлъ Болдырева, посвятившаго себя Восточной Словесности. Они вмѣстѣ пріѣхали сперва въ Галле, но здѣсь ихъ ожидала гроза войны. Сей городъ 1806 года осажденъ былъ Французами; Университетъ разрушенъ; кровопролитное сраженіе происходило на самыхъ улицахъ. Тимковскому пришлось испытать ужасы голода. Изъ Галле съ товарищемъ своимъ онъ отправился пѣшкомъ въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ свои занятія; а чрезъ годъ въ Геттингенъ, бывшій тогда въ славѣ между Университетскими городами Германіи и всей Европы. Знаменитая Georgia Augusta дала Тимковскому руководителями въ Древней Словесности и Археологіи Гейне и Мичерлиха, у котораго онъ и жилъ, а въ Исторіи—Геерена. Онъ пользовался лекціями и совѣтами сихъ знаменитыхъ мужей и Университетскою библіотекою, одною изъ самыхъ за-

мѣчательныхъ въ Европѣ и особенно богатою по части Древней Филологіи; скопленныя трудами деньги онъ употреблялъ для покупки книгъ на аукціонахъ, и составилъ себѣ хорошее собраніе ученыхъ пособій, которому суждено было погибнуть въ 1812 году.

Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, Романъ Ѳедоровичь, обогащенный пріобрѣтенными имъ свѣдѣніями, и уже получившій извѣстность въ кругу заграничныхъ ученыхъ, возвратился въ отечество съ утѣшительною надеждой принести ожидаемую отъ его стараній пользу. Онъ былъ произведенъ въ Адъюнкты еще до отправленія за границу. Въ этомъ званіи онъ началъ преподавать Древнюю Словесность тотчасъ по возвращеніи, съ 1-го Октября 1809 г., и въ тоже время по собственному желанію вступилъ въ находившуюся при Университетѣ Академическую Гимназію Инспекторскимъ помощникомъ и учителемъ Греческаго и Латинскаго языковъ въ 4 отдѣленіи Гимназіи. Съ 1810 года, въ продолженіе нѣкотораго времени, обучалъ онъ Латинской Словесности въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; 1810 года въ Октябрѣ Тимковскій сдѣланъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Древностей и Римской Словесности; 1811 г., также въ Октябрѣ, Ординарнымъ Профессоромъ Греческой и Латинской Словесности.

Кромѣ занятій по каѳедрѣ своей, сей Профессоръ былъ Членомъ Училищнаго Комитета, въ каковую должность былъ избираемъ въ продолженіе шести лѣтъ (на академическіе годы $18\frac{12}{13}$, $18\frac{13}{14}$, $18\frac{14}{15}$, $18\frac{15}{16}$, $18\frac{17}{18}$, $18\frac{18}{19}$); Деканомъ Словеснаго Отдѣленія онъ былъ избранъ въ первый разъ на $18\frac{14}{15}$ годъ, вновь избранъ на $18\frac{15}{16}$ и въ третій разъ на $18\frac{17}{18}$ годы. Съ 1811 года находился онъ при Цензурномъ Комитетѣ Цензоромъ книгъ, писанныхъ на древнемъ Греческомъ языкѣ, а съ 1815 года состоялъ Директоромъ Педагогическаго Института. Въ 1817 году былъ пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени. Чинъ Коллежскаго Совѣтника, въ которомъ онъ скончался, получилъ въ 1819 году. Наконецъ упомянемъ, что онъ былъ дѣйствительнымъ Членомъ Обществъ Лейпцигскаго Филологическаго съ 1807 г. и Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1811 года.

Среди такихъ занятій протекла краткая жизнь нашего ученаго, посвященная наукамъ и отечеству. Болѣзни и немощи, какимъ подвергался онъ впослѣдствіи, не рѣдко прерывали его занятія; къ слабому сложенію присоединилась чрезвычайная раздражительность, которая увеличивала его скорби. Не предвидя угрожавшей Москвѣ опасности, въ 1812 году, въ вакаціонное время, Романъ Ѳедоровичь отправился на свою родину для свиданія съ родными. Въ его отсутствіе истреблено было пожаромъ ученое его имущество, состоявщее изъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Такая потеря тѣмъ болѣе огорчила Профессора, что была для него невознаградимою.

Тимковскій скончался въ началѣ 1820 г., имѣя 35 лѣтъ отъ роду. Нѣкоторые изъ учениковъ его, въ знакъ своей признательности и уваженія къ покойному, соорудили ему на *Лазаревомъ* кладбищѣ, гдѣ погребено его тѣло, памятникъ изъ мрамора, съ надписью: In memoriam beneficiorum viri incomparabilis, Professoris optimi atque dilectissimi Romani Theodoridis Timcowskii hoc monumentum super ejus reliquiis gratissimi suae disciplinae alumni posuerunt.

Вступивъ на поприще учености съ такими лестными о себѣ предвѣщаніями, Романъ Ѳедоровичь Тимковскій не долго шелъ по оному, однако и въ краткое время служенія своего успѣлъ заслужить не только уваженіе, но даже и славу. Первымъ опытомъ его въ Литературѣ былъ переводъ Оссіана (съ Нѣмецкаго, М. 1803), изданный въ свѣтъ, когда Тимковскій былъ еще 18-лѣтнимъ юношей. Для полученія степени Магистра онъ написалъ диссертацію: de Dithyrambis eorumque usu apud Graecos et Romanos, М. 1806. «Разсужденіе сіе,» пишетъ Профессоръ Буле, «тѣмъ большую заслуживаетъ похвалу, чѣмъ оно важнѣе по своему содержанію, относящемуся къ такому предмету древней классической Литтературы, который до сихъ поръ еще не былъ довольно обработанъ и объясненъ. Сверхъ того, такъ какъ подобныя занятія, при всей ихъ пользѣ и необходимости для усовершенствованія наукъ въ Россіи, очень рѣдки между нашими Русскими молодыми людьми, оно можетъ также для прочихъ служить примѣромъ и образцемъ къ подражанію.—Да угодно будетъ Провидѣнію, чтобы Отечество наше собрало нѣкогда плоды, обѣщанные прекрас-

пымъ цвѣтомъ автора!» Это сочиненіе, исправленное и дополненное авторомъ въ чужихъ краяхъ, было напечатано въ актахъ Лейпцигской Семинаріи 1807 года.

Въ одинъ годъ съ этою диссертаціею появилось изданіе Федра, вызванное желаніемъ тогдашняго Попечителя Университета Михаила Никитича Муравьева, цѣнившаго дарованія и успѣхи молодаго ученаго и покровительствовавшаго ему. Оно вышло подъ заглавіемъ: «Phaedri Augusti liberti fabularum Aesopiarum libri quinque ex recensione P. Burmanni. Федровы басни съ Русскими замѣчаніями издалъ Романъ Тимковскій, И. М. У. свободныхъ наукъ Магистръ.» М. 1806 in 8°. Оно посвящено «въ знакъ признательности за благосклонность и милостивыя попеченія» объ авторѣ М. Н. Муравьеву, который исходатайствовалъ отъ монаршихъ милостей золотую табакерку въ награду автору за этотъ трудъ. Текстъ перепечатанъ, слово до слова съ большаго Бурманнова изданія, подъ заглавіемъ: Phaedri Augusti liberti fabularum Aesopiarum L. V. cum novo commentario Petri Burmanni. Leidae 1727, 4, какъ самаго лучшаго до тѣхъ поръ. Тимковскій отступилъ отъ него только въ знакахъ препинанія, гдѣ ему казалось, что они неправильно поставлены Бурманномъ. Заняться критикою текста онъ не могъ отчасти по краткости времени, а отчасти потому, что не имѣлъ никакихъ рукописей, «безъ которыхъ, какъ онъ говоритъ, всѣ поправки ученыхъ суть однѣ догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя.»—Замѣчанія относятся частію къ Филологіи, а частію къ Эстетикѣ. Въ нихъ много заимствовано изъ изданій Бурманна и Швабе, о чемъ самъ Тимковскій оговорился въ предисловіи, но очень многое принадлежитъ ему самому и показываетъ его большую начитанность и совершенную зрѣлость сужденій. Для надлежащей оцѣнки этихъ качествъ вспомнимъ, что это трудъ 20-лѣтняго ученаго и трудъ, сдѣланный поспѣшно, по порученію Начальства, среди приготовленій къ экзаменамъ и поѣздкѣ за границу. «Это было,» какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, «первое произведеніе Русскаго Филолога, и издатель долженъ былъ очень много бороться съ отечественнымъ своимъ языкомъ, касательно выраженій, свойственныхъ сей части Наукъ».

Кромѣ диссертаціи и Федра извѣстны торжественныя его

рѣчи: 1) De virtutibus Graecorum et Romanorum non nisi ex eorum ingenio moribus et vita recte aestimandis, an. M. DCCCXI., напеч. въ Москвѣ съ переводомъ его ученика И. И. Давыдова, *) и 2) *Торжество Московскихъ Музъ,* восхищенныхъ безсмертными дѣяніями Великаго Государя Императора Всероссійскаго Александра 1, праздновавшихъ громкія побѣды и достославное покореніе гордой столицы Франціи, Апрѣля 25, 1814 г.—М. Н. Муравьевъ поручалъ Тимковскому перевести Ѳукидида, но этотъ переводъ не состоялся.

Въ Университетѣ Романъ Ѳедоровичь преподавалъ обѣ

---

*) Эта рѣчь замѣчательна вѣрностью нѣкоторыхъ взглядовъ на классическую древность. Она была говорена, когда изслѣдованія Нибура еще не могли быть извѣстны Тимковскому, и не смотря на то, всякой ученый и въ наше время охотно подписалъ бы свое имя подъ слѣдующимъ мѣстомъ: Ergo quum utraque pars (т. е. Плебеи и Сенатъ) mutuis vinculis ita adstricta esset, ut altera sine alterius ope stare non posset; patet exinde, qua tandem ratione factum fuerit, ut respublica Romana inter tot dissidia et bella intestina, satis salva et incolumis manserit. Senatus fungebatur illustribus muneribus, deliberabat de gravissimis negotiis et consulta suo populo vel probanda, vel refellenda tradebat. Sed idem, simul atque plebem utilia decreta sua aspernari, aut contra patriae salutem moliri aliquid videret, fortiter resistebat et ad incoepta ejus destruenda prudentia consilia inibat. Приведемъ еще восторженныя слова его о Греческой поэзіи: Quid enim jucundius divina Homeri et Hesiodi simplicitate? Quid excelsius ardore et vehementia Pindari et Aeschyli? Quid Sophoclis majestate et decore vel gravius, vel magnificentius? Quid denique mollius, aut lugubrius miserabili illa, et ad infima pectoris descendente moestitia Simonidis et Evripidis? — Объ идеализмѣ Греческаго искусства онъ выражается такъ: Curarunt praeterea (т. е. Греческіе поэты) id quod ad singulares ingenii Graeci characteres pertinet, ut potius narrando, describendo et adumbrando animos tenerent, ac placido aliquo gaudio aut dolore perfunderent, quam ut tristes laetasve rerum conversiones ita, ut factae essent, ob oculos ponendo, atque omnem earum vim paucis densisque verbis sustinendo et effingendo auditorem graviter percellerent.

древнія Литературы. Изъ Греческихъ писателей онъ объяснялъ Софокла (Филоктета въ $18\frac{08}{10}$ г.), Геродіана (кн. 7 и 8 въ $18\frac{13}{14}$ г.), Гомера (Одис. пѣсп. 8 въ $18\frac{13}{14}$, пѣснь 1 въ $18\frac{15}{16}$ и $18\frac{17}{18}$, Иліады: пѣснь 22 въ $18\frac{18}{19}$, избранныя мѣста изъ Гомера въ $18\frac{19}{20}$ г.), Геродота (кн. 6 въ $18\frac{14}{15}$), Ксенофонта (Достопам. въ $18\frac{15}{16}$ и $18\frac{17}{18}$, Кироп. въ $18\frac{19}{20}$), Аполлодора (Библ. Миѳол. въ $18\frac{16}{17}$), Демосѳена (избранныя рѣчи въ $18\frac{18}{19}$ г.); изъ Латинскихъ: Ливія (кн. 21 и слѣд. въ $18\frac{09}{10}$, кн. 7 въ $18\frac{11}{12}$, кн. 5 въ $18\frac{13}{14}$, кн. 1 въ $18\frac{15}{16}$, кн. 22 въ $18\frac{17}{18}$;), Виргилія (Георг. к. 1 въ $18\frac{11}{12}$ и въ $18\frac{15}{16}$, Энеид. п. 6 въ $18\frac{14}{15}$ и $18\frac{19}{20}$), Цицерона (избран. рѣчи въ $18\frac{14}{15}$ и $18\frac{16}{17}$, pro lege Manilia и pro Ligario въ $18\frac{18}{19}$, pro Archia poeta и pro Ligario въ $18\frac{19}{20}$.), Горація (Эпистолы въ $18\frac{13}{14}$, $18\frac{16}{17}$, Оды въ $18\frac{17}{18}$, $18\frac{18}{19}$). Римскія Древности онъ началъ читать въ 1811 году и читалъ ежегодно, одинъ годъ Государственныя, другой годъ домашнія древности. По примѣру Лейпцигской Филологической семинаріи, онъ упражнялъ Студентовъ въ сочиненіяхъ и разговорахъ на Латинскомъ языкѣ.

Такова была дѣятельность Тимковскаго, какъ Профессора Древней Словесности. По смерти его, преподаваніе Греческой и Римской Литературы и Древностей раздѣлилось въ Московскомъ Университетѣ между двумя лицами: Латинская Словесность и Древности поручены Экстраорд. Пр. Давыдову, Греческій языкъ Адъюнкту Ивашковскому, должность Директора Педагогическаго Института занялъ Мерзляковъ.

Заслуга Тимковскаго для древней Русской Словесности состоитъ въ томъ, что онъ первый подвергъ критикѣ установленное на шаткихъ основаніяхъ въ XVIII вѣкѣ мнѣніе о сочиненіяхъ Преп. Нестора. Онъ первый сличалъ лѣтопись съ другими памятниками, приписываемыми Нестору, съ Патерикомъ, съ Житіемъ Св. Ѳеодосія, первый указалъ несходство между лѣтописью и Житіемъ Св. Ѳеодосія и открылъ, по его собственнымъ словамъ, «весьма важную истину, что Преподобный Несторъ не оставилъ намъ по себѣ никакого другаго памятника, кромѣ драгоцѣнной лѣтописи.» Позднѣйшіе изслѣдователи поднимаютъ тотъ же самый вопросъ, иногда только обращая выводъ Тимковскаго. Изданіе Несторовой лѣтописи, по Лаврентьевскому списку, начатое Тимковскимъ, до сихъ

поръ считается образцовымъ. Кромѣ того отъ него остались замѣчательное по времени изданіе поученія Луки Жидяты, напечатаннаго въ 1 ч. Русскихъ Достопамятностей, и разсужденіе его о Несторѣ, какъ авторѣ Патерика, въ 1 части Трудовъ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ.

Вообще объ ученомъ и нравственномъ характерѣ Тимковскаго біографъ его въ 3 томѣ Рѣчей Профессоровъ М. У. говоритъ такъ: «Съ глубокими свѣдѣніями въ Греческой и Римской Словесности, Романъ Ѳедоровичь соединялъ основательное знаніе Древностей и Исторіи. Какъ искусный критикъ, онъ умѣлъ тонко раздроблять предметъ и глубоко проникать въ оный; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлію его изслѣдованій, какія онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе исторической истины, и на опредѣленіе происхожденія и значенія одного слова. Кромѣ древнихъ языковъ, ему были извѣстны Нѣмецкій, Французскій, Англійскій и Польскій. Философія была также любимымъ его занятіемъ.

«Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей, онъ пріобрѣлъ ту опредѣленность, ясность и порядокъ, съ какими выражался на письмѣ и на словахъ, и не только на отечественномъ, но и на Латинскомъ языкѣ, который сдѣлался для него какъ бы природнымъ. Но стараніе быть точнымъ въ мысляхъ не рѣдко затрудняло его въ выраженіяхъ; все что ни выходило изъ-подъ пера его, стоило ему большихъ трудовъ. Въ послѣднее время жизни своей Романъ Ѳедоровичь примѣтно охладѣвалъ сердцемъ и дѣлался равнодушнымъ къ ученымъ занятіямъ; болѣзни, изнурявшія его тѣло, наводили уныніе на душу. Сіе-то чувство, отдаляя отъ друзей и товарищей, влекло его въ уединеніе, въ коемъ онъ часто заключалъ себя. Счастіе семейной жизни ему было не извѣстно, хотя, по видимому, онъ иногда объ немъ помышлялъ. Съ перваго взгляда казался онъ угрюмымъ, или лучше сказать, холоднымъ и задумчивымъ; въ пріятномъ же для него обществѣ, въ занимательномъ разговорѣ скоро оживлялся и становился привѣтливымъ и любезнымъ, но подъ сею хладнокровною наружностью таилъ онъ весьма чувствительное сердце и какъ казалось, образъ жизни его не соотвѣтствовалъ природнымъ его наклонностямъ.»

Въ заключеніе помѣщаемъ воспоминаніе о Тимковскомъ. доставленное ученикомъ его А. М. Кубаревымъ.

«Опишу вамъ прежде, какимъ я видѣлъ его на лекціяхъ. Чтенія его, объяснялъ ли онъ какого нибудь писателя, или преподавалъ Древности, близко подходили къ диктованью, такъ что кто хотѣлъ, всегда имѣлъ возможность записать подлинныя слова его. Изъ повтореній его, когда это было нужно, сказаннаго имъ прежде, выражаемыхъ всегда почти тѣми же словами, было очевидно, что каждая его лекція была основательно имъ обдумана. Онъ такъ привыкъ къ какой-то ученой отчетливости и точности, что никогда почти не увлекался, или не позволялъ себѣ увлекаться предметомъ далѣе границъ, предписанныхъ самому себѣ. При объясненіи Древностей охотно раскрывая намъ прекраснѣйшія мѣста изъ классиковъ, онъ однакожъ никогда не пускался въ эстетическій разборъ красотъ ихъ, оставляя слушателямъ самимъ ихъ чувствовать. Но изъ выбора этихъ мѣстъ было видно, что онъ былъ проникнутъ ихъ красотами. Я знаю достовѣрно, какъ онъ восхищался Латинскими поэтами и въ особенности Овидіемъ въ его Превращеніяхъ и Фастахъ. Но раскрывъ намъ однажды въ семъ послѣднемъ сочиненіи его прекрасное описаніе Луперкалій и совѣтуя намъ читать Фасты для изученія Римскихъ религіозныхъ обрядовъ, онъ въ похвалу этого сочиненія сказалъ намъ только, что это есть *прекраснѣйшее произведеніе Овидіева генія, по многимъ отношеніямъ особеннаго.* Такъ всегда въ немногихъ словахъ онъ давалъ судъ свой о писателяхъ. Но еще болѣе увлекали его высокіе уроки нравственности, разсѣянные въ древнихъ писателяхъ. Разговаривая со мной однажды о несчатіяхъ и горестяхъ, сопровождающихъ жизнь человѣческую, онъ сказалъ мнѣ: читайте Цицероновы бесѣды Тускуланскія, *онѣ много принесли мнѣ пользы и утѣшенія въ скорбяхъ моихъ.* Наружность его и одежда была также проста и скромна, какъ его лекція. Лице его такъ всегда было ровно и спокойно, что, замѣчая наши ошибки и промахи въ отвѣтахъ, происходящія отъ ненадлежащаго вниманія къ словамъ его, я никогда не замѣтилъ на лицѣ его ни насмѣшливой улыбки, ни гнѣва или негодованія.

«Филологическое свое авторство онъ началъ разсужденіемъ

о Диѳирамбахъ у древнихъ: это сочиненіе, въ отношеніи къ предмету, есть одно изъ важнѣйшихъ, если не важнѣйшее. По крайней мѣрѣ иностранные ученые на него указываютъ, какъ напр. Ничь въ своемъ изданіи Платонова Іона (стр. 33). Но объ этомъ сочиненіи, которымъ онъ по всему праву могъ хвалиться, я не слыхалъ отъ него ни одного слова. Такъ онъ былъ чуждъ всякаго самолюбія! Когда онъ говорилъ о чужихъ краяхъ, то любилъ распространяться въ похвалахъ славнѣйшимъ Нѣмецкимъ ученымъ, но въ особенности своему учителю, знаменитому Гейне, который былъ для него идеаломъ ученой и нравственной жизни. Съ удовольствіемъ особеннымъ онъ говорилъ о его добросердечіи, ласковомъ и привѣтливомъ обращеніи, въ особенности съ иностранцами, слушавшими его лекціи; удивлялся его равнодушію къ несправедливостямъ, оказаннымъ ему Вольфомъ, и чрезвычайно жалѣлъ о невознаградимой потерѣ писемъ, которыя, будучи уже здѣсь въ Москвѣ и имѣя каѳедру, онъ получалъ еще отъ своего славнаго учителя, и которыя вмѣстѣ съ его прекрасною библіотекою были истреблены въ 1812 г. Московскимъ пожаромъ.

«Около того же времени, какъ онъ написалъ сочиненіе о Диѳирамбахъ, онъ издалъ Федра по препорученію Михаила Никитича Муравьева. Однажды въ разговорѣ я напомнилъ ему объ этомъ изданіи. Но онъ тотчасъ остановилъ меня, сказавши, что этимъ трудомъ своимъ онъ вовсе недоволенъ; что это изданіе сдѣлано имъ наскоро предъ отъѣздомъ его въ чужіе краи и болѣе по настоятельному желанію ученѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго мужа, котораго тогда Московскій Университетъ имѣлъ въ своемъ Попечителѣ. Но не смотря на этотъ его отзывъ и всю его искренность, надо признаться, что въ этомъ родѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ еще ни одного классика, котораго бы изданіе можно было поставить въ сравненіе. И если справедливо, въ чемъ впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ былъ сдѣланъ наскоро, то нельзя не удивиться, что при столь многихъ цитатахъ, столь многихъ выпискахъ изъ Греческихъ и Латинскихъ классиковъ, вы не встрѣтите ни одной ошибки. Это обстоятельство не можетъ показаться маловажнымъ тому, кто умѣетъ над-

лежащимъ образомъ цѣнить точность, какая требуется отъ филолога. Въ этомъ изданіи, если есть какой недостатокъ, то это нѣкоторое излишество въ выпискахъ изъ Греческихъ писателей. Но всякій видитъ, какъ это простительно въ молодомъ филологѣ, который полонъ своимъ предметомъ и желаетъ своимъ богатствомъ подѣлиться съ другими. Прибавлю одно обстоятельство, которое показываетъ его прекрасную душу. Въ одномъ изъ своихъ замѣчаній упоминая о Симонидовой Данаѣ, онъ выписываетъ все его стихотвореніе съ той цѣлію, чтобы представить притомъ стихотворный переводъ друга своего и соревнователя на поприщѣ классической словесности Буринскаго*) — прекрасная черта! Много ли найдемъ такихъ людей, которые въ своихъ соревнователяхъ видятъ друзей своихъ, или заботятся о ихъ чести и славѣ?

«Послѣднимъ его сочиненіемъ по части классической Словесности была та рѣчь, произнесенная имъ на актѣ, которая въ Русскомъ переводѣ напечатана въ трудахъ Профессоровъ. Чрезвычайно жаль, что вмѣстѣ съ переводомъ не помѣщенъ подлинникъ. Извѣстно, что любители филологіи сколько обращаютъ вниманія на содержаніе сочиненія, столько же и на языкъ его. Поэтому произведеніе Русскаго Филолога, который умѣлъ изящно выражаться на томъ языкѣ, который принятъ былъ въ ученомъ мірѣ, достойно было того, чтобы его напечатать вновь и такимъ образомъ сохранить отъ забвенія. Вообще онъ любилъ и могъ выражаться по-Латинѣ ясно, чисто, и просто. Изъ новѣйшихъ стилистовъ онъ предпочиталъ всѣмъ, даже Эрнестію, Рункена. Не некстати можетъ быть упомянуть здѣсь, что однажды въ разговорѣ со мной объ этомъ предметѣ онъ сказалъ мнѣ, что изъ славныхъ соотечественниковъ его времени изящно выражался по-Латини Преосвя-

---

*) Отъ этого юнаго филолога, подававшаго великія надежды, мы имѣемъ превосходный переводъ съ Англійскаго небольшаго сочиненія Гиббона подъ названіемъ: *Краткое начертаніе исторіи свѣта*, изъ сочиненій Гиббона. Въ то время, какъ упоминаетъ о немъ Тимковскій, онъ готовилъ переводъ Геродіана. Очень жаль, что столь искусное перо не передало намъ ни одного классика. Онъ скончался въ раннихъ лѣтахъ.

щенный Августинъ, Архіепископъ Московскій, и примолвилъ значительно: «Я самъ это знаю.» Я не осмѣлился спросить его, гдѣ онъ имѣлъ случай на этомъ языкѣ говорить съ Преосвященнымъ, но съ душевнымъ удовольствіемъ слышалъ этотъ отзывъ мужа ученаго о мужѣ знаменитомъ, и восхищался мыслію, что любовь къ классической словесности чувствомъ взаимнаго уваженія и расположенія соединяетъ людей столь повидимому различныхъ по своему званію и назначенію. Вотъ все, что я могу сказать о Тимковскомъ, какъ Профессорѣ классической словесности. Заключу похвалой, которую воздалъ ему славный Маттеи, также его учитель. Въ предисловіи къ Теренцію, изданному имъ въ Москвѣ, по одному случаю, упоминая о нашемъ Филологѣ и желая достойно похвалить его, этотъ почтенный и славный старецъ не находитъ приличнѣйшихъ словъ къ похвалѣ его, какъ, ставя себя на мѣсто Сократа, повторить о немъ тѣ прекрасныя слова, которыя Греческій мудрецъ въ Платоновомъ Федрѣ, произноситъ объ Исократѣ: *Νέος ἔτι Ἰσοκράτης κ. τ. λ.* *
Всякій согласится, что славный Маттеи не имѣлъ никакого посторонняго побужденія такъ хвалить Тимковскаго, кромѣ его несомнѣнныхъ достоинствъ.

«Но не одна классическая Филологія была предметомъ его занятій. Отъ классиковъ онъ обратился къ древностямъ отечественнымъ. Когда Историческое Общество, въ которомъ онъ былъ изъ первыхъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ, принявъ намѣреніе издавать отечественные памятники, желало имѣть образецъ такого Филологическаго изданія и обратилось въ этомъ случаѣ къ нему, какъ уже искусившемуся въ критикѣ надъ классиками, то онъ въ образецъ такого труда представилъ посланіе Жидяты, сопровожденное объяснительными примѣчаніями. Одинъ только его трудъ,—не скроемъ недостатковъ,—разсужденіе о Несторѣ, какъ сочинителѣ Патерика, не отвѣчаетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя возбудить могъ столь опытный Филологъ. Но кто знаетъ, сколько потребно собрать

* Слова Маттеи: «De quo ego optimo ac praestantissimo juvene, sicutiolim Socrates apud Platonem de Isocrate (слѣдуютъ слова Сократа).

фактовъ въ сужденіи о достовѣрности древнихъ памятниковъ, сколько надобно осмотрѣть манускриптовъ, и какъ часто одинъ до того времени скрывающійся манускриптъ уничтожаетъ прежнія догадки и выводы, тотъ легко извинитъ недостатки этого сочиненія. Но не смотря на то, онъ предугадывалъ истину, какъ это подробно мной показано въ моемъ разсужденіи о Патерикѣ.

«Но всего болѣе достоинъ сожалѣнія его неоконченный Несторъ. Правда, и этотъ его трудъ не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ; но точность, съ какою онъ слѣдовалъ за образцемъ своимъ и изъ которой столь ясно и положительно можно судить объ ороографіи оригинала, наконецъ выборъ варіантовъ, изъ которыхъ можно вывести настоящее чтеніе въ мѣстахъ сомнительныхъ, были первымъ, и у насъ еще невиданнымъ, примѣромъ, которому потомъ съ такой похвалою подражали Калайдовичь и Востоковъ. Я слышалъ отъ него самъ, что онъ, трудясь надъ этимъ изданіемъ, притупилъ и ослабилъ свое зрѣніе. Касательно же Лаврентьевскаго списка онъ говорилъ мнѣ, что, судя по почерку и по черниламъ пожелтѣлымъ отъ времени, онъ далеко отличается отъ приписки Лаврентія и по этому, сколько онъ могъ судить, самый списокъ *гораздо* древнѣе этой приписки. Эти его слова я сообщилъ тогда же другу моему и товарищу М. П. Погодину, который уже въ недавнее время, имѣя случай хорошо разсмотрѣть манускриптъ сей, при свиданіи со мной вспомнилъ эти слова общаго нашего учителя и подтвердилъ ихъ. О послѣднемъ, но къ великому сожалѣнію, потерянномъ трудѣ его, надъ объясненіемъ пѣсни о Полку Игоревѣ, и о которомъ онъ говорилъ, какъ оконченномъ, Калайдовичу, вы узнаете обстоятельнѣе отъ М. П. Погодина, отъ котораго и я это слышалъ. Вотъ все, что имѣю сказать о Тимковскомъ. Полугодичное время моего съ нимъ знакомства и отношенія ученика къ наставнику, которыхъ я не могъ нарушить, не позволили мнѣ знать о немъ болѣе.»

ТИХОНОВИЧЪ, Іосифъ Кириловичь, Адъюнктъ Рецептуры, Докторъ Медицины, Коллежскій Совѣтникъ, изъ податнаго званія, по данному отъ Кіевскаго Магистрата поз-

воленію, 3 Дек. 1804 г. вступилъ въ Академическую Гимназію при Москов. Университетѣ; произведенъ въ Студенты 1812 г. Авг. 19; принятъ на казенное содержаніе по Медицинскому Отдѣленію въ 1813 г.; изъ податнаго званія Правительствующимъ Сенатомъ уволенъ 1816 г. Янв. 19; удостоенъ званія Лѣкаря 1-го отдѣленія 1819 г. Ноября 5; по предписанію Министра Народ. Просвѣщ. оставленъ при Университетѣ для бо́льшаго усовершенствованія въ наукахъ и полученія степени Доктора Медицины 1819 г. — Г. Попечитель Москов. Университета поручилъ ему имѣть надзоръ за Медицинскими Студентами 1820 г. Янв. 20. Сдѣланъ Помощникомъ Директора Врачебнаго Института 1820 г. Сент. 25; утвержденъ въ званіи Доктора Медицины 1823 г. Іюля 4-го; Адъюнктомъ, вмѣстѣ съ порученіемъ должности завѣдывать Университетскою Аптекою, утвержденъ Г. Министромъ Народн. Просвѣщ., по представленію Г. Попечителя Московскаго Учебн. Округа 1825 г. Ноября 17-го; въ Москов. Губернскую Гимназію опредѣленъ Врачемъ 1826 г. Апр. 7-го; въ слѣдствіе предписанія Г. Попечителя отъ 9-го Сент. 1826 г. отправлялъ должность Инспектора казенныхъ Студентовъ за болѣзнію Инспектора 1826 г. съ 9-го Сент. по 10-е Ноября; отправленъ былъ съ инструкціею въ С. Пб. для осмотра и перенятія образа устройства учебныхъ заведеній, въ ономъ находящихся, 1826 г. Нояб. 10-го; должность Инспект. казен. Студентовъ вторично поручена ему 1827 г. Нояб. 22-го; за отличное усердіе къ службѣ получилъ Монаршее благоволеніе 1828 г. Апр. 28-го; утвержд. въ званіи Директора Медиц. Институт. 1828 г. Ав. 18-го, и эту должность исправ. до 21-го Дек. 1828 г.

Въ $182\frac{6}{7}$ году Т. началъ преподаваніе Рецептуры по руководству Консбруха и Эбермейера, упражнялъ Студентовъ въ приготовленіи лѣкарствъ въ Универ. Аптекѣ, и $18\frac{29}{30}$ годомъ, заключивъ свое преподаваніе, выбылъ изъ Универс., по прошенію, въ Турецкую компанію. Въ настоящее время состоитъ врачемъ при Канцеляріи Моск. Гражд. Губернатора. Сочиненія его — докторская диссертація: 1) De febre puerperarum. 2) *Врачебныя правила для беременныхъ, родильницъ, рожаницъ и младенцевъ;* 3) *Рисунки хирургическихъ инструментовъ съ краткимъ ихъ описаніемъ для молодыхъ врачей.*

Топоровъ, Николай Силичъ, Докторъ Медицины и Акушеръ, Ординарный Профессоръ Частной Патологіи, Терапіи и Психіатріи, Московскаго Физико-Медицинскаго Общества Членъ, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 3-й степ. Кавалеръ, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, родился въ Москвѣ 1803 года Ноября 27-го дня. По смерти отца своего, весьма бѣднаго Московскаго мѣщанина, Топоровъ, оставшись сиротою 4-хъ лѣтъ, жилъ до 9-тилѣтняго возраста въ домѣ матери своей, и въ 1812 году, во вниманіе къ крайней бѣдности, не смотря на то, что онъ не достигъ еще 10-лѣтняго возраста, принятъ былъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Московскаго Коммерческаго Училища, откуда, по окончаніи полнаго курса ученія, выпущенъ съ званіемъ Кандидата Коммерціи, награжденъ серебряною медалью и 200 р. ас. на экипировку. За тѣмъ оставаясь опять въ теченіи двухъ лѣтъ въ домѣ матери своей, онъ изучилъ языки Латинскій и Греческій, подъ руководствомъ старшаго брата своего, бывшаго въ то время Студентомъ Медицинскаго Факультета, Петра Силича, въ послѣдствіи военнаго врача и окончившаго въ цвѣтѣ лѣтъ жизнь свою отъ чумы, въ госпиталѣ въ Кюстенджи, въ 1829 году. Въ 1822 году Октября 2-го дня, Топоровъ, по полученіи увольнительнаго свидѣтельства отъ Мѣщанскаго Общества, поступилъ по экзамену слушателемъ въ У., какъ своекоштный воспитанникъ, гдѣ слушалъ лекціи Медицинскаго Факультета; по окончаніи въ ономъ курса ученія, удостоенъ степени Лѣкаря 1-го Отдѣленія, 1827 г. Мая 12-го дня, и отправленъ для усовершенствованія въ Медицинской практикѣ въ Московскій Военный Госпиталь. По окончаніи занятій своихъ въ Госпиталѣ, Топоровъ снова началъ посѣщать Профессорскія лекціи, что̀ продолжалъ въ теченіи двухъ лѣтъ, и въ 1829 г., по выдержаніи экзаменовъ, удостоенъ званія Акушера Января 9-го и Доктора Медицины Іюня 3-го. Наконецъ въ началѣ 1838 г., Топоровъ, будучи уже Адъюнктомъ Факультетской Терапевтической Клиники, постигая важность и пользу ученыхъ путешествій для Профессора и практическаго врача, обратился къ бывшему Попечителю Московскаго Учебнаго Округа Графу Строгонову съ просьбою о до-

зволенія докончить ему свое специальное медицинское образованіе за границею. Благодѣтельный Начальникъ исходатайствовалъ черезъ Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайшее на то дозволеніе 3-го Мая 1838 г.—Топоровъ немедленно отправился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ осмотрѣлъ всѣ больницы Военнаго и Гражданскаго вѣдомства, выслушалъ мнѣніе Гг. Главныхъ Докторовъ тѣхъ больницъ о натурѣ разныхъ болѣзней и употребляемыхъ ими способахъ врачеванія оныхъ. Изъ Петербурга Топоровъ моремъ переѣхалъ въ Любекъ, осмотрѣлъ тамошній Ортопедическій Институтъ и отсюда немедленно выѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ обозрѣлъ Allgemeines Krankenhaus въ отношеніяхъ учено-медицинскомъ и административномъ и пріобрѣлъ благосклонное вниманіе Главнаго врача онаго, знаменитаго Хирурга Фрикке.

За тѣмъ, имѣя намѣреніе пріобрѣсти личное знакомство съ Гг. Профессорами старинныхъ Нѣм. Унив., посѣтилъ Унив. Геттингенскій, Гиссенскій, Марбургскій и Боннскій, и бесѣдовалъ съ Проф. Конради, Лангенбекомъ, Гейзингеромъ и Нассе. Изъ Бонна Топоровъ ѣздилъ для наблюденій надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ минеральныхъ водъ въ Висбаденъ, Эмсъ и Ахенъ; откуда наконецъ, въ половинѣ Іюля 1838 г., отправился въ Парижъ; и тутъ въ теченіе 7½ мѣсячнаго пребыванія своего слушалъ публичныя и приватныя лекціи *общія медицинскія* у Гг. Профессоровъ Ростана, Андраля, Бульо, Шомеля, Фукье, Луи и Жандреня, и *специальныя*: болѣзней накожныхъ у Проф. Біетта и Казенава, глазныхъ у Сансона старшаго и Зишеля, дѣтскихъ у Роже, путей мочевыхъ у Лаба, болѣзней легкаго и сердца у Піорри, Жандреля и Рацибoрскаго, ушныхъ у Дело, венерической болѣзни у Рикора, психическихъ у Эскироля, Феррюса и Митивье; кромѣ того Топоровъ изучалъ въ Парижѣ практическое Акушерство подъ руководствомъ Проф. Дюбуа и Газо; и Микроскопію у Донне, а въ свободное отъ вышеисчисленныхъ занятій время посѣщалъ засѣданія Медицинской Академіи и частные домы ученыхъ Парижскихъ врачей, открытые для всѣхъ любознательныхъ врачей въ извѣстные дни и часы; тутъ съ величайшею для себя пользою слушалъ онъ критическіе разборы всѣхъ новыхъ открытій и вновь выходящихъ Медицин-

скихъ книгъ. Кромѣ того посѣщалъ еженедѣльно кабинеты: Анатомическій, Анатомико-Патологическій и Анатоміи Сравнительной, равно какъ и Альфортскую Ветеринарную школу.

Изъ Парижа Топоровъ отправился въ Стразбургъ, гдѣ осмотрѣлъ Клиники и Госпитали, и оттуда переѣхалъ въ Цирихъ. Здѣсь, въ теченіе 1½ мѣсяца, слушалъ онъ лекціи Терапіи и Медицинской Клиники знаменитаго Проф. Шенлейна, и бывъ принятъ у него въ домѣ неоднократно, бесѣдовалъ съ нимъ о Медицинѣ вообще. Изъ Цириха, Топоровъ направилъ путь свой чрезъ Сѣверную Италію въ Вѣну; на этомъ пути осмотрѣлъ онъ всѣ Госпитали и ветеринарную школу въ Миланѣ, Падуѣ, Венеціи и Тріэстѣ; во время краткаго пребыванія его въ этихъ городахъ, онъ успѣлъ снискать благосклонный пріемъ въ домахъ врачей Піантаниды, Джіакомини и Проф. Липпича. Они указали ему наиболѣе замѣчательные, рѣдкіе, климату Россіи не свойственные болѣзненные случаи, и въ бесѣдахъ своихъ съ Топоровымъ высказали ему способы врачеванія различныхъ болѣзней, отличные отъ способовъ врачеванія тѣхъ же болѣзней въ другихъ государствахъ Европы.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Топоровъ тѣмъ же днемъ, при содѣйствіи Россійскаго Полномочнаго посла, пріобрѣлъ знакомство Лейбъ-Медика Мальфатти, который доставилъ ему входъ во всѣ Медицинскія заведенія въ Вѣнѣ. Здѣсь каждодневно по утрамъ посѣщалъ онъ Клиники: Медицинскую Проф. Гильтенбрандта, глазныя Розаса и Эгера, Акушерскую Клейна, а въ вечернее время слѣдовалъ за врачами въ Allgemeines Krankenhaus при ихъ визитаціяхъ. Кромѣ этого Топоровъ изучалъ въ Вѣнѣ Микроскопію подъ руководствомъ Проф. Береса, Стетоскопію у Д. Шкоды и Патологическую Анатомію у Проф. Рокитанскаго и Помощника его Колечки. Изъ Вѣны ѣздилъ Топоровъ для обозрѣнія водолѣчебнаго заведенія Докт. Гранихштедтена въ мѣстечко Лаабъ близь Вѣны, ѣздилъ къ водамъ Маріенбадскимъ, Карлсбадскимъ и Теплицкимъ для изученія на мѣстѣ приложенія ихъ къ врачеванію болѣзней. Возвращаясь изъ Вѣны въ Россію, Топоровъ посѣтилъ знаменитаго Проф. Крукенберга въ Галле, Гг. Профф. Вагнера, Вольфа, Клюге, Иделера, Юнкена и Миллера въ Берлинѣ,

осмотрѣлъ Клиники, выслушалъ мнѣнія этихъ Гг. Профессоровъ о сущности нѣкоторыхъ болѣзней и направилъ путь свой изъ Берлина въ Варшаву, гдѣ, осмотрѣвъ также все любопытное для любознательнаго врача, Топоровъ отправился въ Россію. Возвратясь въ Октябрѣ 1839 года въ Москву, Топоровъ вступилъ опять въ отправленіе прежней своей должности Адъюнкта Терапевтической Клиники.

Службу свою Топоровъ началъ въ И. М. У. должностію Помощника Директора Медицинскаго Института 1829 Сент. 4-го, каковую въ томъ же году Ноября 29-го соединилъ онъ съ должностію Лектора Математики и Физики въ Медицинскомъ Факультетѣ ,по Высочайшему Указу, не въ примѣръ другимъ. Съ этого-то времени Топоровъ непрерывно продолжаетъ и доселѣ ученую службу свою при Университетѣ. Въ должности Лектора, а потомъ Адъюнкта Математики и Физики въ Медицинскомъ Факультетѣ (съ 25-го Декабря 1832 г.) оставался Топоровъ по 31-е Декабря 1835 г.. Въ это время, при введеніи въ дѣйствіе новаго Устава Медицинскаго Факультета, Топоровъ назначенъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Патологической Семіотики и Терапевтической Клиники, каковую должность и исполнялъ онъ по 27-е Генваря 1849 года. Находясь въ должности Адъюнкта Терапевтической Клиники, Топоровъ читалъ въ теченіе 12 лѣтъ, безъ особеннаго вознагражденія, по препорученію Медицинскаго Факультета, ученіе о болѣзняхъ психическихъ, накожныхъ и венерической; а по распоряженію бывшихъ тогда ближайшихъ Начальниковъ своихъ Гг. Проф. Бунге и Овера, исполнялъ онъ должность Проф. Терапевтической Поликлиники, число больныхъ коей простиралось каждогодно отъ 1200 до 1500 человѣкъ и болѣе; Генваря 27-го 1849 г. утвержденъ Топоровъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ званіи Ординарнаго Профессора Частной Патологіи, Терапіи и Психіатріи, и въ этой должности служитъ донынѣ.

Кромѣ ученой Университетской службы Топоровъ былъ: 1) Адъюнктомъ Математики и Физики въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи съ 28-го Октября 1833 года по 27-го Августа 1836 г.; 2) Преподавателемъ Физики и Химіи въ Московскомъ Коммерче-

скомъ училищѣ съ 17-го Августа 1831 по 1-е Апрѣля 1850 г. Первую должность получилъ онъ по конкурсу; а вторую принялъ онъ на себя по желанію и просьбѣ бывшаго Директора Московскаго Коммерческаго Училища, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Т. А. Каменецкаго; отъ первой должности уволенъ онъ при введеніи новыхъ штатовъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи, при чемъ каѳедра Физики соединилась съ каѳедрою Химіи, а въ должность Адъюнкта вступилъ Ординарный Профессоръ Физики И. С. Веселовскій; отъ второй уволенъ онъ по его прошенію.

Кромѣ означенныхъ ученыхъ должностей, Топоровъ былъ Помощникомъ Директора Врачебнаго Института съ 1-го Сентября 1829 по 15-е Мая 1834 г.; въ это же время, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, за отсутствіемъ Проф. Перевощикова, исполнялъ онъ должность Директора Врачебнаго Института; Секретаремъ Московскаго Ценсурнаго Комитета съ 22-го Дек. 1832 по 9-е Марта 1836 года; дважды Секретаремъ Медицинскаго Факультета: съ 9-го Января 1836 по 7-е Мая 1838 года (день отъѣзда его за границу) и съ 16-го Апрѣля 1841 по 3-е Сентября 1847; Производителемъ дѣлъ и Чиновникомъ особыхъ порученій Комитета охраненія отъ холеры Университета и заведеній ему подвѣдомственныхъ съ 19-го Сентября 1830 по 17-е Августа 1831 г., и 3-го Сентября 1830 при появленіи холеры въ зданіи Университета Топоровъ, совокупно съ Адъюнктомъ Терновскимъ, подавалъ помощь первому заболѣвшему въ Университетѣ солдату.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ выше обязанностей, Топоровъ, съ 20-го Декабря 1832 г., въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ безвозмездно обязанность врача бѣдныхъ, какъ Членъ Императорскаго человѣколюбиваго Общества Московскаго Попечительнаго Комитета, а въ 1848 и 1849 г. былъ Старшимъ Врачемъ временной холерной больницы, учрежденной по распоряженію Начальства въ зданіяхъ Университетскихъ Клиникъ.

За отлично-усердную и полезную службу его по Университету Топоровъ награжденъ чинами Статскаго Совѣтника Іюля 3-го 1843 г., Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Орд. Св. Анны 3-й ст. 3-го Февр. 1846 г.; дважды получилъ Монаршее благоволеніе: Авг. 25-го 1831 г. и Апр. 18-го

1849 г., и благодарность Г. Министра Народнаго Просвѣщенія 20-го Августа 1851 г.—За таковую же усердную и ревностную службу его по должности учителя Физики и Химіи въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ, отъ щедротъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Топоровъ удостоился получить богатый брилліантовый перстень Апр. 13-го 1837 г., а за полезныя дѣйствія и труды его по человѣколюбивому Обществу изъявлено ему Монаршее благоволеніе.

Къ числу ученыхъ трудовъ его принадлежатъ: 1) Разсужденіе, написанное имъ для полученія степени Докт. Медицины, de cancere ventriculi, Mosq. 1829.—2) Два разсужденія, писанныя имъ на полученіе по конкурсу должности Адъюнкта въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи: a) *о температурѣ земнаго шара* на Русск. языкѣ и b) *о приложеніи Электричества къ врачеванію болѣзней* на Латинск. языкѣ; 3) различныя переводныя статьи, кои Топоровъ, какъ сотрудникъ Докт. Маркуса (нынѣ Лейбъ-Медика Двора Его Императорскаго Величества) помѣщалъ въ Журналѣ его: Врачебныя Записки Докт. Маркуса; 4) Изложеніе на Русскомъ языкѣ идей Лейбъ-Медика Лодера о холерѣ, въ книжкѣ, изданной симъ послѣднимъ въ 1830 г.; 5) отчетъ о занятіяхъ Топорова за границею, помѣщенный въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1840 г. и 6) рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го Генв. 1853 г.: De insania ejusque natura.

ТРЕТЬЯКОВЪ, Иванъ Андреевичь, Экстраординарный Профессоръ Римскаго Права, Докторъ обоихъ Правъ, изъ Духовнаго званія, Тверской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Тверской Семинаріи; по окончаніи курса, въ 1761 году, поступилъ въ Московскій Университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ Математическихъ. — Здѣсь Третьяковъ, какъ отличнѣйшій Студентъ, подающій великія надежды, скоро замѣченъ былъ Универс. Начальствомъ, которое старалось приготовлять для Университета природныхъ, отечественныхъ наставниковъ. Вмѣстѣ съ даровитѣйшимъ въ то время товарищемъ своимъ, Десницкимъ,

Третьяковъ, по распоряженію Начальства, посланъ былъ въ Англію для изученія наукъ Математическихъ. — Но оба они чувствовали особенное призваніе къ наукамъ Юридическимъ. Гласговскій Университетъ въ Шотландіи, въ то время украшавшійся славными именами въ исторіи наукъ, каковы напр. Блакстона, Юма, Адама Смита, окончательно опредѣлилъ направленіе ученой ихъ дѣятельности. Историческая метода Блакстона ярко отразилась въ Третьяковѣ и Десницкомъ: они первые занесли въ нашу Русскую Юриспруденцію элементъ историко-прагматическій. Третьяковъ выдержалъ въ Гласговѣ экзаменъ на степень Доктора Правъ, и съ достоинствомъ защищалъ написанное имъ по предмету Римскаго Права сочиненіе: *О позывѣ на судъ* (disputatio Juridica de in jus vocando. Glasguae, 1767). Это сочиненіе — молодый Русскій ученый посвятилъ, въ знакъ своей благодарности и признательности, знаменитому покровителю Университета и наукъ въ Россіи, Ивану Ивановичу Шувалову. — Самая достойная дань признательности!

Конечно, Институціи Римскаго Юрисконсульта Гая, пролившія новый свѣтъ на древнее Римское судопроизводство, были въ то время еще неизвѣстны. Но не смотря на это, въ разсужденіи видно историческое направленіе; умъ Третьякова не удовлетворялся одною догматикою Права Римскаго—исключительнымъ тогда предметомъ изученія и преподаванія; онъ углубленъ въ исторію, и въ ней старался найти органическіе опыты тѣхъ явленій, изъ которыхъ наконецъ сложилась неизмѣнная догма. — Этотъ одинъ фактъ ясно уже свидѣтельствуетъ о великихъ дарованіяхъ Русскаго Профессора.

Въ 1768 году Третьяковъ возвратился въ Москву, и по прекращеніи притязаній Университета, не признававшаго ученой его степени — Доктора Правъ, вслѣдствіе даннаго ему отъ него назначенія изучать Математическія науки, при личномъ содѣйствіи знаменитаго Куратора, онъ утвержденъ былъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора по каѳедрѣ Римскаго Права.

Служеніе его наукѣ было кратковременное. Преподаваніе онъ началъ въ 1768 году и заключилъ его 177$\frac{6}{7}$ Акад. годомъ. Скончался въ 1779 г. Но имя его съ уваженіемъ со-

хранится въ Исторіи Университета. Онъ преподавалъ Институціи Римскаго права и исторію онаго; къ великому сожалѣнію для науки, онъ не успѣлъ составить полнаго учебника своихъ лекцій.—Остались для насъ три *рѣчи* его, которыя онъ произнесъ на публичныхъ актахъ Университета. Въ 1768 г. Апрѣля 22-го, въ первый годъ Профессорской своей службы, онъ произнесъ рѣчь *о происхожденіи и учрежденіи Университетовъ въ Европѣ.* — Здѣсь все показываетъ великій размѣръ ума въ молодомъ Русскомъ ученомъ. Слѣдя за исторіею Университетовъ на западѣ, онъ проходитъ съ нею вмѣстѣ исторію науки и просвѣщенія, и потомъ, какъ бы предчувствуя будущую славную судьбу Московскаго Университета—этого юнаго и единственнаго тогда разсадника наукъ, онъ желаетъ ему отъ всей души благоденствія. Въ другой рѣчи—1769 г. Іюля 30-го: *о Римскомъ правленіи и разныхъ его перемѣнахъ*, онъ стройно и правильно излагаетъ исторію политическихъ измѣненій въ Римѣ; здѣсь ярко виденъ историко-юридическій тактъ.—Современные ему и послѣдующіе Нѣмецкіе ученые, призванные въ Московскій Университетъ для преподаванія Римскаго Права, никогда не касались этой стороны права, оставаясь на одномъ догматическомъ изложеніи. Въ 1772 г. Іюня 30-го онъ произнесъ третью и послѣднюю рѣчь—*о причинахъ изобилія и медлительнаго обогащенія Государствъ.*—Эта рѣчь относится уже къ области Государственнаго права и Политической Экономіи, и написана подъ вліяніемъ новыхъ политико-экономическихъ началъ Адама Смита, распространенныхъ въ Гласговскомъ Университетѣ, еще до появленія въ свѣтъ полной его теоріи въ 1774 г.

Этимъ окончилась литературная дѣятельность Третьякова. Преждевременная смерть лишила Московскій Университетъ одного изъ даровитѣйшихъ Профессоровъ. Десницкій и Третьяковъ были первыми Русскими основателями и проводниками Юриспруденціи въ Россіи.

ТРОСТИНЪ, Дмитрій Петровичь, Адъюнктъ Математики, изъ дух. званія, Ярославской эпархіи.—Въ 1777 г. изъ Суздал. Семинаріи былъ уволенъ съ аттестатомъ въ Моск. Университетъ и въ томъ же году въ Іюлѣ записанъ былъ въ Уни-

верситетскую Гимназію. Въ 1779 г, Іюня 30-го произведенъ въ Студенты, въ 1782 году Іюня 30-го за сочиненіе изъ умозрительной и опытной Физики на Латинскомъ языкѣ: *о системѣ міра,* получилъ серебряную медаль. 1783 г. Окт. 4-го опредѣленъ учителемъ въ Латинскій Грамматическій классъ и обучалъ 25 лѣтъ; въ 1784 г. порученъ былъ ему и низшій Греческій классъ по согласію его, изъ усердія, безъ жалованья, и обучалъ онъ Греческому языку 24 года; сверхъ упомянутыхъ двухъ классовъ, еще обучалъ 6 лѣтъ высшій Ариѳметическій классъ. Въ 1799 г. вмѣсто высшаго Ариѳметическаго порученъ былъ ему же и Геометрическій классъ, въ 1807 г. также и Тригонометрическій, а въ 1808 г. вмѣсто двухъ классовъ, Геометрическаго и Тригонометрическаго, порученъ Алгебраическій. Въ 1805, 1806 и 1807 гг. въ Коммиссіи объ Университетскихъ зданіяхъ, высшимъ Начальствомъ учрежденной, отправлялъ должность Секретаря. Въ Коммиссіи Университетскаго отчета и его округа по учебнымъ и хозяйственнымъ частямъ, за 1807, 1808, 1809 и 1810 годы, исправлялъ также должность Секретаря. Адъюнктомъ Математики утвержденъ 8 Февр. 1809 г. со старшинствомъ со дня произведенія (1805 Іюня 30-го). Избранъ Секретаремъ въ отдѣленіе Физико-Математическихъ наукъ 1809 г. и отправлялъ сію должность болѣе 9 лѣтъ.

Въ 1814 и 1815 годахъ обучалъ чиновниковъ, служащихъ въ статской службѣ, Ариѳметикѣ и Геометріи; съ 1816 г. по 1819 годъ преподавалъ въ Университетѣ лекціи Ариѳметики, Геометріи и Алгебры по Безу. Слушатели Тростина болѣе помнятъ его, какъ хорошаго учителя Латинской и Греческой Этимологіи въ Гимназіи; къ числу ихъ принадлежали, какъ современники, Професоры: Ѳ. И. Чумаковъ и П. Ил. Страховъ и еще О. О. Ишимовъ, родитель извѣстной писательницы. Тростинъ скончался, въ тридцатыхъ годахъ, доживъ съ характеромъ спокойнымъ до глубокой старости. Ученики его съ благодарностію воспоминаютъ небольшую, изданную имъ книжку: «*Легчайшій способъ учиться началамъ Латинскаго* «*языка, съ присовокупленіемъ краткаго Синтаксиса,*» которая въ 1823 г. дошла до 5 изданія.

Турнейзенъ, Эммануилъ, Адъюнктъ по каѳедрѣ законовъ о Финансахъ, при Попечителѣ М. Н. Муравьевѣ былъ приглашенъ въ Московскій Университетъ, вѣроятно изъ Германіи и опредѣленъ Адъюнктомъ Этико-Политическаго отдѣленія. Его имя упоминается одинъ разъ въ росписаніи лекцій 1806—1807 академическаго года, гдѣ онъ предлагаетъ изъяснять науку о государственныхъ доходахъ на Французскомъ языкѣ, по своимъ тетрадямъ, и сверхъ того приватнѣйшія лекціи о первыхъ началахъ Политики. Въ бумагахъ М. Н. Муравьева сохранилось письмо Турнейзена къ Попечителю отъ 14-го Іюня 1806 года объ его вступительной лекціи. Послѣ онъ перешелъ въ Ярославскій Демидовскій Лицей.

У.

Ульрихсъ, Юлій Петровичь, Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи, Статистики и Географіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ Орденовъ Св. Владиміра 3-й степени и Св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями, былъ родомъ изъ иностранцевъ. Мѣсто его рожденія и обстоятельства воспитанія неизвѣстны. Ученая дѣятельность его при Московскомъ Университетѣ начинается съ 1807 года. Сначала онъ опредѣленъ былъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка, потомъ 1811 г. произведенъ въ Адъюнкты и наконецъ 1817 г. въ Экстраординарные Профессоры по той же каѳедрѣ. Предметами его занятій при Университетѣ все это время были Нѣмецкая Литература и переводы съ Русскаго языка на Нѣмецкій. Въ 1823 г. по случаю смерти Ординарнаго Профессора Черепанова, Ульрихсъ избранъ былъ на его мѣсто для занятія каѳедры Всеобщей Исторіи съ переименованіемъ въ Ординарнаго Профессора. Преподаваніе ея онъ началъ рѣчью: «*О сущности, образѣ представленія и цѣли Исторіи*»; занятія его по этой каѳедрѣ продолжались потомъ непрерывно и въ слѣдующихъ годахъ. Изъ годичныхъ отчетовъ Университета видно, что Ульрихсъ читалъ Всеобщую Исторію въ полномъ ея объемѣ, употребляя одинъ курсъ на чтеніе древней и средней, а слѣдующій за тѣмъ учебный годъ—на изложеніе исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Лекціи были читаны имъ сначала по извѣстному руководству Шрекка и Пелица, а

потомъ по собственному конспекту, утвержденному Совѣтомъ Университета. Съ историческою каѳедрою соединялось тогда и преподаваніе Статистики: по этому, вмѣстѣ съ курсомъ Всеобщей Исторіи, Ульрихсъ проходилъ еще съ своими слушателями особый курсъ Статистики важнѣйшихъ Европейскихъ Государствъ, большею частію по руководству Гейма. Сверхъ того Ульрихсъ былъ одинъ годъ (1825) Членомъ Училищнаго Комитета, съ 1828 г. Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Дѣятельность его по каѳедрѣ кончилась 183½ Академическимъ годомъ, послѣ чего онъ по прошенію уволенъ отъ Университета. — Занятія Ульрихса, впрочемъ, не ограничивались преподаваніемъ въ Университетѣ. Замѣчательна сверхъ того педагогическая его дѣятельность въ другихъ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ началъ ее службою (вѣроятно въ должности учителя) въ Коммерческомъ Училищѣ и проходилъ ее въ теченіи 7 лѣтъ, за что былъ награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника. Въ 1817 году онъ опредѣленъ былъ Преподавателемъ Энциклопедіи въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, а, по принятіи Русскаго подданства, въ томъ же году назначенъ Инспекторомъ при томъ же заведеніи. Многолѣтняя служба его при Воспитательномъ Домѣ вознаграждена была нѣсколькими бриллiантовыми перстнями (въ 1819, 1821, 1823, 1825, 1826, 1827 годахъ), чиномъ Коллежскаго Совѣтника и знаками Орденовъ Св. Владиміра 4-й ст. и Св. Анны 2-го класса. Въ 1827 году ввѣрена была ему сверхъ того должность Инспектора классовъ при Училищахъ Ордена Св. Екатерины и Александровскомъ. За отличіе по этимъ должностямъ онъ произведенъ былъ въ томъ же году въ Статскіе Совѣтники, въ 1831 г. получилъ Орденъ Св.Владиміра 3-й степени, а въ 1832 г. произведенъ въ Дѣйств. Ст. Сов. Скончался 1-го Января 1836 года. Въ 1814 г. Ульрихсъ произнесъ на Нѣмецкомъ языкѣ рѣчь: *«О важнѣйшихъ причинахъ любви къ отечеству и о вліяніи ея на цвѣтущее состояніе и судьбу государствъ.»* Она замѣчательна по тѣсной связи, въ которой находился предметъ ея съ обстоятельствами времени; Москва только-что начинала возникать изъ пепла, и Университетъ, въ первый разъ послѣ событій 1812 года, праздновалъ свое годичное собра-

ніе. Нельзя сомнѣваться, что обращеніе къ этимъ событіямъ, которымъ начинается рѣчь Ульрихса, было встрѣчено живымъ сочувствіемъ со стороны слушателей; жаль только, что участіе должно было по необходимости ограничиться лишь публикою, понимавшею Нѣмецкій языкъ.—Кромѣ этой рѣчи, имъ изданы: 1) *Систематическое собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій,* изданныхъ въ пользу Россійскаго юношества. М. 1817. Этой книги вышло 4 изданія.—2) *Опытъ Энциклопедическаго обозрѣнія Словесныхъ, Историческихъ, Естественныхъ, Математическихъ и Философскихъ наукъ.* Москва, 1820 г.—3) *Нѣмецкая Грамматика,* изд. для воспитан. Благор. Универс. Пансіона. М. 1822 г.—4) *Лекція о сущности, образѣ представленія и цѣли Исторіи,* читанная въ И. М. У. М. 1823 г.

Ф.

Фелькель, Юлій Карловичь, (Julius Caesar), Лекторъ Нѣмецкаго языка, Докторъ Философіи, Надворный Совѣтникъ, родился въ Берлинѣ $\frac{11}{23}$ Января 1812 года. Отецъ его, занимавшійся торговлею, далъ ему самое лучшее по своимъ средствамъ воспитаніе. На десятомъ году онъ помѣстилъ его въ Берлинскую Гимназію (Gymnasium Ioachimicum), находившуюся подъ просвѣщеннымъ надзоромъ знаменитаго Филолога Августа Мейнеке и прославленную именами Бутманна, Цумпта, Карла Кёпке, Августа, Крюгера, издателя Ксенофонта, и другихъ извѣстныхъ ученыхъ и писателей. Въ этой Гимназіи, кромѣ другихъ предметовъ, съ особенною тщательностію преподавались языки древніе: почему молодой Фелькель преимущественно посвятилъ себя изученію классической Филологіи. Пять лѣтъ провелъ онъ въ этомъ заведеніи и три года въ пансіонѣ, при немъ находившемся (Alumnat); а, по окончаніи полнаго Гимназическаго курса, поступилъ въ Берлинскій Университетъ. Здѣсь, кромѣ избраннаго имъ предмета, онъ посѣщалъ лекціи Философіи, Богословія и Правовѣдѣнія. Имена Профес.: Бёка, Лахманна, Беккера, Гейзе, Карла Риттера, Тёлькена, Штура, Гегеля, Стеффенса, Гейнриха Риттера, Шлейермахера, Неандера, Маргейнеке, Бенеке, Савиньи, Ганса, Виль-

кена, Раумера, Ранке, Гофмана и другихъ показываютъ, какой объемъ имѣло его Университетское образованіе. *Фелькель* слушалъ почти всѣ лекціи этихъ ученыхъ, стяжавшихъ Европейскую извѣстность. Но особенно важны были *для* него, сверхъ чтеній А. Бёка и К. Лахмана, Цумптовы объясненія рѣчей Цицерона противъ Верреса, чтенія Карла Риттера объ Азіи, Миѳологія Штура, Антропологія Стеффенса, *Исторія* Философіи Гейнриха Риттера, Иѳика Шлейермахера, Церковная Исторія и Догматика Неандера, Психологія Бенеке, Исторія Римскаго права Савиньи, Философія Исторіи Ганса, Статистика Гофмана, Новая Исторія Раумера и Исторія среднихъ вѣковъ Ранке. Съ большою пользою и живѣйшимъ удовольствіемъ участвовалъ онъ въ историческихъ упражненіяхъ подъ руководствомъ Ранке, къ которымъ допускались *только* избранные слушатели, между прочими: Вайцъ, Гизебрехтъ, Дённигесъ, Гиршъ, Вильмансъ, Кёпке младшій, прославившіеся всѣ впослѣдствіи своими историческими трудами. *И* такъ уже въ Университетѣ занятія его приняли двоякое направленіе: подъ руководствомъ Бёка занялся онъ изученіемъ классической Филологіи, а подъ руководствомъ Лахманна лингвистикою и новѣйшими языками, въ историческомъ отношеніи. По указаніямъ перваго онъ написалъ разныя разсужденія: de Graecis sophistis, de septem Graeciae sapientibus и пр. и получилъ за нихъ опредѣленную награду; подъ руководствомъ втораго онъ упражнялся въ языкахъ Готскомъ и древне-Нѣмецкомъ, прочелъ въ подлинникѣ большую часть средне-Германскихъ памятниковъ и занимался сравнительною и историческою грамматикою. Съ тѣхъ поръ онъ остался неизмѣнно вѣренъ этому двоякому направленію, посвящая тому и другому всѣ свои труды, по образцу своего незабвеннаго учителя Лахманна, оказавшаго своею критикою равно великія услуги какъ классической, такъ и новѣйшей Филологіи, въ которыхъ съ его именемъ связывается почти новая эпоха. Лахманнъ именно указалъ Фелькелю новую дорогу къ изученію Германскихъ и Романскихъ языковъ, проложенную Як. Гриммомъ и Ф. Дицемъ, этими образцами всѣхъ современныхъ лингвистовъ. Такъ пробудилось и обратилось наконецъ въ задачу всей жизни Ф. стремленіе приложить результаты новѣйшихъ изслѣ-

дованій къ образованію юношества. Въ слѣдствіе этого Ф. обратился къ добросовѣстному изученію Педагогики и Дидактики, и съ тѣхъ поръ сталъ руководствоваться генетической методой преподаванія. И такъ, по окончаніи полнаго курса наукъ и по выдержаніи экзамена на степень Доктора Философіи, онъ рѣшился провести нѣсколько времени въ практическомъ званіи домашняго наставника, тѣмъ болѣе, что извѣстный поэтъ Э. Раупахъ, много лѣтъ жившій въ Россіи, предлагалъ ему ѣхать въ Москву и занять тамъ мѣсто воспитателя Ивана Петровича, сына нынѣшняго Рязанскаго Гражданскаго Губернатора П. П. Новосильцова. Онъ пріѣхалъ въ Москву, въ 1833 году, принялъ предложенную ему должность, пробылъ въ этомъ домѣ одиннадцать лѣтъ и приготовилъ воспитанника въ Университетъ. Онъ скоро такъ сроднился съ Россіею, что уже въ 1835 году вступилъ въ Русское подданство, вознамѣрившись впослѣдствіи поступить на службу и посвятить дѣятельность и жизнь свою новому отечеству.—Въ 1843 году женился на дочери Пастора и Консисторіальнаго Совѣтника Геринга, которая скончалась въ 1852 году. — Въ 1845 году онъ опредѣленъ въ Московскій Университетъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка, въ томъ же году утвержденъ преподавателемъ Всеобщей Исторіи и Нѣмецкой словесности въ бывшемъ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ; въ 1846 году старшимъ учителемъ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ и Греческихъ и Римскихъ древностей въ бывшемъ Дворянскомъ Институтѣ. Кромѣ исполненія обязанностей по службѣ, онъ написалъ на Русскомъ языкѣ нѣсколько статей, которыя помѣстилъ въ Библіотекѣ для воспитанія, издававшейся въ Москвѣ подъ редакціею бывшаго Профессора Рѣдкина.—Въ 1847 году ему поручено было Университетскимъ Начальствомъ составить Нѣмецкую Хрестоматію для Медицинскаго и Физико-Математическаго Факультетовъ, которая въ томъ же году и была издана на казенный счетъ. — По преобразованіи Институтовъ Александринскаго и Дворянскаго, Фелькель продолжалъ службу только въ должности Лектора и члена Комитета при Университетѣ для испытанія лицъ, желающихъ получить званіе домашнихъ учителей и учительницъ. Въ 1852 году произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры. Въ послѣднее

время онъ занимался составленіемъ Исторіи Нѣмецкой Литературы для Россіи, въ связи съ исторіею языка, по памятникамъ съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. — На лекціяхъ своихъ онъ раздѣляетъ слушателей на два отдѣленія: въ одномъ читаетъ и переводитъ Хрестоматію, имъ изданную, объясняя Этимологію, правила словосочиненія, значеніе словъ, Ономатику, синонимы, германизмы, составъ предложеній и расположеніе словъ, постоянно сравнивая преподаваемый имъ языкъ съ Русскимъ, Латинскимъ и Французскимъ, относительно какъ сходства, такъ и различія между ними. Въ другомъ отдѣленіи излагаетъ подробную Исторію Нѣмецкой литературы по собственнымъ своимъ запискамъ, руководствуясь преимущественно Вильмаромъ, не упуская изъ виду и результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій Нѣмецкихъ Филологовъ по Грамматикѣ и Литературѣ. Вѣрный этому направленію, онъ уже давно собираетъ матеріалы, надѣясь въ скоромъ времени осуществить давно задуманную мысль: написать для Русскихъ, по Гримму и Беккеру, Нѣмецкую грамматику, къ которой приложится собраніе практическихъ задачъ въ систематическомъ порядкѣ, а равно и Исторію Нѣмецкой и Французской литературъ по памятникамъ, плодъ долговременнаго самостоятельнаго изученія.

Филомафитскій, Алексѣй Матвѣевичъ, Медицины Докторъ, Ординарный Профессоръ Физіологіи, Сравнительной Анатоміи и Общей Патологіи, Статскій Совѣтникъ, членъ Московскихъ Ученыхъ Обществъ: Императорскаго Испытателей Природы и Физико-Медицинскаго, уроженецъ Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда, происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначально учился въ Ярославской Семинаріи, а потомъ въ 1824 году поступилъ Студентомъ въ Харьковскій Университетъ, сперва по желанію его брата, Профессора Исторіи, въ Отдѣленіе наукъ словесныхъ, но вскорѣ перешелъ въ отдѣленіе Медицинское. Въ 1828 году окончилъ Медицинскій курсъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ и получилъ званіе Лѣкаря 1-го отдѣленія. Въ томъ же году, по выдержаніи экзамена въ Императорской Академіи Наукъ, поступилъ въ Профессорскій Институтъ при Дерпт-

скомъ Университетѣ. Онъ занимался тамъ Медициной до 1833 года и обращалъ особое вниманіе на Физіологію, въ изученіи которой его руководилъ Ратке. Въ 1833 году, по испытаніи, утвержденъ въ степени Доктора Медицины. Для пріобрѣтенія этой степени, Филомаѳитскій написалъ на Латинскомъ языкѣ и публично защитилъ разсужденіе: о дыханіи птицъ. — Въ томъ же 1833 году, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ для усовершенствованія въ Физіологіи за границу. Въ бытность свою за границею онъ занимался Физіологіею и другими науками, имѣющими съ нею тѣсную связь, въ Университетѣ Берлинскомъ (преимущественно подъ руководствомъ Мюллера и Шульца) и въ нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ Университетахъ. Въ 1835 году, по возвращеніи изъ-за границы, опредѣленъ преподавателемъ въ Московскій Университетъ. Черезъ четыре мѣсяца, при введеніи въ дѣйствіе новаго устава, утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора, для преподаванія Физіологіи и Общей Патологіи. Въ 1837 году повышенъ въ званіе Ординарнаго Профессора. Въ послѣдствіи, дополнительнымъ уставомъ къ каѳедрѣ Физіологіи присоединена Сравнительная Анатомія, а Общая Патологія отнесена къ другой каѳедрѣ; но и эту науку, за неимѣніемъ другаго Профессора, читалъ Алексѣй Матвѣевичь до своей кончины.

Филомаѳитскій былъ темперамента холерическаго. Большую часть своей жизни наслаждался здоровьемъ. Но въ послѣдніе годы его жизни разстройство пищевыхъ путей и печени стало очевидно. Болѣзненныя явленія по временамъ ожесточались и заставляли больнаго нѣсколько дней лежать въ постелѣ. Недѣли за двѣ до кончины, замѣтили у него сначала отёкъ ногъ, а потомъ растяженіе живота, частію вслѣдствіе скопленія газовъ въ пищевыхъ путяхъ, а частію вслѣдствіе выпотѣнія жидкости въ сывороточной брюшной мѣшокъ. Сначала больной былъ въ полномъ сознаніи, но вскорѣ сознаніе потерялъ. Врачи, бывшіе при немъ, объясняли это явленіе измѣненнымъ составомъ крови и отёкомъ мозга. При употребленіи приличныхъ средствъ, больной пришелъ въ сознаніе и получилъ видимое облегченіе, которое впрочемъ жестоко обмануло въ надеждѣ родныхъ и друзей, его окружавшихъ.

Около 20 часовъ несноснѣйшая икота, повторявшаяся нѣсколько разъ въ минуту, ужасно мучила изнуреннаго больнаго и наконецъ 22-го Января 1849 года, въ первомъ часу пополудни, смерть положила конецъ мученіямъ страдальца на 44 году его жизни. Въ семействѣ покойнаго остались безутѣшная вдова и три малолѣтныя дочери.

Въ лицѣ Алексѣя Матвѣевича Филомаѳитскаго потеряли: наука добросовѣстнаго воздѣлывателя ея; Московскій Университетъ ученаго и краснорѣчиваго Профессора; семейство нѣжнаго супруга и попечительнаго отца; друзья добраго совѣтника, равно вѣрнаго въ счастіи и несчастіи; ближніе человѣка, готоваго всегда помочь словомъ и дѣломъ; ученики — талантливаго учителя.

По замѣчанію товарищей покойнаго, онъ въ Семинаріи и Харьковскомъ Университетѣ постоянно отличался успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ; съ самаго дѣтства былъ характера солиднаго, уклонялся отъ шалостей. Главнымъ развлеченіемъ его въ свободное отъ занятій время были поэзія, музыка и живопись. Онъ хорошо рисовалъ и игралъ на скрипкѣ. Мы узнали Алексѣя Матвѣевича, когда онъ уже возмужалъ. Благородство и добродушіе были отличительными чертами его характера. Онъ былъ безпристрастенъ и твердо стоялъ за правое дѣло, если былъ убѣжденъ въ его правотѣ.—Товарищи покойнаго много цѣнили отличныя свойства его характера: Алексѣй Матвѣевичъ два раза почтенъ былъ выборомъ въ Деканы Медицинскаго Факультета.

Профессоръ Филомаѳитскій излагалъ предметъ въ современномъ состояніи. Его изложеніе отличалось ясностію и увлекательностію. Его метода изложенія была сообразна съ потребностями учащихся, только-что начинающихъ изученіе Медицины (онъ читалъ Студентамъ 2-го курса). Преподавая Физіологію, Алексѣй Матвѣевичъ, сколько то позволяли время и средства, показывалъ учащимся ткани животнаго тѣла, повторялъ важнѣйшіе опыты извѣстныхъ Физіологовъ и производилъ опыты по своей идеѣ, съ цѣлію пояснить то или другое отправленіе организма. Студенты обязаны были по очереди описывать опыты и описанія представлять Профессору. По изложеніи каждаго отдѣла науки, онъ предлагалъ Сту-

дентамъ вопросы, съ цѣлію узнать, поняли ли они предметъ, усвоили ли его. При этой бесѣдѣ съ учениками, онъ снова останавливался на тѣхъ предметахъ, которые были для нихъ темны, непонятны, или которые ускользнули отъ ихъ вниманія. Студенты къ Алексѣю Матвѣевичу часто обращались съ вопросами, потому что онъ всегда былъ къ нимъ внимателенъ и охотно съ ними бесѣдовалъ. Они его уважали за ученость и любили за добродушіе. Покойный Профессоръ, съ разрѣшенія Начальства, читалъ и публично Физіологію (для постороннихъ слушателей). Онъ излагалъ предметъ ясно и изящно и потому имѣлъ удовольствіе видѣть предъ собою постоянно многочисленныхъ слушателей.

Потеря Филомаѳитскаго въ Русскомъ учено-медицинскомъ мірѣ важна и въ томъ отношеніи, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ врачей писателей. Онъ написалъ *курсъ Физіологіи*, который съ 1836 года находится въ рукахъ всѣхъ медицинскихъ Студентовъ. Онъ печаталъ статьи въ журналахъ и не за долго до смерти издалъ сочиненіе: *о переливаніи крови*. При изданіи Физіологіи, главною цѣлію автора было, чтобы соотечественники его, не могущіе, по какой бы то ни было причинѣ, пользоваться классическими иностранными сочиненіями, имѣли возможность познакомиться съ современнымъ состояніемъ Физіологіи. Изложеніе предмета раздѣлено на 4 отдѣленія: отдѣленіе 1-е: Физіологія общая; отдѣленіе 2-е: отправленія, имѣющія цѣлію поддержаніе недѣлимой матеріальной жизни или животно-химическаго процесса; отдѣленіе 3-е: отправленія, поставляющія насъ въ сношеніе съ наружнымъ міромъ; отдѣленіе 4-е: отправленія, имѣющія цѣлію поддержаніе видовой жизни недѣлимаго. Къ сожалѣнію, авторъ успѣлъ издать только два первыя отдѣленія и половину 3-го; другая половина этого отдѣленія и все 4-е не изданы. Преждевременная кончина пресѣкла трудолюбивую, чрезвычайно полезную и много обѣщавшую жизнь въ то время, когда было окончено только болѣе половины труда важнаго. При составленіи Физіологіи авторъ, кромѣ собственныхъ наблюденій, пользовался добросовѣстно и съ строгою критикою образцовыми иностранными учебниками, извѣстными монографіями и

изданіями періодическими. Имѣя случай, въ бытность за границей, слушать Берлинскихъ Профессоровъ, Мюллера и Шульца, онъ руководствовался и ихъ изустными чтеніями.— Другое весьма важное сочиненіе Филомаѳитскаго: *Исторія переливанія крови*, какъ единственнаго средства во многихъ случаяхъ спасти угасающую жизнь человѣка. Ученый Профессоръ, изложивъ опыты Физіологовъ и врачей разнаго времени и оцѣнивъ ихъ, высказываетъ собственное мнѣніе о переливаніи крови. Онъ показываетъ: 1) изъ какого животнаго можно брать кровь для спасенія другаго? 2) какую кровь переливать должно, венозную или артеріальную, и почему? 3) какія предосторожности надобно имѣть въ виду при производствѣ операціи? Авторъ описываетъ замѣчательнѣйшіе инструменты, употребляемые при этой операціи, показывая ихъ достоинства и недостатки, и предлагаетъ инструментъ, имъ самимъ изобрѣтенный. Въ теченіе 13 лѣтъ Филомаѳитскій произвелъ много опытовъ переливанія крови предъ своими слушателями. Ученики Филомаѳитскаго знаютъ, съ какою точностію производились эти опыты и съ какою строгою критикою выводились изъ нихъ заключенія. Авторъ выставилъ переливаніе крови какъ средство спасительное въ малокровіи, если причина послѣдняго не заключается въ поврежденіи органовъ. Онъ предложилъ прибѣгать къ этой операціи въ холодномъ періодѣ холеры. По его совѣту, одному больному, въ холодномъ періодѣ холеры, введено было въ вену 6 унцій кровяной сыворотки — и больной выздоровѣлъ.

Мы обратили особое вниманіе на сочиненія Профессора Филомаѳитскаго, потому что много цѣнимъ эту его заслугу. У насъ до сихъ поръ для большей части медицинскихъ предметовъ нѣтъ даже порядочныхъ учебниковъ, хотя едва ли кто нибудь сомнѣвается въ томъ, что они очень нужны и что отъ изданія ихъ много зависитъ возвышеніе степени учености Русскихъ врачей. Пора намъ позаботиться о своей литературѣ. Нужно начать съ того, чтобы изложить на языкѣ отечественномъ тѣ свѣдѣнія, которыя человѣчество пріобрѣло многотрудными изслѣдованіями. Филомаѳитскій вполнѣ сознавалъ эту потребность — и уже черезъ годъ по вступле-

нія въ званіе Профессора, издалъ 1-ю часть Физіологіи, вскорѣ за нею послѣдовали 2-я и 3-я части. Первой части было два изданія.

Постояннымъ и сильнымъ желаніемъ покойнаго Профессора было—«по мѣрѣ силъ и способностей своихъ быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ», и кто не скажетъ, что онъ со славою достигалъ своей цѣли, что настойчивое его желаніе было не безплодно и что этотъ плодъ чрезвычайно благодѣтельно дѣйствовалъ на Русскій медицинскій міръ? Многочисленные ученики покойнаго, разсѣянные по всей Россіи, будутъ вспоминать о немъ до конца своей жизни. Но онъ заслужилъ память и въ потомствѣ изданіемъ своей Физіологіи. Онъ первый сталъ обработывать Физіологію на языкѣ Русскомъ; преемники Филомаѳитскаго на этомъ поприщѣ съ благодарностію воспользуются его добросовѣстнымъ трудомъ.

25-го Января, въ 10 часу утра, родственники, члены Университета, друзья и почитатели Филомаѳитскаго собрались въ его квартирѣ. Изъ дому въ церковь Троицы въ Вишнякахъ (на Пятницкой) тѣло было несено товарищами и учениками покойнаго. Г. Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Гг. Ректоръ и Проректоръ Университета, Деканы всѣхъ Факультетовъ, большая часть Профессоровъ, Преподавателей и другихъ Чиновниковъ Университета, многочисленные друзья, ученики и почитатели Алексѣя Матвѣевича присутствовали при отпѣваніи. По окончаніи литургіи, Протоіерей Университетской церкви Профессоръ П. М. Терновскій произнесъ поучительное и утѣшительное слово. Ученики покойнаго — Студенты Московскаго Университета — несли гробъ его на своихъ плечахъ отъ церкви Св. Троицы въ Вишнякахъ до самой могилы (на Ваганьковскомъ кладбищѣ). Ни далекій путь, ни мятель, ни обильный снѣгъ, особенно по дорогѣ за заставой, не могли остановить ихъ рвенія—изъявить искреннюю благодарность много-уважаемому и любимому Профессору. По желанію Членовъ Университета, тѣло покойнаго было пронесено по Никитской и противъ Университетской церкви отслужена литія. Профессоры, преподаватели и другіе Чиновники Университета, родственники, друзья и многочисленные ученики отжившаго проводили его тѣло до могилы

Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, Григорій Ивановичь, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Заслуженный Профессоръ Естественной Исторіи, родился 30-го Октября 1771 г.*, въ небольшомъ городкѣ Вальдгеймѣ, между Лейпцигомъ и Фрейбергомъ, гдѣ была тогда Горная Академія, и гдѣ тогда жилъ и дѣйствовалъ извѣстный Вернеръ. Слишкомъ 55 лѣтъ до дня кончины усопшаго, въ 1797 г. 12-го Февраля (по н. ст.), былъ утвержденъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ въ званіи Доктора молодой человѣкъ, защищавшій диссертацію *«о дыханіи животныхъ.»* Окончивъ курсъ въ Фрейбергской Гимназіи, куда поступилъ въ 1783 г., онъ слушалъ науку о строеніи земли у великаго Вернера, отца новой въ то время геологической школы, для слушанія котораго стекались въ Фрейбергъ изо всѣхъ концевъ Европы, и гдѣ между прочимъ былъ самъ А. Гумбольдтъ, тогда лишь начинавшій свое блестящее поприще. Здѣсь-то нашъ ученый сошелся съ Гумбольдтомъ, съ Буховъ, съ Фрейслебеномъ, съ Тиле, и по собственному признанію его, короткому обращенію съ ними, съ первымъ особенно, многимъ былъ обязанъ въ послѣдствіи. Горя благороднымъ чувствомъ любознанія, нашъ ученый посѣщалъ попеременно Виртембергъ, Іену, Галле, Геттингенъ, которыхъ Университеты пользовались заслуженною славою. — Сближеніе въ Іенѣ съ Шиллеромъ и Гёте отозвалось во всей жизни нашего ученаго. 1-го Августа отправился онъ въ товариществѣ Гумбольдта въ Вѣну, гдѣ въ то время славился въ медицинѣ Петръ Франкъ, бывшій въ послѣдствіи отличнѣйшимъ Профессоромъ и врачемъ въ Виленскомъ Университетѣ. Вблизи такого славнаго врача, нашъ ученый едва не сдѣлался практическимъ служителемъ медицины. Но къ счастію нашему его путеводила иная звѣзда: уже въ Вѣнѣ занимался онъ анатоміею Дунайскихъ рыбъ. Та же звѣзда увлекла его чрезъ южную Германію и Базель во Францію и въ самый Парижъ, гдѣ тогда возвышался недосягаемо высоко Кювье, перешедшій изъ скромныхъ домашнихъ учителей Нормандіи въ первенствующіе Профессора Парижскаго Ботаническаго сада. Въ близкомъ изученіи новой школы Кювье, и въ тѣсномъ съ нимъ дружескомъ отношеніи,

---

* За два дня до смерти отшедшему въ вѣчность минуло 86 лѣтъ.

нашъ докторъ угадалъ свое назначеніе: сама школа Кювье назвала его въ послѣдствіи иныхъ—*Русскимъ Кювье*

Въ самомъ дѣлѣ, отнынѣ нашъ Докторъ идетъ непоколебимо по одному пути. Огонь, зажженный въ немъ Вернеромъ, Гумбольдтомъ, Фрейслебеномъ, Кювье, могъ горѣть только на жертвенникѣ наукъ Естественныхъ. Въ томъ же духѣ должно было дѣйствовать на него сближеніе съ иными знаменитостями Парижа и служителями науки, каковы: Мертрюдъ, Жоффруа, Лассепедъ, Фуркруа, Жюссьё, Добантонъ, Гаюи, и пр.

Въ 1798 юный Докторъ отправился въ Майнцъ Профессоромъ Естественной Исторіи, а въ Февралѣ слѣдующаго года сдѣланъ тамъ же библіотекаремъ при Центральной школѣ. Какъ строгій исполнитель возложенныхъ на него обязанностей, онъ занялся изученіемъ библіографіи и типографическаго искусства, и принесъ имъ значительную услугу, поясненіемъ нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о зарожденіи сего важнаго для человѣчества искусства. Сочиненія нашего доктора о древнѣйшей Библіи, о подвижныхъ буквахъ и другихъ первоначальныхъ памятникахъ книгопечатанія, поставили его на почетное мѣсто въ ряду библіофиловъ, какъ это видѣть можно изъ свидѣтельства писателей того времени. Граждане Майнца не забудутъ нашего ученаго и потому, что онъ былъ ихъ представителемъ у Парижскаго правительства въ 1801 году, и привезъ имъ отъ него 3,000 избранныхъ сочиненій и многія дорогія картины. Но его влекли Естественныя науки, и онъ отдался имъ всею душею при первой возможности. Отказавшись отъ должности Профессора въ Іенѣ на мѣсто Батша, и Директора кабинета Сравнительной Анатоміи, основаннаго Рейлемъ въ Вюрцбургѣ, нашъ ученый принялъ иное приглашеніе, обѣщавшее ему болѣе простора и пищи на избранномъ имъ поприщѣ: будучи утвержденъ въ 1803 Профессоромъ и Директоромъ Музея въ Москвѣ, онъ прибылъ въ нашъ первопрестольный городъ въ началѣ 1804 года.

Отнынѣ нашъ ученый могъ слѣдовать своему влеченію, отнынѣ современники видѣли въ немъ Русскаго Кювье, и онъ оправдалъ ихъ мнѣніе какъ Профессоръ, какъ ученый, и какъ искусный администраторъ.

Какъ Профессоръ, онъ издалъ учебники Зоологіи и Минералогіи, которые долгое время были единственными пособіями при изученіи сихъ наукъ. Эти руководства имѣли, кромѣ ясности, порядка и полноты въ изложеніи, то отличительное, что въ первый разъ въ Россіи появился не переводный, а самостоятельный учебникъ, въ которомъ съ общимъ интересомъ науки сочетался интересъ ея въ Россіи:—это были превосходные учебники, учебники для Русскихъ, составленные по собственнымъ матеріаламъ. И потому весьма естественно, эти руководства появлялись нѣсколько разъ и въ переводѣ, и въ сочиненіяхъ послѣдующихъ Профессоровъ. Подобно Кювье, нашъ ученый обратилъ особенное вниманіе на систематику преимущественно безпозвоночныхъ животныхъ, и сближенія его были часто такъ удачны, что остались въ наукѣ, хотя приняли иногда другія названія. Не вдаваясь въ подробности ученаго поприща нашего ученаго, скажемъ вообще, что въ бытность его въ Россіи онъ издалъ слишкомъ 212 названій трудовъ, болѣе или менѣе обширныхъ, и остановимся на томъ, что сдѣлалъ нашъ ученый для науки въ Россіи и особенно въ Москвѣ.

Пріѣхавъ въ новоизбранное имъ отечество въ то время, когда Палласъ кончалъ свое ученое поприще, нашъ Докторъ обратилъ все свое вниманіе на многоразличныя произведенія Россіи. Онъ неутомимо занимается описаніемъ ея ископаемыхъ животныхъ, ея насѣкомыхъ, ея минераловъ;—быстро и непрерывно вслѣдъ одно за другимъ появляются въ печати его ученыя изслѣдованія, а наконецъ и два сочиненія, снискавшія нашему ученому Европейскую славу — *Энтомографія Россіи и Ориктографія Московской губерніи*, со множествомъ рисунковъ.—Подобно Кювье, нашъ ученый занимается Русскими ископаемыми животными. Подобно ему, издавшему классическое описаніе окрестностей Парижа, нашъ ученый издаетъ описаніе окрестностей Москвы. Подобно Кювье, который былъ обращенъ къ изслѣдованію объ ископаемыхъ животныхъ, едва лишь тогда вносимыхъ въ науку, наблюденіями надъ ископаемыми *Теребратулами* (двучерепныхъ слизняковъ), нашъ ученый начинаетъ длинный рядъ своихъ изслѣдованій Московской губерніи изученіемъ *Теребратулъ* ихъ-

подъ Хорошова. Для изученія Московской губерніи нашъ ученый объѣзжалъ ее нѣсколько разъ въ товариществѣ Членовъ Общества Испытателей Природы, собиралъ естественныя произведенія и интересные виды ея, и сочлены его разлагали химически минеральные источники и собирали статистическія и географическія свѣдѣнія. Изслѣдованіе нашего ученаго объ истокѣ Москвы рѣки, противурѣчащее принятымъ въ то время понятіямъ, возбудило общее вниманіе. По первоначальной цѣли Ориктографіи, она должна была обнять всѣ три царства естественныхъ произведеній Московской губерніи, почему въ первомъ изданіи этого сочиненія, не поступившемъ впрочемъ въ продажу, были приложены рисунки рѣдкихъ или неизвѣстныхъ тогда нынѣшнихъ животныхъ и растеній. Такимъ образомъ мысль, содѣлавщаяся нынѣ цѣлью Статистическаго Комитета при Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ и Статистическаго Сельскаго Комитета при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, была уже разработываема съ 1807 года.

Двадцать пять курсовъ въ Московскомъ Университетѣ, семнадцать въ Медико-Хирургической Академіи, тысячи слушателей, разсыпанныхъ нынѣ по всей Россіи, и занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ и наукѣ, были свидѣтелями многочисленныхъ и отлично-полезныхъ трудовъ, понесенныхъ нашимъ высокоуважаемымъ Несторомъ Естественныхъ Наукъ на пользу науки и служеніе благоденствующей Россіи, которую онъ добровольно избралъ своимъ вторымъ отечествомъ.

Не менѣе важны заслуги нашего Доктора и на поприщѣ административномъ. Для описанія Московской Губерніи и Россіи, нашъ ученый, желая сосредочить дѣятельность въ нашей столицѣ, озаботился объ учрежденіи Общества въ Москвѣ, и сдѣлался основателемъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, Высочайше утвержденнаго въ 1805 году. Ближайщею цѣлью его было описаніе Россіи и Москвы въ отнощеніи къ Естественной Исторіи, и это стремленіе принесло отрадные плоды. Московское Общество получило двукратно отъ щедротъ Монаршихъ постоянныя суммы, которыя упрочили его существованіе. Въ Горенкахъ, подъ Москвою, гдѣ въ богато-содержимомъ саду Графа Разумовскаго соединялись рѣдчайшія растенія всего

свѣта, было основано подъ дирекціею Его Превосходительства Θедора Богдановича Фишера, отдѣльное ученое Общество, соединившееся въ послѣдствіи съ нашимъ Обществомъ. Съ того времени Общество дѣятельно стремилось къ выполненію своей цѣли. Оно напечатало шестнадцать томовъ Бюллетеня и столько же томовъ Мемуаровъ, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій, не вошедшихъ въ составъ ихъ. Сочиненія его удостоены посвященія Высочайшему имени Государя Императора, и за границею пользуются такимъ уваженіемъ и успѣхомъ, что не только перепечатывались въ извлеченіяхъ въ лучшихъ журналахъ, но даже появлялись цѣлыми томами подъ новыми именами. Кромѣ Общества Испытателей Природы, обязано усопшему приведеніемъ въ дѣйствіе своего назначенія и Московское Общество Сельскаго Хозяйства, которому онъ посвятилъ 15 лѣтъ своихъ трудовъ въ званіи Директора, съ 1820 по 1835 годъ.

Обратимся къ другому предмету, не менѣе отрадному. Во время прибытія нашего ученаго въ Москву славились собраніе естественныхъ предметовъ и библіотека П. Г. Демидова, ученика великаго Линнея. Въ окрестностяхъ Москвы, въ особомъ великолѣпномъ зданіи, выставилъ просвѣщенный Русскій вельможа произведенія природы, наукъ и искусствъ, собранныя имъ дорогою цѣною въ путешествіи по Европѣ. — Нашему ученому Доктору предоставлена была честь описать въ полнотѣ ученое собраніе вельможи, и вскорѣ явилось въ печати полное описаніе кабинета Демидова въ 4-хъ томахъ, со многими рисунками, передавшее наукѣ многія весьма рѣдкія тѣла, чрезвычайно рѣдкіе экземпляры, которые и нынѣ, сорокъ девять лѣтъ спустя, не утратили своей цѣны. Наиболѣе цѣнные предметы, по ходатайству нашего ученаго, перешли въ собраніе Московскаго Университета, которое было открыто публикѣ въ первый разъ въ Августѣ 1805 года. Все собраніе было размѣщено въ 7 залахъ. Нашему же Ученому обязанъ Университетъ спасеніемъ главныхъ частей собранія во время пожара 1812 года, похитившаго у нашего Доктора заготовленные имъ ученые труды, собранія предметовъ и значительную часть его домашняго имущества. Но уцѣлѣвшее отъ пожара размѣстилось въ одной залѣ. Съ того времени

нашъ ученый употреблялъ всѣ возможныя средства къ дополненію собранія естественныхъ предметовъ Московскаго Университета. По каталогамъ и описаніямъ, которые онъ издалъ, публика могла судить, какъ быстро нарасталъ музей Московскаго Университета.

Но еще болѣе сдѣлано имъ для Музея Московской Медико-Хирургической Академіи: въ ней созданъ въ короткое время кабинетъ животныхъ, минераловъ и растеній, который не только удовлетворялъ учебнымъ Академическимъ потребностямъ, но и служилъ украшеніемъ столицы.—Воспитанники Московской Медико-Хирургической Академіи не забудутъ имени ихъ бывшаго Начальника и потому, что его просвѣщенной и вполнѣ отеческой заботливости они обязаны учрежденіемъ Опытной Клиники, столь необходимой для будущаго врача-практика, Библіотеки, украшенной самыми рѣдкими изданіями. И это собраніе животныхъ, заключающее въ себѣ, между прочимъ, птицъ и обезьянъ изъ кабинета знаменитаго путешественника по Африкѣ, Левальяна, и предметы, большею частью пожертвованные Гг. Гофманномъ, Триніусомъ, Круберомъ, Шелапутинымъ и проч., равно и самая библіотека, перешли нынѣ преимущественно въ Московскій Университетъ.

Посреди столь многоразличныхъ занятій была мысль о предпріятіи болѣе обширномъ, которая постоянно занимала Фишера. Онъ хотѣлъ основать въ Москвѣ Отечественный Музей, въ которомъ желалъ собрать все разнообразіе отечественныхъ произведеній нашего отечества. Уже пожертвовалъ для этой цѣли Грекъ Зосима, мужъ добра, удобное мѣсто и домъ на Трехъ горахъ въ Москвѣ, которые однакожъ, впослѣдствіи, были употреблены подъ Астрономическую Обсерваторію. Былъ пожертвованъ на тотъ же предметъ Членомъ Общества Г. Рюминымъ домъ на Смоленскомъ рынкѣ, противъ нынѣшняго Земледѣльческаго училища, но и тогда предположеніе не было выполнено. Тѣмъ не менѣе потомство, вспоминая о Фишерѣ, съ благодарностію вспомнитъ и о томъ, что онъ, какъ Русскій Кювье, былъ полезенъ наукѣ какъ личными трудами, такъ и непрестанными заботами о составленіи Музея и библіотекъ.

Трудно повѣрить незнакомому съ образомъ домашней жизни Фишера, какъ онъ посреди разнообразныхъ занятій находилъ время для постоянныхъ ученыхъ трудовъ, которыхъ было по заглавію слишкомъ 212 (въ юбилейномъ Актѣ указано 208, къ которымъ должно придать то, что̀ написано послѣ юбилея въ Извѣстіяхъ Общества). «Nunquam otiosus» руководило каждымъ шагомъ Фишера. Общая извѣстность въ ученомъ мірѣ, сопричисленіе къ 70 слишкомъ ученымъ обществамъ въ Россіи и за границею, были естественнымъ выраженіемъ чувствъ къ мужу науки и добра. За услуги, оказанныя имъ на избранномъ поприщѣ, онъ многократно былъ удостоиваемъ вниманія и щедротъ Монаршихъ. Въ 1816 году онъ произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники; въ 1830 въ Д. С. Совѣтники; въ 1803 награжденъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени; въ 1818 г. Орденомъ Св. Анны 2-й степени; въ 1826 г. Св. Владиміра 3-й степени, въ 1832 г. Св. Станислава 2 ст., въ 1835 г. Св. Станислава 1-й степени. Оставляя служебное поприще, Фишеръ удостоился получить орденъ Св. Анны 1-й степени и полное содержаніе всѣхъ получаемыхъ окладовъ пенсіи. Удалившись въ кругъ семейной жизни, Фишеръ тѣмъ не менѣе продолжалъ служить наукѣ и добру, и служилъ имъ со дня производства въ Доктора около 50 лѣтъ. Многочисленные ученики, почитатели, ученые въ Россіи и за границею желали высоко почтить старца на юбилеѣ 50-ти лѣтнихъ трудовъ, какъ почитаетъ ученый міръ немногихъ изъ своихъ избранныхъ. Въ 1847 г. 2-го Февраля совершилось въ Москвѣ великолѣпное торжество, которое нашло горячее сочувствіе не только въ жителяхъ первопрестольной столицы, но и во всей Россіи и даже въ Европѣ: Императорское Московское Общество Испытателей Природы праздновало пятидесятилѣтіе Докторской степени и ученыхъ трудовъ своего основателя и главнаго двигателя; многочисленные ученики и почитатели ученыхъ заслугъ Его Превосходительства праздновали юбилей Нестора наукъ Естественныхъ, Григорія Ивановича Фишера фонъ Вальдгеймъ. Значеніе юбилея было полно, ходъ его торжественно-простъ. Всѣ ученыя общества Россіи, многіе заграничные первокласные мужи науки въ нашемъ отечествѣ и за грани-

цею поспѣшили принять дѣятельное участіе въ торжествѣ. Король Прусскій оказалъ ему свое вниманіе, наградивъ юбилера орденомъ Краснаго Орла. Наконецъ Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ украсить его своимъ Августѣйшимъ именемъ, приславъ виновнику торжества знаки ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшенные.

Вечеромъ того же дня въ тихомъ семейномъ праздникѣ родные, ученики и почитатели юбилера проводили день, равно памятный для всѣхъ ихъ.

Тихо и мирно въ семейномъ кружкѣ текла жизнь ученаго; добродѣтели украшали въ немъ человѣка; еще ребенкомъ, руководимый горячею любовью и семейными добродѣтелями матери, Фишеръ готовился быть тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи для семейства и всѣхъ его знавшихъ. Непрестанно углубляясь въ созданія Творца, онъ привыкъ благоговѣть передъ Его мудростію и благостію и отсюда почерпнулъ ту силу души и безропотную покорность тяжкимъ ударамъ, которыми взыскала его судьба. Постоянно слабѣли силы, особенно зрѣніе: кружокъ его занятій, сдѣлавшихся для него необходимостью, непрестанно стѣснялся; потеря горячо любимой имъ жены нанесла старцу ударъ, отъ котораго онъ не оправился впослѣдствіи; наконецъ лишился онъ и послѣдняго, что̀ дорого для того, кто привыкъ созерцать творенія Всемогущаго — зрѣнія. И тогда еще онъ продолжалъ управлять учеными трудами. Наканунѣ дня смерти онъ руководилъ при изданіи 5 тома Энтомологіи Россіи, и свою покорность къ Творцу излилъ въ предсмертномъ своемъ стихотвореніи: «Vertrauen auf Gott.» Оно одно достаточно характеризуетъ ученаго, какъ человѣка. На другой день, 6-го Октября 1853 г., его не стало. 10-го Октября тѣло усопшаго было предано землѣ на Лютеранскомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. Высокіе сановники столицы и всѣ, коимъ на долю выпало счастіе въ теченіи жизни быть знакомыми съ отшедшимъ въ вѣчность, провожали его на покой.

Послѣ усопшаго остался сынъ, нынѣ Ординарный Профессоръ въ Московскомъ Университетѣ, и три дочери. Въ семьѣ

покойнаго, къ которой должно отнести всѣхъ питомцевъ науки, разсѣянныхъ между дальнихъ предѣловъ нашего отечества, вскормленныхъ его трудомъ и любовію, — въ его семьѣ было дѣтище, которому онъ въ теченіи жизни своей, счастливой годами, посвящалъ все, что человѣку ниспосылается свыше Подателемъ силъ и благъ. И дорого же было ему его дѣтище: въ немъ изливалъ онъ самъ себя, чистаго; въ немъ соединялъ онъ своихъ питомцевъ. Это дѣтище — Императорское Московское Общество Испытателей Природы.

20-го Октября того же года Общество собралось во имя скорби о потерѣ своего основателя и посвятило засѣданіе исключительно на упроченіе между своими членами памяти о виновникѣ существованія и 50-ти-лѣтнихъ трудовъ Общества.

Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, Александръ Григорьевичь, Ординарный Профессоръ Ботаники, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 2-й степени Кавалеръ, сынъ извѣстнаго Естествоиспытателя и Заслуженнаго Профессора Московскаго Университета Григорія Ивановича, родился въ Майнцѣ (на Рейнѣ) 24-го Апрѣля 1803 года и, еще по первому году, въ 1804 году былъ привезенъ въ Москву вызваннымъ на службу при Московскомъ Университетѣ его родителемъ. — Весьма естественно, что родившись отъ такого отца, онъ имѣлъ счастіе пользоваться самымъ благоразумнымъ и попечительнымъ воспитаніемъ.—Это однако не значитъ, чтобы онъ, какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юношествѣ, былъ *заваленъ избыткомъ* разнообразнѣйшихъ учебныхъ пособій, отнюдь нѣтъ:—при нѣкоторыхъ избранныхъ руководствахъ, постоянно въ немъ возбуждаемо было собственное размышленіе и всѣ способности его направляемы были къ тому, чтобы самостоятельнымъ, соразмѣрнымъ возрасту и степени зрѣлости ума, трудомъ, исподоволь распространять кругъ его свѣдѣній. Въ особѣ достойнѣйшаго отца своего онъ имѣлъ постоянно предъ собою, конечно недосягаемый для него (это его собственныя слова), примѣръ мужа добра и истиннаго жреца науки. Воспитаніе и живой примѣръ должны были въ мальчикѣ рано развить склонность къ наукамъ вообще и въ особенности къ изученію природы; въ юношествѣ

его, при содѣйствіи и ободреніи ученыхъ людей, окружавшихъ его отца и благоволившихъ къ сыну, и дома и въ школѣ, эта склонность находила безпрерывно новую и обильную пищу. Первоначальное образованіе въ наукахъ и языкахъ, кромѣ родительскаго дома, онъ получилъ сначала въ Московской Гимназіи, потомъ въ бывшемъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ неизгладимо врѣзалась въ его сердцѣ благодарность къ бывшему Директору этого заведенія А. А. Прокоповичу-Антонскому, словомъ умѣстно сказаннымъ умѣвшему ободрить къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Изъ Пансіона, въ 1817 году, по надлежащемъ испытаніи, былъ принятъ Студентомъ въ Московскій Университетъ, гдѣ и выслушалъ полный курсъ наукъ, сперва по Физико-Математическому, а потомъ и по Медицинскому Факультету, въ теченіи шести лѣтъ постоянно посѣщая Профессорскія лекціи, между прочими извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ въ то время преподавателей: Гофмана, Двигубскаго, Рейса, Щепкина, отчасти Чумакова, Фишера, Мудрова, Гильтебрандта, Мухина, Лодера, Альфонскаго, Ризенко и др.—Пребываніе въ домѣ родителя его молодаго М. Гр. Павлова (потомъ извѣстнаго Профессора Московскаго Университета), всегда особенно отличавшагося основательнымъ знаніемъ Русскаго языка и литературы, а отчасти позднѣе и А. А. Ловецкаго, впослѣдствіи также Профессора, имѣло немалое вліяніе на сообщеніе юношѣ большей правильности и опредѣленности въ Русскомъ языкѣ.

Въ теченіи же учебнаго Академическаго поприща постоянно и съ любовію занимаясь Естественными науками и особенно Ботаникой, за лучшее рѣшеніе Студенческой задачи: «de interna plantarum fabrica» въ 1819 г. Фишеръ награжденъ былъ золотою медалью; самое разсужденіе, за недостаткомъ въ то время учебныхъ пособій, по предложенію тогдашняго Профессора Гофмана, въ 1820 г. было напечатано иждивеніемъ Университета и служило руководствомъ при лекціяхъ объ Анатоміи растеній. Окончивъ трехлѣтній, по положенію того времени, курсъ Физико-Математическихъ наукъ, Ф. въ 1820 г. на окончательномъ испытаніи удостоенъ былъ степени Кандидата сего Факультета; — а по окончаніи Медицинскаго ученія и публичномъ защищеніи написаннаго

для сей цѣли разсужденія: «Tractatus anatomico-physiologicus de auditu hominis», въ 1825 году Октября 1-го и степени Доктора Медицины. Въ эти учебные Академическіе годы особенное къ нему благоволеніе наставника Профессора Гофмана, также достойнаго Доктора Гольдбаха, и Ѳ. Б. Фишера, бывшаго тогда Директоромъ знаменитаго близъ Москвы Горенскаго Ботаническаго сада, принадлежавшаго Графу А. К. Разумовскому, въ то время уже Министру Народнаго Просвѣщенія, и усиливало и питало въ немъ страсть къ Ботаникѣ. Въ Горенкахъ проживалъ онъ нѣсколько лѣтъ сряду все время лѣтнихъ Университетскихъ вакацій; Директоръ сада позволялъ Фишеру принимать участіе въ нѣкоторыхъ его занятіяхъ по саду. Неоднократныя поучительныя Ботаническія экскурсіи какъ съ Директоромъ, такъ и съ Докторомъ Гольдбахомъ, не мало содѣйствовали къ тому, чтобы расширить для него кругозоръ науки. Также не рѣдко помогалъ онъ отцу своему при его занятіяхъ по Университетскому Музею Естественной Исторіи. Подъ его руководствомъ составилъ для себя сначала коллекцію минераловъ, а потомъ насѣкомыхъ. Практическія познанія по всѣмъ отраслямъ Естественной Исторіи пріобрѣтаемы имъ были легко при такомъ руководствѣ. Когда же бывшій Лейбъ-Медикъ Штоффрегенъ, изъ пріязни къ отцу его, чтобы поощрить рвеніе юноши, пожертвовалъ ему свой довольно богатый травникъ, тогда энтузіазмъ къ Ботаникѣ достигъ въ немъ высшей степени.

Выдержавъ Докторскій экзаменъ въ 1823 году, до написанія и защищенія диссертаціи, и онъ и старшій братъ его, Владиміръ, вскорѣ потомъ умершій, желали поступить въ качествѣ Естествоиспытателей и Медиковъ участвовать въ кругосвѣтномъ путешествіи, которое снаряжалось тогда подъ командою Капитана Коцебу; но, къ великому его сожалѣнію, намѣреніе ихъ не могло быть исполнено. Сочиненіе диссертаціи «de auditu» потребовало многихъ трудныхъ изысканій, и съ диспутомъ не могло быть окончено ранѣе двухъ лѣтъ. Получивъ ученую степень, Фишеръ поступилъ на службу Адъюнктомъ Ботаники и Фармакологіи въ бывшее Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи въ Сентябрѣ 1825 года, а утвержденъ Марта 22-го 1826 года, на

вакансію по смерти Л. Θ. Гольдбаха. Въ томъ же году опредѣленъ и въ Московскій Университетъ, гдѣ сначала ему поручено было чтеніе Ординарнаго курса Ботаники за 182$\frac{6}{7}$ Академическій годъ, до опредѣленія въ слѣдующемъ году настоящимъ Профессоромъ И. А. Двигубскаго. Послѣ чего онъ уже оставался при Университетѣ; въ томъ же году былъ избранъ на три года въ Секретари Физико-математическаго Факультета. Въ Августѣ 1828 г. снова началъ преподаваніе, но уже не одной Ботаники, а всей Естественной Исторіи, во врачебномъ отношеніи, въ качествѣ Лектора Ест. Ист. при Медицинскомъ Факультетѣ.—Въ Ординарные Профессоры произведенъ сперва въ Медико-Хирургической Академіи въ 1830 г. по каѳедрѣ Ботаники и Фармакологіи, а въ 1832 (съ увольненіемъ отъ должности Лектора) по Зоологіи, какъ преемникъ отца своего, и въ Московскомъ Университетѣ, съ завѣдываніемъ Музеемъ Естественной Исторіи. Здѣсь, послѣ перемѣщенія Профессора М. А. Максимовича въ Кіевскій Университетъ Св. Владиміра, по собственному желанію, перешелъ на каѳедру Ботаники и, въ качествѣ Директора, принялъ подъ свое управленіе Университетскій Ботаническій садъ въ 1834 году. Въ теченіи сей учебной службы, за болѣзнью Адъюнктъ-Профессора Протасова, по опредѣленію конференціи И. М. Медико-Хирургической Академіи, читалъ въ оной также Рецептуру и полный курсъ общей Терапіи въ 1839 году, и Высочайше утвержденъ былъ въ званіи Академика той Академіи въ 1841 г., гдѣ и оставался на службѣ до упраздненія, при постепенномъ оной закрытіи, втораго ея класса въ 1842 году.

Въ продолженіи 25-ти лѣтняго своего преподаванія, постоянно держался одного и тогоже порядка, обращая преимущественное вниманіе на то, чтобы слушателямъ основательно передать науку всегда въ современномъ ея видѣ. Анатомическую часть науки изъяснялъ Студентамъ, уже усвоившимъ себѣ первыя начала органографіи и классификаціи растеній, при чемъ на метаморфозъ особенно въ послѣднее время, и на постепенное развитіе органовъ (organogenesis) обращалъ надлежащее вниманіе. Въ 1828 г., въ экстраординарномъ засѣданіи Московскаго Общества Испы-

тателей природы, бывшемъ по случаю вторичнаго пребыванія въ Москвѣ Александра фонъ Гумбольдта (своего воспріемника), возвращавшагося тогда изъ своей поѣздки въ Сибирь, Фишеръ читалъ статью свою: Notice sur l'accroissement du tronc des Dicotylédones (напечатанную въ Bull. de la Soc. I. des Nat. de Moscou. 1829). Въ ней, основываясь болѣе на умозрѣніи, нежели на дѣйствительныхъ изслѣдованіяхъ, Ф. изложилъ новую догадку о необходимости, при объясненіи паростанія лѣсины двудольныхъ деревъ, принимать порознь во вниманіе происхожденіе каждаго изъ обоихъ элементовъ ея ткани (или слойныхъ поясковъ, и притомъ какъ въ древесинѣ, такъ и въ корѣ). Эта догадка сдѣлана и А. П. Декандолемъ въ его Физіологіи растеній (1839 г. стр. 157); хотя при теперешнемъ состояніи вопроса она имѣетъ только историческій интересъ, однако при окончательномъ его рѣшеніи, по всей вѣроятности, должна будетъ снова принята быть въ соображеніе. Съ лекціями постоянно сопряжены были упражненія слушателей въ анализированіи, опредѣленіи и описаніи свѣжихъ растеній, какъ въ классѣ, такъ равно, и по преимуществу, въ Ботаническомъ саду. Въ изданіи Указателя М. У. съ назидательною цѣлію, для ежемѣсячныхъ его посѣтителей предпринятому въ 1826 году, поручено было Фишеру составленіе Указателя «достопримѣчательныхъ предметовъ Музея Естественной Исторіи.» Съ такою же практическою цѣлію въ 1832 году, на актѣ онъ читалъ рѣчь: De studii historiae naturalis dignitate.

Съ самаго времени успѣшнаго рѣшенія задачи: «de interna plantarum fabrica,» а еще болѣе, когда началъ преподавать Анатомію растеній и ученіе о безсѣмянодольныхъ растеніяхъ, или занимался разыскапіями зоологическими низшихъ классовъ животныхъ и анатоміею человѣческихъ и другихъ органическихъ тканей, убѣдившись вполнѣ въ чрезвычайной важности микроскопическихъ изслѣдованій, Ф. не переставалъ ими заниматься, боролся съ многоразличными затрудненіями и старался устранять ихъ. Плодомъ этихъ занятій была его статья, помѣщенная въ Bulletin de la Soc. I. des Natur. de Moscou: Notice sur les avantages des micromètres au foyer de l'oculaire dans les microscopes composés etc. Здѣсь онъ обра-

тилъ вниманіе ученыхъ на несомнѣнныя преимущества этого способа микроскопическаго измѣренія предметовъ, и тѣмъ заслужилъ полное ихъ одобреніе. Этотъ способъ у многихъ новѣйшихъ наблюдателей (на пр. у Шахта) дѣйствительно по справедливости предпочитается прочимъ. Послѣ многотрудныхъ и долгихъ безплодныхъ попытокъ, Фишеру посчастливилось указать новое устройство для микроскоповъ въ изобрѣтенномъ имъ *панкратическомъ* микроскопѣ и, очевидностію его преимуществъ, склонить извѣстнаго тогда Королевско-Франц. Оптика В. Шевалье къ осуществленію его мысли. Въ 1839 г. техническія трудности выполненія этого инструмента были славнымъ оптикомъ побѣждены, и микроскопъ по мысли Фишера устроенъ. Предъ другими, по устройству своему, онъ въ главномъ отличается слѣдующими преимуществами: 1) безъ всякой перемѣны стеколъ даетъ всевозможныя степени увеличенія между весьма обширными предѣлами; 2) представляетъ изображенія предметовъ въ прямомъ (а не обратномъ) положеніи; 3) на самой трубѣ инструмента показываетъ степень увеличенія при каждомъ наблюденіи; 4) даетъ возможность, посредствомъ глазнаго микрометра, легко измѣрять предметы до одной тысячной миллиметра и еще далѣе;— сверхъ того 5) мало, по причинѣ слабаго окуляра, ослабляетъ глазъ; 6) малымъ объемомъ допускаетъ продолжительное употребленіе безъ усталости наблюдателя; 7) для непрозрачныхъ тѣлъ тоже удобенъ; и 8) длиннымъ (относительно другихъ микроскоповъ) фокусомъ допускаетъ успѣшнѣйшее анатомированіе и наблюденіе подъ болѣе толстымъ накрывательнымъ стекломъ. Эти преимущества столь очевидны, что отъ Парижскаго Атенея Искусствъ изобрѣтателю, какъ равно и исполнителю (Оптику Шевалье), присуждено было *максимумъ* награжденія, и нашъ ученый избранъ былъ въ Дѣйствительные Члены Атенея, и, послѣ одобрительныхъ отзывовъ о семъ инструментѣ Московскаго Общества Испытателей Природы и С.-Петербургской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, Фишеръ, какъ и Г. Шевалье, отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы награждены особенною золотою медалью, нарочно на сей

случай выбитою; а за описаніе онаго Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Профессоръ удостоенъ изъявленія благодарности.

Еще въ юности онъ имѣлъ счастіе въ домѣ родителя познакомиться со многими почетными Особами, путешественниками и знаменитыми иностранными учеными, а именно: съ А. фонъ Гумбольдтомъ, Эренбергомъ, Густавомъ Розе, Робертомъ Броуномъ, Гемаромъ, Мурчисономъ и многими другими. Въ 1842 году, съ Высочайшаго соизволенія, онъ сопутствовалъ отцу своему во время четырехмѣсячнаго его путешествія за границу къ 20-му съѣзду Германскихъ Естествоиспытателей въ Майнцѣ (его родимомъ городѣ). Близкія сношенія отца съ знаменитѣйшими учеными по части Естествознанія (изъ которыхъ многіе были его товарищами по академическому образованію), дали возможность сыну, кромѣ радушныхъ ихъ пріемовъ, пользоваться искреннею поучительною ихъ бесѣдою и почерпать изъ нея драгоцѣнныя для себя наставленія въ вопросахъ науки, остававшихся для него еще неразгаданными. Такъ, еще на пути за границу, въ С.-Петербургѣ, онъ лично познакомился съ нѣкоторыми изъ членовъ Академіи Наукъ и Горнаго Корпуса. Далѣе знакомствомъ ему полезны были: въ Кенигсбергѣ Ратке, Ботаникъ Эрнстъ Мейеръ, знаменитый Физіологъ Бурдахъ, Мозеръ; въ Берлинѣ, кромѣ Гумбольдта, Эренберга, Г. Розе и Альберса, Леопольдъ фонъ Бухъ, Лихтенштейнъ, Мичерлихъ, Кунтъ, Линкъ, Клотшъ и другіе; въ Галле Шлехтендаль, Гермаръ и Бурмейстеръ; въ Лейпцигѣ знаменитый Филологъ Германнъ, Профессоры: Кунце, Пёппигъ, Швегрихенъ, Веберъ; въ Дрезденѣ Рейхенбахъ; въ Фрейбергѣ Фрейеслебенъ, Шереръ и друг.; въ Тарандѣ Котта и Росмеслеръ; въ Ниренбергѣ Яковъ Штурмъ съ сыновьями; въ Штутгардтѣ Іегеръ; въ Страсбургѣ Профессоръ Фе и молодой Леребулле; въ Парижѣ Араго, Мирбель, Мильнъ Эдвардсъ, Флурансъ, Эли де Бомонъ, Адр. де Жюссье, Жоффруа де Сент-Илеръ, Валансіеннъ, Александръ и Адольфъ Броньяръ, Монтань, Делессеръ, Ге, Бори де Сен-Венсанъ, Альсидъ и Ш. д'Орбиньи, Годишо, Дювернуа, Декэнъ, Вернёль (котораго зналъ уже въ Москвѣ), Герень-Меневиль, Альфонсъ Декандоль (изъ Женевы), Марціусъ (изъ Мюнхена),

и другіе, а равно и Оптики Венсань и Шарль Шевалье, Обергейзеръ, а отчасти и Леребуръ; въ Франкфуртѣ Германъ Мейеръ и Графъ Мюнстеръ (изъ Байрейта). Напослѣдокъ въ Майнцѣ въ засѣданіяхъ Естествоиспытателей, какъ въ Ботаническомъ отдѣленіи, такъ и въ общемъ собраніи, при громкомъ одобреніи присутствовавшихъ, Профессоръ Московскій изъяснялъ устройство панкратическаго микроскопа. Здѣсь для него особенно поучительно было знакомство съ Тревиранусомъ, Бишофомъ, Александромъ Брауномъ и многими другими. Здѣсь также удостоенъ былъ чести избранія въ Члены Комитета для присужденія наградъ на происходившей тогда въ Майнцѣ выставкѣ Садоводства. Всюду на пути посѣщая ботаническіе сады, коллекціи по части Естественной Исторіи, анатомическіе кабинеты, библіотеки и другія заведенія, почерпнулъ онъ для себя изъ источниковъ обильнѣйшихъ много поучительнаго, что́ не осталось безплоднымъ для его преподаванія и другихъ ученыхъ занятій.

По временамъ, кромѣ преподаванія, лежали на немъ и другія служебныя обязанности. Такъ три года послѣдовательно былъ избираемъ въ Члены бывшаго Училищнаго Комитета при Московскомъ Университетѣ въ 1833, 34 и 35 годахъ. Начальство назначило его Членомъ отъ Университета въ Высочайше утвержденную Коммиссію для изслѣдованія злоупотребленій по чайной торговлѣ въ 1845 году. Два раза былъ избранъ Проректоромъ Университета: въ 1847 на 1 годъ, и въ 1848 на 4 года, Деканомъ Физико-математическаго Факультета на 4 года въ 1850 году. Былъ Инспекторомъ Частныхъ въ Москвѣ Учебныхъ Заведеній 3 раза послѣдовательно въ 1848, 49 и 50 годахъ.

По службѣ въ 1841 году пожалованъ въ Статскіе Совѣтники. Удостоенъ награжденій: изъявленія Высочайшаго благоволенія въ 1833 г., подаркомъ отъ Его Императорскаго Величества въ 1836 г., и пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й степени въ 1846, 2-й степени въ 1850 г. и знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ въ 1852 г. Ученыя его заслуги признаны были избраніемъ его въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы въ 1825 году, котораго былъ и Секре-

таремъ въ теченіи 9 лѣтъ до конца 1834 года; Московскаго Физико-Медицинскаго Общества въ 1828 г., Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ 1836 г., Членомъ-*Корр.* Рейнскаго Естествоиспытательнаго Общ. въ Майнцѣ въ 1841 г., таковымъ же Баварскаго О. Фармаціи и Техники въ *Кайзерслаутернѣ* въ 1842 г., *Д. Член.* И. Московск. О. *Сельскаго* Хозяйства въ 1845 г., отъ котораго ему по *случаю* 25-ти-лѣтняго юбилея за дѣятельное участіе въ *трудахъ* сего Общества и изъявлена признательность въ 1846 г., *Чл.* Корр. Нюренбергскаго Естествоиспытательнаго Общ. въ *1847* году; *Д. Чл.* Американскаго Философическаго Общ. въ Филадельфіи въ 1853 г., и Вице-Президентомъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы въ 1853 году.

Франкози, Аббатъ, Преподаватель Экспериментальной Физики. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1757 года напечатано было, что Аббатъ Франкози открылъ Маія 21-го въ большой аудиторіи Университета курсъ Экспериментальной Физики на Французскомъ языкѣ; что собраніе было немалочисленно и что между слушателями были и дамы. Въ каталогѣ лекцій на 2-ую половину того же года напечатано: «*Л'Аббе* Франкози толковать будетъ на Французскомъ языкѣ Экспериментальную Физику по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ 3 и 4 часы.» Но въ каталогѣ 1758 года Августа 13-го Физика уже перешла къ Профессору Керштенсу, — и имя Франкози болѣе не упоминается.

Фроманнъ, Іоаннъ Генрихъ, Ординарный Профессоръ Логики, Метафизики и Нравственной Философіи, изъ Штутгарда, въ 1756 году приглашенъ въ Московскій Университетъ на Каѳедру Логики, Метафизики и Нравственной Философіи и, по заключенному съ нимъ условію, преподавалъ означенныя науки до 1764 г.; въ этомъ году условіе съ нимъ было возобновлено, но въ 1765 году въ уваженіе разстроеннаго его здоровья и семейныхъ обстоятельствъ, Фроманнъ по прошенію его уволенъ отъ службы при Университетѣ для возвращенія въ свое отечество. Изъ актовъ Университетской Конференціи 1763 года видно, что Фроманнъ, кромѣ занятій по каѳедрѣ Фи-

лософіи, исправлялъ и должность Инспектора обѣихъ Гимназій. Изъ аттестата, даннаго ему Конференціею, также видно, что онъ исправлялъ свои обязанности добросовѣстно. Фроманнъ въ 1766 году приглашенъ былъ въ Тюбингенскій Университетъ на Экстраординарную каѳедру Профессора Философіи и по этому случаю защищалъ сочиненіе свое: Stricturae de statu scientiarum et artium in imperio Russico. Эта книжка представляетъ весьма добросовѣстный взглядъ Фроманна, съ пользою дѣйствовавшаго въ Россіи, на ея тогдашнее просвѣщеніе, и содержитъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для исторіи С.-Петербургской Академіи и Московскаго Университета его времени.

Ц.

ЦВѢТАЕВЪ, Левъ Алексѣевичъ, Правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ Заслуженный Профессоръ, Философіи Докторъ, Орденовъ Св. Анны 2-го класса съ алмазами и Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ, былъ изъ духовнаго званія, сынъ Священника. Въ 1783 г. онъ поступилъ въ бывшую тогда Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію, въ которой окончилъ первоначальное образованіе съ отличнымъ успѣхомъ; въ 1795 г., уволенный, по прошенію, изъ духовнаго званія, онъ принятъ былъ въ И. М. У. Студентомъ, гдѣ слушалъ Лекціи по Нравственно-Политическому и Словесному Факультетамъ; въ 1797 г. въ торжественномъ собраніи Университета награжденъ былъ за сочиненное имъ разсужденіе *первою* серебряною медалью. 1798 г., по испытаніи, произведенъ былъ въ Баккалавры,—степень ученую, ведущую уже къ занятію Профессорской каѳедры.—Какъ бы предчувствуя будущее ученое свое назначеніе, и сознавая недостаточность своего образованія, въ 1801 г. онъ отправился, по опредѣленію Универс. Совѣта, въ чужіе краи, сопровождая Куратора Князя Ѳ. Н. Голицына, слушалъ лекціи въ различныхъ Университетахъ Германіи и Франціи три года, и наконецъ въ Геттингенскомъ Университетѣ получилъ степень Доктора Философіи.—Геттингенъ въ то время былъ первымъ представителемъ Нѣмецкой учености: Университетъ его

украшался славными въ Исторіи наукъ именами, каковы напр. Шлецеръ, Гуго и др.—Молодой Русскій ученый, имѣя отъ природы тонкій практическій умъ, и состоя подъ вліяніемъ тогдашней школы, съ любовію предался изученію наукъ Юридическихъ. Къ сожалѣнію, школа эта держалась еще на старыхъ методическихъ началахъ, и ей неизвѣстны были тѣ великія открытія памятниковъ Юридической классической Древности, которые показались только съ 1815 г. и съ чего началась новая, блестящая эпоха Юриспруденціи. Перешедши въ Парижъ, Цвѣтаевъ ознакомился съ духомъ и направленіемъ Французской, или такъ наз. Энциклопедической школы, представителями которой въ области правъ были Монтескю, Пасторе и многіе др.; эти два направленія Германской и Французской школы оставили неизгладимыя впечатлѣнія во всей будущей дѣятельности Цвѣтаева—Профессорской и литературной.—По всей справедливости можно сказать, что еслибы Цвѣтаеву суждено было получить юрид. образованіе десять, 15 лѣтъ позже: онъ былъ бы самымъ могущественнымъ и современнымъ двигателемъ юрид. наукъ въ отечествѣ своемъ.

Дарованія и познанія молодаго Русскаго ученаго были оцѣнены иностранными учеными; Геттингенскій Университетъ далъ ему дипломъ на степень Доктора; Парижская Академія Законодательства наименовала его своимъ сочленомъ въ 1804 г.

По возвращеніи въ отечество, Цвѣтаевъ въ 1805 году издалъ литературное произведеніе: *Панорама Парижа, или описаніе сего города и его достопримѣчательностей.* Это довольно живая картина, набросанная даровитымъ человѣкомъ въ одинъ мѣсяцъ, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ столицы Франціи, въ отвѣтъ на тѣ расспросы, которые слышалъ онъ отъ любопытныхъ современниковъ. Книжка вышла вторымъ исправленнымъ изданіемъ въ 1822 году, съ прибавленіемъ трехъ отдѣльныхъ піесъ, относившихся къ современнымъ событіямъ. Съ 1805 г., начинается публичное служеніе Цвѣтаева отечеству и наукѣ, и продолжается непрерывно по 1835 г., до смерти его.—Такое долговременное и разнообразное его служеніе ознаменовано было благотворными дѣйствіями.—По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, въ 1805 г. Янв. 4-го при незабвенномъ Попечителѣ Москов-

скаго Университета Михаилѣ Никитичѣ Муравьевѣ, онъ утвержденъ былъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора, на каѳедру *теоріи Законовъ*, и въ день празднованія въ томъ же году 50-лѣтняго юбилея Университета, произнесъ рѣчь — *о взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки.* Курсъ лекцій своихъ онъ издалъ въ особомъ сочиненіи: *Начертаніе Теоріи законовъ.* Этотъ первый опытъ литературной его дѣятельности на Русской почвѣ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашней Французской школы. Коммиссія составленія законовъ Россійской Имперіи избрала Цвѣтаева, извѣстнаго уже своею ученостію, своимъ Корреспондентомъ съ 1810 года.

Въ 1811 г. произведенъ онъ въ Ординарные Профессоры по каѳедрѣ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. Потомъ онъ преподавалъ, въ различныя времена, Естественное право, Гражданское, Уголовное, Общенародное, и Политическую Экономію, и по каждому предмету издалъ руководства, на Русскомъ языкѣ.—По тогдашнему Университетскому Уставу Юридическія науки не были строго разграничены, и по недостатку способныхъ преподавателей, часто поручаемо было Начальствомъ одному и тому же Профессору чтеніе различныхъ предметовъ. Но главнымъ и любимымъ предметомъ Цвѣтаева было Римское право. Его можно назвать по преимуществу Профессоромъ Римскаго права.—Четыре сочиненія посвящены обработыванію этого предмета: 1) *Начертаніе Римскаго Гражданскаго правá*; 2) *Краткая Исторія Римскаго права*; 3) *Учебная книга Римскаго Гражданскаго права* въ 2 частяхъ и наконецъ 4) рѣчь его, произнесенная въ 1830 году по случаю празднованія 75 л. Юбилея Университета: *О вліяніи правовѣдцевъ на усовершенствованіе Римскаго права.* — Здѣсь видно вліяніе Германской догматической школы. — Учебникъ Профессора Макельдея долгое время считался классическимъ руководствомъ при изученіи Римскаго Права: онъ переведенъ былъ на всѣ Европейскіе языки, и два раза на Русскій языкъ— въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ. Конечно, этотъ учебникъ имѣетъ свою хорошую сторону; стройная система Римскихъ Институтовъ, ясность изложенія и отчетливая литература при каждомъ ученіи — вотъ неотъемлемыя преимущества онаго.

Цвѣтаевъ принялъ этотъ учебникъ въ руководство для своихъ лекцій, перевелъ на Русскій языкъ, видоизмѣнивши нѣкоторыя статьи, и такъ сказать, остановился на немъ, — не слѣдя за новымъ, блистательнымъ развитіемъ своей науки. Съ 1820 года, историко-юридическая школа, основанная Нибуромъ и Савиньи, дала новое бытіе юрид. наукамъ; литературныя произведенія этой школы рѣзкими чертами отдѣляютъ новѣйшее время отъ прошедшаго. Но они не могли уже быть усвоены Русскимъ ученымъ; процессъ его умственнаго развитія какъ бы кончился. — И самое время, и многоразличныя служебныя обязанности, возлагаемыя Правительствомъ на Цвѣтаева, и болѣзни, которымъ онъ подверженъ былъ, — все это вмѣстѣ должно было постепенно ослаблять его энергію.—Но, при всемъ этомъ, почтимъ память достойнѣйшаго Московскаго Профессора и за то, что̀ онъ могъ и успѣлъ сдѣлать для пользы науки.—Онъ оставилъ послѣ себя цѣлое поколѣніе учениковъ своихъ, которые по его наставленіямъ съ честію служили и служатъ отечеству; онъ много способствовалъ къ образованію въ Россіи языка юридическаго, къ развитію наукообразнаго понимания законовъ, и самъ въ душѣ проникнутъ былъ наукою, какъ ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ его предсмертная рѣчь—*О вліяніи правовѣдцевъ на усовершенствованіе Римскаго права.* Онъ одаренъ былъ отъ природы самымъ вѣрнымъ юридическимъ тактомъ, слѣдовательно аналитическій умъ его могъ находить полное удовлетвореніе въ изученіи Римскаго права,—этого великаго творчества древняго аналитическаго ума.—Еще и теперь сохраняются въ свѣжей памяти многія его изреченія; сослуживцы его съ уваженіемъ разсказываютъ, какъ Цвѣтаевъ легко и ясно разрѣшалъ самые многосложные и трудные вопросы, встрѣчающіеся въ служебной жизни.—Мнѣніе его всегда было принимаемо.

Но поприще Цвѣтаева не ограничивалось одною Профессорскою дѣятельностію: на него, какъ даровитѣйшаго ученаго, постоянно возлагаемы были различныя должности. Послужный его списокъ весь наполненъ исчисленіемъ этихъ должностей и наградъ за его отличную службу. Мы приведемъ здѣсь одни общія числа. 10 лѣтъ былъ онъ Деканомъ Нравственно-

Политическаго Отделенія; 18 летъ Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета; 20 летъ Членомъ Комитета испытанія Гражданскихъ чиновниковъ; 22 года Инспекторомъ классовъ при Московскихъ Институтахъ Ордена Св. Екатерины и Александровскомъ; былъ визитаторомъ училищъ и пансіоновъ, въ Москвѣ учрежденныхъ; Член. Коммиссіи, Высочайше утвержденной для разбора вотчинныхъ дѣлъ Демидов. Ярослав. училища, и кромѣ того исполнялъ и другія порученія Начальства.

Правительство не оставило безъ вниманія такую полезную службу Цвѣтаева. Въ 1830 году онъ получилъ званіе Заслуженнаго Профессора, и вновь избранъ былъ на пятилѣтіе, для чтенія лекцій, съ пенсіею и жалованьемъ; имѣлъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ; украшенъ былъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени и Св. Анны 2-й степени съ алмазными знаками; имѣлъ счастіе получить отъ Монаршей милости двѣ золотыя табакерки, 14 бриллiантовыхъ перстней, и нѣсколько разъ удостоенъ былъ Высочайшаго благоволенія.

Въ 1835 г., Февраля 7-го, Цвѣтаевъ кончилъ земную свою жизнь, столь полезную для отечественнаго просвѣщенія. При печальной вѣсти о кончинѣ его, поспѣшили всѣ ученики его почтить память и воздать послѣднюю дань признательности славному въ свое время Русскому Наставнику.

ЦИММЕРМАНЪ, Антонъ Михайловичь, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ Гражданскихъ Законовъ Царства Польскаго, Коллежскій Совѣтникъ, родился 13-го Іюня 1820 года, въ городѣ Ченстоховѣ, Варшавской губерніи, отъ отца Михаила и матери Франциски Циммерманъ, вѣроисповѣданія Римско-Католическаго. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ оставался до 1831 года, и для дальнѣйшаго образованія посланъ былъ въ Варшаву и принятъ въ бывшую тогда Вторую Гимназію.—Курсъ гимназическій, состоящій изъ осьми классовъ, онъ кончилъ въ 1839 году, при чемъ удостоенъ былъ нѣсколькихъ наградъ и похвальныхъ отзывовъ. По бѣдности, онъ пользовался во время пребыванія въ Гимназіи стипендіею, учрежденною Г-жею Якубовичевою въ пользу ея бѣдныхъ учащихся родственниковъ.

По окончаніи полнаго гимназическаго курса по филологическому отдѣленію, онъ за особенное прилежаніе отправленъ былъ на счетъ казны Царства Польскаго бывшимъ тогда главнымъ Директоромъ Правительственной Коммисіи Внутреннихъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Сергѣемъ Павловичемъ Шиповымъ въ Императорскій С.-Петербургскій Университетъ.

По окончаніи наукъ въ семъ Университетѣ и полученіи ученой степени по Юридическому Факультету, Циммерманъ былъ опредѣленъ въ 1844 году сверхкомплектнымъ учителемъ при Варшавскихъ Гимназіяхъ и откомандированъ къ Самуилу Богумилу де Линде для содѣйствія при редакціи Общаго Славянскаго Словаря. Внезапная смерть сего знаменитаго ученаго, главнаго Редактора Словаря, прервала этотъ многообѣщавшій трудъ, и Циммерманъ назначенъ былъ учителемъ во вторую Варшавскую Гимназію. — Въ 1847 году, по причинѣ преобразованія Варшавскихъ Гимназій, онъ переведенъ былъ въ Варшавскую Реальную Гимназію, съ увеличеніемъ получаемаго имъ жалованья. — Въ 1848 году онъ былъ уволенъ отъ должности учителя, чтобы посвятить себя исключительно службѣ по судебному вѣдомству и назначенъ Судебнымъ Аппликантомъ при Варшавскомъ Гражданскомъ Трибуналѣ 1-й инстанціи. — Въ теченіе этой Аппликаціи онъ занимался во всѣхъ Инстанціяхъ Гражданскаго и Уголовнаго вѣдомствъ.— Его Свѣтлость, Намѣстникъ Царства Польскаго, принимая во вниманіе его нравственную и прилежную аппликацію, приказалъ производить ему въ продолженіи одного года половинное по окладу жалованье. — Въ 1849 году онъ былъ назначенъ Правительственною Коммиссіею Юстиціи къ исполненію должности Ассессора Варшавскаго Суда Исправительной Полиціи 1-го Отдѣленія. По случаю смерти Профессора Московскаго Университета Залозѣцкаго, каѳедра Гражданскихъ Польскихъ Законовъ сдѣлалась вакантною, вслѣдствіе чего объявленъ былъ конкурсъ на занятіе оной. Изъ числа многихъ кандидатовъ, представленныхъ Коммисіею Юстиціи, Ц. былъ избранъ бывшимъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Уваровымъ, который поручилъ ему преподаваніе Польскихъ Законовъ въ видѣ опыта, и вслѣдствіе этого назначенія онъ выбылъ изъ службы по судебному вѣдомству и

уволенъ отъ должности Ассессора.—Въ 1850 году, по представленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, онъ опредѣленъ Ординарнымъ Профес. Юридическихъ курсовъ для юношества Царства Польскаго, при Москов. Университетѣ учрежденныхъ, и въ 1854 г. произведенъ въ Коллеж. Совѣтники.

Ч.

Чеботаревъ, Харитонъ Андреевичъ, Исторіи, Нравоученія и Краснорѣчія Профессоръ Публичный Ординарный, первый Ректоръ И. М. У., Статскій Совѣтникъ, сынъ сержанта, родился въ Вологдѣ въ 1746 году. Въ 1755 г. вступилъ въ Университетскую Гимназію, изъ которой, въ 1761 г., перешелъ Студентомъ въ Университетъ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1764 г., съ этого года по 1769 г. отправлялъ должность переводчика съ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Университетской Конференціи и Канцеляріи и въ Газетной Экспедиціи; въ 1767 г. опредѣленъ учителемъ Исторіи и Географіи въ Гимназіи. Въ 1773 г. препоручено ему было преподаваніе Русской Словесности, или Россійскаго стиля, и въ тоже онъ время упражнялъ учениковъ въ переводахъ съ Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ. Въ 1775 г. Чеботаревъ былъ опредѣленъ Суббибліотекаремъ въ Университетскую библіотеку и издателемъ Московскихъ Вѣдомостей; въ 1776 г., Апрѣля 13-го, произведенъ въ Экстраординарные Профессоры по каѳедрѣ Россійской Словесности, оставаясь въ Гимназіи преподавателемъ Философіи и Всеобщей Исторіи; въ 1778 г. Октября 31-го, произведенъ въ Ординарные Профессоры, назначенъ Библіотекаремъ и Цензоромъ при театрѣ. Съ 1778 по 1783 г. былъ Секретаремъ Университетской Конференціи, Инспекторомъ Университетскихъ Гимназій и Учительской семинаріи; въ 1782 г. получилъ чинъ Коллежскаго Ассессора, въ 1786 г. Надворнаго Совѣтника. Въ это время, по Высочайшему повелѣнію, занимался выписками изъ всѣхъ Русскихъ лѣтописей, какія только можно было отыскать въ Сунодальной и Патріаршей библіотекахъ и въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ, за что въ 1794 г. получилъ награжденіе изъ Кабинета—500 р. сер. Въ 1797 г.

произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники; въ 1803 г. пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени, и, по преобразованіи Университета, избранъ въ Ректоры, а въ 1805 г. награжденъ брилліантовыми знаками ордена Св. Анны. По сложеніи Ректорской должности, опредѣленъ безсмѣннымъ Засѣдателемъ въ Правленіи Университета, въ каковой должности находился до самой кончины, послѣдовавшей 1815 г., Іюля 26-го, на 70 году отъ рожденія. Въ продолженіи этого времени, въ 1809 г., произведенъ въ Статскіе Совѣтники. Сверхъ того онъ былъ Предсѣдателемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ.

Исторію въ Гимназіи Чеботаревъ преподавалъ по переведенной имъ *Всеобщей Исторіи Фрейера;* въ 1776 г. онъ издалъ Географическій Учебникъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Географическое Методическое описаніе Россійской Имперіи, съ надлежащимъ введеніемъ къ основательному познанію земнаго шара и Европы вообще, для наставленія обучающагося при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ юношества изъ лучшихъ новѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ писателей собранное трудами Университетскаго питомца Харитона Чеботарева.* Книга эта превосходила прежніе учебники обширностію и тѣмъ, что собственно географическое содержаніе строже отдѣлено отъ предметовъ изъ наукъ смежныхъ. — Философію преподавалъ въ Гимназіи на Русскомъ языкѣ по Heineccii Elementa philosophiae rationalis et moralis; Литературную Энциклопедію въ Университетѣ по системѣ Профессора Рейхеля, при чемъ указывалъ лучшихъ писателей по каждой наукѣ. Его Университетскія лекціи о Словесности не составляли связнаго курса, но были чисто практическія: онъ разбиралъ лучшія мѣста изъ твореній старыхъ писателей, или вновьвыходящія сочиненія литературныхъ знаменитостей, напр. Державина, при чемъ объяснялъ свойства слога и языка, сообщалъ въ отрывкахъ Исторію языка и Словесности; такимъ же разборамъ подвергались сочиненія самихъ слушателей, задававшіяся ежемѣсячно, и сдѣланные на мѣстѣ переводы.

Сохранился отрывокъ* изъ записокъ Чеботарева о Русской

* Отрывокъ этотъ доставленъ въ Московское Общество Исторіи и

Исторіи, именно отдѣленіе III, содержащее въ себѣ вступленіе въ настоящую исторію о Россіи. Отрывокъ начинается такъ: «*Писать* Россійскую Исторію, — какое смѣлое предпріятіе! почти теряюсь въ великости оной. *Писать* исторію такого Государства, которое составляетъ девятую часть всего обитаемаго земнаго шара и вдвое больше цѣлой Европы» и пр. Слово *писать* приводитъ къ мысли, что это сочиненіе назначалось не для того только, чтобъ служить Профессору пособіемъ при чтеніяхъ; въ противномъ случаѣ авторъ вѣроятно вмѣсто *писать* употребилъ бы другое выраженіе.

Указавши въ началѣ на обширность, важность и достовѣрность Россійской Исторіи, обширность по великому множеству народовъ, вошедшихъ въ составъ Россійскаго Государства; важность по непосредственному вліянію, какое имѣетъ она на всю прочую исторію, какъ Европейскую, такъ и Азіатскую; достовѣрность — по изобилію въ подлинныхъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ источникахъ, Чеботаревъ, приступаетъ къ раздѣленію Русской Исторіи, которая, по его мнѣнію, представляетъ только двѣ главныя эпохи, древнюю и новую. Первая начинается Рюрикомъ и продолжается до конца XVI вѣка.

Русскіе, какъ Россы, являются на театрѣ міра не прежде IX вѣка по Р. Х., но исторія ихъ, какъ Славянъ, теряется въ непроницаемой ночи древности. Пораженіе Хилбуда, Византійскаго полководца, оберегавшаго Дунайскій берегъ, явленіе Славянъ на южномъ берегу Дуная и ихъ побѣды надъ Греками, составляютъ начало подлинной исторіи Славянъ. Будучи утѣсняемы отъ Римлянъ, т. е. Грековъ, и вѣроятнѣе отъ Аваровъ, Славяне отъ Дуная обратились на Сѣверъ и заняли нынѣшнюю Россію. Точное время этого переселенія Славянъ съ Дуная на Сѣверъ въ лѣтописяхъ не означено; извѣстіе Польскихъ писателей о построеніи Кіева въ 430 г.

Древностей Россійскихъ г. Максимовичемъ (получившимъ его отъ М. В. Могилянскаго) и напечатанъ въ Чтен. Общ. Исторіи и Др. Рос. 1847 г. № 9.

по Р. Х. принять нельзя; Новгорода слишкомъ древнимъ почесть также нельзя уже по самому названію. Русская Исторія начинается съ призванія Рюрика Новгородцами по совѣту Гостомыслову. «Коль чисто сіе начало, говоритъ Чеботаревъ, коль оно натурально и коль не подвержено и не затмѣнено неистовыми баснями, какими обезображена Польская и Шведская Исторіи! Однакожъ, ниже, т. е. прежде сего времени Исторія не ниспускается; нить ея прерывается, но любопытство наше на томъ не останавливается, и съ чистыхъ областей истины спускается оно въ мутныя ручьи вѣроятности, догадокъ и заблужденій. Представляются намъ здѣсь слѣдующіе четыре вопроса, которые безъ всякаго вреда Россійской Исторіи могли бы остаться навсегда нерѣшимыми, которые, однакожъ, для удовольствія любопытства нѣкоторыхъ, предварительно рѣшить мы обязаны. Сіи вопросы суть слѣдующія: 1) Кто именно были Славяне? 2) Кто именно жили въ Россіи прежде Славянъ? 3) Кто такіе были Варяги, отъ которыхъ Россіяне получили первыхъ своихъ владѣтелей? 4) Кто были Руссы?»

На первый вопросъ Чеботаревъ отвѣчаетъ, что первоначальное происхожденіе Славянъ покрыто глубокою историческою тьмою, и что ничего точнаго и рѣшительнаго намъ сказать нельзя, кромѣ слѣдующаго: 1) Славяне жили на Дунаѣ, прежде нежели, проходя чрезъ Польшу и Россію, поселились на Сѣверѣ; 2) Славяне существенно различный народъ отъ Готовъ, Алановъ, Гунновъ, Козаровъ, Аваровъ, Печенѣговъ и Турковъ; 3) они принадлежатъ къ тому великому древу народовъ, отъ котораго, какъ вѣтви, произрасли древніе Германцы, Римляне и Греки, что доказать можно неоспоримо сходствомъ коренныхъ словъ; 4) изъ сравненія языковъ заключить можно, что Славяне принадлежатъ къ тому классу народовъ, которые жили въ старину отъ Каспійскаго моря въ прямой линіи на западъ въ малой Азіи и простирались въ Европу до Дуная, и которые раздѣлялись издавна на три народа: Мидянъ, Фригіянъ и Ѳракіянъ. — При этихъ выводахъ Чеботаревъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія мысли:

«Труды строгихъ испытателей истинности и подлинности въ исторіи довольно намъ показали, коль великими заблужденіями и совсѣмъ ложными мнѣніями обезображена исторія отъ грамматическихъ этимологій или словопроизводствъ, и, слѣдовательно, коль неосновательно и ошибочно созидать цѣлыя историческія системы на одномъ пустомъ сходствѣ словъ, которое во многихъ случаяхъ можетъ быть случайное только!... Исторія имѣетъ нѣкоторые пустые звуки или слова, которыми горделивое невѣжество прикрываетъ себя, чтобъ его не узнали. Испытателямъ исторіи, любящимъ школьную рѣшительность, большею удобностію къ закрытію историческаго невѣжества служатъ извѣстныя слова: Скиѳы, Сарматы, Кельты, Татары и пр.; они невѣждъ освобождаютъ отъ дальнѣйшаго разысканія исторической древности. Если кто не умѣетъ означить начало и происхожденіе какого народа, то стоитъ ему сказать, что этотъ народъ Скиѳскаго происхожденія. Слѣд. приводить Славянъ по областямъ Скиѳскимъ и Сарматскимъ въ древнюю исторію есть весьма ненадежная и многимъ блужданіямъ подверженная дорога. Другая для Славянъ тудажъ прокладывается чрезъ Вендовъ. Симъ образомъ исторію Славянъ растянуть можно безпредѣльно, а именно: изъ Европы перемѣстить ее въ Азію, изъ VI вѣка по Р. Х. слишкомъ лѣтъ за тысячу прежде, т. е. къ разоренію Трои! — Если податься оттуда на востокъ еще нѣсколько сотъ верстъ, то очутишься не подалеку отъ самаго Вавилонскаго столпотворенія, такъ какъ нѣкто изъ Польскихъ лѣтописцевъ и утверждалъ въ самомъ дѣлѣ, что Нимвродъ дѣйствительно былъ Славянинъ.»

Отвѣчая на второй вопросъ, Чеботаревъ первобытными жителями сѣверной части Россіи признаетъ Вендовъ, Готовъ и Финновъ; что же касается юга, то о жившихъ здѣсь въ древности народахъ, мы имѣемъ обстоятельныя свѣдѣнія: почти всѣ народы, выходившіе изъ Новгорода, съ рѣки Яика и изъ самой глубины Азіи и устремлявшіеся на разореніе Рима, совокуплялись здѣсь вмѣстѣ.

Третій вопросъ Чеботаревъ разрѣшаетъ такъ: 1) Варягами древніе Россіяне называли всѣ народы, жившіе по Балтій-

скому морю, а особливо около Финскаго залива; 2) тѣ Варяги, къ которымъ принадлежали Рурикъ, Синавъ и Труворъ, были народы Готскаго происхожденія; сіе доказываютъ многія Готическія слова, означающія Варяжскіе военные и статскіе чины; 3) изъ которой именно земли, населяемой Готами, при Балтійскомъ морѣ, пришелъ Рурикъ съ братьми къ Новгородскимъ Славянамъ, того Несторъ въ особенности не означилъ, да, вѣроятно, и никакой испытатель древности учинить того будетъ не въ состояніи, ежели другія подлинныя, по крайней мѣрѣ, Нестору современныя лѣтописи, отысканы не будутъ.»

Рѣшая четвертый вопросъ, Чеботаревъ признаетъ Руссовъ или Кумановъ особымъ народомъ, жившимъ, по свидѣтельству Степенной книги, на берегахъ Чернаго моря; народъ этотъ отличенъ отъ Славянъ, Готовъ, Гунновъ и Турокъ, и есть родственный Хозарамъ, Болгарамъ, Аланамъ и Лазамъ. Впрочемъ это мнѣніе авторъ предлагаетъ только какъ догадку.

Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ Чеботаревъ переходитъ къ раздѣленію Русской Исторіи, при чемъ держится извѣстнаго Шлецеровскаго дѣленія: Россія раждающаяся (съ 862 до 1015); Россія раздробленная (съ 1015 до 1223); Россія порабощенная (съ 1223 до 1462); Россія побѣждающая (съ 1462 до 1725); Россія процвѣтающая (съ 1725 до нашихъ временъ).

Кромѣ этихъ записокъ и упомянутыхъ выше книгъ, Чеботаревъ оставилъ нѣсколько рѣчей, читанныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета. Будучи Помощникомъ Библіотекаря, онъ перевелъ съ Латинскаго рѣчь Профессора Рейхеля: «О способѣ, какимъ древніе возбуждали въ гражданахъ любовь къ отечеству.» Рѣчь эта была говорена 22-го Апрѣля, 1775 года, въ день рожденія Императрицы Екатерины II. Потомъ въ качествѣ Профессора, Чеботаревъ произносилъ рѣчи собственнаго сочиненія: 1) *Слово о изобрѣтеніи искусства письма, и о томъ, что не послужило ли оно во вредъ человѣческому уму и благонравію*, произнесенное 30-го

Іюня 1776 года, въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II-й.—2). *Слово о способахъ и путяхъ ведущихъ къ просвѣщенію,* произнесенное въ день рожденія Императрицы Екатерины II-й, 22-го Апрѣля 1779 г.—3) *Слово на Высочайшій день тезоименитства Императрицы Екатерины II, и обновленіе новопостроеннаго въ Университетскомъ домѣ флигеля,* 1782 г. Ноября 24-го.—4) *Величіе, могущество и слава Россіи, дарованныя ей Провидѣніемъ чрезъ великихъ ея Самодержцевъ* — слово, произнесенное въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, Іюня 30-го, 1795 г.— 5) *Гласъ радованія въ селеніяхъ Россикихъ,*—слово, произнесенное по случаю коронованія Императора Павла I-го, 5-го Апр., 1797 г. — Для образца приведемъ одно мѣсто изъ перваго слова: о изобрѣтеніи искусства письма: «Говорятъ, что *чрезъ изобрѣтеніе буквъ и письма вышло въ свѣтъ много беззаконнаго, которое посредствомъ онаго сбережено къ поврежденію и гибели благонравія.* Сіе возраженіе имѣетъ наружный только видъ справедливости. Правда, что всякой вѣкъ производилъ не мало такихъ людей, которые, заблудивъ отъ пути добродѣтели, славу и безсмертіе своего имени полагали не въ снисканіи истины, но въ вымышленіи и разсѣеваніи новыхъ мнѣній, правдѣ и добродѣтели противныхъ и пагубныхъ. Таковые изверги и поношеніе человѣчества бывали и въ самыя древнія времена. *Возстаемъ мы,* говоритъ нѣкогда Горацій, *дерзкимъ безсиліемъ и на самое небо.* И такъ положимъ, что люди употребляли во зло благодѣтельный даръ письма; положимъ, что многое противное закону, истинѣ и добродѣтели письмомъ изображено, перешло въ потомство, и въ нашъ вѣкъ, какъ бы старое кушанье подварено и поддѣлано: но несравненно больше добраго, полезнаго и блаженству рода человѣческаго споспѣшествующаго употребленіе письма произвело, сохранило, и позднѣйшимъ временамъ оставило. Помощію онаго основанія закона защищены, утверждены, истолкованы, объяснены и сообщены роду смертныхъ. Помощію онаго науки, знанія и художества распространены, умножены и приведены въ удивительное совершенство. Помощію онаго, желающимъ просвѣтить себя свѣтомъ премудро-

сти, облегченъ путь къ достиженію познанія истины и добродѣтели. Помощію наконецъ онаго сохранены намъ неоцѣненные примѣры великихъ нашихъ предковъ, которыми отвращаемся гнусности пороковъ, и утверждаемся въ любви къ добродѣтели. Толикія выгоды и пользы, происходящія отъ искусства письма, сравнивъ съ неправовымышленными на оное нареканіями, удобно ли намъ сомнѣваться о пользѣ его изобрѣтенія? Можетъ ли злоупотребленіе какой вещи уничтожить всю пользу оной? Огонь, напримѣръ часто обращаетъ въ пепелъ наши домы, опустошаетъ селенія и грады, и многія тысящи людей приводитъ въ разореніе и крайнюю нищету, но кто скажетъ, чтобъ онъ не былъ величайшее благодѣяніе природы? Никому безъ него обойтись не можно; никто прямаго употребленія онаго порицать не можетъ.»

Наконецъ Чеботаревъ посвятилъ восемь лѣтъ жизни *труду*, по выраженію современниковъ, почтенному и необъятному, своду Евангельскихъ сказаній, которыя онъ издалъ подъ именемъ: *Четвероевангеліе*; печаталась книга три года; все изданіе изъ 600 экземпляровъ разошлось въ два года, что считалось тогда успѣхомъ необыкновеннымъ.

Кромѣ Университетскихъ лекцій, Чеботаревъ занимался еще преподаваніемъ въ собственномъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ жившими у него магистрами Панкевичемъ и Сохацкимъ, которые оба поступили отъ него въ Профессоры Университета; изъ пансіонеровъ его вышли Сенаторы: Е. В. Карнѣевъ и Ѳ. Петр. Лубяновскій.

«Чеботаревъ, по словамъ одного слушателя своего*, былъ росту средняго, костистъ, худощавъ, волосы имѣлъ цвѣта свѣтлорусаго, лице продолговатое, румяное, ясное, которое, говоря, выставлялъ, грудь широкую, голосъ звонкій, басисто-бронзовый, рѣчь твердую и гладкую, походку мѣрную, осанистую, обращеніе рѣзкое, тонъ заманчивый. Часто къ слушателямъ повторялось: «Дрру зья мои!» и со всѣми легко, съ разностію тона, переходилъ онъ на прямое и ровное; ты,

---

* Тимковскаго.

привыкъ писать безъ еровъ и съ удареніемъ на двусмысліе; но, одобряя послѣднее, перваго другимъ не совѣтовалъ.»

Семейство Ч. состояло изъ жены, сына и дочери. Женидьба его замѣчательна: жена Московскаго Главнокомандующаго, Гр. З. Г. Чернышэва, взысканная необыкновеннымъ счастіемъ изъ бѣдной доли, въ память этого всегда воспитывала при себѣ четырехъ Смоленскихъ дворянокъ, своихъ землячекъ. Чеботаревъ давалъ уроки этимъ воспитанницамъ, изъ которыхъ одна, Софья Ивановна, ему особенно нравилась, хотя онъ не имѣлъ намѣренія когда-либо жениться. Но вотъ однажды онъ застаетъ Софью въ большомъ горѣ, и узнаетъ, что графиня отыскала ей въ Москвѣ жениха, какого-то Майора, человѣка дурной нравственности. Тогда Чеботаревъ рѣшился избавить свою ученицу отъ злой судьбы, и сдѣлалъ предложеніе, которое было принято. Послѣ онъ не имѣлъ причины раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Сынъ его, Андрей, былъ Адъюнктомъ при Московскомъ же Университетѣ; дочь, Софья, замужемъ за извѣстнымъ Профессоромъ и Медикомъ Мудровымъ.

Чеботаревъ, Андрей Харитоновичь, Адъюнктъ Химіи и Технологіи, Философіи, Этико-Политическихъ и Физико-Математическихъ наукъ Докторъ, Словесности и Изящныхъ искусствъ Магистръ, вступилъ въ Университетскую Гимназію въ 1797 г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и обучался на своемъ содержаніи. Въ 1800 г. Іюня 30-го произведенъ въ Студенты и слушалъ лекціи Философскія, Юридическія и Физико-Математическія. Въ 1803 г. Сентября 1-го награжденъ золотою медалью.—Въ 1804 г. Марта 2-го произведенъ въ Кандидаты Физико-Математическихъ наукъ и опредѣленъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ учителемъ Физики. 1805 г. Іюня 30-го получилъ степень Магистра Философіи и Физико-Математическихъ наукъ; въ томъ же году находился при основаніи Императорскаго Общества Испытателей Природы въ числѣ первыхъ членовъ-основателей и въ силу новаго устава 8-го Августа 1805 г. отправленъ въ чужіе краи для усовершенствованія себя въ наукахъ и въ особенности для занятій практическими технологическими изслѣдованіями. Въ бытность свою въ Берлинѣ, въ 1806 г., избранъ членомъ об-

ществъ Гуманическаго и Фармацевто-Химическаго, а Кёнигсбергскій Университетъ, изъ уваженія (honoris gratia) къ его познаніямъ, удостоилъ его въ Ноябрѣ того же года диплома на степень Доктора Философіи и соединенныхъ съ нею Этико-Политическихъ наукъ; въ томъ же году Чеботаревъ возведенъ также Московскимъ Университетомъ въ степень Доктора Философіи и Физико-Математическихъ наукъ. Объѣхавъ Польшу, Силезію, Пруссію и Саксонію, по причинѣ возгорѣвшейся съ Франціею войны, возвратился въ отечество, и въ 1807 г. Января 15 назначенъ былъ Адъюнктомъ Химіи и Технологіи въ Московскій Университетъ.—Въ $180\frac{7}{8}$ академич. году читалъ для Русскихъ отечественныхъ фабрикантовъ основанія бѣлильнаго, красильнаго и набивальнаго искусствъ, производя всѣ нужные для того опыты; въ $180\frac{8}{9}$ г. преподавалъ химическія основанія Политехнологическихъ наукъ, по принаровленной Химіи г. Шапталя, и продолжалъ тотъ же предметъ до выбытія изъ Университета въ 1811 г. Въ 1807 г. Февраля 2-го избранъ въ Корреспонденты С.Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, а 13-го Марта Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1810 г. Маія 1-го поручено ему въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ преподаваніе Естественнаго, Народнаго, Римскаго Права и Политической Экономіи. Съ 1807 по 1810 г. служилъ при Цензурномъ Комитетѣ, а въ 1811 г. избранъ Членомъ и Секретаремъ Комитета для сочиненія инструкціи ученымъ путешественникамъ, отправлявшимся въ экспедицію по Россіи. Въ 1811 г. переведенъ въ Гимназію для преподаванія Естественныхъ наукъ; въ томъ же году вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ С.Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ Горный Корпусъ завѣдывающимъ Лабораторіею, откуда былъ командированъ на пріиски въ Сибирь. Возвратившись въ С.-Петербургъ въ 1823 г., назначенъ былъ Предсѣдателемъ Палаты въ Херсонъ, по особымъ обстоятельствамъ уволенъ отъ этой должности и проживалъ нѣкоторое время въ Москвѣ. Въ 1824 г. былъ посланъ, по порученію частнаго общества, Директоромъ на золотые пріиски въ Сибирь, гдѣ, пробывъ короткое время, возвратился въ Москву и проживалъ въ домѣ зятя своего, Доктора Мудрова, съ которымъ въ Сентябрѣ

1830 г. отправился въ Саратовъ и занималъ должность Секретаря при холерномъ Комитетѣ. Когда эпидемія прекратилась на югѣ Россіи, отправился съ членами Комитета въ С.Петербургъ. По окончаніи дѣлъ Комитета, поселившись въ С.Петербургѣ, искалъ себѣ должности, въ Февралѣ 1832 г. занемогъ воспаленіемъ желудка и скончался отъ этой болѣзни на 53 году своей жизни.

ЧЕРЕПАНОВЪ, Никифоръ Евтропіевичъ, Всемірной Исторіи, Статистики и Географіи Профессоръ П. Ординарный, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 3-й степ. Кавалеръ, родился въ Вяткѣ и получилъ начальное образованіе въ тамошней духовной Семинаріи. Въ 1782 г. онъ вступилъ въ Философскій Факультетъ Московскаго Университета, гдѣ занимался преимущественно Исторіею. По окончаніи курса, онъ былъ назначенъ преподавателемъ Исторіи и Географіи въ бывшей при Университетѣ Академической Гимназіи. Въ 1799 г. онъ получилъ званіе Адъюнкта Философскаго Факультета и началъ преподаваніе Исторіи и Географіи въ Московскомъ Университетѣ. При преобразованіи Университета въ 1804 г. онъ былъ произведенъ въ Экстраординарные, а въ 1810 г. въ Ординарные Профессоры. Въ 1812—13 г. онъ занималъ должность Декана въ Отдѣленіи словесныхъ наукъ. Сверхъ того онъ занимался преподаваніемъ въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, около 30 лѣтъ, въ Московскомъ отдѣленіи Ордена Св. Екатерины 16 лѣтъ, и былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду Членомъ Училищнаго Комитета. Въ 1804 году препоручено ему было открытіе Губернскихъ Гимназій въ Костромѣ и Вологдѣ; въ томъ же году осматривалъ, въ качествѣ визитатора, училища Ярославской и упомянутыхъ двухъ губерній. Съ 1808 г. до кончины, занималъ должность Помощника Библіотекаря въ Университетѣ. Скончался въ чинѣ Статскаго Совѣтника, на 61 г. отъ рожденія, Августа 13-го 1823 г. Издалъ: 1) *Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта по ихъ происхожденію, распространенію и языкамъ*, пер. съ Нѣмецкаго. Москва. 1798 г.—2) *Атласъ древней Географіи*, пер. съ Франц.—3) *Древняя и Новая Всеобщая Исторія Шрекка*, пер. съ Нѣмецкаго съ дополненіями. Москва,

1814—15 г.—4) Въ торжественномъ собраніи Университета 1803 г. произнесена имъ рѣчь: *О способахъ, какъ постепенно восходило просвѣщеніе народовъ.* 5) Для употребленія въ классахъ Екатерининскаго Института перевелъ съ Французскаго Всеобщую Исторію, съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны.—Смиреніе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами его жизни.

ЧИВИЛЕВЪ, Александръ Ивановичъ, Ординарный Профессоръ и Докторъ Политической Экономіи и Статистики, Статскій Совѣтникъ, Начальникъ во II отдѣленіи Департамента Удѣловъ, родился въ 1808 г., Ноября 9-го, въ гор. Вытегрѣ, Олонецкой губ. Отецъ его, начавшій свою службу въ С.Петербургѣ, гдѣ онъ родился и учился, служилъ потомъ постоянно въ Олонецк. губерніи и особенно долгое время былъ Уѣзднымъ Судьей въ г. Повѣнцѣ. Мать А. И. была дочь горнаго чиновника, который служилъ при казенныхъ заводахъ Олонецкихъ и Луганскомъ (Екатериносл. губ.). Когда Чивилеву исполнилось 7 лѣтъ, онъ былъ помѣщенъ въ Петрозаводскую Гимназію, гдѣ окончилъ ученіе въ 1823 г. Въ Январѣ слѣдующаго года, 15 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ С.Петербургскій Университетъ. Здѣсь первый годъ былъ посвященъ исключительно предметамъ Гимназическаго ученія, особенно древнимъ языкамъ. Остальные три года Ч. былъ Студентомъ Философско-Юридическаго Факультета, но въ то же время прилежно занимался языками Латинскимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ. Вообще въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ онъ имѣлъ случай пополнить недостатки тогдашняго Гимназическаго ученья.

Въ 1828 г., по окончаніи курса въ Университетѣ, онъ получилъ степень Кандидата и удостоенъ назначенія въ число воспитанниковъ Профессорскаго Института, который учрежденъ былъ тогда при Дерптскомъ Университетѣ. Изъ факультетскихъ предметовъ, которымъ онъ обучался, наиболѣе возбудила въ немъ интересъ Политическая Экономія, какъ наука умозрительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь важная по своему

практическому примѣненію, а потому она и была избрана имъ для дальнѣйшаго спеціальнаго изученія. Какъ въ Дерптскомъ Университетѣ Политическая Экономія составляла центръ такъ называемаго Камеральнаго отдѣленія Философскаго Факультета, то кромѣ этого главнаго предмета, Ч. слушалъ лекціи о наукѣ Полиціи, наукѣ Торговли, Сельскомъ хозяйствѣ, Технологіи, Физикѣ, Химіи, и также о Философіи, Государственномъ Правѣ Русскомъ и Европейскихъ Государствъ, Международномъ правѣ, Исторіи Римскаго права, Исторіи Всеобщей и Русской Статистики и Географіи; сверхъ того, частнымъ образомъ, занимался изученіемъ Англійскаго языка, чтобы читать Англійскихъ экономистовъ, въ подлинникѣ. Въ началѣ 1833 года, по произведенному испытанію и по защищеніи написанной имъ диссертаціи: *О призрѣніи бѣдныхъ*, удостоенъ степени Магистра Философіи, и въ Іюлѣ того же года, по распоряженію Правительства, отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Берлинъ. Въ то время была самая цвѣтущая эпоха Берлинскаго Университета, но Политическая Экономія оставалась тамъ какъ бы въ тѣни и не имѣла представителей наравнѣ съ другими науками. Поэтому, продолжая изученіе главнаго своего предмета изъ книгъ, Чивилевъ слушалъ курсы науки Полиціи и Статистики Прусскаго Королевства у Гофмана (знаменитаго Директора Прусскаго Статистическаго Бюро), Географіи у Карла Риттера, Физической Географіи и Геогнозіи у Гофмана (сына), Естественнаго и Государственнаго Права, а также и Философіи Исторіи у Ганса, Государственнаго Прусскаго Права у Геннинга, Философіи у Мишеле, Технической Химіи у Магнуса. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1835 г. онъ возвратился въ С.Петербургъ и, по прочтеніи въ Академіи Наукъ пробной лекціи о Камеральныхъ наукахъ, назначенъ въ Московскій Университетъ преподавателемъ и 31-го Декабря 1835 г. утвержденъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Политической Экономіи и Статистики. Въ 1838 г., по защищеніи диссертаціи: *О народномъ доходѣ*, удостоенъ степени Доктора Историческихъ наукъ, Политической Экономіи и Статистики, утвержденъ Экстраординарнымъ, а въ 1842 г. Ординарнымъ Профессоромъ по той же каѳедрѣ.

Въ 1848 г. для Университетскаго публичнаго акта написалъ рѣчь: *О наукѣ народнаго хозяйства и ея порицателяхъ.* Въ 1849 г. перешелъ на службу въ Министерство Удѣловъ.

Въ преподаваніи своемъ Чивилевъ раздѣлялъ Политическую Экономію на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ первой онъ излагалъ общіе законы Народнаго хозяйства и особенности различныхъ отраслей производительной дѣятельности; а во второй мѣры и учрежденія, которыми можно содѣйствовать успѣшному достиженію цѣли народнаго хозяйства, т. е. удовлетворенію нуждъ всѣхъ и каждаго. Къ послѣдней изъ сихъ двухъ частей онъ относилъ и науку Финансовъ, но преподавалъ ее, въ связи съ Русскими Финансовыми учрежденіями, для Студентовъ Юридическаго Факультета, только въ теченіи одного года, когда оставалась незамѣщенною каѳедра Законовъ Казеннаго Управленія. Задачу Всеобщей Статистики, какъ науки, онъ поставлялъ въ изображеніи современной степени развитія человѣчества, по примѣру Всеобщей Исторіи, которая представляетъ постепенный ходъ этого развитія. При такомъ взглядѣ, курсъ этой науки не составлялъ собранія спеціальныхъ статистикъ отдѣльныхъ государствъ, а обнималъ въ цѣлости образованнѣйшую изъ частей свѣта—Европу.

ЧУМАКОВЪ, Ѳедоръ Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Прикладной Математики, Физико-Математическихъ наукъ Докторъ, Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ орденовъ Св. Владиміра 4-й ст. и Св. Анны 3-й ст., сынъ Ротмистра, родился въ Пензѣ, 24-го Декабря 1782 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Академической Гимназіи при Московскомъ Университетѣ на казенномъ содержаніи; довершилъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ. Въ 1807 г. опредѣленъ былъ учителемъ Ариѳметики въ Академическую при Университетѣ Гимназію, а потомъ учителемъ Алгебры и Геометріи; 1812 г. получилъ степень Доктора Математическихъ наукъ, 1813 г. утвержденъ Адъюнктомъ и тогда же поручена ему каѳедра Прикладной Математики. Въ то же время

былъ назначенъ Членомъ Училищнаго Комитета, а съ 1814 по 1818 г. исправлялъ должность Инспектора классовъ при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Находясь въ этой должности, получилъ отъ Ея Величества Императрицы Маріи Өеодоровны брилліантовый перстень. Съ 1819 по 1827 г. былъ Членомъ Училищнаго Комитета и обозрѣвалъ казенныя и частныя заведенія въ Москвѣ, также въ губерніяхъ: Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Тульской и Орловской. Въ 1826 г. избранъ былъ Инспекторомъ казенныхъ, а въ 1827 г. своекоштныхъ Студентовъ. Въ этомъ же году избранъ былъ Деканомъ Физико-Математическаго отдѣленія, и въ этой должности оставался до 1831 года.

Начавъ преподаваніе Механики въ 1813 году, онъ заключилъ его 183½ академическимъ годомъ, и въ послѣдніе годы читалъ по утвержденному конспекту. — На актѣ 2-го Іюля 1815 г. Профессоръ читалъ рѣчь: *О пользѣ математическихъ и физическихъ наукъ для людей всѣхъ состояній, особливо для военныхъ*. Сверхъ того Чумаковъ издалъ: *Курсъ Математики Беллавеня*, для употребленія въ военныхъ школахъ, пер. съ съ Франц. 3 ч. М. 1817—21 г. Сверхъ того занимался переводомъ Механики Пуассона; много трудился надъ составленіемъ географическаго Словаря; но эти труды не были изданы.

Женившись въ 1817 году, Өедоръ Ивановичь велъ тихую жизнь христіанскаго семьянина. Онъ былъ добръ до щедрости, гостепріименъ и весьма набоженъ. Вставалъ постоянно очень рано, утромъ занимался въ своемъ кабинетѣ, а потомъ обыкновенно въ кругу своего семейства, гдѣ шумъ и игры окружавшихъ его дѣтей не отвлекали его отъ важныхъ занятій. Вечеромъ имѣлъ обыкновеніе читать по одной главѣ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и пѣлъ Псалмы передъ сномъ. Скончался въ 1837 г. нервическою горячкою, полученною отъ испуга при кончинѣ его 19-ти лѣтней дочери, послѣдовавшей за три недѣли до его смерти.

III.

ШАДЕНЪ, Іоганнъ Маттіасъ (Ioannes Matthias Schaden), Докторъ Философіи, Публичный Ординарный Профессоръ Нравственной Философіи, Права Естественнаго и Народнаго и Политики, Ректоръ обѣихъ Университетскихъ Гимназій, — *родился* въ Венгріи въ городѣ Пресбургѣ. Въ Гимназіи этого города получилъ онъ первоначальное образованіе, а въ 1752 году отправился въ Тюбингенскій Университетъ.* Не будетъ излишнимъ упомянуть имена нѣкоторыхъ Профессоровъ, которыхъ слушалъ здѣсь Шаденъ. Іог. Фр. Котта былъ Ординарнымъ Профессоромъ Богословія. Онъ отличался обширною ученостію и, какъ догматикъ, былъ строгій защитникъ православнаго догмата. Церковная исторія въ объясненіи частностей многимъ ему обязана. Слѣды его преподаванія очевидны въ рѣчахъ Шадена, который съ уваженіемъ отзывался объ Тюбингенскомъ своемъ наставникѣ: praeceptor quondam meus mihi ad cineres usque venerandus, говоритъ онъ.** Котта отличался и нравственными достоинствами; будучи самъ бездѣтенъ, помогалъ бѣднымъ Студентамъ. Фаберъ, членъ богословской Семинаріи въ Тюбингенѣ, преподавалъ Мораль (съ 1750 г.) и Богословіе (съ 1752 г.). Въ своихъ проповѣдяхъ, диссертаціяхъ и программахъ онъ постоянно и неуклонно учитъ нравственному усовершенствованію. Особенно извѣстно неоконченное сочиненіе его Theologiae dogmaticae loci V priores. Фаберъ былъ послѣдователемъ Лейбницевой Философіи, съ которою познакомилъ его Канцъ, также Профессоръ Тюбингенскаго Университета, не разъ упоминаемый въ рѣчахъ Шадена. Физику и Математику читалъ Кизъ (Kies), пользовав-

---

* Прибавленіе къ Московск. Вѣдомост. 1756 г., № 20, стр. 2—3.

** Oratio de eo, quod justum est in jure principis circa educationem civium etc. p. 25. Вообще о Профессорахъ, которыхъ слушалъ Шаденъ, ср. туже рѣчь, стран. 20, и Beschreibung des dritten Jubelfestes der Herzoglich Würtenbergischen Eberhard Carls Universität zu Tübingen, стр. 157—168.

шійся благосклонностію Вольфа и въ Берлинѣ слушавшій лекціи знаменитаго Бернулли. Ординарнымъ Профессоромъ Правъ былъ Логеншёльдъ. Но особеннымъ уваженіемъ пользовался Профессоръ Логики и Метафизики Плукке (Ploucquet), занявшій эту каѳедру послѣ Канца въ 1750 г.; онъ читалъ также математическія и экономическія лекціи. Шаденъ признается, что многимъ ему обязанъ. Шнурреръ обучалъ языкамъ Восточнымъ, Греческому и Еврейскому. Знаменитый Бильфингеръ, впослѣдствіи вызванный въ Петербургскую Академію Наукъ, впервые занесъ въ Тюбингенскій Университетъ философію Лейбница и Вольфа. На ней воспитанъ и Шаденъ, ея началами объясняются многія основныя положенія его педагогической теоріи. Стоитъ только прослѣдить, на какихъ писателей ссылается Шаденъ въ рѣчахъ своихъ, чтобы видѣть какъ сильно было на него вліяніе преподавателей Тюбингенскаго Университета; преимущественно онъ занимался въ немъ изученіемъ Филологіи и Философіи. Въ немъ получилъ Шаденъ степень Доктора Философіи и въ 1756 г. призванъ въ Московскій Университетъ для правленія Ректорской должности надъ Гимназіями. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву Фромманъ: философскій факультетъ Тюбингенскаго Университета «засвидѣтельствовалъ о ихъ добропорядочномъ житіи и превосходномъ знаніи.»

Шаденъ пріѣхалъ въ Москву 11-го Іюня 1756 г.;* 26-го Іюня, при вступленіи въ Ректорскую должность, онъ произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ de gymnasiis in Moscovia rite aperiundis; она не была напечатана. Съ этихъ поръ начинается многолѣтняя служба Шадена въ Гимназіи и въ Университетѣ. Къ сожалѣнію мы почти не имѣемъ біографическихъ данныхъ объ этомъ знаменитомъ наставникѣ Фонъ-Визина и Карамзина; намъ остается привести скудныя воспоминанія о немъ учениковъ его, прослѣдить его преподаваніе и изложить содержаніе рѣчей, произнесенныхъ имъ на разные случаи въ торжественныхъ собраніяхъ Университета.

Въ засѣданіи Университетской Конференціи 6-го Ноября 1756 г. рѣшено было, чтобы Ректоръ Гимназій представилъ

*Московск. Вѣд. 1756 г. № 14.

планъ обученія въ нихъ (institutionem gymnasticam). Шаденъ, 9-го числа того же мѣсяца, прочелъ въ Совѣтѣ планъ ученія для нисшихъ Французскихъ классовъ. Въ началѣ слѣдующаго года «для всякихъ справокъ по гимназическимъ дѣламъ учреждено быть въ Конференціи за особливымъ столомъ Ректору.» Такимъ образомъ первоначальный видъ Гимназіямъ Московскаго Университета далъ Шаденъ; онъ измѣненъ былъ, по случаю многихъ злоупотребленій, вкравшихся въ устройство Гимназій, Профессоромъ Шварцомъ. 16-го Дек. 1756 г. происходилъ въ Гимназіи актъ, на которомъ Ректоръ говорилъ рѣчь: «*О средствѣ, какимъ образомъ наукамъ обучать и обучаться.*» Въ Іюлѣ слѣдующаго года при производствѣ учениковъ Гимназіи въ Студенты и награжденіи ихъ медалями, Шаденъ говорилъ на Латинскомъ языкѣ рѣчь: *О обыкновеніи древнихъ въ раздаваніи награжденій.** Изъ каталога лекцій на зимній семестръ 1757 г. узнаемъ, что Ректоръ Шаденъ «въ дворянской Гимназіи Риторику, также Піитику, Миѳологію, руководство къ чтенію писателей классическихъ, состояніе военное, политическое и житіе академическое,** весь курсъ Философіи кратко прочтетъ. При томъ и тѣхъ по возможности удовольствуетъ, которые высшихъ и лучшихъ желаютъ наукъ, какъ то Греческаго языка, древностей Римскихъ и Греческихъ. А есть ли найдутся, которые восточнымъ языкамъ Еврейскому и Халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ имъ не только въ Филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ Еврейскомъ и Халдейскомъ преподастъ». Шадену же принадлежалъ и высшій Латинскій классъ Гимназіи. О преподаваніи можно получить понятіе изъ слѣдующаго перечня руководствъ, которыя употреблялъ Шаденъ при обученіи Латинскому языку: 1) Цицероновы письма, 2) его же избранныя рѣчи, 3) его

* Моск. Вѣд. 1758. № 56.

** Судя по этимъ словамъ, Шаденъ при своемъ Гимназическомъ преподаваніи руководствовался тою же книгою: *Akademisches Leben*, которую употреблялъ въ Гимназіи Академіи Наукъ при преподаваніи краснорѣчія Я. Штелинъ. Экземпляръ этой книги съ дополненіями Штелина находится въ Императорской Публич. Библіотекѣ.

же de officiis, 4) Овидіевы превращенія, 5) Gradus ad Parnassum Latinum. 6) Основанія Гейнекціевы о стилѣ.* Курсъ философіи преподавался по Логикѣ и Метафизикѣ Баумейстера (переведеннымъ на Русскій языкъ и изданнымъ на счетъ Университета), его же Новѣйшей философіи и Опредѣленіямъ философическимъ, и Гейнекція Разумной и Нравоучительной философіи. Воспитанникъ Тюбингенскаго Университета, Шаденъ перенесъ къ намъ господствующую въ немъ философію Вольфа: Баумейстеръ былъ толкователемъ ея. По словамъ М. Н. Муравьева Шаденъ слушалъ Баумейстера;** но мы не нашли подтвержденія этому свидѣтельству. Несомнѣнно впрочемъ, что, воспитавшись на философіи Вольфа, Шаденъ не остановился на ней и слѣдилъ за ея развитіемъ до Канта.

Подробнѣе можемъ говорить о преподаваніи Шаденомъ риторики: случай сохранилъ учебникъ этой науки составленный имъ для Гимназіи.*** Въ сущности онъ немногимъ отличается отъ общепринятыхъ въ то время руководствъ къ изученію риторики. Въ введеніи Шаденъ разсуждаетъ о сущности и свойствахъ ея. «Онъ указываетъ намъ путь къ истинному краснорѣчію.» Вмѣстѣ съ Фоссіемъ,**** у котораго заимствуетъ онъ дословно цѣлыя мѣста, Профессоръ тѣмъ отличаетъ ритора отъ оратора, что первый преподаетъ правила краснорѣчія, второй примѣняетъ ихъ къ дѣлу: потому риторика есть теорія, ораторія — практика. Но въ раздѣленіи

* Съ просьбою о доставленіи этихъ книгъ ходилъ Шаденъ въ Конференцію въ Октябрѣ 1766 г.

** Труды любителей Россійской Словесности. М. 1804.

*** Рукописный экземпляръ его имѣетъ слѣдующее заглавіе: Introductio in rhetoricam et oratoriam cum primis ad linguam Latinam accomodata, tradita in illustri gymnasio Universitatis Caesareae Mosquensis a praenobilissimo ac doctissimo domino Iohanne Matthia Schaden etc. Mense Augusto A. C. R. MDCCLXIX; писано съ ошибками противъ ореографіи и смысла.

**** Vossii rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinque (изданіе Лейпц. 1742 г.).

риторики Шаденъ во многомъ отступаетъ отъ **Фоссія. Изъ** самаго происхожденія риторики онъ выводитъ, что **«всякая риторика** безъ чтенія лучшихъ писателей и частыхъ **упражненій** въ сочиненіи безплодна, что наставникъ **долженъ болѣе** удѣлять времени на чтеніе и объясненіе писателей, **на упражненіе** въ сочиненіяхъ, нежели на теоретическія **правила.»** Въ Гимназіи Шаденъ преподавалъ только риторику, **oratoriae** studium Universitati relinquimus (замѣчалъ онъ). **Самую** *риторику* онъ раздѣлялъ на двѣ части: 1) теоретическую и 2) практическую. Цѣль первой научить человѣка излагать *свои* мысли ясно и изящно. Средства, ведущія къ ней, двухъ родовъ: необходимо не только владѣть изобиліемъ словъ и понимать значеніе каждаго изъ нихъ, но и умѣть прилично связать ихъ между собою. Потому практическая риторика разсуждаетъ: 1) о изобиліи словъ (copia verborum); 2) *о соединеніи* словъ въ періоды; 3) о соединеніи періода посредствомъ силлогизма, письма, въ особенности же посредствомъ хріи; 4) о соединеніи хріи, которое встрѣчается въ цѣлыхъ рѣчахъ». Таковы четыре части, на которыя Шаденъ дѣлитъ теоретическую риторику. Въ главѣ о изобиліи словъ Шаденъ указываетъ на Эразма и Шеффера, какъ лучшихъ теоретиковъ по этой части; какъ пособія предлагаетъ Фабера Thesaurus linguae latinae и Геснера Nova linguae et eruditionis Romanae thesaurus, также замѣчанія Гохленія, Кардинала Бембо, Альда, Павла Мануція. Въ этой же главѣ излагается ученіе о фигурахъ (т. е. риторическій «варіаціи словъ»), которыя Шаденъ называетъ украшеніемъ риторики. Вся эта бо̀льшая половина первой главы заимствована цѣликомъ изъ книги Фоссія; даже примѣры оставлены тѣ же самые (см. Vossii Partitionum oratoriarum libri IV cap. IV.—X). Во второй главѣ излагается подробное ученіе о сочетаніи словъ въ періоды. Опредѣливъ періодъ Шаденъ (по Фоссію) говоритъ о частяхъ его и подробно объясняетъ виды періодовъ, обычай, надъ которымъ смѣется Готшедъ въ своемъ Ausführliche Redekunst, говоря, что такія Gängelwagen нужны развѣ для дѣтей и невѣждъ. Впрочемъ Шаденъ, имѣя въ виду связать риторику съ изученіемъ Латинскаго слога, долженъ былъ войти въ такія подробности о періодахъ, которыхъ не было у Фоссія и Гот-

теда; въ его курсѣ риторики разборъ грамматическихъ основаній слога (по выраженію того времени) былъ необходимъ. Глава Шаденовой риторики о періодахъ имѣетъ много общаго съ изложеніемъ того же предмета въ «Начертаніи первыхъ основаній Нѣмецкаго слога» Шварца. — Отъ видовъ періода Шаденъ переходитъ къ построенію перюдовъ простыхъ и сложныхъ, къ употребленію знаковъ препинанія въ періодахъ и наконецъ къ соединенію членовъ періода и размѣру ораторскому (numerus oratorius). Въ главѣ о сочетаніи періодовъ Шаденъ излагаетъ общепринятыя понятія о хріи порядочной* (ordinata) и непорядочной (inversa), о силлогизмѣ ораторскомъ и письмахъ. Только въ послѣдней главѣ говоритъ онъ о рѣчи вообще, изобрѣтеніи и его источникахъ, расположеніи и выраженіи. Таково содержаніе Курса риторики, читаннаго Шаденомъ въ 1769 году. Болѣе обширный объемъ имѣли у него практическая риторика, письменныя упражненія слушателей въ Латинскомъ слогѣ. По образцу школьныхъ риторикъ XVIII и XVII столѣтія, Профессоръ давалъ слушателямъ примѣръ для обработки его по правиламъ риторическимъ. Въ этомъ трудѣ находили себѣ примѣненіе всѣ правила теоретической риторики отъ сочетанія словъ до сочетанія хрій или полной рѣчи. Такъ какъ Шаденъ имѣлъ въ виду связать наставленія риторическія съ изученіемъ Латинскаго слога, то подобныя практическія упражненія были полезны учащимся, знакомя ихъ съ различными оборотами Латинскаго языка. Профессоръ тщательно слѣдилъ за чистотою стиля учащихся. «Въ изобиліи словъ (copia) должно сохранять чистоту (говоритъ онъ въ § 13-мъ своей риторики), должно заботиться, чтобъ рѣчь была правильна, изящна, чиста. Такъ напр. не должно говорить piissimus, слово, которое Цицеронъ называетъ чуждымъ Римскому уху; не должно говорить: dedit mihi licentiam, profecit mihi potestatem, dare injuriam, вмѣсто facere injuriam. Потому сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что не слѣдуетъ заботиться о выборѣ выраженій, только бы было понятно: потому что смѣшно выдумывать фразы и слова, которыя не согласны съ свойствомъ и идіотизмами языка.» Прикладная риторика Ша-

* Термины для перевода беремъ изъ риторики Ломоносова.

дена (если такъ можно выразиться) приносила большую пользу въ высшемъ Латинскомъ классѣ Гимназіи. Логику и Метафизику, какъ и остальные предметы преподаванія своего, Шаденъ читалъ также по Латини. «Сей ученый мужъ (говоритъ о немъ Фонъ-Визинъ) имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны. Въ «посланіи къ И. П. Тургеневу» Муравьева, есть также стихъ о нашемъ Профессорѣ:

И Шаденъ истину являетъ безъ покрова.

Эти признательные отзывы двухъ знаменитыхъ учениковъ Шадена подтверждаются воспоминаніями другихъ его питомцевъ. Авторъ «Памятника достопочтенному Профессору Шадену» спрашиваетъ:

Гдѣ тѣ сладчайшіе глаголы устъ твоихъ,
Которые ты лилъ обильными рѣками? —
Какъ Риторъ ты владѣлъ учащихся сердцами.
Какъ Философъ — любить ты истину училъ,
И въ томъ примѣромъ самъ отличнѣйшимъ служилъ.
Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель.
И друга и отца учащимся являлъ,
Ихъ пользу, счастье ихъ ты собственнымъ считалъ*.

Изъ словъ Тимковскаго можно видѣть, что лекціи Шадена отличались изложеніемъ живымъ, чуждымъ педантическаго однообразія и крайне-строгаго догматизма: «Записки его были на Латинскомъ языкѣ, тоже и лекціи, съ громкою декламаціею и съ полными жестами, actio, которыми онъ оживлялъ самый догматизмъ. А для прикрасы вмѣшивались порою и Русскія выраженія, обращаемыя къ лицу: «Хочешь, батюшка, имѣть жену, выбирай годъ, выбирай два.»

Съ благодарностію вспоминаетъ о Шаденѣ Карамзинъ. Въ первой юности онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ, который содержалъ Шаденъ на 8 человѣкъ; кромѣ самого Профессора

---

* Пріятное и полезное препровожденіе времени. (М. 1797.) Ч. XVI, стр. 31—32.

въ немъ преподавали другіе — приходившіе учители. Пансіонъ этотъ существовалъ не долго, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Находясь въ немъ, Карамзинъ посѣщалъ въ тоже время и нѣкоторыя Университетскія лекціи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни объема, ни направленія преподаванія въ пансіонѣ Шадена, ни того, какія лекціи Университетскихъ Профессоровъ посѣщалъ Карамзинъ. Если можно говорить о прямомъ, непосредственномъ вліяніи политической доктрины Шадена на Карамзина, если Шаденовъ идеалъ монархіи отзывается въ произведеніяхъ нашего Исторіографа, — то мы непремѣнно должны предположить, что послѣдній былъ знакомъ съ Университетскими лекціями Шадена, рѣчами его и выслушалъ у него не одно нравоученіе Геллерта, о чемъ самъ говоритъ въ «Письмахъ Русскаго путешественника.» — Вотъ это мѣсто: «Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его Инкле и Ярико, обливался я горькими слезами, или, читая «Зеленаго Осла», смѣялся отъ всего сердца, когда Профессоръ Шаденъ, преподавая намъ, маленькимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen),* съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы.»** Обширно и благодѣтельно было вліяніе Геллерта на Нѣмцевъ, особенно на средній классъ народа. Сочиненія его Гёте называетъ «основаніемъ нравственной культуры Германіи.» Это вліяніе объясняютъ тѣмъ, что онъ умѣлъ соединить образованіе съ глубокимъ религіознымъ направленіемъ и чистою нравственною жизнью. Въ своихъ лекціяхъ Нравоученія онъ

---

* Переведены и изданы на Русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Г. Ф. Геллерта нравоученіе съ Нѣм. на Русс. яз. переведено Михайломъ Протопоповымъ. (М. 1775—1777, 2 Ч.)

** Сочиненія Карамзина II, 120.

думалъ живо представить только «главнѣйшія части нравоученія не только доказательствами разума, но и побужденіями сердца, голосомъ внутренняго чувства и совѣсти, примѣрами и картинами.» Задача морали, — говоритъ онъ, познать наше назначеніе и средства его исполнить. — Въ основныхъ мысляхъ рѣчей Шадена, мы найдемъ во многихъ случаяхъ поразительное сходство со многими положеніями Геллертовыхъ нравоучительныхъ лекцій. Но у Шадена онѣ составляютъ только часть полнаго ученія о политикѣ; онѣ тѣсно связаны съ его воззрѣніемъ на государственное устройство, право, воспитаніе и такъ дал. Геллертъ напротивъ самъ отказывается отъ полной системы нравоученія. У Шадена же всѣ части преподаванія были тѣсно связаны. «Нравственной Философіи предшествовала исторія Философіи; въ правахъ заключались право естественное, общее, публичное и гражданское, народное, общее и положительное; къ Политикѣ относились Законодательсгво, Правленіе и Экономія Политическая. Такая объятность предметовъ, данныхъ одному, очевидно совокупляетъ по крайней мѣрѣ три раздѣльныхъ каѳедры. Какъ она ни была бы выгодна для послѣдовательной системы преподавателя, но въ трехлѣтнемъ его курсѣ тягостна для слушателей тѣмъ, что послѣ общихъ наукъ немногимъ доставалось выслушать его вполнѣ, и какъ слушатели ежегодно приходили новые, то иные поступали на середину, иные на конецъ курса и третіе только на его начало.* Лекціямъ морали Шаденъ, благодаря своей обширной учености, давалъ характеръ строго научный, и потому въ лекціяхъ Шадена о нравоученіи, не было конечно того недостатка, который замѣтилъ Гете въ Геллертовыхъ, говоря: «Въ такія минуты философская аудиторія была полна, и прекрасная душа, чистая воля, участіе благороднаго человѣка (Геллерта) въ нашемъ благѣ, его убѣжденія, предостереженія и просьбы, произносившіяся нѣсколько печальнымъ голосомъ, производили только минутное впечатлѣніе; оно не оставалось на долго, тѣмъ болѣе, что находились пересмѣшники, которые умѣли эту мягкую и (какъ говорили они) разслабляющую методу сдѣлать подозрительною

---

* Слова И. Ѳ. Тимковскаго.

въ нашихъ глазахъ.»* — Впрочемъ не имѣя другихъ данныхъ о Шаденовыхъ лекціяхъ нравоученія, мы должны ограничиться только этими замѣчаніями.

Въ Университетѣ въ зимній семестръ 1757 года Шаденъ училъ «Греческому языку; показывалъ также Греческія и Римскія древности и введеніе въ свободныя науки, и охотникамъ Нумизматику и Геральдику и другія къ тому принадлежности.» Потомъ объ Университетскомъ преподаваніи Шадена не находимъ извѣстій въ объявленіяхъ и лекціяхъ. Въ 176$\frac{4}{5}$ преподавалъ Логику и Метафизику, слѣдуя Винклеровымъ наставленіямъ всея Философіи, отъ 4 до 6 часовъ по полудни, къ чему также пріобщитъ и краткое введеніе въ Эстетику.» 2-го Авг. 1772 г. Шаденъ сложилъ съ себя званіе Ректора обѣихъ Гимназій и сдалъ его новоприбывшему изъ Германіи Лейпцигскому Магистру Маттеи, а самъ принялъ каѳедру Практической Философіи въ Университетѣ, и по этому случаю произнесъ рѣчь: de haeresibus Criticorum. Отъ 1771 до 1796 г. онъ читалъ Практическую Философію и Этику по Винклеру, Эрнести, Федеру и Якобу; объяснялъ Пуффендорфово сочиненіе de officiis hominis et civis; излагалъ Народное право по Ваттелю, Политику по Бильфельду и «правила приватнаго благоразумія, или экономіи;» далѣе сокращенную общую Исторію всѣхъ нравственныхъ наукъ, право Естественное, всеобщее Государственное право по Ахенвалю, и нѣсколько разъ читалъ Политику или науку государственнаго правленія. Съ 177$\frac{8}{9}$ года Шаденъ перенесъ тѣже свои лекціи изъ Философскаго факультета въ Юридическій, связавъ науку Общаго права съ правомъ Россійскимъ. Въ преподаваніи Философіи, судя по ссылкамъ, какія онъ дѣлаетъ въ рѣчахъ своихъ, можно замѣтить, что онъ слѣдилъ движеніе наукъ въ Германіи и былъ знакомъ уже съ Философіею Канта.

Профессоръ не оставилъ намъ другихъ сочиненій, кромѣ рѣчей своихъ; но въ нихъ вполнѣ выражается взглядъ Шадена на науку, на государство, на воспитаніе. Вникая въ содержаніе ихъ, можно вполнѣ сочувствовать Куратору В. Е. Ададурову, который выражалъ радость свою Миллеру, что

* Dichtung und Wahrheit. II, 6.

могъ удержать Шадена на мѣстѣ Ректора Гимназіи, и ученику его М. Н. Муравьеву, который называлъ ихъ «настоящими трактатами Философіи и градоправительственной науки.»

Рѣчи всѣ писаны на Латинскомъ языкѣ, но тогда же онѣ переводимы были на Русскій языкъ учениками Шадена и печатаемы въ Русскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Латинскимъ подлинникомъ. Сначала поименуемъ ихъ, а потомъ познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

1) 1767 г. 23-го Апрѣля. De anima legum. *О душѣ законовъ.*—2) 1770 г. 30-го Іюня. Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia. *О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ.* — 3) 1773 г. Апрѣля 22-го. De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum, circa educationem liberorum. *О правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей.* — 4) 1775 г. Іюня 30-го. Oratio de Monarchiis amori Patriae excitando et fovendo maxime aptis ac eodem praecipua in iis legum anima. *О Монархіяхъ, способныхъ возбуждать и питать любовь къ отечеству, и о томъ, что любовь сія есть главная душа законовъ въ Монархіяхъ.*—5) 1779 г. Апрѣля 22-го. Panegyricus de Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti. *Похвальное слово о Екатеринѣ Великой, первой изъ законодателей, премудро основавшей законодавчество свое на Совѣстномъ Судѣ, Ею учрежденномъ.*—6) 1781 г. Сентября 23-го. Oratio solemnis de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. *О воспитаніи благороднаго юношества, яко основаніи продолжительной народной славы въ монархическомъ наипаче правленіи.*—7) 1793 г. Іюня 30-го. Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. *Спрашивается: вредна ли, или полезна роскошь частнымъ людямъ, городамъ, а паче Монархіямъ, и ежели вредна, то до какой степени, и какъ прекратить и ослабить вредное ея дѣйствіе.*

Обратимъ теперь вниманіе на главное содержаніе рѣчей Шадена.

Вотъ основныя мысли его перваго Слова о душѣ законовъ. «Есть Богъ, — вотъ главная и первая истина, составляющая душу всѣхъ истинъ; какъ Богъ есть начало и конецъ всего, такъ существенная и притомъ чистѣйшая любовь къ Богу есть душа всѣхъ законовъ. Истинны слова Фабра: «всякой «законъ, который напослѣдокъ и въ самыхъ малѣйшихъ ве«щахъ во всякомъ обществѣ, большемъ ли, или меньшемъ, не «можетъ разрѣшиться на любовь Божію, достоинъ названъ «быть именемъ глупости, мучительства, бредни, и проч., а не «закономъ.» Божество и величество ограничиваютъ себя законами. Съ отвращеніемъ минуя Гоббесово мнѣніе, что сила есть душа гражданскихъ законовъ, Профессоръ полагаетъ душу ихъ въ общемъ благѣ. Переходя отъ главнаго вопроса къ значенію Университетовъ въ государствѣ, Профессоръ утверждаетъ, что они упрочиваютъ единство его, водворяя единообразный способъ въ ученіи и воспитаніи, и указываетъ на ихъ спеціальное назначеніе образовывать учителей и знающихъ законы чиновниковъ.

Второе слово Шадена еще замѣчательнѣе: *О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ.* Слѣдя мысли, изложенныя въ этомъ словѣ, нельзя не изумиться тому, какъ Профессоръ иноземецъ съумѣлъ тотчасъ поставить науку въ Россіи на томъ основаніи, на которомъ она дожна стоять, и какъ правильно уразумѣлъ ея отношенія. Въ приступѣ ораторъ хвалитъ обычай Русскихъ предковъ, начинавшихъ всякое дѣло молитвою—и отъ сего обычая переходитъ логически къ философской мысли: законъ всѣхъ вещей есть тотъ, что всему своя причина; нелѣпы философы, признающіе случай. Разсматривая происхожденіе обществъ изъ первоначальнаго побужденія человѣка обезопасить свое существованіе и проистекшіе отсюда разные образы правленія, ученый отдаетъ преимущество монархическому и указываетъ на несчастія республикъ.... Самое высшее право Самодержца заключается, по его слову, въ распространеніи между подданными наукъ и художествъ.... Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ

Самодержавія есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанію. Законъ монархіи есть благоденствіе обладателя, а въ немъ цѣлость и счастіе подданныхъ.... О высшихъ и среднихъ училищахъ въ государствѣ такъ говоритъ ораторъ: «Училища оныя Университетами и Гимназіями называются, попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, что способствуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость. И такъ неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, честностію и добронравіемъ одаренныхъ; любовію къ истинѣ и Отечеству, любовію къ Государю пылающихъ; отъ немаловременнаго упражненія искусныхъ, опытами просвѣщенныхъ, существенность и свойство монархіи свѣдущихъ, и наконецъ истинную честь хранящихъ; притомъ когда учащіеся, послѣ довольнаго по правиламъ нравственной Семіотики испытанія, токмо достойные вводимы будутъ въ святилище тѣхъ наукъ, которыя мыслей требуютъ непорочныхъ, душевныхъ силъ непосредственныхъ и способныхъ ко вмѣщенію верховныхъ добродѣтелей и мудрости превосходнѣйшей!»

Касаясь эпизодомъ вопроса о связи души съ тѣломъ, какъ высшаго вопроса философскаго и подчиняя остроту разума могуществу вѣры, Шаденъ призываетъ вѣру на помощь для рѣшенія сего вопроса: «Православная Вѣра да отверзетъ вамъ завѣсу, скрывшую эту тайну: власть ея всемогуща, премудра и недостатки всѣ отъять готова.»

Говоря о воспитаніи чувствъ, педагогъ утверждаетъ, что въ Россіи особенно должно дѣйствовать на нихъ воспитаніемъ, потому что у народовъ сѣвера груба чувствительность.

Духъ училищъ долженъ быть, по его мнѣнію, согласованъ съ государственными потребностями.

Разбирая оба способа изслѣдованія, аналитическій и синтетическій, философъ утверждаетъ, что одинъ безъ другаго недостаточенъ, и совѣтуетъ начинать съ анализа и переходить къ синтезу.

Сильно говоритъ онъ противъ односторонности умозрѣнія въ наукѣ: «Повѣрьте, и доднесь бы человѣческій родъ стеналъ подъ симъ толь мучительнымъ суетнаго умозрѣнія бре-

меневъ, если бы въ изслѣдованіе вещей и природы вникнувъ, испытаніе не воздвигло Баконовъ, Картезіевъ, Невтоновъ, Лейбниціевъ, Вольфіевъ; если бы не возстали Меценаты; если бы народовъ Правители, вознегодовавъ на праздное умозрѣніе, и его свергнувъ иго, не благоволили вспомоществовать мужамъ симъ щедротою и предположеніемъ случаевъ, отверзающихъ поле прекрасное ради плодоноснаго испытанія.» — «Препираются философы, законоучители препираются, прѣнія врачи творятъ.... единственно математики въ необуреваемомъ и тихомъ пристанищѣ наслаждаются покоемъ.» — «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ кого Зиждитель, а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? не ожидайте. Оно поелику возгордѣвшись въ ефирной своей крѣпости засѣдаетъ, и не радѣя, или еще презирая вещей естества, сотворенныя премудрымъ Создателемъ природы, новыя сплетаетъ съ помощію своего вѣрнаго приспѣшника, воображенія роскошнаго; и намъ хваля ихъ представляетъ, какъ откровенія: то отъ общей чувствительности и отъ любви къ благу народному толико неотмѣнно удаляется, что никто почти его правилъ и наставленій постигнуть не можетъ; и то не чудесно, когда уже само себя не разумѣетъ. Какъ же просвѣтитъ, какимъ образомъ исправитъ другихъ?»

Признавая необходимымъ дѣленіе наукъ, философъ въ тоже время вооружается противъ ихъ раздѣленія и желаетъ, чтобы онѣ соединялись; возстаетъ на цеховое значеніе наукъ въ Нѣмецкихъ Университетахъ, на излишество книгъ; указываетъ на возможность сократить число ихъ; признаетъ необходимымъ учрежденіе воспитательной, центральной Академіи, которая была бы душою всѣхъ Университетовъ и хранительницею нравственнаго въ нихъ свѣта. Исполненный надеждъ на страну, которую онъ избралъ себѣ отечествомъ и которой духъ такъ ясно созналъ свѣтлымъ умомъ своимъ, Ша-

денъ, въ заключеніи рѣчи, такъ говоритъ объ ней: «Россія есть истинно такая страна, которую никакія сѣмена предразсужденій, художествамъ и наукамъ враждебныхъ, ядомъ еще своимъ не заразили и не повредили: въ ней ни единаго нѣтъ закона, который бы запиналъ распространеніе мудрости и добродѣтели, отъ неискуснаго происшедъ законоположенія, съ каковыми другія страны еще борются: въ ней потребенъ единственно вертоградарь, доброту сѣмянъ и земли свѣдущій!»

Въ третьей рѣчи: *о правѣ родителей въ воспитаніи дѣтей*, Ш. указываетъ на значеніе семейства въ обществѣ и на задачу въ немъ родителей — на воспитаніе дѣтей; сознаетъ необходимость для каждаго государства имѣть свою систему воспитанія, тѣсно связанную съ его общественными потребностями; проходитъ всѣ періоды воспитанія по возрастамъ, побуждаетъ матерей къ кормленію младенцевъ; нападаетъ на Руссо, отдаляющаго своего Эмиля отъ общества; превосходно излагаетъ обязанности наставника и учителя; грозно преслѣдуетъ предразсудки Русскихъ дворянъ, ищущихъ воспитателей для дѣтей своихъ по рынкамъ, между портными и парикмахерами; выставляетъ необходимость школъ; призываетъ родителей содѣйствовать ихъ совершенствованію, и наконецъ все заключаетъ обращеніемъ къ Религіи, безъ которой нѣтъ успѣха въ воспитаніи. Авторъ этой рѣчи вполнѣ обнаружилъ свое право на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ воспитателемъ Карамзина, равно какъ и въ четвертой, гдѣ превосходно сознано значеніе монархическаго правленія, и въ немъ, какъ особенно въ Россіи, нераздѣльной идеи Государя и Отечества. — Въ пятомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ, Шаденъ славилъ Государыню, какъ первую законодательницу, за учрежденіе Совѣстнаго суда. Здѣсь, въ первой части рѣчи раскрывъ глубоко значеніе въ душевныхъ силахъ человѣка здраваго смысла, какъ нѣкоего сѣмени, заключающаго въ себѣ начала, основанія и зародыши всякаго истиннаго нашего вѣдѣнія, Профессоръ опредѣлилъ три вида онаго въ истинномъ, благомъ и прекрасномъ. Здравый смыслъ въ благомъ или нравственный смыслъ есть наша совѣсть, въ видѣ которой Богъ самъ воздвигъ въ душѣ человѣка какъ бы свое

зерцало или судилище. Отсюда, изъ этихъ чистыхъ нравственно-философскихъ началъ выводитъ Шаденъ высокое значеніе Совѣстнаго суда. — Въ шестомъ словѣ глубоко сознаны основы воспитанія дворянскаго, особенно въ монархіяхъ. Въ то самое время какъ Шаденъ произносилъ эту рѣчь, онъ доканчивалъ воспитаніе шестнадцатилѣтняго Карамзина. Мы видимъ, какъ Профессоръ Московскаго Университета развивалъ наукою въ юношѣ тотъ здравый смыслъ началъ монархическихъ, которыхъ первое сѣмя Карамзинъ принялъ въ себя, какъ Русскій, изъ жизни своего народа, и которыми проникнуты были жизнь и великій трудъ нашего Исторіографа. Наконецъ въ седьмомъ словѣ: о роскоши, Шаденъ, какъ разумный противникъ ея распространенія, выдвигаетъ на нее въ монархіи нравственную силу, какъ противодѣйствіе и охрану.

Въ 179$\frac{6}{7}$ г. Шаденъ, какъ старшій Профессоръ Юридическаго Факультета, объявилъ, что будетъ продолжать «начатую имъ въ прошломъ году Нравственную Философію или *науку образованія нравственности и совѣсти*, яко основаніе всѣхъ узаконеній и наблюденія оныхъ, сообразуясь въ томъ началамъ Критической Философіи и примѣняясь индѣ Г. Якобу.« Кантъ, какъ видно, уже былъ принятъ въ руководство Профессоромъ. Но смерть, 28-го Августа 1797 года, прекратила полезную дѣятельность Шадена, который началъ ее 26 Іюня 1756 года и продолжалъ слишкомъ сорокъ одинъ годъ. Мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ о томъ, какія чувства обнаружилъ Университетъ при погребеніи Шадена, 31 Августа. М. Н. Муравьевъ въ біографической объ немъ запискѣ говоритъ, что Шаденъ «препровожденъ въ гробъ благоговѣніемъ и плачемъ слушателей своихъ.» Студентъ Цвѣтаевъ, послѣ Профессоръ, выразилъ тогда въ Пріятномъ и Полезномъ препровожденіи времени, чувствованія свои, излитыя имъ на бумагу въ самый день погребенія. «Какое зрѣлище! какое торжество для добродѣтелей твоихъ! — говоритъ благодарный ученикъ, обращаясь къ покойному. — Кто былъ при погребеніи твоемъ, смотрѣлъ на множество стекшихся на сію печальную церемонію, не изъ корысти, но изъ нелестнаго почтенія, кто видѣлъ блестящія у всѣхъ на гла-

захъ слезы, слышалъ повторяемыя воздыханія о лишеніи тебя — и не трогался?... Кто былъ свидѣтелемъ усердія цѣлаго почтеннаго корпуса отдать послѣдній долгъ праху твоему, и не удивлялся столь всеобщей любви, заслуженной тобою?... Кто слышалъ простыя, но краснорѣчивѣйшія всѣхъ выраженій слова самыхъ слугъ твоихъ: *«это не господинъ былъ, а отецъ намъ!»* — и не плакалъ вмѣстѣ съ ними?

«Кто хочетъ научиться добродѣтели, пусть придетъ на погребеніе того, кто любилъ ее. Онъ научится болѣе нежели отъ всѣхъ проповѣдниковъ, болѣе нежели изъ всѣхъ написанныхъ доселѣ книгъ о нравственности!»

Стихи П. Запольскаго приведены выше. Другой Запольской Иванъ, сравнивая Шадена съ Кантомъ, какъ будто отъ лица учениковъ любимаго Профессора, такъ выражалъ грусть ихъ объ усопшемъ. «Будетъ ли время, когда я услышу гдѣ-нибуть втораго Шадена?»

ШВАРЦЪ, Иванъ Григорьевичь (Iohann Georg Schwarz), Публичный Ординарный Профессоръ Философіи, Инспекторъ Педагогической Семинаріи, Почетный Членъ Іенскаго Латинскаго общества и Членъ Вольнаго Россійскаго собранія при Московскомъ Университетѣ, пріѣхалъ въ Россію въ Іюнѣ 1776 года.* Неизвѣстно, что вызвало его въ наше отечество. Рѣшившись посвятить себя педагогической дѣятельности, Шварцъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію приступилъ къ изученію Русскаго языка и литературы. Мысль его, стремившаяся всегда къ насажденію и распространенію образованія, остановилась съ особенною любовію на изданіяхъ Н. И. Новикова: въ немъ видѣлъ Шварцъ «особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству». Безпристрастный иноземецъ созналъ въ литературной дѣятельности Новикова живую сторону, благородную, рѣзко-опредѣлившуюся цѣль, —

* Предлагаемая біографія почти вся основана по собственноручной запискѣ Шварца, доставленной Редактору Словаря С. Н. Арсеньевымъ. Нѣкоторыя мѣста этой записки цѣликомъ переведены и внесены въ біографію, съ перемѣною перваго лица на третье; они отмѣчены вносными знаками

качества, такъ выгодно отличающія ее отъ другихъ произведеній того времени. Молва о «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» проникла въ Германію, Францію, и Шварцъ «пламенно» желалъ познакомиться съ Новиковымъ; но случай къ тому не представлялся. — Наконецъ 26-го Августа 1779 г. Шварцъ назначенъ былъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Нѣмецкаго языка при Московскомъ Университетѣ, и тогда только началось личное знакомство его съ Новиковымъ, который около того же времени взялъ на откупъ Университетскую Типографію. Эта связь превратилась скоро въ самую искреннюю дружбу, основанную на безкорыстномъ служеніи одной цѣли. Шварца изумила эта желѣзная энергія, съ которою Новиковъ выступалъ на поприще, «гдѣ слѣдовало рисковать *всѣмъ*, надѣяться *немногаго*.» Онъ «расточалъ свой достакокъ ради предпріятія, гдѣ было 100 противъ 1, которое могло ввергнуть его въ крайнюю бѣдность и при всемъ томъ онъ подвергался самымъ чернымъ нареканіямъ, потому что многихъ воронъ (Krähen) лишилъ пропитанія.» Вотъ почему сблизился Шварцъ съ Новиковымъ, хотя характеры ихъ были во всемъ остальномъ совершенно «различны.» Новый Профессоръ очень хорошо понялъ, что для громаднаго предпріятія Новикова недостаточны были силы нѣсколькихъ человѣкъ, а между тѣмъ «оно было необыкновенно важно для Русскаго просвѣщенія.» Онъ призвалъ всѣ свои силы на помощь усиліямъ Новикова, самъ работалъ день и ночь. Цѣлью всѣхъ стремленій Новикова было — распространить образованіе въ Россіи во всѣхъ сословіяхъ. Изданіе журналовъ, переводы полезныхъ иностранныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія незамѣтно вели Новикова къ цѣли. У Шварца былъ довольно многочисленный классъ слушателей; онъ старался воспламенить ихъ къ работѣ, образовать изъ нихъ переводчиковъ. «Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ между ними свою библіотеку, чтобы сообщить имъ вкусъ къ такому занятію: онъ зналъ изъ собственнаго опыта, какъ сильно дѣйствуетъ на юную душу подарокъ новой хорошей книги. Ему удалось. Молодые люди полюбили его, отцы являлись къ нему съ благодарностію, почти каждый день былъ онъ вводимъ въ новое семейство и осыпаемъ похвалами и благодарностію. Съ нимъ совѣтовались

даже домà, въ которыхъ были свои учители, о методѣ занятій.» Шварцъ съ радостію вспоминаетъ въ своей запискѣ, главномъ матеріалѣ для этой біографіи, объ этомъ глубокомъ сочувствіи Московскаго общества къ его педагогическимъ правиламъ. «Все это,—говоритъ онъ,—исполнило меня райскими ощущеніями; я сгаралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные, своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ на столько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло, т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддержало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ; и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или,—чтò еще лучше,—воспитывать на свой счетъ учителей изъ Русскихъ.» Званіе Профессора привело Шварца въ связь со многими семействами, такъ что онъ имѣлъ случай ежедневно проповѣдывать о пользѣ своихъ проэктовъ. При всемъ томъ долго старанія его оставались безуспѣшными. «Планы его хвалили, но относили къ идеальному царству Платона. Впрочемъ онъ успѣлъ въ томъ отношеніи, что начали болѣе заниматься Нѣмецкимъ языкомъ, а въ домашніе учители выписаны были многіе дѣйствительно ученые иностранцы.» Но никто не хотѣлъ доставить капиталъ для осуществленія плановъ Шварца. Онъ прибѣгалъ ко всякаго рода средствамъ, но большею частію неудачно; не имѣли успѣха также Французскія и Нѣмецкія вѣдомости, которыя Шварцъ издавалъ въ 1781 г. съ единственною цѣлію распространить вкусъ въ публикѣ.

13-го Сентября 1779 года, при вступленіи въ Профессоры Нѣмецкаго языка, Шварцъ говорилъ въ Университетѣ рѣчь: *О способахъ ученія языкамъ.** По мнѣнію Шварца «нужда,

* Она напечатана на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ въ его книгѣ «Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.»

побуждая всегда человѣка, чувствительнѣйшее изъ всѣхъ твореній, къ размышленію о средствахъ себѣ противоборствовать и исканію для него взаимной помощи во время глада, стужи и всѣхъ другихъ непріятныхъ чувствованій, возбудила его безъ сомнѣнія во первыхъ къ выраженію и означенію чувствованій.» Съ постояннымъ расширеніемъ человѣческихъ познаній обогащался и языкъ; «возрасли знанія и науки, и кругъ оныхъ толико увеличился и распростерся, что для духа единаго человѣка сдѣлался необъемлемымъ и хотя хранился въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, однако раздѣленнымъ.» Учители языковъ должны непремѣнно проникнуть въ науки, которыя неразрывною съ языкомъ связаны цѣпью. Такую обширность познаній Шварцъ признаетъ за древними грамматиками, но онъ не находитъ ее въ новыхъ ученыхъ. Причину этого явленія Профессоръ видитъ въ способѣ новѣйшаго ученія. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые стараются отвлеченныя, непонятныя безъ логики и метафизики, правила языка «впечатлѣть насиліемъ въ память съ тѣмъ же неразумѣніемъ, каковы они были, а послѣ опытами и многократнымъ чтеніемъ содѣлать оныя понятными». Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ, чтобы Шварцъ былъ поклонникомъ чисто - практическаго метода изученія языковъ; по его мнѣнію истинный къ тому путь состоитъ въ примиреніи этихъ крайностей. «Первымъ основаніемъ, говоритъ онъ, полагаю предположенныя мною мнѣнія о происхожденіи языковъ и оныя стараюсь соединить съ умословіемъ и душесловіемъ. Части оныхъ, располагаемыя по сему плану, суть: 1) искусство говорить, имѣющее предметомъ опредѣленіе и раздробленіе словъ (analysis) и первые слоги (elementa linguae); 2) искусство писать, состоящее въ штилѣ, согласованіи и гармоніи цѣлаго.» Анализъ Шварцъ называетъ самою важною частію въ обученіи языковъ, объясняющею всѣ другія. Осуждая общепринятые въ то время пріемы изученія ея, онъ предлагаетъ болѣе разумный способъ. «Не можно ли (говоритъ онъ) тогда понятнымъ сдѣлать дѣтямъ различіе словъ, означающихъ либо существо и свойство, либо отношенія, либо дѣйствіе обоихъ, когда имъ показываютъ сначала происхожденіе и пребываніе въ ихъ душѣ тѣхъ мыслей и понятій, которыя только оными словами озна-

чаются? Для этого не нужно вступать въ невѣрныя догадки метафизиковъ, достаточно показать въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ различіе недѣлимыхъ, ихъ необходимыя или случайныя качества и т. п.»—Эту основную идею своего метода изученія языковъ Шварцъ заимствовалъ изъ сочиненія Плюша: La mécanique des langues, et l'art de les enseigner,* котораго наставленія въ другой рѣчи своей Шварцъ рекомендуетъ преподавателямъ языковъ.** Эту методу предложилъ Профессоръ воспитателямъ, извѣдавши собственнымъ опытомъ ея пользу.

При этомъ Шварцъ совѣтуетъ преподавателямъ стараться показать питомцамъ отличіе истиннаго смысла реченій отъ аллегорическаго; ибо здѣсь источникъ нашихъ заблужденій, сектъ и разныхъ толковъ и мнѣній. Профессоръ прибавляетъ, что предлагаемая имъ метода первоначальнаго изученія языка приготовитъ юношей «слѣдовать быстрому паренію учителей краснорѣчія.» Такимъ образомъ Гимназическое преподаваніе Шварца всегда имѣло въ виду Университетское. Въ Гимназіи Шварцъ обучалъ (съ 17-го Авг. 1780 по 26-е Іюня 1781 г.) «правильности Нѣмецкаго языка и письму на немъ.» Обратимся къ Университетскому его курсу.

Въ Гимназіи ученикъ практически знакомился съ Нѣмецкимъ языкомъ и проходилъ грамматику; въ Университетѣ Шварцъ (въ томъ же 1780—81 акад. году) сперва повторялъ

---

* Для доказательства приведемъ слѣдующее мѣсто изъ книги Плюша: «Les bons maîtres en concluront, que c'est pour eux une nécessité, mais une nécessité trés agréable et exempte de tout inconvénient, de commencer et de continuer l'étude d'une langue par l'attention de bien faire connoitre d'abord les objets dont on doit parler en cette langue, et par le continuel usage de traduire les Auteurs qui la parlent bien; jamais par des compositions qui égarrent, jamais par cet attirail de régles qui n' opèrent par provision que la contrainte et la barbarie, au grand préjudice de l'oreille, de la langue, du gout et du style. См. La mécanique des langues. Par. M. Pluche. A Paris, MDCCLI, p. 143—144.

** De virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis, p. 6.

грамматику, потомъ предлагалъ правила изящнаго Нѣмецнаго слога, слѣдуя книгѣ своей: Entwurf der Grundsaetze des deutschen Stils и Рамлерову *Введенію въ изящныя науки*, основаніемъ которому служили Principes de la littérature Баттё. Весь курсъ изящнаго Нѣмецкаго слога Шварцъ раздѣлялъ на три части. Въ первой излагались теоретическія основанія слога; во второй — практическія; въ третьей — разсуждалось «о нужныхъ къ образованію вкуса книгахъ.» Только первая часть этого курса была напечатана* для поднесенія Императору Іосифу II, въ Іюнѣ 1780 г. посѣтившему Московскій Университетъ; ему она и посвящена, какъ «охранителю Нѣмецкаго языка и покровителю Вѣнскаго театра,—этого источника господствующаго Нѣмецкаго вкуса». Въ «Начертаніи» находимъ впрочемъ конспектъ второй части курса. Въ теоретическихъ основаніяхъ слога Шварцъ разсуждаетъ: a) объ основаніяхъ вообще и о словахъ особливо, b) о реченіяхъ, c) о періодахъ, или реторическихъ предложеніяхъ, d) о тропахъ и фигурахъ и e) о Нѣмецкомъ слогѣ. По опредѣленію Шварца слогъ вообще есть ничто иное, какъ выраженіе многихъ, связь между собою имѣющихъ мыслей.** «Основанія Нѣмецкаго слога, равно какъ и во всѣхъ другихъ языкахъ, суть троякія. — Мы почерпаемъ оныя изъ грамматики, риторики и философіи. Грамматика учитъ насъ, какъ слова соразмѣрно употребленію языка надлежащимъ образомъ ставить и оныя между собою сопрягать. Риторика показываетъ способъ слогъ располагать такъ, чтобъ онъ былъ красивъ, согласенъ съ предметами и удобенъ къ убѣжденію. Философія наконецъ подаетъ намъ средства, какъ порядкомъ, такъ и точно опредѣленными и истинными мыслями, слогу придать силу и убѣдительную

---

* Книга издана на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: Entwurf der Grundsätze des Deutschen Stils, zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen bey der Kaiserlichen Universität zu Moskau. Erster Theil. — Начертаніе первыхъ основаній Нѣмецкаго слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть первая. Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1780.

** Начертаніе, и пр. стр.120.

основательность. Ибо Логика (умословіе) учитъ насъ мыслить, изслѣдывать, заключать и убѣждать. Психологія (душесловіе) показываетъ намъ свойство человѣческихъ чувствованій, а нравоученіе доставляетъ намъ свѣденіе о различныхъ человѣка отношеніяхъ.»* Шварцъ вооружается противъ старой риторики. «Прежде употребительныя фигуры реченій (говоритъ онъ), которыя изъ одинаковаго произношенія словъ составляются, въ нынѣшнія времена совсѣмъ презрительны: ибо когда они никакова выраженія страстей не изображаютъ, но по большей части суть одни только пустословія безъ выраженія; то отъ нихъ должно удерживаться въ хорошемъ и чистомъ слогѣ, почему не полагаю здѣсь я никакого примѣра, ибо лучше совсѣмъ не знать имени сихъ фигуръ, нежели изъяснять такія бездѣлки.»** «Природа — лучшая учительница фигуръ,» замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.*** Не смотря на то, въ курсѣ Шварца много еще остается мелочныхъ педантическихъ подробностей. Вина падаетъ конечно не на него, а на самую риторику, значеніе и границы которой до сихъ поръ остаются почти неопредѣленными. Шварцъ слѣдовалъ общепризнаннымъ авторитетамъ своего времени. «Сочинитель (говоритъ онъ въ предувѣдомленіи къ своему «начертанію») въ своихъ лекціяхъ основаніемъ имѣлъ Готшеда, Гейнаца и Рамлера, стараясь легчайшимъ и кратчайшимъ способомъ о сокращеніи сихъ писателей для употребленія юношеству.» Первая часть курса составлена преимущественно по Готшеду;**** вторая, судя по краткому конспекту,

---

* Тамъ же, стр. 3—5.

** Тамъ же, стр. 173, ср. стр. 73.

*** Тамъ же, стр. 1̆57.

**** Ср. главу: *О основаніяхъ Нѣмецкаго слога* съ XIII отдѣленіемъ (Hauptstück) ораторіи Готшеда: von den Wörtern und Redensarten, imgleichen von verblümten Ausdrückungen (271—297); главы *о періодахъ, или ораторическихъ предложеніяхъ* и *о тропахъ и фигурахъ* заимствованы Шварцомъ изъ XIV отдѣленія той же книги: von den Perioden und ihren Zierrathen, den Figuren (p. 297—326); глава *о порокахъ и несовершенствахъ Нѣмецкаго слога* изъ XV отдѣленія: von der Schreibart, ihren Fehlern und

напечатанному въ «Начертаніи» заимствована преимущественно изъ сочиненія Гейнаца: Handbuch zu richtiger Verfertigung und Beurtheilung aller Arten von schriftlichen Aufsätzen des gemeinen Lebens überhaupt, und der Briefe insbesondre (Dritte Auflage, Berlin, 1779).

Во второй части, или практическихъ основаніяхъ слога, Шварцъ разсуждаетъ о упражненіяхъ въ Нѣмецкомъ слогѣ. «Правилъ безъ упражненій недовольно,» говоритъ онъ и приготовляетъ слушателей къ этимъ упражненіямъ посредствомъ переводовъ, потомъ переходитъ къ ученію о басняхъ и повѣстяхъ, хріи, Нѣмецкихъ комедіяхъ и трагедіяхъ. Особенно подробно излагаетъ Шварцъ ученіе о письмахъ Нѣмецкихъ и разговорахъ. Педантизмъ, мелочныя правила очень рѣзко выдаются въ главѣ о письмахъ, основанной на вышеупомянутомъ сочиненіи Гейнаца. Въ главѣ о разговорахъ нельзя не обратить вниманія на генетическое изложеніе Шварца.* Въ послѣдней части своего курса онъ разсуждалъ *о нужныхъ къ образованію вкуса книгахъ*. Изъ объявленія о лекціяхъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1782—83 году узнаемъ, что Шварцъ читалъ эстетико-критическія лекціи о знаменитѣйшихъ Нѣмецкихъ поэтахъ и прозаикахъ. Опять нельзя не замѣтить при этомъ историко-сравнительнаго метода, которому

Tugenden (p. 326—358); наконецъ гл. *о Нѣмецкомъ слогѣ* у Шварца ср. съ XV отдѣленіемъ у Готшеда: Ausführliche Redekunst (Die fünfte Auflage, Leipzig, 1759).

* Ученіе о хріяхъ изложено было, вѣроятно по Готшеду, главы о *письмахъ* по Гейнацу (см. 2 отдѣл. 4-й ч. названной книги); въ теоріи писемъ Шварцъ ссылался на него какъ на авторитетъ. Въ предувѣдомленіи къ *Начертанію* Профессоръ говоритъ: «Сіе сочиненіе не заключаетъ въ себѣ того, чтобъ можно было обойтись безъ Гейнаца и Рамлера, но еще юношество должно доводимо быть къ полезному оныхъ употребленію. Почему и они въ непродолжительномъ времени трудившимися въ семъ сочиненіи выданы будутъ въ свѣтъ съ Россійскимъ переводомъ, и Гейнацъ съ нѣкоторыми перемѣнами, кои необходимо нужны къ учиненію ихъ здѣсь общеполезными.» Кажется это обѣщаніе не было исполнено.

слѣдовалъ Шварцъ въ этомъ случаѣ, потому что «лекціи (по словамъ объявленія) опредѣлены будутъ не на однихъ только Нѣмецкихъ писателей, но часто въ оныхъ разсужденіе будетъ о древнихъ писателяхъ, Греческихъ и Латинскихъ, такъ какъ и о сочиненіяхъ новѣйшихъ Италіянскихъ, Англійскихъ, Французскихъ и Россійскихъ писателей. Сравниваны будутъ художническія произведенія и работы, какъ то статуи, живопись, и древнія зданія съ произведеніями ума, съ показаніемъ ихъ взаимной между собою связи. Въ предложеніи же правилъ обо всемъ семъ кромѣ древнихъ, Аристотеля, Діонисія Галикарнасскаго, Димитрія Фалерея, Цицерона, Горація, Квинтиліана, изъ новѣйшихъ послѣдовано будетъ Баттё, Рамлеру, Гому, Боало, Баумгартену и другимъ».—Въ книгѣ Гейнаца находимъ довольно обширный отдѣлъ: Von dem zum Unterrichte und zur Bildung des Geschmacks nöthigen Bücherlesen. Мы не ошибемся, сказавши, что послѣдняя часть курса была читана Шварцомъ по этому отдѣлу. Гейнацъ рекомендуетъ въ этой главѣ тѣхъ же писателей, имена которыхъ выставилъ и Шварцъ въ приведенномъ объявленіи.

Тѣ же мысли о преподаваніи Нѣмецкаго слога, которыя осуществлены въ «Начертаніи первыхъ основаній» его высказалъ Шварцъ и въ рѣчи своей: De virtutibus et vitiis stili Germanici, ejusque exercitiis recte instituendis, говоренной 24-го Апрѣля 1780 г., въ день празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея Московскаго Университета. Рѣчь распадается на двѣ главныя части: въ первой Шварцъ, на основаніи Готшедовой риторики, разсуждаетъ о совершенствахъ и недостаткахъ Нѣмецкаго слога, во второй излагаетъ уже извѣстный намъ ходъ практическаго изученія его, начиная съ перевода до разговоровъ включительно. Такимъ образомъ въ рѣчи подробнѣе изложены послѣднія главы теоретической части курса и объясненъ способъ практическаго изученія слога. Исчисляя недостатки Нѣмецкаго слога, Шварцъ нападаетъ на педантизмъ его, который происходитъ отъ желанія блеснуть безполезною эрудиціею. Въ примѣры такого слога онъ указываетъ на Вейзе и Логенштейна, «развратившихъ истинное краснорѣчіе»: они примѣромъ своимъ научили Нѣмцевъ украшать сочиненія отовсюду собранными древностями, мѣстами изъ

Греческихъ или Латинскихъ поэтовъ, риторовъ, философовъ.* Косвенно этотъ упрекъ Шварца падалъ на рѣчи Шадена, который любилъ приводить цѣлыя мѣста изъ древнихъ писателей. Осуждая педантизмъ, Шварцъ учитъ непринужденности: «не должно принуждать себя къ рабскому подражанію великимъ сочинителямъ, но писать по собственному своему природному сложенію и способности для избѣжанія аффектаціи въ слогѣ.»** Непринужденность дастъ слогу вкусъ, по которому хорошія и избранныя мысли выражаются чистыми, изрядными и учтивыми словами; но сей вкусъ не состоитъ въ глубокомысленномъ и продолжительномъ чтеніи, въ разсказываніи невѣроятныхъ вещей и вмѣшиваніи иностранныхъ словъ, но въ разумной и острой живости въ мысляхъ, изреченіяхъ и слогѣ, сходствующей во всѣхъ частяхъ съ благопристойностію.*** Какъ на образцы вкуса въ слогѣ Шварцъ указываетъ**** на сочиненія Фонтенеля, письма и комедіи Геллерта, *различныя ежемѣсячныя и еженедѣльныя Нѣмецкія изданія* (die Belustigungen des Verstandes und Witzes, die Bremischen Beyträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes, der Einsidler, der Mann, der Denker, der Teutsche Merkur, Deutsches Museum). Это стремленіе къ простотѣ и непринужденности языка, кажется, вызвано было въ Шварцѣ практическимъ взглядомъ на литературу: для него дорога была мысль, знаніе, которыя черезъ литературу должны были проникнуть въ массу, а они доступнѣе большинству и скорѣе распространяются, когда одѣты въ легкую, непринужденную, всѣмъ понятную форму. Въ этомъ убѣжденіи Шварцъ встрѣтился съ Новиковымъ, сатирическія изданія котораго за долго до знакомства съ Шварцомъ осуществили на практикѣ то, чего онъ требовалъ въ теоріи. Живость и непринужденность языка

* De virtutibus et vitiis stili Germanici, p. 7. Entwurf p. 221—227.

** Entwurf, p. 247—249. Нельзя не замѣтить, что Русскій переводъ книги Шварца очень неудовлетворителенъ; напр. послѣднія слова приведенной фразы переданы такъ: для избѣжанія *восхитительнаго* слога.

*** Entwurf, p. 247.

**** De virtutibus, et vitiis stili Germanici, p. 8.

въ нашихъ сатирическихъ изданіяхъ прошедшаго *столѣтія*, такъ рѣзко отличавшая ихъ отъ остальной литературы, не мало содѣйствовала успѣху и вліянію ихъ на читателей; *почти* въ этихъ только журналахъ сохранился разговорный Русскій языка послѣдней половины XVIII вѣка.

Вступивши въ должность Профессора Нѣмецкаго *языка*, Шварцъ тотчасъ получилъ отъ конференціи Университета порученіе озаботиться доставленіемъ нужныхъ учебниковъ и указать недостатки, которые онъ замѣтитъ въ методѣ преподаванія. Шварцъ съ жаромъ взялся за это дѣло и представлялъ конференціи различные проэкты, которыя касались частію хода преподаванія, частію указывали на недостатокъ въ преподавателяхъ и предлагали средства къ отклоненію неудобствъ. Проэкты осыпаны были одобреніями, не знали только, кому поручить исполненіе ихъ, потому что чувствовали недостатокъ въ деньгахъ для прикрытія издержекъ. Шварцъ не только вызвался принять на себя все дѣло, но, при помощи нѣкоторыхъ друзей своихъ, рѣшился доставить и средства для нужныхъ расходовъ. Такимъ образомъ 13-го Ноября 1779 г. основана была педагогическая семинарія, и Шварцъ назначенъ былъ инспекторомъ ея. Еще въ Январѣ и Іюлѣ того же года Прокофій Акинѳіевичь Демидовъ пожертвовалъ Университету 20,000 рублей; на проценты съ этой суммы положено было приготовлять въ Университетѣ, подъ руководствомъ Шварца, шестерыхъ Студентовъ къ учительскому и Профессорскому званію. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для нея капиталъ (въ 5000 р.) и нѣкоторыя вещи. Инспекторъ повторялъ съ семинаристами публичныя лекціи и показывалъ методы учить и учиться.

Труды Шварца обратили на себя вниманіе: 5-го Февраля 1780 г. онъ былъ возведенъ Конференціею Университета въ Ординарные Профессоры философіи при изъявленіяхъ особенной благодарности. «Въ Гимназіи царствовали еще безпорядки, которые трудно было отвратить: они вкрались отъ того, что заведеніе постепенно расширялось и слѣд. не соотвѣтствовало уже первоначальному своему плану.» Шварцу предложили искоренить эти безпорядки. Послѣдній какъ бы

не предугадывалъ, «какія преслѣдованія, обвиненія и ненависть падутъ на него, если онъ захочетъ вырвать съ корнемъ застарѣлыя злоупотребленія, порожденныя лѣностію и своекорыстіемъ; горя любовію къ общему благу, онъ принялъ на себя безъ всякаго вознагражденія и эту обязанность, соединенную съ Геркуланскою работою. Онъ не щадилъ трудовъ и въ началѣ Февраля 1781 г. представилъ совершенно-новый планъ ученія. Онъ нѣсколько разъ былъ прочитанъ въ трехъ засѣданіяхъ конференціи, одно за другимъ слѣдовавшихъ, и одобренъ. Не смотря на трудности, съ которыми сопряжено было осуществленіе плана, Шварцъ въ короткое время исполнилъ всѣ предложенныя имъ измѣненія. При этомъ ему суждено было подвергаться разнымъ огорченіямъ. Въ продолженіи года Шварцъ цѣлые дни проводилъ въ Гимназіи, для другихъ трудовъ ему оставались только ночи. Хотя онъ былъ еще молодъ и крѣпкаго сложенія, но къ концу учебнаго года чувствовалъ истощеніе силъ. Чтобы поправить здоровье, и вмѣстѣ личнымъ обозрѣніемъ другихъ учебныхъ заведеній убѣдиться въ пользѣ предпринятыхъ въ Гимназіи перемѣнъ, Шварцъ вознамѣрился совершить путешествіе по тѣмъ Нѣмецкимъ землямъ, гдѣ процвѣтала наука. И. И. Шуваловъ не только изъявилъ на то согласіе, но и далъ Шварцу особенныя порученія. Проѣздомъ черезъ Петербургъ Профессоръ представился основателю Университета и получилъ отъ него порученіе составить записку о состояніи Университета и необходимыхъ въ немъ преобразованіяхъ. Еще до отъѣзда за границу Шварцъ представилъ Куратору записку, и Шуваловъ такъ былъ доволенъ ею, что исходатайствовалъ автору чинъ Коллежскаго Ассессора. Во время путешествія Шварцъ не упускалъ изъ виду ничего, что могло служить ко благу Университета, заводилъ литературную корреспонденцію, собиралъ книги и методы. Въ Берлинѣ онъ бесѣдовалъ съ Принцемъ Фридрихомъ Брауншвейгскимъ, Графомъ Саккеномъ, Юстицъ-Президентомъ Гиреномъ (Нугеn), знаменитымъ педагогомъ Бюшингомъ и др. Впрочемъ Шварцъ не слишкомъ дорожилъ знакомствомъ съ Французскими писателями, которымъ рекомендовалъ его Князь Долгорукій, потому что предпринялъ путешествіе, чтобы познакомиться съ преподаваніемъ и обу-

ченіемъ въ Нѣмецкихъ школахъ, а не съ Французскою бельлетристикою. Въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ знаменитымъ Бернулли; съ нимъ не прерывалъ онъ сношеній и по пріѣздѣ въ Россію. Въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ онъ посѣтилъ и вступилъ въ сношенія не только съ Кураторами Консисторіи и Вицепрезидентомъ ея Іерузалемомъ, «славою Нѣмецкой учености,» но и съ самимъ Герцогомъ; въ Саксоніи съ Графомъ Ангальтомъ и многими знаменитыми учеными. Шварцъ старался познакомить Германію съ Русскою литературою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣлъ ввести изученіе Русскаго языка, какъ весьма важнаго для исторіи.

Мы видѣли, какъ пламенно желалъ Шварцъ основать въ Москвѣ общество, которое бы поддержало предпріятіе Новикова, приготовляло Русскихъ наставниковъ и распространяло въ публикѣ педагогическія свѣдѣнія. Мы видѣли, что эту любимую мысль его называли неисполнимою мечтою. Шварцъ не думалъ однако отказаться отъ нея. Ему удалось наконецъ воспламенить нѣсколько лицъ своимъ планомъ; онъ убѣдилъ ихъ пожертвовать частію своего достоянія для осуществленія этой мечты и такимъ образомъ положить основаніе «Дружескому ученому обществу.» Первые члены его были люди не слишкомъ достаточные, и потому сначала имѣли въ виду только сообразные съ цѣлью переводы полезныхъ книгъ. Связь съ Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ дала обществу средства расширить кругъ своихъ дѣйствій. Это былъ богачь, искавшій всюду удовольствій и нигдѣ ихъ не находившій: «онъ не зналъ, что истинное удовольствіе его должно состоять въ благотворительности. Не разъ обманутый толпою льстецовъ, которые всегда тѣснятся около богачей, Татищевъ сдѣлался крайне недовѣрчивъ; многіе потому ославили его человѣкомъ скупымъ. Сблизившись съ Шварцомъ, онъ убѣдился, что Профессоръ заботится не о своихъ, но объ общихъ выгодахъ». Онъ поручилъ ему воспитаніе единственнаго своего сына, привязывался все болѣе и болѣе къ литературѣ, и рѣшился для блага ея пожертвовать частію своего имущества. Подобное же намѣреніе приняли и другіе богатые люди: Князь Александръ Але-

ксҍевичь Черкасскій, Князь Николай Никитичь Трубецкой, Полковникъ Василій Васильевичь Чулковъ и др. «Колумбъ, впервые увидавши землю, говоритъ Шварцъ, не могъ радоваться болҍе меня, когда въ рукахъ моихъ оказался значительный капиталъ для осуществленія моей Платоновой идеи. Теперь мнҍ недоставало только опытныхъ и ученыхъ сотрудниковъ и литературныхъ связей. Чтобы достигнуть этихъ средствъ, я предложилъ Татищеву совершить съ сыномъ его путешествіе по Германіи, по окончаніи котораго думали мы приступить къ окончательному исполненію нашего плана.»

Съ самыми блестящими надеждами возвращался Шварцъ въ Москву: ему оставалось только приводить въ исполненіе давно задуманное предприятіе; средства къ тому были готовы. Съ другой стороны онъ такъ много оказалъ услугъ Университету, что имҍлъ право разсчитывать на его благодарность. Шварцъ прибылъ въ Москву въ началҍ 1782 года. Въ Іюнҍ извҍщено было въ Вҍдомостяхъ объ открытіи при Московскомъ Университетҍ филологической семинаріи. Въ объявленіи сказано между прочимъ: «нҍкто письменно объявилъ Университетскимъ Г. Кураторамъ свое намҍреніе учредить переводческую семинарію для преложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на Россійскій языкъ; и на сей конецъ не только взялъ онъ на себя содержать при Императорскомъ Московскомъ Университетҍ на своемъ иждивеніи шестерыхъ Студентовъ, но также находящимся уже при семъ же Университетҍ Семинаристамъ способствовать въ ученыхъ ихъ упражненіяхъ всевозможнымъ образомъ.—Сей, любовь ко благу общему доказывающій примҍръ, и заслуживающій неоспоримо должную похвалу, почти въ тожъ самое время произвелъ вожделенное и достохвальное подражаніе въ его друзьяхъ, которые, споспешествуя сему благонамҍренному предпріятію, обҍщали въ томъ же видҍ на своемъ иждивеніи содержать еще десятерыхъ Студентовъ.* Вскорҍ Университетъ публично изъявилъ признательность свою «Его Высокородію, г. Лейбъ-Гвардіи Майору, Петру Алексҍевичу

---

* Моск. Вҍд. 1782, № 48, стр. 383.

Татищеву, за желаніе содержать на своемъ иждивеніи шестерыхъ Студентовъ для приращенія переводческой семинаріи. Въ объявленіи прибавлено, что объ этомъ отъ *дружескаго* того общества* представлено письменно, куда *надлежало*, съ объясненіемъ, что оно, желая быть полезнымъ и *Духовнымъ* училищамъ, означенныхъ шесть Студентовъ *намѣрено* принять изъ учрежденныхъ въ различныхъ епархіяхъ Семинарій.**

Учредивъ переводческую семинарію, Шварцъ твердою рукою поддержалъ дѣло Новикова; отчасти онъ далъ *новое направленіе* его изданіямъ. Самъ преданный ученію Бёма, онъ скоро увлекъ имъ Новикова и другихъ своихъ пріятелей. Вселяя въ слушателей своихъ сочувствіе къ переводамъ, онъ доставлялъ Новикову усердныхъ сотрудниковъ, въ тоже время вполнѣ проникнутыхъ его ученіемъ. 13-го Марта 1781 г.*** Шварцъ учредилъ собраніе Университетскихъ питомцевъ; здѣсь воспитанники читали и обсуживали свои *литературные* опыты. Цѣль собранія такъ опредѣлилъ одинъ изъ членовъ его: «Шварцъ вперилъ все свое вниманіе на доставленіе въ Университетѣ обучающемуся юношеству такихъ средствъ, по которымъ бы оно не только могло успѣвать въ наукахъ, но и жить по правиламъ благонравія. Почему, привязавъ къ себѣ оное своею любовію и безпримѣрнымъ снисхожденіемъ, завелъ и сіе нынѣ цвѣтущее и никогда неувядаемое общество, предписавъ ему два главнѣйшіе закона и двѣ спасительнѣйшія цѣли: первую, до просвѣщенія разума относящуюся, чтобы упражняться въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ наилучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и издавать въ свѣтъ годичный журналъ въ пользу бѣдныхъ; а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченныя склонности, чтобы при начатіи каждаго собранія поочереди

* Въ этомъ извѣстіи основатели семинаріи въ первый разъ названы *ученымъ дружескимъ обществомъ*.

** Моск. Вѣд., 1782 г., № 52, стр. 415—416.

*** Стихи на день заведенія собранія питомцевъ Московскаго Университета, Марта 13-го, 1789 г. Въ осьмилѣтнее празднованіе онаго (М. Въ Ун. Тип. у Н. Новикова, въ 4-ку).

говорить членамъ о какой либо нравственности рѣчь; и тѣмъ бы самимъ соединяяся между собою тѣснѣйшимъ узломъ любви и желанія къ достиженію столь величественной для юношества цѣли могли мы сдѣлаться современемъ какъ для себя самихъ, такъ и для цѣлаго нашего любезнѣйшаго отечества полезными».* Изъ трудовъ Университетскихъ питомцевъ составлялись большею частію изданные Новиковымъ журналы: *Московское ежемѣсячное изданіе* (1781), *Вечерняя заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1784). Всѣ они тѣсно связаны между собою и составляютъ одну библіотеку нравоучительныхъ статей. Глубоко-религіозный характеръ господствуетъ въ этихъ изданіяхъ,—несомнѣнный слѣдъ вліянія Шварца: прежніе журналы Новикова отличались сатирическимъ направленіемъ. Шварцъ всячески старался о распространеніи собранія: пожертвовалъ для него деньгами и многими необходимыми вещами; членамъ собранія, посредствомъ своихъ связей, доставлялъ видныя служебныя мѣста, тогда какъ «прежде сіе собраніе не только находилось подъ спудомъ неизвѣстности и въ ущелинахъ безъ покрову отправляло свои работы, но еще лишалось даже самыхъ нужныхъ и самомалѣйшихъ вещей.»

Съ возвращеніемъ Шварца изъ-за границы для него началась какъ бы пора новой дѣятельности. Въ первые годы пребыванія своего въ Университетѣ онъ исключительно посвящалъ свои занятія преподаванію Нѣмецкаго языка и устройству Гимназіи; отсюда начинается стремленіе распространить религіозныя свои идеи. Его педагогическій талантъ далъ изученію Нѣмецкаго языка въ Москвѣ болѣе обширный объемъ и прочное основаніе. Почти въ одно время съ нимъ на томъ же поприщѣ дѣйствовалъ въ Петербургѣ знаменитый Нѣмецкій педагогъ Вольке**. Метода того и другаго преподавателя въ дѣлѣ первоначальнаго изученія языка была одинакова; но Вольке своимъ преподаваніемъ не оставилъ у насъ почти никакихъ слѣдовъ. Шварцу же обязаны мы преимущественно

---

* Неизданныя рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

** См. Hasselbach, Lebensgeschichte des Hofraths und Professors C. H. Wolke. Aachen 1826.

сближеніемъ нашей литературы съ Нѣмецкою. Связавши дѣятельность свою съ предпріятіемъ Новикова, стоя во главѣ переводческой Семинаріи, передавая многочисленнымъ слушателямъ идеи свои въ Университетѣ и въ приватныхъ лекціяхъ, Шварцъ могъ распространить у насъ знакомство съ Нѣмецкой литературой, въ противодѣйствіе Французской, которой онъ не любилъ отчасти за бельлетристическій характеръ, отчасти за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія. Вліяніе Шварца въ этомъ случаѣ было тѣмъ сильнѣе на Русскую литературу, что въ числѣ слушателей его было много людей, впослѣдствіи занявшихъ важныя мѣста въ литературѣ и наукѣ. Въ первое время жизни своей въ Россіи Шварцъ заботился о распространеніи въ публикѣ началъ педагогическихъ, съ возвращенія изъ-за границы — о распространеніи религіознаго направленія. И оно не только отразилось въ журналахъ Новикова, во многихъ книгахъ, напечатанныхъ въ то время при Унив.; но и передавались многимъ слушателямъ. Молодежь, такъ или иначе примыкавшая къ Новикову, была въ восторгѣ отъ лекцій Шварца. Къ ней принадлежалъ и Карамзинъ, который слушалъ лекціи его о богопознаніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка.* Эти лекціи подали поводъ къ преслѣдованію Шварца.

Вскорѣ по пріѣздѣ его изъ-за границы, возвратился въ Москву Кураторъ Мелиссино и вступилъ въ управленіе Университетомъ. Сначала онъ остался вполнѣ доволенъ перемѣнами, предложенными Шварцомъ, увѣрялъ, что они совершенно согласны съ его прежними планами, которые не были приведены въ исполненіе только за недостаткомъ способныхъ людей. Не разъ Мелиссино посѣщалъ Профессора, и Шварцъ довѣрчиво разсказывалъ ему объ отношеніяхъ своихъ къ другимъ Профессорамъ, объясняя причины вражды съ нѣкоторыми изъ нихъ. Скоро отношенія его къ Куратору перемѣнились. За нездоровьемъ Шварцъ откладывалъ составленіе отчета, и 18-го Мая 1782 г. получилъ изъ Конференціи предписаніе — представить отчетъ черезъ недѣлю. Въ слѣдующее засѣданіе Шварцъ передалъ Конференціи вмѣстѣ съ от-

---

* Изъ Записокъ И. И. Дмитріева. Москвит. 1841, № 1, стр. 45.

четомъ — 13 сочиненій о воспитаніи и 8 рѣдкихъ книгъ въ даръ Университетской библіотекѣ. Въ отчетѣ онъ говорилъ между прочимъ, что въ Университетъ съ большою пользою можетъ быть введена при преподаваніи учебная книга, изданныя извѣстнымъ Гальскимъ богословомъ Земмлеромъ и ученикомъ его Шюцемъ.* — Мелиссино самъ присутствовалъ въ Конференціи; на отчетъ Шварца не обратили никакого вниманія; онъ даже не былъ прочитанъ. Профессоръ на другой день подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье. Мелиссино не хотѣлъ однако разстаться съ Шварцомъ, онъ призвалъ его къ себѣ, увѣрилъ его въ своемъ дружескомъ расположеніи, предложилъ ему пользоваться полнымъ жалованьемъ во все время, нужное для поправленія здоровья, съ увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; однимъ словомъ, заставилъ его взять назадъ просьбу объ отставкѣ. Но здоровье не позволяло Шварцу служить по прежнему; брать жалованье даромъ онъ также не хотѣлъ. Потому въ Іюнѣ 1782 г. онъ подалъ другое прошеніе, въ которомъ объявлялъ, что желаетъ впредь служить безъ жалованья и при томъ столько, сколько позволятъ ему силы и здоровье.** Конференція одобрила это предложеніе, и Шварцъ сдѣланъ былъ почетнымъ Профессоромъ (Professor honorarius). Но отношенія его къ Мелиссино не измѣнились. Профессоры Барсовъ и Шаденъ подозрительно смотрѣли на Шварца и на дружеское ученое общество, въ которомъ самъ Мелиссино былъ сначала ревностнѣйшимъ членомъ. Для Семинаристовъ Шварцъ читалъ у себя на дому приватныя лекціи философской исторіи (по Бруккеру, какъ говоритъ онъ въ запискѣ). Случилось такъ, что нѣкоторые друзья застали одну изъ такихъ лекцій и захотѣли слушать ихъ; мало по малу число слушателей увеличивалось. Недоброжелатели Шварца увѣрили Куратора, что на этихъ бесѣдахъ проповѣдывалось масонство, и лекціи

* Neues Elementarwerk für die niedern Klassen lat-inischer Schulen und Gymnasien. Herausgegeben von D. I. S. Semmler und C. G. Schütz. Halle, 13 Th.; послѣднія части этого учебника вышли уже по смерти Шварца.

** Ср. Моск. Вѣд. 1782 г № 48.

были прекращены. Въ самомъ же дѣлѣ въ чтеніяхъ Шварца не было ничего подобнаго, и быть не могло, потому что масонство всегда составляло тайну. Слушатели его съ благодарностію вспоминали объ этихъ лекціяхъ, которыя, во время владычества Французской философіи, успѣли предохранить многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ, «въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами, и показывая разность между ними училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и по нынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его изторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію». Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичь, говоритъ: «Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить—исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ Премудрѣйшаго Строителя Вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца и словъ Священнаго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго.»*

---

* Рѣчи и стихотворенія на смерть И. Г. Шварца.

Эти-то лекціи были поражены клеветою. Ученое Дружеское Общество было открыто торжественно въ присутствіи Графа Чернышева и Митрополита Платона, подъ ихъ покровительствомъ. Тогда только открылась цѣль Мелиссино: онъ самъ хотѣлъ быть предсѣдателемъ такого Дружескаго Общества. За нѣсколько дней до открытія его, онъ призвалъ къ себѣ Шварца и спросилъ, нельзя ли соединить Дружеское Общество съ Вольнымъ Россійскимъ собраніемъ, которое находилось при Университетѣ. Шварцъ отвѣчалъ, что такое соединеніе невозможно, потому что цѣли того и другаго Общества совершенно различны: одно имѣло въ виду только обработываніе языка; другое воспитаніе, переводъ полезныхъ книгъ, приглашеніе ученыхъ иностранцевъ. Отсюда начались непріязненныя отношенія Мелиссино къ Профессору. Отъ него потребовали, чтобы онъ читалъ семинаристамъ еще одну прибавочную лекцію. Шварцъ не видѣлъ въ томъ никакой нужды; однако представилъ Университету для этой цѣли Профессора Шалля, который готовъ былъ читать лекціи безъ всякаго вознагражденія. Самъ же Шварцъ просилъ Куратора не принуждать его къ трудамъ, потому что онъ дѣлалъ все, что позволяли его силы. Мелиссино не успокоился; онъ грозилъ отказать Шварцу отъ мѣста и, получивъ его просьбу объ отставкѣ, не отвѣчалъ на нее. Профессоръ слышалъ отъ него только упреки въ томъ, что онъ давно уже не читалъ лекцій, хотя Директоръ и Члены Конференціи свидѣтельствовали, что онъ дѣйствительно былъ боленъ. Всѣ эти огорченія заставили Шварца изложить дѣло въ особенной запискѣ, которую онъ думалъ черезъ Хераскова представить И. И. Шувалову, и были причиною того, что онъ оставилъ Университетъ.

Кромѣ курса философской Исторіи, Шварцъ читалъ въ Университетѣ эстетико-критическія лекціи. Мы знаемъ о нихъ изъ слѣдующаго воспоминанія ученика его: «Сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ подлежащаго испытатель, ощутительнѣйшимъ образомъ примѣтивъ, что люди, проснувшись въ позднія уже времена отъ своего ничтожества, и едва только еще разодравъ завѣсу, покрывающую ихъ зрѣніе, узрѣли сіе существами населяемое огромнѣйшее и прекраснѣйшее зданіе, — не скрылъ отъ насъ того рѣдкаго своего дарованія,

которымъ цѣлая природа ему жертвовала, чтобы не показать намъ, хотя бы было то съ урономъ своего здравія, величество, стройность, порядокъ и совершенство цѣлыя природы. Не скрылъ говорю подъ спудомъ того своего неоцѣненнаго таланта, когда единственно на сей конецъ имѣлъ онъ *при* Университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію, лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя *чувства* къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ доказательнѣйшимъ доказательствамъ Геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку Астрономіи, къ неудобопонятности Анатоміи и Физіологіи, къ справедливости Физіогноміи и Хиромантіи, къ чудесному открытію Магіи и Каббалы, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное Химіи и другихъ премногихъ наукъ руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя Гармоніи, сокрытыхъ въ нѣдрахъ таинственныя природы. Показалъ намъ отношенія чудесъ одной науки къ другой: вперилъ въ насъ, то подъ гіероглифами, то на яснѣйшихъ своихъ опытахъ, сколь удивительна связь матеріи и духовности, какой перѣшимый узелъ между Богомъ и человѣкомъ, и какіе мы и вся природа имѣемъ предѣлы и ограниченія.»*

Наконецъ съ 3-го Сентября по 31-е Декабря 1782 г. Шварцъ читалъ у себя по воскресеньямъ лекціи *о трехъ познаніяхъ любопытномъ, пріятномъ и полезномъ*, дошедшія до насъ въ рукописи.** «Познаніе любопытное,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего курса, — разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только, такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ, здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать напр. отчего громъ? что такое воздухъ?

---

* Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

** Отрывки изъ этихъ лекцій напечатаны въ журналѣ Невзорова: Другъ юношества и всякихъ лѣтъ, 1813 г. Январь, стр. 85—101.

какимъ образомъ земля производитъ растенія? и пр. сему подобное. Сіе познаніе удовлетворяетъ нашъ разумъ, увеличиваетъ силу духа; оно приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства жизни вѣчной. 2) Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. 3) Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ». — «Къ симъ то послѣднимъ познаніямъ, замѣчаетъ Шварцъ въ концѣ лекціи,—человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ.» — Изъ этихъ словъ уже видно, какое высокое преимущество даетъ Шварцъ Религіи передъ наукою. Въ продолженіи всего курса учитъ онъ стремиться къ свѣту, къ добру, къ внутреннему человѣку, къ Божеству и отрекаться отъ тьмы, зла, внѣшности, діавола, — однимъ словомъ искать небеснаго и покидать земное. Шварцъ не отрицаетъ значенія науки. «Размышленіе и исполненіе по слову Божію или совершенное ему себя преданіе (говоритъ онъ) есть человѣческое успокоеніе. Никакое умствованіе человѣческое и никакая мудрость вѣка сего неудобны, безъ истиннаго упованія на Бога и преданія Ему себя совершенно, довести насъ до истинныхъ познаній, но слѣпоту и единственныя сомнѣнія вкореняютъ въ сердца наши: ибо, не бывъ отъ Бога, а отъ человѣковъ, они суть ложь. Однако я не отвергаю совершенно наукъ преподаваемыхъ человѣками, хотя они и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего: они суть также дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и для ближняго стремящійся къ наукамъ симъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, черезъ которое Богъ помощію самыхъ сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ. Но я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы, отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иначе что есть, какъ отвращеніе себя отъ содѣйствія Бога и учиненіе самаго себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ воззрѣніе на свои соб-

ственныя силы и надежду на оныя.»—«Проходя исторію жизни человѣческой (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ Христіанства, во зло и смертный ядъ обращаются.» Человѣкъ, живущій въ уединеніи или между дикими непросвѣщенными, ежели имѣетъ пороки, то они открыты; ложныя же науки открываютъ людямъ хитрости, чрезъ которыя они тайно злодѣйствуютъ. Для спасенія нашего мы не должны знать, но должны дѣлать, сказано въ 8-й лекціи. Это убѣжденіе одушевляло многихъ религіозныхъ ревнителей того времени, между прочимъ и Землера. Одна Библія «истинный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній въ себѣ заключаетъ; въ оной сокрыто великое таинство творенія, дѣйствія праотцевъ нашихъ, паденіе, проклятіе, искупленіе, спасеніе и будущее состояніе человѣческаго существа» (лекція 7-я). «Человѣкъ во временной своей жизни долженъ устроивать для себя къ будущей жизни на твердомъ и незыблемомъ основаніи домъ или вѣчную обитель; но какъ мы будущаго не знаемъ и не можемъ начертать порядочнаго плана для вѣчнаго жилища, то Богъ по милосердію Своему показываетъ человѣку въ Библіи самое покойное и вѣрное расположеніе вѣчнаго дома: въ ней начертанъ весь планъ къ устроенію будущей жизни. Читая ее, получаемъ вкусъ и неизреченную чувствуемъ сладость, которая обратится послѣ въ нашу пользу и вѣчную пищу. Не камни тлѣнные потребны человѣку для вѣчнаго жилища, но вѣра и любовь къ Богу, любовь къ ближнему и умерщвленіе плоти« (л. 12-я). Въ 13-й и 14-й лекціяхъ Шварцъ касается значенія воспитанія: «Истинная пружина человѣческихъ дѣйствій есть стремленіе къ расширенію совершенствъ своихъ; философъ исполняетъ вѣдая то, а невѣжда исполняетъ, не вѣдая того, яко слѣпецъ. Суть такіе, которые остаются при исправленіи одной только организаціи, а далѣе способности свои не расширяютъ; сему злу причиною бываетъ худое воспитаніе. Младенецъ, хотя и имѣетъ уже въ себѣ сѣмена совершенства, но ежели поведенъ будетъ ложнымъ путемъ, ежели память его отягчатъ ненужными и безполезными знаніями, ежели воображеніе его пріучатъ къ однимъ бездѣлкамъ и ко внѣшнимъ украшеніямъ тѣла, то сѣ-

мена совершенства будутъ подавлены терніемъ и никогда не произведутъ желаемаго плода». Отсюда выводитъ Шварцъ необходимость рачительнаго воспитанія женщинъ, которыя бываютъ душою цѣлаго государства. Такъ какъ мысли (по словамъ Шварца) «суть источникъ всѣхъ совершенствъ и несовершенствъ нашихъ; то для приведенія ихъ помощію вображенія въ порядокъ и гармонію нужно, кажется, молодыхъ людей упражнять въ словесныхъ наукахъ, въ музыкѣ, въ живописи и занимать ихъ гармоніею природы, которая, красотами своими привлекая чувства человѣческія, дѣлаетъ ихъ нѣжнѣйшими и удобнѣйшими къ чистой любви, и приводя въ пріятное восхищеніе заставляетъ примѣчать дѣйствія природы, приводитъ ихъ въ удивленіе порядку оной, возвышаетъ ихъ мысли до источника природы и наконецъ воспламеняетъ въ нихъ чистую любовь къ Богу.»—Таковы основныя положенія лекцій Шварца о трехъ познаніяхъ. Не смотря на мистическій характеръ, проникающій лекціи, Шварцъ очень осторожно отклоняетъ отъ себя вопросъ о Розенкрейцерахъ. Видно впрочемъ, что онъ былъ усердный поклонникъ Іакова Бёма и вѣрилъ его разсказамъ о чудныхъ откровеніяхъ ему.*

Заключая обзоръ Университетской дѣятельности Шварца, не можемъ не обратить вниманія на цѣлость и полноту его преподаванія въ отношеніи къ религіозной идеѣ, имъ руководившей. Начиная седьмую лекцію ученіемъ о тройственности познаній, онъ говоритъ: «Къ наученію человѣка суть тройственныя познанія: историческія, техническія или художническія и живыя. *Историческія* познанія суть нравственныя, физическія и метафизическія. Нравственныя суть познанія дѣяній человѣческихъ, характеровъ, возвышенія и паденія царствъ и пр. Физическія показываютъ намъ причину растеній, тяжесть тѣлъ, силу элементовъ и пр. Метафизическія суть познанія религіи, закона и пр. И такъ познанія историческія обогащаютъ нашъ разумъ. *Техническія*, или художническія, научаютъ искусствамъ, какъ то: стихотворству, краснорѣчію, музыкѣ, живописи, скульптурѣ и пластикѣ. *Живыя* познанія

---

* Schmidt, Geschichte der Romantik, Berlin, 1848, 1—7 Band.

находимъ мы и ощущаемъ въ сердцѣ. Они вѣчны и никогда не истребляются, никогда забвенны быть не могутъ, и заключатся съ нами въ вѣчность. Чрезъ нихъ получаемъ мы откровенія или познаемъ все то, что касается до Бога, однимъ словомъ: живое познаніе научаетъ человѣка разбирать самаго себя и подавать средства къ возвышенію себя, къ умноженію бытія своего и къ стремленію къ тому источнику, отъ коего онъ имѣетъ свое начало. Живыя познанія суть дары, дарованныя Богомъ въ свое время роду человѣческому, или какъ въ Св. Писаніи сказано: таланты, данные господиномъ рабамъ своимъ. Отъ употребленія человѣковъ зависитъ съ лихвою умножить полученный талантъ или зарыть его въ землю, т. е. погрузить его и себя во мракъ и нерадивостію своею затмить въ себѣ сіяніе свѣта и заглушить гласъ, непрестанно ихъ наставляющій.» Въ той же бесѣдѣ Шварцъ говоритъ, что историческія познанія «суть цѣлію» его лекцій; историческія познанія излагалъ онъ также и въ курсѣ исторіи философіи. «Торжественная эстетико-критическая лекція» (т. е. курсъ, а не одно чтеніе) посвящена была познаніямъ техническимъ; наконецъ самъ онъ своею жизнію былъ лучшимъ примѣромъ живыхъ познаній.

Шварцъ скончался 17-го Февраля 1784 г. въ деревнѣ, не далеко отъ Москвы.* Мысль о начатомъ имъ предпріятіи не покидала его до самой смерти: «забылъ о любезнѣйшихъ ему смертныхъ, супругѣ и дѣтяхъ, при послѣднемъ дыханіи еще благодѣтельствовалъ тѣмъ имуществомъ наукамъ, которымъ онъ долженъ былъ облегчить нужды вдовы и сиротъ своихъ.»** Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Шварца, вдова его потерпѣла совершенное разореніе и не имѣла никакого состоянія для содержанія себя.»*** Года два тому назадъ скончался сынъ Шварца, оставившій нѣсколько сочиненій относительно садоводства. Благодарные питомцы Университета сдѣлали собраніе по смерти Шварца, въ которомъ почтили усопшаго по-

* Russische Bibliothek IX, 405.

** Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца.

*** Изъ письма дочери Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу.

хвальными рѣчами и стихами. Въ этомъ собраніи участвовали А. Лабзинъ, В. Подшиваловъ, И. Тимковскій, М. Доброгорскій, Псіолъ, Л. Максимовичъ и др. Горесть уступаетъ мѣсто мысли о благочестивой жизни умершаго, и не могли они иначе воспоминать смертолюбивѣйшаго своего наставника, какъ выразился о Шварцѣ одинъ изъ членовъ собранія. На смерть Шварца написана была также ода,* по свидѣтельству которой онъ благословлялъ наступленіе смертнаго часа, говоря: «скоро узрю я Бога, освобожусь отъ страданій, скоро увижу я полный свѣтъ.»

ШВЕЙЦЕРЪ, Каспаръ Готфридъ, исправляющій должность Адъюнкта по каѳедрѣ Практической Астрономіи, Кандидатъ Московскаго и Докторъ Кёнигсбергскаго Университета, родился $\frac{\text{29-го Генваря}}{\text{10-го Февраля}}$ 1816 года въ Вилѣ, въ Цюрихскомъ Кантонѣ, въ Швейцаріи. Отецъ его, Людвигъ Яковъ Швейцеръ, былъ въ этомъ мѣстечкѣ Пасторомъ и умеръ Деканомъ (Суперъ-интендентомъ) Пфеффиконскаго капитула въ 1850 г. — Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Каспаръ Готфридъ Швейцеръ посѣщалъ школу (Dorfschule), а послѣ отецъ его самъ занялся его образованіемъ, и до 1829 г. обучалъ его Латинскому и Греческому языкамъ, Геометріи, Географіи и Исторіи; лѣтомъ 1829 г. онъ помѣстилъ его въ отдѣленіе наукъ Фелленбергскаго Института въ Гофвилѣ около Берна. Пробывъ два года въ этомъ Институтѣ, Швейцеръ, 15-ти лѣтъ отъ роду, былъ переведенъ въ Цюрихъ, въ Collegium humanitatis, и весною 1836 г. окончилъ приготовительное ученіе въ образовавшейся изъ тамошнихъ школъ Гимназіи. На лѣтній семестръ того же года онъ вступилъ въ Цюрихскій Университетъ, гдѣ и посвятилъ себя совершенно математическимъ наукамъ, слѣдуя собственному своему влеченію; между тѣмъ какъ первоначальное ученіе, по желанію отца, было направлено

---

* Ode, dem Andenken der Weiland H. W. B. Schwarzens gewidmet von E. F. S. K. B. v. d. Constantia. Moskau. Gedruckt mit der gesetzmässigen Erlaubniss in der freyen Buchdruckerey bey dem J. von Lopuchin (въ 8-ю д. н. стр. 6).

болѣе на изученіе Богословія. Академическій его курсъ былъ прерванъ на одинъ годъ, съ осени 1836—1837, порученіемъ ему должности учителя Математики въ Технологической школѣ въ Винтертурѣ; по прошествіи этого времени, онъ возвратился въ Цюрихскій Университетъ, и слушалъ до весны 1839 года лекціи Математики у Раабе, Греффе, Редтенбахера и Мюллера, лекціи Астрономіи у Эшмана, Философіи у Окена и Бобрика.

Послѣ довольно продолжительнаго путешествія, въ которое Швейцеръ посѣтилъ обсерваторіи въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, онъ поступилъ весною 1839 г. въ Кенигсбергскій Университетъ, гдѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ слушалъ лекціи Бесселя, Якоби, Неймана, Ришело, Гессе и Нессельмана. Во время вакаціоннаго путешествія въ 1840 году, онъ имѣлъ случай познакомиться съ Астрономами и обсерваторіями въ Копенгагенѣ, Альтонѣ и Гамбургѣ. Лѣтомъ 1841 г. отправился онъ въ Пулково, чтобъ посвятить себя совершенно практической Астрономіи, и упражняясь сначала съ малыми инструментами, послѣ принялъ на себя регулярныя наблюденія съ тамошнимъ большимъ пассажнымъ инструментомъ, которымъ онъ и работалъ безостановочно до конца 1844 года. Далѣе, въ продолженіи полугода, занимался въ Петербургѣ, заданнымъ Академіею наукъ, вычисленіемъ пространства губерній Европейской Россіи, и весною 1845 г. переѣхалъ въ Москву, гдѣ, лѣтомъ того же года, былъ опредѣленъ при Университетской Обсерваторіи сверхъ штата. Въ 1847 году выдержалъ въ Моск. Университетѣ экзаменъ на степень Кандидата; а въ 1852 году получилъ отъ Кенигсбергскаго Университета дипломъ на Доктора Философіи. Въ концѣ 1849 г. утвержденъ исправляющимъ должность Адъюнкта, а въ Маіѣ 1852 г. Астрономомъ при Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. За открытіе кометы 1847 г., онъ получилъ отъ Е. В. Датскаго Короля золотую медаль, выдаваемую за подобныя открытія (Kometenmedaille).

Ученые труды Швейцера были слѣдующіе: 1) *Участіе въ наблюденіяхъ надъ падающими звѣздами на Кенигсбергской обсерваторіи.* Astronomische Nachrichten N 385, 387. — 2)

Участіе въ опредѣленіи звѣздъ до 7-й величины Пулковскимъ Рефракторомъ. Astron. Nachricht. N 449. — 3) *Наблюденія солнечнаго затмѣнія 7-го Іюля 1842 года.* Astronom. Nachricht. N 470.—4) *Наблюденія покрытія Плеядъ 1841 года.* Astron. Nachricht. N 471. — 5) *Главное опредѣленіе времени въ продолженіи Пулково-Альтонской хронометрической экспедиціи,* vid. Exped. chron. entre Poulk. et. Alton.—6) *Опредѣленіе прямыхъ восхожденій* (болѣе 8000) 400 фундаментальныхъ звѣздъ, которыя скоро будутъ напечатаны въ лѣтописяхъ главной Пулковской обсерваторіи. Впрочемъ см. Descript. de l'Observatoire central de Poulkov. — 7) *Вычисленіе пространства губерній Европейской Россіи.* Bullet. scientif. de l'Acad. de St. Petersb. Tom. IV. N 22, 23, 24. — 8) *Опреленіе времени въ продолженіе хронометрической экспедиціи 1846 г.* Въ лѣтописяхъ главной Пулковской Обсерваторіи. — 9) *Открытіе трехъ кометъ въ 1847 году.* Объ оставшейся за Швейцеромъ см. Astr. Nachr. N 612. — 10) *Наблюденіе солнечнаго затмѣнія 1847 года.* Astr. Nachr. N 638. — 11) *Вычисленіе пути кометы, открытой въ Москвѣ въ 1847 году.* Bulletin der Naturf. Gesellsch. Tom. 22. 1849; Astr. Nachr. Bulletin de la classe phys.-math. de l'Académie de St. Petb.— 12) *Опредѣленіе высоты полюса 8 мѣстъ около Москвы* (еще не напеч.).—13) *Открытіе кометы въ 1848 году.*—14) *Открытіе кометы въ 1849 году.* Осталась за нимъ. Astr. Nachr. N 671.— 15) *Вычисленіе элементовъ кометы, открытой въ 1849 году.* Bullet. der. Naturforsch. Gesellsch. Tom. 21. 1849. — 16) *О наибольшемъ морозѣ зимою* $\frac{1848}{1850}$ *года.* Bullet. d. Nat. Ges. Tom. 23. 1850. — 17) *Замѣчаніе о кругахъ около солнца* (Halo) *13-го Ноября 1849 года.* Bullet. der Naturforsch. Gesellsch. Tom. 23. 1850. — 18) *Наблюденія надъ покрытіемъ Юпитера луною* $\frac{7}{19}$ *Мая 1850 года.* Bull. der Naturf. Gesell. Tom. 23. 1850.—19) *О высотѣ полюса Московской Обсерваторіи.* Bull. der Naturf. Gesell. Tom. 23, 1850. — 20) *Опредѣленіе времени въ продолженіи Московско-Казанской экспедиціи въ 1850 году* (печатается въ лѣтоп. Пулковск. Обсерват.). — 21) *Экспедиція въ Махновку для наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія, въ 1851 году.* — 22) *Донесеніе Географическому обществу объ экспедиціи въ Махновку.* Напечатано по Русски въ

Вѣстникѣ Географическаго Общества, по Нѣмецки въ Bullet. der Naturf. Gesellsch. Tom. 24. 1851. — 23) *Открытіе кометы въ Августѣ, 1851 года.* — 24) *О тожествѣ красныхъ выступовъ во время полныхъ солнечныхъ затмѣній съ солнечными факулами.* Astr. Nachr. N 849. — 25) *О солнечныхъ факулахъ полнаго солнечнаго затмѣнія 1852 года.* Astr. Nachr. N 849. — 26) *Открытіе 2-хъ кометъ въ Апрѣлѣ и Октябрѣ 1852 года.* — 27) *Наблюденія падающихъ звѣздъ во время Августовскаго періода, 1852 года.* Напечатано по Русски въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а по Нѣмецки пространно въ Bullet. d. Naturf. Gesellsch. 1852 N 4.— 28) *Звѣздная карта,* напечатана при Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. — 29) *Открытіе 2-хъ кометъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ 1853 г.* Astr. Nachr. NN 853 и 857. Послѣдняя осталась за нимъ.— 30) *Наставленіе для астрон. опред. дол. и шир.,* литографир. при Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. — 31) *Экспедиція въ окрестностяхъ Москвы для опредѣленія 16 пунктовъ, въ лѣто 1853 года.*

ШЕВЫРЕВЪ, Степанъ Петровичь, Ординарный Академикъ, Ординарный Профессоръ Русской Словесности и Педагогіи, Докторъ Философіи, Деканъ Историко-Филологическаго факультета, Статскій Совѣтникъ, Орденовъ Св. Анны 2-й степ. Императорскою короною украшенной и Св. Владиміра 4-й степ. Кавалеръ, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, Докторъ Философіи Королевскаго Пражскаго Университета, Членъ Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, Д. Ч. Общества Императорскаго Исторіи и Древностей Рос. и Любителей Россійской Словесности, Поч. Членъ Аграмскаго Дружества Южнославянской Исторіи и старины, Д. Членъ Королевскаго Аѳинскаго Общества изящныхъ искусствъ и Королевскаго Датскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, родился въ 1806 г., Окт. 18-го, въ Саратовѣ; происходитъ отъ потомственныхъ дворянъ Саратовской губерніи, ведущихъ родъ свой отъ городовыхъ дворянъ Юрьева-Польскаго, потомокъ которыхъ переселился въ Саратовъ. Отецъ его, Петръ Сергѣевичь, служилъ по выборамъ въ Саратовѣ: четыре трехълѣтія сряду Губернскимъ предводителемъ и одно трехълѣтіе

Совѣстнымъ Судьею. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ Саратовскаго дворянства и купечества за свою справедливость и безкорыстіе. Мать Ш., Екатерина Степановна, представляла образецъ семейныхъ добродѣтелей. Первоначальное воспитаніе получилъ Шевыревъ въ домѣ родителей. Охота къ чтенію и ученію развилась въ немъ весьма равно. Занятія словесностію были любимыя. Рано читалъ онъ Сумарокова, Хераскова и съ особеннымъ удовольствіемъ повѣсти Карамзина. Любилъ читать по Славянски Евангеліе, пріискивая Славянскія слова не совсѣмъ понятныя въ Церковномъ Словарѣ Алексѣева. Шести лѣтъ читалъ шестопсалміе за домашнею всенощною. Много и съ охотою переводилъ драматическихъ дѣтскихъ піесъ изъ Беркенева Друга дѣтей и Театра Г-жи Жанлисъ. Саратовскій театръ доставлялъ ему большое удовольствіе и содѣйствовалъ развитію вкуса къ литературѣ. Изъ первыхъ наставниковъ своихъ онъ съ благодарностію вспоминаетъ о Священникѣ, теперь Саратовскомъ Протоіереѣ Ѳ. А. Вязовскомъ, учившемъ его Закону Божію и Русской Словесности, о Француженкѣ А. Н. Латомбель и объ учителѣ рисованія, П. М. Сарнацкомъ, который снабжалъ его книгами изъ своей и театральной библіотеки. Дѣтство свое Шевыревъ проводилъ то въ деревнѣ, то въ Саратовѣ.

Въ 1818 году, на 12-мъ г. возраста, Шевыревъ привезенъ былъ матерью своею въ Москву. А. А. Антонскій принялъ его въ Университетскій Благородный Пансіонъ, сначала въ разные классы по обычаю времени, а потомъ когда они, въ слѣдствіе новаго Пансіонскаго устава, были уравнены, въ четвертый. Постоянное вниманіе къ нему незабвеннаго наставника, и во время ученія и послѣ онаго, онъ помнитъ всегда съ признательностію. Развитію умственныхъ его способностей содѣйствовалъ своею неутомимою въ то время дѣятельностію Инспекторъ Пансіона, И. И. Давыдовъ. Кромѣ того наставниками Шевырева въ высшихъ классахъ были: А. Ѳ. Мерзляковъ, Н. Н. Сандуновъ, П. С. Щепкинъ, А. Т. Соколовъ, Д. М. Перевощиковъ, М. Г. Павловъ, Ѳ. А. Денисовъ, И. А. Пельтъ. Изъ надзирателей своимъ нравственнымъ и литературнымъ вліяніемъ ему были особенно полезны И. И. Палеховъ, И. Н. Басалаевъ, А. М. Гавриловъ, В. В. Шней-

деръ и В. И. Оболенскій, который снабжалъ его книгами изъ своей библіотеки. Изъ старшихъ товарищей на него имѣли вліяніе А. И. Писаревъ своею критикою, Кн. В. Ѳ. Одоевскій своимъ слогомъ, Н. М. Антонскій своею любовью къ сценическому искусству. Сверстниками его, о которыхъ онъ помнитъ съ сердечнымъ сочувствіемъ, были: В. П. Титовъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. Ѳ. Пургольдъ, Э. П. Перцовъ, П. Т. Морозовъ, П. А. Степановъ. Библіотеки Пансіона, учрежденныя для высшихъ классовъ начиная съ 4-го, принесли большую пользу его умственному образованію. Въ пятомъ классѣ, учредилъ онъ, вмѣстѣ съ товарищами, подъ наблюденіемъ наставниковъ, литературное собраніе. Два разсужденія: о безсмертіи души, написанное въ подражаніе Массильону, и другое: о поэзіи, заслужили ему, вмѣстѣ съ товарищемъ его, поэтомъ Ознобишинымъ, званіе аускультанта въ литературномъ обществѣ высшаго шестаго класса, которое основано было Жуковскимъ. Это общество въ высшемъ классѣ способствовало много въ Шевыревѣ развитію непрерывной умственной и литературной дѣятельности. Изъ Пансіона онъ часто ѣзжалъ въ домъ А. В. Евреинова, котораго семейство замѣняло ему на чужбинѣ семью родную. Здѣсь видалъ онъ нерѣдко В. П. Полякова, товарища Жуковскому по Пансіону и переводчика многихъ романовъ Августа Лафонтена и Шписа.

Въ Декабрѣ 1822 года Шевыревъ окончилъ курсъ наукъ въ Университетскомъ Пансіонѣ, а въ началѣ 1823 г. получилъ аттестатъ съ правомъ на чинъ 10-го класса и золотую медаль. Имя его осталось на доскѣ отличныхъ воспитанниковъ У. Пансіона.

По окончаніи курса ученія, Шевыревъ продолжалъ жить въ домѣ Пансіона и посѣщалъ лекціи Университета, особенно же Профессоровъ Давыдова, Перевощикова, Каченовскаго, Мерзлякова. Онъ счелъ за нужное усовершенствовать себя въ тѣхъ частяхъ Математики, которыя пройдены были въ Пансіонѣ неосновательно, и слушалъ высшія части, Аналитическую Геометрію трехъ измѣреній у Проф. Перевощикова. Греческимъ языкомъ продолжалъ заниматься подъ руководствомъ учителя Грека Байлы и съ нимъ читалъ Гомера, Геродота, Демосѳена, Лукіана, Платона. Переводилъ по Русски разго-

воры Платоновы, особенно Протагора, Тимея и Федра, Олинѳійскія Демосѳена и рѣчь о вѣнкѣ, многіе разговоры Лукіана. Переводъ Лукіанова Тимона былъ напечатанъ въ 1825 году, въ Мнемозинѣ, которую издавалъ Кн. Одоевскій. Чтеніемъ Латинскихъ писателей продолжалъ заниматься самъ и прочелъ съ комментаріемъ всего Виргилія, Оды Горація и его Ars poetica. Нѣмецкая философія, особенно Шеллингова, сочиненія Нѣмецкихъ эстетиковъ и критиковъ, произведенія Нѣмецкой Словесности принадлежали къ числу любимыхъ его занятій. Писателей Русскихъ читалъ онъ въ историческомъ порядкѣ съ выписками и замѣчаніями. Исторію Государства Россійскаго изучалъ и читалъ въ слухъ постоянно съ извлеченіями. Славянская Библія была также его настольною книгою.

Намѣреніемъ Шевырева было вступить въ Университетъ и выдержать экзаменъ прямо въ Кандидаты, чтобы идти далѣе путемъ степеней Университетскихъ, но, не смотря на ходатайство мѣстнаго начальства, ему это не было позволено, потому что онъ не былъ студентомъ, а вышелъ изъ Пансіона прямо съ аттестатомъ 10-го класса. Послѣ тщетныхъ усилій остаться при Университетѣ, онъ опредѣлился Декабря 31-го 1823 года въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Здѣсь чтеніемъ старинныхъ столбцовъ Шевыревъ пріобрѣлъ навыкъ къ чтенію древнихъ рукописей. Библіотека, обильная старыми книгами, была также ему полезна, особенно когда онъ поступилъ на вакансію библіотекарскаго Помощника. Знакомство съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, трудившимся тогда въ Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, имѣло, впослѣдствіи, значительное на него вліяніе. Отличное товарищество Архива предлагало Шевыреву благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій.

Въ теченіи этого времени онъ еженедѣльно посѣщалъ литературные вечера С. Е. Раича, куда сходились Погодинъ, Ознобишинъ, Муравьевъ, Титовъ, Оболенскій, Путята, Томашевскій и многіе другіе, и дѣлились между собою опытами своими въ литературѣ и бесѣдою. Здѣсь Шевыревъ читалъ свои переводы съ Греческаго и опыты стихотвореній. Эти вечера привлекли просвѣщенное вниманіе Градоначальника Москвы, Князя

Д. В. Голицына, и одинъ изъ этихъ вечеровъ былъ данъ публично, въ домѣ Г. Н. Рахманова, въ присутствіи Князя.

Въ 1825 году, въ товариществѣ съ Титовымъ и Мельгуновымъ, Ш. перевелъ съ Нѣмецкаго книгу Вакенродера, изданную Л. Тикомъ: Phantasien über die Kunst eines kunstliebenden Bruders. Въ 1826 году трое переводчиковъ напечатали ее подъ заглавіемъ: *Объ искусствѣ и художникахъ, размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ*. Подъ каждою статьею подписаны начальныя буквы имени того, кто переводилъ ее.

Къ этимъ годамъ относится дружеское сближеніе Шевырева съ М. П. Погодинымъ, который своею дѣятельностію и дружелюбнымъ участіемъ много подвигалъ его въ трудахъ ученыхъ и литературныхъ. Тогда вмѣстѣ, соревнуя другъ другу, они перевели съ Латинскаго Грамматику Церковно-Славянскаго языка, написанную Добровскимъ (Institutiones linguae Slavicae), которая впослѣдствіи была издана.

Въ 1826 году, Шевыревъ, за отсутствіемъ Редактора, напечаталъ Уранію, литературный Альманахъ, изданный Погодинымъ. Здѣсь помѣщены первыя его печатныя стихотворенія. Одно изъ нихъ, лирическое, подъ заглавіемъ: *Я есмь*, заслужило ему вниманіе Пушкина.

Въ этомъ же году, онъ имѣлъ счастіе быть лично представленъ Александру Сергѣевичу Д. В. Веневитиновымъ. Чтеніе Бориса Годунова Пушкинымъ въ домѣ у Веневитинова, чтеніе другихъ піесъ Пушкинымъ лично Шевыреву, какъ напримѣръ Пророка, Графа Нулина, Утопленика, Поэта и черни, бесѣды съ Пушкинымъ о поэзіи и Русскихъ пѣсняхъ, чтеніе Пушкинымъ этихъ пѣсенъ наизусть, принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію его вкуса и развитію въ немъ истинныхъ понятій о поэзіи.

Въ 1826 году Шевыревъ началъ переводъ Валленштейнова Лагеря въ стихахъ и докончилъ его въ 1827 г. Отрывки изъ перевода были напечатаны въ Московскомъ Вѣстникѣ, котораго изданіе началось съ 1827 года. Журналъ былъ предпринятъ обществомъ молодыхъ литераторовъ, подъ эгидою Пушкина, который сочувствовалъ ихъ образу мыслей

и взгляду на искусство и словесность. Редакцію принялъ на себя Погодинъ. Дм. Веневитиновъ одушевлялъ предпріятіе. Но, въ самомъ началѣ изданія, смерть похитила его слишкомъ рано у друзей и у Русской литературы. Шевыревъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Московскаго Вѣстника, особенно же въ теченіи 1827 и 1828 годовъ. Здѣсь печаталъ онъ свои теоретическія статьи объ искусствѣ, свои стихотворенія оригинальныя и переводныя изъ Шиллера и Гёте, переводы изъ Валленштейнова Лагеря, изъ Вильгельма Теля, изъ второй части Фауста. Отдѣлъ литературной критики былъ въ полномъ его распоряженіи. Многія статьи оригинальныя и переводныя не подписаны его именемъ. Разборъ Елены, интермедіи къ Фаусту, былъ въ Нѣмецкомъ переводѣ Г. Буркардтомъ отправленъ къ Гёте и заслужилъ его одобреніе. Гёте отвѣчалъ весьма лестнымъ письмомъ, которое было напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 года, и кромѣ того такъ выразился объ критикѣ Шевырева въ своемъ изданіи Kunst und Alterthum, сравнительно съ критиками Англичанина Карлэйля и Француза Ампера: «Здѣсь Шотланецъ стремится проникнуть въ произведеніе; Французъ понять его; Русской себѣ присвоить. Такимъ образомъ Гг. Карлэйль, Амперъ и Шевыревъ, вполнѣ представили всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы.»*
Разборы Сѣверной Пчелы, Сочиненій Г. Булгарина, Московскаго Телеграфа пріобрѣли Шевыреву постоянную литературную вражду издателей Телеграфа и Сѣв. Пчелы.

Въ тѣхъ же годахъ нѣкоторыя изъ стихотвореній его на-

---

* Ueber Kunst und Alterthum, von Göthe, sechsten Bandes zweites Heft. Stuttgart. 1828, стран. 429. Helena in Edinburg, Paris und Moskau. The Foreign Review N 11. 1828. p. 430. Le Globe Tome VI. N 34. p. 209. Der Moskowische Bote. N 21. 1827. S. 79. Hier strebt nun der Schotte das Werk zu durchdringen; der Franzose es zu verstehen; der Russe sich es anzueignen. Und so hatten, die Herren Carlyle, Ampére und Schewireff, ganz ohne Verabredung die Sämmtlichen Kategorien der möglichen Theilnahme an einem Kunst- oder Naturproduct vollständig durchgeführt.

печатаны въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ Дельвига и въ Сѣверной Лирѣ Раича и Ознобишина.

Критическая дѣятельность Шевырева была постоянно ободряема Пушкинымъ, какъ онъ послѣ выразилъ это и печатно въ отрывкѣ своемъ: Москва, изданномъ въ Современникѣ и въ XI томѣ его сочиненій. Въ знакъ сочувствія своего къ нему, Пушкинъ вручилъ Шевыреву, осенью 1828 г, въ Петербургѣ, нѣсколько стихотвореній для напечатанія ихъ въ отдѣльномъ альманахѣ, въ томъ числѣ: Поэтъ и чернь, Утопленикъ, переводъ изъ Валленрода Мицкевича. Но другія занятія отвлекли Шевырева отъ этого изданія. Его ожидало путешествіе. Стихотворенія Пушкина напечатаны были въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829 года.

Въ началѣ этого же года, Шевыревъ отправился за границу, гдѣ пробылъ до второй половины 1832 года. Въ Веймарѣ онъ имѣлъ счастіе видѣть Гёте и быть ему представленнымъ черезъ друга его, Миллера. Главнымъ мѣстомъ пребыванія за границею была для него Италія, и преимущественно Римъ. Кромѣ Рима, онъ провелъ достаточное время въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, и имѣлъ случай изучить примѣчательное въ другихъ классическихъ городахъ Италіи, какъ-то: во Флоренціи, Болоньи, Венеціи, Миланѣ, Генуѣ, Пармѣ и Перуджіи. Въ Римѣ онъ возобновилъ свои занятія классическою филологіею и изучалъ писателей Греціи и Рима. Къ этому присоединилъ Исторію Рима и его древностей, руководствуясь сочиненіями Нибби, Нардини, Нибура и Бунсена; изучалъ исторію древняго и новаго искусства, постоянно посѣщая Ватиканъ, храмъ Св. Петра, Капитолій и частныя галлереи Рима; здѣсь прочелъ Винкельмана съ комментаріями, Лаокоона Лессингова, и увидѣлъ, какъ безплодны одни эстетическія умозрѣнія отвлеченныхъ теоретиковъ Германіи. Въ Римѣ же изучилъ Италіянскій языкъ и, при руководствѣ опытнаго учителя Соци, читалъ съ комментаріями Данта, Петрарку, Боккаччіо, Аріоста, Тасса, соединяя съ исторіею Итальянской литературы исторію Италіи среднихъ вѣковъ. Здѣсь же занимался Англійскимъ языкомъ и Словесностію, преимущественно же чтеніемъ Шекспира, подъ руководствомъ весьма опытнаго Англичанина, Гамока, который особенно хорошо объ-

яснялъ творенія великаго поэта; выучился также Испанскому языку у Испанскаго каноника, Франческо Марина, издавшаго весьма хорошую Испанскую грамматику, и съ нимъ читалъ Сервантеса и Калдерона. Живучи въ домѣ Княгини З. А. Волконской для довершенія воспитанія ея сына, Шевыревъ имѣлъ здѣсь богатыя средства къ усовершенствованію вкуса въ искусствахъ образа и звука. Музыкальные вечера Княгини и участіе въ нихъ всѣхъ славныхъ артистовъ, посѣщавшихъ Римъ, давали ему средство познакомиться ближе со всѣмъ тѣмъ, что славнаго произвела музыка Италіи прежняго и новаго времени. Бесѣда самой Княгини и личное участіе въ ней Торвальдсена, Камуччини, Гораса Вернета, и славныхъ художниковъ Русскихъ: Бруни, Брюллова и другихъ, составляли живую эстетическую школу для Шевырева. Отличная Русская библіотека Княгини предлагала возможность ему продолжать занятія Русскою Словесностію. Здѣсь познакомился онъ короче съ языкомъ лѣтописей, Русскихъ пѣсенъ въ сборникѣ Кирши Данилова, и перечитавъ еще нѣсколько разъ Исторію Карамзина въ занятіяхъ съ сыномъ Княгини, имѣлъ средства образовать свой болѣе самостоятельный взглядъ на движеніе Русской Исторіи, имѣя особенно въ виду постоянный предметъ для сравненія въ исторіи запада и его главнаго центра, Рима.

Сосредоточенныя кабинетныя занятія двухъ съ половиною лѣтъ весьма благотворно отвлекали Шевырева отъ современной литературной дѣятельности и послужили ему приготовленіемъ къ другому поприщу. Во время пребыванія своего въ Италіи и въ Римѣ, Шевыревъ замышлялъ планы историческихъ драмъ и написалъ два дѣйствія трагедіи Ромулъ. Отдѣльныя статьи его о путевыхъ впечатлѣніяхъ Италіи и другихъ странъ, равно стихотворенія печатаны были въ Галатеѣ Раича, въ Московскомъ Вѣстникѣ, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ и Литературной газетѣ Дельвига, въ Денницѣ Максимовича, и наконецъ въ Телескопѣ, гдѣ помѣщены были *Планъ учрежденія скульптурной исторической галлереи* для Московскаго Университета, одобренный Торвальдсеномъ, и разсужденіе *О возможности ввести Италіянскую октаву въ Русское стихо-*

сложеніе, съ образчикомъ перевода 7-й пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.

Политическія событія Франціи 1830 года не позволили Шевыреву быть въ Парижѣ. Зиму съ 1831 года на 1832 онъ провелъ въ Женевѣ. По пути въ Женеву, въ Миланѣ, имѣлъ случай познакомиться съ славнымъ Итальянскимъ поэтомъ Манзони. Въ Женевѣ продолжалъ свои занятія Греческими трагиками, Шекспиромъ, Исторіею Италіи и Франціи, и посѣщалъ лекціи Профессоровъ Женевской академіи. Имѣлъ возможность лично познакомиться съ Росси и Декандолемъ. Лекціи Росси способомъ изложенія имѣли на него нѣкоторое вліяніе.

Въ концѣ Сентября 1832 года Шевыревъ возвратился въ Москву. С. С. Уваровъ, тогда уже Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ это самое время, по Высочайшему повелѣнію, обозрѣвалъ Московскій Университетъ и присутствовалъ на вступительной лекціи Всеобщей Исторіи Профессора Погодина. Узнавъ о томъ, что Шевырева видѣли на этой лекціи, Сергѣй Семеновичь выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ ему представленъ.

Еще во время пребыванія Шевырева за границею, Погодинъ, по смерти Мерзлякова, призывалъ его готовиться къ занятію каѳедры Русской Словесности. Но невозможность идти путемъ Университета и пріобрѣсти ученыя степени, встрѣченная Шевыревымъ при самомъ началѣ его служебнаго поприща, лишала его надежды на исполненіе подобной мысли. Не можетъ забыть онъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на него Университетъ при первомъ въ него вступленіи. Взглядъ на самое это зданіе, которое еще въ отроческія лѣта его внушало ему уваженіе; видъ цвѣтущаго, оживленнаго юношества, стремившагося въ аудиторіи; какое-то неясное предчувствіе и надежда связать свою участь съ судьбою этого великаго образовательнаго учрежденія въ Россіи: все это вмѣстѣ наполняло душу его трепетомъ какого-то сладкаго, неизъяснимаго восторга.

При первомъ личномъ свиданіи съ Шевыревымъ, С. С. Уваровъ предложилъ ему вступить въ Московскій Университетъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Русской Словесности. Такое пред-

ложеніе оживило всѣ надежды Шевырева и опредѣлило цѣль ихъ. Онъ не можетъ не вспомнить съ благодарностію, что И. И. Давыдовъ, занимавшій тогда каѳедру Русской Словесности, содѣйствовалъ исполненію этого предложенія.

Но Шевыревъ не имѣлъ никакой ученой степени, которая давала бы ему право на званіе Профессора. Въ Уставѣ Московскаго Университета, Высочайше утвержденномъ Ноября 5-го 1804 года, въ § 26, было сказано: «ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрятъ, что съ пользою Университета могутъ занять мѣсто Адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ Университету дозволяется.» На основаніи этой статьи Устава Шевыреву открыта была возможность вступить въ Университетъ.

Въ Словесномъ Отдѣленіи, 9-го Ноября 1832 г., состоялось такое опредѣленіе Членовъ онаго: «основываясь въ сужденіяхъ своихъ на § 26-мъ Университетскаго Устава, приняли въ уваженіе, напечатанное въ Телескопѣ, Разсужденіе Шевырева: о возможности ввести Италіянскую октаву въ Русское стихосложеніе, и признали оное сочиненіемъ, доказывающимъ ученое знаніе Италіянскаго и Отечественнаго языка; но для точнаго выполненія 26 параграфа Устава почитаютъ необходимо нужнымъ, чтобы Шевыревъ написалъ и представилъ диссертацію, имѣющую предметомъ основательное изслѣдованіе одного изъ ученыхъ предметовъ, коими онъ преимущественно занимался.»

Покоряясь этому опредѣленію Факультета, Шевыревъ въ первой половинѣ 1833 года написалъ Разсужденіе: *Дантъ и его вѣкъ,* которое одобрено было Профессорами и напечатано въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (№ V 1833 г.—№ XI 1834 г.) За тѣмъ задана была ему тема для пробной лекціи: *Изящныя искусства въ XVI вѣкѣ,* за пять дней до чтенія. Эта лекція была прочитана имъ въ Іюнѣ 1833 года въ засѣданіи Университетскаго Совѣта, одобрена единогласно и также напечатана въ Ученыхъ Запискахъ (№ IV).

Шевыревъ былъ избранъ Адъюнктомъ по Словесному Отдѣленію въ томъ же засѣданіи и утвержденъ въ этомъ званіи Министромъ, Сентября 27-го, сверхъ штата, безъ жалованья. Октября 30-го поручено было ему преподаваніе Исторіи Словесности Всеобщей.

Болѣзнь, продолжавшаяся три мѣсяца, воспрепятствовала Шевыреву немедленно начать лекціи. Онъ открылъ курсъ Исторіи Поэзіи, Января 15-го 1834 года. Двѣ вступительныя его лекціи: *Характеристика образованія и поэзіи главнѣйшихъ новыхъ народовъ Западной Европы*, напечатаны въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (1834. Сентябрь. № 3, 4 и 5). Въ этомъ же году напечатана въ Библіотекѣ для чтенія (Октябрь) его историческая статья: *Сикстъ V*, написанная въ 1833 году. Шевыревъ, въ послѣднемъ полугодіи, прочелъ Исторію Санскритской, Еврейской, Греческой поэзіи и заключилъ общимъ обозрѣніемъ Римской. Всѣ лекціи свои онъ писалъ. Лекціи объ Еврейской поэзіи напечатаны были въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нѣкоторыя лекціи о Греческой поэзіи, въ Ученыхъ Запискахъ. Въ 1836 году вышелъ первый томъ его *Исторіи Поэзіи*, въ которомъ напечатаны обѣ вступительныя лекціи и Исторія Поэзіи Санскритской и Еврейской. За поднесенный Его Императорскому Величеству экземпляръ этого сочиненія Всемилостивѣйшее награжденъ золотой табакеркой. Императорская Академія Наукъ присудила Шевыреву за эту книгу половинную Демидовскую премію.

Въ 1834 году Шевыревъ вступилъ въ супружество, которое было началомъ его семейнаго счастія.

Въ слѣдующемъ 183⁴⁄₅ академическомъ году Шевыревъ продолжалъ чтенія объ Исторіи Поэзіи, и прочелъ весьма подробно Исторію Поэзіи Римской и Исторію поэзіи среднихъ вѣковъ вплоть до Данта. Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій напечатаны были въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Ученыхъ Запискахъ.

Въ началѣ того же академическаго года Шевыреву поручено было преподаваніе Русской Словесности для Студентовъ 1-го курса всѣхъ 4-хъ факультетовъ. Онъ устроилъ это преподаваніе въ связи съ практическими занятіями Студентовъ, при-

веденными въ систематическій порядокъ, и для этой цѣли основалъ тогда для Студентовъ перваго курса Русскую Библіотеку, которая вмѣщала всѣ классическія произведенія Русской Словесности и всѣ изданія памятниковъ древнихъ и народныхъ, а впослѣдствіи вмѣстила въ себѣ и всѣ изданія Археографической Экспедиціи и Коммиссіи. Сами же Студенты, изъ которыхъ многіе принадлежали къ лучшимъ Московскимъ фамиліямъ, дали средства для основанія этой библіотеки. Черезъ нее всѣ памятники историческіе, обнародованые въ теченіи нынѣшняго царствованія, становились немедленно доступны юношеству Московскаго Университета, безпрерывно обращались въ рукахъ его и дѣлались предметомъ его классическаго изученія. Темы на сочиненія, заключавшія Академическій годъ, Профессоръ старался всегда связывать съ необходимостью изученія этихъ памятниковъ.

Чтеніе Студенческихъ трудовъ отнимало у Профессора много времени; но оно было необходимо по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобы изготовить будущихъ учителей, которые владѣли бы хорошо Русскимъ языкомъ и слогомъ, во вторыхъ, для того, чтобы развивать самодѣятельность ученаго занятія въ Студентахъ. Обѣ цѣли были счастливо достигнуты.

На тотъ же 183$\frac{3}{4}$ Академическій годъ Шевыревъ былъ назначенъ Членомъ Комитета Редакціи Ученыхъ Записокъ; за участіе въ ихъ изданіи ему объявлено Высочайшее благоволеніе, а за ревностное и успѣшное исполненіе имъ этой обязанности совершенная благодарность Начальства. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ Шевыреву двукратно благодарность, въ 1835 и 1836 году, за дѣятельное участіе и труды въ изданіи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Съ Сентября 4-го 1834 года Шевыревъ правилъ должность Секретаря Словеснаго Отдѣленія: Въ 1834 году онъ былъ избранъ Секретаремъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и исправлялъ эту обязанность въ теченіи трехъ лѣтъ.

Съ начала 1835 года онъ былъ уже включенъ Адъюнктомъ въ штатъ Московскаго Университета.

Въ 1835 году предпринято было нѣкоторыми Московскими литераторами изданіе Журнала: *Московскій Наблюдатель*, подъ

редакціею В. П. Андросова. Шевыревъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи этого журнала, особенно въ критическомъ его отдѣлѣ. Въ статьяхъ: *Словесность и Торговля*, *Современная Критика и Баронъ Брамбеусъ* и другихъ, онъ выразилъ искренно свое мнѣніе о томъ направленіи, которое въ то время Библіотека для чтенія давала Русской литературѣ, и тѣмъ навлекъ на себя вражду этого журнала.

Въ первомъ полугодіи 183⁵⁄₆ Академическаго года Шевыревъ продолжалъ чтенія объ Исторіи Поэзіи для высшихъ курсовъ Словеснаго Факультета и занятія съ первымъ курсомъ на всѣхъ четырехъ факультетахъ. Тогда прочелъ онъ Исторію Поэзіи Италіянской и представилъ подробныя характеристики Данта, Петрарки, Боккаччіо. Въ это время онъ началъ уже переходить отъ лекціи, заранѣе написанной, къ конспекту, излагающему подробное содержаніе лекціи.

Введеніе новаго Устава въ началѣ 1836 года потребовало нѣкоторыхъ измѣненій въ преподаваніи. Во второмъ полугодіи Шевыревъ читалъ въ первый разъ для Студентовъ 1-го курса Исторію Русскаго языка и слога по памятникамъ, и положивъ въ основу сравнительное изученіе Грамматики языковъ Славяноцерковнаго и Русскаго, представилъ на этомъ основаніи изученіе языка и слога Славянской Библіи, Несторовой Лѣтописи, Слова о полку Игоревѣ и Слова о Мамаевомъ побоищѣ, Древнихъ Русскихъ Стихотвореній въ Сборникѣ Кирши Данилова.

Въ 183⁶⁄₇ Академическомъ году, по предложенію своего Профессора, Адъюнктъ Шевыревъ читалъ, кромѣ занятій съ первымъ курсомъ, Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Чтобы положить настоящія основанія для этой науки, онъ призналъ за нужное пройти критически всю ея исторію и представить основательное изученіе всѣхъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій по этой наукѣ.

Между тѣмъ вновь введенный Высочайшій Уставъ требованіемъ, чтобы каждый Профессоръ имѣлъ непремѣнно ученую степень, лишалъ Шевырева возможности получить званіе Профессора, потому что онъ не имѣлъ никакой степени, совершивъ свое образованіе въ такомъ училищѣ, которое степеней не давало. До введенія Устава онъ былъ выбранъ еди-

ногласно членами Совѣта въ Ординарные Профессоры; но не смотря на неоднократныя представленія Г. Попечителя, не могъ быть утвержденъ въ этомъ званіи Г. Министромъ, потому что сила новаго Устава уже начинала дѣйствовать.

Такъ какъ многіе изъ Адъюнктовъ во всѣхъ Университетахъ Россіи находились въ подобномъ положеніи, то принято было общею мѣрою требовать отъ нихъ, чтобы они въ теченіи года представили диссертаціи на степень Доктора и явились бы на ученое состязаніе. Въ слѣдствіе этого Шевыревъ представилъ въ Факультетъ сочиненіе: *Теорія Поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ.* Оно было одобрено и напечатано. Въ Январѣ 1837 года онъ защищалъ положенія своей диссертаціи; 7-го Марта утвержденъ Докторомъ Философіи и Маія 26-го Экстраординарнымъ Профессоромъ. За поднесенный Его Императорскому Величеству экземпляръ его книги объявлено Шевыреву Монаршее благоволеніе, Марта 27-го 1837 года. Въ томъ же году, Іюля 29-го, на основаніи 56-й ст. Устава, Г. Попечитель назначилъ его для практическихъ упражненій въ Русской Словесности Студентовъ Педагогическаго Института.

Въ $183\frac{7}{8}$ Академическомъ году И. И. Давыдовъ раздѣлилъ съ своимъ младшимъ товарищемъ преподаваніе такимъ образомъ, что предоставилъ себѣ Теорію Словесности, а Шевыреву Исторію, кромѣ занятій со Студентами 1-го курса. Въ 1-мъ полугодіи Шевыревъ прочелъ Исторію всеобщей Поэзіи и въ ней особенно Исторію поэзіи Греческой, а въ сей послѣдней предложилъ подробное изученіе Гомерова эпоса. Во второмъ полугодіи въ первый разъ преподавалъ онъ Исторію Русской Словесности и тогда по памятникамъ съ особенною точностію разработалъ все время отъ начала Россіи до нашествія Татаръ, прочее же прошелъ въ общемъ обозрѣніи. Вступительная его лекція въ Исторію Русской Словесности была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Со Студентами, кончавшими курсъ и посвящавшими себя предмету Русской Словесности, онъ занимался спеціально этимъ предметомъ. Тогда Студентъ Самаринъ (Ю. Ѳ.) представилъ ему прекрасное критическое разсужденіе о Державинѣ, Студентъ Буслаевъ (Ѳ. И.) сравнительное изученіе Русскихъ грамматикъ.

Преподаваніе безпрерывно новыхъ предметовъ въ теченіи четырехъ лѣтъ съ половиною подѣйствовало на силы Профессора. Ему необходимо было и возстановить свои силы отдыхомъ и умножить запасъ своихъ средствъ для продолженія своего ученаго поприща.

Съ Высочайшаго разрѣшенія Шевыревъ провелъ за границею два Академическихъ года. Ученою цѣлью его пребыванія поставлено ему было усовершенствованіе въ древней филологіи и Исторіи изящныхъ искусствъ. Онъ снова возобновилъ эти занятія въ Италіи, преимущественно въ Римѣ, гдѣ посѣщалъ лекціи Археологическаго Института. Кромѣ Италіи онъ провелъ нѣсколько времени въ Германіи, гдѣ слушалъ лекціи Профессоровъ Берлинскаго и Мюнхенскаго Университетовъ, въ Парижѣ, гдѣ также познакомился съ преподаваніемъ Профессоровъ Сорбоны, въ Лондонѣ.

Во время пребыванія Шевырева за границею возложено было на него порученіе отъ Правительства, продлившее на цѣлый годъ срокъ его пребыванія. По смерти Барона Молля, который по условію обязался Московскому Университету доставить 30,000 томовъ разныхъ сочиненій и получалъ въ теченіи 20-ти лѣтъ пожизненную пенсію, осталась библіотека, содержавшая болѣе 30,000 томовъ, а претензія Московскаго Университета по обязательству Молля была еще неудовлетворена. Шевыреву поручено было отъ Министерства сдѣлать выборъ изъ библіотеки Молля тѣхъ книгъ, которыя могли бы быть полезны для Университета. Библіотека Молля лишена была каталога. Кромѣ того чиновники Королевской Мюнхенской Библіотеки, выбиравшіе для оной съ дозволенія Русскаго посольства 1500 томовъ по завѣщанію Молля такихъ сочиненій, какихъ въ Королевской библіотекѣ не было, привели все книгохранилище Молля въ такой безпорядокъ, что не было ни одного многотомнаго сочиненія, которое не было бы разрознено по разнымъ полкамъ. Хотя ученые Мюнхена и отвлекали Шевырева отъ такого труда, подъ предлогомъ, что онъ не вознаградится полезными книгами; но онъ возражалъ на то слѣдующею посылкою: если Королевская Мюнхенская Библіотека, имѣющая до милліона томовъ, могла въ библіотекѣ Молля отыскать для себя 1500 такихъ,

которыхъ у нея въ каталогѣ не было; то какъ же Библіотекѣ Московскаго Университета, имѣвшей тогда едвали 60,000 томовъ, не найти въ ней книгъ, для нея необходимыхъ? Къ тому же и при первомъ взглядѣ на библіотеку, не смотря на безпорядокъ, можно было видѣть, что она изобильна драгоцѣнными для наукъ пособіями.

Четыре мѣсяца провелъ Шевыревъ въ уединенномъ мѣстечкѣ Дахау, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Мюнхена, и каждый день, съ 8-ми часовъ утра до захожденія солнца, работалъ ежедневно въ замкѣ Барона Молля, гдѣ хранилась его библіотека. Надобно было окончить работу до наступленія холодной осени, потому что зáмокъ топить было не льзя. Въ это время посѣтилъ Шевырева середи занятій бывшій тогда Попечитель Университета Графъ С. Г. Строгоновъ. По мѣрѣ того какъ выбирались книги, составлялся имъ каталогъ: копія съ него на тонкой почтовой бумагѣ отправлялась еженедѣльно къ Г. Помощнику Попечителя въ Москву для сообщенія Г. Библіотекарю, который могъ по этому каталогу означать тѣ книги, какихъ мы не имѣли. Окончивъ дѣло ученое, надобно было еще устроить дѣло тяжебное судебнымъ порядкомъ съ наслѣдникомъ Барона Молля, который находился тогда въ Вѣнѣ. Не развязавши этого дѣла въ судѣ, можно было Университету потерять право на свою претензію. За всѣми этими проволочками Шевыревъ могъ только въ первыхъ мѣсяцахъ 1840 года получить книги, въ числѣ 5000 томовъ слишкомъ, велѣть уложить ихъ при себѣ и отправить въ Москву.

Одинъ изъ важныхъ предметовъ учебныхъ, привлекавшихъ Профессора во время пребыванія его за границею, была Педагогика. Съ этою цѣлію онъ посѣщалъ низшія и среднія учебныя заведенія въ Веймарѣ, въ Гагѣ, въ Лозаннѣ, въ Парижѣ, въ Мюнхенѣ. Отчеты его въ этомъ отношеніи были отправляемы къ Г. Попечителю Университета и напечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1838 года. Статьи о современномъ состояніи Археологіи въ Римѣ появились тамъ-же. Путевыя впечатлѣнія его передавались въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Отечественныхъ Запискахъ первыхъ двухъ лѣтъ изданія. Во время пребыванія своего въ

Римѣ Профессоръ изучалъ Славянскія рукописи Ватиканской библіотеки: статьи его объ этомъ предметѣ напечатаны также въ Журналѣ М. Н. П. Находясь въ Мюнхенѣ и изучая тамъ кодексы Византійской хроники Георгія Амартола, Шевыревъ составилъ проэктъ изданія оной и нашелъ для того ученаго издателя, извѣстнаго въ филологіи хорошимъ изданіемъ Синезія: этотъ проэктъ былъ отправленъ въ Московское Общество Исторіи и древностей Россійскихъ, но, по недостатку средствъ къ изданію, остался безъ исполненія.

Будучи въ Мюнхенѣ, Шевыревъ напечаталъ въ Аусбургской газетѣ статью: *о введеніи Русскаго языка въ училища Остзейскихъ губерній*, и написалъ письмо къ извѣстному Нѣмецкому философу Баадеру противъ нелѣпыхъ мнѣній, господствующихъ между западными учеными касательно Русской Церкви. Баадеръ напечаталъ это письмо при своей книжкѣ объ Восточной и Западной церкви* подъ заглавіемъ: Extrait d'une lettre de M. le docteur et professeur Etienne de Chévireff, de Moscou, à l'auteur, en date du 22 Février 1840. Это письмо вызвало Шевыреву нѣкоторыя сочувствія, на примѣръ въ Голландіи отъ Профессора Богословія, въ Лейденскомъ Университетѣ, и вражду отъ поборниковъ Римскаго католицизма, сильно выразившуюся въ полемическомъ противъ Россіи сочиненіи, приписываемомъ Профессору Римской пропаганды Тейнору.

Францъ фонъ Баадеръ, извѣстный Христіанскій философъ Германіи, уважаемый Шеллингомъ и Гегелемъ, занимаетъ первое мѣсто въ числѣ тѣхъ ученыхъ знакомствъ, какія Шевыревъ имѣлъ счастіе сдѣлать во второе пребываніе свое за границею. Ежедневныя бесѣды Баадера съ нимъ въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ принадлежатъ къ тѣмъ плодотворнымъ занятіямъ, которыя оставляютъ слѣды на цѣлую жизнь. Отчетъ въ этихъ бесѣдахъ онъ отдалъ въ особой статьѣ, которая напечатана въ Москвитянинѣ 1841 года.

Къ числу поучительныхъ знакомствъ, которыя Шевыревъ

---

* Эта книжка была переведена по Французски и вышла подъ заглавіемъ: Le Catholicisme d'Orient et d'Occident, par François de Baader, traduit par Frédéric de Rougemont.

имѣлъ счастіе пріобрѣсти во время вторичнаго пребыванія за границею, принадлежатъ слѣдующія знаменитыя лица: въ Римѣ Кардиналъ Мецзофанти, Антикварій Нибби, съ которымъ онъ возобновилъ знакомство, Марки, знатокъ Римской нумизматики, Маази, Латинскій скрипторъ Ватиканской библіотеки; во Флоренціи Чіампи, славный филологъ и археологъ; въ Парижѣ Профессоръ Литературы Амперъ, Станиславъ Жульенъ, синологъ, Эйхгофъ авторъ сочиненія Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde, Шницлеръ статистикъ; Литераторы: Бальзакъ, Алфредъ де Виньи, Барбье; въ Берлинѣ: Фарнгагенъ фонъ Энсе, Профессоръ Гансъ, филологъ Бекъ; въ Мюнхенѣ: Шеллингъ, Тиршъ, Марціусъ, изъ художниковъ живописецъ Каульбахъ; въ Стразбургѣ: Профессоръ философіи Ботѐнь и Профессоръ Педагогики Фрицъ; въ Геттингенѣ: Отфридъ Миллеръ; въ Гейдельбергѣ: Крейцеръ и Шлоссеръ; въ Прагѣ: Шаффарикъ, Юнгманъ, Ганка, Палацкій и Челаковскій.

По возвращеніи своемъ въ Россію, Шевыревъ былъ утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ, 1840 года Сентября 27-го, и произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники 1841 года Февраля 28-го дня, со старшинствомъ съ 1840 г. Марта 26-го, за исключеніемъ изъ сего 5-ти мѣсяцевъ и 29 дней, проведенныхъ за границею. Въ 1841 году, Октября 19-го дня, Высочайше утвержденъ Адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Въ 1842 году Декабря 13 Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й степени.

По желанію старшаго Профессора Русской Словесности, И. И. Давыдова, Шевыревъ продолжалъ въ Университетѣ историческую часть преподаванія Словесности общей и Русской. Кромѣ того, для Студентовъ 1-го курса Историко-Филологическаго (тогда перваго Отдѣленія Философскаго) и Юридическаго Факультетовъ излагалъ Введеніе въ словесныя науки, Риторику въ связи съ практическими ихъ занятіями по прежней методѣ, и Исторію Русскаго языка и слога по памятникамъ.

Для Студентовъ же высшихъ курсовъ въ своемъ факультетѣ онъ читалъ поочередно, въ одномъ году Исторію Русской Сло-

весности, въ другомъ Исторію всеобщей Поэзіи, сосредоточивая обширность предмета въ изученіи трехъ главныхъ поэтовъ Европы: Гомера, Данте и Шекспира, какъ представителей трехъ родовъ Поэзіи: эпоса, лиры и драмы. Исторію Русской Словесности продолжалъ онъ разработывать болѣе и болѣе по источникамъ, особенно же древній періодъ, который прежде оставался въ неизвѣстности.

Въ 1842 году читалъ рѣчь на публичномъ актѣ: *Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ Государственному.*

Съ 1841 года началъ издаваться въ Москвѣ журналъ: Москвитянинъ, подъ редакціею М. П. Погодина. Шевыревъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе, особенно въ 1841, 1842 и 1843 годахъ, завѣдывая преимущественно критикою литературныхъ произведеній. Въ 1844 году, увлеченный другими занятіями по предмету Исторіи Русской Словесности, помѣстилъ въ немъ пять чтеній, входящихъ во Введеніе въ Исторію Русской Словесности. Мнѣнія, открыто выраженныя Шевыревымъ въ противность Отечественнымъ Запискамъ, пріобрѣли ему постоянную вражду этого изданія.

Въ 184$\frac{4}{5}$ Академическомъ году Шевыревъ читалъ публичный курсъ, состоявшій изъ 33-хъ лекцій: *объ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней.* Этотъ курсъ заслужилъ особенное вниманіе Московской публики. Въ концѣ 1845 года Шевыревъ издалъ первый выпускъ этихъ чтеній, а въ 1846 году вторый: оба они объемлютъ Русскую Литературу до нашествія Татаръ. За поднесенный Его Императорскому Величеству первый выпускъ имѣлъ счастіе получить Высочайшее благоволеніе; за поднесеніе Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику втораго выпуска награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ съ вензелемъ Его Высочества. Въ 1846 г., Дек. 18-го, произведенъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1844-го г. Март. 26-го. Въ 1846 году Ноября 13-го, въ воздаяніе отлично-усердной службы и ученыхъ трудовъ по части отечественной Словесности Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ 1847 году утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Академика.

Въ 184$\frac{6}{7}$ Академическомъ году читалъ другой публичный

курсъ, состоявшій изъ 29 лекцій: *Объ Исторіи всеобщей Поэзіи*. Лекціи изъ этого курса были помѣщены въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ и въ Москвитянинѣ 1847 года.

Въ 1847 году совершилъ поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, осматривалъ тамошнюю библіотеку и нашелъ въ ней нѣсколько драгоцѣнныхъ неизвѣстныхъ дотолѣ памятниковъ. Описаніе этой поѣздки, съ приложеніемъ 25 литографированныхъ рисунковъ, вышло въ началѣ 1850 года. Государь Императоръ удостоилъ благосклоннаго принятія поднесенный Его Императорскому Величеству экземпляръ сего сочиненія; Государыня Императрица изволила пожаловать Автору драгоцѣнный бриліантовый перстень, а Государь Наслѣдникъ Цесаревичь и Великій Князь Константинъ Николаевичь изъявили автору благодарность Ихъ Высочествъ.

Съ 1847 года, по выбытіи изъ Московскаго Университета Заслуженнаго Профессора И. И. Давыдова, Шевыревъ остался старшимъ Профессоромъ Русской Словесности.

Къ исторической части преподаванія онъ присоединилъ и теоретическую часть Словесности. Съ тѣхъ поръ онъ началъ дѣлить занятія съ Адъюнктомъ своимъ, а теперь И. д. Э. О. П. Ѳ. И. Буслаевымъ, который, по желанію Шевырева, принялъ на себя преподаваніе Исторической и Сравнительной Русской Грамматики для Студентовъ 2-го и 3-го курсовъ Историко-Филологическаго Факультета.

Въ томъ же 1847 году, Января 30-го, былъ утвержденъ Деканомъ бывшаго 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета, нынѣ Историко-филологическаго, на остальное, недослуженное Профессоромъ И. И. Давыдовымъ время; Іюня же 12-го по избранію утвержденъ Деканомъ того же Факультета на 4 года.

Въ 1848 году Августа 22-го, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ томъ же году Октября 25-го, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу и особые труды Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени.

Въ томъ же году Августа 23-го, избранъ Докторомъ Императорскаго Королевскаго Пражскаго Университета, праздновавшаго пятисотлѣтіе своего существованія.

Въ 1848 году принималъ вновь дѣятельное участіе въ изданіи Москвитянина, завѣдывая преимущественно критикою.

Въ теченіи 1849 и 1850 годовъ, по обязанности Декана, былъ много занятъ изданіемъ факультетскихъ диссертацій, писанныхъ на степени Доктора и Магистра, особенно членами Факультета.

При введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденной Инструкціи Ректору Университета и Деканамъ Факультета избранъ вновь и утвержденъ Г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія въ званіи Декана Историко-Филологическаго Факультета, до окончанія срока, на который утвержденъ по избранію въ званіе Декана бывшимъ Министромъ. Въ 1850 г. Августа 20-го объявлена ему Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ числѣ прочихъ благодарность за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ. Въ томъ же году Сент. 4-го имѣлъ счастіе прочесть изъ Исторіи Русской Словесности лекцію объ Исторіи Русскихъ книгохранилищъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, и заслужить личное изъявленіе благодарности Августѣйшихъ Посѣтителей Университета.

Въ 1851 году устроилъ публичный курсъ, читанный Профессорами: Гейманомъ, Рулье, Соловьевымъ, Грановскимъ и Шевыревымъ. Сборъ за билеты на этотъ курсъ, простиравшійся до 2300 слишкомъ рублей, былъ употребленъ въ пользу нуждающихся Студентовъ. Эти лекціи въ числѣ 18-ти, записанныя Студентами и пересмотрѣнныя Профессорами, вышли въ началѣ 1852 года особою книгою. Предметомъ четырехъ чтеній Шевырева былъ: *Очеркъ Исторіи Италіянской Живописи, сосредоточенный въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ.*

Въ 1851 году былъ представленъ Г. Попечителемъ и Іюля 10-го утвержденъ Г. Министромъ въ званіи Декана Историко-Филологическаго факультета на слѣдующее четырехлѣтіе.

Въ этомъ же году, по предложенію Г. Попечителя, Генералъ-Адъютанта В. И. Назимова, поручена была Г. Министромъ Шевыреву, Января 10-го, каѳедра Педагогіи. Онъ представилъ программу лекцій и практическихъ занятій съ Студентами, и, по утвержденіи оной Г. Попечителемъ, открылъ

курсъ чтеній. *Вступленіе въ Педагогію* и лекція *о цѣли воспитанія* были напечатаны въ первыхъ книжкахъ Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія 1852 г. Классическія бесѣды Студентовъ Историко-Филологическаго Факультета устроены были Проф. Шевыревымъ, по званію его въ то время какъ Профессора Педагогическаго Института, съ одобренія Г. Попечителя, еще въ 18$\frac{49}{50}$ Академическомъ году. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, почтилъ своимъ присутствіемъ одну изъ такихъ бесѣдъ и выразилъ свою благодарность Профессору и Студентамъ. Къ этимъ бесѣдамъ, съ разрѣшенія Г. Министра, позднѣе присоединились еще примѣрныя педагогическія упражненія Студентовъ съ учениками, приходящими изъ Уѣздныхъ Училищъ.

Въ 1851 году, Декабря 28-го, за отлично-усердную службу и особые труды Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Анны второй степени, Императорскою короною украшеннымъ.

Въ 1852 году, Высочайшею волею Государя Императора, по положенію Комитета Гг. Министровъ, основанному на представленіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, удостоенъ полнаго оклада жалованья по каѳедрѣ Педагогіи.

Въ 1844 году въ Январѣ мѣсяцѣ открыто было Московское художественное Общество. Съ самаго начала его открытія Шевыревъ былъ избранъ въ Члены Совѣта сего Общества — и съ той поры четырекратно избираемъ въ это званіе. Въ Училищѣ Живописи и Ваянія онъ завѣдывалъ наблюденіемъ за художественною частію—и ежегодно составлялъ отчеты по этой части, читанные въ торжественныхъ засѣданіяхъ Общества.

Въ теченіи Университетскаго своего поприща получалъ дипломы на званіе Члена заграничныхъ Обществъ: Художественнаго въ Аѳинахъ, Сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Филологическаго въ Аграмѣ.

Въ Декабрѣ 1852 года былъ избранъ, и Высочайше утвержденъ въ званіи Ординарнаго Академика Императорской Академіи Наукъ.

Въ 1853 году Января 12-го читалъ на публичномъ актѣ

Московскаго Университета рѣчь: *О значеніи Жуковскаго въ Русской жизни и поэзіи.*

Въ 1852, 53 и 54 годахъ собиралъ матеріалы для Исторіи Императорскаго Московскаго Университета, Біографическаго Словаря Профессоровъ его и Біографической Лѣтописи его питомцевъ, и трудился частію надъ сочиненіемъ, частію надъ изданіемъ сихъ книгъ къ столѣтнему юбилею Университета. Эти срочные труды отвлекли его отъ продолженія Исторіи Русской Словесности, труда, которому намѣренъ онъ посвятить первые досуги жизни по окончаніи Университетскаго праздника.

ШЕСТАКОВЪ, Сергѣй Дмитріевичь, Адъюнктъ Латинскаго языка, Магистръ Римской Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, изъ духовнаго званія, родился въ Калужской Губерніи, 7-го Сентября 1820 года; первоначальное воспитаніе получилъ въ Тверской Гимназіи, откуда въ 1836 году поступилъ въ Московскій Университетъ на казенной счетъ. — По окончаніи курса въ Университетѣ, по Историко-Филологическому Факультету, со степенью Кандидата, въ 1840 году, вступилъ въ службу Старшимъ Учителемъ Латинскаго языка въ Калужскую Гимназію 1840 года, Сентября 13; потомъ, по распоряженію Начальства, перемѣщенъ въ 3-ю Московскую Гимназію Учителемъ того же языка въ 1843 году, Іюня 16-го. По его прошенію, и съ разрѣшенія Г-на Попечителя Московскаго Учебнаго округа, перемѣщенъ въ бывшій Московскій Дворянскій Институтъ Учителемъ Латинскаго языка 1845 г., Августа 21; г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго округа утвержденъ членомъ Совѣта того Института 10-го Декабря 1846 года. По испытаніи въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ Моск. Универс. и послѣ публичнаго защищенія написанной имъ диссертаціи: «De Etymologia poëtarum comicorum Romanorum quaestiones», утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ степени Магистра Римской Словесности въ 1848 году, 25-го Ноября. — За упраздненіемъ по Высочайшему повелѣнію Дворянскаго Института, остался за штатомъ 1849 г. Іюля 1-го; по распоряженію Начальства опредѣленъ Учителемъ Греческаго языка въ 4 Гимназію, 1-го Сентября того

же года. По избранію Совѣта Университета Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ званіи Адъюнкта Университета, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ—1850 г. Ноября 3-го. По избранію Историко-Филологическаго факультета утвержденъ Секретаремъ онаго 1851 г. Іюня 9-го. Уволенъ, по прошенію, отъ должности Учителя Греческаго языка при 4-й Гимназіи, 1851 года Августа 31-го числа. Произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники съ 1852 года Ноября 13-го дня. Кромѣ вышеозначенной диссертаціи издалъ нѣсколько статей и переводовъ съ древнихъ языковъ, изъ которыхъ помѣщены въ Современникѣ: Комедія Плавта, *Стихъ*, въ Пропилеяхъ: Комедія же Плавта *Хвастливый Воинъ* и Трагедія Софокла: *Эдипъ Царь*, и въ Отечественныхъ Запискахъ Трагедія Софокла: *Антигона*.

ШИХОВСКІЙ, Иванъ Осиповичь, Докторъ Медицины и Философіи, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Орд. Св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною, Ординарный Профессоръ Ботаники при С. Петербургскомъ Университетѣ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, Членъ ученыхъ Обществъ: Русскаго Общества Любителей Садоводства, Московскаго Общества Естествоиспытателей, Баварскаго Регенсбургскаго-Ботаническаго, Членъ-Корреспондентъ ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, Дѣйствительный Членъ Вольнаго Экономическаго Общества, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Русскаго Географическаго, Эстляндскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Рижскаго Испытателей Природы, родился въ Рязани и получилъ первое образованіе въ тамошней Гимназіи, потомъ въ Медицинскомъ Институтѣ Московскаго Университета, гдѣ и получалъ постепенно званія: Лѣкаря 1-й степени, Акушера и Доктора Медицины. — Трудолюбіе, познанія и точность въ исполненіи своихъ обязанностей, обратили на него вниманіе Начальства Московскаго Университета, которое назначило его Помощникомъ Инспектора казенныхъ Студентовъ.

Являются иногда въ нашъ міръ люди, которыхъ память остается благословенною на долгія времена. — Та-

ковъ былъ Ординарный Академикъ С.Петербургской Академіи Наукъ *Парротъ*. Проникнутый убѣжденіемъ, что Университеты суть истинные разсадники просвѣщенія, органы развитія ума, и что таковыми они становятся вполнѣ только тогда, когда преподаватели ихъ говорятъ къ юношамъ на ихъ чистомъ, природномъ языкѣ, понятномъ во всѣхъ изгибахъ и оттѣнкахъ, и для ума и для сердца, Академикъ Парротъ повергнулъ на благоусмотрѣніе въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра проэктъ, объ образованіи для Русскихъ Университетовъ природно-Русскихъ Преподавателей. По Высочайшему повелѣнію, посланы были въ Дерптскій Университетъ 17 молодыхъ людей изъ всѣхъ Университетовъ, составившіе Профессорскій Институтъ. — Въ числѣ ихъ былъ и Иванъ Осиповичъ Шиховскій, посвятившій себя исключительно занятію Ботаникою, подъ руководствомъ извѣстнаго Профессора Ледебура.

Получивъ степень Доктора Философіи, Шиховскій въ 1833 году отправился за границу на 2 года, для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ Ботаникѣ и по возвращеніи изъ путешествія, преподавалъ Ботанику сначала въ Московскомъ Университетѣ, во второй половинѣ 1835 года, по руководствамъ: Альфонса Декандоля, Линдлея, Максимовича, потомъ въ Московской Медико-хирургической Академіи, и въ 1840 году поручена ему каѳедра Ботаники въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

И. О. Шиховскій, какъ ученый, отличался всегда необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Такъ еще въ 1827 году онъ перевелъ съ Нѣмецкаго и издалъ: *Руководство къ практической Анатоміи*. — 1837 г. издалъ переводъ *Ботаники Декандоля*. 1845 г. издалъ переводъ *Теоріи Садоводства Линдлея*.—1847 г. на актѣ годичнаго собранія С. Петербургскаго Университета напечаталъ: *Воспоминанія о Линнеѣ*. — 1853 г. напечаталъ, по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, *Курсъ Ботаники для Гимназій*.

И. О. Шиховскій неутомимо и постоянно собиралъ растенія окрестностей С. Петербурга, острова Эзеля и съ тою же цѣлію путешествовалъ по Финляндіи и Швеціи. Описательная Ботаника была любимымъ предметомъ его занятій, и въ этой

части науки познанія его были обширны. Гербарій его, конечно, содержитъ много любопытныхъ растеній.

Лѣтомъ 1854 года, возвратившись изъ экскурсіи своей въ Императорскій Ботаническій Садъ, И. О. постигнутъ былъ холерою, отъ которой скончался въ слѣдующій день, 14-го Іюля. — Какъ Профессору, ему принадлежитъ честь образованія многихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ иные занимаютъ мѣсто Учителей, а другіе каѳедры Профессоровъ Ботаники.

Шлецеръ, Христіанъ Августовичь, Политической Экономіи и Дипломатики Профессоръ П. Ординарный, Докторъ обоихъ правъ, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 2-го класса Кавалеръ, сынъ знаменитаго въ области Статистики и Исторіи Геттингенскаго Профессора Августа Шлецера, былъ первымъ преподавателемъ Политической Экономіи въ Московскомъ Университетѣ. Университетское образованіе и ученую степень Доктора онъ получилъ за границею. Въ 1800 году онъ приглашенъ былъ «вѣроятно болѣе по уваженію имени, нежели по личному» его «достоинству», какъ онъ самъ выразился въ предисловіи къ своему курсу Политической Экономіи въ 1821 г., въ Дерптскій Университетъ Профессоромъ Естественнаго права. Въ слѣдующемъ же году (1801 г. Ноября 4) приглашенъ въ Московскій Университетъ, куда и перешелъ въ званіи Ординарнаго Профессора Естественнаго права и Политики. Въ этомъ званіи онъ преподавалъ Политическую Экономію и по порученію тогдашняго Попечителя Университета, просвѣщеннаго М. Н. Муравьева, напечаталъ въ 1805 г. «первое въ Россіи сочиненіе, дающее понятіе о Государственномъ Хозяйствѣ» (слова Гр. Н. П. Румянцева). Сочиненіе это носитъ заглавіе: «*Начальныя основанія Государственнаго Хозяйства.*» Оно появилось и на Нѣмецкомъ языкѣ въ Ригѣ подъ заглавіемъ: Anfangsgründe der Staatswirthschaft oder die Lehre von dem Nationalreichthume. 1805—7. II B. gr. 8. и тамъ же на Французскомъ подъ заглавіемъ: Principes de l'Economie Politique, II t. Riga. Для того, чтобы вѣрно оцѣнить этотъ трудъ, нужно припомнить, что въ то время систематическое изложеніе началъ Политической Экономіи почти не существовало. Сочиненіе нашего Профессора было принято бла-

госклонно тогдашнею критикой * и долго оставалось руководствомъ при преподаванiи даже въ Германскихъ Университетахъ (Вирцбургскомъ и Ландсгутскомъ). Въ изложенiи и основныхъ началахъ Шлецеръ строго держался ученiя знаменитаго Адама Смита. Какъ руководство для преподаванiя изустнаго, это сочиненiе Шлецера во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманiя въ нашей Литературѣ. Сухость изложенiя и сжатая форма гораздо болѣе вредили его распространенiю и успѣху, нежели нѣкоторыя неважныя ошибки и недостатки въ распорядкѣ предмета. Все сочиненiе его раздѣляется на двѣ части; 1-ая заключаетъ въ себѣ народное хозяйство, или науку о народномъ богатствѣ, къ которой въ родѣ введенiя приложена общая часть, о политическихъ наукахъ вообще и мѣстѣ, занимаемомъ въ нихъ Политической Экономiей; II-ая часть разсуждаетъ о Государственномъ Хозяйствѣ, то-есть о Государственномъ богатствѣ и Финансахъ. Основанiемъ этого дѣленiя ему служило дѣленiе политическихъ наукъ, предложенное его отцемъ. Одну вторую часть своего изложенiя онъ называетъ Политической Экономiей; первая же составляетъ у него только метаполитическую часть, или обширное введенiе, въ которомъ онъ разсуждаетъ о богатствѣ вообще и его фазахъ, какъ они представляются безъ влiянiя законодательства, слѣдовательно—по его понятiю—Политическая Экономiя есть наука чисто практическая. Она, у него, изъясняетъ многоразличныя средства, въ распоряженiи верховной власти состоящiя, которыя служатъ къ умноженiю Государственнаго богатства и къ полученiю отъ того возможной пользы. Изложенiе его совершенно согласно съ этимъ взглядомъ на сущность науки. Въ первой части онъ говоритъ объ имуществѣ и богатствѣ, происхожденiи перваго, мѣнѣ, займѣ, деньгахъ, цѣнѣ, издержкахъ производства, кредитѣ и кредитныхъ бумагахъ. Во второй—о различныхъ правительственныхъ мѣрахъ а) касательно народонаселенiя, б) касательно промышленности земледѣльческой, ремесленной, торговой. Сюда же онъ относитъ и такъ назыв. имъ политику финансовъ, гдѣ онъ излагаетъ правила взиманiя разныхъ налоговъ и госуд. кредита.

* Neue Leipz. Litter. Zeit. 1807. и 1808. Hall. Allg. Liter. Zeit. 1807.

Сочиненіе это вышло вторымъ изданіемъ въ 1821 году: ясное доказательство, что въ теченіе двадцати лѣтъ Профессоръ мало сдѣлалъ перемѣнъ въ своемъ преподаваніи. Въ 18$\frac{15}{16}$ году Шлёцеръ читалъ, кромѣ Политической Экономіи, еще Общія понятія о Народномъ правѣ; въ 182$\frac{0}{1}$ г. Права Естественное, Народное и Публичное; въ 182$\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, Дипломатику. Университетскую каѳедру въ Москвѣ онъ занималъ до 1826 года включительно. Въ теченіе этого времени онъ былъ Членомъ Училищнаго Комитета (съ 1816 г.). Кромѣ упомянутаго сочиненія, Хр. Шлецеръ издалъ: 1) Commentatio de jure suffragii in societate aequali. Gott. 1795. 4.—2) Discours pour préparer les jeunes gens à l'histoire générale. M. 1801. 8. — 3) Слово о томъ, что справедливый и мудрый Государь самъ никогда не судитъ дѣлъ своихъ подданныхъ, но всегда препоручаетъ сужденіе ихъ, учрежденнымъ на то, присутственнымъ мѣстамъ. Рѣчь на Латинскомъ языкѣ, произнесенная на актѣ 30-го Августа 1802 г. и переведенная на Русскій Студентомъ Ѳедоромъ Ленкевичемъ.—4) Primae lineae scientiarum politicarum ductae in usu praelectionum in Univ. Mosquensi habendarum. M. 1803. 8.—5) Die russischen Wiedertäufer, genannt Raskolniken. 1803. 4. (изъ Neues hanöv. Mag.).—6) Principes élém. du droit naturel. Dorp. 1804. — 7) Table des matières contenues dans la science du droit de gens moderne de l'Europe. Dorp. 1804. 8.—8) Erläuterungen der Geschichte der britischen Inseln durch Zeittafeln und hist. geographische Karten Mitt. 1804. in fol.— 9) Principes élément. du droit romain civil de la législation criminelle, fondée sur le droit naturel public. M. 1808. — 10) Ebauche d'une histoire de la Sibérie avec une carte historique. Moscou. 1809.—11) *О происхожденіи Славянъ вообще и въ особенности Славянъ Россійскихъ*, *или опытъ рѣшенія задачи*, *относительно прогнанія Славянъ съ береговъ Дуная Волохами*; съ картою. Москва. 1810. 1. 8.—12) De nonnullis, usque gravioribus, civitatum praesenti earum conditione, cognitionis atque descriptionis, vulgo Statistices dictae, defectibus. Рѣчь, произнесенная на актѣ 4-го Іюля 1822 г. и помѣщенная въ русскомъ переводѣ Н. Васильева въ Вѣстникѣ Европы.—13) Table des matières contenues dans la théorie de la Statistique ainsi que dans celle de l'histoire, surtout par rapport à

la partie ethnographique de cette dernière science. M. 1823. 8. Эта программа издана на Нѣмецкомъ языкѣ въ 1828 г. въ Гёттингенѣ подъ заглавіемъ: Grundriss der Gegenstände, welche in der Theorie der Statistik etc. enthalten sind v. Ch. v. Sch. 8. Рецензіи на нее были въ Leipz. Lit. Z. 1825, стр. 1871; Gött. gel. Anz. 1825, стр. 1711; Bull. des sc. géogr, VIII. — 14) Programm verschiedener, für die Herren Studierenden hiesiger Univ. von mir beabsicht. Vorlesungen. Gött. 1827. 4. и id. Bonn. 1828. 4. Изъ этихъ многочисленныхъ изданій мы остановимся только на тѣхъ, которыя могутъ намъ дать понятія о объемѣ и способѣ его преподаванія. Къ нимъ относятся главнымъ образомъ тѣ, которыя имѣли въ виду значеніе и предѣлы Статистики (12 и 13). Въ основныхъ чертахъ онъ слѣдуетъ въ понятіи объ этой наукѣ извѣстному взгляду его отца, принятому тогда всѣми лучшими представителями статистическаго знанія; но въ частномъ распорядкѣ предметовъ онъ значительно отступаетъ отъ прежде принятаго. Главные предметы теоріи Статистики онъ раздѣляетъ на основныя силы (народъ, страну, богатство), соединеніе силъ, или устройство государственное, заключающее въ себѣ, кромѣ общихъ понятій, опредѣленіе власти и ея дѣленіе, и управленіе силъ или собственно правленіе (отрасли управленія, имѣющія въ виду общую безопасность). Частныя дѣленія чрезвычайно дробны. — Шлецеръ, окончивъ преподаваніе въ 1826 году, переѣхалъ въ Боннъ, гдѣ оставался до конца своей жизни.

ШНЕЙДЕРЪ, Яковъ, Профессоръ Публичный Ординарный права Римскаго, Докторъ обоихъ Правъ, Коллежскій Ассесоръ.—Попечительное Начальство Московскаго Университета, съ самаго основанія сего святилища наукъ, заботилось о снабженіи его достойными Профессорами, и при недостаткѣ въ природныхъ Русскихъ ученыхъ, приглашало ученыхъ иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, къ занятію каѳедръ въ Московскомъ Университетѣ. При семъ, безъ сомнѣнія, оно побуждалось и тою мыслію, что знаменитые иностранцы уже однимъ своимъ именемъ возвысятъ славу и блескъ Университета. И дѣйствительно, бывали у насъ Профессорами иностранцы съ отличными учеными достоинствами, какъ напри-

мѣръ по Юридическому факультету: *Дильтей*, Баузе и Христіанъ Шлёцеръ. Но, говоря искренне, мы не можемъ пройти молчаніемъ преданіе и собственный нашъ опытъ, что дѣйствіе иностранныхъ Профессоровъ на нашихъ Студентовъ далеко было несоразмѣрно дарованіямъ сихъ почтенныхъ ученыхъ. Первая этому причина незнаніе Русскаго языка. Конечно, языкъ Профессора не есть условный языкъ общежитія, то есть не тотъ, на которомъ свидѣтельствуется почтеніе и душевная преданность, или совершается свѣтскій разговоръ о *неизреченныхъ* качествахъ артистки изъ Парижа и о степени тепла и холода. Языкъ Профессора иной: онъ идетъ вровень съ мыслію Профессора, языкъ мощный, выразительный и гибкій въ превосходной степени. На основахъ народнаго языка Профессоръ зиждетъ свой языкъ, языкъ науки, отвлеченный, идейный, выражающій общее и всеобщее бытія и вѣдѣнія.—Какой же иностранецъ можетъ говорить такимъ языкомъ,—языкомъ Страхова, Мудрова, Мерзлякова, Сандунова?—Иностранные Профессоры въ нашемъ Университетѣ, чтобъ сдѣлаться понятнѣе для Студентовъ, прибѣгали къ Латинскому и ко всѣмъ ученымъ языкамъ Европы; и, не смотря на то, не вполнѣ были понимаемы.—Какая разница, когда Русскій, національный Профессоръ обладаетъ дарованіями и ученостію. Какая сила въ его ученіи, какая глубина впечатлѣній въ слушателяхъ! Весьма недавно сознана эта истина, и приняты другія мѣры пособить нашему несовершенству въ дѣлѣ науки.—Правительство отправляло за границу избранныхъ молодыхъ людей для усовершенствованія въ наукахъ, и потомъ поручало имъ каѳедры Университетовъ.

Устное преданіе Университета не сохранило намъ имени Профессора Якова Шнейдера; но въ лѣтописяхъ Университета значится слѣдующее. Въ публичныхъ извѣщеніяхъ объ лекціяхъ за $178\frac{4}{5}$ академической годъ сказано: Лиценціатъ Якобъ Шнейдеръ, *теоретическій искуснѣйшій Профессоръ*, будетъ читать лекціи по Монтескьё о духѣ законовъ — для Студентовъ на Латинскомъ, а для дворянъ на Французскомъ языкѣ, безъ платы. За это Университетъ включилъ его въ число *почетныхъ Профессоровъ* (professor honerarius), *по примѣру Профессора Шварца*. Въ $178\frac{3}{4}$ академическомъ году онъ

читалъ исторію Римскаго права и Римскія древности по Гейнекцію, также начала Римскаго гражданскаго права по порядку Институцій Юстиніана. Въ 178⅘ академическомъ году, уже въ званіи публичнаго Ординарнаго Профессора, Шнейдеръ читалъ Пандекты Юстиніана по Гейнекцію и основанія положительнаго законовѣдѣнія по руководству Неттельбладта, сравнивая современный общественный бытъ съ Римскимъ, и объясняя основанія и причины событій съ приложеніемъ Римскихъ законовъ къ нравамъ нашихъ гражданъ, для удобнѣйшаго уразумѣнія отечественныхъ правъ. Въ 178⅚ году, въ званіи доктора juris utriusque и въ чинѣ Коллежскаго Ассессора, Шнейдеръ читалъ также Пандекты по Гейнекцію и основанія положительнаго законовѣдѣнія по Неттельбладту. Въ 178⅞ академическомъ году, онъ читалъ также Пандекты, служащія къ поясненію Россійскихъ правъ. Изъ лѣтописей за сей академической годъ видно, что Шнейдеръ руководствовалъ извѣстнаго юриста Захарію Горюшкина въ преподаваніи началъ и происхожденія Русскихъ законовъ судоустройства и судопроизводства. Въ 1789 году Шнейдеръ уже не упоминается въ каталогахъ Университетскихъ лекцій; вѣроятно, онъ тогда оставилъ Московскій Университетъ.

На актѣ 1785 года Іюня 30-го дня, Шнейдеръ произнесъ рѣчь: *О высокомъ назначеніи законовѣдѣнія* (Oratio solemnis de praestantia jurisprudentiae). Показавъ небесное, божественное происхожденіе законовъ и правды на землѣ, Ораторъ исчисляетъ благодѣянія ихъ для частныхъ лицъ, народовъ, государствъ и для всего рода человѣческаго. Рѣчь исполнена ученаго достоинства, отличается ясностію и изяществомъ слога.

ШОРЪ, Егоръ Ѳеодоровичь, второй Лекторъ Французскаго языка, родился въ Москвѣ 7-го Сентября 1808 года и былъ воспитанъ во Франціи. По окончаніи курса въ Богословскомъ Факультетѣ Страсбургскаго Университета, посѣтивъ другіе Университеты, онъ занимался преподаваніемъ Математики въ Мюмпелгардской Гимназіи; пріѣхалъ въ Россію въ концѣ 1833 г., гдѣ былъ нѣсколько лѣтъ домашнимъ учителемъ, а потомъ съ 1837 до 1845 годъ Пасторомъ Реформатской Церкви въ Москвѣ. Нынѣ занимаетъ должность Лек-

тора Французской Словесности при Физико-Математическомъ Факультетѣ и преподаетъ Педагогику и Французскую Словесность въ спеціальныхъ классахъ Екатерининскаго и Александров. Институтовъ, равно какъ и въ другихъ заведеніяхъ.

ШТЕЛЬЦЕРЪ, Христіанъ Юлій Людвигъ, Ординарный Профессоръ и Докторъ правъ, Надворный Совѣтникъ и Членъ многихъ ученыхъ обществъ, прибылъ по приглашенію Попечителя М. Н. Муравьева въ 1806 году изъ Галльскаго Университета и состоялъ на службѣ Московскаго Университета съ 1806 по 1812 годъ. Въ продолженіе своей службы, онъ преподавалъ, въ разное время, почти всѣ науки, входившія тогда въ составъ юридическаго образованія: Энциклопедію всеобщую, Энциклопедію и Методологію права, Исторію и Древности Римскаго права, Римское Гражданское право, иностранныя законодательства среднихъ и новыхъ вѣковъ сравнительно съ Русскими законами, всеобщее Право частное и уголовное съ присоединеніемъ критическаго разбора отступленій отъ онаго въ Римскомъ и другихъ правахъ, начатки уголовнаго права, наконецъ Галлеву Органологію въ отношеніи къ уголовной Психологіи. Памятникомъ ученой дѣятельности Профессора Штельцера, какъ писателя, осталась рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Университета 30-го Іюня 1808 года: de apto vulnerum quantitatem definiendi modo, ad corpus delicti constituendum et imputationem decernendam. Рѣчь эта отличается большою ученостію и строгимъ критическимъ разборомъ всѣхъ тогда извѣстныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ.

Щ.

ЩЕГОЛЕВЪ, Николай Гавриловичь, Экстраординарный Профессоръ Фармакологіи, Докторъ Медицины, Надворный Совѣтникъ, родился въ Твери Ноября 1771 г. Отецъ его былъ учителемъ въ Тверской Семинаріи. Въ 1781 году поступилъ онъ въ Московскую Университетскую Гимназію, а въ 1791 году Студентомъ Медицинскаго Факультета въ Университетъ. Въ 1792, 1794 и 1796 годахъ получалъ серебряныя медали съ похвальными листами. Въ 1800 году онъ со-

дѣйствовалъ разбору и описи Семячевскаго натуральнаго кабинета. Въ 1803 году Декабря 17-го удостоенъ степени Доктора Медицины, а не за долго передъ тѣмъ назначенъ въ Адъюнкты, и съ тѣхъ поръ до конца жизни, преподавалъ Врачебное Веществословіе и Рецептуру. Первое читалъ онъ сначала по Линнею, а потомъ по собственному руководству; вторую по Пихлеру. Сверхъ того весною и лѣтомъ предлагалъ начала врачебной Фитургіи, или искусства разводить врачебныя растенія, приспособляя оное къ состоянію Россійскаго государства. Отъ 27-го Іюля до 1-го Сентября 1804 года былъ депутатомъ отъ Университета и визитаторомъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ для открытія въ нихъ гимназій, обозрѣнія училищъ, и сверхъ того поручены ему статистическія наблюденія.—Въ 1805 году принималъ, описывалъ и переносилъ растенія отъ Профессора Стефана въ садъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.—Въ 1806 г. имѣлъ порученіе отъ Унив. Совѣта осмотрѣть и описать аптекарскій садъ, купленный Университетомъ.—Въ 1814 году утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ и произведенъ въ Надворные Совѣтники.—Скончался въ Москвѣ въ 1820 г., Декабря 25-го на 50 году жизни.—Сочиненія его: 1) De vita et usu vegetabilium. Diss. inaug. Mosquae 1803 г. 2) De phyturgia iatro-economica, oratio. Mosquae. 1 Iulii. 1816 г.— Сверхъ того Щеголевъ напечаталъ нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, а именно: 1) *Поздравительная пѣснь* Е. И. В. Александру Первому, во Всерадостный день Священнаго Муропомазанія и Коронованія, М. 1801 г. 2) *Въ недѣлю Св. пасхи, привѣтствіе побѣдоносному Россійскому воинству*, М. 1813. 3) *Утѣшительная пѣснь согражданамъ Москвы*, въ день тезоименитства Императора Александра I, по совершеніи освященія въ оный обновляемаго Московскаго большаго Успенскаго Собора, оскверненнаго и ограбленнаго непріятелемъ, М. 1813. 4) *Побѣдная пѣснь*, по полученіи извѣстія о взятіи города Парижа союзными войсками и отреченіи Наполеона Бонапарта отъ Императорской Французской короны, М. 1814. 5) *Миръ и спокойствіе* Европы со славою Россіи, въ 3 пѣсняхъ, М. 1814 г. Щеголевъ печаталъ также и мелкія сочиненія въ прозѣ.

ЩЕДРИТСКІЙ, Измаилъ Алексѣевичь, Экстраординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ, родился 1792 года Маія 31-го дня въ городѣ Переславлѣ-Залѣскомъ Владимірской губ.; имя Измаила дано ему было родителями въ память славнаго взятія Суворовымъ Турецкой крѣпости того же имени. Отецъ Щедритскаго, Алексѣй Ивановичь, принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые воспитывались въ Петербургской Учительской Семинаріи, основанной Императрицею Екатериною II-й, и которые положили основаніе собственно народному просвѣщенію въ Россіи; онъ былъ первымъ учителемъ при открытіи Переславскаго училища въ 1787 году и первымъ Штатнымъ Смотрителемъ при его преобразованіи по Уставу Императора Александра I-го 1805 года. Проводя жизнь на берегу Переславскаго озера, въ сторонѣ живописной, Алексѣй Ивановичь, досужное время, нерѣдко, особливо же въ лѣта молодости, употреблялъ на занятія въ Словесности. Изъ сочиненій его напечатаны были: рѣчь, говорѐнная по случаю перенесенія Ботика Петра Великаго въ новое зданіе въ 1807 году и нѣкоторыя стихотворенія. Первоначальное образованіе сына шло подъ руководствомъ родителя его; дальнѣйшее ученіе продолжалось съ 1808 года во Владимірской Губернской Гимназіи, съ 1809 года Авг. 28-го дня въ Академической Гимназіи, и наконецъ съ 1811 года, въ званіи Студента, въ самомъ Университетѣ; въ 1814 г. окончивъ курсъ наукъ Университетскихъ, Щедритскій удостоенъ степени Кандидата. Съ 1-го Маія 1815 г. по 1-е Маія 1816 года, по препорученію Совѣта Университета исправлялъ должность письмоводителя приономъ, находился Помощникомъ Инспектора казенныхъ Студентовъ съ 5-го Ноября 1815 г. по 26-е Сентября 1826 года; по законномъ испытаніи удостоенъ степени Магистра 1819 г. Октября 31-го; Совѣтомъ Университета назначаемъ былъ Преподавателемъ лекцій для Чиновниковъ, службою обязанныхъ съ 1819 года; Секретаремъ Комитета испытаній съ 26-го Апрѣля 1822 г. по 11-е Маія 1829 г.; Цензоромъ для разсматриванія книгъ и рукописей съ 5-го Іюня 1822 г. по 1-е Сентября 1827 года; Секретаремъ Комитета отчетовъ, по Университету и его учебному Округу, ежегодно составляемаго, съ 1825 по

1829 годъ; утвержденъ Адъюнктомъ Университета 1828 г. Марта 5-го; опредѣленъ въ Московское Коммерческое Училище Преподавателемъ Россійской Словесности 1828 г. Сентября 23-го; утвержденъ Секретаремъ Цензурнаго Комитета 1828 г. Декабря 30-го; въ Московскомъ же Коммерческомъ Училищѣ утвержденъ Преподавателемъ Статистики и Коммерческой Географіи 1829 г. Генваря 1-го; за отлично-усердную службу получилъ Высочайшее благоволеніе 1832 г. Апрѣля 22-го; уволенъ, по прошенію, отъ должности Секретаря Цензурнаго Комитета 1832 г. Декабря 22-го; утвержденъ Секретаремъ Отдѣленія Нравственно-Политическихъ наукъ 1833 г. Сентября 18-го; командированъ былъ со стороны Университета для присутствованія при испытаніи воспитанниковъ Дворянскаго Института 1833 и 1834 год. Въ воздаяніе ревностной службы и отличныхъ трудовъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 4-й (что нынѣ 3-й степени) 1834 г. Марта 2-го; утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ 1834 г. Марта 7-го; назначено ему преподаваніе Россійской Исторіи, Географіи и Статистики для Чиновниковъ, службою обязанныхъ, 1834 г. Маія 5-го; отъ должности Секретаря Нравственно-Политическаго Отдѣленія уволенъ 1834 г. Сентября 1-го; участвовалъ при Училищномъ Комитетѣ въ испытаніи Кандидатовъ, желающихъ занять мѣста учителей въ уѣздныхъ Училищахъ съ 1833 по 1836 годъ; сверхъ того участвовалъ въ испытаніяхъ Комитета для домашнихъ учителей и учительницъ 1835 года; въ слѣдствіе преобразованія Университета, по Высочайше утвержденному 26-го Іюля 1835 года Уставу, уволенъ отъ должности Профессора съ назначеніемъ ему въ пенсію полнаго оклада получаемаго имъ жалованья по 1200 рублей ассигнаціями въ годъ 1836 г. Января 1-го; на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 15-го Іюня и 13-го Декабря 1835 года, докладныхъ записокъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія предоставлено ему полное право вступать въ службу по другимъ вѣдомствамъ съ сохраненіемъ пожалованнаго за ученую службу пенсіона и съ предоставленіемъ ему права носить въ отставкѣ мундиръ, званію Экстраординарнаго Профессора присвоенный. Правленіе Императорскаго Московскаго Университета въ отношеніи своемъ

въ Совѣтъ Московскаго Коммерческаго Училища, отъ 23-го Апрѣля 1836 года за № 837-мъ, свидѣтельствуетъ, что онъ службу свою по Университету проходилъ съ отличнымъ усердіемъ при благороднѣйшемъ поведеніи; пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники 1836 г. Іюня 18-го со старшинствомъ въ семъ чинѣ со дня узаконенной выслуги въ прежнемъ чинѣ; въ воздаяніе отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени 1847 г. Апрѣля 11-го; отъ должности Преподавателя Россійской Словесности, Статистики и Коммерческой Географіи при Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ, согласно поданному отъ него прошенію, уволенъ 1847 года Маія 2-го дня; Совѣтъ Училища въ данномъ ему аттестатѣ свидѣтельствуетъ, что онъ должность свою исправлялъ съ примѣрнымъ усердіемъ при отличномъ поведеніи; награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX л. 1847 г. Авг. 22-го.— Изъ сочиненій Щедритскаго напечатаны были: 1) Разсужденіе *О вліяніи Поэзіи на нравы и образованность народовъ въ древнія и новѣйшія времена*, писанное для полученія степени Магистра и 2) *Разсужденіе о томъ, какъ должно разсматривать живописную картину*—оба помѣщены въ Вѣстникѣ Европы 1829 года; 3) *Рѣчь, о вліяніи высшихъ учебныхъ заведеній на усовершенствованіе наукъ и искусствъ, на распространеніе просвѣщенія, сообразно съ видами и благими намѣреніями Правительства*, говоренная въ собраніи Московскаго Университета Января 12-го дня 1828 года и 4) *Вступительное чтеніе о сущности, предѣлахъ и пользѣ Статистики*, обращенное къ Студентамъ Московскаго Университета, при занятіи вспомогательной каѳедры Статистики и Исторіи Государства Россійскаго—напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1828 года; 5) *Слово въ похвалу добродѣтелей Императрицы Маріи Ѳеодоровны*, произнесенное въ торжественномъ собраніи Московскаго Коммерческаго Училища, Іюня 30-го дня 1832 года, по случаю празднованія двадцати-пятилѣтія; издано особою книжкою отъ Училища. Сверхъ того нѣкоторыя сочиненія въ стихахъ были помѣщаемы въ журналѣ: Сынъ Отечества и другихъ.

ЩЕПКИНЪ, Павелъ Степановичъ, Ординарный Профессоръ Чистой Математики, Статскій Совѣтникъ и Орденовъ Св. Владиміра 4-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 3-й степени Кавалеръ, родился въ 1793 г. съ 4 на 5 Ноября въ Москвѣ. Отецъ его, Степанъ Петровичь, въ это время служилъ Канцеляристомъ въ Московской Духовной Консисторіи; предки же покойнаго, начиная съ дѣда вверхъ, были Священниками въ селѣ Спасскомъ, что на рѣчкѣ Перекшѣ, Калужской губерніи Мосальскаго уѣзда; это мѣсто было передаваемо отъ отца сыну послѣдовательно въ продолженіе долгаго времени, и теперь принадлежитъ 8-му въ семъ порядкѣ наслѣдованія. Изъ этого рода происходитъ и даровитый Артистъ Московскаго Театра, Михаилъ Семеновичь Щепкинъ, котораго П. С. въ запискахъ своихъ называетъ братомъ.

Всю юность П. С. провелъ при родителѣ, вмѣстѣ съ тремя старшими братьями, которые уже опредѣлены были въ гражданскую службу. Степанъ Петровичь, выучивъ сына Русской грамотѣ, желалъ помѣстить его въ ту же службу; но добрые пріятели, замѣтя въ немъ большія способности и охоту къ ученію, склонили отца пожертвовать меньшимъ сыномъ (по выраженію отца) *ученому званію*, и сами вызвались приготовить его въ какое либо учебное заведеніе. Одинъ изъ нихъ, Дьяконъ церкви Св. Чудотворца Николая, что на Студенцахъ, Иванъ Петровичь, обучалъ его Русской Грамматикѣ и Латинскому языку. Степанъ Петровичь служилъ тогда Секретаремъ въ Конторѣ Московской Духовной Типографіи, и узнавъ, что корректоръ этой Типографіи, Слѣдковъ знаетъ хорошо Ариѳметику, поручилъ ему учить своего сына этой наукѣ. Слѣдковъ охотно согласился на это, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ въ молодомъ Щепкинѣ особенную къ тому способность и любовь. Въ опредѣленное на присутствіе время, Слѣдковъ занимался съ нимъ въ корректурной палатѣ, а въ праздникъ ходилъ къ нему на домъ. Другіе же приуготовительные науки, и преимущественно Французскій языкъ, Алгебру и Геометрію преподавалъ ему Александръ Николаевичь Николаевъ, (бывшій въ послѣдствіи Профессоромъ Математики въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ, что нынѣ Ли-

цей). Подъ руководствомъ сихъ трехъ наставниковъ, Щепкинъ достигъ достаточныхъ свѣдѣній для поступленія сначала 1808 г. Іюня 27-го въ Академическую Гимназію, а потомъ и въ самый Московскій Университетъ, въ коихъ обучался на своемъ коштѣ; по окончаніи же курса въ послѣднемъ, произведенъ въ Кандидаты 1811 г. въ Декабрѣ.

По выходѣ изъ Университета, П. С. оставался при своемъ родителѣ, и занимался частными уроками. 1812 г. Сентября 1-го къ ночи, предъ вступленіемъ въ Москву Французской арміи, П. С. съ отцемъ и братьями выѣхалъ въ Нижній Новгородъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ по деревнямъ на кондиціяхъ; между прочимъ съ 1-го Ноября этого года по 26-е Апрѣля 1813 г. у Князя Егора Александровича Грузинскаго въ Нижегородской губерніи, и обучалъ сына его Математикѣ; съ 13-го Января 1814 г. до 22-го Декабря близь Мценска, въ имѣніи Шереметьева, въ должности учителя при дѣтяхъ его. Въ семъ году П. С. рѣшился готовиться къ экзамену на степень Магистра: для сего принялся переводить Астрономію Біота. Этотъ переводъ въ совершенномъ порядкѣ случалось видѣть у него; но онъ остался неизданнымъ. Въ началѣ 1815 года пріѣхалъ въ Москву, чтобы приступить къ экзамену. При семъ случаѣ Проф. А. А. Антонскій, бывшій Директоромъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, возложилъ на него классъ Геометріи и Алгебры въ семъ заведеніи (въ которомъ онъ и продолжалъ служить до 1822 г.). Вскорѣ послѣ того подано имъ А. А. Антонскому же, какъ Декану, прошеніе объ экзаменѣ изъ чистой и прикладной Математики въ слѣдующую степень.

Экзаменъ предварительный или тентаментъ происходилъ вечеромъ 1815 г. Февраля 18-го предъ собраніемъ отдѣленія. Вотъ подробности; онѣ характеризуютъ время и лица, потому показались намъ неизлишними въ біографіи. Предложенные вопросы были слѣдующіе:

1) Предметъ высшихъ исчисленій.—2) Методъ изслѣдованія протяженностей въ Аналитической Геометріи; различіе съ Геометріею элементарною.—3) Главные вопросы въ высшихъ исчисленіяхъ.—4) Какія статьи составляютъ механику твер-

дыхъ тѣлъ? — 5) Что есть свѣтъ и преломленіе? Щепкинъ отвѣчалъ твердо. Марта 27-го экзаменъ продолжался слѣдующими воспросами: 1) Объ общихъ свойствахъ металловъ.— 2) Сколько простыхъ земель?—3) Какъ находится склоненіе и прямое восхожденіе звѣзды? (письменный). 4) Объяснить теорію простаго маятника (письменный).— 5) О магнетизмѣ.— 6) Главные законы Механики, Діоптрики, Катоптрики. — 7) Раздѣленіе Астрономіи; куда относить гномонику и Хронологію?

Хотя экзаменъ перваго засѣданія въ то время отличался названіемъ тентамента; но онъ, какъ видно, не имѣлъ существенной разности отъ втораго, который служилъ собственно продолженіемъ его. Притомъ, по уставу того времени, въ Магистерскій экзаменъ всѣ предметы отдѣленія должны были входить въ равной мѣрѣ; но до испытанія Щепкина, существовалъ обычай испытывать только въ Математикѣ и Физикѣ тѣхъ изъ ищущихъ степени Магистра, которые занимались преимущественно сими предметами. Щепкинъ же былъ предупрежденъ, что съ сей поры отдѣленіе будетъ строго держаться устава; однако онъ надѣялся, что ему будетъ оказано прежнее снисхожденіе и не ожидалъ встрѣтить вопросовъ о металлахъ и земляхъ, ибо не имѣлъ притязаній на большія познанія въ Минералогіи. Потому былъ весьма смущенъ, увидѣвъ приготовленіе билетовъ по всѣмъ предметамъ отдѣленія, и признавался, что на сказанные вопросы отвѣчалъ неудовлетворительно. Проф. же Химіи Рейсъ, хотя и былъ въ засѣданіи, но изъ своего предмета не спрашивалъ.

Маія 6 Щепкинъ читалъ, въ присутствіи Университетскаго Совѣта, лекцію: de refractione luminis; а Іюня 15 въ 6 часовъ вечера защищалъ диссертацію «объ открытіяхъ, сдѣланныхъ «въ Астрономіи со времени изобрѣтенія телескоповъ» (напечат. въ Москвѣ 1815). Возражали: Магистръ Аѳанасьевъ, Кандидаты: Палеховъ, Богдановъ, Терликовъ. П. С. превосходно отвѣчалъ на каждое противоположеніе, безостановочно, и не доводилъ Профессоровъ до защиты. Они возражали весьма мало: И. А. Двигубскій противъ кометъ, а Ѳ. И. Чумаковъ противъ неравномѣрнаго движенія солнца. А. А. Антонскій,

вышедъ изъ залы, сказалъ: очень, очень, очень хорошо; всѣ довольны, дайте поцѣловать себя.

Іюня 28 утромъ Проф. И. А. Геймъ, бывшій тогда Ректоромъ, показывалъ Щепкину письмо къ нему отъ Г. Попечителя Университета Кн. Андрея Петровича Оболенскаго, гдѣ сказано было, что онъ знаетъ П. С. съ отмѣнно хорошей стороны по обществу, и что тотчасъ утвердитъ его въ степени, какъ скоро будетъ о томъ представлено изъ Совѣта. Между прочимъ Г. Попечитель просилъ Ректора склонить П. С. остаться въ Университетѣ на службѣ, обѣщая свои милости. Письмо сіе было чрезвычайно лестно для Щепкина. 1817 Маія 24, П. С. былъ приглашенъ къ Декану А. А. Антонскому, который объявилъ ему, что Университетъ считаетъ его достойнымъ титла Адъюнкта, но теперь штатъ полонъ, потому предлагаетъ ему заняться преподаваніемъ Математики въ Университетѣ въ званіи Магистра. П. С. согласился на это, а потому, въ слѣдствіе прошенія его, былъ принятъ на службу въ Университетъ, и Сентября 10 далъ первую лекцію изъ Алгебры: слушателей собралось до 20 человѣкъ.

П. С. преподавалъ поочередно всѣ части Чистой Математики: въ первые три года, отъ 1817 до 1820, онъ занималъ слушателей Начальною Геометріею, Начальною Алгеброю и Тригонометріею; первые два года по сокращенію Проф. Чумакова, (оставшемуся въ рукописи), а третій годъ, въ который поступилъ въ товарищи ему Д. М. Перевощиковъ, по курсу Франкера. Впрочемъ сей курсъ, имѣвшій столь важное вліяніе на усовершенствованіе преподаванія Математики во всемъ округѣ, даже во всей Россіи, вошелъ въ употребленіе въ Московскомъ Университетѣ еще съ 1815—16 г. на лекціяхъ Магистра Аѳанасьева *. Далѣе П. С. преподавалъ Высшую Алгебру, принявъ отъ Проф. Т. И. Перелогова, и Аналитическую Геометрію—отъ Адъюнкта Д. М. Перевощикова, поступившаго на каѳедру Астрономіи. Потомъ, по оставленіи Университета Проф. Т. И. Перелоговымъ, П. С. принялъ на себя Дифференціальное и Интегральное Исчисленія, а высшую Алгебру передалъ вскорѣ Проф. И. И. Да-

* См. его біографію.

выдову и Аналитическую Геометрію Адъюнкту Н. В. Коцаурову. По перемѣщеніи же Проф. И. И. Давыдова на каѳедру Русской Словесности, опять принялъ на себя преподаваніе высшей Алгебры.

Въ преподаваніе Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленія Проф. Щепкинъ ввелъ существенное измѣненіе: вмѣсто безконечно-малыхъ, которыхъ держался предшественникъ его по руководствамъ Безу и Бушарла, онъ ввелъ теорію функцій Лагранжа. Поводомъ къ тому была новость мысли знаменитаго Геометра избѣгнуть употребленія безконечно-малыхъ, на которыя всѣ долго смотрѣли съ какимъ-то недовѣріемъ, и замѣнить ихъ рядами и производными функціями. Эта мысль въ свое время увлекла весь ученый міръ, а вмѣстѣ и руководителя, избраннаго нашимъ Профессоромъ, хотя послѣдствія и не оправдали ея *.

Проф. Щепкинъ преподавалъ большею частію по 3 часа въ недѣлю; но съ 1830 г., когда Студенты были раздѣлены на курсы по годамъ, время преподаванія вообще начало увеличиваться; подъ конецъ службы П. С. занималъ 6 часовъ въ недѣлю.

Ясность составляла главный характеръ преподаванія П. С-ча; онъ почти не прибѣгалъ, или очень рѣдко, къ способу *евристическому* или *вопросительному*, но въ собственномъ изложеніи умѣлъ такъ выразить постепенность развитія всякой мысли, что это составляло особенную, неподражаемую черту исключительно его личности. Единственнымъ руководствомъ преподаванія П. С-ча въ каталогахъ вездѣ поставленъ курсъ *Франкера*: злорѣчивые люди находили въ этомъ обвиненіе, будто бы онъ совершенно буквально его держался, самъ отдалялся отъ полнаго созерцанія науки и не слѣдилъ за ея успѣхами. Но человѣку безпристрастному понятна вся неосновательность такого обвиненія: во первыхъ, Франкёръ въ своемъ курсѣ есть одинъ изъ лучшихъ, можно сказать рѣдкихъ учителей, по той связи, строгости и зависимости, въ которой поставлены у него истины, составляющія науку, начиная отъ самыхъ основныхъ и до высшихъ, по полнотѣ

* См. біографію Проф. Зернова.

содержанія, ни сколько необременяющей учащагося, по сжатости, съ совершеннымъ сохраненіемъ понятности; во вторыхъ, можно ли представить себѣ наставника, который бы не выходя за предѣлы переплета избранной имъ книжки, могъ согрѣть себя любовію къ наукѣ и сообщить эту теплоту слушателямъ? Нѣтъ, П. С. былъ не таковъ: если онъ и ограничивался въ анализѣ своемъ почти вездѣ двумя измѣреніями, считая конечно это достаточнымъ для удовлетворительнаго пониманія науки, то съ другой стороны коротко былъ знакомъ съ классическими писателями: Гарнье, дю-Бурге, Лагранжемъ Фурье, Коши и проч. Въ этомъ мы увѣрены по множеству мѣстъ, взятыхъ изъ сихъ писателей и содержащихся въ черновой тетради, писанной его рукою. Также его экземпляръ способа флюксій Ньютона наполненъ его собственноручными отмѣтками. Но вѣдь здѣсь только то, что намъ случилось видѣть: содержащее больше содержимаго.

Не одну должность преподавателя исправлялъ П. С. по Университету: въ продолженіе шести лѣтъ сряду избираемъ былъ въ Секретари Комитета годовыхъ отчетовъ; — съ 3-го Ноября 1820 г. по Ноябрь 1826 г. въ Секретари Физико-Математическаго отдѣленія; — съ 22-го Сентября 1826 г. по 23-го Февраля 1827 г. въ Секретари Совѣта. Въ сіе время утвержденъ отъ Г. Попечителя Непремѣннымъ Секретаремъ Совѣта; въ этой должности оставался до 2-го Іюня 1830 г. и оставилъ ее по поводу утвержденія въ должности Инспектора Казенныхъ Студентовъ, съ порученіемъ ему же должности Директора Медицинскаго Института. Кромѣ того, 1828 г. Маія 21-го, по предложенію Г. Попечителя, отправленъ былъ въ С.-Петербургъ для надзора надъ Лѣкарями и Кандидатами, назначенными въ Профессорскій Институтъ, и на возвратномъ пути обозрѣвалъ Гимназіи и Училища, по тракту находящіяся. Также былъ Деканомъ Физико-Математическаго Отдѣленія два года, Членомъ Училищнаго Комитета три года и наконецъ, по назначенію Г. Попечителя, исправлялъ нѣсколько времени должность Ректора Университета, именно въ продолженіе того бѣдствія, когда каждому изъ жителей Москвы и въ тихомъ домашнемъ уединеніи грозила эпидемія

1830 г., тѣмъ болѣе ужасная, что была и для паціентовъ и для мѣстной медицины явленіемъ новымъ.

Сверхъ всего этого, еще съ 1815 г. П. С. вмѣстѣ со службою въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, содѣйствовалъ Г-ну Генералъ-Маіору Муравьеву въ основаніи Московскаго Учебнаго заведенія для Колонновожатыхъ, въ которомъ на 1815 и 1816 годы принялъ на себя, вмѣстѣ съ Проф. Ѳ. И. Чумаковымъ, преподаваніе безъ платы, и за отличное усердіе въ ихъ трудахъ они оба Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ Св. Анны 3-й степени. П. С. былъ тогда еще въ званіи Магистра—случай совершенно небывалый. Орденъ присланъ былъ П. С-чу 1816 г. Апрѣля 13-го въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, и онъ раздѣлилъ эту радость съ посѣтившими его друзьями: И. И. Давыдовымъ, Чернявскимъ, Палеховымъ, Ханенко, Мочаловымъ. Въ послѣдствіи по сему ордену дошелъ до пенсіи.

Вообще П. С. былъ счастливъ милостями и вниманіемъ начальства, заслуженными его неусыпными и добросовѣстными трудами. Въ Адъюнкты онъ произведенъ 1818 г. Сентября 17-го, т. е. чрезъ годъ по вступленіи въ Университетъ на службу, Экстраординарнымъ Профессоромъ 1826 г. Маія 3-го, Ординарнымъ того же года Декабря 8. Въ чинъ Статскаго Совѣтника произведенъ 1835 г. Марта 1-го, Всемилостивѣйше награжденъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени 1831 г. Ноября 22-го, Св. Станислава 3-й степени 1833 г. Февраля 24-го, знакомъ отличія безпорочной службы за XV л. 1832 г. Авг. 22-го. Императорское Общество Испытателей природы включило его въ число своихъ членовъ 1828 г. Октяб. 13-го.

Но въ концѣ 1833 г. пришла странная мысль П. С-чу оставить должность Ординарнаго Профессора и просить начальство опредѣлить его на открывшуюся тогда вакансію старшаго учителя Математики и Физики въ бывшей 1-ой Московской Гимназіи (нынѣ 4-ой), переименованной вскорѣ въ Дворянскій Институтъ. Эта мысль и тогда удивила всѣхъ членовъ Университета и всѣхъ знавшихъ П. С-ча, вообще за высокія достоинства свои имѣвшаго многихъ почитателей. И до сихъ поръ она осталась никѣмъ неразгаданною. Но просьба была такъ рѣшительна, что начальство исполнило ее.

Даже предложеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Сергѣя Семеновича Уварова измѣнить намѣреніе П. С—ча осталось безуспѣшнымъ.

Такимъ образомъ П. С. поступилъ въ должность Учителя 1-ой Гимназіи, а потомъ съ 1835 г. оставивъ оную, принялъ на себя должность сторонняго Ценсора и преподаваніе Математики въ двухъ высшихъ классахъ Константиновскаго Межеваго Института.

Отъ сего происшествія осталось одно только свѣтлое воспоминаніе: это глубокое уваженіе, выраженное Студентами по случаю прекращенія преподаванія П. С—ча. Съ дозволенія начальства, они поднесли ему серебряный кубокъ, съ надписью: «Благодарные Студенты Физико-Математическаго Отдѣленія Профессору Павлу Степановичу Щепкину 1834 г. «Москва,»—и съ бюстикомъ Лейбница на крышкѣ.

Однако замѣтно, что удаленіе отъ Университета имѣло весьма невыгодное вліяніе на духъ, даже на здоровье П. С—ча. Черновая просьба его въ Совѣтъ объ увольненіи представляетъ уже какую-то особенность; въ ней каждое почти слово поправлено два, три раза; какъ будто видишь, что онъ съ насиліемъ себѣ рѣшается на составленіе этой бумаги. Съ тѣхъ поръ въ немъ видно было непрерывное уныніе, недовольство своимъ положеніемъ. Наконецъ онъ скончался отъ внезапнаго кровохарканія 1836 г. Іюля 15-го, не старѣе 43 лѣтъ, оставивъ 4-хъ сыновей и 2-хъ дочерей на попеченіе почтеннѣйшей своей супруги. Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, при большомъ стеченіи уважавшихъ его сослуживцевъ, старыхъ учениковъ и Студентовъ. По преданію, на мѣстѣ могилы П. С-ча, именно у задней ограды монастыря, прямо противъ Святыхъ воротъ, была могила знаменитаго поэта Александра Петровича Сумарокова, погребенаго осенью 1777 г. По крайней мѣрѣ тутъ указывалъ ее покойный Проф. П. Ив. Страховъ, помнившій и оплакивавшій своего благодѣтеля; а памятника на ней не было.

Кромѣ упомянутой диссертаціи на степень Магистра, П. С. вмѣстѣ съ Д. М. Перевощиковымъ, издалъ первый переводъ 1-ой части *курса Франкера*, напечатанный въ Москвѣ 1819 г. Этотъ переводъ, какъ видно изъ собственноручной записки,

отвлекъ его отъ намѣренія написать Геометрію для Университетскаго Благороднаго Пансіона и Алгебру для Университета, съ тѣмъ, чтобы, прибавивъ въ послѣдствіи прочія части Чистой Математики, составить полный курсъ. Притомъ онъ сохранилъ вѣроятно старую Университетскую привычку, многое переводить и оставлять неизданнымъ. Сюда принадлежитъ упомянутая выше Астрономія Біота, которую хотѣлъ напечатать сначала Генералъ Муравьевъ, потомъ Кн. Бѣлосельскій; но это дѣло, какъ видно, не состоялось. Кромѣ того остались по смерти переводы: *1. Основанія Геометріи, Плоская Тригонометрія и прибавленіе къ Геометріи, соч. Лежандра.—2. Высшая Алгебра*, соч. Франкера, переведенная прежде выхода въ свѣтъ перевода той же книги Проф. И. И. Давыдовымъ. Изъ записокъ видно, что она была переведена вполнѣ два раза: съ перваго и втораго изданія.—3. Осталась собственноручная записка о переводѣ Physique Mécanique par Fischer.

Въ П. С. замѣчательна была особенная точность: надобно было видѣть, въ какой строгой системѣ онъ располагалъ дѣловыя бумаги по должности Секретаря, которую, какъ сказано, отправлялъ почти непрерывно по разнымъ коллегіямъ Университета.

Онъ велъ ежедневный журналъ большей части своей жизни, сначала отдѣльными тетрадями, потомъ въ упомянутой черновой тетради между вычисленіями. Здѣсь открывается такъ сказать душа покойнаго; здѣсь узнаешь о немъ то, что и въ голову никому не пришло бы, судя по наружности. П. С., свѣтскій человѣкъ, весельчакъ, охотникъ поговорить, охотникъ быть въ гостяхъ и принимать гостей—рѣдкій день въ будни не бывалъ у заутрени и ранней обѣдни, а въ праздникъ у заутрени, у ранней и у поздней обѣдни. Очень часто на раннюю лекцію онъ являлся прямо изъ церкви. Виденъ питомецъ коренной Русской, благочестивой семьи. Вопреки обычаю большей части теоретиковъ, вообще любилъ вставать рано и, какъ выражался «заправлять» дѣла на цѣлый день.

Сосчитавъ, въ концѣ 1817 г., въ званіи Магистра, доходъ свой, который отъ службы и частныхъ уроковъ составлялъ 5226 р., П. С. съ совершеннымъ простодушіемъ подписываетъ: «Продолжи, Господи! мое благополучіе.» Каждый годъ

П. С. оканчиваетъ припоминаніемъ важнѣйшихъ событій по службѣ его и по семейству, и заключаетъ подобною молитвою. Въ концѣ 1818 прибавлено: «остается рѣшить еще одну статью.» Тутъ дѣло шло о женитьбѣ.

Подъ нѣкоторыми числами въ дневникѣ, по поводу записки о какомъ либо событіи, читаешь молитву, сочиненія П. С–ча. Такъ подъ 20-мъ Февр. 1813 г., скучая въ Нижегородской губерніи о разлукѣ съ родными въ такое грустное время для обитателей Москвы, разсѣянныхъ по лицу всей Руси, онъ услаждаетъ себя благочестивымъ моленіемъ:

«Всемогущій Господи, продли дни моихъ родныхъ и роди-«телей, склоняющихся уже къ западу жизни своей. Не дай «мнѣ, юной вѣтви ихъ, увянуть, такъ какъ изсыхаетъ дерево «отъ ослабленія корня. Твердая моя вѣра и popованіе на бла-«гость твою да будутъ предъ тобою заслугами моими испра-«шиваемаго. Помоги имъ, Господи! перенести всѣ несчастія, «лишенія, коихъ жертвою содѣлался знаменитый градъ нашъ, «наше обиталище. Да будутъ ложны слухи, поражающіе насъ, «о свирѣпствующихъ бѣдствіяхъ въ прежнемъ нашемъ оби-«талищѣ. Удержи гнѣвъ твой, возбужденный нашимъ нече-«стіемъ, преврати его на милосердіе и пощади насъ, ежели «не за дѣла наши, то хотя по множеству милости Своей. Боже! «услыши молитву сына о помилованіи родителей его!»

Дневникъ украшенъ не менѣе теплымъ чувствомъ благоговѣнія къ Монархамъ нашимъ. Такъ, подъ 12-мъ Марта 1814 г., П. С. молится о блаженной памяти Государѣ Импе-«раторѣ Александрѣ: «Господи, Боже силъ и щедротъ! благо-«даримъ Тебя за отеческія попеченія о насъ нашего Госу-«даря; соблюди, сохрани и возврати его въ нѣдро своего «отечества, да утѣшается въ царственномъ семействѣ своемъ, «да, защитивъ насъ отъ внѣшнихъ враговъ, сокрушитъ си-«лою, обильно Тобою ему даруемою, и внутреннихъ, возму-«щающихъ спокойствіе жителей. Обрати взоры его на вко-«реняющееся развращеніе нравовъ.» Все это было чисто и искренне, ибо назначалось для чтенія развѣ послѣ смерти, какъ это и случилось.

Тамъ дышетъ сердечная радость о всемъ добромъ, тамъ

энергическая ненависть къ пороку и преступленію. Тамъ онъ радуется учрежденію Страховаго Общества; тамъ негодуетъ на злодѣйство; тамъ одобряетъ рачительность преподавателей и начальниковъ какого нибудь учебнаго заведенія за неподдѣльные успѣхи, которые ученики оказываютъ на экзаменѣ; тамъ колко подсмѣиваетъ надъ продѣлками въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ, будучи незамѣтны для постороннихъ, были весьма понятны ему.

Вообще покойникъ имѣлъ даръ и любилъ подшутить остро, такъ что, не смотря на чистоту своего характера, оставилъ непріятныя воспоминанія въ нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ своихъ товарищахъ, впрочемъ совершенно имъ незаслуженныя.

Но можно ли безъ умиленія прочитать записанное въ дневникѣ 1821 г. Декабря 31-го: «Конецъ года! Замѣчательнаго «мало. Служба таже, безъ повышеній, да и не за что. Знаком«ства тѣже. Въ Дмитріѣ Матвѣевичѣ Перевощиковѣ продол«жаю имѣть истиннаго друга.»

П. С. былъ красивымъ мущиною: хорошій ростъ, толщина совершенно соразмѣрная, выказывавшая всю твердость мускуловъ, станъ прямой, лице продолговатое, волосы темнорусые, подъ прическою нѣсколько вверхъ, походка правильная— составляли прекрасную гармонію въ его внѣшнемъ образѣ.

ЩУРОВСКІЙ, Григорій Ефимовичь, Ординарный Профессоръ Минералогіи и Геологіи, Медицины Докторъ, Старшій Врачь Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною Кавалеръ, Д. Членъ Общества Испытателей Природы въ Москвѣ и Минералогическаго въ Петербургѣ, родился въ 1803 г. Января 30-го, въ Москвѣ, отъ небогатыхъ родителей. Во время нашествія непріятелей, въ 1812 году, лишившись послѣдняго достоянія, они отдали Щуровскаго въ Московскій Воспитательный Домъ, и чрезъ то открыли ему вовсе неожиданное поприще.

Въ Воспитательный Домъ поступилъ онъ собственно въ 1814 г. съ правомъ оставаться въ Домѣ до совершеннолѣтія, или до окончанія ученія. Свѣдѣнія его, при вступленіи

въ Домъ, ограничивались умѣньемъ читать, писать, первыми началами Ариѳметики, и нѣкоторымъ запасомъ понятій, какія пріобрѣлъ онъ чтеніемъ книгъ, особенно церковныхъ и священныхъ. Съ этими свѣдѣніями его приняли въ такъ называемые *Классическіе воспитанники*,—такое отдѣленіе, въ которомъ преподавались тѣ же самыя науки, которыя составляютъ полный гимназическій курсъ.

Классическое отдѣленіе Московскаго Воспитательнаго Дома, по составу наукъ, дѣйствительно, можно было назвать Гимназіею; но эта Гимназія, лелѣянная материнскими попеченіями блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, во многихъ отношеніяхъ была выше другихъ подобныхъ ей учебныхъ заведеній. Многіе изъ Профессоровъ Московскаго Университета, взысканные привѣтомъ и милостію Высокой Покровительницы Воспитательнаго Дома, принимали въ немъ живѣйшее участіе. Нѣкоторымъ изъ нихъ, именно А. Ѳ. Мерзлякову, Г. И. Фишеру и И. А. Гейму, бывшему въ то время Ректоромъ Университета, порученъ былъ Императрицею постоянный надзоръ надъ ходомъ преподаванія Русской Словесности, Географіи, Политической и Естественной Исторіи. Каждый изъ нихъ, нѣсколько разъ въ продолженіе года посѣщалъ классы, и подавалъ совѣты ближайшимъ наставникамъ. Самое опредѣленіе учителей по этимъ предметамъ болѣе или менѣе зависѣло отъ нихъ. Они же, кромѣ депутатовъ отъ Университета и Медико-Хирургической Академіи, были постоянными экзаменаторами при годичныхъ испытаніяхъ. Другіе Университетскіе Профессоры были сами въ числѣ преподавателей многихъ предметовъ, и оставили по себѣ въ своихъ ученикахъ самую признательную память. Такъ И. И. Давыдовъ, уже въ то время занимавшій высокое мѣсто по своей учености, и И. М. Снегиревъ читали Латинскую Словесность, Ѳ. А. Денисовъ, М. Г. Павловъ и А. Л. Ловецкій — Физику и Естественную Исторію, Т. И. Перелоговъ—Французскій языкъ, М. Я. Маловъ—Русскій языкъ. Инспекторомъ классовъ, во время пребыванія Щуровскаго въ Домѣ, былъ сперва Профессоръ Ѳ. И. Чумаковъ, извѣстный математикъ, а потомъ Ю. П. Ульрихсъ, также Профессоръ и отличный педагогъ. Во главѣ же всей учебной части, какъ и нынѣ,

находился знаменитый вельможа, Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, постоянно дѣйствовавшій въ духѣ Великой Монархини. Въ одно время съ нимъ, главою хозяйственной части былъ также незабвенный мужъ, всегда отечески заботившійся о призрѣваемыхъ сиротахъ, Вице-Адмиралъ Алексѣй Николаевичь Саблинъ. За нимъ слѣдовали Главный Надзиратель Петръ Богдановичь Шредеръ и его Помощникъ Ив. Ѳ. Шумовъ, равно наблюдавшіе за учебною и хозяйственною частями Воспитательнаго Дома. Но главнымъ дѣятелемъ, или душою, всего воспитанія была Сама Императрица, неослабно наблюдавшая (по подносимымъ Ея Величеству еженедѣльнымъ и ежемѣсячнымъ рапортамъ) за успѣхами воспитанниковъ. Замѣтивъ какіе-либо недостатки, Она удостоивала преподавателей и Профессоровъ Своими совѣтами, или даже вызывала ихъ на собственное мнѣніе. Съ другой стороны, никогда не ускользало отъ Ея взора что-либо достойное похвалы или отличія. Въ 1817 и 1825 г. во время пребыванія въ Москвѣ Императрица въ своемъ присутствіи производила экзамены воспитанникамъ высшаго класса, переходившимъ въ Университетъ и Медико-Хирургическую Академію. Она осталась чрезвычайно довольною ихъ успѣхами и благодарила всѣхъ наставниковъ; даже самые воспитанники, наиболѣе даровитые, всѣ были Ею замѣчены*.

Въ Воспитательномъ Домѣ Щуровскій пробылъ 8 лѣтъ, и, по окончаніи курса наукъ, на счетъ Опекунскаго Совѣта поступилъ въ Университетъ, 1822 г. Сентября 18-го. Желая быть врачемъ, онъ избралъ Медицинскій Факультетъ, имѣвшій тогда знаменитыхъ Профессоровъ-практиковъ: Лодера, Мудрова, Мухина, Гильтебрандта, Альфонскаго, Ризенко и др. Занимаясь медициною, своимъ главнымъ предметомъ, онъ находилъ возможность посѣщать лекціи и другихъ факультетовъ, особенно Физико-Математическаго. Его преимущественно привлекали тутъ Естественныя науки, Физика, Химія, Бо-

* Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи, по окончаніи Университетскаго образованія, съ честію и отличіемъ служили въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, именно Андрей Авдѣевичь Кангемировъ и Петръ Михайловичь Логиновскій.

таника и Зоологія,—науки, съ которыми онъ отчасти былъ знакомъ, еще до вступленія въ Университетъ, изъ лекцій Профессора Ловецкаго, читавшаго Физику и Естественную Исторію въ Воспитательномъ Домѣ. Въ Медицинскомъ Факультетѣ Естественная Исторія также составляла особую каѳедру, которую въ то время занималъ Адъюнктъ Гольдбахъ; но, какъ вспомогательный предметъ для медиковъ, она читалась довольно кратко. Эту краткость Щуровскій дополнялъ лекціями Двигубскаго, Павлова и Максимовича. Чтенія М. Г. Павлова, только что возвратившагося изъ чужихъ краевъ, въ это время обращали на себя всеобщее вниманіе своимъ изложеніемъ, свѣжимъ, изящнымъ и чрезвычайно логическимъ.

Послѣ четырехлѣтнихъ занятій въ Университетѣ, 1826 г. Сент. 3-го, Щуровскаго удостоили по экзамену степени Лѣкаря 1-го отдѣленія, и, какъ эминенту, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими (нынѣшними Профессорами Топоровымъ и Армфельдомъ) предложили остаться до Докторскаго званія. Опекунскій Совѣтъ, съ своей стороны, исходатайствовалъ на это согласіе Государыни Императрицы.

Черезъ два года послѣ того, Щуровскій выдержалъ два экзамена, на степень Акушера и Доктора. Въ то же время опредѣленъ въ Воспитательный Домъ Преподавателемъ Физики и Естественной Исторіи, на мѣсто бывшаго своего наставника Профессора Ловецкаго (1828 г. Августа 27-го), занявшаго подобную должность въ Университетѣ по Медицинскому Факультету. Эта новая обязанность была совершенно согласна съ желаніемъ Щуровскаго, и, можно сказать, рѣшила его будущее направленіе. Въ слѣдующемъ году онъ защитилъ написанную имъ диссертацію: De Erysipelate, и окончательно утвержденъ въ Докторской степени, 1829 г. Маія 29-го.

Спустя два года послѣ этого, Щуровскаго опредѣлили младшимъ Медикомъ или Ординаторомъ при Воспитательномъ Домѣ, 1831 г. Августа 13-го, и чрезъ то доставили возможность, не развлекаясь частною практикою, еще болѣе заняться своимъ предметомъ: потому что не частная городская практика, а служба по Университету была его любимою мечтою. Впрочемъ онъ никакъ не надѣялся, чтобы эта мечта могла

осуществиться въ скоромъ времени. Но, противъ всякаго ожиданія, въ 1832 г. по случаю перемѣщенія Адъюнкта А. г. Фишера въ Физико-Математическій Факультетъ, Щуровскій занялъ его каѳедру при Медицинскомъ Факультетѣ, съ званіемъ Лектора Естественной Исторіи.

Отсюда начинается Университетское поприще Щуровскаго. Черезъ годъ послѣ занятія означенной каѳедры, его утвердили Адъюнктомъ. Спустя еще годъ, ему поручено было преподаваніе Минералогіи въ Физико-Математическомъ отдѣленіи, съ оставленіемъ при прежней должности. Такимъ образомъ кругъ его занятій опредѣлился: онъ долженъ былъ посвятить себя изученію Минералогіи, Ботаники и Зоологіи. Но изъ всѣхъ этихъ предметовъ онъ преимущественно занялся Зоологіею, и особенно Сравнительною Анатоміею, которая составляетъ основу Зоологіи, и которая въ то время иностранными учеными разработывалась съ чрезвычайною дѣятельностію, но мало была извѣстна въ Россіи. Предметъ этотъ, по сродству съ человѣческою Анатоміею, былъ особенно интересенъ для его медицинскихъ слушателей. Для нихъ Щуровскій предпринялъ было написать особое руководство Сравнительной Анатоміи, но, по случаю перемѣщенія на другую каѳедру, не могъ окончить этого сочиненія; вышла одна только часть его (*Органологія животныхъ*. 1834 г.), въ которой разобраны и проведены чрезъ всѣ классы животныхъ *органы питанія* (*пищеваренія, кровообращенія и дыханія*). Отдѣльныя статьи, писанныя Щуровскимъ по Сравнительной Анатоміи, помѣщены въ Ученыхъ Запискахъ, издававшихся при Московскомъ Университетѣ. Онъ самъ былъ членомъ редакціи этихъ Записокъ вмѣстѣ съ Профессорами Давыдовымъ, Перевощиковымъ и Шевыревымъ, и вмѣстѣ съ ними за участіе въ изданіи удостоился получить Высочайшее благоволеніе, 1834 г. Августа 6-го.

Его собственныя статьи въ Ученыхъ Запискахъ слѣдующія: 1) *О частномъ развитіи сердца птицъ и сходствѣ онаго съ общимъ развитіемъ того же органа въ цѣломъ животномъ царствѣ*. 1833 г. Августъ № II-й.—2) *О головныхъ позвонкахъ высшихъ животныхъ*. 1834 г. Февраль № VIII, Мартъ

IX-й.—3) *Устроеніе плόды* (*cloaca*) *у птицъ и теорія образованія яйца.* 1834 г. Октябрь IV-й. — 4) *Объ ископаемыхъ животныхъ и растеніяхъ въ геологическомъ отношеніи.* 1835 г. Февраль № VIII-й. — 5) *Объ участіи Физики и Химіи въ успѣхахъ Минералогіи* (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Университета, 1836 г. Іюня 9-го). 1836 г. Іюнь № XII-й.—Кромѣ означенныхъ статей, для нѣкоторыхъ №№ журнала были сообщаемы имъ различныя ученыя извѣстія по Физіологіи, Ботаникѣ и другимъ предметамъ.

Въ 1835 г. Щуровскій утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Минералогіи въ Физико-Математическомъ отдѣленіи, и уволенъ отъ преподаванія Естественной Исторіи Медикамъ. Въ томъ же году, при введеніи въ дѣйствіе новаго устава Университетовъ, его назначили для преподаванія Минералогіи и Геогнозіи въ 2-мъ отдѣленіи Философскаго Факультета. Эта новая каѳедра, до сихъ поръ несуществовавшая въ Университетѣ, потребовала со стороны Профессора большихъ усилій. Для полнаго знакомства съ Минералогіею, и особенно съ Геогнозіею, недостаточно одного кабинетнаго изученія; для этого необходимо видѣть природу лицомъ къ лицу. Университетское Начальство, вполнѣ убѣжденное въ этой истинѣ, исходатайствовало ему Высочайшее дозволеніе и средства совершить путешествіе для обозрѣнія Уральскаго хребта, весьма любопытнаго и для минералога и для геолога. Это путешествіе, продолжавшееся шесть мѣсяцевъ, доставило Профессору случай описать Уральскій хребетъ въ особомъ сочиненіи (*Уральскій хребетъ въ физико-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ.* 1841 г.).—Съ тою же цѣлію и также съ помощію Университета, совершилъ онъ еще другое, болѣе продолжительное путешествіе, на Алтай, въ 1844 году, и издалъ описаніе его особою книгою (*Геологическое путешествіе по Алтаю, съ историческими и статистическими свѣдѣніями о Колывановоскресенскихъ заводахъ.*1846 г.). Эти два путешествія познакомили Профессора со многими чрезвычайно разнообразными геологическими явленіями, и съ самымъ горнымъ дѣломъ, именно съ разработкою рудниковъ

и розсыпей, производимою у насъ, какъ извѣстно, въ самомъ огромномъ размѣрѣ.

По возвращеніи изъ перваго путешествія, Щуровскій былъ утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ, и въ тоже время перемѣщенъ на вакансію Старшаго Врача при Воспитательномъ Домѣ.

По изданіи своихъ путевыхъ записокъ, Профессоръ перешелъ къ новому труду: Университетское Начальство поручило ему привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ, и составить ему каталоги,—трудъ чрезвычайно тяжкій, но необходимый. Университетскій кабинетъ, образовавшійся въ теченіе времени изъ различныхъ коллекцій, пріобрѣтенныхъ покупкою, а болѣе пожертвованныхъ любителями науки, представлялъ весьма богатое, но чрезвычайно нестройное собраніе минераловъ. Нестройность эта еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что только нѣкоторыя изъ этихъ коллекцій имѣли каталоги, составленные прежнимъ Директоромъ музея Гр. Ив. Фишеромъ, а прочія показывались въ отчетахъ однимъ общимъ итогомъ. Къ числу послѣднихъ коллекцій относилось и отечественное собраніе минераловъ, весьма богатое и рѣдкое. Впрочемъ, составить вѣрное описаніе этому собранію и расположить его топографически, было бы весьма трудно Профессору безъ личнаго знакомства съ Ураломъ и Алтаемъ. Работа съ кабинетомъ продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду; наконецъ онъ устроенъ, описанъ и имѣетъ превосходное помѣщеніе.

Въ послѣдніе годы своей службы, въ свободное время отъ лекцій и работы по кабинету, Профессоръ написалъ: а) Нѣсколько рецензій, помѣщенныхъ въ журналѣ Москвитянинъ;— d) Изъясненіе минералогическихъ терминовъ и словъ на буквы А, Б и В для Академическаго словаря Русскаго и Славяно-Церковнаго языковъ; с (перевелъ сочиненіе Ле-Пле (Exploration des terrains carbonifères du Donetz, executée de 1837 à 1839, sous la direction de M. A. Démidoff etc.), съ своими дополненіями, составившими почти половину книги.— Въ Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій, издав. г. Фроловымъ, помѣщены три обширныя статьи Щуровскаго: 1) *О ледникахъ*. — 2) *О Русскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ*,

и особенно о Донецкомъ, въ нынѣшнемъ ихъ развитіи. — 3) *О Леопольдѣ фонъ-Бухѣ.* Въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ, издав. Обществомъ Испытателей Природы въ Москвѣ, статьи Щуровскаго: 1) *Объ ископаемомъ или каменномъ углѣ.*—2) *О Черноземѣ.* — 3) *О Коралловыхъ островахъ.* — 4) *Краткая біографія Леопольда фонъ-Буха.*

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, 1848—1849 г. Профессоръ былъ Деканомъ Физико-Математическаго отдѣленія.

Способъ преподаванія и взглядъ Профессора на науку изложены въ программѣ, которая была представлена въ 1851 г. и одобрена Высшимъ Начальствомъ.

Проходя службу по Университету и Воспитательному Дому, Профес. Щуровскій неоднократно удостоивался Высочайшихъ наградъ по представленію Начальства. Всѣ чины, до Статскаго Совѣтника включительно, онъ получилъ по Университетской службѣ, а чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и прочія награды по службѣ при Воспитательномъ Домѣ, именно: 1835 г. Апрѣля 6-го награжденъ годовымъ жалованьемъ; 1837 года Апрѣля 20-го бриллiантовымъ перстнемъ; 1839 г. Сентября 21-го вторично годовымъ жалованьемъ; 1842 г. Апрѣля 25-го получилъ въ награжденіе 183 р. 90 к. сер.; 1846 г. Февраля 3-го награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени; 1848 г. Іюня 19-го тѣмъ же орденомъ 2-й степени; 1851 г. Августа 11-го тѣмъ же орденомъ, съ Императорскою короною. Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники произведенъ 14-го Августа 1854 г. Знакъ отличія безпорочной службы за 25 лѣтъ получилъ Августа 22-го 1854 г. Женатъ въ 1832 г., и имѣетъ двухъ сыновей и дочь.

Э.

ЭВАНСЪ, Ѳома Яковлевичъ (Thomas Evans), Лекторъ Англійскаго языка и Англійской словесности, родился въ Англіи, въ 1785 году, отъ родителей благороднаго, но не богатаго состоянія. Онъ обучался въ училищахъ при соборѣ города Глочестера древнимъ языкамъ, Богословію и историческимъ наукамъ. Онъ пріѣхалъ изъ Англіи въ Россію въ

1804 или 1805 году и съ того времени былъ учителемъ Англійскаго языка въ Москвѣ. Въ 1809 г. Октября 8-го, по предложенію бывшаго Г. Попечителя Графа А. К. Разумовскаго, вступилъ въ Университетъ Лекторомъ Англійскаго языка и Англійской словесности, и занималъ эту каѳедру до 1826 года, когда, по прошенію, былъ уволенъ, а въ 1827 г. отправился въ чужіе края съ двумя молодыми Русскими дворянами весьма образованными, при которыхъ, въ домѣ ихъ родителей, три или четыре года онъ былъ наставникомъ. Эвансъ былъ средняго роста, тѣлосложеніе имѣлъ правильное, выраженіе лица умное и привлекательное. Онъ очень любилъ музыку и живопись, самъ былъ живописцемъ и музыкантомъ, игралъ превосходно на віолончели, говорилъ по-Французски какъ Французъ, по-Нѣмецки какъ Нѣмецъ и основательно выучился по-Русски. Древнія литературы, Греческая и Римская, были ему извѣстны почти также какъ его отечественная. Англія своею чудною, воздѣланною искусствомъ, растительностію, возбудила въ немъ страсть къ природѣ, и онъ дошелъ до глубокихъ свѣдѣній въ Ботаникѣ. Онъ былъ Членомъ Общества Естествоиспытателей въ Москвѣ и даже нѣсколько времени Секретаремъ его. Замѣчательные люди въ Европѣ цѣнили его знанія. Онъ былъ коротко знакомъ съ Гольдбахомъ, Робертомъ Броуномъ, Линдли, Рейхенбахомъ, Бентамомъ и велъ съ ними переписку. О его статьѣ: Notices sur les coprolites, напечатанной въ запискахъ Общества натуралистовъ, упоминаетъ Букландъ, Профессоръ Геологіи при Оксфордскомъ Университетѣ, въ своемъ сочиненіи, и Англійскій журналъ Edinburgh Review отзывается о ней съ большимъ уваженіемъ.

Эвансъ, какъ филологъ, собиралъ также матеріалы для философской Грамматики, но болѣзнь глазъ, которою онъ началъ рано страдать, помѣшала ему составить что-нибудь полное и издать въ свѣтъ.

На лекціяхъ Университетскихъ Эвансъ объяснялъ слушателямъ своимъ избранныя мѣста изъ сочиненій Попе, Мильтона, Грея, Шекспира; предлагалъ краткое обозрѣніе Исторіи Англійской словесности и упражнялъ практически. Необыкновенно пріятное произношеніе стиховъ и эстетическій

вкусъ при разборѣ писателей были отличительными чертами его преподаванія.

Послѣдніе годы жизни Эвансъ проводилъ въ одномъ Московскомъ домѣ, окруженный заботами семейной любви. Предсмертная болѣзнь его была не весьма продолжительна: тогда ни днемъ, ни ночью не покидали его соотечественники и друзья. Онъ скончался 16-го Января, 1849 года, на 64 году отъ рожденія. Похоронный обрядъ былъ совершенъ въ Англійской церкви. Церковь была полна; обрядъ одушевили искреннія слезы дружбы, память уваженія и признательности.

ЭВЕНІУСЪ, Александръ Егоровичъ, Докторъ Медицины, бывшій Профессоръ Окулистики и Десмургіи въ Московскомъ Университетѣ, нынѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Почетный Гофъ-Медикъ, Президентъ Физико-медицинскаго общества, Инспекторъ по медицинской части Московскихъ учрежденій Императрицы Маріи, Совѣщательный Членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ, Главный Докторъ Московской Градской больницы и проч., родился въ Нижнемъ Новгородѣ, 19-го Іюня 1795 года. Предки его носили фамильное имя Эвенъ, до одного изъ нихъ, Сигисмунда, бывшаго Ректоромъ Гимназіи въ Магдебургѣ, что въ Пруссіи. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ Германіи своими богословскими сочиненіями и обратилъ на себя вниманіе согражданъ великодушнымъ поступкомъ для спасенія жизни своихъ учениковъ, обреченныхъ на смерть по взятіи штурмомъ Магдебургской крѣпости знаменитымъ Австрійскимъ Генераломъ Тилли, въ тридцатилѣтнюю войну. По обычаю тогдашняго времени, современники стали прилагать къ прозванію Сигизмунда Эвена латинское окончаніе *іусъ*, и съ тѣхъ поръ оно перешло къ потомкамъ. Отецъ Александра Егоровича, Георгъ Лудвигъ Эвеніусъ, родившійся въ Берлинѣ и переселившійся въ семидесятыхъ годахъ въ Россію, посвятилъ себя изученію Фармацевтическихъ наукъ, обучался имъ въ Галле, а прибывъ въ Россію, выдержалъ экзаменъ на степень Аптекаря въ бывшей тогда Медицинской Коллегіи и былъ учредителемъ первой аптеки въ Нижнемъ Новгородѣ на свой счетъ, существующей съ тѣхъ поръ въ этой фамиліи

42

болѣе семидесяти лѣтъ и коею онъ лично управлялъ около пятидесяти. — Александръ Егоровичь первоначальное образованія свое, вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ, Егоромъ Егоровичемъ, неразлучнымъ товарищемъ по ученію, службѣ и путешествію за границею, получилъ въ домѣ родителей. Учителями его были: въ Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, Ариѳметикѣ, Исторіи и Географіи И. Ѳ. Тимьянскій и Я. В. Орловъ; послѣдній былъ потомъ Профессоромъ Исторіи въ С. Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и сдѣлался извѣстенъ сочиненіемъ: Памятникъ событій въ Церкви и Отечествѣ; въ Нѣмецкомъ языкѣ Е. К. Штанге и Г. И. Гейманъ; во Французскомъ А. И. Стадлеръ, Французскій эмигрантъ, офицеръ Гвардіи Лудовика XVI, учредившій въ Нижнемъ Новгородѣ первый Пансіонъ, коему многія изъ дѣтей жителей этого города обязаны познаніемъ Французскаго языка; въ законѣ Евангелическо-Лютеранскаго исповѣданія Пасторъ Гартманъ; въ Математикѣ пасторъ той же церкви Штейнбрехеръ. Впослѣдствіи руководителями въ изученіи Латинскаго языка и Риторики были Баккалавры Нижегородской Семинаріи Слободской и Воробьевъ, а Логики Профессоръ Философіи той же Семинаріи Прудентовъ. Въ свободные отъ занятія науками часы, Александръ Егоровичь, подъ руководствомъ отца, исподоволь пріучался къ познанію употребительнѣйшихъ въ Медицинѣ растеній и минераловъ и практически въ фармацевтической рецептурѣ. Эти предварительныя занятія облегчили ему впослѣдствіи дальнѣйшее изученіе медицинскихъ наукъ.— Въ 1811 году по экзамену принятъ своекоштнымъ студентомъ по Медицинскому отдѣленію въ Московскій Университетъ: при Попечителѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, Ректорѣ Иванѣ Андреевичѣ Геймѣ и Деканѣ Медицинскаго Факультета В. М. Рихтерѣ. Экзаменаторами его были Профессоры: М. М. Снегиревъ и Р. Ѳ. Тимковскій; въ академическій 18$\frac{11}{12}$ годъ слушалъ лекціи Профессоровъ: Метафизики, по Кизеветтеру, у А. М. Брянцева; Ботаники у Гофмана; Орнитологіи и Зоологіи у Г. И. Фишера фонъ Вальдгеймъ; Физики у П. И. Страхова; Органической Химіи у Рейса; Анатоміи у И. Е. Грузинова. На публичномъ актѣ 1812 года за сочиненіе диссертаціи на заданную отъ Физико-математическаго Факультета

тему: de palmipedis et pinnipedis, удостоился получить серебряную медаль. События 1812 года прервали учебныя занятія Александра Егоровича. Это время онъ провелъ въ Нижнемъ, въ домѣ родителей. Послѣ пожара Московскаго, истребившаго и Университетъ, медицинскіе курсы открыты были уже въ началѣ 1813 года въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-хирургической Академіи, въ которое онъ и поступилъ для продолженія наукъ, по экзамену, во второй классъ, 1-го Февр., волонтеромъ. Въ 1814 году Авг. 18-го удостоенъ былъ степени Кандидата Медицины и Хирургіи, а послѣ 4-хъ мѣсячныхъ практическихъ упражненій въ Маріинской больницѣ, подъ руководствомъ Главнаго Доктора Х. Ѳ. Оппеля, степени Лѣкаря 1-го отдѣленія, Іюля 21-го 1815 года. Въ концѣ того же года Александръ Егоровичь держалъ Докторскій экзаменъ, и едва успѣлъ окончить словесное и письменное испытанія, какъ уже опредѣленъ былъ на службу (1815 года Декабря 7-го) по военному вѣдомству, въ Тираспольскій конно-егерскій полкъ, младшимъ лѣкаремъ 2-го класса, такъ что диссертацію на тему: de Scrophularum natura et medela, могъ лишь окончить черезъ два года и утвержденъ Докторомъ Медицины въ 1818 году Іюля 6-го дня. Ученіе того времени далеко не было на той степени совершенства, на которой мы видимъ его теперь, возведеннымъ попеченіями Правительства. Недостатокъ учебныхъ руководствъ и классическихъ книгъ, уничтоженныхъ пожаромъ Московскимъ, вмѣстѣ со всѣми учебными пособіями, заключавшимися дотолѣ въ богатыхъ музеяхъ и собраніяхъ, дѣлало какъ преподаваніе наукъ, такъ и изученіе оныхъ, весьма затруднительнымъ и недостаточнымъ, и оно, за немногими исключеніями, было только теоретическое. Къ сему надобно прибавить, что Медицина во всей Европѣ вообще находилась тогда подъ владычествомъ Броунова ученія, а у насъ въ Россіи распространилась еще и съ примѣсью туманной натуральной Философіи. Сколь мало это ученіе давало опоры въ практическомъ дѣйствіи, вмѣстѣ съ многими другими врачами, испыталъ на себѣ и Александръ Егоровичь при исправленіи должности военнаго врача; что и побудило его, по минованіи трехъ лѣтъ, просить увольненія отъ службы, дабы посвятить

себя въ иностранныхъ Университетахъ и подъ руководствомъ знаменитыхъ тогдашнихъ врачей, изученію снова всѣхъ медицинскихъ наукъ, а особенно практическихъ, въ числѣ коихъ хирургическія были всегда любимѣйшими его занятіями. Съ этою цѣлію, съ Іюля 1819 по Май 1822 года, провелъ онъ время въ учебныхъ занятіяхъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Въ Берлинѣ слушалъ лекціи: Судебной Медицины и Офталміатріи у Пр. Вагнера, Патологіи, Терапіи и ученія объ умопомѣшательствахъ у Горна; общей Хирургіи, Акіургіи и ученія о сифилитическихъ болѣзняхъ съ хирургическою клиникою въ Шарите у Руста; оперативной Хирургіи съ практическими занятіями у Грефе; акушерства съ упражненіемъ въ родовспомогательномъ Институтѣ, ученія о вывихахъ и переломахъ и Десмургіи у Клуге; практическій курсъ глазныхъ операцій у Юнкена; Діагностики съ объясненіемъ Цельса и Терапевтическую Клинику у Берендса; ученіе о минеральныхъ водахъ у Озана; Психологію у Гегеля. Осенью 1820 года посѣтилъ Университеты, врачебные институты, гошпитали и мѣста минеральныхъ водъ Германіи, Швейцаріи, вдоль Рейна лежащія, и Голландіи. На семъ пути онъ познакомился съ знаменитыми врачами и учеными тогдашняго времени: въ Дрезденѣ съ Крейзихомъ, въ Галле съ Крукенбергомъ и Спренгелемъ, въ Іенѣ съ извѣстнымъ Философомъ Океномъ и Профессоромъ Медицины Кизеромъ, въ Вирцбургѣ съ Текстором и Дутрепономъ, въ Боннѣ съ Профессоромъ Филиппомъ фонъ-Вальтеромъ, въ Геттингенѣ съ Гимли, и возвратился опять въ Берлинъ. Отсюда въ 1821 году отправился чрезъ Франкфуртъ и Майнцъ въ Парижъ и до конца года занимался въ тамошнихъ гошпиталяхъ подъ руководствомъ слѣдующихъ Профессоровъ: въ Анатоміи у Манека, въ Оперативной хирургіи у Лисфранка, въ Хирургической Клиникѣ у Дюпюитрена и Ларрея; слушалъ лекціи общей Анатоміи у Бекляра, Патологіи у Бруссе, ученія о накожныхъ болѣзняхъ у Алибера. Въ началѣ 1822 г. Алекс. Егор. посѣтилъ Лондонъ, осмотрѣлъ всѣ врачебныя заведенія и гошпитали этого города и познакомился съ врачами Эсли Купперомъ, Эбернети, Серомъ Эверардомъ Гуммомъ, Броди, Лоренсомъ, Близардомъ, Чарльсъ-Беллемъ и другими. Возвратившись въ Маѣ мѣсяцѣ того же

года въ Россію, по предложенію бывшаго тогда Попечителя Московскаго Университета, Князя Андрея Петровича Оболенскаго, поступилъ на службу Университета, 1823 года Февраля 15-го, Адъюнктомъ для преподаванія Офталмологіи, и въ то же время поручено ему было преподаваніе науки о хирургическихъ повязкахъ и практическія упражненія студентовъ въ наложеніи оныхъ. Предметомъ пробной его лекціи было: De morborum oculi in sanitatem corporis vi et effectu.

Съ сего времени по Августъ 1846 года находился онъ постоянно на службѣ Московскаго Университета. Офталмологію преподавалъ по собственному руководству, въ основаніи коего было ученіе Беера, измѣненное и дополненное современными усовершенствовяніями и открытіями, а Десмургію и практическое въ оной упражненіе, для коего, по соизволенію Университетскаго Начальства, устроилъ полный Десмургическій кабинетъ, по Адольфу Рихтеру, Майору, Сетеню и другимъ хирургамъ. Въ теченіи службы Университетской, Александръ Егоровичь удостоенъ былъ въ 1828 году званія Экстраординарнаго, а въ 1836 году Ординарнаго Профессора; съ 1825 по 1828 былъ Секретаремъ, а съ 1842 по 1846 годъ Деканомъ Медицинскаго Факультета и за усердную службу, кромѣ чиновъ за выслугу лѣтъ, награжденъ былъ въ 1834 году полугодовымъ окладомъ жалованья и Орденомъ Св. Станислава 3-й степ., что нынѣ 2-й степени, Императорскою короною украшеннымъ. Къ ученымъ занятіямъ сего времени относятся его рѣчь: «De ophthalmologiae praestantia,» произнесенная въ торжественномъ собраніи Университета въ 1829 году, и *«Исторія ученія объ искривленіяхъ человѣческаго тѣла, отъ начала сего ученія до 1824 года»*, помѣщенная во врачебныхъ запискахъ Доктора Маркуса, и съ 1824 по 1840 годъ въ Abhandlungen practischer Aerzte Moskwa 's.

Съ 1846-го по 1850 г. онъ былъ Редакторомъ издававшагося обществомъ Московскихъ практическихъ врачей Московскаго Врачебнаго журнала, въ которомъ сверхъ многихъ его практическихъ наблюденій, содержатся статьи: *О влагалище - заднепроходномъ свищѣ*, *о самопроизвольной водобоязни*, *о пользѣ молока въ Скорбутѣ»* (составленная по его порученію ординаторомъ Градской больницы Петровымъ) и

др. Сіе періодическое изданіе, вначалѣ предназначенное для изданія въ свѣтъ чисто практическихъ наблюденій Московскихъ врачей, съ согласія участвовавшихъ въ изданіи, передано было имъ впослѣдствіи Профессору А. И. Полунину, которымъ и издается доселѣ въ обширнѣйшемъ, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки, объёмѣ.

Внѣ службы Университетской, Профессоръ Эвеніусъ исправлялъ многія порученія, Начальствомъ на него возлагавшіяся.

По приглашенію бывшаго Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, поступилъ членомъ въ Комитетъ, что нынѣ Совѣтъ Московской Глазной больницы, участвовалъ въ учрежденіи сего заведенія, и въ званіи консультанта, съ 1826 по 1833, раздѣлялъ занятія Директора больницы въ пользованіи больныхъ. Въ это время онъ имѣлъ возможность наблюдать и изучать различнѣйшіе роды глазныхъ болѣзней и упражняться въ глазныхъ операціяхъ, ибо больныхъ являлось въ годъ до 4000 слишкомъ человѣкъ. — За таковое содѣйствіе въ пользованіи больныхъ глазами, удостоился въ 1829 году Монаршаго благоволенія.

Въ 1830 году по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Саратовъ, членомъ въ Центральную Коммисію для прекращенія распространенія эпидемической холеры, откуда отправленъ былъ въ гг. Аткарскъ, Нижній-Новгородъ и потомъ въ Москву.

Въ 1833 году по Высочайшему соизволенію опредѣленъ въ открывщуюся въ это время въ Москвѣ Градскую Больницу Главнымъ Докторомъ, въ коей былъ учредителемъ внутренняго медицинскаго устройства и служебнаго порядка и удостоился получить, въ 1835 году, Высочайше пожалованный за усердную службу бриліантовый перстень. Завѣдывая съ тѣхъ поръ и по настоящее время Градскою больницею, Александръ Егоровичь имѣлъ неоднократно счастіе принимать Его Величество въ семъ заведеніи и удостоиваться получать личныя Государя Императора изъявленія Высочайшаго удовольствія, за находимыя: благоустройство, чистоту и порядокъ. Кромѣ исправленія должности Главнаго Доктора, за нахожденіемъ въ отпуску Гг. Почетныхъ Попечителей, много разъ исправлялъ

ихъ должность и завѣдывалъ управленіемъ больницы по всѣмъ частямъ.

Въ теченіи 21 года существованія Градской больницы, въ ней пользовано было слишкомъ 80,000 больныхъ. Слѣдующіе годы по существовавшимъ эпидеміямъ выходили числомъ больныхъ и смертностію изъ ряда обыкновенныхъ: 1834 и 1835 по свирѣпствовавшему тифу, 1839 по эпидемическому скорбуту, 1841 по эпидемическому желчному тифу (въ этомъ году, по занятіи всей больницы, устроено было при ней, въ наемномъ домѣ, особое отдѣленіе на 100 кроватей), 1845 по обыкновенному тифу; 1847, 1848 1853 и 1854-й по эпидемической холерѣ. По службѣ больницы, Главный ея Докторъ удостоился слѣдующихъ Всемилостивѣйше пожалованныхъ наградъ: въ 1839 г. Ордена Св. Станислава 3-й, что нынѣ 2-й степени, въ 1844 Св. Анны 2-й степени, а въ 1846 г. тогоже ордена и степени Императорскою короною украшеннаго.

Въ Маіѣ мѣсяцѣ 1840 года командированъ былъ, по предписанію Исправлявшаго должность Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта Нейдгарта, въ особую коммисію, подъ предсѣдательствомъ Московскаго Коменданта, для изслѣдованія причинъ малаго успѣха въ лѣченіи болѣзней въ Московскомъ Военномъ Гошпиталѣ и значительной смертности въ ономъ, замѣченной Государемъ Императоромъ, а въ 1841 году для освидѣтельствованія того же Гошпиталя и приведенія въ положительную извѣстность, до какого количества больныхъ возможно помѣстить въ зданіи онаго и до какой степени простираться можетъ надобность въ изысканіи помѣщенія добавочнаго, для пользованія нижнихъ чиновъ одержимыхъ тифозными горячками и язвами.

Бывъ избранъ еще въ 1837 году и Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденъ Почетнымъ, что нынѣ Совѣщательный, членомъ Медицинскаго Совѣта, по назначенію сего Совѣта, поступилъ членомъ въ Коммисію, по Высочайшему соизволенію составленную при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, для испытанія способовъ прививанія оспы Гг. Тиле и Бодкока, при коей находился съ 11-го Ноября 1843 по 12-е Октября 1846 г., т. е. по день закрытія оной.

Во время бывшей вторично въ Москвѣ и ея губерніи въ

1847 и 1848 годахъ эпидемической холеры, состоялъ членомъ Московскаго Губернскаго холернаго Комитета и Секретаремъ Медицинскаго его Отдѣленія, въ каковомъ званіи, завѣдывая текущими дѣлами, собралъ нужныя свѣдѣнія для разрѣшенія предложенныхъ Медицинскому отдѣленію Г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ А. А. Закревскимъ практически-ученыхъ вопросовъ о холерѣ, и составилъ по онымъ полное изложеніе фактовъ, послужившее въ основаніе сужденію Гг. членомъ Отдѣленія: о заразительности холеры и свойствѣ мѣръ, долженствующихъ быть принятыми при дальнѣйшемъ появленіи сей болѣзни въ Россіи. Изъ соображенія сихъ свѣдѣній и доставленныхъ въ отдѣленіе 65 письменныхъ мнѣній Московскихъ врачей оказалось, что 11 врачей принимали безусловную заразительность холеры, 19 условную и 35, къ коимъ принадлежитъ и Докторъ Эвеніусъ, незаразительность сей болѣзни и безполезность противъ ея распространенія карантинныхъ мѣръ. При множествѣ больныхъ, бывшихъ въ это тяжкое для Москвы время на попеченіи Александра Егоровича, и при личномъ завѣдываніи холернымъ отдѣленіемъ Градской больницы, въ коемъ въ оба эти года пользовано было до 1500 человѣкъ, исправленіе должности Секретаря отдѣленія по собиранію свѣдѣній, ихъ соображенію и изложенію фактовъ для разрѣшенія вышесказанныхъ вопросовъ, стоило ему многихъ трудовъ и усилій. Они оцѣнены были Г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ по достоинству и, по представленію Его Сіятельства, Д. Эвеніусъ удостоился получить Всемилостивѣйше пожалованное ему званіе Почетнаго Гофъ-Медика Двора Его Императорскаго Величества (1849 Апр. 3-го). Появленіе въ Россіи въ 1847 г. холеры, послѣ 17-ти-лѣтняго ея отсутствія, обратило вниманіе всѣхъ Правительствъ Европы на необходимость точнѣйшаго изученія сей пагубной болѣзни, и изысканія причинъ ея происхожденія и средствъ къ ограниченію ея распространенія. Между многими иностранными врачами, прибывшими съ подобнымъ порученіемъ отъ ихъ Правительствъ въ Россію, находились въ Москвѣ два Шведскіе врача, Доктора Греесъ и Лиліенвальшъ, которымъ, по порученію бывшаго тогда Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Князя Щербатова,

доставлены были Секретаремъ Медицинскаго отдѣленія всѣ нужныя свѣдѣнія и способы, для изученія болѣзни въ Градской больницѣ и сообщены методы пользованія. По соизволенію Государя Императора, Докторъ Эвеніусъ принялъ пожалованный ему Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ и Норвежскимъ Кавалерскій крестъ Ордена Сѣверной Звѣзды, за таковое руководство и совѣты Шведскимъ врачамъ при изученіи способа лѣченія холеры въ Россіи.

Въ 1850 году Александръ Егоровичь находился членомъ Комитета, составленнаго по предписанію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, для изслѣдованія причинъ появленія заразительнаго глазнаго воспаленія между нижними чинами Московскаго Гарнизоннаго баталіона, а въ 1852 году членомъ Комитета о лучшемъ распредѣленіи по всѣмъ Московскимъ больницамъ больныхъ изъ чернорабочаго класса людей.

Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству, Докторъ Эвеніусъ произведенъ въ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, 1850 года Апрѣля 18-го дня, и того же года Іюня 27-го дня Высочайшимъ Указомъ, Правительствующему Сенату даннымъ, назначенъ Инспекторомъ по Медицинской части въ Московскихъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, съ оставленіемъ при исправленіи должности Главнаго Доктора Градской больницы. Это новое назначеніе расширило кругъ его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умножило значительно его занятія, ибо медицинскому его надзору ввѣрены всѣ принадлежащія къ Московскимъ учрежденіямъ Императрицы Маріи воспитательныя, медицинско-учебныя, богадѣленныя и больничныя заведенія. Въ 1853 году Его Величеству Государю Императору благоугодно было въ награду усердной службы и особыхъ трудовъ по званію Медицинскаго Инспектора сихъ заведеній, Всемилостивѣйше пожаловать Эвеніуса Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степ.

По избранію Физико-Медицинскаго общества при Московскомъ Университетѣ и утвержденію Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Александръ Егоровичь съ 1848 года состоитъ Президентомъ сего общества. Сверхъ сего, общества: Высочайше утвержденное Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ

и Московское практическихъ врачей, избрали его въ Дѣйствительные, а Мюнхенское общество врачей и Германское гидропатическое въ Члены-Корреспонденты. Въ настоящее время имѣетъ знакъ отличія за XXX лѣтнюю безпорочную службу.

Эйнбродтъ, Петръ Петровичъ, Ординарный Профессоръ Анатоміи, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, родился въ Москвѣ 11-го Сентября 1802 года; отецъ его былъ Аптекаремъ. Первоначальное его воспитаніе было въ домѣ родителей, а потомъ въ Пансіонѣ Московской Гимназіи. Въ 1819 г. 18-го Сентября, поступилъ онъ въ И. М. У. въ число Студентовъ Медицинскаго Факультета. Одаренный отличными способностями, Эйнбродтъ изучалъ Медицинскіе предметы съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, настойчивостію и прилежаніемъ. Въ это время онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ учениковъ знаменитаго Европейскаго ученаго, Лейбъ-Медика и Профессора Х. И. Лодера, который преподавалъ Анатомію тѣла человѣческаго. Эйнбродтъ, постигнувъ интересъ науки, съ пламенемъ юношеской души увлекся ученіемъ своего славнаго учителя и вскорѣ сдѣлался ему извѣстнымъ; съ того времени начались исполненныя любви отношенія между учителемъ и ученикомъ. Лодеръ имѣлъ сильное вліяніе на умъ и характеръ Эйнбродта, который, не смотря на усиленное занятіе Анатоміей, не съ меньшимъ прилежаніемъ изучалъ и прочіе предметы Медицины; былъ два раза награжденъ медалями за медицинскія разсужденія: въ 1822 г. первою серебряною, а въ 1824 г. золотою. Въ 1826 г. удостоенъ былъ степени Доктора Медицины, по защищеніи анатомической диссертаціи: de nervis abdominis. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ описательную часть недоконченнаго труда, который долженъ былъ пополнить твореніе Меккеля: Tabulae nervorum thoracis et abdominis. Рисунки съ анатомическихъ препаратовъ, приготовленныхъ Эйбродтомъ, начаты были извѣстнымъ рисовальщикомъ Щеттеромъ, преждевременная смерть котораго остановила изданіе. Въ томъ же 1826 году, по предложенію Г. Попечителя Учебнаго Округа, Эйнбродтъ опредѣленъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Анатоміи и

постоянно съ этого времени раздѣлялъ занятія съ своимъ наставникомъ Лодеромъ, и, кромѣ лекцій, читанныхъ имъ на Латинскомъ языкѣ, руководствовалъ Студентовъ въ практическихъ упражненіяхъ на трупахъ. Въ 1828 году поступилъ на штабъ-лѣкарскую вакансію въ Императорскій Воспитательный Домъ; здѣсь Эйнбродтъ, съ самоотверженіемъ, и днемъ и ночью, помогалъ страдавшимъ холерою въ 1830 и 1831 г., за что въ 1832 г., 21-го Апрѣля, награжденъ былъ Орденомъ Св. Анны 3-й степени; въ 1829 произведенъ былъ Экстраодинарнымъ Профессоромъ, а по смерти Лодера, въ 1832 г. заступилъ его мѣсто въ Университетѣ. Въ 1833 г. онъ былъ награжденъ Высочайшимъ подаркомъ и назначенъ членомъ въ Комитетъ редакціи Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета, въ изданіи которыхъ принималъ живое участіе и помѣщалъ въ нихъ своевременно новѣйшія открытія по части Анатоміи, за что удостоенъ Монаршаго благоволенія. Въ 1834 г. наименованъ членомъ Комитета снабженія Университета учебными пособіями. Въ 1835 г. 31-го Декабря утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ, а въ 1837 г. имѣлъ счастіе читать курсъ Анатоміи для Государя Наслѣдника Цесаревича, за что и пожалованъ былъ отъ Его Императорскаго Высочества брилліантовымъ перстнемъ въ 1837 г. 6-го Декабря. Въ 1839 г. 22 Декабря Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ.

Эйнбродтъ, съ самаго вступленія на врачебное поприще, избранъ былъ въ члены Обществъ: Императорскаго Испытателей Природы и Физико-Медицинскаго при Университетѣ, въ запискахъ коихъ помѣщалъ многія любопытныя статьи. Какъ Профессоръ, онъ отличался въ преподаваніи Анатоміи ясностію, полнотою и строгою точностію при изложеніи предмета: эти качества наслѣдовалъ онъ отъ своего знаменитаго учителя. Въ Лодерѣ Эйнбродтъ потерялъ не только любимаго наставника, но и благодѣтеля, и чувства признательности къ нему онъ выразилъ въ рѣчи, имъ произнесенной въ Анатомическомъ Театрѣ, 18-го Апрѣля 1832 г. Его стараніями, на сумму, собранную подпискою между членами Университета и многими извѣстными лицами Столицы, Лодеру былъ воздвигнутъ

мраморный бюстъ, хранящійся теперь въ Анатомическомъ Кабинетѣ Университета. Эйнбродтъ, какъ самый попечительный врачь, замѣтилъ, что между благотворительными заведеніями столицы недоставало особой больницы для дѣтей. Сердоболіе внушило ему счастливую мысль ходатайствавать объ устройствѣ въ Москвѣ подобнаго заведенія. Поданный имъ проэктъ, по представленію Начальства Воспитательнаго Дома, удостоился Высочайшаго утвержденія, и Эйнбродту поручено было исполненіе этого дѣла. Съ свойственною ему заботливостію онъ принялся за осуществленіе своего плана, но застигнутъ былъ болѣзнію, которая преждевременно низвела его въ могилу.

Жизнь Эйнбродта, какъ Профессора и врача, была украшена высокими качествами души: она носила на себѣ печать дѣятельности, усердія и любви къ ближнему. Наслѣдовавъ отъ родителей скромныя добродѣтели, постоянство въ трудахъ и строгую нравственность, онъ перенесъ въ собственный свой кругъ и общественную жизнь сіи правила, слѣдствіемъ которыхъ были: порядокъ въ дѣлахъ, попеченіе о своемъ семействѣ, всегдашнее радушіе и правота въ кругу его общественной дѣятельности. Эйнбродтъ такимъ образомъ пріобрѣлъ право на уваженіе многихъ, и въ 1835 году прихожане Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ избрали его Старшиною и Вице-Президентомъ Церковнаго и Училищнаго Совѣтовъ. Вспомоществуемый Президентомъ и прочими членами, онъ до конца жизни рачительно исполнялъ возложенныя на него обязанности, въ отношеніи къ управленію дѣлами совѣта, благосостоянію церкви, призрѣнію бѣдныхъ и устройству училищъ.

Природа одарила Эйнбродта крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, и онъ почти всегда пользовался хорошимъ здоровьемъ; но въ началѣ Февраля 1840 г. онъ получилъ легкое простудное воспаленіе глазъ; за тѣмъ обнаружился ревматизмъ въ правой ногѣ; 25 числа боль въ ногѣ усилилась, а 27-го внезапно перенеслась на внутренности живота. Вскорѣ образовались воспаленіе грудобрюшной преграды, и потомъ околосердія и

наконецъ самаго сердца. Послѣдніе пять дней онъ провелъ въ страданіяхъ, чувствуя безпрерывно затрудненное дыханіе, мучительную боль въ груди, тоску и томительный жаръ, но сохранилъ память до конца жизни. Въ 5 часовъ утра, 4-го Марта 1840 года, Эйнбродтъ скончался на 38 г. отъ рожденія, оставивъ жену и пятерыхъ малолѣтныхъ дѣтей.

ЭРАЗМУСЪ, Іоганнъ Фридрихъ, Ординарный Профессоръ Анатоміи и Хирургіи, Докторъ Медицины, изъ Страсбурга, получилъ эту степень въ тамошней Академіи, защитивъ диссертацію: De partu difficili ex capite infantis praevio. Argent. 1747. Въ Москву онъ былъ присланъ отъ С. Петербургской Медицинской Коллегіи для исправленія должности городоваго акушера и завѣдыванія бабичьею или повивальною школою, которая была вновь учреждена. Въ теченіи 20 лѣтъ онъ занимался повивальнымъ искусствомъ при этой школѣ. Такія занятія подали ему поводъ написать нѣсколько сочиненій по своему предмету: 1) *Наставленіе, какъ женщинамъ въ беременности, въ родахъ и послѣ родовъ себя содержать надлежитъ.* М. 1762. — 2) In Actis physico-medicis Academiae Caesareae Naturae Curiosorum volumine XIV *partus praeternaturalis, ob manum praeviam, congrua versione absolutus.* Ibid. pag. 33. Эразмусъ былъ Членомъ этой Академіи подъ именемъ Алкмеона III. Въ актахъ ея онъ описалъ многіе достопамятные случаи при трудныхъ родахъ въ Московской своей практикѣ. Къ числу такихъ описаній принадлежитъ напечатанное здѣсь о трудныхъ родахъ, бывшихъ въ Москвѣ 16-го Августа 1758 г. — 3) *Partus gemellorum, quorum prior facillime, alter in situ praeternaturali vi dolorum tamen exclusus est.* Ibid. vol. XIV, p. 34.—4) *Partus forcipe terminatus.* Ibid. vol. XIV, p. 35.

Въ 1764 году, желая распространить преподаваніе наукъ въ Медицинскомъ Факультетѣ, Кураторъ Ададуровъ пригласилъ Эразмуса занять каѳедру Анатоміи и Хирургіи въ Московскомъ Университетѣ, и, съ разрѣшенія Медицинской Коллегіи, Эразмусъ ее занялъ. Тогда же онъ озаботился на-

печатать въ типографіи Университета Латинскій переводъ Шааршмидтовыхъ анатомическихъ таблицъ, и устроилъ первый анатомическій театръ при Университетѣ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ на актахъ, изъ протоколовъ Конференціи, мы можемъ видѣть, съ какими препятствіями и трудностями онъ долженъ былъ бороться для водворенія своей науки въ Университетѣ. Ему по мѣсяцамъ не доставляли труповъ изъ Полиціи, хотя Анатомія практически читалась только зимою. Иногда оставался всего одинъ Студентъ въ Медицинскомъ Факультетѣ, и потому не могло быть между Студентами диспутовъ. Въ рѣчахъ своихъ онъ долженъ былъ защищать свою науку противъ обвиненій въ безбожіи, противъ униженія ея до живодернаго ремесла. Въ теченіи своего Университетскаго поприща онъ издалъ: 1) Oratio in Universitate, d. 30 Iunii 1765 habita *de molestiis studis anatomici*, *deliciis maximaque illius utilitate longe superandis.* Рѣчь переведена была тогда же по-Русски и напечатана подъ заглавіемъ: *о противностяхъ Анатомическаго ученія, увеселеніемъ и великою онаго пользою несравненно превышаемыхъ.* М. 1765. — 2) *De statu Medicinae hodierno in Russia, comparata ad legem Hippocratis*, oratio, habita die natali Catharinae II in Universitate Mosquensi die 22 Aprilis 1768. Переведено по-Русски подъ заглавіемъ: *О нынѣшнемъ состояніи Врачебной науки, сравнивая оное съ закономъ Иппократовымъ*, Апрѣля 22-го дня 1768. — 3) *Schaarschmidt tabulae anatomicae, in usum praelectionum anatomicarum latine redditae.* Mosquae. 1767. in 8.

Въ 1768 году Эразмусъ оставилъ каѳедру Университета, уступивъ ее Русскому Профессору, Зыбелину, который тогда возвратился изъ чужихъ краевъ, докончивъ тамъ свое образованіе.

Я.

ЯКУБОВИЧЪ, Максимиліанъ Юльевичъ, Статскій Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ Римской словесности и древностей, родился, какъ видно изъ послужныхъ списковъ, въ 1784 году отъ родителей дворянскаго сословія. Образованіе

получилъ въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ преподавалъ тогда филологію знаменитый Гроддекъ. По полученіи степени Магистра Философіи 1811 г. Сент. 1 опредѣленъ учителемъ Латинскаго языка въ Луцкое уѣздное училище, въ 1812 г. переведенъ въ Светевиское уѣздное училище, бывшее въ мѣстечкѣ Поставы; а въ 1813 г. въ Гродненскую Гимназію въ Свислочѣ для преподаванія Греческаго, Польскаго и Латинскаго языковъ. Въ Сентябрѣ 1818 г. вызванъ въ должность учителя Латинскаго языка и древней литературы въ Варшавскій Лицей, но опустя годъ уволенъ отъ сей должности и перемѣщенъ учителемъ Латинской Словесности въ Гродненскую Гимназію. За ревностное исполненіе этой должности Правленіемъ Университета 1824 г. Сент. 1-го опредѣленъ учителемъ Латинской Словесности въ Волынскій Лицей. Здѣсь Максимиліанъ Юльевичь издалъ *Грамматику Польскаго языка*, которая была принята въ число учебныхъ руководствъ для заведеній края, а вскорѣ потомъ *Латинскую Грамматику* и разсужденіе: *объ образѣ изученія языковъ*. По представленію Попечителя Кіевскаго учебнаго Округа, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 1834 г. Янв. 31-го утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Римской Словесности и древностей въ Университетѣ Св. Владиміра, и Г. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго Округа Мая 19-го того же года назначенъ на два года членомъ училищнаго Комитета. При торжественномъ открытіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ Іюля 15-го того же 1834 г. М. Ю. произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: de pulchro Platonico. — Въ 1835 г. Іюня 4-го по прошенію уволенъ отъ должности члена училищнаго Комитета; 1835 г. Апрѣля 12-го, по удостоенію Комитета Гг. Министровъ, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3 степени. Совѣтомъ Университета Св. Владиміра избранъ въ Деканы 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета на одинъ годъ; въ сей должности Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ 1836 г. Іюня 4-го. За отлично-усердную и ревностную службу, начальствомъ засвидѣтельствованную, Всемилостивѣйше пожалованъ 1837 г. Іюня 11-го Орденомъ Св. Владиміра 4 степени. За выслугу по учебной

части 25 лѣтъ награжденъ пожизненною пенсіею полнаго оклада жалованья по званію Ординарнаго Профессора и оставленъ на службѣ въ сей должности еще на пять лѣтъ, считая съ 1837 года, Сентября 1-го; состоялъ членомъ Комитета для экзамена лицъ, желавшихъ поступить въ Университетъ Св. Владиміра въ 1837 г., и за строгій и разборчивый пріемъ Студентовъ, точное и *неослабное соблюде*ніе изданныхъ на сей предметъ правилъ, *въ числѣ* прочихъ *членовъ*, объявлена ему 1837 г. *Сентября* 1-го Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа *благодарность*. Въ теченіе $183\frac{4}{5}$, $183\frac{5}{6}$, $183\frac{6}{7}$ Академическихъ годовъ сверхъ своего предмета Профессоръ *Якубовичь* преподавалъ въ Университетѣ Св. Владиміра Греческій языкъ и Словесность и состоялъ членомъ Комитета для составленія вопросовъ испытанія по всѣмъ учебнымъ предметамъ въ Гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Кіевскаго Округа. Въ Сентябрѣ 1837 г. по порученію Г. Попечителя Кіевскаго учебнаго Округа осматривалъ состояніе Латинскаго языка въ 1-й и 2-й Гимназіяхъ, за что получилъ отъ Попечителя оффиціальное изъявленіе благодарности.

По предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія 1839 г. Апрѣля 28-го М. Ю. былъ перемѣщенъ въ Императорскій Московскій Университетъ. Здѣсь онъ преподавалъ на 1-мъ курсѣ 1-го Отдѣленія Философскаго факультета Латинскій языкъ, и на 3 и 4 курсахъ того же Отдѣленія Исторію Римской литературы и Римскія древности, на Латинскомъ языкѣ, по конспекту, который былъ заблаговременно выдаваемъ слушателямъ и дополняемъ на лекціяхъ. Въ Іюнѣ 1841 г. онъ говорилъ на Университетскомъ актѣ рѣчь: de virtute romana ejusque causis. Уволенный въ 1842 году за выслугою пятилѣтняго срока, престарѣлый Профессоръ отправился сначала въ Вильну, потомъ въ Кіевъ, а оттуда въ Кременецъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Житомирѣ, гдѣ скончался въ Апрѣлѣ 1853 г. Есть извѣстіе, что подъ конецъ жизни онъ наполнялъ свой досугъ занятіями Нравственною Философіей и даже приготовилъ сочиненіе по се[illegible]мету на Польскомъ языкѣ.

Ѳ.

ѲЕДОРОВЪ, Илья, преподаватель Ариѳметики, Баккалавръ и Коллежскій Секретарь, показанъ въ 1759 году произведеннымъ въ Студенты, изъ казеннокоштныхъ разночинцевъ; въ 1761 году удостоенъ золотой медали; былъ Баккалавромъ Философіи; сочинилъ *«Математическія наставленія»* и перевелъ *«Универсальную Гейнекціеву Философію»*, напечатанную въ Москвѣ въ 1767 г. Значится, по существующимъ каталогамъ лекцій, преподавателемъ въ 176$\frac{4}{5}$, 176$\frac{5}{6}$ и 176$\frac{6}{7}$ годахъ Ариѳметики по Вейдлеру. Умеръ въ С. Петербургѣ, въ 1770 году. Университетъ нуждался иногда въ скромныхъ преподавателяхъ предметовъ общихъ для того, чтобы приносить пользу тѣмъ Студентамъ, которые были слишкомъ слабы въ началахъ математическихъ или юридическихъ. Такъ еще кстати припомнимъ здѣсь же Коллежскаго Регистратора Ивана Аничкова, который по каталогамъ лекцій за 178$\frac{3}{4}$ и 178$\frac{4}{5}$ годы показанъ предлагавшимъ практическое наставленіе въ Россійскомъ законовѣдѣніи.

ПОГРѢШНОСТИ

ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ СЛОВАРЯ.

Стран.	*строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
362	10 сн.	Иванъ Акимовичъ	Иванъ Юрьевичь
367	21 св.	двумъ сыновьямъ: Якову, уже въ службѣ, и Ивану	тремъ сыновьямъ: Якову, уже въ службѣ, Ивану и Лаврентію

